

ЛѢТОШИСИ

НЕ КОПИРОВАТЬ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРЕВНОСТИ.

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ V.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

Дозволено ценсурой. Москва. Октября 24 дня, 1863 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

І. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

страниц.

Сравнительная мѣологія *Макса Мюллера*. Переводъ съ англійскаго *И. М. Живаго* 3

ІІ. МАТЕРІАЛЫ.

Новыя свѣдѣнія о *Н. И. Новиковѣ* и членахъ Компаніи типографической. Сообщены *Д. И. Иловайскимъ*. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова* 3

Записка *И. Г. Шварца* объ отношеніяхъ къ нему *И. И. Меллисино* 96

Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ *Саввы Романова*. 111

Плачь городецкихъ раскольниковъ при постройкѣ единовѣрческой церкви. Сообщено *А. С. Павловымъ* 149

Обличеніе на *Никона патріарха*, написанное для царя *Алексѣя Михайловича*. 153

ІІІ. СМѢСЬ.

Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. Сообщены *Е. П. Побыдоносцевымъ* 3

Элегія *Феофана Прокоповича* и отвѣтъ на нее *А. Д. Кантемира*. 37

Раскольничья сатира прошлаго вѣка 42

Извѣстіе о профессорѣ *Мельманѣ*. Сообщено *Д. И. Иловайскимъ* 44

Два стихотворенія *Марина*. Сообщены *А. Н. Аванасьевымъ*. 45

Опись бібліотеки іеромонаха *Евѣимія*. Сообщена *А. Е. Викторовымъ* 50

Опись библиотек графа Андрея Артамоновича Матвѣева и графини Матвѣевой	57
Духовные стихи раскольниковъ. Сообщены <i>А. С. Павловымъ</i> .	80
Для опредѣленія иностранныхъ источниковъ повѣсти о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ <i>Θ. И. Буслаева</i>	84
Повѣсти о мудрыхъ женахъ. Сообщены <i>А. Н. Аванасьевымъ</i> .	86
Повѣсть о скверномъ бѣсѣ. Сообщена <i>А. С. Павловымъ</i>	89
✓ Пять древнерусскихъ поученій.	90
Путешествіе инока Михаила во св. мѣста. Сообщено <i>А. С. Павловымъ</i>	103
✓ Заговоръ отъ укушенія змѣи. Сообщенъ <i>П. Ш. Барсовымъ</i> .	105
Два раскольничьи стиха. Сообщены <i>Н. И. С-нымъ</i>	106
✓ Нѣсколько народныхъ заговоровъ.	111
О напастованіи протопопа Аввакума.	113
О заточеніи діакона Θεодора	117
Замѣтка для біографіи Сильвестра Медвѣдева. <i>И. Е. Забьлина</i>	120
Къ матеріаламъ для исторіи Стоглава и его времени. <i>Н. И. С-на</i>	126
Замѣтка для исторіи Стоглава. <i>Н. С. Тихонравова</i>	137
Слово о злыхъ женахъ	145

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

圖書集成醫部全錄

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ.

МАКСА МЮЛЛЕРА.

(Из *Oxford Essays*, 1856.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Н. М. ЖИВАГО.

Федръ. Видишь ли ты этотъ высокій платанъ?

Сократъ. А что?

Федръ. Подъ нимъ есть и тѣнь съ умѣренной прохладой, есть и трава, чтобы сѣсть или прилечь, если захотимъ.

Сократъ. Такъ веди туда.

Федръ. Скажи, Сократъ, не здѣсь ли гдѣ-то, на берегахъ Илисса, Оритія, какъ говорятъ, была похищена Бореемъ?

Сократъ. Да, говорятъ.

Федръ. Не съ этого ли именно мѣста? здѣсь, кажется, воды такъ чисты и прозрачны, и все такъ удобно для дѣвичьихъ игръ.

Сократъ. Нѣтъ, на двѣ или на три стадіи ниже, тамъ, гдѣ переходъ къ храму Агры; тамъ еще гдѣ-то есть и жертвенникъ Борею.

Федръ. Я этого не зналъ; но скажи, Сократъ, ради Зевса, вѣришь ли ты въ истину этого сказанія?

Сократъ. Неудивительно было бы, если бы и я, заодно со всѣми мудрыми людьми, сталъ отвергать это сказаніе; тогда бы и я сталъ мудрствовать и говорить, что Оритію унесло порывомъ сѣвернаго вѣтра съ одной изъ близъ лежащихъ скалъ, гдѣ она играла съ своей подругой Фармакеей; а потомъ, когда она такимъ образомъ погибла, стали говорить, что она была похищена Бореемъ отсюда или съ холма Ареса: потому что существуетъ еще другое сказаніе, будто похищеніе совершилось съ того холма, а не отсюда. Но, Федръ, хотя я и признаю всю заманчивость подобныхъ объясненій, я думаю однако, что они требуютъ человѣка съ особенной энергіей мысли и

способностью къ усиленному труду, и притомъ едва ли участь такого человѣка была бы завидна, потому уже, что, покончивъ съ этимъ мѣомъ, онъ бы долженъ былъ тѣмъ же самымъ путемъ возстановлять первоначальный смыслъ Иппокентавровъ, потомъ Химеры, а тамъ нахлынетъ цѣлый сонмъ всѣхъ этихъ Горгонъ, Пегасовъ и другихъ необъяснимыхъ и по большей части нелѣпо-баснословныхъ существъ. Много нужно досуга тому, кто, не вѣря въ дѣйствительное бытіе всѣхъ этихъ существъ, захотѣлъ бы путемъ не очень тонкихъ умствованій, принскать для каждаго изъ нихъ правдоподобное объясненіе. Что до меня касается, то у меня совсѣмъ нѣтъ на это времени, по той причинѣ, другъ мой, что до сихъ поръ я не успѣлъ еще, по изреченію дельфійскаго оракула, узнать самого себя: вотъ почему, мнѣ кажется, было бы странно, еслибы, не узнавъ сперва этого, я взялся за другое, постороннее. Потому, устраняя отъ себя всѣ такіе вопросы, я слѣдую на этотъ счетъ общепринятымъ вѣрованіямъ, а самъ, какъ сейчасъ сказалъ, размышляю не объ этомъ, а о самомъ себѣ: что я такое? звѣрь ли какой, быть можетъ, сложивъ и неукротимѣе самаго Тисона? или же существо болѣе кроткое и простое, которому природа назначила благодный и скромный удѣлъ? Но, другъ, не это ли то самое дерево, къ которому лежалъ нашъ путь?

Федръ. То самое.

Это мѣсто изъ вступленія къ *Федру* Платона было не разъ приводимо для того, чтобы показать, какъ мудрѣйшій изъ Грековъ думалъ о рационалистахъ своей эпохи. Въ то время въ Аѣнахъ, какъ вездѣ и во всѣ времена, были люди, которые, утративъ вѣру въ чудесное и сверхъестественное, не имѣли достаточно нравственнаго мужества, чтобы безусловно отрицать то, вѣрить чему они не могли себя заставить, и потому старались найти объясненіе, которымъ бы легенды, дошедшія по преданію и освященные религіозными обрядами и авторитетомъ закона, примирялись съ требованіями разума и съ законами природы. Что Сократъ, хотя и самъ приговоренный къ смерти за невѣріе, имѣлъ не очень высокое мнѣніе о такихъ мыслителяхъ, что онъ считалъ ихъ объясненія нелѣпыми и невѣроятными болѣе самыхъ невѣроятныхъ вымысловъ греческой мѣологии, и даже въ извѣстную пору своей жизни смотрѣлъ на эти попытки истолкованія мѣоовъ, какъ на профанацію святыни — это ясно какъ изъ приведеннаго отрывка, такъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ, встрѣчающихся у Ксенофонта и у самого Платона. Но когда Гротъ въ своей классической „Исторіи Греціи“ пользуется этимъ мѣстомъ и другими сходнаго содержа-

нія, какъ бы для того, чтобы приравнять Сократа къ историкамъ и критикамъ нашего времени, когда онъ свидѣтельствомъ Сократа хочетъ доказать всю бесполезность „доискиваться въ мифахъ греческаго міра небывалой въ нихъ реальной, истинной основы;“ то нѣтъ сомнѣнія, что знаменитый историкъ хочетъ видѣть въ словахъ греческаго философа болѣе того, что въ нихъ дѣйствительно заключается. Цѣль, которую мы имѣемъ при изученіи мифовъ какъ Грековъ, такъ и всякаго другаго народа древняго міра, такъ далека отъ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Сократъ, что едва ли сказанное имъ въ укоръ современнымъ ему афинскимъ рационалистамъ можетъ быть примѣнено къ намъ. Напротивъ, мы думаемъ, можно доказать, что съ нашей точки зрѣнія изученіе мифовъ составляетъ часть той самой задачи, въ разрѣшеніи которой Сократъ полагалъ единственную достойную цѣль философіи. Ибо что въ настоящее время заставляеть насъ задавать себѣ вопросъ о происхожденіи греческихъ мифовъ? Зачѣмъ люди изучаютъ древнюю исторію, мертвые языки, зачѣмъ разбираютъ загадочныя надписи? Что заставляеть ученыхъ интересоваться литературными памятниками не только Греціи и Рима, но и древней Индіи, Персіи, Египта и Вавилона? Отчего младенческія и часто весьма неизящныя преданія дикихъ племенъ привлекаютъ вниманіе ученаго и занимаютъ его мысль? Развѣ мало было говорено, что въ одномъ номерѣ Теймса болѣе мудрости, чѣмъ въ цѣломъ Фукидидѣ? Развѣ романы Вальтеръ-Скотта не занимательнѣе Аполлодора? И сочиненія Бэкона не поучительнѣе ли космогоніи индійскихъ Пуранъ? Что же даетъ жизнь изученію древняго міра? Что же въ нашъ дѣловой, практическій вѣкъ заставляеть людей жертвовать своимъ досугомъ для занятій, которыя, повидимому, такъ непривлекательны и бесполезны,—что иное, какъ не убѣжденіе, что, еслимы, по совѣту дельфійскаго оракула, хотимъ узнать, что такое человѣкъ *есть*, мы должны напередъ узнать, *чѣмъ онъ былъ*? Отъ такого воззрѣнія Сократъ былъ такъ же далекъ, какъ и отъ всѣхъ началъ индуктивной философіи, съ помощію которыхъ люди подобные Колумбу, Леонардо-да-Винчи, Копернику, Кеплеру, Бэкону и Галилею, возродили и утвердили умственную жизнь новой Европы. Соглашаясь вмѣстѣ съ Сократомъ, что главная цѣль философіи есть самопознаніе, мы едва ли можемъ признать средства, предлагаемыя Сократомъ для достиженія этого познанія, вполне соответствующими столь возвышенной цѣли. Сократъ видѣлъ въ человѣкѣ по преимуществу инди-

видуумъ, человѣческую душу саму по себѣ (an sich), не принимая въ соображеніе того, что каждый человѣкъ есть отдѣльное проявленіе одной общей силы, или, какъ бы выразился Сократъ, единой идеи, которая осуществляется въ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ душъ. Сократъ пытается разгадать тайну человѣческой природы, постоянно углубляясь въ собственный духъ, наблюдая таинственныя движенія души, анализируя познавательныя способности; стараясь опредѣлить точныя границы, въ которыхъ совершается дѣятельность каждой изъ нихъ: такимъ путемъ окончательный выводъ, къ которому философія приводила Сократа, былъ тотъ, что онъ знаетъ только, что ничего не знаетъ. Для насъ человѣкъ уже не есть болѣе это изолированное, законченное и находящее удовлетвореніе въ самомъ себѣ существо; для насъ человѣкъ — братъ въ семьѣ братьевъ, членъ цѣлой расы и потому можетъ быть постигнутъ только въ совокупности всѣхъ ему подобныхъ. Для древнихъ самая земля наша была загадкой, потому что они видѣли въ ней нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто, не имѣющее ничего подобнаго себѣ во всемъ мірозданіи; но эта самая земля получила настоящее и новое значеніе, какъ скоро человѣкъ научился видѣть въ ней одну изъ множества планетъ, которыя всѣ управляются общими законами и обращаются вокругъ одного общаго центра. То же самое и относительно духовной природы человѣка: она представляется намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ сознавать и чувствовать себя членомъ единой великой семьи — какъ бы одну изъ мириадъ подвижныхъ звѣздъ, которыя всѣ повинуются однимъ общимъ законамъ, обращаются вокругъ одного общаго центра и заимствуютъ свѣтъ изъ одного общаго источника. Всемирная или, какъ ее обыкновенно называютъ, „всеобщая“ исторія проложила новые пути для мысли, обогативъ нашу рѣчь новымъ словомъ, котораго не произносили уста Сократа, Платона и Аристотеля. Это слово: *человѣчество*. Гдѣ Грекъ видѣлъ варваровъ, мы видимъ братьевъ; гдѣ Грекъ видѣлъ героевъ и полубоговъ, мы видимъ родичей и предковъ; гдѣ Грекъ видѣлъ отдѣльныя народности (*ἔθνη*), тамъ мы видимъ одно *человѣчество*, которое живетъ, борется и страдаетъ, разлученное океанами, раздѣленное языкомъ и народными распрямами, но тѣмъ не менѣе неуклонно, подѣ Божественнымъ верховодствомъ, стремящееся къ осуществленію тѣхъ неисповѣ-

димыхъ цѣлей, для которыхъ созданъ міръ и среди его поставленъ человѣкъ, носящій на себѣ образъ и подобіе божіе. Потому-то великая книга исторіи, съ ея листами, покрытыми пылью и плесенью вѣковъ, священна для насъ такъ же, какъ и книга природы. Мы читаемъ или по крайней мѣрѣ пытаемся читать въ ней отраженіе вѣчныхъ законовъ. Какъ въ природѣ мы не признаемъ уже дѣйствія демоническихъ силъ или присутствія злаго начала, такъ и въ исторіи мы отвергаемъ безсмысленное стеченіе случайностей или произволь нѣмага рока. Мы убѣждены, что въ исторіи и въ природѣ нѣтъ ничего неразумнаго и что въ обѣихъ человѣкъ призванъ познавать и чтить проявленія Божественной Силы. Вотъ почему самыя ветхія и поблеклыя страницы преданій такъ дороги намъ, быть можетъ, дороже наиболѣе обильныхъ содержаніемъ главъ въ исторіи новаго времени. Исторія этихъ отдаленныхъ вѣковъ и людей, столь чуждыхъ, по видимому, нашимъ современнымъ интересамъ, получаетъ высокую прелесть при мысли, что она открываетъ намъ исторію нашего собственнаго рода, нашей родной семьи, скажемъ болѣе — исторію насъ самихъ. Такъ иной разъ, — когда намъ случится, заглянувъ въ ящикъ письменнаго стола, который мы не открывали въ теченіи многихъ лѣтъ, перечитать письма, которыхъ мы въ теченіи многихъ лѣтъ не брали въ руки, — мы начинаемъ читать равнодушно, и хотя узнаемъ свой собственный почеркъ, хотя и встрѣчаемъ имена, когда-то близкія нашему сердцу; однако трудно вѣрится намъ, что мы писали эти строки, мы чувствовали эти страданія, мы раздѣляли эти радости..... Но вотъ мало по малу прошедшее какъ будто придвигается къ намъ, мы сами какъ будто идемъ на встрѣчу этому прошедшему, сердце наше начинаетъ согрѣваться, и мы снова переживаемъ то, что чувствовали когда-то, давно, и вѣримъ, что эти письма дѣйствительно наши. Нѣчто подобное испытывается нами при чтеніи древней исторіи: сперва она кажется намъ какъ будто чуждой и странной; но чѣмъ пристальнѣе мы вчитываемся, тѣмъ болѣе увлекаемся, и исторія этихъ древнихъ, такъ давно отжившихъ поколѣній становится какъ бы исторіею нашего собственнаго прошедшаго — ихъ страданія нашими страданіями, ихъ радости нашими радостями. Безъ этого сочувствія къ прошедшему исторія — мертвая буква, и не жаль

было бы сжечь и забыть ея лѣтописи; но, оживленная этимъ чувствомъ симпатіи, исторія становится дорога не только для археолога, но и для всякаго живаго человѣка. Мы видимъ себя на сценѣ, на которой до нашего появленія уже сошло нѣсколько дѣйствій, и на которой мы въ свою очередь призваны играть. Чтобы узнать эту доставшуюся на нашу долю роль, мы должны предварительно познакомиться съ тѣми, кого намъ суждено замѣнить на сценѣ исторіи. Мы видимъ, что *одна* общая идея должна проходить чрезъ всю великую драму человѣчества. Потому естественно оглянуться назадъ, на тѣ явленія, на которыя уже опустилась завѣса прошедшаго. Тутъ приходитъ на помощь историческая наука и вручаетъ намъ путеводную нить, соединяющую прошедшее съ настоящимъ. Многія явленія прошедшаго исчезли невозвратно, и самыя любопытныя изъ нихъ, тѣ, которыми открывається младенчество человѣческаго рода, извѣстны намъ только въ скудныхъ обломкахъ. Вотъ почему, когда археологу удастся открыть какой-нибудь новый останокъ этой отдаленной поры, онъ хватается за него съ жадностью біографа, которому нечаянно попались въ руки клочки, исписанные его героемъ еще въ дѣтствѣ — когда онъ былъ еще вполне самимъ собою, когда жизнь еще не успѣла наложить на его челѣ свою тѣнь. Вотъ отчего каждое слово, каждая строка, на какомъ бы ни было языкѣ, такъ дороги намъ, если онѣ носятъ отпечатокъ раннихъ дней человѣчества. Вотъ отчего мы такъ тщательно собираемъ въ нашихъ музеяхъ безыскусственные игрушки, занимавшія младенчество нашего героя, стараясь въ ихъ колоссальныхъ чертахъ угадать тѣ думы, символомъ которыхъ онѣ нѣкогда служили. Многое до сихъ поръ остается необъясненнымъ и гіероглифическій языкъ древности только вполнину выдаетъ первоначальныя безсознательныя стремленія человѣческаго духа. Не смотря на то, подъ какимъ то небомъ мы ни встрѣчали человѣка, мы убѣждаемся болѣе и болѣе, что искони его нравственный образъ былъ благороденъ и свѣтелъ; самыя его ошибки и сновидѣнія получаютъ смыслъ въ нашихъ глазахъ. На всемъ пространствѣ, на какомъ мы можемъ прослѣдить путь человѣчества въ глубину прошедшаго, даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ исторіи, мы видимъ, что божественный лучъ разума былъ искони присущъ человѣку,

и въ настоящее время невозможна болѣе мысль, что человѣчество, для того, чтобы достигнуть своей настоящей высоты, должно было медленно и постепенно подниматься изъ состоянія грубой животности Языкѣ, первое созданіе творческаго духа человѣка, не только превосходящее древностью самые ранніе памятники письменности, но предвѣряющее даже первый лепетъ преданія, составляетъ непрерывную цѣпь, которая тянется отъ перваго разсвѣта исторіи до нашихъ дней. Мы говоримъ языкомъ, которымъ говорили первые родоначальники, нашего племени; и этотъ языкѣ съ его дивнымъ строеніемъ представляетъ неопровержимое свидѣтельство противъ такой грубой клеветы. Происхожденіе языка, образованіе корней, постепенное опредѣленіе значенія словъ, систематическая выработка грамматическихкихъ формъ, весь этотъ процессъ, который мы еще можемъ прослѣдить подъ поверхностью нашего слова, свидѣтельствуешь, что въ человѣкѣ искони жила и дѣйствовала разумная душа: по достоинству творенія мы судимъ о самомъ художникѣ.

Періодъ, въ продолженіе котораго, такъ сказать, отчеканивались выраженія для самыхъ необходимыхъ понятій, каковы мѣстоименія, предлоги, числительныя и слова, относящіяся къ обиходу самой простой и безыскусственной домашней жизни — періодъ, къ которому должны быть отнесены первыя начала грамматики, не органической, а еще только агглютинативной, (еще незапечатлѣнной народными и индивидуальными особенностями, но уже заключающей въ себѣ зародыши всѣхъ туранскихъ, арійскихъ и симитическихкихъ формъ языка): — это есть первый періодъ въ исторіи человѣчества, первый по крайней мѣрѣ, до котораго можетъ проникнуть самый зоркій глазъ антикварія и философа—мы назовемъ его періодомъ образованія словъ (*rhematic period*).

За этимъ періодомъ необходимо предположить второй, въ теченіе котораго по-крайней мѣрѣ двѣ семьи языковъ оставили первую степень, степень агглютинаціи, и приняли тотъ особый характеръ формаціи, который мы доселѣ встрѣчаемъ во всѣхъ нарѣчіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ языковъ симитическихкихъ и арійскихъ, въ отличіе отъ языковъ туранскихъ, которые гораздо долѣе сохраняли и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще сохраняють эту способность образованія словъ путемъ агглютинаціи, что дѣлаешь невозможной или по крайней мѣрѣ зна-

чительно затрудняетъ всякую опредѣленную систему грамматики. Потому въ туранскихъ языкахъ, разбѣянныхъ отъ Китая до Пиреней, отъ мыса Коморина чрезъ кавказскія горы до Лапландіи, мы не находимъ этого семейнаго родства, на основаніи котораго мы признаемъ языки нѣмецкій, славянскій, кельтскій, италійскій, греческій, иранскій и индусскій съ одной, и языки: арабскій, арамейскій и еврейскій съ другой стороны— за видоизмѣненія двухъ главныхъ основныхъ формъ языка, въ которыхъ очень рано и подъ вліяніемъ чисто-политическихъ, если даже не индивидуальныхъ личныхъ условій, колеблющіеся грамматическіе элементы установились и приняли характеръ амальгамы вмѣсто прежней агглютинаціи. Этотъ второй періодъ можно назвать періодомъ образованія діалектовъ, нарѣчій (dialectical period).

Послѣ этихъ двухъ періодовъ, но еще до появленія первыхъ памятниковъ народной литературы, идетъ еще періодъ, вездѣ ознаменованный одними общими характеристическими чертами: этотъ періодъ называютъ миеопеическимъ или періодомъ происхожденія миеовъ. Этотъ періодъ, который всего труднѣе объяснить себѣ въ исторіи человѣчества, всего болѣе способенъ потрясти вѣру въ правильный прогрессъ человѣческаго разума.

Мы можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о происхожденіи языка, о постепенномъ образованіи грамматики, о неизбѣжномъ раздѣленіи языковъ и нарѣчій. Мы можемъ объяснить себѣ первоначальное происхожденіе политическихъ обществъ, установленіе законовъ и обычаевъ, происхожденіе религіи и поэзіи. Но между этими двумя періодами лежитъ бездна, наполнить которую, кажется, не въ состояніи никакая философія. Этотъ періодъ называютъ миеическимъ, и мы не можемъ привыкнуть къ мысли, что напримѣръ тѣмъ Грекамъ, какихъ мы знаемъ изъ поэмъ Гомера, — Грекамъ, такъ много успѣвшимъ въ изящныхъ искусствахъ, уже знакомымъ съ тѣми удобствами жизни, какія мы находимъ напримѣръ въ дворцахъ Алкиноя и Менелая, съ народными собраніями и гражданскимъ краснорѣчіемъ, съ зрѣлой мудростью Нестора и предприимчивой хитростью Одиссея, съ такими идеалами женственной прелести, какъ Елена и Навсикая, — могло предшествовать поколѣніе людей,

находившихъ удовольствіе въ изобрѣтеніи нелѣпныхъ басенъ о богахъ и другихъ невѣроятныхъ существахъ, — поколѣніе людей, на могилѣ которыхъ эпиграмма о Биттонѣ и Фаэнидѣ была бы самой умѣстной надписью, какую бы только могъ начертать историкъ. Хотя бы позднѣйшіе поэты могли нѣкоторымъ изъ этихъ басенъ придать прелесть поэзіи и заставить насъ видѣть въ нихъ не болѣе какъ вымыслъ творческой фантазіи, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что, взятые сами по себѣ, въ своемъ буквальномъ значеніи, эти древніе міеы оказываются болѣею частію крайне нелѣпными и очень часто находятся въ прямомъ противорѣчій съ тѣми основными началами разума, религіи и нравственности, которыя признавались Греками уже въ самую раннюю пору, какъ только они появляются на зарѣ міеическаго періода исторіи. Кѣмъ же изобрѣтены эти сказанія, сказанія — замѣтимъ это разъ навсегда — отмѣченныя общими чертами и по формѣ и по характеру вездѣ, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣчали — на индусской, персидской, греческой, римской, славянской или германской почвѣ? Неужели можно допустить въ исторіи человѣчества періодъ временнаго умопомѣшательства и притомъ такого, которое представляется въ тѣхъ же самыхъ существенныхъ чертахъ на югѣ Индіи и на отдаленномъ сѣверѣ Исландіи? Какъ повѣрить, чтобы народъ, изъ котораго уже въ періодъ младенчества мысли вышли такіе люди, какъ Фалесъ, Гераклитъ, Пифагоръ, едва за нѣсколько столѣтій до этихъ философовъ состоялъ изъ празднословныхъ мечтателей? Если даже взять только тотъ отдѣлъ міеологіи, который относится собственно къ религіи, въ нашемъ смыслѣ этого слова, если взять на примѣръ міеы, связанные съ высшими проблеммами философіи, каковы происхожденіе міра, отношеніе человѣка къ Божеству, жизнь и смерть, добро и зло — міеы вообще позднѣйшаго происхожденія; то увидимъ, что даже эта малая доля, въ которой бы можно было предположить нѣсколько здравыхъ понятій, нѣсколько чистыхъ и возвышенныхъ идей, даже эта доля оказывается недостойною поколѣній, которыя были предками гомерическихъ пѣвцовъ или іонійскихъ философовъ. Читая, какъ говорятъ о божествѣ свинопасъ Эвмей, быть можетъ, непосвященный во всѣ подробности многосложной системы олимпійской міеологіи, мы чувствуемъ,

что такъ могъ бы говорить каждый изъ насъ: „вкуси“ говорить онъ Одиссею „и насладись тѣмъ, что предложено; Богъ одно даетъ, другаго лишаетъ, какъ ему угодно, ибо все въ его власти“ ¹⁾. Таковы, можно думать, были понятія простыхъ людей и во времена Гомера — понятія чистыя и возвышенныя, въ сравненіи съ тѣмъ, что долгое время считалось однимъ изъ самыхъ величавыхъ образовъ греческой мифологіи. Я разумѣю то мѣсто Иліады, гдѣ Зевсъ, чтобы въ полномъ блескѣ изобразить свое всемогущество, обращаясь къ остальнымъ богамъ и богинямъ, говоритъ:

Или держайте, извѣдайте боги, да всѣ убѣдитесь:

Цѣпь золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,

Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини

Свѣсьтесь по ней; но совлечь не сможете съ неба на землю

Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились.

Можно ли представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе сказанія о томъ, какъ Девкаліонъ и Пирра сотворили родъ человѣчскій, кидая за себя камни (миѳъ, своимъ происхожденіемъ обязанный единственно смѣшенію двухъ понятій: *λαός* — народъ и *λίθος* — камень); между тѣмъ съ другой стороны трудно вообразить для язычниковъ болѣе глубокомысленное представленіе объ отношеніи человѣка къ божеству, какъ то, которое выражено въ изреченіи Гераклита: „люди — смертныя боги, боги — безсмертныя люди“.

Вспомнимъ о времени, которое произвело на свѣтъ Ликурга и Солона, которое основало ареопагъ и олимпійскія игры: какъ согласить съ этимъ, что за нѣсколько поколѣній передъ тѣмъ высшія представленія Грековъ о божествѣ нашли выраженіе въ миѳѣ о томъ, какъ Кронъ изуродовалъ Урана, или пожиралъ своихъ собственныхъ дѣтей, проглотилъ камень, подсунутый ему Реей и наконецъ живьемъ извергнулъ свое собственное, поглощенное имъ потомство?!

¹⁾ Od. X. 443.

Ἔσθιε, δαιμόνιε ξείνων, καὶ τέρπεο τοῖσδε

Οἷα πάραστι; θεὸς δὲ τὸ μὲν δώσει τὸ δ' ἔασει,

Ὅττι κεν ὦ θυμῷ ἐθέλῃ, δύνатаι γὰρ ἅπαντα.

Безобразнѣе и отвратительнѣе этого едва ли найдется что-нибудь даже у племенъ Африки и Америки, находящихся на самой низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія! Утверждать съ Гротомъ, что вся эта миеологія „прошедшее, никогда не бывшее настоящимъ“, значить сознательно отвращать глаза отъ затрудненій, которыя глядятъ намъ въ лице. Видѣть въ этихъ миеахъ язычества непонятые и искаженные отрывки дарованнаго нѣкогда цѣлому человѣчеству божественнаго откровенія — кажется намъ богохульствомъ, хотя такой взглядъ можно очень часто встрѣтить въ теологическихъ сочиненіяхъ. Эти миеы созданы человѣкомъ въ извѣстный періодъ его исторіи. Была эпоха, которая произвела на свѣтъ эти миеы, эпоха, составляющая переходъ отъ *періода диалектическаго*, въ которомъ совершался процессъ постепеннаго раздѣленія человѣчества на различные народы и языки, къ *„періоду народностей“*, который представляетъ намъ самыя раннія черты народности въ языкѣ и литературѣ Индусовъ, Персовъ, Грековъ, Итальянцевъ и Германцевъ.

Фактъ на лицо и мы должны или объяснить его или допустить въ исторіи человѣческаго духа, внезапные перевороты подобныя тѣмъ, которые участвовали въ образованіи земной коры—перевороты, нарушавшіе правильную постепенность въ развитіи человѣчества и производившіе въ его духовной жизни судорожные перерывы и колебанія.

Мы много выиграемъ, если, не прибѣгая къ такой насильственной теоріи, будемъ въ состояніи объяснить происхожденіе миеовъ путемъ болѣе естественнымъ. Распространеніе и существованіе миеовъ въ позднѣйшее время, хотя во многихъ отношеніяхъ странное, объясняется гораздо легче. Человѣку врождено уваженіе къ прошедшему; благоговѣніе къ религіознымъ преданіямъ въ чловѣкѣ взрослому исходитъ изъ того же самаго естественнаго источника, изъ какого въ ребенкѣ почтеніе къ родителямъ. Какъ бы ни казались странными, дикими, иногда даже безнравственными или нелѣпыми преданія старины, тѣмъ не менѣе каждое новое поколѣніе принимаетъ ихъ снова, только измѣняя и приспособляя ихъ къ степени своего развитія, на столько, что они могутъ продолжать свое существованіе и даже, въ этомъ измѣненномъ видѣ, получаютъ болѣе чистый и

глубокій смыслъ. Найдется много природныхъ Индусовъ, которыя не смотря на основательное знакомство съ европейской наукой и съ началами чистаго естественнаго богопознанія, продолжаютъ однако преклонять колѣна предъ изображениями Вишну и Шивы. Они знаютъ, что эти изображенія бездушный камень; они не скрываютъ, что ихъ нравственное чувство возмущается противъ всего нечистаго, что приписывается ихъ богамъ тѣми самыми книгами, которыя они привыкли называть своимъ священнымъ писаніемъ; между тѣмъ есть честные брамины, совершенно искреннеготовые утверждать, что въ этихъ сказаніяхъ заключается болѣе глубокое значеніе; что такъ какъ ничто безнравственное несогласимо съ понятіемъ о божествѣ, то въ этихъ освященныхъ временемъ сказаніяхъ необходимо предположить сокровенный таинственный смыслъ, въ который можетъ проникнуть духъ, благоговѣйно испытующій. Мало того, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность христіанскихъ проповѣдниковъ увѣнчивалась успѣхомъ, когда чистое христіанское ученіе одерживало побѣду надъ сердцемъ язычника и дѣлало для него невыносимыми нелѣпыя бредни Пуранъ, даже тогда вѣра дѣтства продолжаетъ въ обращенномъ таиться, въ глубинѣ его души, и при случаѣ, въ минуту увлеченія, всплываетъ на поверхность, подобно тѣмъ мѣгамъ языческой древности, которые закрались въ священныя легенды римской церкви ¹⁾. Въ древней исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ указанія на то, что нѣкоторыя изъ греческихъ сказаній о богахъ смущали самихъ Грековъ, но такъ какъ даже въ наше время вѣра большей части людей основана не на сознаніи, а на авторитетѣ другихъ, то намъ становится понятно, отъ чего даже люди подобные Сократу, не охотно разставались съ вѣрою въ то, чему вѣрили ихъ отцы. По мѣрѣ того, какъ ихъ представленія о божествѣ очищались, они чувствовали, что идеаль совершенства, нераздѣльный съ представленіемъ о высшемъ существѣ, исключаетъ возможность боговъ безнравственныхъ. Пиндаръ, какъ указалъ Отфридъ Мюллеръ ²⁾, измѣняетъ многіе

¹⁾ См. введение къ Deutsche Mythologie Гримма.

²⁾ См. превосходное сочиненіе Отфр. Мюллера Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie 1825, стр. 87.

миѡы, которые, какъ не соответствующіе его собственнымъ, болѣе чистымъ представленіямъ о нравственномъ достоинствѣ боговъ и героевъ, по его мнѣнію, непременно *должны* быть ложны. Въ томъ же духѣ разсуждаетъ Платонъ, разбирая различные варианты миѡа объ Эротѣ, а въ „Пирѣ“ мы видимъ, что каждый изъ собесѣдниковъ признаетъ истиннымъ единственно то сказаніе объ Эротѣ, которое всего болѣе подходитъ къ его собственнымъ представленіямъ о существѣ этого бога: такъ Федръ называетъ его древнѣйшимъ, Агатонъ напротивъ младшимъ изъ боговъ, и между тѣмъ оба ссылаются на авторитетъ древняго сказанія ¹⁾). Такъ люди, имѣвшіе самое ясное понятіе о всемогуществѣ и вездѣсущиіи верховнаго божества, какое только можетъ открыть естественная религія, не переставали называть его Зевсомъ, забывая въ немъ развратнаго волокиту и отцеубійцу.

Ζεὺς ἀρχῆς, Ζεὺς μέσσα, Διὸς δ' ἐκ πάντα τέτυχται

„Зевсъ начало, Зевсъ средина, отъ Зевса все произошло“—изреченіе орфическое, но весьма древнее, если, какъ полагаетъ Гротъ, намекъ на него встрѣчается еще у Платона ²⁾). Поэты въ минуты истинно-молитвеннаго настроенія, когда въ сердцѣ чувствовалась потребность въ божественной помощи, обращались къ Зевсу, забывая, что этотъ самый Зевсъ былъ нѣкогда побѣжденъ Титаномъ и своимъ освобожденіемъ обязанъ помощи Гермеса ³⁾). Такъ Эсхиль говоритъ: „Кто бы ни былъ Зевсъ, этимъ именемъ я призываю его, если только угодно ему, когда его зовутъ этимъ именемъ! Взвѣсивъ все, никого я съ Зевсомъ не могу поставить наравнѣ (т. е. я не знаю никого, къ кому бы можно было прибѣгнуть съ такимъ успѣхомъ), когда заботъ напрасныхъ бремя съ души желаешь скинуть“ ⁴⁾).

¹⁾ Symp. 178. C. οὕτως πολλαχόθεν ὁμολογεῖται ὁ Ἔρωσ ἐν τοῖς πρεσβυτάτοις εἶναι. πρεσβυτάτος δὲ ὦν μεγίστων ἀγαθῶν ἡμῖν αἰτίας ἐστίν. 195 A. ἔστι δὲ κάλλιστος ὦν τοιόσδε. πρῶτον μὲν νεώτατος θεῶν, ᾧ Φαῖδρε.

²⁾ Lobeck, Aglaoph. p. 523.

Ζεὺς κεφαλῆ, Ζεὺς μέσσα, Διὸς δ' ἐκ πάντα τέτυχται.

См. Преллера греч. миѡолог. 1854, стр. 99.

³⁾ Apollod. I, 6, 3. Grote, H. G. p. 4.

⁴⁾ Предлагаемъ подлинный текстъ, такъ какъ онъ переводится столь различно:

Нѣтъ, не въ сохраненіи этихъ мифическихъ именъ, не въ долговѣчной жизни этихъ вымысловъ, не въ томъ, что они удовлетворяли религіознымъ, поэтическимъ и нравственнымъ потребностямъ цѣлаго ряда поколѣній, заключается трудность объясненія мифовъ. Прошедшее имѣетъ свое обаяніе; а преданіе встрѣчаетъ могущественнаго союзника въ языкѣ. Мы до сихъ поръ говоримъ, что солнце *восходитъ* и *заходитъ*, *встаетъ* и *садится*, говоримъ о громовыхъ *стрѣлахъ* и т. п., потому только, что эти выраженія освящены употребленіемъ въ языкѣ. Мы употребляемъ ихъ, хотя и не вѣримъ въ ихъ буквальное значеніе. Весь вопросъ въ томъ, какимъ образомъ въ духѣ чловѣка могли родиться такіе вымыслы, какъ возникли эти имена и представленія, и до тѣхъ поръ, пока мы не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить этого вопроса, мы должны отказаться, какъ отъ ложной теоріи, отъ вѣры въ правильное и послѣдовательное развитіе чловѣческаго разума всегда и вездѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы были въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ періодѣ, въ продолженіе коего еще нераздѣленные арійскіе народы, которыхъ мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, создавали свои религіозные мифы. Если обратимъ вниманіе на глубокій мракъ, который лежитъ на духѣ Грековъ въ самомъ началѣ ихъ политической и литературной исторіи, то мы можемъ отсюда сдѣлать заключеніе о дѣйствительномъ характерѣ того вѣка, который долженъ былъ предшествовать первому разсвѣту народной литературы въ Греціи. Отфридъ Мюллеръ ¹⁾, хотя ему былъ неизвѣстенъ новый свѣтъ, который сравнительная филологія проливаетъ на этотъ первоначальный арійскій періодъ, говоритъ: „Мифическій способъ представленія, превращающій всѣ существа въ личности, всѣ отношенія въ дѣйствія, заключаетъ въ себѣ такъ много особаго и отличнаго, что мы его происхожденіе и развитіе должны отнести къ осо-

«Ζεὺς, ὅστις πῶτ' ἐστίν, εἰ τόδ' αὖ —
 τῷ φίλον κελημένῳ,
 τοῦτό νιν προσενέπω.
 οὐκ ἔχω προσεκάσαι,
 πάντ' ἐπισταδύμενος
 πλὴν Διὸς, εἰ τὸ μάταν ἀπὸ φροντίδος ἄχθος
 χρῆ βαλεῖν ἐτητύμος.»

¹⁾ Prol. Myth. 78

бому періоду въ цивилизації каждаго народа“. Съ тѣхъ поръ сравнительная филологія успѣла цѣлый этотъ періодъ сдѣлать доступнымъ достовѣрному историческому знанію. Она дала намъ въ руки такой телескопъ, съ помощію котораго тамъ, гдѣ прежде намъ видѣлись одни туманные облака, мы теперь открываемъ опредѣленные образы и очертанія; мало того она указала намъ какъ бы современные памятники—свидѣтели этой отдаленной, доисторической поры, открывъ намъ состояніе мысли, языка, религіи и цивилизації въ періодъ, когда санскритскій языкъ еще не былъ санскритскимъ, греческій греческимъ, но когда и тотъ и другоі вмѣстѣ съ латинскимъ, германскимъ и другими арійскими языками составляли одинъ нераздѣльный языкъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ можно сказать, что языки французскій, италіанскій и испанскій составляли нѣкогда одинъ нераздѣльный языкъ латинскій.

Сказанное нами требуетъ краткаго объясненія. Если бы мы ничего не знали о существованіи латинскаго языка, если бы всѣ историческіе памятники, ранѣ XV столѣтія, были утрачены, если бы самое преданіе умолчало о существованіи римской имперіи: то одно простое сравненіе шести романскихъ нарѣчій между собою указало бы намъ, что нѣкогда долженъ былъ существовать языкъ, который былъ общимъ источникомъ для всѣхъ этихъ нарѣчій; ибо только съ помощію такого предположенія могутъ быть объяснены явленія, представляемыя этими нарѣчіями. Взглянемъ для примѣра на спряженіе вспомогательнаго глагола. Мы находимъ слѣдующее:

	Италіан.	Валлаш.	Ретійс.	Испан.	Португ.	Французск.
я есмь	sono	sum(sunt)	sunt	soy	sou	suis
ты еси	sei	es	eis	eres	es	es
онъ есть	e	é (este)	ei	es	he	est
мы есмы	siamo	süntemu	essen	somos	somos	sommes
вы есте	siete	sünteti	esses	sois	sois	êtes (estes)
они суть	sono	sünt	eân (sun)	son	são	sont

Самый бѣглый обзоръ этихъ формъ показываетъ во-первыхъ что всѣ они суть видоизмѣненія одного общаго типа; во-вторыхъ, что ни одну изъ этихъ формъ нельзя признать за первообразъ, отъ котораго бы можно было произвести всѣ остальные. Къ этому можно прибавить въ третьихъ, что ни въ одномъ

изъ нарѣчій, которымъ принадлежатъ эти глагольныя формы, мы не находимъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ эти формы сложились. Элементы, изъ которыхъ образовалось напримѣръ французское: j'ai aimé, до сихъ поръ существуютъ во французскомъ языкѣ; то же самое можно сказать о такихъ грамматическихъ соединеніяхъ, какъ: j'aimerais, т. е. je-aimer-ai и т. п. Но переходъ отъ je suis къ tu es средствами одной только французской грамматики объяснить нельзя. Эти формы не могли, такъ сказать, возникнуть на французской почвѣ; онѣ были перенесены на нее, какъ останки періода болѣе древняго — онѣ должны были образоваться въ языкѣ, который существовалъ въ пору, когда еще не было ни одного изъ романскихъ нарѣчій. Въ этомъ случаѣ мы къ счастію опираемся не на одни умозрѣнія, но, зная латинскій глаголь, можемъ доказать, что каждая изъ приведенныхъ нами формъ есть мѣстное видоизмѣненіе основнѣй латинской формы, образовавшееся путемъ звуковыхъ искаженій и невѣрныхъ аналогій.

Возьмемъ новый рядъ примѣровъ:

	Санскр.	Литов.	Зенд.	Дорич.	Церк. слав.	Латин.	Готск.	Армянск.
я есмь	ásmi	esmi	ahmi	эмми	ѦСМЬ	sum	im	em
ты еси	ási	essi	ahi	эси	ѦСН	es	is	es
опъ есть	ásti	esti	asti	эсти	ѦСТЬ	est	ist	ê
мы(двое)есмы	'svás	esva	ѦСВА	siju
вы(двое)есте	'sthás	esta	stho?	эстѡ	ѦСТѦ	sijuts
они(двое)суть	'stás	(esti)	sto?	эстѡ	ѦСТѦ
мы есмы	'smás	esmi	hmahi	эсмѣс	ѦСМЫ	sumus	sijum	emq
вы есте	'sthá	este	stha	эсте	ѦСТѢ	estis	sijudh	êq
они суть	sánti	(esti)	hēnti	энти	СЪТЪ	sunt	sind	en.

Тщательный анализъ этихъ формъ приводитъ насъ къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ: а именно во 1-хъ, всѣ онѣ суть видоизмѣненія одного общаго типа; во 2-хъ, ни одну изъ нихъ нельзя признать за первообразъ, отъ котораго произошли всѣ остальные; въ 3-хъ, и въ этомъ случаѣ элементы, изъ которыхъ образовались эти глагольныя формы, не находятся ни въ одномъ изъ языковъ, которымъ эти формы принадлежатъ. Что санскритъ не можетъ быть признанъ за первообразъ, отъ котораго произошли всѣ остальные языки (какъ въ бывшее время думали нѣкоторые ученые): это ясно изъ того, что

греческій въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилъ болѣе перво-бытныя или, какъ принято говорить, болѣе органическія формы, чѣмъ санскритъ. *Εσ-μέσ* не можетъ быть произведено отъ санскритскаго *smas*, потому что *smas* утратило коренной звукъ *a*, уцѣлѣвшій въ греческомъ, ибо корень здѣсь *as*, *mas* окончаніе—мы. Равнымъ образомъ и греческій не можетъ быть признанъ за первоначальный языкъ, отъ котораго произошли другіе, ибо даже латинскій не можетъ быть названъ отраслью греческаго, на томъ основаніи, что языкъ Рима сохранилъ нѣкоторыя формы, которыя превосходятъ древностью соотвѣтствующія имъ формы греческаго языка; напримѣръ: *sunt* вм. *ἐντί* или *ἐνσί*. Здѣсь греческій языкъ совершенно утратилъ коренной слогъ, *as*, ибо *ἐντί* замѣняетъ *ἐσεντι*, между тѣмъ какъ латинскій, подобно санскриту, въ формѣ: *sunt*—*santi*, сохранилъ хотя коренной звукъ *s*.

Такимъ образомъ всѣ эти діалекты указываютъ на языкъ древнѣйшій, который былъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для романскихъ нарѣчій былъ языкъ латинскій, — съ тою только разницею, что въ тотъ отдаленный періодъ не было еще литературы, для того, чтобы сохранить намъ какіе-нибудь остатки этого праязыка, который угасъ, породивъ новѣйшіе арійскіе языки, каковы: санскритъ, зендъ, греческій, латинскій, готскій, славянскіе и кельтскій. Если признать и въ этомъ случаѣ вѣрность заключенія по наведенію, то языкъ этотъ былъ нѣкогда живымъ нарѣчіемъ, которымъ говорило въ Азіи небольшое племя или еще прежде небольшая семья, жившая подъ одной кровлей подобно тому, какъ и языкомъ Камознса, Сервантеса, Вольтера и Данта нѣкогда говорили немногочисленные поселане, построившіе свои хижины на семи холмахъ у береговъ Тибра. Изъ сравненія двухъ приведенныхъ нами таблицъ оказывается, что между языкомъ Ведъ и нарѣчіемъ, которымъ теперь говоритъ литовскій рекрутъ въ Берлинѣ, гораздо больше сходства, чѣмъ между французскимъ и итальянскимъ. Теперь, когда Боппова „Сравнительная Грамматика“ доведена до надлежащей степени полноты, нельзя не убѣдиться, что всѣ существенныя формы грамматики успѣли вполнѣ выработаться и установиться прежде, чѣмъ совершилось первое раздѣленіе арійской семьи народовъ.

Но гораздо болѣе узнаемъ мы объ умственной жизни первобытной и еще нераздѣленной семьи арійскихъ народовъ, благодаря матеріаламъ, доставляемымъ намъ сравнительною филологіею; и здѣсь опять романскія нарѣчія укажутъ намъ путь къ архивамъ древнѣйшей эпохи арійскаго племени. Встрѣчая во всѣхъ романскихъ нарѣчіяхъ слово подобное французскому *pont*, въ итальянскомъ *ponte*, въ испанскомъ *punte*, въ валлашскомъ *rod*, слово общее всѣмъ нарѣчіямъ, и, принимая въ соображеніе особыя измѣненія, которыя это слово испытало у различныхъ народовъ, мы въ правѣ сказать, что слово, обозначающее *mостъ* было извѣстно до раздѣленія этихъ языковъ, изъ чего необходимо слѣдуетъ, что въ ту эпоху было уже извѣстно и самое искусство строить мосты. На этомъ же основаніи, даже ничего не зная о латинскомъ языкѣ и о Римѣ, мы могли бы утверждать, что по крайней мѣрѣ уже ранѣе X-го столѣтія книги, хлѣбъ, вино, дома, села, города, башни, ворота и т. п. были извѣстны тѣмъ народамъ, — какіе бы они впрочемъ ни были, — отъ которыхъ ведутъ свое начало новѣйшія нарѣчія южной Европы. Правда, мы не могли бы представить полной картины умственнаго состоянія римскаго народа, если бы пришлось строить его исторію при помощи такихъ скудныхъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе это дало бы намъ по крайней мѣрѣ возможность доказать, что такой народъ дѣйствительно существовалъ и, при отсутствіи всякихъ другихъ свѣдѣній, даже такія случайныя указанія были бы не бесполезны. Но, съ полнымъ успѣхомъ пользуясь этимъ методомъ въ смыслѣ положительномъ, мы должны сознаться въ его неприложимости въ смыслѣ отрицательномъ. Изъ того, что каждое изъ романскихъ нарѣчій имѣетъ для нѣкоторыхъ предметовъ особое названіе, не повторяющееся въ другихъ, еще не слѣдуетъ, чтобы самые предметы не были извѣстны родоначальникамъ романскихъ племенъ. Бумага была извѣстна въ Римѣ, между тѣмъ поиталіянски она называется *carta*, а по-французски *papier*.

Такъ какъ мы ничего не знаемъ объ арійскомъ племени до его раздробленія на различныя народности: индѣйскую, германскую, греческую, римскую, славянскую, тевтонскую и кельтскую, то этотъ методъ извлекать исторію древнѣйшей эпохи изъ самаго языка получаетъ великую цѣну, вводя въ область

исторической дѣйствительности тотъ періодъ въ исторіи чело-
вѣческаго рода, самое существованіе котораго было подвержено
сомнѣнію, — тотъ самый періодъ, въ которомъ хотѣли видѣть
„прошедшее, никогда не бывшее настоящимъ“. Мы не должны
ожидать полной исторіи цивилизаціи, представляющей во всей
подробности картину той эпохи, когда еще не существовалъ
языкъ Гомера и Ведъ. Однако нѣкоторыя мелкія, но тѣмъ не
менѣе многозначительныя черты свидѣлствуютъ намъ о томъ,
что въ исторіи человѣческаго духа дѣйствительно былъ такой
ранній періодъ, который по нѣкоторымъ соображеніямъ (объ
этомъ рѣчь впереди) мы считаемъ тождественнымъ съ періодомъ
миеопеическимъ или періодомъ образованія миѳовъ.

	Санскр.	Зендъ	Греческ.	Латинск.	Готск.	Слав.	Ирландск.
отецъ	pitár	patar	πατήρ	pater	fadar	athair
мать	mâtár	mâtar	μήτηρ	mater	МАТН	mathair
братъ	bhrâtar	brâta	(φρατήρ)	frater	brôðhar	БРАТЬ	brathair
сестра	svâsar	khanha	soror	svistar	СЕСТРА	siur
дочь	dubitar	dughdhar	θυγάτηρ	dauhtar	ДЪШТѢРЬ	dear

Тотъ фактъ, что названія *отца, матери, брата, сестры и*
дочери одинаковы въ большей части арійскихъ нарѣчій, мо-
жетъ съ перваго раза показаться лишеннымъ всякаго значенія;
между тѣмъ, эти названія очень важны. То обстоятельство,
что названіе отца явилось уже въ эту раннюю пору, показы-
ваетъ, что отецъ сознавалъ свои права и обязанности въ отно-
шеніи къ дѣтищу, рожденному его женой; признавалъ его сво-
имъ, ибо только въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ право на имя
отца. Слова: pitár, patar, πατήρ и др. происходятъ отъ корня,
который значитъ не *рождать*, но *охранять и питать*. Отецъ, въ
значеніи *родителя*, имѣлъ въ санскритѣ другое названіе džanitar,
называясь pitár въ смыслѣ покровителя и питателя своихъ дѣтей.
Потому въ Ведахъ эти два названія употребляются вмѣстѣ,
когда нужно выразить полную идею отца. Такъ поэтъ го-
ворить (I, 164, 33):

Dyaús me pitá' džanitá' *)

Jovis mei pater genitor.

Ζεὺς ἐμοῦ πατῆρ γενετήρ.

*) Въ транскрипціи санскритскихъ словъ мы, руководствуясь указаніями про-
фес. П. Я. Петрова, отступили отъ Макса Мюллера въ передачѣ слѣдующихъ сан-
буквъ: Мюллерово k у насъ передается посредствомъ tsch (русск. ч); kh посред-
ствомъ tschh (рус. чѣ); s=sh (рус. ш); sh=sch (рус. ш); g=dh̄ (рус. дж̄).

Точно также къ названію матери: *mâtar* присоединяется другое: *džanitrî, genitrix*, т. е. *родительница*. Это показываетъ, что слово *mâtar* скоро утратило свой первоначальный этимологическій смыслъ, ставъ выраженіемъ почтенія и нѣжности. У древнѣйшихъ аріевъ, *mâtar* имѣло значеніе *производительницы* отъ корня *Ma*—творить, и въ этомъ смыслѣ и съ тѣмъ же самымъ удареніемъ, какъ въ греческомъ: *μήτηρ*, слово *mâtar*, еще не принявшее болѣе опредѣленнаго женскаго аффикса, употребляется въ Ведахъ, въ мужской формѣ. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ: (Ригъ В. VIII, 41, 4): *Sáh mâ' tâ rûrvyám padám*, т. е. „Онъ, Варуна (*Uranos*), творецъ древняго мѣста“.

Должно замѣтить, что *mâtar*, также какъ и *pitar*, есть только одно изъ многихъ названій, которыми можетъ быть выражена идея *отца* и *матери*. Если бы даже мы захотѣли ограничиться корнемъ *Pa* и приняли охраненіе дѣтей за самую характеристическую принадлежность *отца*, то могло бы быть,—и дѣйствительно есть,—много словъ, которыя одинаково могли бы выражать понятіе объ отцѣ. Въ санскритѣ понятіе о *покровителѣ* можетъ быть выражено корнемъ *Pâ*, въ соединеніи не съ однимъ только суффиксомъ *tar*, но и съ другими *суффиксами*, напр. *pâ-la*, *pâ-laka*, *pâ-yî*, три слова, которыя всѣ одинаково значатъ: *покровитель*. Это обстоятельство, что изъ многихъ возможныхъ формъ одна только эта вошла въ словари всѣхъ арійскихъ народовъ, доказываетъ существованіе въ языкѣ чего-то въ родѣ установившагося преданія задолго до раздѣленія арійской семьи. Кромѣ того были другіе корни, отъ которыхъ могло бы быть произведено названіе отца, какъ на примѣръ: *džan*, отъ котораго произошли слова: *džanitar, genitor, γεννητήρ*; или Так, откуда греческое *τοκεύς*; или *Par*, откуда латинское *parens*, не говоря о многихъ другихъ названіяхъ, равно способныхъ выразить ту или другую особенно выдающуюся черту въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ. Если бы каждое изъ арійскихъ нарѣчій образовало свое особое названіе *отца* отъ одного изъ многихъ корней, принадлежащихъ всѣмъ арійскимъ нарѣчьямъ вообще, то изъ этого слѣдовало бы только, что между всѣми этими языками существовало коренное родственное сходство; но этимъ бы еще не доказывалось,—что гораздо важнѣе,—ихъ историческое общеніе или происхожденіе отъ одного языка, уже выработавшаго *опредѣленный самостоятельный характеръ*.

Не смотря на то, даже ограничиваясь этими наиболѣе необходимыми терминами зачинающейся цивилизаціи, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ арійскихъ нарѣчій утратили древнѣйшее выраженіе и замѣнили его новымъ. Обще-арійскихъ названій *брата* и *сестры* напримѣръ, нѣтъ въ греческомъ, гдѣ *братъ* и *сестра* называются: ἀδελφός и ἀδελφή. Было бы ошибочно заключать изъ этого, что въ то время, когда Греки покинули свою арійскую прародину, названія *брата* и *сестры* еще не успѣли выработаться. Также нѣтъ причины предполагать, что Греки выселились первые, и если мы находимъ, что другія племена, какъ тевтонское или кельтское, не имѣвшія никакихъ соприкосновеній съ населеніемъ Индіи, послѣ того какъ совершилось первое раздѣленіе, имѣютъ однако для брата и сестры названія, общія съ санскритомъ: то можно быть увѣреннымъ, что это названіе существовало уже въ древнѣйшемъ арійскомъ языкѣ. Точно такъ же существованіе одного и того же слова въ валашскомъ и португальскомъ свидѣтельствовало бы объ его латинскомъ происхожденіи, не смотря на отсутствіе его въ остальныхъ романскихъ нарѣчіяхъ. Безъ сомнѣнія развитіе языка совершается по неизмѣннымъ законамъ, но въ тоже время вліяніе случая здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо области естественныхъ наукъ; и хотя въ этомъ случаѣ можно открыть законъ, отъ котораго зависитъ случайная утрата *) въ греческомъ древнѣйшихъ названій брата и сестры; но это бываетъ возможно не во всякомъ данномъ случаѣ, и мы часто видимъ, что въ томъ или другомъ изъ арійскихъ нарѣчій нѣтъ какого-либо выраженія, которое между тѣмъ на основаніи принятой нами теоріи мы имѣемъ полное право отнести къ древнѣйшему періоду арійскаго языка.

Взаимныя отношенія между братомъ и сестрою въ жизни опредѣлились уже въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ и были освящены названіями, которыя успѣли совершенно *установиться*, прежде чѣмъ семья Аріевъ распалась на отдѣльныя колоніи. Первоначально слово bhṛātar, кажется, значило: *носящій* или *помогающій*, svāsar — означало *ту*, которая *правится* или *утѣшаетъ*, потому что Svastī въ санскритѣ значитъ: *радость* или *счастіе*. Слово duhitar опять одно изъ тѣхъ, которыя должны были установиться

*) См. Edinburgh Review, Oct. 1851, p. 320.

задолго до раздѣленія. Это — имя общее вѣсьм нарѣчіймъ, кромѣ латинскаго, и между тѣмъ только въ санскритѣ сохранилось сознание нарицательнаго значенія этого слова. *Duhitar*, какъ доказалъ профессоръ Лассень, происходитъ отъ корня *Duh*, который значить въ санскритскомъ *доить*. Быть можетъ, отсюда же происходитъ латинское *disco* и переходъ значенія тотъ же самый, какъ отъ *trahere* *нести* къ французскому *traire*, *доить*. Названіе дочери *доильницей* раскрываетъ предъ нашими глазами цѣлую идиллію изъ поэтической и пастушеской жизни древнихъ Аріевъ. Къ немногому, чѣмъ дочь до замужества могла быть полезна въ кочевомъ хозяйствѣ, относилось доеніе коровъ и если представить себѣ, что отецъ звалъ свою дочь *duhitar* чаще, нежели *sutā*, т. е. *рожденная* или *filia*, т. е. *питающаяся грудью*, то въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть проблеска нѣжности и юмора, озаряющаго даже самое первобытное состояніе общества. Но это значеніе было вѣроятно забыто задолго до раздѣленія Аріевъ. *Duhitar* перестало быть ласкательнымъ эпитетомъ и сдѣлалось условнымъ терминомъ. Въ послѣдствіи мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что многія другія слова образовались тѣмъ же самымъ путемъ и имѣли смыслъ только въ кочевомъ бытѣ. Но такъ какъ переходъ словъ отъ такого спеціального значенія въ общіе термины, лишенные живаго этимологическаго смысла, можетъ показаться страннымъ; то мы представимъ нѣсколько примѣровъ того, какъ въ основѣ самыхъ обыкновенныхъ и общеупотребительныхъ выраженій можно открыть, при помощи этимологическаго анализа, понятія изъ древней кочевой жизни арійскихъ народовъ. Возьмемъ для примѣра англійское слово „*resuliar*“. „*Resuliar*“ теперь значить *отдѣльный, особый, чрезвычайный*, но первоначально имъ означалась *частная, личная собственность въ противоположность общей*; оно произведено отъ *resulium*. Латинское *resulium* замѣнило *resudium* (какъ *consilium* вмѣсто *considium*) и будучи произведено отъ *pecus*, *resudis* первоначально значило: *рогатый скотъ*. У народа земледѣльческаго рогатый скотъ составляетъ главный видъ личной собственности; отсюда понятно, какимъ образомъ слово *resuliar*, выражая первоначально понятіе о личной собственности, стало потомъ значить: *не общій*, и наконецъ въ нашей современной рѣчи получило значеніе: *необыкновенный, особый*. Едва ли нужно напоминать общеизвѣстное производство латинскаго *resupia*, которое, происходя отъ того же

самаго слова реси и потому означая стада, въ послѣдствіи получило значеніе *денегъ*, совершенно такъ же, какъ англо-саксонское feoh, нѣмецкое Vieh, т. е. *скотъ* (по производству Гримма, тождественное съ латинскимъ реси), съ теченіемъ времени получило значеніе *денежной награды* (англійское fee). Явленія, совершающіяся во очію въ новѣйшихъ языкахъ, не должны удивлять насъ въ эпоху болѣе отдаленную. Быкъ и корова были самыми полезными животными изъ породы рогатаго скота, и, кажется, составляли у арійскихъ народовъ главное богатство и самыя важныя средства къ жизни. Быкъ и корова въ санскритѣ называются gô, множ. gâvas, то же самое что и древне-верхне-нѣмецкое chiu множ. chiuwi, а съ перемѣной гортанной въ губную греческое βούς, βόες и латинское bôс — bôves. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ также сохранились слѣды этого древняго названія; на примѣръ: леттское gohws, славянское говядо, сербское говедар, т. е. *пастухъ*. Отъ βούς въ греческомъ происходит βουκόλος, что первоначально значило: *коровій пастухъ*, но въ глаголь βουκόλεω понятіе объ уходѣ за коровами потерялось въ общемъ понятіи объ уходѣ за рогатымъ скотомъ и даже стало употребляться въ переносномъ смыслѣ, какъ на прим. Ἐλπίζω βουκόλοιμαι, т. е. я питаюсь пустыми надеждами. Тоже самое слово прилагается къ лошадямъ и такимъ образомъ мы встрѣчаемъ слово ἵππο-βού-κολος, т. е. собственно „коровій пастухъ лошадей“, — выраженіе, которое можно сравнить развѣ съ санскритскимъ goyuga, что значить собственно *пара воловъ*, а употребляется для означенія всякой *пары* вообще, такъ что, желая сказать: *пара воловъ* прибавляютъ еще разъ go и такимъ образомъ составляется слово: go-go-yuga. Такъ въ санскритѣ go-ра первоначально значило: *стадо коровъ*; но, скоро утративъ это специальное значеніе, стало употребляться въ значеніи *пастыря* и наконецъ подобно греческому: „ποιμῆν λαῶν, пастырь народовъ“, въ значеніи *царя*. Отъ слова go-ра образовался новый глаголь gorayati, въ которомъ не осталось и слѣдовъ его первоначальнаго значенія: глаголь этотъ значить просто *покровительствовать*. Какъ гора значило *стадо коровъ*, такъ go-tra въ санскритѣ первоначально значило *коровій хлѣвъ*, т. е. ограда, которая защищала стадо отъ воровъ и мѣшала ему разбѣжаться. Въ позднѣйшемъ санскритѣ gotra почти совершенно утратило

свое коренное этимологическое значеніе, такъ что только въ женскомъ *gotrâ* уцѣлѣло значеніе коровьяго стада. Въ древнія времена, когда войны по большей части имѣли цѣлью не сохраненіе политическаго равновѣсія Азіи или Европы, а завладѣніе хорошимъ пастбищемъ или большими стадами рогатаго скота ¹⁾, въ эти древнія времена изгороди для скота естественно обращались въ укрѣпленія, а люди, жившіе за одними стѣнами, стали называться *gotra*, т. е. семья, родъ, племя. Еще въ Ведахъ слово *gotra* употребляется въ смыслѣ загона; такъ мы читаемъ: *Nákir êshâm ninditâ' márttyeshu Yé asmâ'kam pitárah góshu yodhâ'h Indrah eshâm drinhitâ' má'hinâvân Ut gotrâ'ni sasridže darsánâvân*, т. е. нѣтъ человѣка, который бы дерзнулъ издѣваться надъ нашими отцами, сражавшимися среди коровъ. Могучій Индра — ихъ защитникъ; онъ всемогущій расширилъ ихъ загоны (т. е. ихъ владѣнія).

Слово *goshuyúdh*, т. е. „сражающійся среди коровъ или за коровъ“ въ Ведахъ употребляется въ значеніи война вообще (I, 112, 22), а одно изъ наиболѣе употребительныхъ словъ для названія битвы есть *gáv-ischti*, т. е. буквально „борьба за коровъ“. Но въ позднѣйшемъ санскритѣ *gaveschana* значитъ уже *розыскъ, изслѣдованіе* (въ вещественномъ или отвлеченномъ смыслѣ), *gavesch* *изслѣдовать*. Далѣе *goschtha* собственно значитъ хлѣвъ или стойло (*βούσθαιον*), но съ теченіемъ времени и съ успѣхами цивилизаціи получило значеніе *собранія* и даже *бесѣды*, т. е. разговора, совершенно также, какъ англійское *gossip* первоначально значило *кума, кума*, а потомъ уже было перенесено на пустые разговоры, праздную болтовню.

Всѣ эти слова, составленныя съ корнемъ *go*, т. е. скоть, — которыхъ мы могли бы привести гораздо болѣе, если бы не боялись подвергнуть слишкомъ тяжелому испытанію терпѣніе нашихъ читателей — всѣ эти слова свидѣтельствуютъ, что народъ, среди котораго они образовались, долженъ былъ вести полукочевую, пастушескую жизнь, и намъ становится ясно, какимъ образомъ тотъ же самый народъ могъ употреблять слово *dinhitar* въ значеніи дочери. Говорятъ, что въ языкѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается степень образованія и быть говорящаго этимъ язы-

¹⁾ Ὑπερ νομῆς ἢ λείας μαχόμεθα. Тохар. 36. Гриммъ, *Gesch. d. deutsch. Sprache*, p. 17.

комъ народа, такъ что, разбирая языкъ народа приморскаго, мы нашли бы, вѣроятно, что вмѣсто рогатаго скота и пастбищъ, какъ у народовъ кочевыхъ и пастушескихъ, въ составъ многихъ словъ, въ послѣдствіи получившихъ болѣе общее значеніе, входятъ понятія о кораблѣ и водѣ. Будемъ разбирать другія выраженія, которыя заключаютъ въ себѣ намеки на состояніе общества, предшествовавшее раздѣленію арійскаго племени; мы увѣрены, что такой разборъ придастъ нашей картинѣ характеръ исторической истины, убѣдительный даже для того, кто никогда не видѣлъ подлинника.

Мы не останавливаемся на словахъ для названія сына, отчасти потому, что этимологія этихъ словъ не представляетъ ничего любопытнаго, такъ какъ всѣ онѣ значатъ: *natus*¹⁾, *рожденный*, отчасти же потому, что положеніе сына въ семьѣ, какъ преемника и наслѣдника отцовскаго богатства и власти, потребовало особаго названія гораздо ранѣе, чѣмъ положеніе дочери, сестры или брата. Кровныя отношенія, выражаемыя словами: *отецъ* и *мать*, *сынъ* и *дочь*, *братъ* и *сестра*, установлены, можно сказать, законами самой природы и ихъ существованіе въ языкѣ не можетъ доказать особыхъ успѣховъ цивилизаціи, какъ бы характеристично ни были выбраны самыя названія. Но есть другія отношенія болѣе поздняго происхожденія и съ болѣе условнымъ характеромъ, которыя освящаются законами общественными, но не даются самой природой, — отношенія, которыя совершенно вѣрно выражаются по-англійски прибавленіемъ слова *in-law* (по закону), какъ на примѣръ *father-in-law*, *mother*, *son*, *daughter*, *brother* и *sister in-law* т. е. тещь или свекоръ, теща или свекровь, неvěстка, зять и т. д. Если бы мы могли доказать существованіе въ древнѣйшемъ періодѣ арійской цивилизаціи названій, выражающихъ эти степени свойства, мы этимъ выиграли бы очень много, потому что едва ли найдется въ Африкѣ или въ Австраліи нарѣчіе, въ которомъ бы не было словъ для выраженія понятій: *сынъ*, *дочь*,

¹⁾ Напр. скр. *sūnú*, готск. *sunus*, лит. *supus*, всѣ три отъ одного корня *su*, родить, откуда греч. *υίός*, только съ инымъ суффиксомъ. Скр. *putra*, сынъ, сомнительнаго происхожденія, но, вѣроятно, значительной древности, такъ какъ оно встрѣчается и у кельтской вѣтви (бретон. *paotr*). Отъ того же корня производятъ латинское *puer*.

братъ и сестра, или племя, которому бы не были извѣстны эти естественные виды кровнаго родства; но есть языки, которымъ не достааетъ выраженій для дальнѣйшихъ степеней свойства, есть племена, которыя даже не имѣютъ понятія объ этихъ степеняхъ.

Санскрит.	Греческ.	Латинск.	Готск.	Славян.	Кельтск.
svāshura	свекоръ	ἐκυρός	socor	svaihra	СКЕКРЪ chwegrwn
svashrū	свекровь	ἐκυρά	socrus	svaihro	СКЕКРЫ B. chwegry
džā'mātar	зять	γαμβρός	gener
snuschā	сноха	νύος	nurus	snūr	СНОХА
dēvar	деверь	δαφρ	levir	tācor	L. deveris
(ανδράδελφος)					
(nānandar)	золовка	γλωσ (ἀνδραδέλφη)	glos
yātara	жены братьевъ)	εἰνάτερες	janitricēs	П. jatrew
shyālá	(братъ жены)	ἀδελφοί и
shyāli	(сестра жены)	ἐδιδόνες (мужья сестеръ)

Предложенная таблица показываетъ, что до раздѣленія арійскаго племени каждая изъ степеней свойства уже имѣла соотвѣтствующее выраженіе въ языкѣ; ибо, хотя въ нѣкоторыхъ языкахъ мы должны были оставить пробѣлъ для той или другой степени, тѣмъ не менѣе совпаденіе названій въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, даетъ намъ право сдѣлать одно общее заключеніе. Когда мы встрѣчаемъ въ санскритѣ слово *putra* сынъ, а въ кельтскомъ *raotg* также сынъ, то тождество корней и суффиксовъ доказываетъ, что, хотя ни въ одномъ изъ остальныхъ арійскихъ нарѣчій это слово не сохранилось въ той же самой формѣ, однако тождество его въ кельтскомъ и санскритскомъ можетъ быть объяснено только съ помощію предположенія, что *putra* былъ обще-арійскій терминъ, образовавшійся прежде, чѣмъ какая-нибудь отрасль этой семьи успѣла отдѣлиться отъ общаго корня.

Въ языкахъ новѣйшихъ мы могли бы въ подобномъ случаѣ допустить позднѣйшее общеніе народовъ, но относительно древнихъ языковъ нельзя предположить такого общенія, послѣ того какъ южная вѣтвь арійской семьи уже перешла за Гималай, а сѣверная вступила въ предѣлы Европы. Другаго

рода вопросы возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ напр. въ словахъ: *gāmatar* и *γαμβρός*, первоначально означавшихъ жениха или супруга ¹⁾, а потомъ уже зятя, мы можемъ только доказать, что въ основу ихъ былъ положенъ одинъ и тотъ же корень, а потому и основное понятіе въ греческомъ, какъ и въ санскритѣ, должно предположить одно и то же, между тѣмъ какъ образованіе этихъ словъ въ обоихъ языкахъ иное. Здѣсь безъ сомнѣнія мы должны быть осторожнѣе въ заключеніяхъ, но вообще мы найдемъ, что эти различія формъ принадлежатъ къ числу такихъ, которыя встрѣчаются въ нарѣчійхъ одного языка, и образуются вслѣдствіе того, что изъ многихъ возможныхъ формъ, употреблявшихся сначала безразлично, одинъ поэтъ выбиралъ одну, другой другую, а впослѣдствіи та или другая изъ этихъ формъ установилась навсегда въ народномъ употребленіи. Это во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе, что, желая выразить отношеніе, для выраженія котораго есть столько различныхъ способовъ, Грекъ выбралъ корень *γαμ* и образовалъ изъ него *γαμρός*, *γαμβρός*, между тѣмъ какъ Индусъ, взявъ для выраженія того же самого понятія тотъ же самый корень только въ падежной формѣ (какъ въ словѣ *bhrâtar* вм. *bhartar*) и привѣсилъ къ нему суффиксъ *tar*, откуда образовалось *džâ-mâtar* — вмѣсто *džamara* или *gamara*. Далѣе, если случается, что одинъ изъ этихъ языковъ утратилъ общій терминъ, мы иногда можемъ отыскать его въ производныхъ. Въ греческомъ, на примѣръ, по крайней мѣрѣ въ языкѣ литературномъ, нѣтъ слѣдовъ слова *перосъ* внукъ, которому соответствуетъ санскритское *pârât*, германское *nefo*; также какъ нѣтъ и слова *neptis*, скр. *partî*, герм. *nift*. Но въ греческомъ есть *ἀνεψίος*, двоюродный братъ, т. е. тотъ, кто вмѣстѣ съ нами доводится кому нибудь внукомъ (такъ какъ и дядя зовется собственно *δῆδουκῶν*, *avunculus*, уменьшительнымъ отъ *avus*). Слово *ἀνεψίος* образовалось подобно латинскому *consobrinus*, т. е. *consogoginus* (такъ называются дѣти сестеръ), далѣе новѣйшее франц. и англ. *cousin*, итал. *cugino*, почти не сохранившія слѣдовъ кореннаго существительнаго *sogog*, отъ котораго они однако произведены. Слово: *ἀνεψίος* доказываетъ, что и въ греческомъ было

¹⁾ *Γαμβρός* καλεῖται ὁ γῆμας ὑπὸ τῶν οἰκείων τῆς γαμηθείσης.

слово $\nu\epsilon\pi\omicron\upsilon\varsigma$ въ значеніи сына или внука. Такимъ же образомъ можно доказать существованіе въ греческомъ языкѣ выраженія, соответствующаго санскритскому *shyāla*, т. е. шуринъ. Въ санскритѣ мужъ называетъ брата своей жены *shyāla*, сестру жены *syāli*. Потому по-гречески Пелей—Амфитриту, а Посидонъ—Фетиду назвали бы своими *shyāli*: такъ какъ они были женаты на сестрахъ, то у нихъ были общія *shyāli*, а сами они между собою были бы $\alpha\text{-}\epsilon\lambda\omicron\iota\varsigma$, ибо въ греческомъ *shy* между двухъ гласныхъ обыкновенно выпускается, и единственное уклоненіе этого греч. слова отъ скр. заключается въ томъ, что краткое ϵ замѣнило санскритское долгое \hat{a} .

До насъ дошло нѣсколько словъ, которыя проливаютъ тусклый свѣтъ на устройство арійской семейной жизни въ древнѣйшемъ періодѣ. Такъ напр., положеніе вдовы было признано языкомъ и закономъ, и нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ этотъ ранній періодъ лишившаяся мужа осуждалась умереть вмѣстѣ съ нимъ. Еслибъ этотъ обычай уже существовалъ, то не было бы нужды и въ особомъ названіи для вдовы или по крайней мѣрѣ въ этомъ названіи долженъ былъ бы сказаться какой-нибудь намекъ на этотъ безчеловѣчный обычай. Мужъ въ санскритѣ называется *dhava*, слово, котораго, по видимому, нѣтъ ни въ одномъ изъ остальныхъ арійскихъ нарѣчій, развѣ за исключеніемъ кельтскаго, въ которомъ Пиктѣ находятъ сходную форму—*dea*, мужчина. Отъ *dhava* санскритъ образуетъ названіе вдовы, прибавляя предлогъ *vi*, т. е. безъ; отсюда *vi-dhava* безмужная, вдова. Это сложное слово сохранилось въ нарѣчійхъ, утратившихъ коренное *dhava*, что доказываетъ высокую древность этого наименованія. Мы встрѣчаемъ его не только въ кельтскомъ *feadh*, но и въ готскомъ *viduvo*, слав. вѣдова, древне-прусск. *widdewū* и латинскомъ *vidua*. Если бы обычай сожиганія женъ существовалъ уже въ этомъ раннемъ періодѣ, то не было бы и вдовъ, т. е. безмужныхъ, ибо всѣ онѣ умирали бы вслѣдъ за своими умершими мужьями. Потому самое существованіе такого термина указываетъ на позднѣйшее происхожденіе индусскаго обычая сжигать женъ. Не смотря на то, когда англійское правительство рѣшилось запретить этотъ отвратительный обычай и когда вслѣдствіе этого въ Индіи готовилось вспыхнуть религиозное возстаніе, браманы ссылались на авторитетъ Ведъ,

освящающій, какъ они утверждали, этотъ древній обычай, и такъ какъ англійское правительство обѣщало не вмѣшиваться въ религіозныя дѣла Индусовъ, то, опираясь на это, браманы стояли за неприкосновенность и этого обычая. Они приводили главу и стихъ изъ Ригъ-Веды, и дѣйствительно, переводъ этого текста, сдѣланный Кольбрукомъ¹⁾, добросовѣстнѣйшимъ и ученѣйшимъ санскритологомъ, какой когда-нибудь былъ въ Англии, вполне подтверждаетъ притязанія брамановъ. Вотъ этотъ переводъ:

„Омъ! Пускай эти жены, добрыя жены, убранныя коллириумомъ, съ очищеннымъ масломъ въ рукахъ, предаются огню, дабы не овдовѣть! безсмертныя, не бездѣтныя, не безмужныя, пускай украшенныя драгоценностями идутъ онѣ въ огонь, первоначальная стихія котораго есть вода!“ (изъ *Ригъ-Веды*).

Это одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ того, до какой недобросовѣстности способенъ дойти фанатизмъ религіозной касты. Гибли тысячи и тысячи жизней, цѣлой странѣ угрожало фанатическое возстаніе, и все это на основаніи одного текста, искаженнаго, неправильно переведеннаго, неправильно истолкованнаго. Если бы въ то время кто-нибудь могъ повѣрить этотъ текстъ, то браманы были бы поражены собственнымъ оружіемъ и ихъ вліянію былъ бы нанесенъ чувствительный ударъ. Ригъ-Веда, которую теперь едва ли кто изъ ста брамановъ способенъ читать, не только не требуетъ сожиганія вдовъ, но напротивъ того неопровержимо свидѣтельствуетъ, что этотъ обычай не былъ извѣстенъ въ древнѣйшемъ періодѣ индусской исторіи. Согласно съ гимнами Ригъ-Веды и обрядовыми установленіями (*Grihya-sūtras*) жена сопровождаетъ трупъ мужа до погребальнаго костра, но здѣсь къ ней обращается стихъ изъ *Ригъ-Веды*, которымъ внушается ей оставить мужа и возвратиться въ миръ живыхъ²⁾. „Встань, женщина“, говорятъ ей: „воротись въ міръ жизни; ты лежишь подлѣ того, чья жизнь отлетѣла. Возвратись къ намъ.

¹⁾ См. его разсуд. «Объ обязанностяхъ вѣрной жены» въ *Asiatic Researches*, vol. IV, pp. 209, 219. Calcutta, 1795.

²⁾ См. статью Гримма: *Ueber Verbrennung d. Todten*; статью Рота: о погребеніи у Индусовъ; статью профессора Вильсона: *On the supposed Vaidic authority for the burning of Hindu widows*, и мой собственный переводъ всѣхъ относящихся сюда свидѣтельствъ въ *Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft*, т. IX, вып. 4. Професс. Вильсонъ первый указалъ перемѣну словъ «yonim agre» въ «yonim agneh».

Ты исполнила долгъ жены въ отношеніи къ мужу, которому ты нѣкогда отдала свою руку и который сдѣлалъ тебя матерью“.

Передъ этимъ стихомъ читается стихъ, искаженный позднѣйшими браманами и приводимый ими въ подтвержденіе своего кровожаднаго вѣроученія. Чтеніе этого текста не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, ибо для Ригъ-Веды нѣтъ разночтеній въ нашемъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того мы имѣемъ комментаріи, собранія обрядовъ, и — нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго разногласія касательно чтенія или значенія этого текста. Слова его обращены къ другимъ, присутствующимъ при погребеніи женамъ, на которыхъ обрядъ возлагаетъ обязанность возливать на костеръ растительное и коровье масло:

„Пускай эти жены, которыя не овдовѣли, у которыхъ есть добрые мужья, приступать, неся елей и масло. Пускай тѣ изъ нихъ, которыя уже сдѣлались матерями, первыя приступать къ жертвеннику, безъ слезъ, безъ скорби, но покрытыя драгоценными украшеніями“.

Слова: „пускай женщины первыя подойдутъ къ алтарю“, по санскритски читаются такъ: «ā gōhantu d̄žanaḡo ḡonim agre», и вотъ эти-то слова браманы передѣлали въ слѣдующія: «ā gōhantu d̄žanaḡo ḡonim agneh» — перемѣна, по видимому ничтожная, въ одной буквѣ, но этой легкой перемѣны было достаточно, чтобы сдѣлать жертвою огня (agneh) тысячи несчастныхъ женщинъ ¹⁾.

Послѣ этого отступленія мы возвращаемся къ тому древнѣйшему періоду исторіи, свѣдѣнія о которомъ можно найти только въ языкѣ. Къ этому періоду мы отнесли названіе вдовы или безмужной. Неудивительно, что названіе мужа до сего дня въ большей части арійскихъ нарѣчій удержалось тоже самое, которое возникло еще до раздѣленія Аріевъ. Въ санскритскомъ это слово pati, которое первоначально значитъ: *сильный, крѣпкій, могучій* подобно латинскому potis или potens. Въ литовскомъ — та же самая форма patis, которая по закону

¹⁾ Такимъ же образомъ обычай сожиганія вдовъ былъ внесенъ браманами въ одно мѣсто, вставленное въ индійскую драму о царѣ Судракѣ, которая была переведена проф. Вильсономъ и недавно сыграна въ Парижѣ. Le chariot d'enfant. Drame en vers en cinq actes et sept tableaux, traduction du drame indien du Roi Soudraka, par MM. Méry et Gerard de Nerval. Paris, 1830.

Гримма, въ готскомъ превращается въ *faths*. Въ греческомъ мы находимъ *πότις* вмѣсто *πάτις*. Женскій родъ отъ *pati*, въ санскритск. *patnī*, и безъ всякаго сомнѣнія древне-прусское *pattin*, въ винительномъ *waispattin* и греческое *πότις* (и то и другое значить: *госпожа*), — ничто иное, какъ видоизмѣненія первоначальнаго *pati*.

Чѣмъ мужъ былъ въ своемъ домѣ, т. е. господиномъ, сильнымъ покровителемъ, тѣмъ самымъ былъ царь для цѣлаго народа. Общее названіе народа въ санскритѣ было *vis*, откуда названіе третьей касты домовладѣльцевъ—*Ваисии*. Оно происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли санскритск. *vesha домъ*, греч. *οἶκος*, лат. *vicus*, готск. *veih*, герм. *wich*, наконецъ новѣйшее англійское окончаніе *wich* въ названіяхъ многихъ мѣстностей. Потому въ санскритск. *vishpati* значило *царь*, т. е. владыка народа; это сложное слово было въ общемъ употребленіи у Аріевъ до ихъ раздѣленія, что страннымъ образомъ подтверждается литовскими формами: *wiesz-patis* *господинъ*, *wiesz—patene* *госпожа*, которыя прямо указываютъ на санскритское *vish-patis* и *patnī*. Стало быть, въ этотъ ранній періодъ была уже не только благоустроенная семейная жизнь, но даже семья начинала поглощаться государствомъ, вслѣдствіе чего явились приведенныя нами названія главы народа, которыя возникли и стали переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію за 2000 лѣтъ прежде, чѣмъ явился титулъ кесаря.

Такъ какъ въ санскр. народъ называется еще *dāsa* или *dasyu*, то *dāsa-pati*, безъ сомнѣнія, было также одно изъ древнѣйшихъ названій царя. Но между *vis* и *dāsa* та огромная разница, что первое значить: народъ, а вторымъ означались подданные, т. е. покоренные, подвластные народы и первоначально даже — враги. *Dasyu* въ Ведахъ значитъ *врагъ*, а въ Зендавестѣ: *области* или *племена* (покоренныя—*gentes*) и самъ Дарій въ надписи на одной скалѣ называетъ себя „царемъ Персіи и областей“ (*Kshâyathîya Pârsaiya, Kschâyathîya dahyu-nâm*). Потому едва ли можно сомнѣваться, что греческое *δεσ-πότις* соотвѣтствуетъ санскритскому *dāsa-pati* владыка народовъ; но нельзя допустить, чтобы слово, „господарь“, какъ утверждаетъ Боппъ, было тождественно съ санскритскимъ *vispati* или *dāsapati*. Въ литовскомъ есть слово *gaspadorus*; въ цер. слав.

господь, господинъ и государь, въ польскомъ *gospodarz*, въ чешскомъ *hospodár*. Славянскій звукъ: г не соотвѣтствуетъ санскритскому *w* или *d*, и *t* въ *pati* не могло перейти въ *d* ¹⁾. Бенфей, производя слово *господь* отъ ведійскаго *džâspati*, этимъ разрѣшаетъ первую трудность, но послѣдняя остается въ своей силѣ и, разумѣется, гораздо лучше признать эти трудности, чѣмъ посредствомъ натяжекъ приискивать арійскіе корни вопреки основнымъ лингвистическимъ законамъ.

Третье общеарійское названіе для царя есть *gâdž*, встрѣчающееся въ Ведахъ; въ лат. *rex*, *regis*, въ готск. *reiks*, существующее до сихъ поръ въ нѣмецкомъ въ формѣ *reich*, *regnum*, откуда *Frankreich*, т. е. царство франковъ, ирландское *riogh*, валійское *gi*.

Четвертое названіе царя и царицы просто: *отецъ и мать*. *Džapa* въ санскритѣ значитъ *родитель*, отъ *džan* *родить*; оно встрѣчается также въ Ведахъ, какъ имя одного довольно извѣстнаго царя. Это древне-нѣмецкое *chuning*, англійское *king*. Мать въ санскритск. *džani*, въ греческ. *γυνή*, въ готскомъ *qinô*, въ славянскомъ: *жана*, въ англійскомъ *queen*, королева. Итакъ слово *queen* первоначально значило: *мать*, новый примѣръ того, какъ языкъ семейный постепенно переходилъ въ государственный языкъ древнѣйшаго арійскаго государства, и семейное, кровное братство — въ государственную *фратріа*.

Мы видѣли, что еще прежде, чѣмъ семья Аріевъ успѣла раздѣлиться на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна направилась на сѣверъ, другая на югъ, названіе *дома* было уже извѣстно. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, сравнимъ санскр. *dama* съ греч. *δῶμος*, лат. *domus*, слав. *домъ*, кельт. *daimh*, гот. *timjan*, *строить*, откуда англійское *timber*, хотя мы сомнѣваемся въ тождествѣ славянскаго *градъ*, русск. *городъ*, литовскаго *grod* съ готскимъ *gards*, лат. *hort-us*, греч. *ἄβρτος*, которыя всѣ означаютъ огороженный участокъ земли. Такъ какъ самая важная принадлежность дома въ древнѣйшую пору, была дверь, хорошо утвержденная и способная противостоятъ нападеніямъ непріятеля, то мы съ удовольствіемъ находимъ, что древнѣйшее названіе двери сохранилось въ санскритскомъ *dvar*, *dvâgas*, готск. *daur*, лит. *dur-*

¹⁾ См. превосходныя замѣчанія Шлейхера въ его: *Formenlehre der kirchenlawischen Sprache* 1852, стр. 107.

гус, кельт. *dog*, греч. *δοξα*, лат. *fores*. Строитель или архитекторъ называется одинаково какъ въ греческомъ, такъ и въ санскритскомъ, ибо *takschan* есть греч. *τέκτων*. Греч. *ἄστυ* сравнивали съ санскр. *vāstu*, *домъ*; греч. *κῆμη* съ готск. *haims*, *село* и англ. *home*. Еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ о раннемъ существованіи городовъ санскритское *purī*, сохранившееся въ греческомъ названіи города *πόλις*. Что пути сообщенія были также извѣстны, это видно изъ санскритскихъ словъ: *path*, *pathi*, *panthan* и *pāthas*, которыя всѣ имѣютъ одно общее значеніе *путь* и которымъ соотвѣтствуютъ греч. *πάτος*, готск. *fad*, которыя Боппъ считаетъ тождественными съ лат. *pons*, *pontis* и славянскимъ *пѣть*.

Пришлось бы наполнить цѣлый томъ, если бы мы стали разбирать всѣ остатки древнѣйшаго языка, хотя, безъ сомнѣнія, каждое новое слово давало бы новое подтвержденіе нашей основной мысли, прибавляя какъ бы новый камень для возсозданія древнихъ, почтенныхъ развалинъ духовной жизни Аріевъ. Не смотря на то, примѣры, приведенные нами, дѣлаютъ достаточно свидѣльствуютъ, что племя, способное создать эти, уцѣлѣвшія до нашего времени, слова, не могло состоять изъ дикихъ, грубыхъ кочевниковъ или звѣролововъ. Мало того, слѣдуетъ замѣтить, что большая часть выраженій, связанныхъ со звѣриной ловлей и военнымъ ремесломъ, различны во всѣхъ аріискихъ нарѣчіяхъ, между тѣмъ какъ слова, относящіяся къ занятіямъ болѣе мирнымъ, составляютъ общее наслѣдство этихъ языковъ. Толкованіе этого явленія, предложенное знаменитымъ Нибуромъ, который замѣтилъ его въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, не можетъ быть допущено при современномъ состояніи науки. Правильная оцѣнка этого явленія приводитъ къ тому заключенію, что всѣ аріискія племена до раздѣленія долгое время вели жизнь мирную, и что ихъ языкъ успѣлъ сложиться и выработать всѣ національныя особенности къ тому времени, когда отдѣлившіяся отъ него племена отправились искать новыхъ селищъ. Слѣдующія поколѣнія создали новыя слова, на которыхъ отразился воинственный и кочевой характеръ ихъ быта въ эпоху переселенія. Отсюда произошло, что не только греческій и латинскій, но и всѣ аріискіе языки имѣютъ общія слова для выраженія понятій мирной жизни и совершен-

но расходятся въ обозначеніи понятій относящихся къ войнѣ. Такимъ образомъ домашнія животныя въ Англіи называются тѣми же именами, какъ и въ Индіи, между тѣмъ какъ хищныя животныя носятъ разныя названія даже въ латинскомъ и греческомъ языкахъ. Мы позволимъ себѣ представить сравнительную таблицу, которая должна говорить сама за себя: какъ ни поучительно было бы вѣрное объясненіе кореннаго значенія этихъ словъ, которыя могутъ быть названы живыми свидѣтелями быта и духовной жизни арійскаго племени въ древнѣйшую эпоху его исторіи, — подробный этимологическій разборъ потребовалъ бы слишкомъ много времени.

	Санскр.и	Зендъ	Греч.	Итальян.	Тевтон.	Литов.	Славян.	Кельт.
рогатый скотъ	pashu	pasu	πῶο	pecu	Н. faihu др-вер-н. fihu	Прус. pecku
быкъ и корова	go (имен. gau)	gāo	βοῦς	bos	др-вер-н. chu	Латыш. gohw
быкъ	ukschan	ukshan vakhsva	vacca?	н. auhsan	ych
волъ	sthûrâ	stavra	ταῦρος	taurus	stuir	Туръ
теляца	stari	στεῖρα	(sterilis)	stairo
лошадь	âshu, ashva	aspa	ἵππος	equus	н. aihus	aszwa	osw
курица	πῶλος	pullus	н. fula
собака:	shvan	spâ спâха	κύων	canis	др-в-н. hund	szu	русск. собака Болг. kuce	cu
овца	avi	οἶς	ovis	н. avi-str E. ewe	awi	слав. ОВЦА
теленкъ	vatsa	ἔταλος	vitulus
козелъ	κάπρος	caper	др-в-н. hafr
коза	adžâ	αἴζ	ozis	aighe
свинья (самка)	sû(kara)	ῥς	sus	др-в-н. sù	свинья
поросенокъ	prischat	πέρκος	porcus	др-в-н. farah	parszas	Пол. prosie
боровъ	grischvi	χοῖρος	Д-н. grîs
оселъ	ὄνος	asinus	asilo
мышъ	mûsch	μῦς	mus	др-в-н. mûs	Пол. mysz
муха	makschikâ	μύτα	musci	д-в-н. micco	musse	Рус. муха
гусь	hansa	χῆν	anser	Д-в-н. Kans	zasis	Чешск. hus	ganra

Изъ дикихъ звѣрей нѣкоторые были извѣстны Аріямъ прежде ихъ раздѣленія, и случайно это были два звѣря, и теперь еще живущіе какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ: волкъ и медвѣдь.

	Санскрит.	Греческ.	Итальянск.	Нѣмецк.	Славянск.
медвѣдь:	rikscha	ἄρκτος	ursus		
волкъ:	vrika	λύκος	$\left. \begin{array}{l} \text{lupus} \\ \text{(v)irpus} \end{array} \right\}$	vulfs	влькъ

Къ нимъ должно присоединить змѣю:

змѣя:	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ahi} \\ \text{sarpa} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{ἄχις} \\ \text{(ἔγχελος)} \\ \text{ἔρπετον} \end{array} \right.$	$\left\{ \begin{array}{l} \text{anguis} \\ \text{(anguilla)} \\ \text{serpens} \end{array} \right.$	$\left. \right\}$	ungury жгорь рус. угорь

Не останавливаясь на различныхъ названіяхъ этихъ звѣрей,— изъ которыхъ нѣкоторые стали ручными и домашними, между тѣмъ какъ другіе до сихъ поръ остались естественными врагами пастыря и его стадъ—мы назовемъ нѣсколько словъ, которыя показываютъ, что и этой древнѣйшей пастушеской жизни не были чужды нѣкоторые виды искусствъ и ремеслъ, каковы напримѣръ земледѣшество, искусство молоть зерновой хлѣбъ, тканье и обдѣлка драгоценныхъ или полезныхъ металловъ.

Древнѣйшее выраженіе для паханія есть Ag, которое повторяется въ лат. agere, въ греч. ἀροῦν, древне-верхне-нѣмецкомъ agan, въ слав. орати, въ лит. arti и гаэлическомъ ag. Отъ этого глагола происходитъ общее названіе плуга ἄροτρον, aratrum, древне-саксонск. erida, древ. скан. ards, слав. орало и орадло, литов. arimnas и корнв. agadar. Отъ того же корня происходятъ, вѣроятно, греч. ἀροῦρα и лат. arvum. Но болѣе общее названіе поля представляютъ санск. pada, греч. πέδον, умбр. regum, пол. pole, сакс. folda, др.-в.-н. feld, field; или ἀγρός, ager и готск. akrs.

Хлѣбныя растенія, родившіяся въ азійской прародинѣ Аріевъ, разумѣется, не могли быть тѣ же самыя, которыя имъ довелось воздѣлывать впоследствии въ странахъ болѣе сѣверныхъ. Не смотря на то, нѣкоторыя изъ относящихся сюда названій сохранились и можно предполагать, что съ ними соединялось, если не совершенно тождественное, то по крайней мѣрѣ сходное ботаническое значеніе. Таковы санскритское yava, въ земд.

уава, литовск. jawas, что въ греческомъ, должно измѣниться въ ζέα. Скр. shveta значить бѣлый и соответствуетъ готскому hveit, д-в-нѣм. huiz и wiz, англосакс. hvít, и литовск kwētys.

Но названіе *цѣпта* перешло въ названіе *блага зерна* и такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ готскомъ hvaitēi, лит. kwec'io, англ. wheat; съ этими словами нѣкоторые ученые сближали слав. жито и греч. σίτος. Названіе *зерно* значило первоначально раздавленное, смолотое. Такъ kûgna въ санскритѣ значить *смолотый*, и отъ этого самаго корня, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ производить русское *зерно*, готск. kaugn, лат. granum. Въ литовскомъ gîgna значить *жерновъ*, а множественнымъ gîgnôs называется *ручная мельница*. Въ русскомъ опять *жерновъ*, въ готск. мельница называется qvaîrnus (позднѣ quîrn). Англійское названіе мельницы mill также довольно древняго происхожденія, ибо оно оказывается не только въ др.-верх.-нѣм. muli, но и въ литов. malupas, чешск. mlýn, валашск. melin, латин. mola и греч. μύλη.

Мы могли бы привести еще названія, относящіяся къ варенью и печеню, и рано установившееся различіе между сырымъ и варенымъ мясомъ, въ доказательство того, что отвращеніе, выраженное въ позднѣйшее время въ Ведахъ къ племенамъ, которыя употребляютъ въ пищу сырое мясо, чувствовалось уже въ древнѣйшемъ, до-историческомъ періодѣ. Названія kvaуа-ad (κρέας-ἔδω) и âma-ad (ἄμῶς-ἔδω) прилагаются въ Индіи къ варварамъ и для Индуса съ ними соединяется тоже самое чувство отвращенія, какое для Грека соединилось съ словами ὄμοφαγοί и κρέωφαγοί. Но теперь мы можемъ только слегка коснуться этихъ пунктовъ, оставляя до другаго времени интересную задачу изобразить въ большей полнотѣ картину этой древнѣйшей эпохи въ жизни человѣчества.

Такъ какъ названія одежды у всѣхъ аріійскихъ народовъ одинаковы,—въ санскр. vastra, въ готск. vasti, въ латин. vestis, въ греч. ἔσθῆς, въ кельтск. gwisk,—то мы въ правѣ предположить, что нашимъ аріійскимъ предкамъ было извѣстно искусство тканья и шитья. Ткать по скр. ve, а въ причинной формѣ: var. Съ первымъ (ve) совпадаютъ лат. vico и коренной слогъ въ греч. Φή-τριον; со вторымъ (var)—др.-верх.-нѣм. vab, англ. weave, греч. βφαίνω.

Шить по скр. *siv*, откуда *sûtra*, *нить*. Тотъ же самый корень сохранился въ лат. *suo*, въ готск. *siuja*, въ др.-вер.-нѣм. *siwu*, англ. *to sew*, литов. *suwú*, слав. *шю*, греч. *κασύω* вм. *κατασύω*. Другой скр. корень съ весьма близкимъ значеніемъ *Nak*, который, вѣроятно, существовалъ въ формахъ *nabh* и *nadh*. Отъ *nah* происходитъ лат. *neo* и *nesto*, греч. *νέω*, нѣм. *nâhan*, и *nâvan*, шить, отъ *nadh*, греч. *νήθω*; отъ *nabh*, скритск. *nâbhi*, и *nâbha* или *ûgnanâbha*, *паукъ*, въ буквальномъ переводѣ — *волну* или *шерсть прядущій*.

Есть четвертый корень, который, кажется, первоначально имѣлъ специальное значеніе: *шить* или *ткать*; но въ послѣдствіи въ санскритѣ получилъ болѣе общее значеніе *дѣлать*. Этотъ корень какъ, который, быть можетъ, соотвѣтствуетъ греч. *ῥάπτω* — сшивать или ткать; этимъ корнемъ можно объяснить греческ. названіе паука *ἀράχνη*, въ латинск. *aganea* и классическое названіе тканой шерсти *λάχνος* или *λάχνη*, лат. *lana*.

Немного найдется словъ, свидѣтельствующихъ, что цѣнность и польза нѣкоторыхъ металловъ была извѣстна Аріямъ до раздѣленія на племена; названія для большей части металловъ различны у народовъ индо-европейской семьи. Не смотря на то, не можетъ быть сомнѣнія, что желѣзо и его употребленіе какъ для обороны, такъ и для нападенія было извѣстно. Какое бы ни было его древнее арійское названіе, ясно, что санскритское *ayas*, латинск. *ahes*, (въ *aheneus*,) и даже сокращенная форма *aes*, *aeris*, готск. *aîs*, др.-вер.-нѣм. *eg*, и англ. *iron*, суть названія, вылитыя по одной формѣ и испытывшія только нѣкоторыя легкія измѣненія въ теченіи столѣтій. Болѣе потерпѣли названія драгоцѣнныхъ металловъ, каковы золото и серебро. Но, не смотря на то, мы можемъ даже въ кельтскомъ *airgiôd* открыть слѣды санскритскаго *gadźata*, греч. *ἄργυρος*, лат. *argentum* даже въ готскомъ *guld*, *gold* открывается сходство съ слав. *злато*, русскимъ *золото*, греч. *χρῦσος* и санскр. *higanyam*, только въ окончаніяхъ значительная разница. Общій корень былъ, кажется, *harat*, откуда санскр. *harit* *цвѣтъ солища* и *зари*, какъ и въ латинскомъ слова *auriga* и *augur* также имѣютъ одинъ общій корень. Нѣкоторыя изъ желѣзныхъ орудій, служившихъ для мирныхъ или для воинственныхъ цѣлей, удержали свои первоначальныя названія. Любопытный въ этомъ отношеніи фактъ

представляетъ тождество санскритскаго *ragasi* съ греческимъ *πέλαγος*, *сѣкира*, или санскр. *asi*, *мѣчъ* съ латин. *ensis*.

Новыя понятія принимаются не вдругъ; въ духѣ челоуѣка есть склонность противиться новымъ убѣжденіямъ до послѣдней возможности. Потому только рядомъ тщательно и систематически подобранныхъ фактовъ и путемъ строгихъ лингвистическихъ выводовъ можно надѣяться сдѣлать мало по малу очевиднымъ, что въ исторіи челоуѣчества былъ періодъ до появленія древнѣйшихъ между извѣстными арійскими нарѣчіями,— до происхожденія санскритскаго и греческаго языковъ, до того времени, когда первые Греки, прибывъ на берега Малой Азіи и обозрѣвая представлявшееся имъ на западъ и сѣверъ широкое раздолье водъ и материка, назвали новую часть свѣта *Европой*. Допросимъ другаго свидѣтеля, отрицательныя показанія котораго имѣютъ большой вѣсъ. Должно предполагать, что въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, родоначальники арійскаго племени жили въ центральной Азіи, откуда впоследствии южныя отрасли двинулись къ Индіи, а сѣверныя потянули на сѣверозападъ, по направленію къ Малой Азіи и Европѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что до раздѣленія они не могли знать моря и, если допустить вѣрность принятой нами теоріи, названія моря должны были явиться у нихъ позднѣе, послѣ раздѣленія, а потому и не могутъ быть одинаковы въ различныхъ языкахъ арійской семьи. Такой выводъ блистательно оправдывается самымъ дѣломъ. Дѣйствительно, названія моря, тождественныя въ греческомъ и латинскомъ, различны у сѣверныхъ и южныхъ отраслей арійской семьи, и даже у самыхъ Грековъ и Римлянъ— названія моря—выраженія очевидно переносныя, которыя первоначально, въ древнемъ языкѣ, имѣли иное значеніе и уже впоследствии были перенесены на новое явленіе *моря*, до того времени неизвѣстное, и потому еще не имѣвшее въ языкѣ соотвѣтствующаго названія. Лат. *pontus* и греч. *πόντος* тоже самое, что гомеровское *ὕγρᾶ κέλευθα* (т. е. влажный путь), ибо *pontus* происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли въ лат: *pons*, *pontis* и санскр. *pantha* (если даже не самое *pāthas*, путь). Не преградой казалось море родоначальникамъ Грековъ и Римлянъ, а пространнымъ, открытымъ путемъ, болѣе всякаго другаго пути удобнымъ для путешествій

и торговыхъ предприятий. Потому профессоръ Курціусъ *) совершенно вѣрно въ греческихъ выраженіяхъ: πόντος ἄλς πολιῆς и θάλασσα πόντου видитъ доказательство того, что самые Греки сознавали еще первоначальное значеніе слова πόντος. Напрасно было бы заключать о знакомствѣ древнѣйшихъ Аріевъ съ моремъ изъ общихъ всѣмъ аріискимъ племенамъ названій соли, каковы: санскр. salila, лат. sal, и греч. ἄλς, ἄλς. Если эти слова и доказываютъ что-нибудь, то развѣ то только, что родоначальникамъ аріискаго племени было извѣстно употребленіе соли, ибо переносное значеніе моря всѣ эти слова получили уже въ позднѣйшее время. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о такихъ словахъ, какъ латин. aequor (первоначально вообще равнина, а потомъ уже ровная поверхность моря) или греч. πέλαγος.

Извѣстно, что θάλασσα есть діалектическое измѣненіе θάρασσα или τάρασσα, т. е. возмущенная, взволнованная поверхность моря (ἐτάραξε δὲ πόντον Πόσειδων) и если латинское mare тоже самое, что санскритское vâgî, то не слѣдуетъ забывать, что vâgî въ санскритѣ значитъ не море, а вообще вода, и потому служить только новымъ подтвержденіемъ того, что, какъ мы уже сказали, всѣ аріискія племена, когда настала потребность образовать названіе для моря, выбрали для этого какое-нибудь выраженіе изъ существовавшаго уже въ языкѣ запаса словъ съ общимъ значеніемъ. Названіе mare первоначально означало скорѣе мертвую или стоячую воду, ибо, подобно санскритскому marî, пустыня, оно происходитъ отъ mîgî умирать и, хотя mare тождественно съ готск. mareî, славян. море, ирланд. muir, тѣмъ не менѣе вѣроятно, что всѣ эти слова первоначально не имѣли значенія океана, а получили его уже впоследствии. Но, не зная моря, аріискія племена еще въ періодъ до развѣтвленія ихъ общаго языка на различныя нарѣчія, умѣли уже плавать на судахъ. Англійскія слова: oar и rudder (весло) можно прослѣдить въ различныхъ языкахъ до самаго санскрита, а названія корабля совершенно тождественны въ санскр. (nâus, nâvas), лат. (navis), греч. (ναῦς) и германск. (др.-вер.-нѣм. nacho, англосакс. nasa).

*) См. въ Zeitschr. für vergl. Sprachforschung Куна I, 34. Проф. Курціусъ предлагаетъ такое уравненіе: πόντος: πάτος=πένθος: πάθος=βένθος: βάθος.

Обозрѣвая собранныя нами данныя,—число которыхъ, если бы то позволялъ объемъ нашей статьи, можно было бы значительно дополнить *), — нельзя не убѣдиться, что всѣ приведенныя нами слова — останки языка, которымъ говорило нѣкогда единое цѣлое племя, въ эпоху, самое существованіе которой еще до послѣдняго времени историкъ осмѣливался предполагать развѣ только на основаніи священныхъ преданій еврейскаго народа. Между тѣмъ теперь, благодаря сравнительной филологіи, у насъ въ рукахъ живые памятники этого отдаленнаго періода. Оказывается, что мы до сихъ поръ употребляемъ тѣ же самыя слова,—только нѣсколько измѣненныя подъ вліяніемъ фонетическихъ превратностей, — которыя употреблялись родоначальниками арійскаго племени. Оказывается, что ихъ мысль и слово также близки намъ, какъ Итальянцамъ и Французамъ близки мысль и слово древнихъ Римлянъ. Если бы потребовалось новое доказательство дѣйствительнаго историческаго существованія этого періода, который, какъ сказано, долженъ былъ предшествовать расселенію арійскаго племени, то арійскія числительныя могутъ представить неопровержимое свидѣтельство той умственной жизни, которою жило и *давно* жило въ этомъ періодѣ арійское племя. Несомнѣнно, что древніе Аріи имѣли уже десятичную систему счисленія, — одно изъ самыхъ изумительныхъ созданій чловѣческаго духа, ибо эта система предполагаетъ въ своей основѣ отвлеченное понятіе о количествѣ, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи способность умозрительной классификаціи: между тѣмъ эта система была задумана и успѣла окончательно опредѣлиться уже въ ту незапамятную пору, когда на европейской почвѣ еще не было ни Грековъ, ни Римлянъ, ни Славянъ, ни Германцевъ. Эта система могла выработаться только въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной общины, ибо болѣе, чѣмъ всякій другой элементъ языка, заставляетъ до-

*) Богатое собраніе обще-арійскихъ словъ можно найти въ Исторіи нѣмецкаго языка Я. Гримма. Первая попытка воспользоваться такими словами для историческихъ выводовъ принадлежитъ Эйхгофу; но съ тѣхъ поръ весьма полезныя дополненія въ этомъ отношеніи были сдѣланы Уиннингомъ (Winning) въ его *Manual of Comparative Philology* 1838, потомъ Куномъ, Курціусомъ и Фёрстеманомъ. Много новыхъ матеріаловъ можно найти въ *Glossari* Боппа и въ *Etymologische Forschungen* Потта.

пустить условное соглашеніе между людьми, среди которых впервые сложились арійскія названія числъ — отъ единицы до ста. Вообразимъ, на сколько это теперь возможно, — что насъ заставили бы вдругъ изобреѣсти новыя названія для единицы, двухъ, трехъ и т. д., и мы поймемъ, какую трудную задачу представляло первоначальное образованіе и установленіе именъ числительныхъ. Гораздо легче придумать названія для предметовъ міра вещественнаго, потому что каждый изъ такихъ предметовъ представляетъ извѣстные атрибуты, признаки, которые языкъ можетъ выразить описательно — и названія для этихъ предметовъ готовы. Такъ напримѣръ море можно назвать „соленой водой“, дождь — „небесной влагой“, рѣки — „чадами земли“. Но числа по самому существу своему — понятія до такой степени отвлеченныя, что напрасно было бы искать въ нихъ какихъ либо конкретныхъ признаковъ, которые могли бы послужить основой для образованія числительныхъ именъ. Всего легче управиться съ первыми числами: *одинъ*, *два*; — потому эти два числа имѣютъ въ арійскихъ языкахъ по нѣскольку названій. Но самое это обиліе могло бы только повести къ новымъ затрудненіямъ. Положимъ, что для обозначенія одного и того же числа существуетъ нѣсколько названій: не затемняется ли самое значеніе этихъ названій? Положимъ для примѣра, что число *пять*, называясь словомъ, имѣющимъ значеніе „открытая ладонь“, въ то же время могло бы выражаться еще словомъ *пальцы*: эти два синонима были бы совершенно неудобны для разнѣна мыслей. Или положимъ, что одно и то же слово, означающее „пальцы на рукахъ или на ногахъ“, могло бы употребляться для выраженія числа *пяти* и числа *десяти*: не подало ли бы это повода къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ? Потому, чтобы образовать и установить рядъ словъ для выраженія чиселъ: единицы, двухъ, трехъ, четырехъ и проч., родоначальники Аріевъ необходимо должны были положительно условиться для обозначенія каждаго числа не употреблять болѣе одного термина, соединяя съ каждымъ изъ этихъ терминовъ не болѣе одного опредѣленнаго значенія. Относительно другихъ словъ такого соглашенія не требовалось и на самомъ дѣлѣ не было, что лучше всего доказывается множествомъ синонимическихъ и полонимическихъ (многозначущихъ) выраженій, обиліе ко-

торыхъ составляетъ отличительную черту каждаго древняго языка. Этотъ избытокъ, свойственный языку въ раннемъ періодѣ его жизни, умѣряется только въ послѣдствіи долговременнымъ обращеніемъ языка въ литературномъ и житейскомъ употребленіи: только въ такомъ долговременномъ обращеніи каждый предметъ получаетъ одно определенное названіе и за каждымъ названіемъ утверждается одно специальное значеніе.

Относительно арійскихъ числительныхъ именъ весь этотъ процессъ долженъ былъ совершиться еще въ ту пору, когда Греки не были Греками, Германцы—Германцами и т. д., ибо этимъ только можно объяснить то совпаденіе въ названіяхъ чиселъ, которое представляется намъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Санскрит.	Греческ.	Латин.	Литовск.	Готск.
I	ekas	εἷς (ὀνῆ)	unus	wienas	ains
II	dvau	δύω	duo	du	twai
III	trayas	τρεις	tres	trys	threis
IV	tschatvâras	τέτταρες (Ἰολ. πικυρες)	quatuor (Оск. petora)	keturi	fidvôr
V	pantschaa	πέντε	quinque (Оск. pomtis)	penki	fimf
VI	schasch	ἕξ	sex	szeszi	saihs
VII	sapta	ἑπτὰ	septem	septyni	sibun
VIII	aschtau	ὀκτώ	octo	aztūni	ahtau
IX	nava	ἐννέα	novem	dewyni	niun
X	dasha	δέκα	decem	deszimt	taihun
XI	ekâdasha	ἑνδεκά	undecim	wieno-lika	ain-lif
XII	dvâdasha	δωδεκά	duodecim	dwy-lika	tva-lif
XX	vinshati	εἴκοσι	viginti	dwi-deszimti	twaitigjus
C	shatam	ἑκατόν	centum	szintas	taihun taihund
M	sahasram	χίλιοι	mille	tukstantis	thusundi

Если нельзя объяснить сходства числительныхъ во французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ и валашскомъ языкахъ, не допустивъ, что всѣ они произошли отъ одного общаго латинскаго типа, то къ тому же самому заключенію приводитъ и сличеніе числительныхъ у всѣхъ арійскихъ народовъ. Названія чиселъ были готовы уже въ томъ языкѣ, которому одинаково обязаны своимъ происхожденіемъ и санскритъ и языкъ валашскій, — *но не дальше сотни*. Для „тысячи“ у древнихъ Аріевъ, очевидно, еще не было соответствующаго рѣченія, и вотъ почему названія *тысячи* въ разныхъ арійскихъ

языкахъ различны, хотя впрочемъ въ самомъ этомъ различіи заключаются нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу арійскаго племени. Такъ, находя въ санскритѣ и въ зендѣ общее названіе для *тысячи* (скр. sahasra, зенд. hazanra), мы заключаемъ, что уже послѣ отдѣленія южной вѣтви арійскаго племени отъ сѣверной, предки брамановъ и предки послѣдователей Зороастра въ теченіи нѣкотораго времени продолжали говорить однимъ языкомъ. Такое же заключеніе вытекаетъ изъ сходства готскаго thusundi съ древне-прусскимъ tûsimtons (винит.), литовск. tukstantis и славянск. тысяща, между тѣмъ какъ Греки и Римляне не сходятся въ этомъ случаѣ съ остальными соплеменными народами; потому можно полагать съ полной вѣроятностью, что греческій и римскій народъ образовали свои именованія для тысячи, каждый отдѣльно, внѣ общенія съ другими арійскими народами.

Этотъ-то древнѣйшій періодъ, предшествовавшій выдѣленію народностей, я и называю *миеопеическимъ*, ибо каждое изъ этихъ обще-арійскихъ словъ есть въ извѣстномъ смыслѣ — *миеѳ*. Слова эти первоначально имѣли нарицательное значеніе, выражая какой-нибудь одинъ изъ многихъ характеристическихъ атрибутовъ извѣстнаго предмета, и какъ въ выборѣ этихъ атрибутовъ, такъ и въ самомъ выраженіи ихъ въ языкѣ, обнаруживается нѣкотораго рода бессознательная поэзія, совершенно утраченная новѣйшими языками.

Кто-то сказалъ, что языкъ — ископаемая поэзія. Но какъ художникъ не знаетъ, что въ гипсѣ, изъ котораго онъ лѣпитъ свою статую, заключены останки органической жизни, такъ современный Англичанинъ, Нѣмецъ или Французъ не знаетъ, что, произнося слова father, vater, père, онъ зоветъ своего отца покровителемъ. Такъ же точно Греки, употребляя слово *δαῖρ*, т. е. деверь, не подозрѣвали, что это наименованіе первоначально относилось только къ младшимъ братьямъ мужа, остававшимся дома съ женою старшаго брата, когда этотъ послѣдній отправлялся на поле или въ лѣсъ. Санскритское *devar* первоначально значило: „товарищъ или участникъ игръ (play-mate)“: такъ въ самомъ словѣ сказывалась его исторія; слово было — *миеѳомъ* (*миеѳъ* собств. значить *повѣствованіе, разсказъ*); въ греческомъ оно вывѣтрилось въ простое названіе, въ

условный терминъ. Однако и въ греческомъ еще слово *δαῖς* не допускаетъ женской формы, точно такъ же, какъ даже въ наше время никто не рѣшится произвести мужскую форму отъ слова „дочь“, хотя его первоначальное значеніе уже давно забыто.

Этимологическое сознаніе скоро теряется въ языкахъ: такъ въ латинскомъ мы находимъ не только женскую форму *vidua* т. е. *безмужная* (*Penelope tam diu vidua viro suo caruit*), но мужскую форму: *viduus*, которая, если разобрать ее этимологически, имѣетъ такъ же мало смысла, какъ и русское: вдовецъ, нѣмецкое *wittwer* и т. д. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что древне-латинское *viduus* ¹⁾, одно изъ именъ подземнаго бога (*Orcus*), которому былъ воздвигнутъ храмъ за стѣнами Рима, заставляетъ, не смотря на замѣчательное звуковое сходство, серьезно сомнѣваться въ тождествѣ латинскаго *vidua* съ санскритскимъ *vidhavā*. Остается предположить, что отъ *vidua* образовался глаголъ *viduare*, отъ котораго уже потомъ было произведено новое прилагательное *viduus* съ болѣе общимъ значеніемъ: *лишенный, не имѣющій* (*privatus*).

Но, спрося, какимъ же образомъ существованіе во всѣхъ арійскихъ языкахъ этого древняго наслѣдія общихъ рѣченій, или открытіе, что всѣ эти рѣченія первоначально имѣли поэтической изобразительный смыслъ, можетъ объяснить повторяющееся у всѣхъ народовъ этой семьи явленіе мифологическаго языка? Какимъ образомъ объясняется этимъ тотъ особый фазисъ въ развитіи человѣческаго духа, то особое умонастроеніе, изъ котораго возникли эти небылицы о богахъ и герояхъ, о горгонахъ и химерахъ, о существахъ, однимъ словомъ, которыхъ не видѣлъ ни одинъ человѣческой глазъ и ни какой человѣческой разумъ въ нормальномъ состояніи не могъ выдумать?

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній касательно образованія словъ. Какъ ни утомительно можетъ показаться это для нашихъ читателей, мы надѣемся, что соображенія, которыя мы имѣемъ предложить ихъ вниманію, помогутъ намъ разсѣять

¹⁾ Hartung, Die Religion der Römer, II, 90.

мало по малу густую мглу баснословія и за туманными облаками, которыя окружають первую зорю человѣческой мысли и языка, — разгадать дѣйствительность, такъ долго ускользавшую отъ насъ въ смутныхъ призракахъ міеологіи.

Всѣ обще-арійскія слова, какія мы до сихъ поръ разбирали, суть названія извѣстныхъ предметовъ. Всѣ эти слова — существительныя (substantives), ибо всѣ означаютъ нѣчто „вещественно-существующее“ (substantial), доступное чувственному познанію. Это очень естественно, потому что языкъ въ первую пору своего развитія и не могъ выражать ничего инаго, кромѣ предметовъ — посредствомъ именъ существительныхъ, и свойствъ — посредствомъ глаголовъ. Потому единственное опредѣленіе, какое можно дать языку въ эту раннюю пору, будетъ слѣдующее: языкъ есть сознательное выраженіе въ звукахъ впечатлѣній, воспринятыхъ различными чувствами человѣка.

Мы такъ свыклись съ употребленіемъ отвлеченныхъ рѣченій, что едва ли можемъ составить себѣ отчетливое понятіе о томъ, какъ медленно и трудно вырабатывались они первоначально. Мы теперь едва можемъ представить себѣ языкъ безъ отвлеченныхъ выраженій, а между тѣмъ до сихъ поръ существуютъ языки, которые совсѣмъ не имѣютъ ихъ и, чѣмъ далѣе мы углубляемся назадъ въ древнѣйшій періодъ исторіи языковъ, тѣмъ менѣе встрѣчается этихъ столь необходимыхъ для человѣческой мысли выраженій. По отношенію къ языку каждое отвлеченное выраженіе—ничто иное какъ прилагательное, возведенное на степень существительнаго; но дойти до того, чтобы мыслить качество, какъ субъектъ, какъ существо,—дѣло очень трудное и собственно, въ строго-логическомъ смыслѣ, даже невозможное. Говоря: „я люблю добродѣтель“, мы рѣдко соединяемъ опредѣленное понятіе съ послѣднимъ словомъ. Добродѣтель не имѣетъ конкретнаго, индивидуальнаго, дѣятельнаго, личнаго бытія, не есть нѣчто такое, что могло бы непосредственно самимъ собою вызвать въ насъ впечатлѣніе. Слово *добродѣтель* не болѣе, какъ употребляемый для краткости условный терминъ, и тотъ, кто въ первые сказалъ: „я люблю добродѣтель“, говоря это, разумѣлъ собственно: „я люблю все, что добродѣтельно“.

Но есть другія слова, которыя мы теперь едва ли отнесемъ къ разряду отвлеченныхъ, которыя между тѣмъ первоначально были и въ строгомъ смыслѣ до сихъ поръ остаются отвлеченными. Я имѣю въ виду такія слова, какъ: *день* и *ночь*, *весна* и *зима*, *заря* и *сумерки*, *бура* и *громъ*. Что въ самомъ дѣлѣ мы разумѣемъ, говоря: *день* и *ночь*, *весна* и *зима*? Намъ отвѣтять: извѣстную пору года или вообще опредѣленный періодъ времени. Но самое время? какъ мы его себѣ представляемъ? Время тоже не имѣетъ вещественнаго (substantial), индивидуальнаго бытія;—это не болѣе, какъ свойство, которому языкъ далъ предикаты субстанціи. Въ самомъ дѣлѣ, говоря: *день наступаетъ*, *ночь приближается*, мы придаемъ предикатъ *дѣйствія* тому, что, какъ мы очень хорошо знаемъ, дѣйствовать не можетъ; мы строимъ предложеніе, въ которомъ, если подвергнуть его логическому разбору, не окажется опредѣленнаго подлежащаго. (Этимъ объясняются всѣ безличныя обороты рѣчи: *смеркается*, *разсвѣтаетъ* и т. п.)

Тожe самое относится ко всѣмъ словамъ собирательнымъ, каковы: *небо*, *земля*, *роса* и *дождь* — даже *рѣки* и *горы*. Въдѣ говоря: „земля питаетъ человѣка“, мы разумѣемъ не какой-нибудь извѣстный, осязаемый участокъ земной поверхности, но землю вообще, какъ недѣлимое цѣлое. Такъ же точно *небомъ* мы называемъ не тотъ клочекъ горизонта, который можетъ обнять нашъ глазъ. Въ обоихъ случаяхъ мы представляемъ себѣ нѣчто, не подлежащее нашимъ чувствамъ; но, какъ бы мы ни понимали это „нѣчто“ — какъ цѣлое, какъ силу, какъ идею,—во всякомъ случаѣ, переводя это „нѣчто“ въ слово, мы, невольно и сами того не подозрѣвая, придаемъ ему атрибуты личнаго, индивидуальнаго бытія. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что въ древнемъ языкѣ каждое имя имѣло опредѣленное родовое окончаніе, которымъ естественно вызывалось опредѣленное представленіе о полѣ мужскомъ или женскомъ, такъ что эти имена имѣли не только индивидуальный, но и половой характеръ. Не было ни одного существительнаго, съ которымъ бы не соединялось понятіе о полѣ мужскомъ или женскомъ (имена существительныя среднія — позднѣйшаго происхожденія и отъ мужскихъ и женскихъ могутъ быть отличены болѣею частію только въ именительномъ). Что же отсюда должно было произойти?

Пока народъ относился къ языку сознательно, пока онъ мыслилъ въ языкѣ, нельзя было говорить объ утрѣ или вечерѣ, веснѣ или зимѣ, не придавая этимъ представленіямъ до известной степени индивидуальнаго, дѣятельнаго, полового и наконецъ личнаго характера. Одно изъ двухъ: или и въ древнѣйшую пору языка эти слова были условныя выраженія чего-то на самомъ дѣлѣ несуществующаго, какими стали они теперь для нашей безцвѣтной мысли, или за ними признавалось реальное содержаніе; въ послѣднемъ случаѣ съ ними соединялось представленіе не о силахъ, или свойствахъ, а о *существахъ*, съ известными силами и свойствами. Даже теперь, представляя себѣ природу какъ силу, не разумѣемъ ли мы подъ словомъ *сила* — нѣчто сильное, обладающее совокупностью известныхъ силъ? А въ древнѣйшемъ періодѣ языка *природа* разумѣлась какъ *Natura* (т. е. *Natura* — отглагольное прилагательное, обращенное въ имя существительное) въ буквальномъ переводѣ: *имлющая родить, родительница* (мать-природа), *непрерывно производящая, рождающая*. Не было ли такое представленіе въ тысячу разъ опредѣленнѣе того, которое мы теперь соединяемъ съ словомъ: *природа*? Обратимся къ поэтамъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ мыслить и чувствовать въ языкѣ, которые не произносятъ ни одного слова, не вложивъ въ него, такъ сказать, живой души, не соединяя съ ними яснаго, живаго образа, которые относятся къ языку не безразлично и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы *мифологами*. Развѣ истинный поэтъ можетъ, не насилуя своего чувства, говорить о природѣ и тому подобномъ, какъ о безразличныхъ, бездушныхъ силахъ? Откроемъ Вордсворта, и мы едва ли найдемъ у него хотя одинъ отвлеченный терминъ, которому бы поэтъ не счумѣлъ дать сколько-нибудь, такъ сказать, живой плоти и крови. Подтвердимъ это примѣрами:

*Зима. *)*

Художники, чтобъ намекнуть слегка
На то, какъ старость губить наши силы, —

*) За переводъ приводимыхъ здѣсь стиховъ Вордсворта редакція приноситъ глубокую благодарность профессору Д. Е. Мину.

Рисуютъ Зиму въ видѣ старика:
 На посохъ опираясь, странникъ хилый,
 Большой, въ лохмотьяхъ, онъ бредетъ одинъ
 Въ ненастный день средь снѣговыхъ равнинъ.
 Иль для того, чтобъ выразить измѣну
 И грозную могучесть зимнихъ вьюгъ,
 Они влагаютъ скипетра въ замѣну
 Сухую вѣтвь въ персты застывшихъ рукъ, —
 Девизъ достойный старости унылой,
 Но не Зимы съ ея могучей силой!
 Зима! Не твой ли ужасъ сокрушилъ,
 Опутавъ адской сѣтью фронтъ и тылъ,
 Ту рать, что въ бѣгствѣ изъ страны полярной
 Разбила въ прахъ свой замыселъ коварный, —
 Ту рать, что, дерзко перейдя за грань
 Возможнаго, съ Творцомъ вступила въ брань.
 Но какъ отецъ разить сыновъ крамолу,
 Сразила ты цвѣтъ юношей-бойцовъ;
 Ты призвала лихой морозъ — и долу
 Поверглась мощь мужей среди снѣговъ.

Вотъ еще отрывокъ изъ стихотворенія *Старость и Часы*.

Вокругъ чела, о Старость, свей
 Вѣнокъ душистый изъ лилей!
 Зови подъ сѣнь густыхъ лѣсовъ
 Толпу смѣющихся Часовъ!
 Вели имъ пѣть, плясать весь годъ
 И къ нимъ вмѣшайся въ хороводъ!

Кладя на бумагу эти строки, Вордсвортъ едва ли думалъ о Горахъ (Часахъ) классической мифологiи: этотъ свѣтлый, улыбающійся образъ возникъ въ его душѣ такъ же непосредственно, какъ нѣкогда въ душѣ греческаго поэта возникъ художественный образъ *Горъ*. Или вотъ еще отрывокъ изъ пѣсы *Бури и Времена года*:

Владыкъ вашему хвалу гласите, Бури!
 Ты, Лѣто, ты, Весна, златая Осень, — тамъ,

Въ странахъ полуденныхъ, въ полудорогѣ къ намъ,
Гдѣ *Время*, вашъ отецъ, на васъ съ полей зеира
Глядитъ съ улыбкою, — столпившись въ хороводъ,
Побѣдный пойте гимнъ въ честь зимнихъ непогодъ!

Мы привыкли называть такой способъ выраженія поэтическимъ стилемъ (poetical diction), въ которомъ снисходительно можно допустить то, въ чемъ мы видимъ не болѣе, какъ гиперболическое украшеніе языка. Но для поэта въ этихъ и тому подобныхъ выраженіяхъ нѣтъ ничего гиперболическаго, какъ не было его и для нашихъ праотцевъ, которые, создавая языкъ, были бессознательными поэтами. Поэзія древнѣе прозы и отвлеченная рѣчь дается человѣку труднѣе полного поэтическаго сочувствія природѣ. Нужно усиліе рефлексіи для того, чтобы отнять у природы ея живые образы и видѣть въ быстро несущихся облакахъ только водянистыя испаренія, въ грозно-нахмуренной скалѣ — только каменную массу, а въ блескѣ молній — электрическія искры. Вордсвортъ *чувствуетъ*, что говоритъ, когда взываетъ „къ горамъ, долинамъ и волнамъ, призывая ихъ въ свидѣтели и участники праведнаго негодованія“ (собств. презрѣнія, *disdain*):

Mountains, and Vales, and Floods, I call on you
To share the passion of a just disdain.

Когда онъ говоритъ о томъ, какъ „последній холмъ шлетъ прощальный привѣтъ заходящему солнцу“ (the last hill that parleys with the setting sun), то это выраженіе вылилось у него изъ души въ минуту живаго общенія съ природой; въ этомъ сказалась мысль, еще не переведенная на казенную прозу нашей будничной рѣчи — мысль, которую древніе не нашли бы неумѣстной и въ простомъ, ежедневномъ разговорѣ.

У Вордсворта, этого „античнаго“ поэта новыхъ временъ (*this modern ancient*), есть цѣлыя произведенія, въ которыхъ, можно сказать, все — миеологія, отъ начала до конца. И такъ какъ намъ впослѣдствіи представится случай еще разъ сослаться на Вордсворта, то я позволю себѣ выписать еще отрывокъ, жи-

вой смыслъ котораго Индусу или древнему Греку былъ бы гораздо болѣе понятенъ, нежели намъ:

Солнце.

Привѣтъ тебѣ, ночей восточный побѣдитель!
 Своею благостью, о первенецъ Творца!
 Ты въ силахъ умягчить и грубыя сердца,
 Когда пылаешь ты, обычный посѣтитель,
 Въ чертогахъ роскоши, гдѣ властвуютъ цари,
 Иль входишь къ пахарю въ смиренную обитель,
 Какъ всѣмъ доступный гость, съ сіяніемъ зари! —
 Съ восторгомъ вижу я восходъ твой лучезарный
 На небо чистое отъ сумраковъ и тучъ,
 Бѣгущихъ заслонить твой животворный лучъ, —
 Лучъ, ослѣпляющій и средь зимы полярной
 Отважный взоръ высокопарный,
 Дерзнувшій испытать, сколь пламень твой могучъ! —
 Ты сей великій день приводишь въ міръ со славой,
 Съ какой дозволено тебѣ сіять зимой
 На той дорогѣ величавой,
 Гдѣ ты, прикованный Всесильнаго рукою,
 Отъ вѣка шествуешь незримиыми шагами,
 Доколѣ не прейдутъ земля и небеса! —
 Молчанье мертвое надъ этими лугами
 Подъ легкимъ инеемъ и тихая краса
 Въ эфиръ ушедшихъ горъ, бѣлѣющихъ снѣгами,
 Ихъ сонъ торжественный и дивный блескъ вершинъ,
 Гласящій жителямъ долинъ
 О минованьи бури дикой, —
 Все возвѣщаетъ намъ, что день насталъ великій! —
 О свѣтъ божественный, который лишь одинъ
 Всего доступнѣй намъ, взводящимъ къ небу взоры!
 Ты, льющій кроткій блескъ на эти снѣжныя горы,
 Не забывающій и мирныхъ сихъ долинъ!
 О ты, чьимъ пламенемъ вся грудь земли согрѣта,
 Чей огонь былъ въ древности, какъ напѣ источникъ свѣта
 Боготворимъ не безъ причинъ!
 Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, о Солнце, радость міра!
 Сіяй же цѣлый день сегодня намъ съ эфиромъ!

И такъ, если мы сами, говоря о солнцѣ или о буряхъ, о снѣ и смерти, о землѣ и зарѣ, или не соединяемъ съ этими словами никакого яснаго представленія (*distinct idea*), или смутно чувствуемъ въ нихъ вѣяніе поэзіи давно-минувшихъ дней; если мы, когда намъ случается говорить съ свойственной сердцу человѣка теплотой, взываемъ къ вѣтрамъ, къ солнцу, къ океану или къ облакамъ, какъ будто бы они могли внимать намъ; если привыкшая къ пластичнымъ образамъ мысль поэта не можетъ представить ни одного изъ этихъ явленій, ни одной изъ этихъ силъ, не придавъ имъ если не человѣческой образъ, то по крайней мѣрѣ бытіе и чувства человѣческія: — что же удивительнаго, если древніе, языкъ которыхъ кипѣлъ жизнью и обиліемъ красокъ, что удивительнаго, если вмѣсто блѣдныхъ очертаній нашей современной мысли, они представляли природу и ея явленія въ цѣломъ рядѣ живыхъ образовъ, одаренныхъ силами человѣческими, или, скорѣе — выше человѣческихъ, по скольку блескъ солнца превосходитъ блескъ человѣческаго глаза, или ревъ бури громче человѣческаго голоса? Мы, люди книжные, конечно можемъ объяснить научнообразно происхожденіе дождя и росы, бури и грома; но для огромнаго большинства человѣчества эти явленія остались тѣмъ же, чѣмъ были онѣ для Гомера, только, быть можетъ, въ современныхъ представленіяхъ менѣе красоты, менѣе поэзіи, менѣе реальности и жизни. Вотъ что мы считали нужнымъ сказать объ особой трудности, соединенной съ выраженіемъ понятій отвлеченныхъ или собирательныхъ: — эта трудность, какъ мы увидимъ, поможеть намъ объяснить многіе затруднительные пункты міеологии.

Обратимся теперь къ другой однородной чертѣ древнѣйшихъ языковъ — къ глаголамъ вспомогательнымъ. Между глаголами они занимають тоже самое мѣсто, какое наименованія отвлеченныхъ понятій — между существительными. Всѣ эти глаголы позднѣйшаго происхожденія и первоначально имѣли болѣе реальное, конкретное значеніе. Наши вспомогательные глаголы должны были испытать длинный рядъ всякихъ превратностей, прежде нежели окончательно приняли тотъ блѣдный и безжизненный характеръ, благодаря которому они такъ пригодны для разныхъ потребъ отвлеченной прозы. Такъ, напримѣръ самый глаголь

habere, который теперь во всѣхъ романскихъ нарѣчіяхъ служитъ просто для обозначенія прошедшаго времени: *j'ai aimé*, я любилъ, этотъ самый глаголь первоначально имѣлъ конкретное значеніе: *держатъ*, *удерживать*, что доказывается производнымъ существительнымъ: *habenaе*—*бразды*, *возжи* (собств. *то*, *члмз держатъ*, *сдерживаютъ*). Глаголь *tenere* держать, въ испанскомъ языкѣ сталъ точно такъ же вспомогательнымъ, и почти съ тѣмъ же значеніемъ, какъ *habere*. Греческое $\epsilon\chi\omega$, соотвѣтствующее санскритскому *śah*, первоначально значило: *быть сильнымъ*, *быть способнымъ*. Латинское *fui*, я былъ (санскритское *bhū*, *быть*) соотвѣтствуетъ греческому $\varphi\acute{o}\omega$, и въ этой послѣдней формѣ доселѣ сохранило свое первоначальное конкретное значеніе: *рости* и *раститъ*, *возрождать*. *As*, общій корень санскритскаго *as-mi*, греческаго $\epsilon\mu\text{-}\mu\acute{\iota}$, литовскаго *as-ta*, слав. *ѣсмь*, вѣроятно состоитъ въ близкой связи съ другимъ корнемъ *ās*, *сидѣть*, который встрѣчается въ греческомъ $\tilde{\eta}\sigma\text{-}\tau\alpha\iota$ и санскритскомъ *ās-te*. *Stare*, *стоять*, въ языкахъ романскихъ также нисходитъ на степень простаго вспомогательнаго, напр.: *j'ai été*, я былъ, соб. *habeo statum*, я *сталъ*; *j'ai été convaincu* я былъ *убѣжденъ*, собств. я *сталъ* *убѣжденнымъ*; звуковой переходъ *statum* въ *été* подтверждается переходомъ латинск. *status* въ французск. *état*. Нѣмецкое *werden*, которое служитъ для образованія будущаго времени и страдательнаго залога, въ готскомъ *varth*, указываетъ на санскритское *vr̥it*, латинское *verto*. *Will*, въ англійской формѣ будущаго: *he will go*, точно также утратило свое коренное значеніе: *желать*, *хотѣть*. А въ глаголь *shall* (нѣм. *soll*), которое употребляется также въ будущемъ, *I shall go*, даже для филолога трудно открыть первоначальное значеніе юридическаго или нравственнаго обязательства. Между тѣмъ нѣмецкое существительное *Schuld* значить *долгъ* или *вина*, и глаголь *soll* до сихъ поръ имѣетъ еще не одно только исключительно служебное, вспомогательное значеніе (для образованія будущаго, какъ англ. *shall*), первые слѣды котораго однако можно открыть въ именахъ трехъ тевтонскихъ паркъ: *Vurdh*, *Vurdhandi* и *Skuld*,—*прошедшее*, *настоящее* и *будущее*¹⁾. Но какое же могло быть первоначальное значеніе глагола, который, какъ мы

¹⁾ Kuhn, Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, III, 449.

сейчасъ видѣли, уже въ самомъ раннемъ примѣненіи своемъ имѣеть отвлеченный смыслъ нравственнаго долга или юридическаго обязательства? Гдѣ могъ языкъ, который въдь изъ одного вещественнаго міра заимствуетъ матеріаль для образованія именъ и глаголовъ, гдѣ, говорю я, языкъ могъ найти что-либо соответствующее отвлеченной идеѣ: *они должны* заплатить, или: *онъ бы долженъ былъ* уступить? Я. Гриммъ, который старался проникнуть въ самые сокровенные тайники германскаго языка, предлагаетъ для этого глагола такое толкованіе, которое имѣеть полное право на серьезное вниманіе съ нашей стороны, какъ бы ни показалось оно намъ на первый разъ страннымъ и невѣроятнымъ.

Англ. *shall* (нѣм. *soll*) и его прошедшее *should* (*sollte*) въ готскомъ имѣють слѣдующія формы:

настоящ.	прошед.
skal	skulda
skalt	skuldês
skal	skulda
skulum	skuldedum
skuludh	skuldedudh
skulun	skuldedun

Въ готскомъ эта форма *skal*, которую съ перваго раза можно принять за настоящее, оказывается архаической, устарѣлой формой прошедшаго, въ родѣ греческихъ прошедшихъ съ значеніемъ настоящаго, какъ напр. *οἶδα*. Въ нѣмецкомъ также есть нѣсколько такихъ глаголовъ, а въ англійскомъ ихъ отличительнымъ признакомъ служить отсутствіе буквы *s* въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени.

И такъ *skal*, по мнѣнію Гримма, значить: я долженъ, я обязанъ, но первоначально значило: я убилъ. Главное преступленіе, которое осуждалось древне-германскимъ правомъ было убійство, за которое, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускалась денежная пеня (вира, *Wergeld*). Потому *skal* буквально значило: *я виновенъ въ преступленіи* (*ich bin schuldig, I am guilty*); а впослѣдствіи, когда это конкретное выраженіе обратилось въ условный юридическій терминъ, тогда стали возможны новые обороты въ родѣ слѣдующихъ: вмѣсто того чтобы

сказать: „я убилъ свободнаго человѣка, раба», говорили: «я повиненъ въ свободномъ человѣкѣ, въ рабѣ», (т. е. въ его смерти) и наконецъ: «я въ долгу (т. е. долженъ уплатить пеню за убійство) за раба, за свободнаго человѣка». Тѣмъ же самымъ путемъ Гриммъ объясняетъ еще позднѣйшія и еще менѣе нормальныя выраженія, каковы: «he shall pay, er soll zahlen», онъ *долженъ* заплатить, т. е. *собств.* онъ *виновенъ*, *повиненъ* заплатить, er ist *shuldig* zu zahlen; he schall go, er soll gehen, т. е. онъ *долженъ* идти и наконецъ I schall withdraw т. е. я чувствую себя обязаннымъ, повиннымъ удалиться.

Такой рѣзкій переходъ значенія кажется, безъ сомнѣнія, насильственнымъ и произвольнымъ, но мы бы допустили его съ большимъ довѣріемъ, если бы только обратили вниманіе на то, что почти на каждомъ изъ нынѣ употребительныхъ словъ можно наблюдать рядъ точно такихъ же превращеній; стоитъ только подвергнуть какое-нибудь слово этимологическому анализу и прослѣдить его исторію. Когда мы говоримъ: я *обязанъ* идти, я *обязанъ* заплатить, мы забываемъ, что происхожденіе этихъ выраженій относится къ тѣмъ временамъ, когда людей дѣйствительно *вязали* для того, чтобы обязать ихъ идти или платить. Nos *me fallit* значить по латыни: «это меня обманываетъ», «ускользаетъ отъ меня». Впослѣдствіи это выраженіе получило другой смыслъ: «это отдалено отъ меня», «я имѣю въ этомъ нужду», я долженъ, хочу имѣть это: отсюда, французское *il te faut*, я долженъ. Далѣе англійское *I may*, я могу, есть готское: *mag*, *maht*, *mag*, *magum*, *magudh*, *magun*, и первоначально значило: я *силенъ*. *Mag* (стало быть *I may*) первоначально было тоже прошедшимъ и происходило отъ корня, который значилъ *рождать*, откуда готское *magus*, сынъ — т. е. рожденный, шотландское *Mac*, и готское *magaths*, дочь, нѣмецкое и англійское *maid* — дѣва.

Въ языкѣ миеологическомъ мы должны замѣтить разъ на всегда отсутствіе глаголовъ съ исключительно-вспомогательнымъ, служебнымъ значеніемъ. Въ періодъ миео-творенія каждое слово, глаголь или существительное, сохраняло во всей силѣ свой первоначальный конкретный смыслъ. Слова были не податливы, не легко допускали новые оттѣнки въ своемъ значеніи. Они выражали болѣе, чѣмъ требовалось для простаго

выраженія мысли. Отсюда многія странности миеологическаго языка, которыя мы можемъ объяснить, только имѣя въ виду естественное развитіе языка. Мы теперь говоримъ: *солнце всходитъ вслѣдъ за зарею*, а древніе говорили: *солнце любитъ зарю и преслѣдуетъ ее своими объятіями*. Въ томъ, что мы называемъ *солнечнымъ закатомъ*, имъ видѣлось *старяющее, изнемогшее* или *умирающее* солнце. Когда *всходило* солнце, имъ представлялось, что *ночь родила мучезарнаго сына*. Съ весной они опять соединяли представленіе о солнцѣ или небѣ: имъ казалось, что оно *заключаетъ землю въ свои горячія объятія и сыплетъ свои дары въ нѣдра природы*. У Гезіода есть много миеовъ позднѣйшаго происхожденія, въ которыхъ стоитъ только конкретный глаголъ замѣнить вспомогательнымъ, и языкъ миеическій превратится въ обыкновенную логическую рѣчь. Гезіодъ называетъ ночь (Нyx) матерью Рока (Mogos) и мрачную Керу (Разрушенье) — матерью смерти, сна и сонма сновѣднѣй (Oneiroi), — потомства, по преданію, порожденнаго ею безъ отца. Далѣе, она называется матерью Момуса (Порицаніе), скорбной Oizys (Горе) и Гесперидъ (вечернія звѣзды), стерегущихъ по ту сторону Океана прекрасныя золотыя яблоки и плодоносныя деревья. Отъ нея же родились: Немезида (Мщеніе), Apatê (Обманъ), Philotês (Наслажденіе) и губительная Geras (Старость) и суровая Eris (Соревнованіе, споръ, вражда, раздоръ). Возьмемъ теперь наши теперешнія, обыкновенныя выраженія, какъ напр. „звѣзды появляются при приближеніи ночи“, „мы спимъ“, „намъ видится во снѣ“, „мы умираемъ“, „мы подвергаемся опасности во время ночи“, „пированье по ночамъ ведетъ за собою раздоръ, ссоры, и горе“, „съ каждой ночью мы приближаемся къ старости и наконецъ къ смерти“, „преступленіе, хотя и совершенное во мракѣ ночи, рано или поздно открывается днемъ“, „сама ночь отмститъ за себя злодѣю“, поставимъ эти выраженія вмѣсто гезіодовскихъ, и мы перевели языкъ Гезіода, — языкъ большею частію совершенно ясный для народа, къ которому онъ обращался — въ формы нашей современной мысли и рѣчи ¹⁾. Все это едва ли можетъ быть названо языкомъ

¹⁾ Шекспировская Джульетта навѣрно понимала, въ какомъ смыслѣ Philotês (наслажденіе любви) могла быть названа рожденьемъ Ночи. Вотъ, какъ обращается она къ Ночи:

миеологическимъ, въ собственномъ смыслѣ; это не болѣе, какъ поэтическій иносказательный способъ выраженія, общій всѣмъ поэтамъ новаго и древняго времени, съ какимъ и теперь очень часто встрѣтишься въ языкѣ простаго народа. Уранъ, на языкѣ Гезіода, употребляется какъ названіе неба; онъ созданъ или рожденъ „быть твердью (твердымъ жилищемъ) для пребыванія блаженныхъ боговъ“ ¹⁾. У Гезіода сказано дважды, что Уранъ покрываетъ все (ст. 127) и что, когда онъ приводитъ ночь, то распростертый повсюду, заключаетъ землю въ свои объятія. Это выраженіе почти заставляетъ думать, что въ греческомъ миѣ сохранилось воспоминаніе о первоначальномъ этимологическомъ значеніи слова *Uranos*. Уранъ есть санскритское *Vaṇina* отъ корня *VAR*, покрывать. Въ Ведахъ *Vaṇina*—хотя употребляется вообще какъ одно изъ названій небесной тверди, но преимущественно означаетъ ночное небо и потому противопоставляется Митрѣ, т. е. дню. Во всякомъ случаѣ въ словѣ *Uranos* Грекамъ слышался какой-то отголосокъ его первоначальнаго значенія; когда мы читаемъ, что ему придается эпитетъ, *ἀστερβεις* (звѣздное небо), никогда не соединявшійся съ именами Аполлона или Діониса, намъ вѣрится съ трудомъ, что „для Грека, какъ думаетъ Гротъ, съ именами *Uranos*, *Nyx*, *Nyctos* и *Oneiros* (Уранъ, ночь, сонъ и сновидѣніе) соединялись такія же личныя представленія, какъ съ именами Зевса и Аполлона“. Стоитъ только прочесть нѣсколько строкъ далѣе у Гезіода, чтобы убѣдиться, что потомство Геи, въ которомъ Уранъ занимаетъ первое мѣсто, еще не достигло

О Ночь, приближице любви, приди
И распусти свой занавѣсъ густой,
Чтобы затмился взоръ идущихъ мимо,
Чтобы Ромео пришелъ въ мои объятія
Невидимый, никѣмъ не осужденный!
Любовникамъ довольно ужъ свѣтло
Отъ блеска ихъ взаимной красоты!
Къ томужъ, какъ говорятъ, слѣпа Любовь —
Чтожь можетъ съ ней дружныѣ Ночи быть?

По переводу М. Н. Каткова.

¹⁾ Гезіод. Θεог. 128 —

Γαῖα δέ τοι πρῶτον μὲν ἐγένεατο ἴσον ἑαυτῇ
Ὀὐρανὸν ἀστερβενθ' ἵνα μιν περὶ πάντα καλύπτωι
ἄφρ' εἴη μακάρεσσι θεοῖς ἕδος ἀσφαλές αἰεὶ.

того полного миеологическаго олицетворенія, той кристаллизаціи, которая дѣлаетъ столь загадочнымъ первоначальный характеръ большей части олимпійскихъ боговъ. Въ своемъ введеніи Гезіодъ обращается къ музамъ съ вопросомъ: какъ родились боги и земля, какъ произошли рѣки и безбрежный Океанъ, свѣтлыя звѣзды и необъятное небо простертое сверху. (*ὄβραυδς εὐρὺς ὕπερθευ*)? Вся *Θεογονία* составляетъ отвѣтъ на эти вопросы; и потому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Греки нѣкоторыя изъ именъ, которыя приводятся затѣмъ у Гезіода, понимали просто какъ поэтическія представленія явленій вещественнаго міра, какъ напр. земли, рѣкъ, горъ. Уранъ, первенецъ Геи, впоследствии былъ возведенъ на степень божества -- съ человѣческими чувствами и атрибутами; но слѣдующее затѣмъ порожденіе Геи *Ὀυρέα μακρά*, — великія горы, даже въ языкѣ отмѣчены среднимъ родомъ и потому ихъ едва ли можно разсматривать, какъ личности, подобныя Зевсу и Аполлону.

Гротъ заходитъ слишкомъ далеко, настаивая на чисто-буквальномъ разумѣніи всей греческой миеологіи. Нѣкоторыя миеологическія иносказанія оставались въ греческомъ языкѣ до весьма поздняго времени и были совершенно понятны, т. е. нуждались также мало въ объясненіяхъ, какъ наши теперешнія выраженія: „солнце садится“, или „солнце встаетъ“. Гротъ чувствуетъ необходимость допустить это, но отказывается отъ всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые прямо вытекаютъ отсюда. „Хотя“ говоритъ онъ, „нѣкоторые изъ атрибутовъ и дѣйствій, приписываемыхъ этимъ лицамъ часто могутъ быть объяснены иносказательно, аллегорически, но рядъ ихъ, вся система не допускаетъ такого способа толкованія: допустивъ этотъ способъ объясненія миеовъ, изслѣдователь сначала ступаетъ легко и свободно, но, сдѣлавъ два, три шага, скоро убѣждается, что путь, который сначала казался ему такимъ легкимъ и удобнымъ, вдругъ засорился, и ему приходится пролагать дорогу посредствомъ произвольныхъ ухищреній и догадокъ“. Такъ Гротъ допускаетъ, что въ миеологію входитъ и аллегорія, какъ одинъ изъ ея составныхъ ингредіентовъ; но далѣе онъ не идетъ, оставляя всю миеологію, какъ загадку, пытаться разрѣшать которую напрасно, да и не слѣдуетъ,

какъ нѣчто нераціональное — какъ прошедшее, которое никогда не было настоящимъ; онъ не хочетъ даже попытаться объяснить, хотя бы только въ частностяхъ, эту важную проблему въ исторіи греческаго духа. Развитіе сколькихъ системъ могло бы быть задержано такимъ недостаткомъ „ученой смѣлости“ (scientific courage) — системъ, которыя, не смотря на то, что ихъ первые шаги были робки и неувѣренны, съ теченіемъ времени достигли блестящихъ результатовъ! Въ наукахъ палеонтологическихъ нужно пріучить себя къ мысли, что мы многого не знаемъ и никогда не узнаемъ, и сказанное Светоніемъ о грамматикахъ: „boni grammatici est nonnulla etiam nescire“, т. е. хорошему грамматикѣ слѣдуетъ и не знать кое-чего, можетъ быть въ особенности примѣнено къ тому, кто занимается мифологическими изысканіями. Напрасно было бы пытаться разгадать тайну каждаго имени, и никто не признавался въ этомъ съ большей скромностью, какъ тотъ, кто заложилъ самое прочное основаніе сравнительной мифологіи — Я. Гриммъ. Въ своемъ введеніи къ „нѣмецкой мифологіи“ онъ не обинуясь говоритъ: „хочу объяснить все, что могу, но не могу объяснить многого, что бы мнѣ хотѣлось“. Отфридъ Мюллеръ проложилъ путь въ причудливый лабиринтъ греческой мифологіи: ученый съ дарованіями и свѣдѣніями Грота могъ бы слѣдовать по этому пути или по крайней мѣрѣ опредѣлить, на сколько этотъ путь вѣренъ или не вѣренъ. На мифъ о Киренѣ (см. въ Proleg. 65 стр.) О. Мюллеръ показалъ, какъ долго былъ въ ходу между Греками мифологическій способъ выраженія. Кирена, греческая колонія, была основана въ Ливіи около 37 олимпіады; поколѣніе киринейскихъ царей вело свой родъ отъ Миніевъ, которые господствовали главнымъ образомъ въ Иолкосѣ, въ южной Фессаліи; главнымъ поводомъ къ основанію колоніи послужило изрѣченіе оракула Аполлона пифійскаго. Отсюда возникъ мифъ: „Аполлонъ, полюбивъ Кирену, героическую дѣву, которая жила въ Фессаліи, похитилъ ее и перенесъ въ Ливію“, между тѣмъ какъ мы на нашемъ обыкновенномъ языкѣ, это событіе выразили бы такъ: „Фессалійскій городъ Кирена выселилъ колонію въ Ливію, подъ ауспиціями (under the auspices) Аполлона.“ Можно привести много другихъ примѣровъ, гдѣ простая замѣна одного глагола другимъ,

болѣе вещественнаго значенія, разомъ снимаетъ съ миеа его чудесную оболочку *).

Кавнъ называется сыномъ Милета, т. е. въ переводѣ на обыкновенный языкъ: критскіе колонисты изъ Милета основали городъ Кавнъ въ Ликіи. Далѣе миеъ гласитъ, что Кавнъ бѣжалъ изъ Милета въ Ликію, а сестра его Библосъ, съ горя объ утратѣ брата, превратилась въ источникъ. Здѣсь по ошибкѣ, какъ пользовавшійся болѣею извѣстностію, чѣмъ критскій Милетъ, попалъ Милетъ іонійскій, ибо Библосъ не болѣе, какъ незначительная рѣчка близъ іонійскаго Милета. Еще примѣръ: Павзаній передаетъ за историческій фактъ, что Милетъ, прекрасный отрокъ, бѣжалъ изъ Крита въ Іонію, спасаясь отъ ревности Миноса,—между тѣмъ дѣло состоитъ просто въ томъ, что іонійскій Милетъ былъ колоніею критскаго Милета, а Миносъ славнѣйшимъ изъ критскихъ царей. Или, напримѣръ, Марпесса называется дочерью Эвена — и одинъ миеъ рассказываетъ, что она была увезена Идой (Idas), — знаменитымъ героемъ изъ роднаго города Марпессы. Въ этомъ миеѣ заключается тотъ подтверждаемый и другими несомнѣнными свидѣтельствами историческій фактъ, что колонія, вышедшая отъ береговъ рѣки Эвена, основала въ Мессинѣ городъ Марпессу. И здѣсь опять миеъ не забылъ прибавить, что Эвень, послѣ тщетныхъ попытокъ отвоевать дочь у похитителя, съ горя объ утратѣ Марпессы, превратился въ рѣчку, подобно сестрѣ Милета—Библосъ.

Когда Греки называютъ себя автохтонами (*αὐτόχθονες*), намъ кажется, что мы понимаемъ смыслъ этого выраженія. Но, когда преданіе говоритъ намъ, что древнѣйшее названіе Θεσσαλίи было *πύρρα* и что Гелленъ былъ сынъ Пирры, Гротъ хочетъ видѣть въ этомъ миеѣ и утверждаетъ, что сами Греки, по крайнѣй мѣрѣ, никогда не сомнѣвались въ существованіи исторической личности, которая называлась Гелленомъ и женщины, которую звали Пиррой. Быть можетъ, справедливо утверждать это въ отношеніи къ позднѣйшимъ Грекамъ, каковы Гомеръ и Гезіодъ; но понималось ли, могло ли это пониматься такимъ образомъ съ самаго начала? Языкъ всегда былъ тоже, что и теперь: слово всегда имѣло первоначально какое-нибудь зна-

*) См. *Mythologie von Kanne* § 10, p. XXXII.

ченіе, и тотъ, кто бы онъ впрочемъ ни былъ, кто первый, вмѣсто того, чтобы сказать, что Геллены родились отъ земли, говорилъ о какой-то Пиррѣ, матери Геллена, желалъ, говоря это, выразить какую-нибудь понятную и разумную мысль; не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ разумѣть какого-нибудь Геллена изъ своихъ знакомыхъ и старуху, по имени Пирру; однимъ словомъ: онъ долженъ былъ разумѣть тоже самое, что разумѣемъ мы, когда называемъ Италію—матерью искусствъ.

Даже во времена болѣе близкія къ намъ, нежели тѣ, о которыхъ говоритъ Отфридъ Мюллеръ, мы находимъ, что „миѳологическій способъ выраженія“ былъ въ ходу у поэтовъ и философовъ. Павзаній жалуется на тѣхъ, которые „всюду вносятъ генеалогію и дѣлаютъ Пивіа сыномъ Дельфа“. Исторія Эрота въ Платоновомъ Федрѣ тоже названа миѳомъ (*μύθος*, 254 D, *λόγος* 257 B), но это не мѣшаетъ Сократу замѣтить иронически — что эта исторія „принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыми можно вѣрить и не вѣрить“ (*τούτοις δὴ ἔστι μὲν πεῖθεσθαι, ἔστι δὲ μὴ*). Тамъ же, приводя сказаніе объ египетскомъ богѣ Тейтѣ, онъ выдаетъ его за „сказаніе древности“ (*ἀκοήν γ' ἔχω λέγειν τῶν προτέρων*), но Федръ ни на минуту не сомнѣвается, что это — собственное изобрѣтеніе Сократа: „Сократъ“, говоритъ Федръ своему учителю, „какъ легко изобрѣтаешь ты египетскія и всякія сказанія“ (*λόγοι*). Когда Пиндаръ называетъ Апофазисъ (извиненіе, оправданіе, тоже что, апологія) дочерью Эпиметея, то каждый Грекъ понималъ это миѳологическое выраженіе не иначе, какъ если бы Пиндаръ говорилъ: „оглядка ведетъ къ извиненію“, или: „одумавшись, человѣкъ извиняется“ ¹⁾. Даже у Гомера, когда онъ говоритъ, что хромья *Litae* (Мольбы) слѣдуютъ за

¹⁾ *Ἐπιμηθεὺς*—послѣ поступка обдумывающей отъ *ἐπι-μηθεόμεχι*—обдумывать послѣ поступка противополож. *προμηθεόμεχι*, откуда: *Προμηθεὺς*. О. Мюллеръ показалъ, что различные поэты придавали различныхъ родителей *Ἐρινίην*, смотря по тому, съ какимъ характеромъ выводили послѣднихъ. «Очевидно» — говоритъ онъ въ своемъ «*Опытъ объ Эменидахъ*», стр. 184, — эта генеалогія лучше соответствовала поэтическимъ цѣлямъ и образамъ Эсхила, нежели кака-нибудь изъ ходячихъ генеалогій, производившихъ Эринію отъ Скотоса и Геи (Софокль), Кроноса и Эвриномы (въ одномъ произведеніи, приписываемомъ Эпимениду), отъ Форкиды (Эвфоріонъ), Геи Эвриноме (Истронъ), отъ Ахеронта и Ночи (Евдемъ), Гадеса и Персефоны (орфическіе гимны), Гадеса и Стикса (Аѳенодоръ и Мнасеасъ). См., впрочемъ, Н. D. Müller, *Ares*, p. 67.

Судьбою (Atè), стараясь умиловить ее, Грекъ разумѣлъ тоже самое, что разумѣемъ мы, когда говоримъ: „послѣ смерти покаянья не бываетъ“, или когда употребляемъ извѣстную французскую поговорку: „l'enfer est pavé de bonnes intentions“. Точно такъ же и выраженіе: „мольбы, суть дщери Зевса“, едва ли можетъ быть отнесено къ области собственно миеологіи, ибо Зевсъ считался у Грековъ покровителемъ молящихся, Ζεὺς ἱκετήσιος — отсюда Мольбы называются его дщерями, какъ англичанинъ свободу называетъ дочерью Англии, или какъ мы говоримъ: „Молитва рождается въ душѣ“.

Но не смотря на ихъ миеическую окраску, всѣ эти выраженія еще нельзя признать миеами. Существенный характеръ настоящаго миеа состоитъ именно въ томъ, что для объясненія его оказываются недостаточными сближенія съ оборотами обыкновенной разговорной рѣчи. Одною пластической изобразительностью языка въ древнюю пору (смотри сказанное выше объ образованіи именъ и глаголовъ) нельзя объяснить, какимъ образомъ миеъ можетъ утратить способность выражать первоначально заключавшійся въ немъ смыслъ, какимъ образомъ утрачивается самое сознаніе этого первоначальнаго смысла. Трудностью образованія именъ и глаголовъ съ отвлеченнымъ значеніемъ мы можемъ объяснить только присутствіе аллегорическаго элемента въ поэзіи древнихъ, но миеологія остается по прежнему загадкой. Поэтому должно призвать на помощь другой могучій элементъ, участвовавшій въ образованіи древняго языка, элементъ, для котораго я не нахожу лучшаго названія, какъ: *полионимизмъ* (polyonymy, многоименность) и *синонимизмъ* (synonymy, соименность).¹⁾ Большая часть названій, какъ мы это видѣли прежде, были первоначально нарицательными или эпитетами, въ которыхъ выражалось то свойство, которое въ данный моментъ представлялось наиболѣе выдающимся, наиболѣе характеристическимъ признакомъ какого-нибудь предмета. Но такъ какъ у каждаго предмета есть нѣсколько признаковъ и такъ какъ съ извѣстной точки зрѣнія каждый изъ этихъ признаковъ могъ послужить поводомъ для наименованія предмета, то естественно большая часть предметовъ въ эту раннюю

¹⁾ См. мое письмо къ Бунзену *О туранскихъ языкахъ* р. 35.

пору носили нѣсколько наименованій. Съ теченіемъ времени бѣльшая часть изъ нихъ оказались лишними и въ литературномъ, классическомъ языкѣ были замѣнены какимъ-нибудь однимъ, которое стало какъ бы собственнымъ именемъ предмета. Чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче синонимами (соименными).

Постоянное употребленіе синонимовъ должно было съ другой стороны вызвать множество гомонимовъ. Положимъ, что у насъ будетъ пятьдесятъ различныхъ названій солнца, изъ которыхъ каждое выражаетъ какое-нибудь свойство этого свѣтила: между этими названіями непремѣнно должны оказаться нѣкоторыя, которыя будутъ приложимы къ другимъ предметамъ, имѣющимъ то или другое общее съ солнцемъ свойство. Всѣ эти предметы получатъ одно общее названіе, будутъ гомонимы (одноименныя).

Такъ, напр. въ Ведахъ земля называется: *urgvī* (пространная), *prīthwī* (широкая), *mahī* (великая), и кромѣ того имѣетъ множество другихъ наименованій, число коихъ, по показаніямъ *Nighantu*, въ совокупности доходитъ до двадцати одного. Всѣ эти двадцать одно слово — синонимы. Но словомъ *urgvī* (пространная) называется не только земля, но и рѣка; *Prīthwī* называютъ не только землю, но и небо и зорю. Эпитетъ *mahī* (великій, сильный) наравнѣ съ землею прилагается къ коровѣ и къ человѣческой рѣчи. Потому земля, рѣка, небо, заря, корова, рѣчь — гомонимы. Впрочемъ всѣ эти наименованія просты и понимаются сами собою. Но большая часть древнихъ наименованій, которыя языкъ создаетъ, находясь на первыхъ ступеняхъ своей жизни, такъ сказать, въ первомъ порывѣ поэтическаго одушевленія юности, основаны на смѣлыхъ метафорахъ. Какъ скоро забывались эти метафоры — всего чаще меркло и измѣнялось первоначальное значеніе корней, отъ которыхъ произошли эти слова. Многія изъ этихъ словъ, естественно, должны были утратить не только свой этимологическій, коренной, но и переносный, поэтическій смыслъ. Изъ поэтическихъ метафоръ они обращались въ простыя, условныя названія и уже безсознательно по преданію переходили отъ одного поколѣнія къ другому: вполне понятныя, быть можетъ, дѣду, еще довольно вразумительныя для отца, они непремѣнно становились чуждыми для сына и бывали превратно перетолкованы внукомъ. Такія превратныя толкованія или недоразумѣнія могли возник-

нуть разными путями. Могло забыться коренное значеніе слова: тогда слово, первоначально бывшее нарицательнымъ (appellative) или *именемъ*—*poimen*, въ этимологическомъ значеніи этого слова (*poimen* вмѣсто *gnomen*, *quo gnoscimus res*, то, почему узнается предметъ, какъ *natus* отъ *gnatus*), обращается въ простой звукъ, становится *именемъ* въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. простымъ условнымъ названіемъ. Такъ $\zeta\epsilon\upsilon\varsigma$, — первоначально одно изъ названій неба, подобно санскритскому *dyàus*, мало по малу обратилось въ собственное имя, нарицательное значеніе котораго просвѣчиваетъ только въ нѣкоторыхъ поговоркахъ, каковы: $\zeta\epsilon\upsilon\varsigma \beta\epsilon\iota$ (дождить, идетъ дождь) или «sub Jove frigidus» (подъ открытымъ небомъ).

Часто случалось, что, забывъ настоящій этимологическій смыслъ какого-нибудь слова, навязывали ему новое значеніе, руководясь въ этомъ случаѣ какимъ-то этимологическимъ чутьемъ, которое не совершенно утратилось даже въ новыхъ языкахъ. Такъ $\Lambda\upsilon\chi\eta\gamma\epsilon\nu\eta\varsigma$, т. е. *свѣторожденный, сынъ свѣта*—Аполлонъ превратился въ сына Ликіи (*отъ Ликіи рожденный*); эпитетъ $\Delta\acute{\eta}\lambda\iota\omicron\varsigma$, т. е. свѣтлый — послужилъ поводомъ къ происхожденію мифа о рожденіи Аполлона на островѣ Делосѣ.

Съ другой стороны въ тѣхъ случаяхъ, когда въ языкѣ было два названія для одного предмета или явленія, изъ этихъ двухъ названій возникали двѣ отдѣльныя личности, и такъ какъ каждой изъ нихъ приписывалась таже самая судьба, о каждой рассказывались однѣ и тѣ же похождения, то эти двѣ личности естественно представлялись или братомъ и сестрой, или отцемъ и сыномъ и т. д. Вотъ почему мы находимъ у Грековъ *Selene мѣсяцъ* рядомъ съ *Mene*, тоже *мѣсяцъ*, *Helios, солнце*, и *Phoebos* — тоже самое; въ большей части греческихъ героевъ можно открыть очеловѣченныя черты греческихъ боговъ, а въ именахъ этихъ героевъ—первоначальные эпитеты ихъ божественныхъ прототиповъ. Еще чаще случалось, что прилагательное, постоянно соединяемое съ извѣстнымъ именемъ для обозначенія какого-нибудь предмета, вмѣстѣ съ этимъ именемъ переносилось и на другой предметъ. Что говорилось напр. о морѣ, потомъ приписывалось и небу; или напримѣръ *солнце*, разъ будучи названо львомъ или волкомъ, скоро получало когти и гриву въ постоянный атрибутъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

животная метафора совершенно не имѣлась въ виду. Такимъ образомъ солнце съ его золотыми лучами могло быть названо *златорукимъ*, потому только что слово *рука* значило въ то же время и *лучъ*. Но въ приложеніи къ Аполлону или къ Индрѣ, эпитетъ „златорукий“ развивался въ цѣлый мифъ, который мы встрѣчаемъ какъ въ германской, такъ и въ санскритской мифологіи: и та и другая повѣствуютъ, что Индра лишился руки, которая потомъ была замѣнена *золотой*.

Такимъ образомъ мы уже имѣемъ нѣсколько ключей къ тайнамъ мифологіи, но самому способу ихъ употребленія можно научить только съ помощію сравнительной филологіи. Какъ во французскомъ языкѣ трудно бываетъ угадать коренное значеніе многихъ словъ, не прибѣгая къ сравненіямъ съ родственными словами въ языкахъ итальянскомъ, испанскомъ или провансальскомъ; такъ точно и происхожденія многихъ греческихъ словъ нельзя объяснить безъ сближеній съ болѣе или менѣе сохранившимися остатками родственныхъ словъ въ языкахъ: нѣмецкомъ, латинскомъ, славянскомъ и санскритскомъ. Къ сожалѣнію между этими древнѣйшими языками ни одинъ не имѣетъ такого значенія, какое для романскихъ языковъ имѣетъ языкъ латинскій, съ помощію котораго мы можемъ опредѣлить, въ какой степени первообразна форма каждаго слова въ языкахъ: французскомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Санскритскій нельзя назвать отцемъ латинскаго и греческаго языка, какъ латинскій можно назвать отцемъ всѣхъ романскихъ нарѣчій. Но, хотя санскритъ только братъ между братьями, тѣмъ не менѣе братъ старшій, потому что его грамматическія формы дошли до насъ въ древнѣйшемъ, болѣе первобытномъ видѣ; вотъ почему, какъ скоро удастся прослѣдить видоизмѣненія какого-нибудь греческаго или латинскаго слова до соответствующей ему формы въ санскритѣ, это уже почти всегда дастъ намъ возможность объяснить его построение (*formation*) и опредѣлить его первоначальное значеніе. Какъ бы мы, напримѣръ, узнали первоначальное значеніе словъ: *πατήρ*, *μήτηρ* и *θυγάτηρ* *), если бы наши изысканія должны были

*) Вотъ образчикъ этимологическаго словотолкованія ученыхъ древней Греціи изъ *Etymologicum Magnum*: — *Θυγάτηρ*, παρὰ τὸ θύειν καὶ θρᾶϊν κατὰ γαστρός. ἐκ τοῦ θύω καὶ τοῦ γαστήρ. λέγεται γὰρ τὰ θήλεα τάχιον κινεῖσθαι ἐν τῇ μήτρᾳ.

ограничиться однимъ греческимъ языкомъ? Но какъ скоро мы возводимъ эти слова къ санскриту, ихъ первоначальный смыслъ становится совершенно яснымъ. О. Миллеръ одинъ изъ первыхъ увидѣлъ и призналъ, что классическая филологія всѣ этимологическія изысканія должна предоставить филологіи сравнительной, и что происхожденіе греческихъ словъ средствами одного только греческаго языка объяснено быть не можетъ. Это имѣетъ особую силу въ примѣненіи къ именамъ міеологическимъ. Для того, чтобы какое-нибудь слово получило міеологическій смыслъ, необходимо, чтобы въ языкѣ утратилось или затемнилось сознание первоначальнаго, собственнаго значенія этого слова. Такимъ образомъ слово, которое въ одномъ языкѣ является съ міеологическимъ значеніемъ, очень часто въ другомъ имѣетъ совершенно простой и общепонятный смыслъ. Напримѣръ Англичане (такъ же какъ и Русскіе) говорятъ: „солнце садится“ («the sun sets») и говорятъ это, конечно, безсознательно, по привычкѣ; а между тѣмъ въ германской міеологіи солнцу дѣйствительно придается сѣдалище или престоль, на которомъ оно возсѣдаетъ, подобно тому какъ у древнихъ Грековъ Эось (заря) также называлась „златотронной“, „*χρυσόθρονος*“, или какъ новые Греки о заходящемъ солнцѣ говорятъ: *ἥλιος βασιλεύει*. Мы не соединяемъ никакого представленія съ именемъ Гекаты, но понимаемъ съ перваго раза, что значитъ *Ἐκατος* и *Ἐκατηβόλος* (далеко-разящій, эпитетъ Аполлона). Мы не знаемъ, что такое *Lucina*, но ни мало не затрудняемся на счетъ слова *Luna*, которое между тѣмъ есть ничто иное, какъ сокращенное *Lusna*. Такъ называемая индусская міеологія имѣетъ мало или вовсе не имѣетъ значенія для сравнительныхъ изслѣдованій. Всѣ сказанія о Шивѣ, Вишну, Магадевѣ, Парвати, Кали, Кришнѣ и пр.—поздняго происхожденія; они возникли уже на индійской почвѣ, (т. е. уже послѣ выдѣленія Индусовъ изъ обще-арійской семьи) и исполнены странныхъ и фантастическихъ вымысловъ. Но между тѣмъ какъ позднѣйшая міеологія Пуранъ и эпическихъ поэмъ не представляетъ почти никакого матеріала для занимающагося сравнительной міеологіей, въ Ведахъ сохранился цѣлый міръ первобытной, естественной и удобопонятной міеологіи. Міеологія Ведъ для сравнительной міеологіи имѣетъ тоже самое значеніе, какое санскритъ имѣетъ для сравнительной грамматики.

Къ счастію въ Ведахъ миѳологія не успѣла еще сложиться въ опредѣленную систему. Одни и тѣже рѣченія употребляются въ одномъ гимнѣ какъ нарицательныя, въ другомъ—какъ имена боговъ. Одно и тоже божество занимаетъ разныя мѣста, становится то выше, то ниже остальныхъ боговъ, то уравнивается съ ними. Все существо ведійскихъ боговъ, такъ сказать, еще прозрачно; первоначальныя представленія, изъ которыхъ возникли эти божественныя типы, еще совершенно ясны. Родословныя и брачныя связи боговъ еще не установились: отецъ иногда оказывается сыномъ, братъ — мужемъ; богиня, которая въ одномъ миѳѣ является матерью, въ другомъ играетъ роль жены. Мѣнялись представленія поэтовъ — мѣнялись свойства и роли боговъ. Нигдѣ такъ рѣзко не чувствуется огромное разстояніе, отдѣляющее древнія поэмы Индіи отъ самыхъ раннихъ начатковъ греческой литературы, какъ при сравненіи еще неуспѣвшихъ установиться, находящихся еще въ процессѣ развитія ведійскихъ миѳовъ съ достигшими полного, окончательнаго развитія и уже разлагающимися миѳами, на которыхъ основана поэзія Гомера. Настоящая ѳеогонія арійскихъ племенъ—Веды, между тѣмъ какъ ѳеогонія Гезіода не болѣе, какъ искаженная карриатура первоначальнаго образа. Чтобы убѣдиться, въ какой степени духъ человѣческой, хотя ему отъ природы присуще сознаніе высшей божественной силы, неизбѣжно подчиняется неотразимому вліянію языка во всемъ, что касается сверхъестественныхъ и отвлеченныхъ представленій, слѣдуетъ читать *Веды*. Если хотите объяснить Индусу, что боги, которымъ онъ поклоняется—не болѣе, какъ названія явленій природы, — названія, которыя мало по малу утратили собственный, первоначальный смыслъ, олицетворились, наконецъ были обоготворены,—чтобы объяснить это Индусу, заставьте его читать *Веды*. Едвали разсчетливо поступали древніе отцы церкви, признавая языческихъ боговъ ¹⁾ за демоновъ, за злыхъ духовъ;

¹⁾ Аристотель высказалъ свое мнѣніе о греческихъ богахъ въ одномъ мѣстѣ своей *Метафизики*. Онъ нападаетъ на идеи Платона, старается показать заключающіяся въ нихъ противорѣчія, называетъ ихъ *αἰδιότης αἰδία*, безсмертными смертными (eternal uneternals), т. е. не имѣющими дѣйствительнаго, реальнаго существованія, какое при-

будемъ остерегаться, чтобы не впасть въ ту же самую ошибку относительно боговъ индусскихъ. Эти боги имѣютъ не болѣе правъ на признаніе за ними реальнаго существованія (substantive existence), чѣмъ греческія Эось (заря) или Гемера (день), чѣмъ Ночь (Нyx) или Апатэ (обманъ). Это маски, за которыми никогда не было живыхъ актеровъ, — не создатели челоуѣка, а его собственныя созданія; nomina (имена, названія), а не numina (божества); имена безъ содержанія, а не существа, которымъ нѣтъ имени.

Безъ сомнѣнія, есть примѣры, что греческій, латинскій или германскій миѣъ можетъ быть объясненъ изъ элементовъ одного греческаго, латинскаго или германскаго языка, подобно тому, какъ въ греческомъ много словъ, этимологическій смыслъ которыхъ можетъ быть объясненъ безъ помощи санскрита или готскаго языка. Мы начнемъ съ миѣовъ этого послѣдняго разбора, какъ болѣе легкихъ, чтобы потомъ уже перейти къ болѣе труднымъ, для которыхъ приходится добывать свѣтъ издалека, отъ снѣжныхъ скалъ Исландіи, изъ пѣсней Эдды или съ береговъ „Седмирѣчія“, изъ гимновъ Ведъ.

Роскошное воображеніе, быстрота постиженія, живость умственныхъ способностей и неистощимое разнообразіе фантазіи, отличавшія Грековъ, легко объясняютъ, почему послѣ раздѣленія арійскаго племени не было языка богаче греческаго, не было миѣологіи разнообразнѣе греческой миѣологіи. Создаваясь съ изумительной легкостью, слова забывались также легко, съ той безпечностью, которую придаетъ геніальнымъ людямъ сознаніе въ себѣ неистощимыхъ творческихъ силъ. Первоначальное созданіе cadaго слова было цѣлой маленькой поэмой, въ которой воплощались или смѣлая метафора или свѣтлое воззрѣніе на міръ. Но, подобно народной поэзіи Грековъ, эти слова, будучи разъ усвоены преданіемъ и ужившись въ языкѣ семьи, города или цѣлаго племени, въ мѣстныхъ діалектахъ или во всенародной рѣчи Греціи, скоро, если такъ можно выразиться, забывали о

писывается имъ людьми, которые утверждаютъ, что боги существуютъ, но въ то же время придаютъ имъ челоуѣческой образъ, дѣлая изъ нихъ такимъ образомъ «безсмертныхъ смертныхъ» — противорѣчіе, само себя уничтожающее.

томъ, кто ихъ создалъ, о поэтѣ, которому они были обязаны своимъ происхожденіемъ. Ихъ родословная и первоначальный смыслъ были неизвѣстны самимъ Грекамъ; этимологическое значеніе ихъ затруднило бы самаго остроумнаго антикварія. Но Греки заботились объ этимологической генеалогіи словъ своего языка такъ же мало, какъ мало интересовались они знать имя каждаго пѣвца, который, первый, сложилъ пѣсню о подвигахъ какого-нибудь Менелая или Діомеда. Какъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ любознательность удовлетворялась однимъ Гомеромъ, такъ точно они хватались за всякое этимологическое производство, объяснявшее хотя одну какую-нибудь сторону въ значеніи слова, тѣмъ болѣе, что остроумнымъ догадкамъ, не стѣсненнымъ никакими историческими соображеніями, открывалось обширное поле. Извѣстно, какъ Сократъ, подъ вліяніемъ минуты, превращаетъ Эрота въ бога крыльевъ; Гомеръ такъ же мало затрудняется на счетъ этимологическихъ производствъ, полезныхъ по стольку, по скольку они доказываютъ, что настоящее этимологическое значеніе именъ боговъ было утрачено и забыто еще задолго до Гомера.

Всего удобнѣе проникнуть въ первоначальный смыслъ греческаго мѣа, когда у нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ въ ономъ лицъ сохранились имена, смыслъ которыхъ понятенъ изъ греческаго языка. Такія имена, какъ Эось, Селена, Геліось, Герса даютъ свою собственную исторію, даютъ точку опоры (πὸς στῶ) для истолкованія всего остальнаго содержанія мѣа. Возьмемъ прекрасный мѣъ о Селенѣ и Эндиміонѣ. Эндиміонъ — сынъ Зевса и Калики, но въ то же время сынъ элидскаго царя Аэтія, который въ свою очередь считается сыномъ Зевса и которому Эндиміонъ, по преданію, наследовалъ на элидскомъ престолѣ. Это обстоятельство указываетъ на мѣстное значеніе нашего мѣа, свидѣтельствуя во всякомъ случаѣ, что мѣстомъ его происхожденія была Элида и что, по греческому обычаю, элидскіе цари вели свою родословную отъ Зевса. Тотъ же самый обычай господствовалъ въ Индіи; оттого произошли два великіе царственные рода древней Индіи, такъ называемый—*родъ солнца и родъ луны* (Solar and Lunar races). Пуруравасъ, о которомъ подробнѣе впоследствии,

говорить о себѣ: „великій владыка дня и царь ночи—мои предки; я внукъ ихъ“

Потому можно допустить существованіе въ Элидѣ царя Аэ-лія; у него могъ быть сынъ Эндиміонъ; но съ царемъ элидскимъ не могло случиться того, что миѣ повѣствуетъ объ Эндиміонѣ. Миѣ переносить Эндиміона въ Карію, на гору Латмосъ, потому что въ пещерѣ этой горы Селена увидѣла спящаго красавца, здѣсь плѣнилась имъ и здѣсь же утратила своего возлюбленнаго. Значеніе Селены не подлежитъ никакому сомнѣнію; и, если бы даже въ преданіи сохранилось одно только другое ея имя, *Asterodia*, мы тѣмъ не менѣе не могли бы перевести этого синонима иначе, какъ словомъ: мѣсяцъ, потому что *Asterodia* значитъ: «Путникъ среди звѣздъ». Но кто же былъ Эндиміонъ? Это одно изъ многихъ именъ солнца, но въ особенности заходящаго или умирающаго солнца. Это слово происходитъ отъ глагола ἐν-δύω, который, въ классическомъ языкѣ Греціи, никогда не употребляется о солнцѣ въ смыслѣ захожденія, ибо это послѣднее значеніе утвердилось разъ навсегда за простымъ глаголомъ δύω. Выраженію Δυσμαί ἡλίου, захожденіе, противопоставляется ἀνατόλαι, восхожденію солнца. Δύω первоначально значило *погружаться*; и такія выраженія, какъ: ἡέλιος δ' ἄρ' ἔδω, солнце погрузилось, предполагаютъ болѣе раннее представленіе: ἔδω πόντον — погрузилось въ море. Припомнимъ слова, съ которыми Фетида обращается къ своимъ спутницамъ, Ил. XVIII, 140:

Ἵμεῖς μὲν νῦν δῦτε θαλάσσης εὐρέα κόλπον,

Сестры мои! Погрузитесь въ лоно пространное моря.

Тоже самое представленіе солнца, погружающагося въ морскія волны, мы встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ, преимущественно у народовъ приморскихъ; на примѣръ, въ латинскомъ: «*Sur mergat seras aequore flammis*» ¹⁾. Въ древне-скандинавскомъ: «*Sól gengr i aegi*». Нѣкоторыя изъ племенъ славянскихъ представляютъ солнце женщиной, которая предъ наступленіемъ ночи погружается въ купальню, а утромъ встаетъ освѣженная и омытая, или называютъ море матерью солнца, въ объятія которой оно опускается каждый вечеръ. Потому можно

¹⁾ Grimm's Mythologie p. 704.

предположить, что въ какомъ-нибудь греческомъ нарѣчїи ἐνδύω имѣло тоже самое значеніе и что отъ ἐνδύω произошло ἐνδύμα — захожденіе солнца. Отъ ἐνδύμα потомъ образовалось ἐνδυμῶν, какъ отъ ὄβραβος — ὄβραβῶν и какъ большая часть названій греческихъ мѣсяцевъ. Если бы ἐνδύμα вошло въ употребленіе, какъ общепринятый терминъ для означенія солнечнаго заката, то никогда не могло бы возникнуть мифа объ Эндиміонѣ. Но какъ скоро первоначальное значеніе Эндиміона было забыто, осталось одно собственное имя, къ которому стали относить все, что первоначально относилось къ солнцу. Чтобы сохранить какой-нибудь смыслъ, это имя должно было олицетвориться въ образъ бога или героя. *Прежде* говорили, что заходящее солнце спитъ въ Латмійской пещерѣ, т. е. въ пещерѣ ночи, ибо Латмосъ происходитъ отъ одного корня съ словами: Лето, Латона, ночь; *потомъ* пещера ночи была замѣнена опредѣленной географической мѣстностью, а именно горой Латмосъ въ Карїи. *Прежде* подъ этимъ Эндиміономъ, который погружается въ вѣчный сонъ послѣ однодневной жизни, разумѣлось заходящее солнце — сынъ Зевса, т. е. яснаго неба, и Калике — все покрывающей ночи (отъ καλύπτω), а по другому сказанію, сынъ Зевса и Протогеней, т. е. перворожденной богини — Зари, которая постоянно представляется матерью, сестрой или покинутой супругой Солнца. *Потомъ* въ Эндиміонѣ стали видѣть элидскаго царевича: поводомъ къ этому, вѣроятно, послужило извѣстное обыкновеніе греческихъ царей выбирать для своихъ дѣтей имена съ добрымъ предзнаменованіемъ (of good omen), имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ солнцу, мѣсяцу или звѣздамъ. Въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ именемъ свѣтила на его смертнаго соименника переносился и самый мифъ, съ этимъ именемъ связанный. На древнемъ поэтическомъ языкѣ Элиды существовало нѣсколько изрѣченій: „Селена любитъ Эндиміона и сторожитъ его“, т. е. становится поздно, вечеряетъ; „Селена заключаетъ Эндиміона въ свои объятія“, т. е. мѣсяць всходитъ, когда сядетъ солнце; „Селена

*) Лауеръ въ своемъ сочиненіи: System der griechischen Mythologie, переводитъ: Endymion словомъ Taucher т. е. погружающійся. Гергардъ (Gerhard) въ своей Griech. Mythologie утверждаетъ, что ἐνδυμῶν значитъ: ὁ ἐν δούμῃ ὄν.

своими поцѣлуями погружаетъ въ сонъ Эндиміона“, т. е. настаетъ ночь. Народъ давно пересталъ понимать первоначальный смыслъ этихъ изрѣченій, но самыя изрѣченія продолжали употребляться долгое время спустя, и такъ какъ человѣкъ стремится узнать причину каждаго явленія и готовъ выдумать какую-нибудь, когда настоящая причина неизвѣстна, то въ народѣ, какъ бы по общему соглашенію и независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ, сложилось представленіе, что этотъ Эндиміонъ былъ какой-то юноша, любимый юною дѣвой, по имени Селеной. И если дѣти, не довольствуясь такимъ объясненіемъ, съ свойственнымъ дѣтскому возрасту любопытствомъ домогались узнать объ этомъ поподробнѣе, то всегда находилась какая-нибудь старушка-бабушка, готовая добавить, что этотъ юный Эндиміонъ былъ сынъ Протогенеи (при чемъ сама разскащица развѣ смутно сознавала, что подъ этимъ именемъ первоначально разумѣлась Заря, изъ нѣдръ которой родится Солнце), или сынъ Калики, мрачной и все одѣвающей своимъ покровомъ Ночи. Сколько другихъ, новыхъ нитей затрогивалось въ связи съ именемъ Эндиміона! Такъ напримѣръ, можно было предположить три или четыре (какъ мы дѣйствительно и находимъ у древнихъ поэтовъ) различныхъ причины для объясненія этого непробуднаго сна, которымъ былъ объятъ Эндиміонъ, и стоило какому-нибудь народному пѣвцу намекнуть на одну изъ этихъ причинъ, чтобы она стала миѳологическимъ фактомъ, который потомъ повторялся позднѣйшими поэтами; и вотъ Эндиміонъ мало по малу сталъ типомъ, но уже не заходящаго солнца, а просто цвѣтущаго юноши, любимаго чистой дѣвой, и для какого-нибудь царевича нельзя было найти болѣе приличнаго имени, чѣмъ Эндиміонъ. Много миѳовъ было такимъ образомъ, на основаніи одного только сходства въ имени, перенесено на дѣйствительныя личности, хотя, касательно Эндиміона, должно сознаться, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ доказательствъ, что въ Элидѣ дѣйствительно существовалъ когда-нибудь царевичъ этого имени.

Такъ растетъ и развивается сказаніе, первоначально — простое слово, *μῦθος*, вѣроятно, изъ многочисленнаго разряда словъ съ областнымъ значеніемъ, которыя ходятъ только въ извѣстной мѣстности, и внѣ оной теряютъ свою силу. Такія слова не

употребляются при ежедневномъ размѣнѣ мыслей, они — то же, что для массы — вышедшая изъ обращенія монета, которую не бросаютъ однако, а берегутъ, какъ любопытную рѣдкость, или какъ украшеніе, пока наконецъ черезъ нѣсколько столѣтій она попадетъ въ руки антикварія и этотъ послѣдній разгадаетъ ея надпись и настоящее значеніе. Къ сожалѣнію греческія сказанія не дошли до насъ въ томъ первобытномъ видѣ, въ какомъ онѣ переходили нѣкогда изъ устъ въ уста между сельскимъ или горнымъ населеніемъ древней Греціи (подобно тѣмъ преданіямъ, которыя Гриммъ собралъ въ своей Мифологіи изъ устъ нѣмецкаго простонародья), — въ томъ видѣ, какъ ихъ передавали нѣкогда молодому, подростающему поколѣнію старшіе члены семьи, уже сами только въ половину понимая настоящій смыслъ передаваемого, совершенно непонятный для молодыхъ, — въ томъ видѣ, какъ эти сказанія пѣлись нѣкогда среди возникающаго города какимъ-нибудь поэтомъ, который, соединяя ходившія въ околodкѣ сказанія въ стройную, связную поэму, тѣмъ самымъ сообщалъ этимъ сказаніямъ однажды навсегда постоянную, опредѣленную форму. У Гомера, — кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ передаетъ какое-нибудь мѣстное сказаніе, — все уже приведено въ систему, начало которой составляетъ ѳеогонія, центръ — осада Трои, конецъ — возвращеніе героевъ. Но сколькихъ отдѣловъ греческой мифологіи Гомеръ ни разу даже не коснулся! За Гомеромъ слѣдуетъ Гезіодъ — моралистъ и догматикъ; онъ также даетъ не болѣе, какъ только ничтожный отрывокъ мифологическаго языка Греціи. Такимъ образомъ нашъ главный источникъ составляютъ древніе лѣтописцы (*chroniclers*), которые смотрѣли на мифологію, какъ на исторію, и брали изъ нея лишь столько, сколько было нужно для ихъ цѣли. Но эти лѣтописцы также не дошли до насъ, и мы можемъ только предполагать, что они послужили источникомъ, изъ котораго заимствовали свои свѣдѣнія позднѣйшіе писатели, каковы Аполлодоръ и схоласты. Потому первое дѣло всякаго, кто занимается мифологическими изслѣдованіями, состоитъ въ томъ, чтобы распутать эту сѣть, отдѣлить позднѣйшую наслойку, отдѣлить все систематизирующее, и возстановить каждый мифъ въ его первоначальномъ видѣ, еще не подведенномъ подъ извѣстную систему. Много случайнаго и несущественнаго придется совсѣмъ

откинуть, и когда намъ удастся снять слой ржавчины, нанесенный вѣками, тогда мы должны, какъ это дѣлають съ старинной монетой, прежде всего опредѣлить, — такъ сказать по характеру чекана, — мѣстность и, если можно, вѣкъ каждаго миеа; и какъ старинныя монеты, по металлу, изъ котораго онѣ вычеканены, сортируютъ на золотыя, серебряныя и мѣдныя, такъ и въ миеахъ слѣдуетъ тщательно отдѣлить сказанія о богахъ отъ сказаній о герояхъ и сказаній о простыхъ смертныхъ. Тогда, если мы наконецъ успѣемъ разгадать древнія имена и сказанія греческой или какой бы то ни было другой миеологии, мы увидимъ, что прошедшее, которое намъ представляется въ греческой миеологии, когда-то было настоящимъ, что въ этихъ окаменѣлыхъ остаткахъ заключены слѣды органической мысли, и что эти окаменѣлости жили нѣкогда на поверхности греческаго языка. Такъ, сказаніе объ Эндиміонѣ было настоящимъ въ то время, когда жителю Элиды былъ понятенъ смыслъ древняго выраженія: *луна (Селена) поднимается подъ покровомъ ночи (иначе: въ Латмійской пещерѣ), и, въ безмолвномъ упоеніи, лобуется красой заходящаго солнца* — спящаго Эндиміона, Зевсова сына, которому достался отъ отца двойной даръ: непрерывнаго сна и вѣчной юности.

Въ Эндиміонѣ не слѣдуетъ видѣть солнце, въ значеніи божества, какимъ оно является въ образѣ Феба-Аполлона; Эндиміонъ есть воплощеніе свѣтила въ его ежедневномъ теченіи; рано утромъ оно встаетъ изъ нѣдръ зари, и вечеромъ, свершивъ свой блестящій, но скоротечный путь, заходитъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться къ этому смертному бытію. Такія представленія очень обыкновенны въ арійской миеологии, и съ этой-то точки зрѣнія солнце представляется то божественнымъ, но непричастнымъ безсмертію, то — живымъ, но погруженнымъ въ сонъ, то — смертнымъ, осчастливленнымъ любовью богини, но обреченнымъ общей участи смертнаго человѣчества. Такъ *Тиѳонъ* (это имя происходитъ отъ того же корня, какъ и *Титанъ* ¹⁾) первоначально также выражалъ идею солнца въ дневномъ или годичномъ значеніи свѣтила. Тиѳонъ, подобно Эндиміону, не обладаетъ полнымъ без-

¹⁾ Ἄφελῶς δ' ἑλαμφε Τίταν. — *Anakreontea*, 47.

смертіемъ Зевса или Аполлона. Онъ пребываетъ вѣчно-юнымъ, но въ то же время осужденъ на вѣчный сонъ. Тиеону боги даровали безсмертіе, но Эось забыла испросить вѣчную юность для своего любимца, и вотъ онъ, дряхлый старикъ, осужденъ вѣчно томиться въ объятіяхъ своей вѣчно-юной супруги, которая любила его, когда онъ былъ цвѣтущимъ юношей, и не перестаетъ лелѣять, когда онъ состарѣлся. Другія сказанія, не задумываясь надъ противорѣчіями или готовя разрѣшить ихъ иногда самымъ насильственнымъ способомъ, называютъ Тиеона сыномъ Эось и Кефала, подобно тому, какъ Эндиміона называли сыномъ Протогеней, т. е. Зари. Эта свобода въ обращеніи съ мифомъ показываетъ, что въ первое время Грекъ сознавалъ очень хорошо, что такое значили слова: *каждое утро Эось покидаетъ ложе Тиеона*. Пока этотъ способъ выраженія былъ понятенъ, мифъ, можно сказать, былъ настоящимъ; онъ обратился въ прошедшее, какъ скоро Тиеонъ превратился въ юношу изъ рода троянскихъ царей, одного изъ сыновей Лаомедона, брата Пріамова. Тогда выраженіе: „Эось утромъ покидаетъ ложе Тиеона“ получило мифическій характеръ и условный смыслъ. Далѣе, такъ какъ Тиеонъ превратился въ троянскаго царевича, то сыну его, Эіопскому Мемнону должна была достаться роль въ Троянской войнѣ. И между тѣмъ—какъ странно!—даже въ эту пору, въ сознаніи поэта, казалось, еще смутно просвѣчивала древняя мифическая основа! — ибо въ сказаніи о томъ, какъ Эось оплакиваетъ своего сына, прекраснаго Мемнона, слезы ея называются „утренней росой“, такъ что въ этомъ случаѣ, прошедшее можно сказать, было еще въ половину настоящимъ.

Упомянувъ о Кефалѣ, какъ о возлюбленномъ Эось и отцѣ Тиеона, мы можемъ прибавить, что Кефалъ, подобно Тиеону и Эндиміону, было однимъ изъ многочисленныхъ именъ солнца. Кефалъ — восходящее солнце, глава свѣта — выраженіе, нерѣдко, въ различныхъ мифологіяхъ, прилагаемое къ солнцу. Въ *Ведахъ*, гдѣ очень часто встрѣчаются обращенія къ солнцу подъ именемъ коня, главой коня всегда именуется восходящее солнце. Такъ, поэтъ говоритъ (Ригъ-В. I, 163, 6): „я позналъ тебя духомъ, когда ты былъ еще далеко, — тебя, птица, возносящаяся изъ-подъ облаковъ; я узрѣлъ окриленную гла-

ву, текущую путями ровными и чистыми отъ праха“. Германскіе народы также иногда именуютъ солнце глазомъ (подобно тому, какъ Гезіодъ говоритъ о всевидящемъ и все обзрѣвающимъ окъ Зевса: πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμὸς καὶ πάντα νοήσας), или ликомъ Одина *). Въ Ведахъ солнце также называется (I, 115, 1) „ликомъ боговъ“ или „ликомъ Aditi“ (I. 113, 9): „вѣтры“, читаемъ въ Ведахъ, „омрачаютъ око солнца потоками дождя“ (V. 59, 5). Подобному же представленію у Грековъ соотвѣтствуетъ имя Кефала; и, если Кефаль называется сыномъ Герсы — Росы, то на языкѣ миѳологіи это значило то самое, что мы выразили бы такъ: „солнце всходитъ надъ росистыми полями“. О Кефалѣ повѣствуется, что онъ былъ сыномъ Прокрисы, любилъ ее и оба поклялись въ вѣчной вѣрности другъ другу. Эось, пылая любовью къ Кефалу, призналась ему въ своемъ чувствѣ, но Кефаль, вѣрный обѣту, отвергъ любовь богини. Эось знала, кто ея соперница, и предложила Кефалу оставаться вѣрнымъ женѣ, пока Прокриса, первая, не нарушитъ обѣта вѣрности. Кефаль принялъ вызовъ: переодѣтый путникомъ явился къ своей супругѣ, и, не узнавъ ею, успѣлъ снискать ея любовь. Узнавъ свой позоръ, Прокриса скрылась на островъ Критъ. Здѣсь Діана подарила ей копьѣ и собаку, которыя не знаютъ промаха, и съ этимъ даромъ Прокриса возвратилась къ мужу, переодѣвшись охотникомъ. Они отправились вмѣстѣ на охоту, и Кефаль сталъ просить ее уступить ему чудесную собаку и копьѣ. Прокриса согласилась, но въ замѣнъ потребовала его любви, и, когда онъ уступилъ ея желаніямъ, она открылась ему и была снова принята Кефаломъ. Но Прокриса не переставала трепетать прелестей Эось, и разъ, въ то время, когда она ревниво подглядывала за мужемъ, онъ ненамѣренно убилъ ее тѣмъ самымъ копьемъ, которое никогда не пролетало мимо цѣли.

Прежде чѣмъ приступимъ къ объясненію этого миѳа, который, впрочемъ, имѣетъ множество варіантовъ у греческихъ и латинскихъ поэтовъ, мы предварительно должны разложить его на составные элементы.

*) Grimm, Mythologie, 666.

Вопервыхъ: „Кефаль любитъ Прокрису“. Для объясненія Прокрисы необходимо обратиться къ Санскриту, гдѣ слова: *prusch* и *prisch* имѣютъ значеніе *брызгать, кропить*, и употребляются главнымъ образомъ о дождевыхъ капляхъ. Напримѣръ Ригъ-В. I, 168, 8: „Молніи, улыбаясь землѣ, озаряютъ ее, а вѣтры кропятъ ее дождемъ“.

Тотъ же самый корень въ германскихъ нарѣчіяхъ получилъ новое значеніе: „морозъ“ (*frost*), и Боппъ сближаетъ *prusch* съ древне-верхне-нѣм. *frus*, *frigere*, *зябнуть, мерзнуть*. Къ тому же корню слѣдуетъ отнести: *πρόξ*, *πρωχός* — капля росы, и *Gröscis* — роса. Такимъ образомъ жена Кефала ничто иное, какъ повтореніе Герсы, ея матери, такъ какъ *Герса* — роса, происходитъ отъ санскритскаго *vrisch* — *брызгать*. И такъ первая половина нашего мифа въ переводѣ на обыкновенную рѣчь значить просто: „солнце лобзаетъ утреннюю росу“.

Второе выраженіе: „Эосъ любитъ Кефала“ не нуждается въ объясненіи. Это старая исторія, повторяющаяся сто разъ въ арійской мифологіи: „заря любитъ солнце“.

Третій моментъ мифа: „Прокриса нарушаетъ вѣрность супругу, но тотъ, для кого она измѣнила мужу, никто иной, какъ тотъ же самый Кефаль, только принявшій на себя новый видъ“. Это можно объяснить, какъ поэтической образъ солнечныхъ лучей, которые принимаютъ разные цвѣта, преломляясь въ капляхъ росы: въ этомъ смыслѣ о Прокрисѣ можно сказать, что ея любовь достается многимъ; но эти многіе — одинъ и тотъ же Кефаль, который измѣнилъ свой видъ, но напоследокъ былъ узнавъ.

Наконецъ послѣдній моментъ: „Прокриса гибнетъ отъ Кефала“ значить: „роса поглощается лучами солнца“. Прокриса гибнетъ жертвою любви къ Кефалу, которому суждено сдѣлаться убійцею любимой женщины. Въ этомъ мы видимъ постепенное и неизбежное поглощеніе росы палящими лучами солнца, — явленіе, выраженное съ такой поэтической истиной въ образѣ неотразимаго копья, которымъ Кефаль ненамѣренно умертвилъ свою ревнивую супругу, въ то время, когда она приталась въ лѣсной чащѣ ¹⁾.

¹⁾ La rugiada

Pugna col sole. Dante, Purgatorio, I, 121.

Стоитъ только свести вмѣстѣ приведенныя нами четыре рѣченія, и на основаніи ихъ любой поэтъ создастъ поэму о Кефалѣ, Прокрисѣ и Эосѣ, объ ихъ любви и ревности. Если бы понадобились новыя доказательства для того, чтобы подтвердить связь Кефала съ солнцемъ, мы могли бы указать на то обстоятельство, что первое свиданіе Кефала и Прокрисы происходитъ на горѣ Гиметтѣ и что Кефалъ, ставъ невольнымъ убійцей жены, въ отчаяніи свергается въ море съ высоты левкадскаго мыса. Припомнимъ далѣе, что весь этотъ миѣцъликомъ принадлежитъ Аттикѣ, для жителей которой солнце, въ теченіи большей части года, поднимается, въ видѣ лучезарной главы, надъ вершиной Гиметта. Прямая линія, проведенная отъ этого крайняго пункта Греціи на востокъ до ея крайней западной оконечности, приведетъ насъ къ левкадскому мысу: потому было весьма естественно сказать, что Кефалъ именно здѣсь въ волнахъ океана схоронилъ свою скорбь объ утратѣ нѣжно-любимой супруги.

Другую великолѣпную картину солнечнаго заката представляетъ миѣцъ о смерти Геркулеса. Его двойственный характеръ, какъ бога и какъ героя, засвидѣтельствованъ даже Геродотомъ, — и достаточно знать нѣкоторые изъ его эпитетовъ, чтобы убѣдиться въ его связи именно съ солнцемъ, хотя ни съ однимъ именемъ не соединялось, быть можетъ, такого множества разнообразныхъ сказаній миѣологическаго, историческаго и этического характера, какъ съ именемъ Геркулеса. Съ Зевсомъ и Аполлономъ онъ раздѣляетъ слѣдующіе эпитеты: Δαφνηφόρος, Αλεξίταχος, Μάντις, Ἰδαῖος, Ὀλύμπιος, Παγγενέτωρ.

Въ своемъ послѣднемъ странствіи Геркулесь, подобно Кефалу, направляется отъ востока къ западу. На кинейскомъ мысѣ острова Эвбеи онъ совершаетъ жертвоприношеніе Зевсу въ это же самое время получаетъ отъ Деяниры роковую одежду, и вслѣдъ за тѣмъ, въ бѣшенствѣ, свергается въ море Лихаса, который превращается въ Лихадскіе острова. Отсюда герой переправляется въ Трахисъ, потомъ на гору Эту, воздвигаетъ здѣсь свой похоронный костеръ и сгараеть, послѣ чего сквозь облака возносится въ небесные чертоги безсмертныхъ боговъ, самъ получаетъ безсмертіе и становится супругомъ богини юности, Гебы. Одежда, присланная герою Деянирой, есть

образъ, нерѣдко повторяющійся и въ другихъ мифологіяхъ; это та самая одежда, которую въ Ведахъ „матери ткуть для своего лучезарнаго сына“, — это облака, поднимающіяся надъ водами и облегающія солнце, подобно мрачной одеждѣ. Геркулесъ силится сорвать роковую одежду: его могучій блескъ расторгаетъ густѣющую пелену мрака — но только на мгновенье: снова огнистыя испаренья, сливаясь съ послѣдними лучами солнца, охватываютъ его, и сквозь разсыпанные на закатѣ облака человѣку съ мифологически-настроенной душой видится умирающій герой, который рветъ въ клочья свое собственное тѣло, пока это свѣтлое тѣло не ислѣтеть наконецъ въ общемъ, отовсюду объемлющемъ его, пожарѣ. Замѣтимъ, что имя послѣдней возлюбленной Геркулеса — Iole (фіалка — быть можетъ, вечернія, фіолетоваго цвѣта, облака) напоминаетъ намъ греческое *ἰός* ядъ (хотя звукъ *ι* долгій) и потому весьма легко могло послужить поводомъ для происхожденія мифа о напитанной ядомъ одеждѣ Деяниры.

Почти всѣ данныя для рациональнаго объясненія приведенныхъ нами сказаній есть въ греческомъ языкѣ, хотя позднѣйшіе Греки, — я разумѣю Гомера и Гезіода, — въ ббльшей части случаевъ конечно не подозрѣвали первоначальнаго значенія передаваемыхъ ими сказаній. Но какъ есть греческія слова, которыя не могутъ быть объяснены изъ одного греческаго языка, и которыя безъ пособія санскрита и другихъ родственныхъ нарѣчій для филолога остались бы навсегда пустыми звуками съ условнымъ значеніемъ, такъ есть и имена боговъ и героевъ, необъяснимыя съ греческой точки зрѣнія, которыя, чтобы разгадать ихъ первоначальный смыслъ, необходимо поставить лицомъ къ лицу съ соответствующими имъ по времени данными индусской, персидской, итальянской или германской мифологіи. Мы объяснимъ это всего лучше, если приведемъ еще одинъ мифъ о зарѣ:

— *Ahan* по-санскритски значитъ — день и собственно замѣняетъ *dahan*, какъ *ashru* слеза вмѣсто *dashru*, греческ. *δάκρυ*. Слѣдуетъ ли допустить дѣйствительную утрату начальнаго звука *d* или считать это *d* приставнымъ звукомъ, съ помощію котораго корень *ah* обособился въ *dah*, это вопросъ, не касающійся насъ въ настоящемъ случаѣ. Въ санскритѣ есть корень *dah*, что значитъ

горьтъ, откуда могло произойти названіе дня, какъ *dyu* день произошло отъ *dyu* блистать. Такъ же мало значенія имѣетъ для насъ и другой вопросъ: отъ того же ли самаго или отъ другаго корня происходитъ готское *dags*, день? По этимологическому закону Гримма санскритское *daha* въ готскомъ должно было бы обратиться въ *taga*, а не въ *daga*. Но законъ Гримма терпитъ исключенія въ нѣкоторыхъ древнихъ общеарійскихъ именахъ, и Боппъ, кажется, расположенъ допустить тождественное происхожденіе словъ: *daha* и *daga*. Несомнѣнно, что названіе зари образовалось отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли нѣмецкія названія дня. Нѣмцы говорятъ: „*der Morgen tagt*“, а въ древнемъ англійскомъ вмѣсто современнаго *day*, день назывался *dawe*, новѣйшему же англійскому *dawn* (свѣтать) соотвѣтствовало англо-саксонское *dagian* (нѣм. *tagen*). Въ Ведахъ, въ числѣ другихъ названій зари, одинъ разъ встрѣчается *Ahanâ*, а именно, Ригъ-В. I, 123, 4:

Grihám griham Ahanâ 'yâti *atschtschkhá*
 Divédive ádhi ná'ma dádhanâ
 Sísásanti Dyotanâ 'sháshvat á'agât
 A'gram agram it bhadzate vásúnâm, т. е.

„*Ahanâ* (заря) приближается къ каждому жилищу — она, знаменующая наступленіе каждаго дня.

„*Dyotanâ* (заря), быстрая (active) дѣва, возвращается снова — она всегда первая пользуется всеми благами“.

Мы уже имѣли случай видѣть зарю въ различныхъ отношеніяхъ къ солнцу; но еще не встрѣчали ее въ роли его возлюбленной, которая убѣгаетъ отъ него и гибнетъ отъ его прикосновенія. Между тѣмъ это было одно изъ выраженій, очень обыкновенныхъ въ миеологическомъ языкѣ древнихъ Аріевъ. Заря умерла въ объятіяхъ солнца, заря убѣгаетъ отъ солнца или солнце ниспровергло колесницу зари — всѣ эти выраженія, значили просто: заря скрылась съ восходомъ солнца. Такъ въ одномъ гимнѣ Ригъ-Веды, гдѣ прославляются подвиги Индры, главнаго солнечнаго божества Ведъ, мы читаемъ:

„Еще одинъ мужественный и доблестный подвигъ совершилъ ты, о Индра, поразивъ дочь *Dyaus'a* (зарю), жену, которую трудно было одолѣть.

„Да, даже превознесенную дочь *Dyaus*, зарю, ты, о Индра, великій герой, сокрушилъ на части.

„Заря торопливо исчезла съ своей сокрушенной колесницы, страшась, чтобы Индра-быкъ, не поразилъ ее.

„Колесница ея лежала на мѣстѣ, сокрушенная на части, а сама она скрылась далеко“.

Хотя въ этомъ случаѣ Индра обходится довольно нецеремонно съ дочерью неба, но въ другихъ мѣстахъ Ведъ она составляетъ предметъ любви и страстныхъ желаній для всѣхъ свѣтлыхъ боговъ неба, не исключая и ея собственнаго отца. Солнце, говорится въ Ригъ-В. I, 115, 2, слѣдуетъ за нею позади, какъ мужчина слѣдуетъ за женщиной. „Ее, Зарю, колесницу которой везутъ бѣлые кони, уносятъ въ торжествѣ два Ашвина“, подобно Левкиппидамъ, которыхъ похищаютъ Діоскуры.

Если перевести или, лучше сказать, переложить слово *Dahanâ* на греческій, передъ нами явится Дафна, и намъ будетъ понятна вся ея исторія. Дафна „молода и прекрасна — ея любви ищетъ Аполлонъ — она убѣгаетъ отъ него, и умираетъ отъ его лучезарныхъ объятій“, или, какъ это выражено у Ведійскаго поэта (X, 189): „Заря приближается къ нему — она умираетъ, какъ скоро онъ начинаетъ дышать, какъ скоро могучій своими лучами озаряетъ небо“. У кого есть глаза, открытые видѣть, у кого есть сердце, способное чувствовать заодно съ природой, подобно поэтамъ древности, тотъ можетъ и теперь еще ежедневно видѣть Дафну и Аполлона — видѣть, какъ робко и трепетно разливается на небѣ заря и какъ она исчезаетъ при внезапномъ появленіи свѣтоноснаго бога. Превращеніе Дафны въ лавръ составляетъ уже чисто-греческое продолженіе того же обще-арійскаго мифа. Слово „Дафна“ у Грековъ перестало означать зарю и обратилось въ названіе лавра. Отсюда дерево „Дафна“ считалось посвященнымъ возлюбленному Дафны — зари, а о самой Дафнѣ сложилось сказаніе, что она превратилась въ дерево въ то время, когда умоляла свою мать укрыть ее отъ преслѣдованій Аполлона *).

Безъ пособія *Ведъ* имя Дафны и связанное съ нею сказаніе осталось бы непонятнымъ, ибо позднѣйшій санскритъ не даетъ ключа къ этому имени — новое доказательство высокаго

*) Ср. Rv. IV. 30.

значенія Ведъ въ дѣлѣ сравнительной миѳологіи, которая, безъ помощи Ведъ, осталась бы навсегда загадочной и лишенной опредѣленныхъ началъ и прочной основы.

Желая показать, сколько различныхъ ладовъ можетъ быть въ миѳологическомъ языкѣ для выраженія одной и той же идеи, я ограничился названіями Зари. Въ самомъ дѣлѣ заря—одна изъ самыхъ богатыхъ жилъ арійской миѳологіи; другой рядъ сказаній, которыя служатъ воплощеніемъ борьбы зимы съ лѣтомъ, возвращенія весны, воскресенія природы, въ бѳльшей части языковъ представляетъ не болѣе, какъ только отраженіе или дополненіе древнѣйшихъ сказаній о борьбѣ дня и ночи и возвратѣ утра, когда оживаетъ весь міръ. Далѣе, сказанія о герояхъ солнечной породы, которые, въ грозѣ, борются съ враждебными силами мрака, вытекли изъ того же самага источника; и эти коровы, такъ часто упоминаемыя въ Ведахъ, которыхъ уводитъ Вритра, а Индра возвращаетъ назадъ, въ сущности это тѣже свѣтлыя коровы, которыхъ заря каждое утро выводитъ на пажить—это облака, проливающія изъ своихъ тучныхъ сосцевъ освѣжительный и плодотворный дождь или росу на поверхность томимой жаждою земли. Даже для насъ, которые знаемъ изъ философіи, что „*nil admirari*“ есть высшая степень человѣческой мудрости—ни одно зрѣлище не можетъ сравниться въ величій съ зарею. Но въ древности способность удивляться составляла высшее благо, данное въ удѣлъ человѣчеству; и когда же духъ человѣка могъ сильнѣе проникаться чувствомъ удивленія, когда же сердце его могло болѣе переполняться отрадой и восторгомъ, какъ не въ минуту приближенія

„Владыки свѣта,
Жизни, любви и радости?“

Мракъ ночи поселяетъ въ душѣ человѣка благоговѣйный трепеть, тревожное чувство смущенія и страха и приводитъ въ содроганіе всѣ его нервы. И вотъ онъ стоитъ, какъ заблудившееся дитя, въ тоскливомъ ожиданіи устремивъ взоры на востокъ, мѣсто рожденія дня, гдѣ уже столько разъ на глазахъ его зажигалось свѣтило міра. Какъ отецъ ожидаетъ рожденія своего дѣтища, такъ поэтически-настроенный человѣкъ древняго міра сторожилъ то мгновеніе, когда ночь готовится родить свое лучезарное чадо,

свѣтило новаго дня. И вотъ какъ будто медленно разверзаются врата небесъ и высыпаютъ изъ своего мрачнаго заключенія свѣтлыя стада зари на свою ежедневную пажить. Кому не случилось слѣдить за постепеннымъ развитіемъ этого свѣтлаго шествія,—когда небо представляется отдаленнымъ моремъ, въ которомъ плещутъ и переливаются золотыя волны,—когда вырвутся первые лучи восходящаго солнца, точно лучезарные кони, готовые облетѣть все поприще горизонта,—когда облака на востокъ загорятся разными цвѣтами, зажигая, каждое, своимъ румянымъ блескомъ другія облака, болѣе отдаленныя отъ источника свѣта? Вотъ ужъ загорѣлся не одинъ востокъ: со всѣхъ сторонъ, съ запада, юга и сѣвера, озарился небесный сводъ, и какъ бы въ срѣтеніе небесному свѣту, благоговѣйный поклонникъ зажигаетъ свой скудный огонекъ на очагѣ, этомъ семейномъ жертвенникѣ, и лепечетъ слова — слабое выраженіе радости, наполняющей природу и сердце человѣка: „Пробудитесь! говорить онъ: жизнь наша, духъ нашъ возвратился! мракъ исчезъ, приближается свѣтъ!“.

Если народы древности называли эти вѣчныя свѣтила неба своими богами, т. е. свѣтлыми (deva), то Заря, перворожденная (Протогеней), въ семьѣ боговъ вѣчно юная, вѣчно свѣжая, была самымъ милымъ человѣку божествомъ. Но если бы ей не досталось въ удѣлъ безсмертія, если бы ей удивлялись только, какъ благому существу, которое рождается каждое утро какъ бы для того только, чтобы разбудить сыновъ человѣческихъ, то невольно явился бы вопросъ: отъ чего жъ она такъ кратковѣчна? Такъ быстро гаснетъ и умираетъ она, едва лишь явится источникъ свѣта во всемъ своемъ лучезарномъ величій и своимъ первымъ быстрымъ взоромъ окинетъ небесный сводъ! Мы не можемъ понять того чувства, съ которымъ взиралъ на эти явленія природы древній человѣкъ. Намъ во всемъ видится законъ, порядокъ, необходимость. Мы разочли силу преломленія атмосферы, измѣрили возможное продолженіе зари въ каждомъ поясѣ, и ежедневное появленіе солнца сдѣлалось для насъ столь же обыкновеннымъ, какъ извѣстная аксіома: дважды два—четыре. Но, если бы мы какимъ-нибудь чудомъ могли снова увѣрять, что въ солнцѣ обитаетъ живое существо, подобное намъ, что въ зарѣ есть живая душа, доступная

человѣческимъ чувствамъ—если бы мы хоть на одно мгновеніе могли представить себѣ эти силы существами, одаренными личностью, свободой, способными сдѣлаться предметомъ обожанія, о какъ различно было бы то чувство, съ которымъ бы мы встрѣчали тогда первый румянецъ дня! Эта титаническая увѣренность, съ которой мы теперь говоримъ: „солнце *должно* взойти“, была неизвѣстна древнимъ въ періодъ поклоненія силамъ природы, или, если ихъ и начинала поражать вѣчно-неизмѣнная правильность, съ которою солнце и другія свѣтила совершаютъ свое дневное поприще, тѣмъ не менѣе они не переставали видѣть въ нихъ существа, которыя подпали только временному принужденію, только на время связанные—утратили свою свободную волю и подчинились высшей власти, но которыхъ, подобно Геркулесу, когда совершится ихъ призваніе, ожидаетъ горная слава. Намъ представляются дѣтскими встрѣчающіяся въ Ведахъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: „взойдетъ ли солнце?“ „возвратится ли заря, нашъ давнишній благодѣтель?“ „восторжествуетъ ли божество свѣта надъ темными силами ночи“?! И когда наконецъ всходило солнце, дивились люди, какимъ образомъ, едва родясь, оно является такимъ могучимъ, что, подобно Геркулесу, какъ будто еще въ колыбели одерживаетъ побѣду надъ чудовищами ночи? Они задавали себѣ вопросъ: какимъ образомъ оно идетъ по небу? отчего нѣтъ пыли на его дорогѣ? отчего оно не скатится внизъ съ своего небеснаго пути? Рядъ этихъ размышленій они кончали тѣмъ, что привѣтствовали солнце, какъ привѣтствуетъ его и современный намъ поэтъ:

Привѣтъ тебѣ, ночей восточный побѣдитель!

Человѣкъ чувствовалъ, что взоръ его не въ состояніи вынести лучезарнаго величія Того, кто назывался „жизнью, дыханіемъ, лучезарнымъ владыкой и отцемъ“.

Такъ восхожденіе солнца было откровеніемъ природы; оно вызывало въ душѣ человѣка то чувство зависимости, безсилія, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды, радости и вѣры въ высшія силы, въ которомъ заключается источникъ всякаго знанія, живой родникъ всякой религіи. Но если восходъ солнца внушалъ первыя молитвы, зажигалъ первое жертвенное пламя, то захожденіе солнца составляло другой моментъ, когда снова потря-

салось все нравственное существо человѣка. Вотъ приближаются тѣни ночи, человѣкъ не въ состояніи противиться неодолимой силѣ сна, которая охватываетъ его среди самыхъ его наслажденій, друзья расходятся,—человѣкъ остается одинъ— и въ одиночествѣ мысль его снова обращается къвысшимъ силамъ. Когда умираетъ день, поэтъ оплакиваетъ преждевременную кончину своего свѣтлаго друга; — скажемъ болѣе: въ его кратковременномъ поприщѣ онъ видитъ подобіе своей собственной жизни. Кто знаетъ, и его очи, быть можетъ, навѣки смежатася сномъ, и для него, быть можетъ, никогда болѣе не взойдетъ солнце, и вотъ—то мѣсто на далекомъ западѣ, гдѣ скрылось солнце, представляется ему обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда „до него отошли его отцы“ и гдѣ всѣ мудрые, всѣ праведники наслаждаются „новой жизнью вмѣстѣ съ Ямой и Варуной“. Или онъ могъ видѣть въ солнцѣ уже не кратковѣчнаго героя, но существо вѣчно-юное, которое пребываетъ вѣчно-неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ поколѣнія смертныхъ, одно за другимъ, сходятъ съ лица земли. Отсюда, единственно въ силу контраста, возникала первая мысль о существахъ не увядающихъ и не гибнущихъ—о существахъ безсмертныхъ, о безсмертіи! Тогда поэтъ обращался къ безсмертному солнцу съ мольбой—возвратиться, даровать спящему новое утро. Богъ дня становился такимъ образомъ богомъ времени, жизни и смерти. Потомъ вечерняя заря, сестра зари утренней, повторая, хотя съ нѣскольکو мрачнымъ оттѣнкомъ, всѣ чудеса картины утра,—какъ много чувствъ должна была она пробуждать въ объятаѣ дуемою душѣ поэта — сколько поэтическихъ аккордовъ она должна была вызывать на исполненномъ жизни языкѣ древнихъ временъ! Утренняя ли это заря выходитъ снова, чтобы въ послѣдній разъ обнять того, кто разстался съ нею утромъ? Безсмертная ли она, каждое утро неизмѣнно вновь являющаяся богиня, а онъ—смертное, каждый день умирающее солнце? Или она—смертная, которая въ послѣдній разъ прощается съ своимъ безсмертнымъ возлюбленнымъ, и какъ будто сгараетъ вмѣстѣ съ нимъ на одномъ кострѣ, изъ пепла котораго онъ возносится въ чертоги боговъ, между тѣмъ какъ она умираетъ?

Переложимъ эти ежедневныя явленія природы на языкъ древности, и мы увидимъ, что насъ со всѣхъ сторонъ охва-

тываетъ миеологія, исполненная противорѣчій и несообразностей: тоже самое существо представляется въ одно и то же время смертнымъ и безсмертнымъ, мужчиной или женщиной, по мѣрѣ того какъ человѣкъ переставляетъ поэтическую точку зрѣнія и придаетъ таинственной игрѣ природныхъ силъ краски, заимствованныя отъ своей собственной, человѣческой природы. Одинъ изъ миеовъ, въ которомъ Веды выражаютъ это соотношеніе зари и солнца, эту любовь между смертной и безсмертнымъ и тождество вечернихъ сумерекъ съ утренней зарею—есть миеъ объ Урваші и Пуруравасъ. Эти два имени, Урваші и Пуруравасъ, для Индуса — не болѣе какъ имена собственные; даже въ Ведахъ сознаніе ихъ первоначальнаго значенія почти совершенно утратилось. Въ Ригъ-Ведѣ есть разговоръ между Урваші и Пуруравасомъ, въ которомъ оба являются въ тѣхъ же самыхъ олицетвореніяхъ, какъ и въ драмѣ *Калидасы*. И такъ прежде всего предстоить доказать, что Урваші было сначала именемъ нарицательнымъ и означало—зарю.

Этимологія имени Урваші представляетъ нѣкоторыя трудности. Оно не можетъ быть произведено отъ игва съ помощію суффикса *sha* *), какъ предлагаетъ д-ръ Кунъ, потому вопервыхъ, что слова *urva* не существуетъ въ санскритѣ, и во вторыхъ, потому что слова производныя съ окончаніемъ *sha*, какъ *gomashá*, *ucvashá* и пр. имѣютъ удареніе на последнемъ слогѣ. Потому я скорѣе готовъ допустить общее индусское толкованіе, по которому это имя происходитъ отъ *urvi*, пространнѣй (*εδρυ*) и корня *ash* (обтекать), сближая этимъ путемъ имя *igu-así* съ другимъ весьма употребительнымъ эпитетомъ зари *igútschl*, женской формой отъ *igu-atsch* далеко-ходящій. Безъ сомнѣнія, наиболѣе поразительную черту, которою заря отличалась отъ остальныхъ небожителей, составляло то, что она въ одинъ мигъ разливалась по всему необъятному пространству небесъ, и что ея кони, какъ бы съ быстротою мысли, обтекаютъ цѣлый горизонтъ. Потому мы видимъ, что имена на *urvi* въ санскритѣ и на *εδρυ* въ греческомъ составляютъ почти постоянно древнія миеологическія названія зари утренней и вечерней. Земля, правда,

*) Pân. V. 2, 100.

также носить этотъ эпитетъ, но не въ тѣхъ соединеніяхъ, въ какихъ онъ прилагается къ лучезарной богинѣ зари. Къ именамъ зари принадлежатъ: Эврифаэсса, мать Гелиоса, Эврикида или Эврипила, дочь Эндиміона, Эвримада, супруга Главка, Эвринома, мать Харитъ, и Эвридика, супруга Орфея, значеніе котораго, какъ древняго божества, мы разсмотримъ въ послѣдствіи. Въ *Ведахъ* имя Uschas или Эось не встрѣчается почти ни разу безъ-какого нибудь намека на ея пространно—разливающийся блескъ; какъ напр. „ugviyâ vibhâti“, она широкая сияетъ; „ugviyâ vitschâksche“, она широкая обозрѣваетъ; variyâsi—широкая или пространная *), между тѣмъ какъ солнце представляется не *въ широту* простирающимъ, а *мещущимъ въ даль* свои лучи.

Но кромѣ самаго имени Урваши, мы имѣемъ другія указанія, заставляющія предполагать, что первоначально она была богиней зари. Слово Васишта (Vasischtha), хотя наиболѣе извѣстное какъ имя одного изъ главныхъ творцевъ Ведъ, есть превосходная степень отъ vasu, свѣтлый и принадлежитъ также къ числу названій солнца. Такимъ образомъ названія, приложимыя собственно только къ солнцу, были перенесены на древняго поэта. Онъ называется сыномъ Митры и Варуны т. е. ночи и дня,—названіе, имѣющее смыслъ только по отношенію къ Васиштѣ, солнцу; и такъ какъ солнце часто называется рожденнымъ отъ зари, то и поэтъ Васишта считается сыномъ Урваши (Ригъ-В. VII, 31, 11). Обстоятельства его рожденія сильно напоминаютъ рожденіе Афродиты, какъ оно описано у Гезіода.

Далѣе мы находимъ, что въ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ Ригъ-Веда упоминаетъ имя Урваши, этой послѣдней приписываются тѣже самыя свойства и дѣйствія, которыя обыкновенно составляютъ принадлежность Uschâs, Зари.

*) Изъ именъ греческихъ къ Урваши, кажется, всего ближе *Европа*, ибо небному sh въ греческомъ иногда соответствуетъ π, какъ напр. ashva = ἄσπλος. Единственную трудность представляетъ долгое ω въ греческомъ, иначе Европа, которую уносить бѣлый быкъ (vrischâ, мужчина, быкъ, жеребецъ, въ Ведахъ одно изъ часто встрѣчающихся названій солнца, и shveta, бѣлый, эпитетъ, прилагаемый къ тому же божеству), уносить на своей спинѣ (заря часто представляется за спиной солнца, Эвридики), въ отдаленную пещеру (вечерній сумракъ), мать *Аполлона*, божества дневнаго свѣта, и *Миноса* (Ману, смертный Зевсъ)—все эти черты представляютъ много общаго съ богиней зари.

Объ *Uschâs* часто говорится, что она продолжает жизнь человеческую, и то же самое рассказывается объ *Урваші* (Рв. IV, 2, 18; V. 41, 19; X. 95, 10). Въ одномъ мѣстѣ *Урваші* принимается даже какъ множественное, въ томъ смыслѣ, что изъ многихъ зорь, иначе изъ многихъ дней составляется продолженіе человеческой жизни; этимъ доказывается, что нарицательное значеніе этого имени не было еще совершенно забыто. Далѣе, она называется *antarikscharâ*, наполняющая воздухъ, — обычный эпитетъ солнца, *bṛihaddivâ*, широкая блескомъ: все это указываетъ на свѣтлое явленіе зари. Но самое убѣдительное доказательство того, что *Урваші* была заря, представляетъ сказаніе объ ея любви къ *Пуруравасу*, сказаніе, которое можетъ относиться только къ солнцу и зарѣ. Что *Пуруравасъ* (*Purûgavas*) — самое приличное имя для солнечнаго героя, это едва ли требуетъ доказательствъ. *Пуруравасъ* значило тоже самое, что *πολυδαχης* „одаренный великимъ свѣтомъ“; ибо хотя *gava* говорится собственно о звукѣ, но корень *gi*, который первоначально значить: кричать, прилагается также и къ цвѣту *), въ смыслѣ рѣзкаго, преимущественно краснаго цвѣта (*rudhirâ*, *ἔρυθρός*, *ruher*, *rufus*, лит. *gauda*, др.-верх.-нѣм. *gôt*). Кромѣ того *Пуруравасъ* самъ себя называетъ *Vasischtha*, что, какъ мы видѣли, есть одно изъ именъ солнца; и, если онъ называется также *Aiga*, сыномъ *Иры* (*Irâ*), то въ другомъ мѣстѣ (*Ригъ-В.* III. 29. 3) то же самое имя прилагается къ *Agni*, огню.

Миѣ о связи *Урваші* и *Пурураваса* въ его древнѣйшей, первобытной формѣ, мы находимъ въ *Брахманѣ Яджурв-Веды*. Тамъ мы читаемъ:

„*Урваші*, изъ рода фей, полюбила *Пурураваса*, сына *Иры*, и, встрѣтись съ нимъ, сказала ему: — „три раза въ день ты можешь заключать меня въ свои объятія, но никогда противъ моей воли и никогда не давай мнѣ увидѣть себя безъ твоей царской одежды!“ Такимъ образомъ она жила съ нимъ долгое время. Тогда *Гандарвы*, ея прежніе друзья, сказали: „долго жила *Урваші* между смертными; пускай возвратится она къ намъ“. Къ дожу, на которомъ покоились *Урваші* и *Пуруравасъ*, была привязана овца съ двумя ягнятами. *Гандарвы* похитили одного изъ нихъ. Тогда *Урваші* сказала:

*) Такъ Рв. VI. 3, 6 сказано: огонь *кричитъ* свѣтомъ (*shotschischâ*) *garapitî*; двѣ спартанскія *Хариты* называются *Κλυτά* и *φαεινά*, т. е. *Clara*, ясно-звучащая и ясно-свѣтящаяся. О восходящемъ солнцѣ въ *Ведахъ* говорится: «дитя кричитъ».

„они похищают моего любимца, какъ-будто я живу въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни одного героя, ни одного мужа!“ Гандарвы похитили другаго ягненка, и она стала опять подстрекать своего мужа. Тогда Пуруравасъ взглянулъ и сказалъ: „Какъ можетъ не быть героевъ и мужей въ землѣ, гдѣ я живу?“ И онъ вскочилъ нагой, подумавъ, что было бы слишкомъ долго надѣвать платье. Тогда Гандарвы послали молнію, и Урваші увидѣла своего мужа нагимъ, такъ ясно, какъ бы это было днемъ. Въ ту же минуту она скрылась; „я возвращусь“, сказала она — и исчезла. Тогда въ горькой скорби онъ сталъ оплакивать свою утраченную любовь и отправился въ окрестности Курукшетры. Тамъ есть озеро, по имени *Anyataplakhscha*, наполненное цвѣтами лотоса. Между тѣмъ, какъ царь ходилъ по берегамъ его, феи играли въ водѣ, въ образѣ птицъ. Урваші узнала его и сказала: „вотъ человекъ, съ которымъ я жила такъ долго“. Подруги ея сказали: „покажемся ему“. Она согласилась, и онъ предсталъ предъ ними. Тогда царь узналъ ее и воскликнулъ: „а! жена моя! остановись, жестокая сердцемъ! обмѣняемъ нѣсколько словъ! Наши тайны, если мы не выскажемъ ихъ другъ другу сегодня, не принесутъ намъ счастья никогда въ будущемъ“. Она возразила: „что мнѣ дѣлать съ твоею рѣчью? я исчезла, какъ исчезаетъ первая заря. Пуруравасъ! возвратись домой! Уловить меня такъ же трудно, какъ трудно уловить вѣтеръ“. Тогда, въ отчаяніи, онъ воскликнулъ: „такъ пускай же падетъ тотъ, кто прежде былъ твоимъ возлюбленнымъ, пускай падетъ онъ, чтобы никогда болѣе не вставать; пускай онъ скроется далеко, далеко! пускай онъ ляжетъ на порогъ смерти, пускай растерзаютъ его хищные волки!“ — „Не умирай! о, Пуруравасъ!“ возразила она. „Не падай, и да не растерзаютъ тебя хищные волки! нѣтъ дружбы съ женщинами, ихъ сердца—сердца волковъ. Когда я въ другомъ образѣ обитала между смертными, когда я провела съ тобою много ночей въ теченіе четырехъ осеней, я вкушала однажды въ день по небольшому куску масла — и даже теперь, при мысли объ этомъ, я чувствую наслажденіе“. Такъ-то, наконецъ, ея сердце смягчилось, и она сказала: „приходи ко мнѣ на послѣднюю ночь въ году, ты проведешь со мною эту ночь и у тебя родится сынъ“. Въ послѣднюю ночь года онъ отправился къ золотымъ чертогамъ, и когда онъ стоялъ одинъ и дожидался, ему приказали взойти на верхъ, и прислали къ нему Урваші. Она сказала ему: „завтра Гандарвы исполнять тебѣ одно желаніе; выбирай!“ Онъ сказалъ: „выбери за меня!“ Она отвѣчала: „скажи имъ: пускай я буду однимъ изъ васъ“. Рано на слѣдующее утро, Гандарвы предложили ему выборъ; но, когда онъ сказалъ: „пускай я буду однимъ изъ васъ“, они возразили: „еще невѣдомъ человеку тотъ видъ священнаго огня, посредствомъ котораго онъ могъ бы совершить жертвоприношеніе, чтобы стать однимъ изъ насъ“. Затѣмъ они открыли Пуруравасу тайну одного жертвоприношенія, и, когда онъ совершилъ его, онъ самъ сталъ однимъ изъ Гандарвовъ“.

Вотъ простой рассказъ, который приводится въ Брахманѣ съ цѣлію показать важное значеніе извѣстнаго священнаго обряда; обрядъ, съ помощію котораго Пуруравасъ достигъ бессмертія, заключался въ зажженіи огня посредствомъ тренія. Стихи, встрѣчающіеся въ рассказѣ, взяты изъ Ригъ-Веды, гдѣ, въ послѣдней книгѣ, между многими загадочными остатками

народной поэзи, мы находимъ и разговоръ двухъ возлюбленныхъ. Онъ состоитъ изъ семнадцати стиховъ, изъ которыхъ авторъ Брахманы зналъ только пятнадцать. Но въ одномъ изъ приводимыхъ имъ стиховъ Урваші говоритъ: „Я скрылась навсегда, подобно первой изъ зорь“. Это показываетъ, что въ душѣ поэта смутно мерцалъ древній мифъ и напоминаетъ намъ слезы, которыя мать Мемнона проливала надъ тѣломъ своего сына, и которыя даже позднѣйшіе поэты называли утренней росой. Далѣе, въ четвертомъ стихѣ, Урваші, обращаясь къ самой себѣ, говоритъ: „эта женщина (т. е. я сама), когда была его супругой, о заря! приходила къ нему въ домъ, и наслаждалась его объятіями днемъ и ночью“. Далѣе, она рассказываетъ своему супругу, что онъ былъ созданъ богами для того, чтобы противустоять силамъ мрака (*dasuyhatyâya*): извѣстно, что это назначеніе приписывается постоянно Индрѣ и другимъ существамъ солнечнаго происхожденія. Даже самыя имена спутницъ Урваші указываютъ на зорю, и Пуруравасъ говоритъ:

„Когда я, смертный, обнималъ моими руками этихъ неуволвимыхъ безсмертныхъ, они трепетно ускользали отъ меня, какъ трепетная голубица, какъ кони, которые бьются въ упряжи“.

Ни одна богиня не называется такъ часто другомъ чело-вѣка, какъ заря. „Она посѣщаетъ каждое жилище“ (I. 123, 4); „она заботится о жилищѣ чело-вѣка“ (I. 123, 1); „она не пренебрегаетъ ни великимъ, ни малымъ“ (I. 124, 6); „она приноситъ богатство“ (I. 48, 1) „она всегда одинакова, безсмертная, божественная“ (I. 124, 4; I. 123, 8); „она не старѣется“ (I. 113, 15); „сама она—юная богиня, но старитъ чело-вѣка“ (I. 92, 11). Такъ Пуруравасъ называлъ Урваші „безсмертною между смертными“; и въ послѣднемъ стихѣ обращался къ своей возлюбленной съ такими словами:

„Я, пресвѣтлое солнце, я держу Урваші, ее, которая воздухъ наполняетъ (свѣтомъ), и разстилаетъ небо. Да будетъ на тебѣ благословеніе твоего благаго дѣла! Воротись, сердце горитъ во мнѣ“.

Затѣмъ поэтъ продолжаетъ:

„Такъ, о сынъ Иры, вѣщали тебѣ боги: чтобы тебѣ, обреченному смерти, стать таковымъ (безсмертнымъ), твоя порода должна чтить боговъ приношеніями! Тогда и ты удостоишься наслаждаться на небесахъ“.

Разумѣется, необходимо допустить, что даже поэтамъ Ведъ также мало былъ извѣстенъ первоначальный смыслъ именъ Урваші и Пурураваса, какъ мало Гомеръ зналъ первоначальный смыслъ имени Тивона, если не самой Эось. Для нихъ они были герои, существа неопредѣленные, люди — не люди, боги — не боги. Но намъ, хотя и несравненно болѣе отдаленнымъ по времени, ясно ихъ первоначальное коренное значеніе. Какъ Вордсвортъ говоритъ:

Съ восторгомъ вижу я восходъ твой лучезарный
На небо чистое отъ сумраковъ и тучъ, —

такъ и древніе представляли себѣ солнце обнаженнымъ и говорили, что стыдливая заря скрываетъ лице свое при видѣ супруга. Не смотря на то, она обѣщаетъ возвратиться. И, дѣйствительно, когда солнце, совершивъ свое странствіе по бѣлому свѣту, въ напрасныхъ поискахъ по своей возлюбленной, приближается къ порогу смерти, готовясь кончить свое одинокое теченіе, она является снова, во всемъ подобная утренней зарѣ, — какъ и у Гомера день начинается и оканчивается явленіемъ розоперстой Эось, — и уводитъ его съ собою въ золотые чертоги безсмертныхъ боговъ *).

Я выбралъ этотъ мнѣ главнымъ образомъ для того, чтобы показать, что древняя поэзія не болѣе, какъ слабый отголосокъ древняго языка, и въ примѣръ того, какъ простая драма явленій, совершающихся въ природѣ, вдохновляла древняго поэта, представляясь ему глубокимъ зеркаломъ, въ которомъ онъ могъ видѣть отраженіе страстей своей собственной души. Ибо пока сердце человѣческое полно горькимъ чувствомъ одной только своей собственной, личной скорби, до тѣхъ поръ оно мрачно и безмолвно, до тѣхъ поръ оно не можетъ высказать своей любви и своихъ утратъ. Въ одинокой скорби, можетъ быть, есть своего рода безмолвная поэзія, но

*) Од. V. 390. Съ третьимъ явилася днемъ лучезарно-кудрявая Эось.

Мнемозина, задумчивая богиня воспоминаній, хотя и считается матерью музъ, сама не принадлежитъ къ ихъ числу. Только сочувствіе чужой скорби открываетъ уста нѣмаго отчаянія и даетъ поэту слова для выраженія собственной скорби. И если скорбь его была такъ глубока, такъ свята, что онъ не могъ найти для нея подобія въ мукахъ другаго человѣческаго сердца, у него оставалось общеніе съ природой, въ безмолвныхъ страданіяхъ которой ему представлялся величавый образъ того, что чувствовалъ и чѣмъ страдалъ онъ самъ, въ глубинѣ собственнаго духа. Когда, послѣ темной ночи, возвращался дневной свѣтъ, онъ думалъ о той, которая была свѣтомъ для его души и которую онъ утратилъ безвозвратно. Когда онъ видѣлъ, какъ солнце лобзаетъ зарю, онъ предавался мечтамъ о дняхъ и ночахъ, которымъ никогда болѣе не повториться. И когда заря трепетала въ небесахъ, блѣднѣла и гасла, а солнце, казалось, какъ будто озиралось, и искало своей подруги, теряя ее тѣмъ полнѣе, чѣмъ зорче глядѣло оно своимъ лучезарнымъ окомъ, — тогда въ душѣ поэта вставалъ дорогой образъ: онъ въ одно и тоже время и припоминалъ собственную судьбу, и находилъ усладу забвенія, рассказывая мѣрнымъ словомъ повѣсть любви и утраты, которую испытываетъ солнце. Таково было происхожденіе поэзіи. Вечеръ имѣлъ своего рода прелесть. Когда, подъ конецъ своего труднаго дневнаго поприща, солнце, казалось, замирало, медленно угасая на далекомъ западѣ, и не переставая искать взоромъ подругу, покинувшую его на востокѣ, и когда въ эту минуту какъ будто вдругъ растворялось небо, и снова появлялся образъ зари во всей ея красѣ, съ отбѣнкомъ грусти, который придавалъ ей новую прелесть — поэтъ не сводилъ глазъ съ дивнаго зрѣлища, пока не угасалъ послѣдній лучъ, и этотъ послѣдній угасающій лучъ, глубоко западая ему въ душу, зажигалъ въ ней надежду иной новой жизни, въ которой онъ найдетъ то, что любилъ и утратилъ на землѣ.

There is a radiant, though a short-lived flame,
That burns for poets in the dawning east;
And oft my soul has kindled at the same,
When the captivity of sleep had ceased,

говорить поэтъ (т. е. „зари румянецъ пламенный, но кратко-вѣчный, тая для призванныхъ поэзіи огонь святой, мнѣ часто душу вдохновеньемъ согрѣвалъ, когда, страхнувъ оковы сна, я наблюдалъ явленіе лучезарнаго свѣта“).

Въ природѣ много трагическаго, много страданій—нужны только глаза, способные видѣть нѣмое горе, и эта-то именно трагедія—трагедія природы—составляетъ живой источникъ всѣхъ трагедій древняго міра. Сказаніе о юномъ героѣ,—какъ бы онъ ни назывался: Бальдуromъ, Сигурдомъ, Сигфридомъ, Ахилломъ, Мелеагромъ или Кефаломъ,—умирающемъ въ цвѣтѣ юности, сказаніе, которое такъ часто пересказывалось, пріурочиваемое къ разнымъ мѣстностямъ и лицамъ, было внушено судьбою солнца, которое умираетъ во всемъ цвѣтѣ юношескихъ силъ, въ концѣ дня или въ концѣ лѣтней поры, уязвленное терномъ зимы. Далѣе этотъ приговоръ рока, которымъ всѣ эти герои обречены утратить свою первую возлюбленную, измѣнить ей или сами сдѣлаться жертвой измѣны—это черта, также заимствованная отъ природы. Трагическая судьба этихъ героевъ неизбежна: имъ суждено пасть отъ руки или отъ невольной измѣны своихъ ближайшихъ друзей или родственниковъ. Солнце измѣняетъ зарѣ и, по неумолимому приговору судьбы, умираетъ въ концѣ дня, оплакиваемое цѣлой природой. Или весеннее солнце вступаетъ въ брачный союзъ съ землею, потомъ отвергаетъ свою супругу, охлаждаетъ къ ней и наконецъ гибнетъ отъ терна зимы. Эта, говоря словами Гейне, „старая исторія“, принимаетъ вѣчно-новые образы въ мифологіи и въ сказаніяхъ древняго міра. Такъ Бальдура скандинавской Эдды, этотъ божественный прототипъ Сигурда и Сигфрита, любить все твореніе. Боги и люди и вся природа, все, что живетъ и растетъ, дали клятву его матери не наносить вреда свѣтлому герою. При этой общей клятвѣ забыли одну омелу, которая растетъ не на землѣ, а на деревьяхъ, и вотъ стрѣлою, сдѣланною изъ этого-то самого растенія, былъ убитъ Бальдуръ въ пору зимняго солнцестоянія. „Гюдуръ, по наущенію Локи, взялъ вѣтку и бросилъ ее въ Бальдура. Полетѣла вѣтка и пронзила Бальдура, такъ что онъ палъ мертвый—такъ постигло боговъ величайшее бѣдствіе. Когда Бальдуръ палъ, всѣ Асы стояли какъ бы лишенные слова, имъ даже не приходило на

мысль поднять убитаго. Одинъ глядѣлъ на другаго; мысль ихъ была устремлена на того, кто совершилъ это злодѣяніе. . . . Когда же къ Асамъ возвратилось слово, они стали плакать такъ сильно, что ни одинъ изъ нихъ не могъ словами передать другому своего горя“.

Точно такъ же въ персидскомъ эпосѣ никакое оружіе не можетъ вредить Исфендіару, но ему суждено погибнуть отъ вѣтки терновника, которую Рустемъ пустилъ ему въ глазъ въ видѣ стрѣлы. Рустемъ, въ свою очередь, можетъ пасть только отъ руки своего брата; Геркулесъ умираетъ отъ несчастнаго подарка жены; Сигфридъ дѣлается жертвой нѣжной заботливости Кримгильды или ревности отвергнутой имъ Брунегильды. Подобно Ахиллу онъ уязвимъ только въ одномъ мѣстѣ, и сюда-то именно поражаетъ его Гагенъ (терновникъ). Все это отрывки солнечныхъ міеовъ. Вся природа была раздѣлена на двѣ области: одна мрачная, холодная, зимняя область смерти; другая — область свѣта, тепла, весны и жизни. Сигурдъ — такъ называется солнечный герой въ Эддѣ,—потомокъ Одина, убиваетъ змѣя Фэфнира и овладѣваетъ золотомъ, надъ которымъ карло Андвари изрекъ свое проклятіе. Это есть сокровище Нифлунговъ, сокровище земли, которое похитили туманные силы зимы и мрака. Весеннее солнце возвращаетъ похищенное и земля, подобно греческой Церерѣ, которую дѣлаетъ богатой обладаніе возвращенной дочерью, снова обогащается драгоценными дарами весны. Сигурдъ, повѣствуетъ Эдда, освобождаетъ Брингильду, которую Одинъ погрузилъ въ сонъ, уколловъ ее волшебнымъ терніемъ, и которую, подобно землѣ, пробуждающей послѣ зимняго сна, возвратила къ новой жизни любовь Сигурда. Но его самого, обладателя сокровища (*vasurati*), неудержимо влечетъ судьба. Онъ заручаетъ себя Брингильдѣ и даетъ ей роковое кольцо, которое онъ взялъ изъ сокровища. Но онъ долженъ былъ покинуть ее; когда онъ прибылъ въ замокъ Гуннара, Кримгильда, жена Гуннара, чарами заставляетъ его забыть Брингильду, и онъ женится на ея дочери Гудрунѣ. Съ этихъ поръ судьба его начинаетъ склоняться къ закату. Онъ связанъ съ Гуннаромъ, и вынужденъ помогать ему при овладѣніи Брингильдой, съ которой онъ самъ обручился и которая теперь становится же-

ной Гуннара. Гуннаръ Гіукасонъ, кажется, значить мракъ, и такимъ образомъ мы видимъ, что пробуждающаяся и начинающая оживляться весна пропала, похищенная Гуннаромъ, какъ Прозерпина была похищена Плутономъ, или Сита — Раваной. Гудруна, дочь Кримгильды, и сама называемая иногда Кримгильдой, — неизвѣстно, разумѣть ли подъ этимъ послѣднимъ именемъ лѣто (срав. *gharma* въ санскритѣ) или землю и природу въ послѣднее время года, — эта Кримгильда — сестра мрачнаго Гуннара, и, хотя она стала супругою свѣтлаго Сигурда, но по своему рожденію сама принадлежитъ къ туманному царству. Гуннаръ, заставившій Сигурда уступить ему Брингильду, задумалъ смерть своего зятя, потому что Брингильда узнала въ Сигурдѣ своего обрученника и требуетъ мести. Гѣгни старается отклонить брата отъ убійства, но наконецъ третій братъ Гюдръ убиваетъ Сигурда во время сна, въ пору зимняго солнцестоянія. Брингильда всегда любила его, и, когда герой убитъ, она раздаетъ свои сокровища, и, подобно Наннѣ, сожигаетъ себя на одномъ кострѣ съ Сигурдомъ, отдѣленная отъ него мечемъ. Гудруна также оплакиваетъ смерть своего мужа, но потомъ скоро забываетъ его и выходитъ за Атли, брата Брингильды. Атли, основываясь на правахъ своей жены, требуетъ отъ Гуннара и Гѣгни сокровищъ Сигурда, и когда они отказываются выдать сокровища, онъ, подъ видомъ родственной дружбы, приглашаетъ ихъ къ себѣ и заключаетъ въ оковы. Гуннаръ упорно отказывается открыть мѣсто, гдѣ схоронено сокровище, пока ему не принесутъ сердца его брата Гѣгни. Ему приносятъ сердце, но оно дрожитъ на блюдѣ и Гуннаръ говоритъ: „Не братнино это сердце“. Наконецъ принесли настоящее сердце Гѣгни и Гуннаръ сказалъ: „теперь я одинъ знаю, гдѣ лежитъ сокровище, и скорѣе оно достанется Рейну, чѣмъ тебѣ!“ Тогда Атли приказалъ его, связаннаго, бросить къ змѣямъ, но онъ укрощаетъ самыхъ змѣй, играя зубами на арфѣ, пока наконецъ одна ехидна подползла къ его сердцу и ужала его до смерти.

Какъ измѣнился этотъ миѳъ въ пѣсни о Нибелунгахъ, въ томъ видѣ, какъ она была записана въ Германіи въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія! Всѣ герои — христіане и всѣ они слились съ историческими личностями четвертаго, пятаго и ше-

стаго столѣтій. Гунтеръ приуроченъ къ Бургундіи, гдѣ, какъ извѣстно, въ 435 г. дѣйствительно жилъ король Гундихари или Гундахари, тотъ самый, который, по свидѣтельству Кассіодора, былъ побѣжденъ сначала Аэціемъ, а потомъ Гуннами Аттилы. Вслѣдствіе этого Аттилы, братъ Брингильды и второй мужъ Гудруны (или Кримгильды), превратился въ Аттилу, предводителя Гунновъ (453); мало того, даже братъ Аттилы, Бледа, былъ внесенъ въ пѣсню о Нибелунгахъ подъ именемъ Бледелина, который первый открылъ нападеніе на Бургундовъ и палъ отъ руки Данкварта. И другія историческія личности были увлечены въ круговоротъ народнаго сказанія, — личности, которыхъ мы бы напрасно стали искать въ пѣсняхъ Эдды. Такъ въ пѣсни о Нибелунгахъ мы встрѣчаемся съ Дитрихомъ бернскимъ, который есть никто иной, какъ Теодорихъ великій (455—525), тотъ самый, который разбилъ Одоакра въ битвѣ при Равеннѣ (знаменитой Rabenschlacht) и жилъ въ Веронѣ, по нѣмецки Бернѣ. Далѣе, упоминаемый въ пѣсни о Нибелунгахъ Иренфридъ, ландграфъ тюрингскій, оканчивается Германфридомъ, королемъ тюрингскимъ, который былъ женатъ на Амалабергѣ, племянницѣ Теодориха готскаго. Но наиболее странному отождествленію подвергся Сигурдъ, вѣроломный любовникъ Брингильды: позднѣйшая обработка сказанія смѣшала его съ Сигбертомъ, королемъ Австразіи (561—575), который дѣйствительно былъ мужемъ знаменитой Брунгильды (Brunehault), дѣйствительно разбилъ Гунновъ и дѣйствительно погибъ при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ отъ козней Фредегунды, любовницы брата его Хильперика. Это совпаденіе исторіи и мифа простирается такъ далеко, что соблазнило нѣкоторыхъ критиковъ изъ школы евгемеристовъ все сказаніе о Нибелунгахъ выводить изъ австразійской исторіи и видѣть въ смерти Сигберта отъ Фредегунды основу сказанія объ убіеніи Сигфрида или Сигурда по наущенію Брингильды. Къ счастью эти германскіе послѣдователи Евгемера опровергаются несравненно легче, нежели греческіе, потому что изъ современныхъ историческихъ памятниковъ видно, что Юрнанду, писавшему свою исторію по крайней мѣрѣ за двадцать лѣтъ до смерти австразійскаго Сигберта, уже была извѣстна Свангильда, дочь мифическаго Сигурда, рожденная, по свидѣ-

тельству Эдды, по смерти отца, та самая, которую впоследствии умертвилъ Гермунрекрь, въ поэмѣ о Нибелунгахъ преобразившійся также въ историческую личность Германика, готскаго вождя четвертаго столѣтія.

Попробуемъ теперь приложить къ греческимъ мифамъ результаты, къ которымъ мы успѣли прійти, прослѣдивъ постепенное развитіе германской саги. Очевидно, что въ основѣ мифа о Геркулесѣ есть историческое зерно, около котораго кристаллизовались мифическія сказанія, хотя, по неимѣнію современныхъ историческихъ свидѣтельствъ, мы не можемъ выдѣлать эти мифическіе наросты такъ отчетливо, какъ въ мифѣ о Нибелунгахъ. Но такъ какъ мифъ производитъ Геркулеса, героя, изъ рода аргосскихъ царей, то можно допустить дѣйствительное существованіе какого-нибудь Геркулеса, который дѣйствительно могъ быть сыномъ царя, по имени Амфитріона, котораго потомки, послѣ временнаго изгнанія, снова завоевали область Греціи, прежде находившуюся подъ властію Геркулеса. Сказанія объ его чудесномъ рожденіи, о бѣльшей части его геройскихъ подвиговъ, о его смерти, такъ же мало принадлежатъ исторіи, какъ и сказанія о Зигфритѣ. Въ Геркулесѣ, убивающемъ Химеру и другія чудовища, мы видимъ отраженіе дельфійскаго Аполлона, который убиваетъ змѣя Пифона, или — самого Зевса, бога лучезарнаго неба, съ которымъ Геркулесъ раздѣляетъ общіе эпитеты идейскаго, олимпійскаго и Пангенетора. Подобно тому, какъ мифъ о Сигурдѣ и Гуннарѣ послѣдними потухающими лучами озарилъ королей бургундскихъ и величавыя личности Аттилы и Теодориха, — мифъ о солнечномъ Геркулесѣ получилъ историческій обликъ въ какомъ-нибудь полу-историческомъ князѣ Аргоса или Микенъ. Имя Геркулеса принадлежало, быть можетъ, какому-нибудь національному божеству Гераклидовъ, и этимъ достаточно объясняется вражда Геры, культъ которой до переселенія Дорянъ процвѣталъ въ Аргосѣ. То, что прежде относилось къ богу, впоследствии перешло на Геркулеса или Геракла, предводителя Гераклидовъ, поклонниковъ или сыновей Геракла, между тѣмъ какъ, въ тоже самое время, многіе мѣстные и историческіе факты, связанные съ родомъ Гераклидовъ и ихъ вождей, были переплетены съ мифомъ о божественномъ героѣ. Пред-

ставленіе о Геркулесѣ, который живетъ въ кабалѣ у Еврисея и совершаетъ для него чудесные подвиги, это представленіе носить на себѣ явные слѣды связи съ солнечнымъ міеомъ: это—солнце, совершающее свой ежедневный подвигъ на пользу смертныхъ, которыхъ оно такъ несравненно превосходитъ по своему могуществу и божественнымъ совершенствамъ. Такъ Сигфритъ трудится для Гуннара; такъ наконецъ и самъ Аполлонъ въ продолженіе одного года служить Лаомедону—выраженія знаменательныя, вызванныя отсутствіемъ глаголовъ съ болѣе отвлеченнымъ значеніемъ и встрѣчающіяся даже у новѣйшихъ поэтовъ: —

На той дорогѣ величавой,
Гдѣ ты, прикованный Всесильнаго рукой,
Отъ вѣка шествуешь незримыми шагами,
Доколѣ не прейдутъ земля и небеса!

Дальнѣйшее развитіе эпической и трагической поэзіи могло совершаться на греческой, индусской или германской почвѣ; оно могло воспринимать въ себя отбѣнки различныхъ странъ, разнообразную температуру различныхъ климатовъ; оно могло наконецъ захватить и поглотить въ себя много случайнаго и историческаго. Но стоитъ коснуться этихъ сказаній острымъ ножомъ анализа, и мы убѣдимся, что одна и таже кровь течетъ въ жилахъ древнѣйшей поэзіи всѣхъ народовъ: это — одинъ и тотъ же міеологическій эпосъ. Атмосфера, среди которой возникла древнѣйшая поэзія Аріевъ, была насквозь проникнута міеологіей; въ этой атмосферѣ было что-то такое, чему не могли противостоять люди, дышавшіе ею. Это было обаяніе, подобное чарующей гармоніи новой рифмы, которая внушила такъ много обыкновенныхъ мыслей поэтамъ, писавшимъ обыкновеннымъ языкомъ.

Мы знаемъ, что сдѣлали изъ своихъ эпическихъ героевъ греческіе и германскіе поэты; посмотримъ теперь, удалось ли жителю тропиковъ—Индусу окружить такимъ же прекраснымъ поэтическимъ сіяніемъ имена своихъ міеическихъ преданій.

Исторія любви Пурураваса и Урваші не разъ пересказывалась индусскими поэтами. Мы находимъ ее въ ихъ эпическихъ поэмахъ, въ ихъ Пуранахъ и въ Бригата-Катѣ (Bṛihat-kathā),

Великолѣ сказаніи, сборникъ народныхъ сказаній Индіи. Хотя она подверглась многимъ измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе въ самой драмѣ Калидасы ¹⁾, изъ которой ниже я намѣренъ представить краткое извлеченіе, мы узнаемъ отдаленный мнѣическій фонъ, и удивляемся искусству, съ которымъ поэтъ вдохнулъ новую жизнь и человѣческое чувство въ поблеклыя имена давно забытаго мнѣического языка.

Первое дѣйствіе открывается сценой въ Гималайскихъ горахъ. Небесныя нимфы, возвращаясь изъ собранія боговъ, подверглись нападенію и оплакиваютъ утрату Урваші, унесенной демономъ. Является на своей колесницѣ царь Пуруравасъ, и, узнавъ причину ихъ скорби, поспѣшаетъ для освобожденія нимфы. Онъ скоро возвращается, одолѣвъ похитителя, и возвращаетъ Урваші ея небеснымъ подругамъ. Но въ то время какъ онъ везъ Урваші на колесницѣ къ ея подругамъ, онъ полюбилъ прекрасную нимфу и успѣлъ внушить ей то же самое чувство. Онъ рассказываетъ, какъ она, на глазахъ его, постепенно оправлялась отъ испытаннаго страха:

„Она оправилась, но медленно. Такъ ночныя тѣни отступаютъ мало по малу предъ лучами восходящей луны; такъ пламя истребителя жертвъ,—огня не вдругъ пробивается сквозь дымящійся хворостъ: такъ Гангесъ постепенно проясняетъ свои возмущенныя струи, поглотивъ преграду, которою обрушившійся берегъ прерываетъ его стремительное теченіе, и снова течетъ яснымъ и величественнымъ потокомъ“.

Когда они разстались, Урваші хочетъ обернуться, чтобы еще разъ взглянуть на удаляющагося царя. Подъ предлогомъ, что цѣпкая лоза задѣла ея вѣнокъ и какъ будто стараясь освободиться отъ оной, она подзываетъ одну изъ своихъ подругъ и проситъ ея помощи. „Боюсь, отвѣчаетъ подруга: не такъ легко исполнить твою просьбу; ты, кажется, запуталась

¹ Профессоръ Вильсонъ представилъ первый и превосходный переводъ этой драмы въ своемъ изданіи: *Specimens of the Hindu Theatre*. Подлинникъ впервые вышелъ въ Калькуттѣ и съ тѣхъ поръ былъ нѣсколько разъ перепечатываемъ. Весьма полезное изданіе этого произведенія принадлежитъ, за последнее время, Профессору Вильямсу.

Въ передачѣ отрывковъ изъ Урваші мы слѣдовали не Вильсону, но буквальному переводу съ подлинника, сдѣланному для настоящаго изданія профессоромъ П. Я. Петровымъ, которому и приносимъ нашу глубокую благодарность

такъ крѣпко, что освободить тебя едва ли будетъ можно, но, что бы ни случилось, будь увѣрена въ моей дружбѣ“.

Тогда взоръ царя встрѣтился со взоромъ Урваши, и онъ воскликнулъ:

„Будь благословенна, лоза, удержавшая на одно лишнее мгновеніе ея ухоть, такъ что я могъ еще разъ увидѣть въ половину обращенный ко мнѣ ликъ моей красавицы (собств. при поворотѣ въ полъ-лица увидѣлъ эту длиннооую)!“

Во второмъ дѣйствіи мы видимъ царя въ его стольномъ городѣ Аллагабадѣ. Онъ гуляетъ въ саду въ обществѣ брахмана, который въ индусской драмѣ играетъ роль граціозо. Онъ сопровождаетъ царя, въ качествѣ конфидента, и ему-то царь повѣряетъ тайну своей любви. Брахманъ такъ боится выдать то, что должно остаться тайной для всего двора и особенно для царицы, что удаляется въ уединенный храмъ. Но и въ этомъ убѣжищѣ его отыскала одна изъ служанокъ царицы, и такъ какъ тайнѣ такъ же трудно удержаться въ груди брахмана, какъ трудно уцѣлѣть каплямъ утренней росы на травѣ, то она скоро успѣла выпытать у него, отчего царь такъ измѣнился со времени возвращенія изъ боя съ демономъ, и съ этой вѣстью поспѣшила къ царицѣ. Между тѣмъ царь въ отчаяніи и изливаетъ свою тоску —

подобно тому, кто, влекомый потокомъ, не въ силахъ одолѣть противной быстрины.

Но Урваши не менѣе вздыхаетъ о своемъ возлюбленномъ, и мы вдругъ видимъ, какъ она въ сопровожденіи подруги, является по воздуху для свиданія съ царемъ. Сначала обѣ остаются невидимы для смертныхъ очей царя и, незримая, выслушиваютъ исповѣдь его страсти. Урваши, написавъ стихъ на листкѣ какого-то дерева, роняетъ его подлѣ бесѣдки, гдѣ тоскуетъ ея возлюбленный. Потомъ онѣ открываются его взорамъ: сначала подруга Урваши, а наконецъ и сама она. Но едва прошло нѣсколько мгновеній, какъ является посланикъ боговъ, и призываетъ назадъ обѣихъ нимфъ, а Пуруравасъ остается снова одинъ съ своимъ шуткомъ. Онъ ищетъ листокъ, которому Урваши повѣрила свою любовь, но увы! драгоценный листокъ исчезъ, унесенный вѣтромъ.

„О южный вѣтръ, любви союзникъ, другъ весенней поры года! похищая благовонную пыль цвѣтовъ, ты разливаешь въ воздухѣ благоуханія, но,

скажи, зачѣмъ было лишать меня этихъ строкъ, начертанныхъ ея рукой въ залогъ ея любви? Зачѣмъ было лишать этой послѣдней услады безнадежно-томимаго огнемъ любви?*

Но случилось еще хуже: роковой листокъ былъ поднять царицей, въ то время какъ она шла садомъ, отыскивая царя. Слѣдуетъ семейная сцена довольно бурнаго характера, послѣ которой ея величество удаляется, взволнованная, подобно потоку, разлившемуся отъ дождей. Царь чувствуетъ себя вдвойнѣ несчастнымъ, потому что, не смотря на свою новую страсть къ Урваші, онъ не перестаетъ питать самое искреннее уваженіе къ царицѣ. Наконецъ и онъ уходитъ.

Ужь за полдень: павлинь, томимый жаждою, погрузился въ водоемъ, омывающій корни одного изъ высокихъ деревьевъ сада; лѣниво дремлятъ пчелы (соб. шестиногія) подъ сѣнью лепестковъ въ раскрытыхъ чашечкахъ цвѣтка карникоры (лотоса); утки дикія, повинуясь отъ солнечныхъ лучей нагрѣвшуюся воду, ищутъ прохладнаго пріюта въ густой грядѣ прибрежныхъ лотосовъ, а въ бесѣдкѣ попугай, отъ жажды въ влѣткѣ изнывая, просить криками воды.

Въ началѣ третьяго дѣйствія мы прежде всего узнаемъ, что случилось съ Урваші, послѣ того какъ она была отозвана на небо Индры. Ее призвали участвовать въ драматическомъ зрѣлищѣ, которое должно было совершиться въ присутствіи Индры, и на ея долю выпала роль богини красоты, избирающей въ супруги бога Вишну. Въ числѣ другихъ именъ Вишну носить имя: Пурушоттама, но бѣдная Урваші, въ ту минуту, когда по ходу пьесы ей пришлось назвать имя, избраннаго ея сердцемъ, измѣнила роли, и вмѣсто того чтобы сказать: „я люблю Пурушоттаму“, назвала Пурураваса. Эта обмолвка привела автора пьесы въ негодованіе, столь сильное, что онъ проклялъ Урваші, которая вслѣдствіе этого проклятія лишилась дара божественнаго вѣдѣнія. Но когда кончилось представленіе, Индра, замѣтивъ, что Урваші стоитъ въ сторонѣ, смущенная и неутѣшная, ласково подозвалъ ее къ себѣ и открылъ ей, что смертный, которымъ заняты ея мысли, доказалъ ему свою преданность въ минуты опасности; этотъ смертный помогалъ ему въ борьбѣ съ врагами боговъ и тѣмъ снижалъ себѣ право на его признательность. Въ воздаяніе за то Урваші получаетъ дозволеніе возвратиться къ царю и оста-

ваться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока царь „увидитъ въ первый разъ лице младенца, который ему родится отъ нея“.

Слѣдуетъ новое явленіе въ дворцовомъ саду. Покончивъ съ дѣлами правленія, при наступленіи вечера, царь удаляется на свою половину.

„Днемъ заботы государя не давали мѣста личной скорби, но какъ-то проведу я нескончаемыя стражи беззвѣтной ночи?“ (У Индусовъ ночь дѣлилась на три стражи, по три часа каждая.)

Приходитъ вѣстникъ отъ царицы: она проситъ свиданія съ супругомъ на террасѣ павильона. Царь повинуется — и всходитъ по хрустальнымъ ступенямъ къ назначенному мѣсту: это было передъ восхожденіемъ луны, когда востокъ подернулся пурпурнымъ свѣтомъ, —

Рѣдья отъ лучей луны, хотя еще невидимой за горизонтомъ на востокѣ, вечерняя мгла разступалась по обѣ стороны, а въ серединѣ алѣлъ востокъ (собств. страна пѣгоконнаго Индры), точно румяное лице (женщины), окаймленное темной рамкой назадъ откинутаго кудрей.

Въ то время, какъ онъ дожидался прихода царицы, въ душѣ его съ новой силой проснулась тоска объ Урваші.

„Встрѣчая преграды на пути къ удовлетворенію, любовь моя, кажется, пріобрѣтаетъ все новыя силы, подобно потоку, который стремится тѣмъ неукротимѣй, чѣмъ уже русло его, стѣсненное напоромъ скаль.“

Любовь моя растеть съ приближеніемъ ночи, подобно лунѣ, которая, поднимаясь выше и выше, все шире кидаетъ свой свѣтъ.“

Въ эту минуту опускается небесная колесница и въ ней Урваші, въ сопровожденіи той же подруги. По прежнему невидимыя для царя, онѣ еще разъ подслушиваютъ нѣжныя изліянія его сердечной тоски; но въ то мгновеніе, когда Урваші уже готова откинуть покрывало, чтобы предстать взорамъ царя, входитъ царица. Одѣтая въ бѣломъ, безъ всякихъ украшеній, она явилась произнести въ присутствіи царя торжественный обѣтъ. Цѣль этого обѣта — возвратить расположеніе отчужденнаго супруга.

Царь. Въ бѣломъ одѣяніи, вмѣсто всякаго убранства — съ отпрысками пышной дурвы (священная трава) въ волосахъ, съ выраженіемъ покорной кротости въ лицѣ, смѣнившимъ прежній гнѣвный видъ (является она).

Царица. Нынѣ чувство долга моего предъ государемъ внушило мнѣ свершить обѣтъ священный. Такъ — умолю! дозвожь на краткій срокъ обрѣменить тебя присутствіемъ моимъ!

Царь. Не бремя — милость для меня присутствіе твое! но что тебѣ внушило мысль — изнурять объѣтомъ твое тѣло, нѣжнѣйшее фибръ лотоса? Предъ тобою рабъ, готовый самъ о милости молить тебя: тебѣ ль заботиться о томъ, чтобы его на милость преклонить?

Царица. Такъ не напрасенъ, видно, мой объѣтъ, когда теперь ужъ я снискать успѣла привѣтливое слово господина моего.

Затѣмъ царица торжественно произноситъ свой объѣтъ, призывая въ свидѣтели божество луны.

Царица. Внемлите, боги, священному объѣту, цѣль котораго — на милость моего супруга преклонить. Вотъ мой объѣтъ: отнынѣ женщина, которая любима государемъ, желанья полная съ нимъ раздѣлить союзъ любви, пускай живетъ съ нимъ, не встрѣчая ни единой преграды отъ меня.

Брахманъ (Повѣренный царя, въ сторону, обращаясь къ царю). Вотъ такъ преступникъ, успѣвшій казни избѣжать, зарокъ даетъ — никогда опасности подобной вновь не подвергать себя! (Громко). Вотъ какъ? неужели къ супругу такъ царица равнодушна?

Царица. Желая супруга осчастливить, я собственное счастье въ жертву приношу. Суди жъ, онъ дорогъ мнѣ, иль нѣтъ?

Царь. Неблагодарная! ты вольна отдать меня другой, иль удержать своимъ рабомъ. Подозрѣнія твои несправедливы (собственно: я не таковъ въ отношеніи къ тебѣ, какъ ты подозрѣваешь!)

Царица. Умилостивленья объѣтъ свершился, какъ я предполагала. Дѣвы! удалимся!

Царь. Помедли! не должно такъ скоро покидать того, кого умилостивить желала ты!

Царица. Государь! объѣтъ свершенъ!

Не въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ представляется характеръ царя, когда вслѣдъ за этой трогательной сценой супружескаго примиренія является Урваші. Она присутствовала, хотя и невидимо, въ продолженіе предшествующей бесѣды между имъ и царицей: теперь, по уходѣ этой послѣдней, она подкрадывается къ царю сзади и руками закрываетъ ему глаза.

Царь. То она, прекрасная, (собств. прекрасная чреслами), рожденная изъ лядвей Нараяны (т. е. Урваші)! Какъ объяснить иначе этотъ сладкій трепетъ, объявшій мое тѣло! Такъ вѣдь красавицы ночей (цвѣтокъ, belle de nuit) лучъ солнца не разбудить. Чтобы раскрыться, она ждетъ, пока взойдетъ луна.

Урваші, какъ нельзя серьезнѣе, приняла отреченіе царицы и заявляетъ свои права на обладаніе царемъ. Подруга улетаетъ, и она остается съ царемъ одна, его любимую супругой.

Урваші. Предъ государемъ я виновна, что медлила такъ долго (его желаніе исполнить).

Царь. Нѣтъ, напрасно! Полнѣй блаженство, когда цѣной страданій куплено оно. Такъ истомленный зноемъ (путникъ) одинъ вполне способенъ оцѣнить прохладной тѣни сладкую отраду!

Слѣдующее дѣйствіе можно назвать перломъ цѣлой драмы, хотя трудно представить себѣ, какимъ образомъ оно могло выполняться на сценѣ, требуя такой обстановки, которая была бы не подъ силу даже для нашихъ современныхъ театровъ. Это мело-драматическая интермедія, по стилю рѣзко отличающаяся отъ остальныхъ частей пьесы. Относительно стихосложенія и ритма, стихи, которыми она написана, представляютъ верхъ художественнаго совершенства, отъ начала до конца. Кромѣ того языкъ, который мы встрѣчаемъ въ этой части драмы, не санскритъ, а пракритъ. Составляя *lingua vulgaris* Индіи, уступая санскриту относительно богатства формъ, онъ несравненно превосходитъ этотъ послѣдній относительно благозвучія. Нѣкоторыя строфы составляютъ что-то въ родѣ арій, и, кажется, были назначены для исполненія хоромъ, но сценическія указанія, встрѣчающіяся въ рукописяхъ, заключаютъ такія техническія подробности, объясненіе которыхъ въ высшей степени затруднительно.

Дѣйствіе открывается хоромъ нимфъ, оплакивающихъ печальную судьбу, постигшую Урваші. Нѣкоторое время она жила съ царемъ въ сѣни лѣса и наслаждалась невозмутимымъ счастьемъ, но вотъ —

однажды, на берегу Мандакини, царственный мудрецъ (царь) остановилъ свои взоры на одной изъ нимфъ, игравшихъ на пескѣ прибрежья. Вспыхнула гнѣвомъ Урваші, милая подруга царя, и, не внявъ нѣжнымъ мольбамъ супруга, съ сердцемъ, смятымъ отъ ревности, забывъ завѣтъ боговъ, вступила въ заповѣдныя для женщинъ лѣсы Кумâры (бога войны) — и вотъ! едва очутилась она за чертою лѣса, какъ внезапно преобразилась въ гибкую ліану!

Въ воздухѣ раздается грустное пѣніе нимфъ: улетаая вмѣстѣ, онѣ оплакиваютъ скрывшуюся подругу.

Такъ иногда, тоскуя объ утратѣ милыхъ, томясь на пышныхъ волнахъ озера, льетъ слезы лебедей нѣжная чета.

Такъ лебедь одинокая груститъ въ разлукѣ съ милымъ, плавая по озеру, устланному роскошной пеленой цвѣтущихъ лилій.

Входитъ царь — на лицѣ его написано умственное разстройство, одежда въ беспорядкѣ. Сцена представляетъ глу-

хой лѣсъ, небо заволакивають тучи, на землѣ видны группы разнаго рода животныхъ: слоны, павлины, лебеди и другія птицы. Декорація представляетъ скалы и водопады; сверкають молніи и льется крупный дождь. Царь сперва, въ бѣшенствѣ, кидается въ погоню за облакомъ, которое онъ принялъ за демона, похитившаго его возлюбленную.

„Стой, злодѣй! Предатель-демонъ (Ракшаса), стой! куда, похитивъ мою милую, ты мчишь ее? Что? Никакъ онъ съ горной выси къ небу поднялся и на меня оттуда сыплетъ градомъ стрѣлъ? (Хватаетъ глыбу земли и бѣжитъ поразить воображаемаго демона, потомъ, взглянувъ въ небо, продолжаетъ): Ахъ, нѣтъ! обмануть я! то не гордый Ракшаса, то туча, вооруженная громами, то не лукъ и стрѣлы (демона), то божій лукъ (собств. лукъ Индры т. е. радуга), раскинутый въ пространствѣ дугою необъятной; не стрѣлъ, а ливня крупнаго паденье (я ощутилъ). То не свѣтлый образъ нимфы, а молній блѣдное сіянье, сіянье нѣжное, какъ слѣдъ, золотомъ оставленный на камнѣ оселка.“

Эти порывы безумной скорби опять смѣняются хорами, которые поютъ о страданіяхъ разлученной четы; но чтобы дать понятіе о высокой прелести цѣлаго, намъ пришлось бы выписать гораздо болѣе, нежели сколько мы можемъ себѣ дозволить. Ограничимся слѣдующими мѣстами:

„Все, на что я ни взгляну, говоритъ мнѣ объ утраченной подругѣ! Такъ и эта молодая кадѣли (цвѣтокъ, съ красными полосками), на листьяхъ которой дрожатъ капли росы, напоминаетъ мнѣ очи Урваші, когда на нихъ, бывало, въ минуту гнѣва выступаютъ слезы! О какъ найти мнѣ слѣдъ, который бы указалъ мнѣ путь моей негодующей подруги!“

Затѣмъ онъ начинаетъ обращаться къ различнымъ птицамъ, съ вопросомъ: не встрѣчались ли они въ своемъ воздушномъ странствіи съ его возлюбленной? Онъ обращается—къ павлину „красавцу съ темноголубой шеей и глазами изъ агата“,—къ кукушкѣ, „которую влюбленные зовутъ посланницей любви“,—къ лебедямъ „которые летять на сѣверъ:—ужь не встрѣтили ль они ее? ужь не у нея ли переняли грацію полета своего?“—и къ какравакѣ, птицѣ, которая каждую ночь томится въ разлукѣ съ своей подругой. Но ни одна изъ пернатыхъ не дала ему отвѣта. Никто не видѣлъ исчезнувшей: ни пернатая, ни пчелы, которыя жужжать среди лепестковъ лотоса, ни царственный слонъ, который покоится съ своей подругой подъ тѣнью дерева кадѣмбы.

Царь. Какъ онъ играетъ съ этимъ обломкомъ шаллеки, покрытымъ молодыми отпрысками, вкуснымъ и благоуханнымъ, какъ вино, который подала ему его подруга!

Гляди! вонъ прекрасная, съ вершиной плоскою, гора, любимое жилище водныхъ нимфъ, по имени Сурабъ-и-Кандара! Ахъ, еслибы моя красавица (собств. прекрасная тѣломъ) нашлась гдѣ-нибудь здѣсь, въ тѣнистыхъ ущельяхъ горы! (входить, *по видимому*, въ пещеру) Какая тьма? Ужели молнія мой путь не освѣтитъ? Ужели такъ велико мое несчастье, что даже тучи не хотятъ ссудить мнѣ долю свѣта своего? (Буквально: отъ превратностей бѣдствій моихъ, даже и скопище тучъ сдѣлалось пусто отъ молній.) Однакожъ нѣтъ! не осмотрѣвъ всѣхъ этихъ скалъ, я не уйду отсюда!

Арія. Такъ копытомъ жесткимъ роя землю, вепрь усталый, сквозь чащу пролагая путь, преслѣдуетъ упорно свою цѣль.

Царь. О гора, широкимъ скатомъ ограждающая лѣсъ! Стройная станомъ не искала ли пріюта подъ сѣнью рощъ твоихъ, гдѣ царить богъ любви? И на твоихъ ступеняхъ не склонялась ли для отдыха прекрасная? (Собственно: широкая чреслами женщина.)

Гора молчитъ? Боюсь, что отдаленіе мѣшаетъ мнѣ внимать ея отвѣту! Коль такъ, я подойду поближе и снова вопрошу!

О ты, сверкающая кристаллами (водопадовъ), увѣнчанная цвѣтами, оглашаемая дивной пѣснью киннаровъ (небесные пѣвцы), о земледержица (гора)! покажи мнѣ мою милую!

О царица земледержцевъ! подъ очарованною сѣнью твоихъ чащъ не видѣла ли ты утраченную мною, мою красавицу (собств. всеми членами прекрасную), мою милую? Не видѣла?

Что? Она вѣщаетъ внятно: видѣла! О гдѣ жъ она?—Увы! то отзвукъ моихъ словъ, пещеры сводомъ отраженный, долетаетъ до меня! Увы! какъ я усталъ! Дай, покуда отдохну на берегу этого горнаго потока и освѣжуся вѣющей отъ волнъ его прохладой. Но, странно! отчего жъ мнѣ душу такой отрадой наполняетъ видъ этого потока, возмущеннаго отъ вновь прибывшихъ водъ?

Рыбья струйки волнъ, словно дугой нахмуренныя брови, и эти трепетныя стаи рѣчныхъ птицъ, точно поясъ пересѣкающія теченіе потока, и эта пѣна, несущаяся мимо бѣлой полосой, точно одежда женщины, которая влачится по землѣ! Какъ все это напоминаетъ мнѣ мою красавицу въ тотъ мигъ, когда, волнуемая гнѣвной думой о проступкѣ супруга, она порывисто ступала! Ужъ не она ли это, Урваші моя, несется мимо, превращенная въ потокъ? Не попытаться ли склонить ее на милость? Пойду въ то мѣсто, гдѣ скрылись отъ меня ея прекрасныя очи! (Собств. гдѣ скрылась отъ меня эта прекраснookая.) Спрошу у этого оленя: что дѣлаетъ моя милая? Но онъ не внемлетъ. Онъ не сводитъ глазъ съ своей подруги, которая къ нему подходитъ, медленно ступая: дѣтенышъ, грудь ея сосущій, ея походку замедляетъ!

Наконецъ царь находитъ драгоцѣнный камень, съ огнистымъ отливомъ; это камень единенія, могучій талисманъ, который долженъ возвратитъ ему Урваші. Съ этимъ талисманомъ въ рукахъ, онъ обнимаетъ лозу и передъ нимъ—Урваші, принявшая свой прежній видъ. Чудесный камень становится укра-

шеніемъ ея чела, и царь вмѣстѣ съ своей небесной супругой возвращается въ Аллагабадъ:

„Неси же насъ, крылатое облако! Ты намъ коней замѣнишь! Извивы молній пусть будутъ знамя нашей колесницы, а колесницей — горящій яркими цвѣтами, пышный Индры лукъ (радуга)!“ (*Летаютъ. Музыка*)

Пятое и послѣднее дѣйствіе начинается несчастнымъ событіемъ. Рубинъ единенія похищенъ соколомъ. Царь отдалъ повелѣніе преслѣдовать хищника, и вскорѣ лѣсной стражъ приноситъ драгоценный камень и стрѣлу, которая пронзила сокола. На древкѣ стрѣлы оказывается надпись, изъ которой видно, что эта стрѣла принадлежитъ Айусу, сыну Урваши и Пурураваса. Царь не зналъ, что Урваши родила ему сына; но, не успѣвъ онъ прійти въ себя отъ изумленія, какъ является пустынноца и вводитъ отрока съ лукомъ въ рукахъ. Этотъ отрокъ Айусъ, сынъ Урваши; она ввѣрила его благочестивой Кіаванъ, которая воспитала его въ лѣсу и теперь возвращаетъ матери. Царь признаетъ въ немъ своего сына: подходитъ и Урваши, чтобы обнять его.

Съ сына не сводитъ очей, и грудь ея волнуется, высоко поднимаясь, какъ матери одной лишь можетъ волноваться грудь!

Но зачѣмъ же такъ долго скрывала она рожденіе сына? Зачѣмъ же и теперь, въ минуту свиданья, она вдругъ залилась слезами? Послушаемъ, какъ она сама объясняетъ причину своей скорби:

„Внемли, великій государь! Въ ту пору, когда великій государь мое похитилъ сердце, я, подъ бременемъ томясь лежавшаго на мнѣ тяжелаго проклятя, на срокъ была отпущена къ тебѣ великимъ Индрою. Какъ скоро — такъ вѣщалъ могучій Индра — царь, любимецъ мой, увидитъ въ первый разъ лице рожденнаго тобою сына, немедленно ты возвратишься ко мнѣ, въ небесные чертоги.

Вотъ сынъ нашъ! Онъ возраста достигнулъ, когда говорить передъ отцемъ и самъ онъ можетъ за себя! (собств.: когда онъ и самъ можетъ расположить къ себѣ отца), а мнѣ — не жить ужъ долѣй съ государемъ!“

Царь. Едва утѣшило меня свиданье съ сыномъ, какъ вотъ ужъ новая грозить съ тобою, станомъ стройная, разлука! Такъ, иногда бываетъ, туча сначала дерево дождемъ отъ зноя исцѣлитъ, для того лишь, чтобъ велѣдъ за тѣмъ сразить его стрѣлой перуна безопасно!

Урваши. О горе мнѣ, несчастной! Покидая сына въ сладкій мигъ свиданья и съ землею расставаясь, я исполняю долгъ повиновенья, но — какъ знать? — государь увидѣтъ въ этомъ можетъ желанье съ нимъ разстаться поскорѣй. (Собственно: послѣ исполненія мною долга почтеть меня имѣющею лице къ разлукѣ.)

Царь. Не такъ, прекрасная! Влечетъ тебя покорность высшей волѣ, не собственная воля! Иди! Велѣнїямъ Бога покориться должно! Я жь, сыну царство передавъ, удалюсь въ пустынные лѣса, гдѣ бродятъ лишь одни стада газелей (собств. удалюсь въ лѣса, посѣщаемые стадами газелей)!

На сценѣ дѣлаются приготовленія къ торжественному провозглашенію царевича государемъ, какъ вдругъ является новый *deus ex machina*—то Нарáда, вѣстникъ Индры.

Нарáда. Всевидецъ, могучій Магъáванъ (жертвенный эпитетъ Индры), вѣдая, что покинуть царство ты намѣренъ, шлетъ тебѣ свои велѣнїя.

Царь. Что повелитъ онъ?

Нарáда. Волею боговъ (собств. волею созерцающихъ трехъ-міріе) готовится война боговъ съ титанами (асурами): потому, боговъ воинственный союзникъ, теперь оружія слагать не долженъ ты, а Урваші по смерти останется съ тобою, твоей подругою законной.

Затѣмъ дѣйствіе быстро идетъ къ счастливой развязкѣ. Съ неба являются нимфы, и приносятъ золотой сосудъ, съ водой изъ небеснаго Ганга, престолъ и другія принадлежности священнаго обряда; все это располагается на сценѣ: царевича провозглашаютъ соправителемъ царя-отца, и всѣ вмѣстѣ отправляются на поклоненіе царицѣ, которая такъ великодушно пожертвовала своими правами для небесной нимфы Урваші.

И такъ, мы видѣли полный разцвѣтъ того цвѣтка, котораго постепенное развитіе и возрастаніе можно прослѣдить чрезъ Пураны и Магабгарту до Брагманъ и Ведъ, котораго первый зародышъ таится глубоко въ той плодородной почвѣ первобытнаго языка, изъ которой приемяютъ свою силу и питаніе всѣ арійскіе языки. Глубокое пониманіе міеологіи, проникающее въ самое сердце ея, обнаружилъ Карлэйль, замѣтивъ, — „что сказаніе, подобно банану, отъ одного едва замѣтнаго ростка, разрастается въ цѣлый лабиринтъ деревьевъ“. Первоначальный корень всѣхъ сказаній о Пуруравасѣ и Урваші заключается въ краткихъ поговорочныхъ изрѣченїяхъ, къ которымъ обнаруживають такую склонность всѣ древніе языки. Такъ—„Урваші любитъ Пурураваса“ значило „встаетъ солнце“; „Урваші исчезаетъ, увидѣвъ обнаженнаго Пурураваса“ значило „заря скрылась“; „Урваши возвращается къ своему возлюбленному“ значило „солнце заходитъ“. Имена: „Пуруравасъ и Урваші“ индусскаго происхожденія, и должно отказаться отъ надежды — встрѣтить ихъ безъ измѣненія въ

другихъ арійскихъ нарѣчійхъ. Но самыя представленія, соотвѣтствующія этимъ именамъ, мы находимъ и въ мифологическомъ языкѣ Греціи. У Грековъ одно изъ многочисленныхъ названій зари было Эвридика. Имя ея мужа, подобно многимъ греческимъ словамъ, необъяснимо, но Орфей соотвѣтствуетъ санскритскому *Ribhu* или *Arbhu*, которое, хотя всего извѣстнѣе, какъ имя трехъ Рибу (*Ribhu*), встрѣчается въ Ведахъ, какъ эпитетъ Индры и одно изъ названій солнца. Вотъ что повѣствуетъ древнее преданіе: — „Эвридика, ужаленная змѣей (эта змѣя — ночь) умираетъ, и, послѣ смерти, нисходитъ въ область Аида. Орфей слѣдуетъ за нею въ царство тѣней, и тронутые его скорбью боги, дозволяютъ Эвридикѣ возвратиться вмѣстѣ съ нимъ, если только на пути изъ подземнаго царства онъ ни разу не оглянется назадъ. Орфей общается и отправляется въ обратный путь изъ мрачнаго Аида въ міръ живыхъ; Эвридика слѣдуетъ за нимъ, но, увлеченный любовью или сомнѣніемъ, онъ оглянулся и Эвридика исчезла — такъ, какъ „при первомъ лучѣ“ или „при первомъ взорѣ“ солнца исчезаетъ зари. Быть можетъ, въ глубокой древности дѣйствительно существовалъ поэтъ, по имени Орфей, — древніе пѣвцы любили выбирать имена, заимствованныя отъ солнца; — но — былъ ли не былъ такой поэтъ въ дѣйствительности — несомнѣнно одно, что сказаніе объ Орфѣѣ и Эвридикѣ съ одной стороны не могло родиться изъ дѣйствительнаго событія, съ другой — необходимо предположить какой-нибудь поводъ для того, чтобы оно возникло. Въ Индіи, вслѣдствіе простаго созвучія именъ, миѣ о Рибу (*Ribhus*) принялъ колоритъ мѣстный и историческій. Одно лице или цѣлое племя по имени *Vribu* (Ригъ-В. VI, 46, 29)*) было принято въ общину Брахмановъ. Люди этого племени были искусные строители, и очевидно успѣли оказать существенныя услуги Барадвѣджъ. Такъ какъ они не знали ведійскихъ боговъ, то ихъ передали подъ покровительство Рибу́, и этимъ богамъ было приписано многое, что первоначально относилось только къ племени ихъ смертныхъ соименниковъ (*Vribu*). Эти факты, относящіеся къ области исторической дѣйствительности, не поддаются мифологическому

*) Этимъ объясняется мѣсто въ Ману X. 107 и показывается, какъ оно должно быть исправлено.

анализу, между тѣмъ какъ настоящіе міеологическіе факты раскрываютъ свой смыслъ сами собою — надобно только умѣть обращаться съ ними. Чтобы перевести этотъ древній языкъ на обыкновенную рѣчь Аріевъ — нужна особая грамматика.

Я долженъ спѣшить заключеніемъ—какъ ни тяжело разставаться съ предметомъ, въ которомъ, какъ въ сводѣ, каждый отдѣльный камень, самъ по себѣ, грозитъ паденіемъ, между тѣмъ какъ цѣлый сводъ можетъ устоять противъ самыхъ сильныхъ потрясеній. Возьмемъ еще одинъ міеъ. — Отношенія солнца и зари, какъ мы видѣли, послужили источникомъ для происхожденія столькихъ міеовъ эротическаго характера, что возникаетъ вопросъ, извѣстенъ ли былъ Аріамъ, до ихъ расселенія, самый древній изъ боговъ, богъ Любви. Извѣстенъ ли былъ *Эротъ* въ этотъ отдаленный періодъ, на разсвѣтѣ исторіи, и что означало имя, которымъ называли его Арі?

Имя Эрота принято производить отъ санскритскаго корня *vri* или *var*, т. е. избирать, отличать. Такое производство могло бы имѣть смыслъ, если бы имя Любви получило свое начало въ нашихъ современныхъ гостиныхъ; но можно ли сомнѣваться, что здоровое и наивное сердце первобытнаго чело­вѣка не могло видѣть наиболее характеристичную черту любви въ осторожномъ, обдуманномъ взвѣшиваніи, сравненіи и выборѣ. Представимъ себѣ, насколько это возможно, здоровыя и сильныя ощущенія юношески-свѣжаго поколѣнія древнихъ людей, которое могло свободно отдаваться влеченіямъ сердца, не зная условныхъ законовъ и предрас­судковъ утонченной цивилизаціи, и руководясь единственно тѣми законами, которые природа и естественное чувство изящнаго начертала въ сердцѣ каждаго чело­вѣка. Представимъ себѣ, что такія сердца вдругъ озарила любовь—чувство, о которомъ они не знали, откуда оно пришло и куда оно можетъ повести, котораго они не умѣли ни опредѣлить, ни назвать. Когда имъ понадобилось назвать это чувство, куда же могли они обратиться за именемъ? Не должна ли была любовь представляться имъ пробужденіемъ отъ сна? Не казалась ли она имъ утромъ, которое озаряетъ душу божественнымъ сіяніемъ, наполняетъ сердце теплотою, своимъ свѣжимъ дыханіемъ очищаетъ все сущест-

во человѣка и проливаетъ новый свѣтъ на цѣлый мѣръ вокругъ него? Если это было такъ, то единственное соответствующее имя, которымъ они могли выразить чувство любви—единственное явленіе, которому они могли уподобить ея зарю — это румянецъ разсвѣта — восходъ солнца. „Солнышко взошло“ говорили они, быть можетъ, когда мы говоримъ: „я люблю;“ „закатилось солнце“,—когда мы говоримъ объ утраченной любви.

Это предположеніе, которое должно было бы представиться намъ само собою, если бы мы только могли отрѣшиться отъ нашей современной рѣчи, совершенно подтверждается этимологическимъ анализомъ древняго языка. Санскритское названіе зари *uschas*, греческое Ἐως — оба женскаго рода. Но Веды знаютъ зарю и мужскаго рода, собственно — восходящее солнце (*Agni auschasya*, Ἐφως); отсюда можно предположить, что *Uschas* въ греческомъ приняло форму Ἐρως. *S* часто измѣняется въ *r*. Въ санскритѣ общее правило, что *s*, за которымъ слѣдуетъ средній звукъ, превращается въ *r*. Въ греческомъ (въ лаконскомъ нарѣчій) существуютъ формы на *or* вм. *os*. (*Ahrens D. D.* § 8); въ латинскомъ *r*, между двухъ гласныхъ, въ древнихъ надписяхъ часто замѣняется болѣе первобытнымъ звукомъ *s* (*asa*—*ara*). Самое слово *uschas* въ латинскомъ превратилось въ *aurora*, которое произведено отъ посредствующаго *augos*, *augoris*, какъ *floga* отъ *flos*, *ogis*.

Но, какъ бы ни казались заманчивыми подобныя аналогіи — доказывать этимъ путемъ переходъ санскритскаго *sch* въ греческой *r*, значило бы только — пускать пыль въ глаза. Нѣтъ, какія бы аналогіи ни представлялись въ другихъ нарѣчійхъ, санскритское *sch* среди двухъ гласныхъ никогда еще не замѣнялось въ греческомъ звукомъ *r*. Потому Ἐρως не можетъ быть тоже самое, что *Uschas*.

Не смотря на то, Эроть все-таки — восходящее солнце. Солнце въ Ведахъ часто называется бѣгуномъ, быстроногимъ или просто конемъ, между тѣмъ какъ въ болѣе проникнутой антропоморфизмомъ мифологіи греческой, равно какъ и во многихъ отдѣлахъ Ведъ, солнце представляется въ образѣ человѣка, стоящаго на колесницѣ, которую въ Ведахъ влекутъ два, семь, или десять коней; въ греческой мифологіи также — „колесница, везомая четырьмя конями“.

Ἄρματα μὲν τὰδε λαμπρὰ τεθρήσκων
Ἥλιος ἤδη λάμπει κατὰ γῆν. т. е.

„Колесница лучезарная о четырехъ коняхъ и Гелиось сіяетъ на землю„.

Эти кони также называются *Haritas*, и притомъ постоянно—женскаго рода. Кроме того ихъ называютъ: *bhadrâs*, т. е. *бодрие*, веселые (I, 115,3); *tschitrâ's*—разноцвѣтные (I, 115,3); *ghritas-nâs*, купающіеся въ росѣ (IV. 6,9); *svanthaschas*—съ прекрасной поступью; *vitaprischthâs*, съ прекрасными хребтами (V. 45,10.) Такъ мы читаемъ — Ригъ-В. IV, 63,9: „Солнце впрягло десять Харитъ для своего теченія“.

Ригъ-В. I, 56,8. „Семь Харитъ да привлекутъ свѣтлое солнце на твоей колесницѣ“.

Ригъ-В. IV, 13,3. „Семь Харитъ везутъ его, солнце, соглядая всего міра“.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ онѣ принимаютъ болѣе человѣческой образъ, и подобно тому, какъ заря, иногда называемая просто *ashvâ*—кобылицей, извѣстна также подъ именемъ сестры, такъ и эти Хариты именуются семью сестрами (VII. 66,5); а въ одномъ мѣстѣ (IX. 86,37) онѣ названы „прекрасно-крылыми Харитами“. Послѣ всего сказаннаго едвали нужно добавлять, что мы имѣемъ дѣло съ прототипомъ греческихъ *Харитъ*.

Какъ бы ни хотѣлось слѣдовать далѣе по пути, который открывается для сравнительной миѣологии этимъ сближеніемъ греческихъ и санскритскихъ Харитъ, мы должны возвратиться къ Эроту, свиту котораго онѣ такъ часто составляютъ. Если, согласно съ законами, по которымъ совершаются превращенія обще-арійскихъ словъ въ греческомъ или въ санскритѣ, мы попробуемъ переложить Ἔρως на санскритскій, то окажется прежде всего, что производный суффиксъ *ως*, *ωτος* въ греческомъ — ничто иное, какъ окончаніе прошедшаго причастія, которому въ санскритѣ соотвѣтствуетъ окончаніе — *vant*; именит. *vâ* (вм. *vân*), род. *vatas*. Такъ какъ въ санскритѣ нѣтъ краткаго *e*, а греческій *ρ* соотвѣтствуетъ санскритскому *r*, то Ἔρως, *ωτος*, если бы только такое слово существовало вообще въ сан-

скритѣ, имѣло бы форму *A'rvān, ārvatas*. *Arvan* въ позднѣйшемъ санскритѣ значитъ: *конь*, но въ Ведахъ оно удержало отчасти другое, болѣе близкое къ первоначальному, значеніе: *быстрый, бѣгущій, стремительный*. Оно часто прилагается какъ эпитетъ къ солнцу, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служитъ названіемъ солнца, между тѣмъ какъ въ другихъ употребляется какъ существительное, съ значеніемъ коня или всадника. Такъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ синонимическаго характера древняго языка, и безъ малѣйшаго старанія—выразиться фигурно, тотъ, кто называлъ солнце *arvan*, необходимо соединялъ съ этимъ словомъ представленіе о конѣ или всадникѣ. Слово *arvan*, хотя ему и не придавалось другаго значенія, какъ только: *быстрое солнце*, затрогивало и вызывало другія представленія, подъ вліяніемъ которыхъ солнце превратилось мало по малу въ коня или всадника. *Arvan* значитъ *конь* въ такихъ мѣстахъ, какъ напр. I, 91,20:—

„Богъ Сома даетъ намъ корову; Сома даетъ намъ быстрого коня; Сома даетъ сильнаго сына“.

Тоже самое слово значитъ: всадникъ, Ригъ-В. I. 132,5: —

„Всадникъ родится безъ коня, безъ узды“.

Здѣсь подъ всадникомъ разумѣется восходящее солнце, и существуетъ даже цѣлый гимнъ, обращенный къ нему, какъ коню. Мало того, развитіе языка и мысли совершается такъ быстро, что въ Ведахъ миѣ обращается какъ бы вспять къ своему собственному началу, и одинъ изъ поэтовъ (I. 163,21) прославляетъ свѣтлыхъ Васу, ибо „изъ нѣдръ солнца онѣ исторгли коня“. Такимъ образомъ *arvan*, само по себѣ, безъ всякаго прилагательнаго или эпитета, становится однимъ изъ именъ солнца, наравнѣ съ другими изъ древнѣйшихъ именъ того же свѣтила, каковы *sūrya, āditya* и др. Въ Ригъ-В. I, 163,3 поэтъ, обращаясь къ солнцу, говоритъ: „Ты, о Арванъ (конь), ты—Адитья“ (солнце); а (VI. 12.6) опять подъ тѣмъ же самымъ именемъ призывается Агни или солнце: „ты, о Арванъ, сохрани насъ отъ злаго нареканія! О Агни, блестящій всѣми огнями! ты подаешь сокровища, ты отгоняешь всякое зло; даруй намъ прожить въ счастіи сто зимъ; пошли намъ доброе потомство“.

Прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи указать нити, посредствомъ которыхъ это имя солнца въ Индіи связано съ первоначальнымъ представленіемъ греческаго бога Любви, должно замѣтить, что иногда кони, т. е. лучи солнца называются не только *Haritas*, но *rohítas* и *áruschis*, напр. Ригъ-В. I. 14,12, „впряги Арушисъ (*A'ruschís*) въ твою колесницу, о свѣтлый Агни, Харить, Рохить и на нихъ привези намъ боговы!“ Эти имена могли быть первоначально простыми прилагательными, которыя значили бѣлый, свѣтлый и темный *), но скоро они превратились въ названія извѣстныхъ животныхъ, принадлежащихъ богамъ, согласно съ ихъ различнымъ цвѣтомъ и характеромъ. Такъ мы читаемъ:—

Ригъ-В. II. 10,2.—„Внемли, лучезарный Агни, моей молитвѣ; два ли черныхъ (*syâvâ*), два ли гнѣдыхъ (*góhítâ*), или два бѣлыхъ (*aruschá*) коня влекутъ твою колесницу“.

И далѣе—Ригъ-В. VII. 42,2:—„Впряги Харить и Рохить, или Арушисъ, которыя находятся въ твоемъ стойлѣ“.

Какъ *árvat*—въ значеніи коня, такъ *áruschí* употребляется въ значеніи коровы; напримѣръ, VIII. 55,3, гдѣ поэтъ говоритъ, что онъ получилъ четыреста коровъ (*áruschínâm Kátuhtsch shatám*). Эти *áruschís* или свѣтлыя коровы болѣе исключительно принадлежатъ зарѣ, и вмѣсто того, чтобы сказать: „занимается заря“ древніе поэты *Vedz* часто говорятъ: „возвращаются свѣтлыя коровы“ (Ригъ-В. I. 92,1). Мы видѣли, что Хариты иногда превращались въ семь сестеръ; Аруши, первоначально свѣтлыя коровы, испытали ту же самую метаморфозу:—

Ригъ-В. X, 5, 5.—„Семь сестеръ, Аруши (свѣтлыя коровы) знали о солнцѣ“; или (X, 8, 3.)—„когда вознеслось солнце, Аруши освѣжили свое тѣло въ водѣ“.

Ученымъ санскритологамъ едва ли нужно напоминать, что *áruschí* собственно женскій родъ отъ *arvâ* или *arvân*, хотя

*) Poi che l'altro mattin la bella Aurora
L'aer seren fe' bianco e rosso e giallo.
Ariosto, XXIII, 52.

Si che le bianche e le vermiglie guance,
Là dove io era, della bella Aurora
Per troppa etate divenivan rance.—

Dante, Purgatorio, II. 7.

существуетъ и другая форма женскаго рода *árvati*. Какъ *vidvá'n*, вѣдущій, въ женскомъ родѣ имѣетъ *viduschí* (*tschikivá'n*, *tschikitúschí*), такъ *árvá(n)* имѣетъ *áruschí*,—форма, вполне объясняющая образованіе женскаго рода отъ прошедшаго причастія въ греческомъ языкѣ. Это можно выразить слѣдующимъ уравненіемъ: *vidvá'n*: *viduschí*—*εἰδώς*: *εἰδοῖα*. Переходъ *árvá* въ *áruschí* имѣетъ для насъ очень важное значеніе, потому что бросаетъ новый свѣтъ на происхожденіе другаго слова, произведеннаго отъ *arvat*, солнце; это слово—*aruschá*, существительное мужскаго рода, опять составляющее въ Ведахъ одно изъ употребительнѣйшихъ наименованій солнца. *Aruschá*, род. — *ásya* слѣдуетъ слабому склоненію и образовалось точно такъ же, какъ въ греческомъ—*διάκτορος*, *ου* вмѣсто *διάκτωρ*, *ορος*, а въ латинскомъ *vasum*, *i*, вмѣсто *vas*, *vasis*, или въ пракритѣ *tscharanteschu* вмѣсто *tscharatsu*, или въ новогреческомъ *ἡ νόβχα* вмѣсто *ἡ νόξ*. Для санскритологовъ это всего лучше представить въ видѣ слѣдующаго уравненія:—*árvá* (бѣгущій): *árus*: *aruschá*—*rárva* (узелъ): *rárus*: *raguschá*.

Это слово *aruschá*, въ томъ значеніи, въ какомъ оно употребляется въ Ведахъ, подводитъ насъ какъ нельзя ближе къ греческому Эроту; ибо *aruschá* употребляется въ значеніи: свѣтлый —

Ригъ-В. VII. 75, 6.—„Видно, какъ свѣтлые, покрытые пятнами, кони влекутъ къ намъ блестящую зарю.“

Кони *) Индры, кони Агни и Бригаспати, быстрые какъ вѣтеръ и свѣтлые какъ солнце, которые лижутъ сосцы темной коровы, т. е. ночи, называются *aruschá*; паръ, который поднимается отъ палящихъ лучей солнца на разсвѣтъ дня, члены, съ помощію которыхъ солнце взбирается на высоту небснаго свода, громовая стрѣла Индры, огонь, видимый днемъ и ночью,—называются общимъ именемъ: *aruschá*.

„Наполняющій небо и землю свѣтомъ, сквозь мракъ пролагающій себѣ путь по небу, являющійся среди черныхъ коровъ ночи“ называется *aruschá* или свѣтлымъ быкомъ (*aruschó vrischá*.)

*) *Aruscha*, si voisin d'*Aruna* (cocher du soleil) et d'*Arus* (le soleil), se retrouve en *Zend* sous la forme d'*Arusha* (dont Anquetil fait *Eorosh*, l'oiseau), les chevaux qui traînent *Serosh*. — Burnouf, *Bhag. Pur.* LXXIX.

Но этотъ же самый *Aruscha* въ Ведахъ, также какъ и въ греческой миѳологіи представляется ребенкомъ:— Ригъ-В. III, 1, 4 — „Семь сестеръ вскормили его, радостнаго, блага, когда родился онъ, *Aruscha*, одаренный великимъ могуществомъ; какъ кони собираются къ народившемуся жеребенку, такъ боги воспитали солнце, когда оно родилось.“

Въ Ведахъ *Aruscha* постоянно означаетъ юное солнце, солнце, прогоняющее мрачную ночь и посылающее свои первые лучи—воззвать отъ сна вселенную.

Ригъ-В. VII. 71, 1. „Ночь отходитъ отъ Зари, сестры своей; мрачная, открываетъ путь для Аруши.“

Хотя въ нѣкоторыхъ изъ ведійскихъ названій солнца и заключается какъ бы неумышленный намекъ на его первоначально-животные атрибуты, тѣмъ не менѣе оно скоро принимаетъ чисто-человѣческій образъ. Оно называется *Nritschakschâs* (III. 15, 3) „имѣющій человѣческія очи“ и даже первые слѣды его крыльевъ, — обстоятельство, которому бы очень обрадовался Гриммъ ¹⁾, — являются уже въ Ведахъ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ онъ называется „*Aruschâh suparnâs*,“ „свѣтлое солнце съ прекрасными крыльями.“

Τὸν δ' ἔτιοι θνητοὶ μὲν Ἔρωτα χαλοῦσι ποτηρόν,
'Αθάνατοι δὲ Πτέρωτα, διὰ πτεροφότορ ἀνάγκην.

(Плат. Федръ 252, с: смертные еще Эрота крылатымъ называютъ, бессмертные жъ его *окрыляющимъ* зовутъ, ради (любви присущей) неудержимой, крылья придающей (влюбленнымъ), силы).

Какъ Эроть—сынъ Зевса, такъ Аруша называется сыномъ Діауса (*Divâh shîshus*):

Ригъ-В. VII, 15, 6—„Его, бога Агни, они сваряжаютъ и очищаютъ ежедневно подобно коню, совершившему свой бѣгъ,— подобно Арушѣ, свѣтлому солнцу, юному чаду Діауса (неба)“.

Ригъ-В. VI. 49, 2.—„Поклонимся Агни, чаду небесъ, сыну силы, Арушѣ, свѣтлому пламени жертвы.“

¹⁾ См. *ж.* Гримма: *Ueber den Liebesgott.*

Этотъ сынъ—перворожденный изъ боговъ, ибо онъ является (V. 1, 5) „agre ahnâm“, на разсвѣтъ дней; „uschasâm agre“ (X. 45, 7) въ началъ зорь; но въ одномъ мѣстѣ ему приписываются двѣ дочери—различныя по внѣшнему виду—одна, усѣянная звѣздами, другая, озаренная свѣтомъ солнца—День и Ночь, которыя въ другомъ мѣстѣ называются дщерями солнца. Аруша не встрѣчается въ роли бога Любви, въ греческомъ значеніи этого бога; любовь, какъ чувство, не обоготворялось въ Ведахъ ни подъ какимъ именемъ. Кама, богъ любви въ позднѣйшемъ санскритѣ, въ Ведахъ никогда не имѣетъ личныхъ или божественныхъ атрибутовъ, за исключеніемъ одного мѣста въ десятой книгѣ, и даже здѣсь любовь представляется скорѣе космогонической силой, чѣмъ личнымъ существомъ.

Но есть другое мѣсто въ Ведахъ, гдѣ Кама, любовь, ясно сближается съ восходящимъ солнцемъ. Цѣлый гимнъ (II. 38, 6) обращенъ къ Savitar, — солнцу. Здѣсь говорится: „оно поднимается, подобно сильному пламени,—простираетъ свои мощныя руки,—уподобляясь даже вѣтру! Когда онъ остановитъ своихъ коней, прекращается всякое движеніе и по стопамъ его слѣдуетъ ночь. Но прежде чѣмъ она успѣетъ до половины окончить свою ткань, солнце восходитъ снова. Тогда Агни является всѣмъ людямъ и проникаетъ во всѣ жилища; свѣтъ его могучъ, и его мать, заря, отдаетъ ему лучшую долю, первое поклоненіе людей“. Потомъ поэтъ продолжаетъ:—

„Онъ возвратился большими шагами, жаждущій побѣды; приблизился онъ, предметъ любви для всѣхъ людей (собств. любовь всѣхъ людей). Вѣчный приблизился, оставляя трудъ (Ночи) въ половину оконченнымъ; онъ послѣдовалъ велѣніямъ небеснаго Савитара.

„Любовь всѣхъ людей“ можетъ значить: тотъ, кто любимъ всѣми людьми, или кто исполняетъ желанія всѣхъ людей. Я не думаю однако, чтобы названіе: Кама, любовь, придавалась восходящему солнцу—совершенно случайно.

Первоначальный солнечный характеръ бога любви, возлюбленнаго зари, не былъ забытъ даже въ позднѣйшихъ греданіяхъ Пуранъ. Мы находимъ, что одно изъ названій, придава-

емыхъ сыну Камы, Анируддѣ, (неодолимый, ἀνίκητος μάχαν),—
Uschâpati, владыка Зари.

Если мы соберемъ мысленно всѣ представленія и намеки, сложившіеся въ Ведахъ около именъ: Arvat и Aguscha, то разнообразныя мѣны объ Эротѣ, которые съ перваго раза кажутся исполненными столькихъ противорѣчій, становятся совершенно понятными. У Гесіода Эротъ—древнѣйшій изъ боговъ, рожденный въ то время, когда существовали только Хаосъ и Земля. Не есть ли это ведійскій Аруша,—„рожденный въ началъ всѣхъ дней“? Онъ—младшій изъ боговъ, сынъ Зевса, любимецъ Харитъ, и въ то же время сынъ главной изъ нихъ, Афродиты, въ которой не трудно узнать женскаго Эрота (Uschâ вмѣсто Agni auschasya). Ключъ къ каждому изъ этихъ мѣновъ можно подыскать въ Ведахъ. Тамъ онъ „дитя, сынъ Діауса“; онъ впрягаетъ Харитъ, и оказывается, если не сыномъ *), то по крайней мѣрѣ „возлюбленнымъ Зари“. Кромѣ того, въ греческой мѣеологіи Эротъ точно такъ же имѣетъ многихъ отцовъ и матерей; родители, которыхъ приписываетъ ему Сафо,—Небо и Земля, тождественны съ его ведійскими родителями: Діаусомъ и Ирою (Jdâ). Тѣмъ не менѣ Индія—не Греція, и, хотя мы можемъ прослѣдить корни и зародыши греческихъ словъ и представленій вплоть до ихъ первоначальнаго источника въ богатой мѣеами почвѣ Индіи, тѣмъ не менѣ полный расцвѣтъ арійскаго языка, арійской поэзіи и мѣеологіи принадлежитъ Элладѣ, гдѣ Платонъ объяснилъ намъ значеніе Эрота, и гдѣ Софокль воспѣлъ его въ слѣдующихъ стихахъ:

Ἔρως ἀνίκητε μάχαν,
Ἔρως, ὅς ἐν κτήμασι πίπτεις
ὅς ἐν μαλακαῖς παρειαῖς
νεάνιδος ἐννουχεύεις:
φοιτᾷς δ' ὑπερπόντιος, ἐν τ'
ἀγρονόμοις αὐλαῖς.
καὶ σ' οὐτ' ἀθανάτων φύξιμος οὐδαίς

*) См. Maxim. Turg. XXIV. «τὸν Ἔρωτά φησιν ἡ Διοτῆμα τῷ Σωκράτει οὐ παῖδα, ἀλλ' ἀκόλουθον τῆς Αφροδίτης καὶ θεράποντα εἶναι. См. Preller, Griech. Mythologie, p. 238.

οὐδ' ἀμείρων ἐπ' ἀν-
θρώπων. δ' δ' ἔχων μέμνηεν. *)

Если открытіе общаго происхожденія языковъ греческаго и санскритскаго Гегель называетъ открытіемъ новаго міра, то тоже самое можно сказать относительно общаго происхожденія греческой и санскритской мифологіи. Открытіе совершилось, и наука сравнительной мифологіи скоро займетъ въ ряду наукъ не менѣе важное мѣсто, какъ и сравнительная филологія. Въ настоящемъ трудѣ я успѣлъ объяснить два, три мифа, но всѣ они принадлежатъ одному небольшому циклу, и къ разобраннѣмъ мною мифологическимъ именамъ можно было бы примкнуть много другихъ, родственныхъ.

Интересующихся „гелологіей языка“ я могу отослать къ „Журналу сравнительнаго языковѣдѣнія“ (Zeitschrift für vergl. Sprachforschung), издаваемому въ Берлинѣ моимъ ученымъ другомъ, докторомъ Куномъ, который въ своемъ изданіи далъ мѣсто сравнительной мифологіи, совершенно основательно видя въ ней одинъ изъ составныхъ отдѣловъ сравнительной филологіи, и въ собственныхъ изслѣдованіяхъ указалъ нѣкоторыя черты поразительнаго сходства между сказаніями Ведъ и мифологическими именами другихъ арійскихъ племенъ. Самые „Иппокентавры, Химера, Горгоны, Пегасъ и другія чудовищныя созданія“ объяснились удовлетворительномъ образомъ. Не раздѣляю во многомъ взглядовъ д-ра Куна и въ особенности расходясь съ нимъ во всемъ, что касается стихійнаго значенія боговъ (которыхъ онъ, вмѣстѣ съ Лауэромъ, авторомъ „Системы греческой мифологіи“, ставитъ въ слишкомъ исключительную связь съ измѣнчивыми явленіями облаковъ, грозы и грома, тогда какъ, мнѣ кажется, ихъ первоначальнаго значенія почти всегда слѣдуетъ искать въ связи съ солнцемъ), я убѣжденъ однако, что какъ у Куна такъ и у Лауэра можно научиться весьма многому.

*) Эроть непобѣднѣй въ бою,

Эроть побѣдитель богатства,

На вѣжныхъ ланитахъ дѣвицы любишь покоиться ты,

Далеко за море идешь, въ пастушій вступаешь шалашъ.

Ни изъ вѣчныхъ боговъ, ни изъ смертныхъ людей,

Ни одинъ отъ тебя не бѣжить. (Антигона, 750, перев. С. Д. Шестакова).

Еще очень много, конечно, остается сдѣлать, и *вполнѣ* греческая міеологія никогда не будетъ уяснена и истолкована — даже при пособіи Ведь. Но должно ли это останавливать изслѣдователя? Въ греческомъ языкѣ много словъ, этимологическаго смысла которыхъ мы не можемъ объяснить себѣ даже при помощи санскрита. Слѣдуетъ ли изъ этого, что весь греческій языкъ чуждъ этимологической организациі? Открывая извѣстныя разумныя начала въ образованіи хотя незначительной части греческихъ словъ, мы имѣемъ право заключить, что начала, проявляющіяся въ одной доль, легли въ основу развитія цѣлаго языка. Изъ того, что мы не въ силахъ выяснитъ этимологическій корень каждаго слова, еще не слѣдуетъ, что весь языкъ не имѣлъ этимологическаго начала, или что этимологія занимается „прошедшимъ, которое никогда не было настоящимъ“. Я вполнѣ допускаю, что позднѣйшіе Греки, каковы Гомеръ и Гесіодъ, не знали значенія (*λόγος*) своихъ міеовъ (*μύθοι*), но не болѣе было имъ извѣстно и настоящее начало (*τὸ ἔτιμον*) словъ ихъ роднаго языка. Что оказывается вѣрнымъ относительно этимологіи, то не менѣе вѣрно и въ отношеніи міеологіи. Сравнительная филологія доказала, что въ языкѣ нѣтъ ничего случайнаго, неправильнаго, и тѣ явленія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, которыя прежде считались неправильными, теперь признаны за наиболѣе правильныя и первообразныя грамматическія формы. Такихъ же точно результатовъ, я увѣренъ, можно достигнуть въ области міеологіи, и вмѣсто того чтобы выводить міеологію, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, *ab ingenii humani imbecillitate et a dictionis egestate* (т. е. изъ немощи человѣческаго разума и изъ скудости человѣческой рѣчи), можно, кажется, наоборотъ искать для нея болѣе вѣрнаго объясненія въ „*ingenii humani sapientia et dictionis abundantia*“ (т. е. въ силѣ человѣческаго разума и богатствѣ человѣческой рѣчи). Міеологія—ничто иное, какъ особая рѣчь, древнѣйшая оболочка языка. Міеологія, обращаясь главнымъ образомъ къ природѣ и изъ явленій природы преимущественно къ тѣмъ, которыя носятъ отпечатокъ закона, порядка, силы и мудрости, въ то же время простиралась на все. Въ міеологіи все находило свое мѣсто и выраженіе: и начала нрав-

ственности, и философія, и исторія, и религія—словомъ, ничто не избѣжало обаянія этой древней сивиллы. Но въ тоже время не слѣдуетъ забывать, что миеологія сама по себѣ не есть — ни философія, ни исторія, ни религія, ни этика въ отдѣльности. Миеологія, если дозволено будетъ употребить схоластическій терминъ, есть *quale*, а не *quid*, форма, а не *содержаніе*, и подобно поэзіи, скульптурѣ, живописи, обнимаетъ все, что могло быть предметомъ удивленія или поклоненія въ древнемъ мірѣ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О Н. И. НОВИКОВѢ

И ЧЛЕНАХЪ КОМПАНИИ ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ.

Сообщены Д. И. Иловайскимъ.

Предисловіе.

Печальная катастрофа 1792 года, которая въ конецъ разрушила литературную дѣятельность Новикова и его ученыхъ друзей и потрясла въ самыхъ основаніяхъ книжную торговлю въ Москвѣ, до сихъ поръ извѣстна была только въ общихъ и блѣдныхъ чертахъ. Документы, сообщаемые Д. И. Иловайскимъ, проливаютъ на нее яркій свѣтъ. Перечитывая эти криминальные памятники недалекаго отъ насъ прошедшаго, видимъ, какими громадными предпріятіями двигалъ Новиковъ и его ученые друзья и какихъ ничтожныхъ интригъ со стороны Прозоровскаго достаточно было, чтобы разрушить ихъ мгновенно.

Императрица давно съ неудовольствіемъ смотрѣла на дѣятельность Новикова. Недобрые замыслы предполагала Она въ этомъ вліятельномъ членѣ таинственнаго масонскаго кружка. Въ декабрь 1785 года, Екатерина II, «въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги», повелѣла «испытать его въ законѣ нашемъ», книги, изданныя имъ, разсмотрѣть и наконецъ всѣ городскія школы и больницы отдать въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія. Въ исполненіе этихъ Высочайшихъ повелѣній тогдашній московскій гражданскій губернаторъ П. В. Лопухинъ представилъ Императрицѣ слѣдующее донесеніе: ¹⁾

Всемиловѣйшая Государыня!

Два высочайшіе Вашего Императорскаго Величества указа отъ 23 дня генваря имѣлъ счастье получить: *первой* объ изыясненіи содер-

¹⁾ Въ Москвитинѣхъ 1842, № 3 это донесеніе напечатано было съ большими пропусками. Мы помѣщаемъ его вполнѣ.

жателю типографіи Новикову, что типографіи учреждены для заведенія книгъ, обществу полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; а какъ изъ его Новикова типографіи вышло не малое количество таковыхъ книгъ, то чтобъ его допросить о причинахъ, побудившихъ къ изданію тѣхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи имъ то дѣлано было; *второй* о вѣденіи Приказу Общественнаго Призрѣнія всехъ школъ и больницъ, въ городѣ состоящихъ, исключая только тѣхъ, кои особыми привилегіями или жалованными грамотами снабдены или повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества поручены особому правленію духовному или свѣтскому, и объ осмотрѣ заведенной въ Москвѣ больницы отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, равно буде отъ онаго заведены какія школы, то объ освидѣтельствованіи оныхъ во всей подробности и о наблюденіи, чтобъ школы не иначе учреждаемы были, какъ подъ начальствомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, имѣли свое производство на основаніи общихъ законовъ, и чтобъ туть расколъ, праздность и обманъ не скрывалися.

Вслѣдствіе сихъ вашего Императорскаго Величества высочайшихъ повелѣній содержатель Новиковъ чрезъ управу благочинія сысканъ и представленъ въ губернское правленіе, гдѣ въ присутствіи, по изясненіи ему, что типографіи учреждены для печатанія книгъ нужныхъ и полезныхъ, а не для того, чтобы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ, формально допрашиванъ: какъ изъ его типографіи вышло таковыхъ книгъ немалое число, то съ какимъ намѣреніемъ и по какимъ причинамъ оныя издавалъ? Который показалъ, что всѣ печатанныя книги въ его, Новикова, типографіи были представляемы имъ для разсмотрѣнія опредѣленнымъ отъ правительства цензорамъ, по дозволенію коихъ и печаталъ, и почиталъ въ разсужденіи ихъ одобренія полезными, и при печатаніи книгъ другаго никакого намѣренія не имѣлъ, кромѣ пріобрѣтенія прибыли. Для легчайшаго жъ усмотрѣнія его показаніевъ при семъ всеподданнѣйше подношу его Новикова подлинный допросъ.

Касательно жъ до заведенія больницы и школъ отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, то на сіе всеподданнѣйше имѣю счастье донести, что оныхъ совершенно теперь нѣтъ, а пользовались прежде въ домѣ содержателя Новикова находящіеся при его типографіи работники, постороннихъ же для пользованія никого принимаемо не было. Нынѣшняго жъ году генваря съ 1 дня взято имъ

для случающихся при типографіи больныхъ работниковъ изъ Приказа Общественнаго призрѣнія четыре годовыя кровати, и съ того времени въ его домѣ никто болѣе не пользуется, а ежели и сверхъ онаго числа случатся больные, то отсылаются въ публичныя больницы.

Школы жь и пенсіоны всѣ, сколько ихъ въ городѣ имѣется, еще прежде сего вслѣдствіе полученнаго отъ Вашего Императорскаго Величества къ господину Главнокомандующему Высочайшаго повелѣнія, опредѣленными отъ Преосвященнаго Московскаго, отъ Университета и отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія членами осматриваны и неспособные къ обученію учителя всѣ исключены, закону жь обучать въ оныхъ дозволено единственно только тѣмъ, кои отъ Преосвященнаго Московскаго къ тому удостоены.

Въ прошломъ 1782 году при открытіи въ Москвѣ, съ дозволенія бывшаго г. Главнокомандующаго, Дружескаго Общества положено было въ ономъ содержать на коштѣ того Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по нѣскольку студентовъ, коихъ и содержалось до 30 человекъ и изъ нихъ каждому производилось въ годъ по 100 руб. и жили въ домѣ, принадлежащемъ профессору Шварцу, который надъ оными и надзиралъ. Присланы же были сіи обучающіеся по прошенію Общества отъ епархіальныхъ архіереевъ. Теперь же оныхъ осталось только 15 человекъ. А какъ содержатель Новиковъ и его товарищи въ содержаніи оной состоятъ почти всѣ и въ Дружескомъ Обществѣ, то мною посланъ былъ Исправляющій должность Оберъ-Полиційместера Полковникъ Толь для осмотра жилища сихъ содержащихся на коштѣ Общества, кои имъ спрашиваны и показали всѣ единогласно: что содержатся они единственно на счетъ Общества, а обучаются въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Академіи наукамъ и богословіи, болѣе жь нигдѣ и ничему не обучаются; на содержаніе жь деньги получаютъ отъ Титулярнаго Совѣтника, князя Енгальчева, который надъ ними и присмотръ имѣеть. Университета жь Директоръ Господинъ Фонтъ-Визинъ по призывѣ ко мнѣ объявилъ, что дѣйствительно оны воспитанники ходятъ обучаться въ Университетъ какъ по утру, такъ и по полудни, и что ему извѣстно, что отъ Общества Дружескаго препоручено имѣть смотрѣніе за оными профессору Университета Чеботареву. Впрочемъ симъ осмѣливаюсь Ваше Императорское Величество удостовѣрить всеподданнѣйше, что въ Москвѣ теперь ни заведенныхъ школъ, кромѣ представленныхъ порядкомъ, ни больницъ кромѣ казенныхъ, ниже какихъ непозволенныхъ законами собраній не состоитъ. Предаю жь все сіе на благоразсмотрѣніе Вашего Импе-

раторскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить на оное Вашего Высокочайшаго повелѣнія

Всемилоостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ Петръ Лопухинъ.

Генваря 30 дня
1786 года.

Результатомъ этого осмотра было запрещеніе нѣсколькихъ масонскихъ книгъ.

Въ 1789 году долженъ былъ кончиться контрактъ Новикова съ Университетомъ относительно арендованія имъ университетской типографіи. Императрица не хотѣла оставить послѣдней въ рукахъ «мартиниста, хуже Радищева» и 17 октября 1788 года дала Московскому Военному Генераль-Губернатору Еропкину слѣдующее повелѣніе:

«Петръ Дмитріевич!

Подтвержаемъ и теперь прежнее Наше повелѣніе, чтобъ университетская типографія по истеченіи срока въ содержаніе Порутчику Новикову не была отдана, о чемъ Вы Кураторамъ Университета Московскаго объявить. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны.

Екатерина».

Дѣло 1792 года началось сомнѣніемъ, не была ли *Пращица* Питирима напечатана внѣ духовной типографіи и не имѣлось ли церковныхъ буквъ въ типографіи Новикова.

Сдѣлавши о томъ (22 апр. 1792 г.) запросъ начальнику Московской типографской конторы Петру Вас. Гурьеву, Московскій генераль-губернаторъ князь А. А. Прозоровскій предписалъ въ то же время князю Жевахову изготovitъ «близъ города Никитска взять подъ присмотръ одного нужнаго человѣка», а Московскому губернатору Петру Лопухину приказалъ предписать «освидѣтельствовать находящіяся здѣсь разныхъ хозяевъ книжныя лавки: нѣтъ ли въ оныхъ такихъ книгъ, кои въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія въ продажу производить запрещено». Почти во всѣхъ Московскихъ книжныхъ лавкахъ найдены были запрещенныя масонскія книги. Книгопродавческія связи Новикова обнимали всѣхъ московскихъ торговцевъ книгами какъ русскими, такъ и иностранными. Книгопродавецъ Переплетчиковъ «съ 1789 г. торговалъ въ своей лавкѣ на Никольской получаемыми отъ Новикова книгами съ уступкою 20/o; въ 1790 году Новиковъ взялъ его коммиссіонеромъ и посадилъ въ своей лавкѣ у Никольскихъ воротъ безъ вся-

каго письменнаго условія». Прикащикъ Новикова Никита Кольчугинъ имѣлъ свою лавку въ Петербургѣ, гдѣ торговалъ Василій Степановичъ Сопиковъ. Кромѣ того книгопродавцы Тимоѳей Полежаевъ, Никита Кольчугинъ, Матвѣй Глазуновъ и университетскій переплетчикъ Никита Водопьяновъ около 1785 года составили съ Новиковымъ условіе, чтобъ брать у него «всякой вновь выходящей, печатанной въ его типографіи книги по 50 экземпляровъ», старыхъ сколько пожелаютъ, съ уступкою 20% или 30% . Но это условіе осталось безъ дѣйствія. Въ 1789 году Кольчугинъ взялъ у Новикова для продажи разныхъ книгъ 80,000 экземпляровъ. Торговавшіе иностранными книгами въ Москвѣ также находились въ сношеніяхъ съ Новиковымъ. Иностранныя книги послѣдній выписывалъ чрезъ книгопродавца Бибера; товарищъ Бибера и управлявшій продажей его книгъ Утовъ (Uthof?) получалъ отъ Новикова для продажи книги и, хотя до начала слѣдствія уѣхалъ за границу, возвративши Новикову непроданныя книги, но Биберъ все-таки былъ призванъ къ допросу.

Такимъ образомъ подъ слѣдствіе разомъ попали всѣ занимавшіеся книжною торговлею въ Москвѣ. «Утовъ, Биберъ, переплетчикъ Занд-Марка, Переплетчиковъ, Полежаевъ и прочіе производили продажу книгъ отъ Новикова съ компаніею».

Самого Новикова держали въ его домѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Прозоровскій писалъ Жевахову: «Рецепты въ аптеку писать позволяйте доктору при себѣ, а по написаніи, взявъ оный подъ видомъ посылки въ аптеку, присылайте прежде въ мою канцелярію, а оттуда уже получая, отправлять оныя въ аптеку». Въ свидѣтельствованныхъ книжныхъ лавкахъ слѣдователи нашли книги запрещенныя ¹⁾ и книги, напечатанныя безъ указнаго дозволенія ²⁾. Многія изъ книгъ

¹⁾ Сюда принадлежали: а) Избранная бібліотека; б) Избранная бібліотека для бѣдныхъ; в) *О заблужденіяхъ и истинѣ*; г) Хризомандеръ; е) Карманная книжка; ф) Наука обращаться съ Богомъ; г) Правила христіанскаго воспитанія дѣтей; б) Толкованіе на одиннадцать утреннихъ евангелій (книга, запрещенная именнымъ указомъ 1788 года); и) Опытъ подвига въ благочестіи; к) Новая Киропедія; л) Мессія, поэма; м) Апологія в. к.; н) 3-я часть проповѣдей Минятія; о) Братскія увѣщанія; р) Образъ житія Енохова; q) Священная сатира на суету міра или экклизіастъ; г) Іоанна Ардта о истинномъ христіанствѣ; в) Исслѣдованіе философическихъ проповѣдей; і) Седмидневникъ Евмадевахаріонъ; у) Судьба религіи. Всего полныхъ и по частямъ 5569 экземпляровъ.

²⁾ Сюда отнесены были: 1) Иліотропіонъ или созерцаніе воли человѣческой съ волею божіею; 2) Священныя размышленія или бесѣды со Христомъ; 3) Священныя размышленія, ведущія къ исправленію христіанской жизни; 4) Наука благополучно умирать; 5) Разсужденіе о началѣ и концѣ и состояніи будущаго

показались слѣдователямъ подозрительными и отнесены въ число «напечатанныхъ безъ указнаго дозволенія», по видимому, безъ всякой на то причины.

Конфисковавъ всѣ подозрительныя книги и запечатавъ книжныя лавки, Прозоровскій занялся разборомъ бумагъ, захваченныхъ въ деревнѣ Новикова, и результаты своихъ изслѣдованій постоянно сообщалъ Императрицѣ. По настоянію Прозоровскаго Новикова рѣшено было передать для дальнѣйшихъ допросовъ Шешковскому. Отправивши Новикова въ Шлиссельбургъ подъ сильнымъ конвоемъ и съ мельчайшими предосторожностями, Прозоровскій немедленно донесъ о томъ Императрицѣ и прибавилъ: «Позвольте мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, объяснить Вашему Императорскому Величеству, какъ нѣтъ ли иногда въ предыдущихъ моихъ всеподданническихъ донесеніяхъ описки о типографіяхъ Новикова или компаніи ихъ. Типографія въ 20 станахъ была учреждена въ бывшемъ домѣ графа Гендрикова, который купя, они сдѣлали великую пристройку да и прочія всѣ заведенія у нихъ были заведены въ томъ же домѣ и жога, или по ихъ храмъ, тамъ же была. А Иванъ Лопухинъ, какъ изъ усердныхъ его компаньоновъ, имѣлъ небольшую въ особомъ домѣ типографію, какъ многія книги и означены печатью оной типографіи. А наконецъ онъ Лопухинъ присоединилъ свою типографію въ Гендрикова домъ къ

міра; 6) Надгробныя размышленія; 7) Житіе св. Григорія Назіанзина; 8) Бесѣды Василія Великаго; 9) Гарвоада радостныя мысли; 10) Драгоценная меду капля изъ камня Христа; 11) Утѣщеніе къ христіанскому жизни предпровожденію; 12) Филонъ Іудейнинъ о субботѣ; 13) Натура и благодать; 14) Христіанское правоученіе; 15) Блаженнаго Августина единобесѣдованіе души съ Богомъ; 16) Бесѣды избраннаго Іоанна Златоустаго; 17) Почерпнутыя мысли изъ Еккліаста; 18) Тайнственное путешествіе въ островъ добродѣтели; 19) Райскіе цвѣты въ селѣи цвѣтникахъ; 20) О дѣвствѣ св. Іоанна Златоустаго; 21) Бесѣды Макарія Египетскаго; 22) Вѣра, надежда, любовь. 23) Іоанна Масона познаніе самого себя; 24) Христіанская философія или руководство къ небесамъ; 25) Диоптра или мірозрительное зеркало; 26) Покоящійся Трудолюбецъ; 27) Сочиненія Іоанна Бюніана; 28) Драгоценная книжка о внутренней гордости; 29) Лучи мудрости въ тип. Гиппіуса; 30) Богословское ученіе о состояніи неповрежденнаго человѣка, т. Пономарева; 31) Ангола, индѣйская повѣсть, т. Поном.; 32) Путешествія Кировы; 33) Смерть и страданіе Іисуса Христа, въ т. Гиппіуса; 34) Посрамленный безбожникъ и натуралистъ, т. Гипп.; 35) Христіанинъ—воинъ Христовъ; 36) Путь къ безсмертному сожитію ангеловъ т. Гиппіуса; 37) Приключенія Теострика Иліебъ-розы, т. Поном.; 38) Плоды трудовъ Галлера; 39) Щитъ противу боязни и смерти; 40) Златая книжица о привлеченіи къ Богу; 41) Лактанція Фирміана божественныя наставленія; 42) Утѣшительныя разсужденія; 43) Домъ молчанія; 44) Іоанна Мельхіора Гецена; 45) Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Тула 1790 г; 46) Собранныя полезныя цвѣты; 47) Свойства счастья; 48) Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, 1781.

Новиковской или же къ компаніи. И такъ теперъ существуетъ только одна, какъ вышеупомянулъ, въ бывшемъ домѣ гр. Гендрикова, который домъ весь запечатанъ и подробно пересматриванъ и нѣсколько нужныхъ къ свѣдѣнію оттуда взято бумагъ..... и въ которомъ находятся не малыя бібліотеки. Типографія жь работой остановлена впредь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, а только аптека оставлена свободной въ продажѣ медикаментовъ, которая имѣетъ хорошее учрежденіе, какъ аптекаръ у нихъ искусный въ дѣлѣ своемъ и сверхъ того надсматриваетъ надъ оной, докторъ, ими нанятой..... Съ симъ всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству знатную часть бумагъ, взятыхъ у Новикова въ деревнѣ и въ домѣ его, въ Москвѣ, что прежде былъ гр. Гендрикова: въ нихъ важно, что на генеральной конвенціи въ Вольфенбютелѣ, гдѣ и герцогъ Брауншвейгскій присутствовалъ, отъ всѣхъ ложъ орденъ тамплиеръ запрещается возобновлять, а здѣсь они 5-ю степень называютъ тамплиеръ». Съ слѣдующей реляціей Прозоровскій отправилъ Императрицѣ «нѣкоторыя знаки ихъ секты» и прибавилъ въ заключеніе письма: «Прежде доносилъ я Вашему Величеству, что нашелъ только степени розовыхъ и золотыхъ крестовъ до 6-ти, а послѣ нашелъ, до 8 степени, которую въ бумагахъ отправленныхъ найти изволите, равно и экстрактъ изъ секретной инструкціи».

16 мая Прозоровскій просилъ митрополита Платона «назначить изъ духовныхъ чиновъ двухъ персонъ, ученіемъ и разумомъ извѣстныхъ», чтобы прочесть рукописныя сочиненія и переводы и «сдѣлать замѣчанія, въ чемъ они не согласуютъ православной вѣрѣ нашей или уставамъ церкви». Митрополитъ назначилъ Ректора Академіи Арх. Мееодія и протопопа церкви Трехъ Святителей Василя Прокопіева.

Въ августъ Прозоровскій по желанію Шешковскаго, сдѣлалъ допросъ И. В. Лопухину, кн. Трубецкому и И. П. Тургеневу, за которымъ 11 августа отправленъ былъ въ Симбирскъ подпоручикъ Іевлевъ. Въ томъ же мѣсяцѣ этимъ тремъ лицамъ объявлено было Высочайшее повелѣніе немедленно выѣхать изъ столицы и жить въ дальнихъ своихъ имѣніяхъ. 29 августа Прозоровскій донесъ Императрицѣ объ отъѣздѣ изъ Москвы кн. Трубецкаго и Тургенева и съ этимъ донесеніемъ препроводилъ къ Ней статью «изъ бумагъ барона Шрейдера подъ литерою А. о призванъ духовъ». Прозоровскій не упустилъ при этомъ случаѣ замѣтить, что люди, которые дають подобнымъ вещамъ «видъ вѣроятія» — «безумцы или мошенники».

Въ тоже время дѣтально разсматривались особыми цензорами, — Брянцевымъ и Геймомъ отъ Университета, и другими со стороны духо-

венства, книги во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ. Прозоровскій далъ цензорамъ строгую инструкцію. Въ апрѣль 1794 г. въ Гендриковскомъ домѣ была найдена новая палата съ книгами, которая при первомъ осмотрѣ не была отперта. Въ ордерѣ, данномъ по этому случаю цензорамъ, Прозоровскій говоритъ между прочимъ: «Но я при семъ случаѣ долгомъ поставлю напомянуть вамъ цензировать книги съ всеприлежнѣйшимъ вниманіемъ, какъ отъ каждаго требуетъ вѣрноподданнической долгъ. Изъ книгъ, вами непризнанныхъ за непозволенные, трагедія *Смерть Кесарева* весьма недостойна существовать». Вслѣдъ за тѣмъ Прозоровскій предписалъ Курбатову (23 апр. 1794 г.) «чтобы въ число вредныхъ книгъ отложили Вы книгу подъ названіемъ *Размышленія о дѣлахъ божіихъ* также и двѣ трагедіи подъ названіемъ: первая *Смерть Цесарева* и вторая *Юлій Цезарь*». Такъ подвергся уничтоженію одинъ изъ лучшихъ трудовъ Карамзина — переводъ Шекспировой трагедіи *Юлій Цезарь*.

Результатомъ осмотра книжной собственности Новикова было то, что изъ принадлежавшихъ ему книгъ 1964 книги отданы были въ Академію, 5194 въ Университетъ, 18,656 сожжены.

Донесеніемъ 24 августа Прозоровскій испрашивалъ соизволенія Императрицы «не отсылать книгопродавцевъ къ суду, а обязавъ ихъ подписками, зачтя въ штрафъ четырехъ-мѣсячное запечатаніе книгъ, оныя повелѣтъ распечатать и имъ позволить производить продажу». Но вскорѣ Прозоровскій приказалъ Московскому Городскому Магистрату «въ самой скорости сдѣлать надъ книгопродавцами рѣшеніе по законамъ». Въ Магистратѣ нашлось одно лицо, (младшій членъ онаго Захаръ Горюшкинъ, впоследствии профессоръ Московскаго Университета), которое на основаніи дѣйствовавшихъ законовъ старалось доказать, что книгопродавцы за свою вину подлежатъ довольно легкому наказанію. Большинство членовъ Магистрата было другаго мнѣнія. Сдѣлавши строгій выговоръ смѣлому адвокату московскихъ книгопродавцовъ, Прозоровскій сталъ ожидать Высочайшаго рѣшенія по ихъ дѣлу. 27 октября 1795 года преемникъ Прозоровскаго Генераль-Губернаторъ Измайловъ просилъ увѣдомить его о Высочайшей волѣ относительно виновныхъ. По случаю рожденія В. Кн. Николая Павловича имъ объявлено было помилованіе.... 11 ноября 1796 года императоръ Павелъ I повелѣлъ освободить Новикова изъ заключенія. Тургеневу, Лопухину, Трубецкому разрѣшенъ былъ вѣздъ въ столицы.

Новиковъ вышелъ изъ Шлюссельбургской крѣпости почти нищимъ. Долги его были неоплатны. На него со всѣхъ сторонъ посыпались взысканія. Относящіяся къ этому дѣлу документы будутъ напечатаны въ слѣдующемъ томѣ «Лѣтописей».

1.

Всемиловѣйшая Государыня!

Спѣшу Вашему Императорскому Величеству съ симъ нарочнымъ всеподданнѣйше донести, что Высочайшій Вашего Величества указъ отъ 13 сего апрѣля я удостоился получить 18 тогожь теченія къ вечеру; но исполненіемъ пріостановился для 21 числа, дня дражайшаго для насъ рожденія Вашего Императорскаго Величества. А между тѣмъ скромно старался я развѣдать, нѣтъ ли означенной въ указѣ Вашего Величества книги въ продажѣ въ Москвѣ, въ лавкахъ. И такъ я поручилъ одному довѣренному мнѣ челоуѣку изъ благородныхъ людей, — не сказывая однако болѣе, что я слышалъ, что продается будто какая-то книга о раскольникахъ, — чтобы онъ съѣздилъ посмотрѣть и купить для меня по лавкамъ, который купилъ мнѣ о раскольникахъ книжку церковной печати, и я оную здѣсь на усмотрѣніе Вашего Величества прилагаю; но сія есть другая. Однако я просилъ Оберъ-Прокурора Конторы св. Синода Гурьева, чтобы сказалъ мнѣ, въ Синдской ли Типографіи она печатана; но еще отвѣтствія не получилъ. А тутъ-же оной купилъ изъ числа запрещенныхъ Вашимъ Величествомъ книгъ *Новая Киропедія*, почему и заключилъ я, что Новиковъ, опять вновь напечатавъ ихъ, выпустилъ; а прежніе въ Синодальной Конторѣ поставлены за печатью. А 21 числа, далъ наставленіе совѣтнику Уголовной Палаты Алсуфьеву, какъ надежнымъ я его почелъ ко исполненію сей комисіи, а съ нимъ назначилъ людей надежныхъ же, губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Данилова и засѣдателя верхняго земскаго суда Писарева съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобы по окончаніи осмотра и его, Николая Новикова, съ собою привезли ко мнѣ, которыя къ вечеру отправились въ деревню Новикова верстахъ въ 60 отъ Москвы въ Никитскомъ уѣздѣ.

На другой день, созвалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера и полицейместера, которымъ поручилъ прямо отъ меня ѣхать осмотрѣть близъ Сухаревой башни ихъ Типографію. Прокурору Колычеву съ однимъ частнымъ приставомъ Ивановымъ поручилъ осмотрѣть лавку и магазинъ книгъ евожь, Новикова, и въ евожь домѣ у Никольскихъ воротъ совѣтнику ка-

зенной палаты Буланину съ двумя частными приставами Семеновымъ и Пименовымъ осмотрѣть всѣ вольныя лавки книжныя, въ которыхъ во всѣхъ нашли всѣ запрещенныя Вашимъ Величествомъ книги; но только въ каталогахъ не означены, а скрытно продавались. Равно въ лавкѣ у Никольскихъ воротъ, тожъ въ магазинѣ и въ домѣ бывшемъ графа Гендрикова оныя найдены. Я лавки всѣ вообще запечаталъ и книгопродавцовъ взялъ подъ стражу и иныхъ допрашивалъ; они сперва не хотѣли сказывать, что брали у Новикова, а потомъ призналися, а особливо прикащикъ Новикова, племянникъ умершаго Никиты Павлова и съ нѣкоторымъ достаткомъ, во всемъ чистосердечно признался и показалъ, что у нихъ сіи книги есть еще на Гостинномъ дворѣ и за Москвою рѣкою, въ старомъ Монетномъ Кадашевскомъ дворѣ, что нынѣ суконная фабрика, гдѣ они всѣ и запечатаны. И по его показанію всѣхъ таковыхъ книгъ по ихъ цѣнѣ на 5000 рублей, но вновь ли они печатаны, онъ не знаетъ, какъ онъ третій только годъ у Новикова прикащикомъ при домѣ на Никольской улицѣ и отъ него ихъ получилъ изъ магазину Типографіи. Но, кажется, нѣтъ, Всемилостивѣйшая Государыня, сумнѣнья, чтобы они не были послѣ запечатанья вновь тиснены, или тогда полиція худо осмотрѣ имъ здѣлала. Съ негожь взято двѣ подписки во время главнокомандованія графа Брюса о другихъ еще книгахъ, которыя по указужь Вашего Величества запечатаны и оставлены въ лавкѣ его въ коробахъ, которыя и теперь находятся: что впредь таковыхъ книгъ въ тисненье не давать и не торговать. Потомъ предмѣстникъ мой Петръ Дмитриевичъ Еропкинь подобную той взялъ росписку съ него, гдѣ подписались еще Гамалей и прочія члены, и объявленъ указъ Вашего Величества, что, впредь естли противъ онаго поступить, лишается права имѣть Типографію. Въ пополненіе и то вольные книгопродавцы объявили, что они ихъ и по ярманкамъ возили продавать. Примѣчанья и сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, достойно, что означенный прикащикъ Кольчугинъ объявилъ притомъ мнѣ, что онъ оставилъ расколъ и подаль прошеніе здѣшнему митрополиту о приобщеніи его къ нашей церкви. Какъ же всѣ сіи книгопродавцы подвергли себя по законамъ Вашего Величества жестокому наказанію и ссылкѣ,

а какъ ихъ будетъ болѣе десяти человѣкъ; для чего и удержался я ихъ отсылать къ суду, и велѣлъ подробно разобрать ихъ лавки и всѣ непозволенные книги отобрать. А не соизволители повелѣть, Всемилостивѣйшая Государыня, положить изъ милосердія какой-либо на нихъ штрафъ? А только будутъ содержаны до окончанія дѣла прикащикъ и сидѣльцы книжной лавки Новикова.

Вчера съ пополудни возвратился совѣтникъ Алсуфьевъ съ его товарищи и привезъ многія письма и не мало напечатанныхъ книгъ; но какъ тамъ ниже малой Типографіи не нашлось такъ и буквъ церковныхъ, такъ равно и въ Типографіи его въ Москвѣ таковыхъ буквъ не отыскалось. Бумагъ же доставлено ко мнѣ не мало и я все, Государыня, не имѣлъ время разсмотрѣть, а только что въ вечеру по поверхности ихъ разсматривалъ. И тутъ все масонскія бумаги и кажется, что секты *розенкрейцъ*. А его съ собой за тѣмъ не взялъ совѣтникъ Алсуфьевъ, что онъ его нашелъ нездоровымъ, а его неожиданнѣйшій прїездъ сдѣлалъ въ немъ великую революцію, а особливо какъ начали письма пересматривать, то онъ падалъ почти въ обморокъ отъ чрезвычайныхъ спазмовъ. При немъ есть докторъ Багрянскій, который отъ нихъ былъ въ чужихъ краяхъ и прошлаго году прїѣхалъ и коллегіей медицинской признанъ докторомъ, и еще лѣкарь отставной отъ службы, то Алсуфьевъ поручилъ его городничему съ командой. Но какъ городничій не очень человѣкъ надежный, то я вчера съ вечера отправилъ туда майора гусарскихъ ескадроновъ, князя Жевахова, офицера исправнаго и надежнаго, съ 12 гусарами, съ однимъ оберъ- и ундеръ-офицеромъ и капраломъ, который сего утра рано долженъ быть тамъ, приказалъ ему, какъ болѣзнь Новикова позволить, привезти его сюда. А тогда посажу его подъ карауломъ въ домъ его на Никольской, какъ сей домъ близъ самаго подворья, гдѣ Тайная Экспедиція находится; да во ономъ домѣ и поставленъ уже караулъ при офицерѣ для стражи дому и книгъ. А въ видѣ томъ сіе я сдѣлалъ, какъ ожидалъ прибытія Новикова. Но какъ несомнѣнно по бумагамъ масонскимъ должно будетъ быть слѣдствію не малому, то всенижайше прошу Вашего Величества, чтобы всемилостивѣйше изволили прислать къ сему слѣдствію

въ помощники мнѣ тайнаго совѣтника Шешковскаго, какъ къ таковымъ производствомъ пріобыкшаго. Секретарь же Тайной Экспедиціи, хотя человекъ добрый и трудолюбивый, но не одаренъ натурой для таковыхъ изворотливыхъ слѣдствій, о чемъ и Шешковскій знаетъ. А я теперъ осмѣлился къ разсмотрѣнію бумагъ присоединить къ себѣ губернатора Лопухина, ибо всѣ почти немалыя тетради, тожь и прочія исполненія по сей комисіи ему поручены.

Между прочимъ близъ Сухаревой башни въ домѣ Типографіи найдены двѣ библіотеки въ довольномъ числѣ книгъ на разныхъ діалектахъ, въ числѣ котормъ, сказываютъ, есть старинныхъ авторовъ: принадлежать оныя — одна умершему Шварцу, а другая Николаю Новикову или компаніи ихъ: то что со оными повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, здѣлать? А права Типографіи они лишены быть должны, да и всѣ напечатанныя уже книги должно разобрать, на что требуется время немалое, и по отобраніи запрещенныхъ книгъ, что съ прочими повелите здѣлать? Компаніиль сей отдать или какъ преступившихъ Высочайшія Вашего Величества повелѣнія конфисковать и съ публичнаго торгу продать въ пользу Приказу общественнаго призрѣнія? Женажь Шварцова съ дѣтьми находится въ домѣ Типографіи, гдѣ и полковникъ Гамалей и братъ Новикова жительство имѣютъ. На что все буду всеподданнѣйше ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

24 апрѣля 1792 года.

2.

Секретно.

Порутчикъ Николай Новиковъ, изъ Никитска сего апрѣля 25 числа доставленный, въ домѣ главнокомандующаго о ниже слѣдующемъ показалъ.

Вопросъ. Какъ помянутый Новиковъ по общему объ немъ свѣдѣнію есть человекъ, не стяжавшій никакого имѣнія ни рожденію его, ни по наслѣдству, ниже другими извѣстными и законными средствами; а нынѣ почитается въ числѣ весьма достаточныхъ людей, наипачеже знатными зданіями и заведеніями; то откуда онъ и какимъ образомъ все то пріобрѣлъ?

Отвѣтъ. Сначала когда принялъ Университетскую Типографію, было еще у него обще съ братомъ наслѣдственного послѣ отца имѣнія въ Мещовскомъ уѣздѣ двѣсти пятьдесятъ душъ, которую продали Тютчеву за осмнадцать или за двадцать тысячъ, не упомнить, которыя на принятіе Университетской Типографіи обращены. Отъ Типографіи получалъ первые годы доходъ онъ одинъ и черезъ четыре или пять лѣтъ имѣлъ онъ въ книгахъ капиталу до полутора ста тысячъ рублей. Вторыя онъ пять лѣтъ содержалъ съ компанією, которою принято книгъ на восемьдесятъ тысячъ за заплатою его долговъ изъ числа вышеписанной суммы.

Компанія состоитъ изъ 14 членовъ:

1. Князь Юрей Никитичъ
 2. Князь Николай Никитичъ
- } Трубецкіе.
- положили капиталъ около 10,000 рублей.
3. Князь Алексѣй Александровичъ Черкасской — помнится, 5 или 6 тысячъ положили;
 4. Иванъ Петровичъ Тургеневъ положилъ 5 тысячъ;
 5. Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ далъ 3 тысячи;
 6. Баронъ Шрейдеръ Прусской націи служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку порутчикомъ, а теперъ въ чужихъ краяхъ — положилъ 3500 рублей.
 7. Василей Васильевичъ Чулковъ — 5 тысячъ.
 8. Семень Ивановичъ Гамалея — безъ капиталу.
 9. Князь Енгальчевъ — безъ капиталу.
 10. Алексѣй Ѳеодоровичъ Ладыженской положилъ 5 тысячъ рублей.
 11. Петръ
 12. Иванъ
- } Володимеровичи Лопухины больше всѣхъ положили въ капиталъ, около 20 тысячъ.
13. Братъ Новикова.
 14. Онъ Новиковъ.

Упомянуто выше, что книгъ на 80 тысячъ отъ обоихъ.

На сей капиталъ съ получаемою на оный прибылью и съ кредитомъ построили строеніе и протчія завели заведенія.

Со ста двадцати душъ получаемый доходъ и занятыя дватцать тысячъ употребилъ онъ на строеніе въ деревнѣ, имѣя въ своихъ дачахъ камень, лѣсъ и другой матеріалъ; деревня была заложена въ Воспитательный домъ, а потомъ выкупилъ

прошлаго года занявши у Походяшина безъ процентовъ и безъ закладу и безъ всякаго обязательства 50,000; Походяшинъ же ему знакомъ, но ничѣмъ обязанъ не былъ.

На Компаніи состоитъ долгу разнымъ людямъ, которымъ и долговья обязательства нѣсколько лѣтъ переписываются, болѣе 300,000 рублей; часть долгу подъ закладъ имѣнія Черкаскаго, Кутузова, стапятидесяти душъ и оба дома, общей одинъ въ Воспитательномъ домѣ, а другой въ партикулярныхъ рукахъ, а протчіи долги по векселямъ.

Имѣніе все Компаніи состоитъ въ тѣхъ домахъ и книгахъ, а денегъ очень немного въ оборотѣ. Домъ, Типографія, аптека стали Компаніи около полутораста тысячь. А въ деревнѣ его строеніе стоитъ одного денежнаго платежа, тысячь дватцать или двадцати пяти; домъ на Никольской прежде принадлежалъ ему, а теперъ Компаніи; оный стоилъ съ передѣлкою тысячь тридцать.

Вопросъ. Найдены мною въ лавкахъ вашихъ и въ другихъ мѣстахъзапрещенныя Ея Императорскимъ Величествомъ книги. Для чего вы продавали оныя въ противность Высочайшаго указа за данными вами подписками?

На что отвѣчалъ:

Что онъ тѣ книги изъ прежде напечатанныхъ отдалъ съ прочими книгами, прикащику своему Московскому купцу Колчугину съ тѣмъ, чтобы оныя продавать, въ чемъ и признаеть свою вину.

Вопросъ. Какой предметъ былъ печатать книги, большою частію толкующія священное писаніе, которыя по Высочайшему указу печатать должно отъ Синода; а во оныхъ много противнаго богословію толкуется: то съ какимъ памѣреніемъ книги сіи издавали? какъ и вновь переведенныя найдены книги всѣ духовныя?

Сначала печатали книги разныя, а послѣ примѣтя, что духовныя болѣе выходятъ, начали ихъ больше и печатать; а впротчемъ, когда онъ былъ содержатель Университетской Типографіи, тогда духовныя цензировали; когда же заведены вольныя Типографіи, тогда духовные чины не стали принимать цензировать, а онъ отдавалъ оберъ-полицеймейстеру и

университетскому цензору; прежде же цензоры не имѣли въ подписываніи на книгахъ нынѣшней формы, а отмѣчали только въ началѣ книги, что печатать дозволяется.

Къ сему показанію Поручикъ Николай Ивановъ сынъ Новиковъ руку приложилъ.

3.

Секретно.

Всемиловѣйшая Государыня!

Послѣ отправленія моего 24 сего апрѣля всеподданическаго къ Вашему Императорскому Величеству донесенія, посланнымъ отъ меня маіоромъ княземъ Жеваховымъ Новиковъ вчера въ вечеру ко мнѣ доставленъ, и я его вопрошалъ въ силу Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, гдѣ онъ пріобрѣлъ имѣнія, а къ тому открывшіяся обстоятельства. И мучась съ нимъ болѣе трехъ часовъ, не могъ больше добиться, какъ что изъ прилагаемаго здѣсь въ копіи его вопроса увидѣть соизволите. Таковаго коварнаго и лукаваго человѣка я, Всемиловѣйшая Государыня, мало видалъ; а къ тому же человѣкъ натуры острой, догадливой и характеръ смѣлой и дерзкой: хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается; весь его предметъ только въ томъ, чтобъ закрыть его преступленія. И съ великимъ трудомъ довести я его могъ, что онъ признался, что запрещенныя книги продавать велѣлъ и то тогда, когда я для улики прикащика его привести хотѣлъ: притворяется такъ, что прежде посланный совѣтникъ Алсуфьевъ съ товарищи увѣрились, что онъ опасенъ въ жизни, и онъ просилъ ихъ, чтобъ его исповѣдать и причастить. Но на сіе Алсуфьевъ не согласился. А маіоръ Жеваховъ сказываетъ, что все падалъ въ обмороки, а у меня при распросѣ началъ такъ притворяться, что онъ будто въ изнеможеніе приходитъ. Но я ему сказалъ, что сіе излишне: хотя онъ можетъ нездоровъ, но не такъ слабъ, а позволилъ ему съesty и сказывать отвѣты свои секретарю. И я признаться долженъ предъ Вашимъ Величествомъ, что я одинъ его открыть не могу: надо съ нимъ сидѣть по цѣлому дню, а то онъ шепчетъ, слово скажетъ, другаго искать будетъ. Я и по масонству его которыя читалъ бумаги, спрашивалъ, но онъ все от-

вѣчалъ такъ, что недостойно и писать, то есть въ генеральномъ словѣ: все хочеть закрыть. То осмѣлюсь сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, что кромѣ Тайнаго Совѣтника Шешковскаго правды изъ него ничего не свѣдаешь, да и ему надо довольно потрудиться. Севодни въ вечеру еще его въ пополненіе допрашивать буду. Съ нимъ пріѣхалъ докторъ, о которомъ я Вашему Величеству упоминалъ въ предъидущемъ донесеніи. А такъ какъ онъ боленъ или притворяется, посадилъ и съ докторомъ подъ стражу въ домъ его и майора князя Жевахова приставилъ главнымъ смотрителемъ. Да и паче потому въ Тайную Экспедицію не послалъ, что Ваше Величество въ Высочайшемъ указѣ повелѣтъ изволили: естли откроются буквы, то взять его подъ присмотръ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

26 апрѣля

1792 г.

4.

Московскій купецъ 2-й гильдіи Никита Никифоровъ сынъ Кольчугинъ, прикащикъ Новикова, торгующій въ книжной лавкѣ въ домѣ Новикова, состоящемъ за Никольскими воротами, допросомъ показалъ: Что онъ находится въ числѣ старообрядцовъ; а нынѣ подалъ здѣшнему митрополиту просьбу, чтобъ его присоединить къ православной церкви россійской. Прежде онъ имѣлъ торгъ въ москотильномъ ряду, а потомъ тотъ торгъ, яко малоприбыточный, перемѣня, производилъ уже торгъ книгами, получая оныя изъ Санктпетербургской Академіи наукъ и изъ типографіи Новикова за деньги и на кредитъ. Для чего и имѣлъ здѣсь три лавки на Никольской улицѣ: въ одной самъ сидѣлъ и торгъ производилъ до 790 года, въ другихъ двухъ лавкахъ сидѣльцы. А какъ посредствомъ сего торгоу познакомился онъ съ Новиковымъ и, получа отъ него разныя выгоды, перешелъ къ нему въ домъ въ прикащики, а въ своей лавкѣ оставилъ сидѣльцовъ. Принявши прикащичью должность и взявъ въ свое вѣдомство книжныя лавки и книжной магазинъ, принималъ отъ Новикова книги въ продажу

изъего типографіи, что въ домѣ, бывшемъ гр. Гендрикова, въ числѣ которомъ и запрещенныя книги отданы были ему въ продажу. Отдаваныжь оныя ему были отъ прикащиковъ, тамо находящихся, по повелѣнію Новикова, въ чемъ онъ и росписку представилъ, данную ему отъ прикащика его Алимпія Иванова сына Панина, которыя онъ и продавалъ, а въ публичный каталогъ ихъ не вносилъ, для того, что онѣ были запрещенныя; а между прочимъ и во всѣ лавки сіи книги отпускалъ онъ торгующимъ за деньги и на кредитъ. А сколько числомъ оныхъ, не упомнить, а по собраніи тѣхъ книгъ можетъ онъ узнать и о ихъ количествѣ. И признавая вину свою предъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ томъ проступкѣ, откровенно объявилъ, что всѣ книги запрещенныя хранились кромѣ магазина на Солянѣмъ дворѣ и въ Кадашевскомъ домѣ, гдѣ суконная фабрика, а всѣхъ запрещенныхъ книгъ въ приемѣ у него было 3598; изъ лавкижь и изъ магазина продано оныхъ, какъ примѣрно онъ считаетъ, третья часть; а всякаго званія книгъ распродало было въ годъ, какъ онъ считаетъ, тысячъ на 25 и болѣе; ежели на 25,000 продано, то, считаетъ онъ, было барыша 15,000. А по возвышенію продажи и барышъ соразмѣрно приумножался. Въ разсужденіи долгу на бывшей Компаніи, котораго простирается за 300,000 р., не считаетъ онъ, чтобы книгопродажею было великое имъ подкрѣпленіе, какъ натурально, что они и за долги платятъ проценты. И сія Компанія была уже въ самомъ, такъ сказать, разстроенномъ положеніи; но нынѣ заводчикъ Походяшинъ, распродавъ свой заводъ, положилъ, какъ онъ слышалъ, до 300000 своихъ денегъ. Изъ прежней же Компаніи кто сколько клалъ въ капиталъ, онымъ даны векселя къ возврату имъ положенной суммы, и такъ оныя нынѣ въ заведеніи семъ не участвуютъ, а принадлежитъ все оное, какъ и оба дома, бывшій гр. Гендрикова и другой, что на Никольской, Новикову и Походяшину. А каковъ уже между ними былъ расчетъ въ книгахъ, того онъ подробно не знаетъ. Походяшинъ же побужденъ употреблять на все сіе свое имѣніе, яко онъ находится въ числѣ ихъ братства, и теперъ живетъ въ Москвѣ. Его члены сей шайки не выпускаютъ почти изъ виду и обираютъ, сколько возможность позволяетъ. Хотя утвердительно

онъ сказать не можетъ, но однакожь не считаетъ, чтобъ запрещенныя книги были печатаны вновь послѣ запретительнаго Ея Императорскаго Величества указа; но они при осмотрѣ были скрыты, такъ какъ и нынѣ Новиковъ велѣлъ ему содержать ихъ въ разныхъ мѣстахъ для того единственно, что естли впредь будетъ осмотръ, то чтобы они опять могли быть сохранены: то онъ ихъ и положилъ, какъ выше значить, на Солянномъ дворѣ и на Кадашевскомъ дворѣ. Впрочемъ извѣстно ему, что и въ недавномъ времени были печатаны книги такогоя содержанія духовнаго и ихъ ордена, но какія именно, онъ не знаетъ. А сверхъ того Лѣтописецъ Дмитрія Ростовскаго позволено было отъ правительства распродать, но впредь не печатать; однакожь они опять ее начали недавно печатать. Притомъ утверждаетъ онъ, что подковникъ Гамалѣй, хотя тамъ и живетъ, но онъ непосредственно тѣмъ не управляетъ заведеніемъ, а управляетъ ассесоръ Аничковъ и батырщикъ Ильинскій, аптекоюжь управляетъ живущій тамъ докторъ Френкель. Онъ же Кольчугинъ, примѣчая ихъ непозволенные обороты, хотѣлъ отойти отъ нихъ и болѣе года просилъ, чтобы съ нимъ разошлись и оставался единственно, что не сдѣлали съ нимъ расчета до сего времени. И въ семь допросъ показалъ самую сущую правду, какъ долгъ сушаго христіанина и вѣрноподданнаго Ея Императорскаго Величества обязываетъ.

5.

Наборщикъ Степанъ Ильинской показалъ:

1. Назадъ тому два года печатана была книга Метафизика въ 3-хъ частяхъ, которой напечатано триста экземпляровъ и хранится она нынѣ у типографщика Салькова въ домѣ Гендриковскомъ.

2. Моральной Катехизисъ печатанъ въ нынѣшнемъ году, а отданъ былъ въ типографію Иваномъ Владимировичемъ Лопухинимъ, и хотя онъ, Ильинской, отговаривался отъ печатанія, но Лопухинъ сказалъ ему, что онъ долженъ печатать, что велеть; а притомъ далъ ему, противъ прочихъ печатаемыхъ книгъ, большую плату, и обѣщаль исходатайствовать

офицерской чинъ, почему имъ той книги и отпечатано двѣсти экземпляровъ, которые и взяты имъ Лопухинымъ; и гдѣ онъ ихъ дѣвалъ, не знаетъ.

3. На Французскомъ языкѣ книга *Origina* дана въ печать Новиковымъ и по отговоркѣ его, Ильинскаго, отъ печатанія оной Новиковъ платилъ ему за каждой листъ по два рубли; при печатаніи же, какъ онъ французскаго языка не знаетъ, корректуру правилъ находящійся въ домѣ Новикова докторъ Багрянской.

4. Назадъ тому года четыре печатана *Христіанская ручная книжка* 1-я часть. Гдѣжь она находится, или отдана въ продажу,—не знаетъ. Сверхъ того сказывалъ ему, Ильинскому, наборщикъ Серебrenицкой, что назадъ тому года два печатаема была имъ книга *Посланіе Іакова* и говорилъ, что очень хороша; однако онъ, Ильинской, ея не читалъ и, гдѣ она находится, не знаетъ; а, какъ тогда типографщикомъ былъ Сальковъ, то онъ болѣе о семъ извѣстенъ.

Болѣе жъ онъ, Ильинской, о книгахъ ничего не знаетъ.

6.

Дополненіе къ допросу Новикова.

По показанію вашему Компания собрала деньгами 57,500 рублей; вашъ же капиталъ съ братомъ 80,000 р. былъ въ книгахъ; а заведенія ваши по показанію вашему стоятъ 180,000 рублей. Хотя сію сумму положили въ невелику, однакожь и тутъ превосходитъ она капиталъ 122,500 рублями. Но отсылаете вы сіе на долги ваши слишкомъ 300,000 рублей. Положите 320,000 рублей; со оныхъ полагая по 6 процентовъ, сочиняетъ въ годъ уплаты 19,200 руб. Сверхъ того при ономъ заведеніи потребно на содержаніе смотрителей и работниковъ, тожь на заготовленіе матеріаловъ, слѣдственно примѣрно полагать должно, что въ годового доходу должны имѣть 40,000 рублей, а судя по множеству въ магазинъ книгъ и давно напечатанныхъ расходъ оныхъ великъ быть не долженъ, а аптека развѣ одна вамъ приноситъ доходъ? То сей пунктъ объясните.

Къ 1 пункту. Во объясненіе сего пункта, по причинѣ кажущагося малымъ капитала нашего къ производству заведеній, нами учиненныхъ, нижайше представляю слѣдующее: 1) Что домъ Никольской купленъ мною уже былъ прежде составленія компании, по покупкѣ же заложенъ былъ мною же, а равно и перестроенъ; въ компанію же вступилъ готовый и она на него капитала не употребляла. 2) Что расходъ на учиненныя заведенія употребленъ былъ нами не вдругъ, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, да и то по частямъ; а потому и была удобность къ оборотамъ и производству всего дѣла. 4) Вступившія отъ меня въ капиталъ компании книги, хотя и не составили тотчасъ капитала денежнаго; но однако и служили они великимъ пособіемъ въ производствѣ дѣла, потому что они отданы мною въ компанію не по продажной цѣнѣ, но за 25 коп. рубль; слѣдовательно и выручка денежная была не малая. 4) Наличныя деньги, приходившія вдругъ и по большей части прежде употребленія расхода вступившія, были великимъ пособіемъ къ производству дѣла. Они суть слѣдующія: 1) за московскія вѣдомости и журналы, при нихъ издаванныя, вступали всѣ съ начала года; 2) за напечатаніе разныхъ извѣстій при газетахъ; 3) за печатаніе постороннихъ книгъ, какъ то на щетъ кабинета Ея Императорскаго Величества, такъ и разныхъ партикулярныхъ людей, которыхъ бывало печатано у насъ много, и за которыя по напечатаніи тотчасъ получали всю сумму съ великою выгодною; 4) за печатаніе разныхъ особыхъ объявленій при газетахъ, также разныхъ же особыхъ мѣлкихъ піесъ, какъ то: объявленій театральныхъ, маскерадныхъ и другихъ, векселей для купеческихъ канторъ, питейныхъ контрактовъ, ярлыковъ, билетовъ и протчихъ мѣлкихъ извѣстій, которыя всѣ по причинѣ ихъ множества и малаго расхода въ матеріалахъ на нихъ употребляемаго, приносили прибыли весьма много; а такихъ напечатаній весьма бывало много въ нашей типографіи, по причинѣ довѣренности публики къ исправному, хорошему, наипаче же къ отмѣнно скорому исполненію поручаемыхъ намъ работъ. Такъ что можно сказать завѣрное, что нѣсколько лѣтъ типографія наша была почти единственною въ цѣломъ государствѣ для большей части типографскихъ работъ

изъ присутственныхъ мѣстъ и партикулярныхъ людей; и по такому то умноженію работъ и типографія наша по временамъ увеличивалась и дошла до совершенства, въ какомъ она прежде не была. 5) Книги, печатанныя нами по сускрипціи, доставляли знатныя наличныя суммы денегъ и коихъ у насъ ежегодно бывало много; 6) Продажа собственныхъ нашихъ книгъ, наипаче школьныхъ и учебныхъ, бывшихъ нѣсколько лѣтъ почти во всеобщемъ употребленіи, доставляла немалыя суммы; а наипаче по дѣланной нами уступкѣ и отдаванію въ сроки.

5) Сверхъ всего донесеннаго и слѣдующее дѣлало намъ немалыя выгоды и доставляло способность въ оборотахъ: 1) промѣнъ собственныхъ нашихъ книгъ на книги другихъ типографій; 2) платежи нашими книгами кредиторамъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, за братья нами разныя матеріалы.

6) Что же касается до многоаго числа книгъ, въ магазинѣ лежащихъ, то осмѣлюсь представить, что мы ходячихъ и надежныхъ книгъ печатали по многу и по нѣскольку разъ; для примѣра донесу объ одной: *юридической словарь* печатали, ежели не ошибусь, три или четыре раза, и помнится тысячи по три экземпляровъ.

7) Годовыя доходы отъ всего донесеннаго, хотя были неравны, но кажется мнѣ, сколько могу упомянуть, что гораздо превышали сумму 40,000 руб., а въ нѣкоторыя годы едвали не возвышались и слишкомъ въ двое.

8) Долги наши возрастали не вдругъ, но по нуждѣ и временамъ.

9) Что касается до аптекарскихъ доходовъ, то объ нихъ ничего сказать не могу, сколько они приносили выгоды для того, что аптека поручена въ особое смотрѣніе и о сихъ счетахъ весьма недостаточное имѣлъ свѣдѣніе, потому что по причинѣ ежегодныхъ моихъ, уже нѣсколько лѣтъ, продолжительныхъ болѣзней, не могъ я входить въ разсмотрѣніе сихъ счетовъ.

Показали вы мнѣ, что духовныя книги печатаны прежде Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа 786 года, а послѣ будто не печатали; но у васъ найдены въ деревнѣ въ противность того указа напечатанныя многія книги,

которымъ здѣсь реестръ прилагается; ¹⁾ а годъ ихъ тисненія не означенъ: то для чего ихъ печатали? по вашему ли повелѣнію или другихъ директоровъ вашей типографіи и на какой конецъ оныя въ деревню къ вамъ привезены были?
 Къ 2 пункту. Всенижайше доношу:

¹⁾ Реестръ книгамъ, взятымъ безъ переплету изъ деревни Г-на Новикова: 1) *Магазинъ свободно-каменщицкой*, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія стихами и прозою. Москва, 1784 въ типографіи Лопухина съ указнаго дозволенія; 2) *Вольнокаменщицкія рѣчи*, говоренныя въ собраніяхъ златаго розоваго креста древня системы; 3) *Преложеніе соборнаго посланія св. апостола Іакова*; 4) *Духовный путевказатель*, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей и къ приведенію ея внутреннимъ путемъ къ совершенному созерцанію и ко внутреннему миру. Часть I. Москва. Въ тип. Лопухина съ указнаго дозволенія. 1784. 5) *Колыбель камня мудрыхъ*, описанная неизвѣстнымъ шевалье на французскомъ языкѣ, а на нѣмецкій переведена І. А. М. С. Москва. Въ той же типографіи 1783; 6) *Избранная библіотека* часть II, изданіе второе, или новое начертаніе истинныя теологіи, въ которой ученіе спасенія въ новомъ свѣтѣ представлено ко славу Бога и ко всеобщему назиданію съ письмомъ, приписаннымъ всѣмъ чловѣкамъ; 7) *Начертаніе всеобщаго нравовъ исправленія чрезъ соединеніе всѣхъ върующихся* съ письмомъ посвященнымъ всѣмъ владыкамъ, теологическое и нравственное исправленіе часть 2-я; 8) *Избранная библіотека* часть I, нѣсколько сочиненій о тріединствѣ божіи и о примиреніи; 9) *Собраніе разныхъ пѣсней, ко умиленію души служащихъ*. Часть 1. Москва. Въ тип. И. Лопухина съ указнаго дозволенія. 1785; 10) *Тайна творенія по видимымъ и невидимымъ чудесамъ его*; 11) *Новое химическое свѣтило, изъ источника природы и ручнаго опыта почеркнутое* съ присовокупленіемъ философской притчи и разговора между алхимистомъ, Меркуріемъ и Натурою. Сочиненіе Михаила Сенидвогій. Москва. Въ т. И. Лопухина съ указнаго дозволенія 1785; 12) *Магическій драгоценный камень*; 13) Часть первая *О рожденіи и рожденіи натуральныхъ вещей*; 14) *Духъ масонства*, нравоучительныя и истолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона; 15) *Соборное посланіе Св. ап. Іакова* съ толкованіями и прижѣчаніями относительно ко внутренней жизни; 16) *Таинство креста Іисуса Христа и членовъ его*. 17) *Простосердечное наставленіе о молитвѣ*; 18) *Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе*; 19) *Іоанна Ардта О истинномъ христіанствѣ, шесть книгъ* съ присовокупленіемъ Райскаго Вертограда, переводъ съ нѣмецкаго. Часть I. Печатаны въ Москвѣ въ вольной типографіи И. Лопухина съ указнаго дозволенія 1784; 20) *Библейскій и эмблематическій словарь*; 21) *Должности братьевъ Э. р. к. древня системы*, говоренныя Хризофирономъ въ собраніяхъ юниоратскихъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ. Москва. У Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1784; 22) *Преложеніе псалмовъ Св. пр. и царя Давида*, по нѣмецкому переводу, 1785 г.; 23) *Темный міръ*, книга первая; безъ начала съ 81 листа до 176, конца также нѣтъ.

1) Книги, означенныя въ реестрѣ, сколько могу упомнить, печатаны всѣ до состоянія Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа въ 1786 годѣ.

2) У которыхъ годъ ихъ тисненія не поставленъ, тѣ еще не совсѣмъ были допечатаны; а нѣкоторыя еще и въ половинѣ остановлены;

3) Печатаны были сіи книги по согласію всѣхъ членовъ, имѣвшихъ вліяніе въ дѣла; а въ которой типографіи именно которая книга печатана, не упомню.

4) Всѣхъ сихъ книгъ печатано было по малу: въ продажѣ никогда не было изъ нихъ ни одного экземпляра; но только весьма малое число сихъ книгъ разошлось между собою.

5) Почувствовавъ Монаршій гнѣвъ Ея Императорскаго Величества, убоились мы, и отъ страха свезены они были въ деревню, дабы сокрыть ихъ.

6) Совсѣмъ не было намѣренія ни у одного изъ насъ когда нибудь выпускать сіи книги въ публику; но печатали единственно съ тѣмъ, чтобы хранить у себя и давать оныя только тѣмъ изъ масоновъ, которые имѣли бы склонность къ познаніямъ сего рода.

Вообще же при намѣреніи печатать сіи книги, не было у насъ никакого злаго намѣренія, даже нималѣйше худаго; но единственно почитая ихъ полезными для собственнаго нравственнаго противъ вольнодумства исправленія и употребленія тѣхъ изъ масоновъ, которые иностранныхъ языковъ не знаютъ.

Не дѣлая въ сокрытіи сихъ книгъ нималѣйшаго извиненія или оправданія, яко виновный, повергаю себя къ священнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ, испрашивая Монаршаго Ея Императорскаго Величества милосердія.

Книги запрещенныя вы продавать съ прочими позволили прикащику вашему, въ чемъ уже и извиненіе предъ Ея Императорскимъ Величествомъ приносите; а только увѣряете, что вы послѣ указа Ея Величества ихъ вновь не печатали, то какже вы могли такое великое число сокрыть? Объясните въ точности: слабостію ли это было осмотрщиковъ или вашею тонкостію? и кто вамъ въ семъ непристойномъ изворотѣ были сообщники?

Изъ 3 пункта. Всенижайше доношу:

1) Изъ сихъ книгъ: 1) Хризомандерь, 2) Карманная книжка, 3) Апологія, 4) Братскія увѣщанія, 5) Крата Репоя, 6) Химическая псалтырь, 7) о древнихъ мистеріяхъ и ежели еще есть не помню, конфискованныя въ первый разъ, а въ которомъ годѣ не упомню же, были осматриваны и отобраны только въ университетской книжной лавкѣ; и которыя переписаны, покладены и запечатаны печатью Московской Управы Благочинія и отданы подъ мое сохраненіе, которыя и нынѣ въ томъ коробѣ находиться должны въ лавкѣ. По всѣмъ же другимъ лавкамъ купцовъ, торгующихъ книгами какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, сіи книги отбираемы не были. Даже и въ нашемъ магазинѣ осмотру не было; а потому нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ и осталось помногу. Сіи оставшія книги отданы были купцу Кольчугину на сохраненіе и лежали у него очень долго, гдѣ не вѣдаю, безъ всякаго употребленія, не производясь въ продажу. Но послѣ, когда въ другихъ, не нашихъ, лавкахъ сіи книги продолжаемы были продажу, то по слабости и необмысленности по прозьбѣ торгующихъ позволилъ и я съ прочими книгами: у насъ же въ лавкѣ сіи книги продавать отъ меня запрещено было.

2) Что же касается до запрещенныхъ въ другой разъ книгъ, то тѣхъ изъ нихъ, которыя печатаны были у насъ:

1) Драгоценная канля; 2) Седмодневникъ; 3) Минятія третій томъ; 4) Предисловіе къ житію Енохову; 5) Златая книжица и еще какія не упомню: изъ сихъ книгъ ежели остались, то развѣ по скорости отбора и замѣшанности всего магазина, потому что разборъ дѣлали люди непривыкшіе и переносили изъ покоя въ покой безъ всякаго порядка, чѣмъ весь магазинъ смѣшанъ былъ и одна книга по нѣскольку разъ въ осмотръ приходила; послабленія же отъ осматривавшихъ не было никакого: ибо они отбирали по назначенному уже реестру. При семъ осмотрѣ, какъ магазинъ былъ въ разныхъ мѣстахъ съ лавкою, то нѣкоторыхъ изъ духовныхъ книгъ оставлено было для своего употребленія книгъ по 25 и по 50, а какихъ именно, не помню. Но сіи книги въ числѣ разрѣшенныхъ; кто же ихъ отбиралъ, не упомню. Всѣ сіи книги, какъ первыя, такъ и вторыя послѣ Высочайшаго запре-

щенія печатаны подлинно не были, ни одна книга. Не помня же вѣрно всѣхъ книгъ, и кто отбиралъ ихъ, не могу я никого назвать и сообщникомъ; но по сему пункту, гдѣ есть преступленіе себя одного, яко виновнаго, къ священнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ повергаю, испрашивая Высочайшаго Монаршаго Ея Императорскаго Величества милосердія.

7.

Всемиловѣйшая Государыня!

Въ дополненіе донесенія моего Вашему Императорскому Величеству по поводу преступленія Новикова, допрашивалъ я прикащика его книжной лавки и магазина въ домѣ его на Никольской, о которомъ я и въ предъидущемъ Вашему Императорскому Величеству донесеніи упоминалъ; который, давъ мнѣ обѣщанье все объявить, что знаетъ, по истиннѣ, я обнадѣжить его осмѣлился, Всемиловѣйшая Государыня, Высочайшею Вашего Императорскаго Величества милостію: что Ваше Императорское Величество, увидя его искреннее признаніе, по всегдашнему Вашего Императорскаго Величества къ подданнымъ милосердію, изволите уменьшить заслуженное имъ по законамъ наказаніе и, можетъ быть, и совсѣмъ простить преступленіе его соизволите. Равно допрашивалъ я одного сидѣльца и переплетчика той же лавки, о которомъ мнѣ сказалъ прикащикъ Кольчугинъ, что онъ давно у Новикова: то и сему таковую жь Высочайшую Вашего Величества милость обѣщать осмѣлился, дабы тѣмъ способомъ открыть скорѣе непопозволенные поступки Новикова; и допросы ихъ въ копіяхъ здѣсь всенижайше Вашему Величеству приобщаю; такожь копію и вторичнаго допроса Новикова, здѣланнаго мною чрезъ посланные къ нему пункты, здѣсь всенижайшежъ Вашему Величеству подношу; пункты оныя для того я къ нему посылалъ, что онъ сказывается нездоровымъ и чтобъ онъ своей рукой противъ оныхъ написалъ. Онъ долго сего не исполнялъ, но я обѣщалъ перевезть его въ Тайную Экспедицію и вѣсть ему давать не велѣлъ, то оной и исполнилъ. Но онъ все вертится къ закрытію своихъ важныхъ преступленіевъ, какъ сіе изъ допросу его усмотрѣть соизволите. Желалъ я достигъ, Все-

милостивѣйшая Государыня, печаталиль они вновь запрещенныя книги, по показанію упоминаемаго Кольчугина, что знать о томъ долженъ одинъ изъ церковнослужителей Степанъ Ильинской, какъ онъ наборщикъ при типографіи и смотритель одной части, и давно у него находится. Я велѣлъ привести его къ себѣ третьяго дни; но тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ сообщество ихъ принять и не хотѣлъ ничего говорить. И такъ я ему сказалъ, что «я тебя принужу говорить правду» и отослалъ его при домѣ моемъ подъ стражу находящемуся караулу. А вчерашней день приказалъ директору моей канцеляріи и Тайной Экспедиціи секретарю его подробно допросить, которые его допрашивали и по допросѣ отослали въ караульную. Хотя прежде караульной унтеръ-офицеръ его осматривалъ, да, видно, худо: остался у него перочинной ножичекъ; онъ, выпросясь съ часовымъ на сторону, горло себѣ перерѣзалъ. Часовой бросился къ нему, онъ его оттолкнулъ и бросился въ н. . . . ; но часовой его выхватилъ. Лѣкаръ мой домовый зашилъ горло и надѣется, что будетъ живъ. Въ каковѣ зло, Всемилостивѣйшая Государыня, сей Новиковъ завелъ сихъ людей и наполнилъ ихъ вреднымъ фанатизмомъ! Но допросъ его здѣсь Вашему Величеству препровождаю. Показанной въ ономъ реэстрѣ о печатанныхъ книгахъ въ Типографіи при первомъ осмотрѣ оберъ-полицеймейстеромъ взяты; но вновь сихъ запрещенныхъ книгъ въ печатаніи не видно, а многія безъ цензуры печатаны, тожь по показанію часто упоминаемаго Кольчугина Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго печатанной, однакожь означенъ въ особой черной запискѣ. Сколько время позволило, рассматривалъ дѣла его Новикова, Всемилостивѣйшая Государыня; но тутъ много обстоятельствъ, по которымъ его должно спрашивать. Но ожидаю отъ Вашего Величества Высочайшаго на первое мое донесеніе указа и прибытія Тайнаго Совѣтника Шешковскаго. А передъ тѣмъ здѣсь Вашему Величеству донесу: видно уже, что они со многими или со всѣми чужестранными ложами имѣли сношенія; а Регенбургскую ложу называютъ матерью и видно по бумагамъ, что они оной Регенбургской ложѣ или другому кому, называющемуся вышнимъ главнымъ директоромъ А въ нѣкоторыхъ бумагахъ видно, что у нихъ

главныйъ есть начальникъ, о которомъ нижнихъ классовъ масоны не должны и спрашивать и что главные изъ нихъ утвердительно суть ордена розоваго и золотого креста и чину духовнаго. Они называютъ подчиненныя ложи епархіей. Одна бумага означаетъ, гдѣ въ Россіи ложи, но думаю, не всѣ. Какъ у нихъ разные есть директоры, то я копию со оной здѣсь Вашему Величеству всенижайше подношу; оригиналнагожь за тѣмъ не доставляю, что естли Ваше Величество прикажете произвести въ семъ слѣдствіе, то они будутъ нужны здѣсь.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

28 Апрѣля 1792 г.

Москва.

8.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вслѣдствіе отправленныхъ отъ меня къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшихъ донесеній по матеріи секты розоваго и золотого крестовъ ожидалъ я отъ Вашего Величества Высочайшаго рѣшенія; но, не удостоясь еще получить, разсудилъ съ симъ всенижайше къ Вашему Величеству сего курьера отправить. А между тѣмъ занимался я чтеніемъ великаго числа бумагъ по сей матеріи, и, что я изъ оныхъ могъ сообразить, всеподданнѣйше Вашему Величеству перечнемъ донесу: ибо сихъ бумагъ безъ поясненія Новиковымъ выполнить или точнаго свѣдѣнія взять невозможно. Въ печатныхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ бумагахъ видно, что въ 780-мъ и 781-мъ годахъ была переписка съ ложами французскими, италіанскими, австрійскими, швейцарскими и голландскими. И тогда они выбирали главнымъ директоромъ герцога Брауншвейгскаго и назначенъ отъ него былъ съѣздъ повѣреннымъ отъ оныхъ ложъ для положенія институтовъ и обрядовъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, на что и есть печатные листы герцогскихъ циркуляровъ и ихъ писемъ. Но циркуляры имъ не подписаны, а имя его только напечатано: *Фердинандъ Брауншвейгской и Люнебург-*

скій. Но однакожь въ Франкфуртѣ не было оной; а для чего, не видно; а была генеральная между всѣхъ ложъ конвенція въ Вильгельмсбадѣ въ 782-мъ году, и на оную отъ русскихъ ложъ былъ отправленъ Шварцъ, который въ томъ же году отъ генеральной конвенціи опредѣленъ здѣсь главнымъ, и отъ генеральной же конвенціи ложъ въ Москвѣ провинціальной назначено править ложами всей имперіи Вашего Величества. Но кто прежде Шварца былъ провинціаломъ, не видно. На упомянутой же конвенціи положенъ отъ герцога Брауншвейгскаго катехизисъ масонской и въ немъ между прочимъ 1-е правило повиноваться Богу, а второе — Государю; а равенство предписывается только въ ложахъ. Да и прочія письма сего герцога для правительства полезны, но сіе все прежнее. Когда здѣшнія ложи отдѣлилися отъ шведской, не видно; но всѣхъ бумагъ я еще не дочелъ. А называютъ они въ нѣкоторыхъ старыхъ бумагахъ Берлинскую ложу матерью. А въ 784 году здѣшнее собратство, по признанью генеральной конвенціи, сдѣлало актъ: отдѣлилися отъ власти постороннихъ ложъ, называя себя въ свѣтъ 8-ю провинціей и сдѣлали здѣсь три матерь-ложы; но гдѣ, всѣль они здѣсь въ Москвѣ или и въ другихъ губерніяхъ есть, не видно; а одна отъ другой независима быть должна. А въ сей бумагѣ называютъ они себя масонами и рыцарями и тутъ признали они начальникомъ подъ названіемъ по сектѣ ихъ, какъ они въ 5-й степени, которую мѣстами называютъ *Тамплие*, даютъ каждому, въ нихъ принятому имя и гербъ; то неизвѣстно кто онъ таковъ. По упомянутому же акту видно по чиновникамъ, яко то есть у нихъ пріоръ, деканъ, визитеръ, тезариръ, канцлеръ, прокуроръ, — что сочиняетъ цѣлую здѣсь капитулу. А въ теченіи времени отъ упомянутаго герцога даны на латинскомъ языкѣ патенты кавалерамъ розоваго креста.

Не успѣлъ я еще прочесть протоколу ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, который я слабо знаю, но могу оный съ помощію переводчика разсмотрѣть.

Начало ихъ вступленія въ масонство и въ нижнія степени, — въ ученики, въ товарищи и въ мастера. А называютъ они все вообще — масонство, дабы тѣмъ скрыть орденъ розоваго и золотого креста. Хотя онъ соглашается въ нѣкоторыхъ

правилахъ съ масонствомъ, но они и сами первоначальные три градуса ни за что почитаютъ, полагая, что сей секретъ можно купить и въ книжныхъ лавкахъ; для чего и присяга онымъ стѣнена, а берется только честное слово, что таковою будетъ молчать. Предметъ ихъ, кажется, въ томъ, что они ихъ набирали безъ дальняго разбору.*) моему извѣстно, что много было купцовъ и нѣкоторое число духовныхъ особъ: тутъ собиралися деньги; а между тѣмъ замѣчали характеры людей и способности къ введенію въ высшія степени, въ числѣ которомъ не малое было достоинство быть богатымъ. А за тѣмъ выбирали людей ученыхъ и ремесленныхъ, какъ всѣ братья ихъ общества производили мастерствы даже и переводы безъ заплаты. Не меньшежъ старались они пріобщать къ себѣ людей чиновныхъ и извѣстныхъ въ публикѣ и у двора Вашего Величества; отъ послѣднихъ могли они получать свѣдѣнія.

Но и по вступленіи въ масоны должны они были учить катехизисъ закону христіанскаго и библію и правила онаго наблюдать строго предписывалось, чему дѣлали во всякой ложѣ поученія или сказывали казанья. Въ строгое правило входило, чтобы ни одинъ нижній степень не любопытствовалъ о верхнихъ степеняхъ, а оставалися бы не въ вѣдѣніи.

Сколько по бумагамъ видѣть можно, то изъ мастеровъ входили они въ шотландскіе мастера. Тутъ уже была присяга и въ рецепціи вводили ихъ во Святая святыхъ, называемаго ими олтаремъ, гдѣ клятву они приносили. Въ бумагахъ же рецепціи розоваго креста есть шести степеней и въ пятой степени респлендору предъ приводомъ въ ложу (или по ихъ названію, конвенцію) даютъ ему вино пить изъ чаши и хлѣбъ; но не говорится, въ какомъ это видѣ. При рецепціи помазуютъ его миромъ и надѣвають полудуховное платье и даютъ названье и гербъ, какъ выше упомянулъ. Всѣхъ степеней по одному листу, съ котораго списокъ на особой бумагѣ здѣсь всенижайше Вашему Величеству подношу, видно девять; но названье въ семъ листѣ 6-й степени разнится съ бумагою, въ которой положены регулы пріемовъ въ оную сте-

*) Не разобрано.

пень, ибо въ семь листѣ именуется *маіоресъ*, а въ тетради 6-й степени они принимаются рыцарями и при входѣ въ рецепцію спрашиваютъ: не служить ли онъ гдѣ и не имѣеть ли на себѣ профанскихъ орденовъ и причисляютъ себя къ малтійскимъ кавалерамъ и потому, кажется, называютъ они себя кавалерами золотого креста и равняютъ себя съ ангелами. Въ упомянутой съ листа запискѣ ¹⁾ означается и число, въ ко-

1) Выписано изъ главнаго чертежа для настоящаго десятилѣтія, постановленнаго по согласію братьевъ златаго розоваго креста при обычной ордена реформациі въ лѣто 1777 года № 1.

Градусы по магическому расчисленію для всѣхъ.		Члены.	Число ихъ.
1	9	Маги	7
2	8	Магистры	77
3	7	{ Адепты Экспекти	777
4	6	Маіоресъ	788'
5	5	Миноресъ	779
6	4	Философы	822
7	3	Практики	833
8	2	Теоретики	844
9	1	Юніоры	909
			«5856».

Сіи суть каббалистическія и навѣшшімъ только начальникамъ извѣстныя десятилія съ десятилѣтія.

Всѣ сіи члены суть и должны быть христіане, не смотря на различіе религіи.

Полное число собратства и собственное время, въ которое они должны всѣ тайны полные воеводы быть, и въ утѣшеніе всему христіанству чрезъ свѣтъ, благодать и натуры помоществовать, тмы міра побѣдить.

торомъ классъ сколько членовъ быть должно. Следственно должно заключать, что выше сихъ шести степеней суть уже настоящія духовныя: ибо жизнь опредѣляютъ себѣ монашескую съ тѣмъ, чтобъ удалаться отъ свѣту и не входить въ излишніе разговоры. И въ сихъ также степеняхъ не должны нижніе вышнихъ спрашивать, въ какой онъ степени; а если-либъ это случилось, то вышній долженъ только отвѣчать, что онъ выше одной степеню вопрошателя.

Во всѣхъ степеняхъ съ самаго масонства обѣщать они должны, а въ розовомъ крестѣ и въ присягу вмѣщено, что повиноваться они безмольно должны главному начальнику, но, кто онъ таковъ, объ немъ не спрашивать. Правило ихъ съ масонствомъ, что оное началось при построеніи храма Соломонова, а потомъ, какъ по бумагамъ розоваго креста видно, оное продолжалось, даже, что

Оное терялось и опять возстановлялось. А розовые кресты начало свое берутъ отъ круасадъ или крестоходителей и, по завоеваніи Палестины возвратяся назадъ, впади они въ роскоши и распутную жизнь; а только нѣсколько (десять) человекъ осталось житія божественнаго, которые оное возобновили, пришедъ въ Шотландію. Въ сектѣ розоваго и золотаго креста повелѣвается научиться божественной премудрости и первымъ правиламъ обыкновенной химіи, которая употребляется непросвѣщенными; а потомъ учиться божественной химіи, которая въ открытіяхъ своихъ несравненна съ обыквенною, тутъ входитъ камень философскій и многія мистическія понятія. А многое по мнѣнію моему, Все милостивѣйшая Государыня, и понятію неподверженно; а потому нѣкоторые изъ нихъ наружное свѣдѣніе въ химіи и подлинно взяли и выучили латынскій языкъ.

. разумѣютъ они Христа и своимъ начальникомъ и въ повелѣніяхъ, которыя идутъ отъ перваго начальника къ провинціалу и отъ онаго, именемъ всегда главнаго начальника приказываютъ, то-есть именемъ Христа или Бога, заключая такъ: что приказываетъ начальникъ, испол-

нять должно, какъ бы самъ Богъ приказывалъ: ибо безъ власти Его ничто дѣлаться не можетъ.

Сей пунктъ, по мнѣнію моему, наиважнѣйшій: гдѣ Христосъ управляетъ или они его вдохновеніемъ, то тутъ другаго правительства какъ гражданскаго, такъ и духовнаго быть не можетъ. И въ семь видѣ кажется желаніе ихъ чрезъ книги готовить умы людскіе по ихъ правиламъ набожности и фанатизму, какъ они наружно себя показываютъ законниками и людьми добродѣтельными. А доказывается паче тѣмъ, что они въ университетѣ и въ прочихъ училищахъ сіе правило заводили. Ибо таковыя люди, почти ихъ законниками, къ нимъ пристануть, а они считали тѣмъ способомъ нечувствительно доитить всѣмъ управлять, а паче, тутъ же всѣ братья и равные. Немалой вредъ и въ настоящее время для всѣхъ людей: ибо которые вошли и привязались къ нимъ, тѣ всѣ удаляются отъ всякаго государственнаго служенія; прочихъ же всѣхъ людей почитаютъ они развратными и погибшими для будущаго преселенія. А о государѣ и отечествѣ нигдѣ въ розовыхъ кавалерахъ не видно; да, кажется, отечества быть у нихъ и не можетъ, какъ они братья со всѣми въ свѣтѣ масонами и розовыми и золотыми крестами. Впрочемъ видно писалъ какой-то начальникъ, къ которому они жаловались, что ихъ притѣсняютъ, а особливо Новикова, который отъ ложи имя имѣетъ Коловѣонъ; но начальникъ велѣлъ имъ брать смиренье и для Христа сносить, яко они почитаютъ, что они жить должны и тягости нести во образъ, когда Христосъ несъ крестъ при распятіи Его. Впрочемъ отступаютъ они совершенно отъ исповѣдыванія нашей церкви; одна библія — ихъ законъ, и приѣмлютъ, кажется, два таинства духовныя; а церковь за ничто почитаютъ, а ложу свою почитаютъ храмомъ. Тожъ видъ ихъ есть ввести единоезаконіе въ свѣтѣ. Въ другомъ мѣстѣ видно: увѣдомляли они начальника, что много книгъ выпустили для просвѣщенія людей; онъ ихъ похваляетъ, а въ другомъ мѣстѣ удивляется, какъ они столько книгъ успѣли выпустить и не апробуетъ: какъ де таковое число можетъ ввести и самую матерію въ разнорѣчіе и замѣшательство.

И такъ, Всемилостивѣйшая Государыня, я нахожу, что много тутъ правилъ іезуитскихъ. Иллюминатовъ же они въ нѣкоторыхъ письмахъ не хвалятъ, называя ихъ атеистами; однако адепты розоваго креста называются иллюминатами. По многимъ же бумагамъ видно, что они имѣютъ секретную отъ начальника инструкцію; но оной между бумагами нѣтъ. Къ нему жъ они посылаютъ вѣдомости о деньгахъ и списки, гдѣ между прочимъ помѣщается, какого кто изъ братьевъ характеру, натуральной имѣетъ разумъ, какое воспитаніе и ученіе; то на все вышеписанное отъ Новикова неминусемо надо взять объясненіе. То я ожидаю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа и прибытія, *если угодно будетъ Вашему Величеству прислать сюда, Тайнаго Совѣтника Шешковскаго. Нужно также отъ Новикова свѣдать, во сколькихъ губерніяхъ у нихъ логи заведены, и въ каждомъ мѣстѣ кто управляетъ. Да всеподданнѣйше прошу Вашего Императорскаго Величества уничтожить здѣсь гнѣздо сіе отобраніемъ у нихъ дома, бывшій графа Гендрикова, и чтобъ они книгъ больше печатать не могли, какъ они поводъ или, лутче сказать, смѣлость дали и прочимъ типографіямъ печатать непозволенные книги, а у нихъ въ наставленіяхъ положено имѣть и секретныя типографіи. Осмѣлюсь доложить, Всемилостивѣйшая Государыня: естли корень истребитсѣ, то сучья сами по себѣ погниютъ. Въ масонскихъ ложахъ, какъ сказываютъ мнѣ, очень много и за нѣсколько лѣтъ собиралось ихъ до 800 человекъ; всѣ конечно отстануть и со временемъ отвыкнутъ, только по уничтоженіи корня сего зла частнымъ правительствомъ надо неослабно наблюдать, чтобъ они опять гдѣ не возобновились. А какъ въ бумагахъ много есть сочиненій Кутузова, находящагося въ Берлинѣ, и какъ по ремаркамъ въ сочиненіяхъ видно, что онъ больше всѣхъ учился и много читалъ: то я осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, доложить, что полезно бѣ было, естлибы его приказали сюда прислать; а то переписка между ими навсегда останется, а только исполнять оную будутъ съ большею осторожностію.

Между бумагъ нашель я письменное сочиненіе о разныхъ родахъ государственныхъ правленій, подобно Монтеスキеву сочиненію о разумѣ правительствъ, въ которомъ авторъ похваля-

еть правленіе, гдѣ есть государственный сенатъ и выбранные почтенные мужи и отъ народа депутаты, послѣднее подобно римскому положенію. Затѣмъ въ сей тетради описывалъ авторъ по именамъ государства и ихъ правленія, а о Россіи сказалъ коротко, что Ваше Императорское Величество самовластно и все зависитъ отъ Васъ. Больше жъ о правительствѣ я ничего не видалъ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

5 Мая.

9.

Всемиловѣйшая Государыня!

Высочайшій указъ Вашего Императорскаго Величества отъ 1-го мая съ возвратившимся моимъ курьеромъ я удостоился получить. А какъ сей Высочайшій указъ на первое мое всеподданнѣйшее донесеніе, то въ разсужденіи послѣднихъ моихъ всеподданническихъ донесеній прошедшаго апрѣля отъ 26 и 28-го и сего мая отъ 5 числа, гдѣ уже я могъ обстоятельнѣе Вашему Величеству донести, то пріостановился я, Всемиловѣйшая Государыня, исполнять онаго отдачею Новикова сужденію по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества учрежденію о губерніяхъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго иногда Высочайшаго повелѣнія. Я теперь имѣя въ домѣ его на Никольской подъ стражею, ни съ кѣмъ видѣться не допускаю; а отдавъ его по законамъ сужденію уѣзднаго суда, должно его оставить подъ стражей, но свободу дать ему больше. А тогда будетъ имѣть онъ способъ видѣться съ собратіей своей, то уже труднѣе будетъ, естли повелите, Всемиловѣйшая Государыня, по бумагамъ его спрашивать; почему за лутчее я почелъ о семъ Вашему Величеству чрезъ нарочнаго сего донести.

Въ пополненіе прежнихъ моихъ всеподданническихъ Вашему Величеству донесеній нужнымъ нахожу присовокупить. По книгамъ видно, что многія печатаны въ типографіи Ивана

Лопухина, которую теперь онъ уничтожа, присоединилъ къ Гендрикова дому.

Читая еще бумаги, взятая у Новикова, нашелъ я, что главный здѣсь начальникъ князь Николай Трубецкой; но по ихъ институтамъ не должны они знать, кто начальникъ, какъ сіе изъ писемъ его къ Новикову видно.

Запомнилъ я донести Вашему Величеству въ отправленномъ вчера донесеніи, что между прочимъ въ присягѣ упоминается секты розовыхъ и золотыхъ крестовъ, чтобъ между ими ни въ чемъ и никакой тайности не было; а все, что каждый въдаетъ, обязанъ все сказывать: кажется, и въ государственныхъ дѣлахъ упражняющійся изъ нихъ человекъ долженъ уже все сказывать имъ, что ему ввѣрено.

Сколько видно по бумагамъ, то приемятъ они кабалистику и алхимию.

Многимъ книгамъ взята черная записка, когда ихъ печатали и гдѣ. Но осмѣливаюсь всенижайше доложить Вашему Величеству: лутче бъ было нарядить для сего слѣдствія особую комиссію, выбравъ людей способныхъ; а паче потому, что изъ нихъ есть люди умные и проворные и дѣла знающіе: то хотя я опредѣлю надзирателей надъ производствомъ; но они замѣшивать будутъ дѣло. Новиковужъ надо будетъ дѣлать вновь допросы: ибо допросовъ, сдѣланныхъ ему мною и доставленныхъ въ копіяхъ къ Вашему Величеству, препроводить въ судъ нельзя; какъ въ оныхъ между прочимъ о печатаніи книгъ говоритъ, что онъ печаталъ не на продажу, а для собратій ихъ масоновъ; то судъ обязанъ будетъ спрашивать, что масоны; а тогда всѣ способы будутъ ему замѣшать оное дѣло. На что и буду ожидать Высочайшаго Вашего Величества указа.

6 Мая.

10.

Всемиловѣйшая Государыня!

Послѣднія бумаги я просматривалъ и примѣчанія достойнаго Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донесу, что они прежде были подъ начальствомъ въ Швеціи у герцога Сюдермаландскаго, и тутъ же видно, что есть сек-

татеры ихъ въ Могилевѣ и Полоцкѣ. Видно и то, что герцогъ Сюндермаланскій любилъ отъ нихъ получать деньги, какъ они въ Ивановъ день собираютъ оныя со всѣхъ братьевъ по червонцу съ человѣка, — и онъ входилъ въ подробное распоряженіе, назначалъ именно начальниковъ; то они, будучи недовольны, просили принять ихъ подѣ начальство герцога Брауншвейгскаго. Болѣе жѣ въ сихъ бумагахъ ничего не видно. Теперь ожидаю Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія спросить на оныя бумаги объясненія у Новикова, такъ тогда все открыться должно и недостающія матеріи будутъ имѣть связь и надобную ясность. Въ сихъ же бумагахъ много хотя не такъ важныхъ матерій, но требуютъ поясненія. Есть тутъ хотя несодѣянные прожекты отъ нѣкоторыхъ членовъ, когда собирали они голоса для отправленія Шварца на генеральную конвенцію, чтобы въ Средиземномъ морѣ завести коммерцію. И прочіе подобныя сему есть несодѣянные прожекты; но всѣ требуютъ отъ Новикова поясненій, на что и ожидаю Высочайшаго Вашего Величества указа.

Всемиловѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

13 Мая.

11.

Ордеръ князю Жевахову.

Секретно для вашего толко сведенья.

Вчера объявилъ я Вамъ данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества указъ, чтобъ содержащаго арестанта Новикова отправить въ Шлюссельбургъ крайне секретно: дорогой бы его никто не видалъ, жизнь его сохранить и утечку. А чтобъ никто не зналъ, куда его везутъ, то взять дорогу на Володимерь, оттуда на Ярославль, оттуда на Тихвинъ, а оттуда на Шлюссельбургъ. То зная издавна Вашу усердность къ Высочайшей службѣ и исправность, и какъ и нынѣ Вы во всю бытность аресту сего Новикова, бывши при немъ подтвердили, то и препоручаю сіе доставленье Вамъ и къ Вамъ въ команду

и въ помощь опредѣляю эскадроннаго ротмистра Панфилова и прапорщика штата Управы Благочинія, находящагося при мнѣ на ординарцахъ, Яковлева. Впрочемъ же возьмите изъ эскадроновъ Вашихъ надобное число унтеръ-офицеровъ, двухъ или трехъ, и гусарь шесть человекъ, которые бы всѣ были вооружены для всякаго случая. Но какъ при Новиковѣ есть докторъ и человекъ его, то вы всѣхъ возьмите съ собой; въ коляску, коя четверомѣстная, посадите Новикова, доктора, сядите Вы и одинъ офицеръ и надобное число гусарь; въ кибиткѣ тройкой сядетъ офицеръ, человекъ Новикова и надобное число гусарь. Всѣ вещи у нихъ отобрать, чѣмъ могутъ они себя умертвить. Въ другой тройкой кибиткѣ сядутъ гусары и унтеръ-офицеръ, а одну кибитку парой посылать съ унтеръ-офицеромъ напередъ для заготовленья лошадей. Подорожныхъ Вамъ даю четыре: первая до Володимера, вторая отъ Володимера до Ярославля, третья отъ Ярославля до Тихвина, 4-я отъ Тихвина до Шлюссельбурга: то вы.
. *) одну до назначеннаго мѣста, дабы тѣмъ лучше скрыть вашу дорогу и настоящее мѣсто, куда вы ѣдите. На прогоны и продовольствіе арестантовъ и команды даю Вамъ 500 руб. малыми ассигнаціями и часть мѣдной монетой. Повозки вы получите въ часъ пополудни отъ губернатора съ прапорщикомъ Яковлевымъ и въ два часа пополудни отсюда выѣхать непременно должны. Если Новиковъ спросить, куда его везете; скажите, что Ея Императорскаго Величества на то есть Высочайшее повелѣніе, а куда онъ пріѣдетъ, того объявить ему не можете, а онъ бы повиновался Ея Императорскаго Величества указу. Дорога до Володимера большая, отъ Володимера до Ярославля возьмите отъ губернатора маршрутъ, отъ Ярославля возьмите маршрутъ до Тихвина отъ генераль-губернатора или отъ губернатора. Но въ Ярославль, слышалъ я, что есть масонская ложа, то во всѣхъ городахъ отъ оныхъ остерегайтесь. Отъ Тихвина также отъ губернатора возьмите маршрутъ до Шлюссельбурга, а тамъ отдайте приложенной здѣсь конвертъ коменданту и къ нему совѣмъ явитесь и ожидайте отъ него отправленія. Впрочемъ сія ком-

*) Не разобрано.

миссія есть важная для васъ: естли въ должномъ порядкѣ до-
ставите, то можете получить Высочайшую Ея Величества ми-
лость, а въ противномъ случаѣ подвергнете себя и съ коман-
дой вашей совершенному несчастью. То берегите его крайне
отъ утечки и отъ умерщвленія себя.

12.

Всемиловѣйшая Государыня!

Разбирая бумаги, взятыя изъ дому бывшаго графа Ген-
дрикова, въ дѣлахъ Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлось одно
старое французское письмо къ покойному Шварцу, которое
здѣсь къ Вашему Императорскому Величеству всенижайше
представляю. Изъ всего сего видно, что хотѣлось имъ приоб-
щить къ себѣ людей знатныхъ; но для единой набожности
и молитвы, кажется, въ семъ нужды имъ не было? Между
самыхъ нужныхъ бумагъ Новикова нашелъ я печатную книж-
ку, которую здѣсь Вашему Величеству подношу. Я оную за-
держалъ, чтобъ всю прочесть. Содержаніе жъ оной, Всеми-
ловѣйшая Государыня, увидѣть изволите. Я Новикова спра-
шивалъ: говоритъ ли онъ по французски; но когда онъ отвѣ-
чалъ, что нѣтъ (но онъ и въ томъ потаилъ: онъ, сказываютъ,
французскій языкъ разумѣтъ); то я его спросилъ: на что жъ
онъ сію книжку въ нужныхъ бумагахъ спряталъ? Онъ мнѣ
отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, какъ то случилось, а
получилъ онъ ее между другихъ книгъ отъ книгопродавцовъ.
Я приказалъ губернатору изслѣдовать сіе и подлинно Нови-
ковъ получилъ оную отъ книгопродавца Бибера, который далъ
каталогъ отправленнымъ къ нему книгамъ, который я также
подношу всеподданнѣйше Вашему Величеству ¹⁾, какъ весьма

¹⁾ *Note des livres, qu'on a vendu à M-r Novikoff:*

Accord de la liberté; Catéchisme moral; Essais sur les préjugés; Manuel pour
les amateurs; Nazaréen; Oeuvres d'André; Oeuvres de Jory; Qui peut être un bon
citoyen; Amour glorifié; Apologie de petit pierre; Chemin pour aller à Christ;
Colléction des anciens moralistes; Elemens de la morale universelle; Mystère de
la croix; Oeuvres de Holbein; Tieden's Abendstunden; de l'origine; le grand livre
de la nature; 2 almanac; 1 encyclopédie; 1 deutsche Bibel; 1 idem Lateinische
Vulgata; manuel élémentaire; 2 expl. de l'origine; dictionnaire de cuisine.

удивительно, какія Новиковъ книги покупалъ. У Бибера только было тѣхъ книгъ двѣ, изъ коихъ одна найдена у Новикова, а другая имъ продана какому то Мансурову. А у другаго книгопродавца Ридигера найдено 8, которыя всѣ и отобраны и увѣряютъ подъ клятвой, что больше продажи оныхъ не было, какъ выше упомянуто. Но какъ книжка у Новикова другаго формата и бумаги, какъ у Ридигера, то показали они, что то прежняго выходу. Осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше просить Вашего Величества, чтобъ повелѣть изволили положить границы симъ книгопродавцамъ книгъ иностранныхъ и отнять способы еще на границахъ и при портахъ подобныя сему книги вывозить, а паче изъ разстроенной нынѣ Франціи, служащія только къ заблужденію и разврату людей, не основанныхъ въ правилахъ честности. Я хотя всѣ мѣры къ сему взялъ, Всемилостивѣйшая Государыня, но довольно способовъ недостаетъ совершенно сіе удержать безъ генеральнаго учрежденія паче потому, что они таковыя книги продаютъ скрытно, а тѣмъ вводятъ многихъ болѣе въ любопытство ихъ покупать и платить гораздо дороже, какъ за публично продаваемыя книги; и безъ ошибки сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, можно, что всѣ, какія только во Франціи печатаются книги, здѣсь скрытно купить можно.

Запомнилъ я Вашему Величеству въ предъидущихъ мѣсахъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ упомянуть мое замѣчаніе по бумагамъ Новикова. Здѣсь въ Москвѣ пріорать и пріоромъ князь Николай Трубецкой, который во всей Россіи надъ ложами имѣетъ начальство, а подъ нимъ здѣсь капитула и въ Петербургѣ другая, а главный пріорать въ Брауншвейгѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

Мая 20 дня
1792 года.

Петровскій дворець.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По арестъ Новикова майоромъ княземъ Жеваховымъ и по прибытіи съ нимъ въ Москву разсудилъ я, Ваше Император-

ское Величество, послать въ деревню одного гусарскаго офицера съ четырьмя рядовыми, которыхъ и приказаль губернатору туда съ наставленіемъ отправить, дабы оттуда ничего безъ позволенія моего не вывозить. А сей офицеръ по нѣсколько времени пребыванія донесъ, что управляющій деревнею Новикова одинъ отставной лѣкаръ (мнится мнѣ, что онъ изъ воспитанниковъ ихъ), Мароссіанинъ сказалъ ему, что въ одномъ кабинетѣ есть у него немалая сумма денегъ, о которыхъ и совѣтникъ Алсуфьевъ сказывалъ, что онъ видѣлъ нѣсколько тысячъ ассигнаціями и много банковыхъ билетовъ, принадлежащихъ Походяшину, такъ и расчеты ихъ по компаніи. Но онъ тогда ихъ, не считая нужными, не взялъ. И сей управитель опасался, чтобы оныя деньги не утратилися. То я опять отправилъ туда совѣтниковъ Алсуфьева и Буланина и приказаль имъ деньги и банковые билеты, ассигнаціи и расчеты ихъ взять, и оныя нашли 11,840 рублей ассигнаціями да разною монетою 25 руб. 66 коп. По позволенію моему оставили на употребленіе по хозяйству 865 руб. 66 коп., а 11,000 руб. доставили ко мнѣ и по секретному свидѣтельству въ здѣшнемъ отдѣленіи ассигнаціоннаго банка оныя найдены всѣ дѣйствительно банковыми, которые и отправилъ я на сохраненіе въ кладовую казенной палаты. Билетовъ же банковыхъ болѣе не нашли; то видно, Всемилостивѣйшая Государыня, что оныя вывезены секретно племянниками его Хрущовыми, изъ коихъ одинъ имѣетъ лѣтъ 17, а другой гораздо моложе, которые у него воспитывались съ учителемъ россійскимъ же. Думать надо, что и оный учитель также изъ ихъ воспитанниковъ, которыхъ офицеръ изъ деревни выпустилъ, хотя и увѣряетъ онъ, что съ осмотромъ. Но оный офицеръ заболѣлъ, то я не могу изслѣдовать его, для чего онъ ихъ осмѣлился пустить, не сказавъ мнѣ или губернатору о семъ; но въ свое время постараюсь свѣдать. Съ Походяшинымъ положеніе у нихъ было сдѣлано, но не кончено. А въ началѣ сего мая компанія кончила и онъ вноситъ банковыми билетами 80,000 р. въ воспитательный домъ, которыми компанія была должна подъ закладъ дому бывшаго гр. Гендрикова, какъ о семъ совѣтовалъ со мною графъ Минихъ, что нѣтъ ли препятствія оныя принять. Я ему отвѣчалъ, что препятствія быть

не можетъ, хотя сей домъ теперь и запечатанъ, такъ какъ возвратитъ свою сумму воспитательный домъ непременно долженъ. Разсчеты жь, какіе найдены, ихъ и условія и записку Новикова руки о положеніи его съ Походяшинымъ здѣсь всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству подношу.

24 Мая.

14.

Разбирая еще бумаги, взятыя изъ дому заведенія ихъ, бывшаго графа Гендрикова, между прочими бумагами Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлась бумага достойная также примѣчанія Вашего Императорскаго Величества, которую всеподданнѣйше здѣсь и подношу. Есть возраженіе, сочиненное, кажется Кутузовымъ, на одно, какъ видно изъ онаго, сочиненіе нѣмецкое, которое было противу ихъ, гдѣ усмотрѣть, Всемилостивѣйшая Государыня, изволите, какъ и по прочимъ бумагамъ я замѣтилъ, что они іезуитовъ почитаютъ обладающими секретомъ масонскимъ и розовыхъ крестовъ, да безмолвное повиновеніе къ начальству и есть правило іезуитское. Одно сочиненіе, найденное въ бумагахъ Новикова, подъ названіемъ *обнаруженный Вольтеръ* я, Всемилостивѣйшая Государыня, оставлялъ у себя, оное прочесть, а теперь всеижайше здѣсь влагаю: сочиненіе изрядное — въ немъ ничего нѣтъ кромѣ опроверженій вольтеровыхъ сочиненій, относящихся до священнаго писанія. Также между бумагъ Кутузова найдены письма преступника Радищева, изъ которыхъ три показались мнѣ достойными свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, то я оныя здѣсь и препровождаю. Между бумагъ, взятыхъ также въ домъ ихъ заведеній, бывшаго гр. Гендрикова, нашлись два нѣмецкія письма, изъ которыхъ по одному видно, что они посредствомъ курляндскихъ ихъ братьевъ могли безъ пашпортовъ отъ правительства за границу людей препровождаютъ. Второе противъ ихъ герцога Бирона; но тутъ то только, Всемилостивѣйшая Государыня, примѣчанія достойно, что они мѣшались, какъ видно, и въ дѣла государственныхъ.

27 маія.

15.

Всемиловѣйшая Государыня!

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, протекшаго мѣсяца мая 30-го пущенный, сего іюня 6-го по утру въ 11 часовъ получить удостоился. Сколько взято было бумагъ въ деревнѣ у Новикова и въ домѣ заведеній ихъ, что прежде былъ гр. Гендрикова, знатная часть изъ оныхъ доставлена уже къ Вашему Величеству, а здѣсь по пересматриваніи остались ничего значущія бумаги и то все давнихъ временъ. А кромѣ, что я оставилъ одно нѣмецкое сочиненіе, какъ я всенижайше и доносилъ Вашему Императорскому Величеству, что я оное оставилъ у себя для перевода, но и оное отъ 781 года, которое я при семъ всеподданнѣйше и подношу, а переводъ не успѣли еще на бѣло переписать; а какъ переписанъ будетъ, то всенижайше и оный препровожду къ Вашему Императорскому Величеству. Болѣе же сихъ бумагъ не найдено въ означенныхъ мѣстахъ. Во время жъ моего правленія здѣсь открывать начали по повелѣнію гр. Безбородки переписку сей шайки; болѣе оная была съ князь Николаемъ Трубецкимъ, съ Кутузовымъ изъ Берлина, то въ теченіи двухъ лѣтъ ни одного, Всемиловѣйшая Государыня, пакета не открыли переписки ихъ съ главнымъ пріоратомъ. По бумагамъ ихъ видно, какъ и Ваше Императорское Величество уже замѣтитъ изволили, что туда они по меньшей мѣрѣ годовыя вѣдомости отправляли, то и надо думать, что они черезъ какія либо конторы оныя доставляли или такъ маскировали, что въ почтамтахъ дойти до сего не могли. Естьли жъ оная переписка, Всемиловѣйшая Государыня, была, то надо послѣдняго времени бумагамъ быть у князя Николая Трубецкаго, такъ какъ онъ въ Россіи ихъ начальникъ; а еще прежде отправлялъ у нихъ должность секретаря бригадиръ Тургеневъ, то должно онымъ бы быть и у негѣ. Но когда въ послѣдній разъ былъ здѣсь графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, то извѣщены ль они были изъ Петербурга или свои сдѣлали догадки, что будто Ваше Императорское Величество повелѣли ему сдѣлать имъ осмотръ или слѣдствіе, то Иванъ Допухинъ привезъ въ домъ къ Тургеневу и, оставшись двое,

ночью сожгли множество бумагъ, что мнѣ извѣстно отъ частнаго пристава, какъ въ домъ Тургенева одинъ человекъ былъ у частнаго пристава въ конфиденціи. А по сему судить я долженъ, Всемилостивѣйшая Государыня, что теперь и князь Николай Трубецкой, если были у него бумаги, то онъ ихъ или истребилъ, или такъ спряталъ, что найти ихъ не можно. Онъ съ братомъ своимъ князь Юрьемъ и Михайла Херасковъ поѣхали въ подмосковную деревню, называемую Очаково, которая у нихъ называется общей и у каждаго есть въ ней по домику, о чемъ я прежде всенижайше Вашему Величеству и доносилъ и слухи я чрезъ оберъ-полицмейстера имѣлъ, хотя за вѣрныя почести ихъ не можно, что они по прїѣздѣ въ деревню разбирали бумаги свои. Если осмѣлюсь Вашему Величеству всеподданнѣйше представить мое мнѣніе: не надѣюсь я, чтобъ по коварному расположенію Новикова можно было дойти до откровенности. А думалъ бы я, чтобъ Ваше Императорское Величество Высочайшимъ указомъ повелѣли прибыть въ Петербургъ князю Николаю Трубецкому, а спустя нѣсколько дней и бригадиру Тургеневу, что и не будетъ видома аресту. А по приближеніи къ Петербургу повелѣть ихъ встрѣтить и провезти, куда, Всемилостивѣйшая Государыня, назначить изволите. А такъ какъ князь Н. Трубецкой человекъ немудрый и со времени аресту Новикова въ робости, то изъ него можно всю свѣдать истинну, а Тургеневъ, хоть и лукавъ Трубецкаго, и напоенъ совершенно роду мыслей Новикова, но сей не такъ будетъ твердъ, какъ Новиковъ, а онъ всѣ обстоятельства дѣлъ ихъ точно знаетъ. А симъ способомъ, кажется, Всемилостивѣйшая Государыня, все открыть изволите; какъ по бумагамъ вездѣ есть гіероглифы, то надо ихъ и прочія матеріи, чего не достаесть, чрезъ нихъ пояснить.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій

князь Александръ Прозоровской.

7 Іюня.

16.

Вопросные пункты князю Николаю Трубецкому.

1-й. Что вы имѣли тайныя сборища въ домѣ своемъ, о томъ правительству не неизвѣстно. А какъ государственными законами таковыя сборища запрещены, то и сказать вамъ: для чего вы таковыя сборища чинить осмѣлились, и какую цѣль въ тѣхъ сборищахъ имѣли, и на какой конецъ другихъ къ тому привлекали?

Отвѣтъ. Признаюсь передъ Богомъ, что я, имѣя собранія въ домѣ своемъ, не думалъ содѣлать какое зло; но, вошедъ изъ любопытства въ масоны и происходя въ градусахъ и не уразумѣя никакого въ пропоказуемомъ оными зла, слѣдовалъ предписаніямъ оныхъ, чтобъ собраніе имѣть, въ чемъ и признаю себя виноватымъ; цѣль же въ оныхъ имѣлъ единую ту, чтобы предписанному въ градусахъ поучать соучаствующихъ въ оныхъ. Что же другихъ принималъ во оныя градусы, то причиною оному то, что я думалъ въ нихъ находить доброе и хотѣлъ другихъ во ономъ сдѣлать соучастниками.

2-й. Имѣли вы непозволенную переписку съ герцогомъ брауншвейгскимъ, съ прусскимъ министромъ Велнеромъ и съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ, да еще и въ такое время когда между Россіей и Пруссіей происходили холодности, и именно до начатія и продолженія шведской войны. А чтобъ сію непозволенную переписку скрыть отъ правительства, то выдумали, въ противность законамъ, шифры. А на сіе и отвѣтствовать вамъ: для чего вы въ такую непозволенную и законамъ противную переписку вступать и оную продолжать осмѣлились, и кто съ вами во ономъ были сообщники, какимъ способомъ и чрезъ кого вы письма свои къ показаннымъ людямъ пересылали, такъ какъ и сами получали, и кто имянно о сей перепискѣ, участвующіе въ вашемъ сборищѣ, вѣдали?

От. — Покойникъ профессоръ Шварцъ, ѣздившій въ чужіе края, былъ отъ масоновъ россійскихъ, или лучше сказать отъ нѣкотораго числа оныхъ, уполномоченъ искать таинства масонскаго, которое, бывъ предлаемо подъ іероглифами, не

могло насъ удовольствовать. Онъ по масонству познакомился съ герцомъ брауншвейгскимъ и съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ и, возвратясь оттуда, уговорилъ насъ и присовѣтывалъ намъ писать. Что же касается до Велнера, то онъ же, Шварцъ по розенъ-крейцерству, которое почитается въ масонствѣ высшими степенями, съ нимъ познакомился, и самъ черезъ посредство Велнера былъ принятъ Шварцомъ въ розенъ-крейцеры. И когда Шварцъ умеръ, то я зачалъ съ Велнеромъ переписываться, и могу передъ Богомъ увѣрить, что кромѣ единыхъ дѣлъ масонскихъ я ни о чемъ и никогда съ нимъ не переписывался, въ чемъ бы послался на самую мою переписку, ежели бы, тоже слѣдуя обычаямъ масонскимъ, не сжегъ я оной переписки по окончаніи каждаго года. Что же касается до того, что я переписывался съ нимъ въ такое время, когда между Россіей и Пруссіей была холодность, то я предъ Богомъ увѣряю, что личной моей съ нимъ переписки уже нѣсколько лѣтъ какъ я не имѣю; но писалъ обо всемъ, до масонства касающемся, черезъ Алексѣя Михайловича Кутузова, который, живучи въ Берлинѣ и бывъ съ нами въ масонской связи, словесно съ нимъ и съ другимъ, называющимся де-Баска, говаривалъ; а при томъ шлюсь на самого Кутузова, у котораго, я думаю, должны быть мои письма, ежели онъ ихъ не сжегъ, что какъ скоро замѣчена мною была холодность между нашимъ и прусскимъ дворомъ, то я къ нему писалъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ Берлина и всѣ связи съ Берлинцами разорвалъ. И хотя я могу поклясться, что я при перепискѣ не думалъ сдѣлать преступленія, ибо почиталъ оную ученою перепискою; но, понеже она подавала на меня подозрѣніе, то отъ искренняго сердца, падъ передъ стопы Ея Величества, прошу прощенія, и заклинаюсь никому и ни съ кѣмъ таковой не имѣть во всѣ дни моего живота. Письма, мною писанныя, были посылаемы отъ меня прямо по почтѣ на имя А. М. Кутузова, черезъ котораго я и получалъ отвѣты, такъ какъ сказано выше, словесно принимаемые имъ отъ Велнера и дю-Баска, и ко мнѣ въ его письмахъ объясняемые. Знали же о сей перепискѣ и иногда читывали оную братъ мой, князь Юрій Никитичъ Трубецкой, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. — Что же касается до ши-

фровъ, иногда въ письмахъ употребляемыхъ, то мы оныя получили же съ градусами вмѣстѣ, яко принадлежащія до оныхъ, а не сами ихъ выдумывали.

3-й. Извѣстно по взятымъ у Новикова бумагамъ такъ, какъ и по собственному признанію Новикова, что подчинили себя не только въ зависимость, но и въ неограниченное повиновение и послушаніе герцогу брауншвейгскому и объ ономъ посылали свои прошенія къ нему. На сіе отвѣтствовать вамъ: для чего вы, оставя самодержавнаго своего государя, предали себя въ зависимость и повиновение постороннему герцогу? А послѣ сего и приносили свои жалобы, что въ Россіи дѣлають вашему сборищу якобы притѣсненія и подозрѣваютъ васъ, такъ какъ и товарищей вашихъ, въ сектѣ мартинистовъ; а посему и на сіе вамъ объяснить: какъ вы осмѣлились приносить на правительство Россіи такія, да еще и несправедливыя жалобы, и чему вы изъ такихъ вашихъ обязательствъ, весьма непозволенныхъ, быть надѣялись, и кто съ вами въ семъ сдѣланномъ преступленіи были соучастники?

Отвѣтъ. При покойникѣ профессорѣ Шварцѣ была переписка съ герцогомъ брауншвейгскимъ и сему уже прошло, кажется, болѣе семи лѣтъ, такъ что по совѣсти и предъ самимъ Богомъ могу сказать, что я почти ничего не помню, что тогда было писано; да и по неограниченной моей Шварцу довѣренности я тогда многое подписывалъ, не читая бумагъ его. Но чтобъ я подвергъ себя неограниченному повиновению герцога брауншвейгскаго, то въ томъ могу передъ судомъ божіимъ поклясться, что того не помню; что жъ до жалобы принадлежитъ, касающейся до притѣсненія и подозрѣнія насъ, яко мартинистовъ, то я клянусь самимъ Богомъ, что не писалъ сего къ герцогу брауншвейгскому, а признаю себя виноватымъ и, падъ предъ стопы Ея Величества, прошу ея милосердаго прощенія, что я не жалобой, но увѣдомленіемъ извѣщалъ Велнера, что господинъ Новиковъ былъ призываемъ къ архіерею, и что онъ претерпѣлъ разореніе отъ запечатанія типографіи, и сіе дѣлалъ я безо всякаго умысла, въ чемъ клянусь самимъ живымъ Богомъ.

4-й. Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились въ сѣти сборища вашего ловить извѣстную особу,

о коей имѣли вы съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли, и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствующихъ и помогающихъ?

Отвѣтъ. Покойный профессоръ Шварцъ предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ, въ Россіи. А я предъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа принята въ чужихъ краяхъ въ масоны, согласовался на оное изъ единого того, чтобы имѣть покровителя въ оной. Но чтобы я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ божіимъ клянусь, что не имѣлъ того въ намѣреніи, и слѣдовательно ни соучастниковъ, ни помощниковъ имѣть въ ономъ не могъ.

5-й. Бумагу, писанную Бажановымъ архитекторомъ, вы читали, и потомъ сдѣланная Новиковымъ изъ оной выписка отдана вамъ. Вы же, видя въ ней вымышленныя и непристойныя слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще такую выписку переслали къ Кутузову; чего ради объяснить вамъ: *первое*, для чего о толь вредномъ и вымышленномъ враньѣ правительству не объявили? *второе*—чего ради такую вредную бумагу къ Кутузову переслали, и чему вы изъ того быть надѣялись? и *третье*: кто еще изъ товарищей вашего сборища ее читалъ и у себя имѣеть,—ибо она ходила по рѣчкамъ товарищей вашихъ, — то и показать о всѣхъ ихъ именахъ и фамиліяхъ?

Отвѣтъ. Что я читалъ бумагу, писанную архитекторомъ Бажановымъ, и не донесъ объ ономъ правительству, то въ томъ признаю себя виноватымъ; и, падъ предъ престоломъ монаршимъ, прошу милосердаго помилованія, не имѣя инаго къ оправданію своему сказать, что я, бывъ родня и дружень съ Новиковымъ, по слабости моего сердца усовѣстился объ ономъ доносить, не уразумѣвая притомъ и никакого отъ того вреда. А что я всегда недоволенъ былъ пересказами Бажанова и не имѣлъ никогда намѣренія во оныхъ соучаствовать, то я шлюсь на самого Новикова, съ которымъ я убѣгалъ объ ономъ говорить, и даже отсовѣтывалъ ему съ Бажановымъ входить во оное, а въ доказательство онаго я пере-

сталь ѣздить въ домъ Бажанова, въ который ѣзжалъ часто. А Новиковъ много разъ говаривалъ, что Бажановъ фанатикъ, которому кажутся небылицы, а что я фанатиковъ во всякомъ случаѣ боюсь болѣе язвы. — Что жь принадлежитъ до пересылки выписки оной бумаги къ Кутузову, то предъ Богомъ клянусь, что не помню послалъ я оную къ нему или сжегъ ее съ другими бумагами. Но ежели послалъ, — о чемъ не смѣю ни утверждать, ни отвергать, — то могу удостовѣрить всѣмъ священнымъ, что сіе сдѣлалъ безо всякаго умысла и намѣренія. — Что жь касается до того, кто сію бумагу читалъ и у кого она есть, то помнится читалъ ее Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. А есть ли она у нихъ или у кого другаго, то самимъ Богомъ клянусь, что не знаю.

Вопросъ 6-й. Въ сборищахъ вашихъ были епископы, епархи, храмы, престолы, жертвенники и миропомазаніе: то объяснить вамъ, съ чьего позволенія такія священныя вещи вы ввели и употребленіе дѣлали, ибо таковыя священныя обряды инаково употреблены быть не должны какъ съ разрѣшенія правительства?

Отвѣтъ. Понеже все въ масонствѣ преподавалось и преподается іероглифами, то я всѣ учрежденія и обряды градусовъ принималъ за іероглифы, а не за существительныя вещи, а принимая такимъ образомъ, я всѣ сіи учрежденія почиталъ долженствующими быть наконецъ объяснены и потому въ простотѣ сердца не думалъ дѣлать преступленія, употребляя оныя.

Вопросъ 7-й. Въ сборищахъ вашихъ дѣлали вы присягу предъ евангеліемъ и крестомъ, и оныя цѣловали, дѣлая при томъ ужасныя клятвы въ томъ, что о тайнѣ ордена, не съдомаго правительству Розоваго Креста, будеть правительство стало требовать, то терпѣть пытки и розыски, даже и самую смерть, и о той тайнѣ не сказывать. Въ уставахъ о вашихъ сборищахъ сказано, чтобъ великому мастеру во всемъ повиноваться и обо всемъ ему открывать; а какъ вы великимъ мастеромъ почитаете герцога брауншвейгскаго, слѣдовательно всѣ тѣ клятвы и присяги дѣлали оному герцогу, вы жь обязаны должны быть своему самодержцу и государству, то какъ

вы осмѣлились присягать, да еще отрицая повиновеніе правительству, то объяснить вамъ, какіе вы имѣли въ сей обязанности виды и намѣренія?

Отвѣтъ. Что по обрядамъ ордена дѣлалась присяга, на сохраненіе тайны онаго, и что я оныя дѣлалъ, то въ томъ признаю себя виноватымъ. Я возываю къ милосердому монархеству помилованію. Что жъ принадлежитъ до устава, касающагося до обязательства повиновенія великому мастеру, и якобы тѣмъ былъ герцогъ брауншвейгскій, то сего признать не могу, ибо яко розень-крейцеръ, то таковой признаетъ наиспытныхъ только начальниковъ, то есть таковыхъ, буде которые всѣ таинства ордена имѣютъ и сокрываютъ себя для того, чтобы не быть повсечастно удручаемы просьбами и доуками объ открытіи оныхъ; что жъ принадлежитъ до герцога брауншвейгскаго, то онъ не есть начальникомъ розень-крейцеровъ, а начальникомъ такъ называемыхъ Chevaliers Bien-faisants; и я, съ самой смерти профессора Шварца, ни съ какими чужестранными, окромѣ Велнера и Дюбаска, черезъ Кутузова не имѣлъ по масонству никакого дѣла.

Вопросъ 8-й. Что значитъ орденъ Розоваго Креста; кѣмъ онъ установленъ, и какъ вы и товарищи ваши осмѣлились сей выдуманный орденъ на себя возлагать, безъ воли Самодержицы? Но сверхъ сего есть въ вашемъ сборищѣ орденъ святаго апостола Андрея, который также на себя возлагаете; то и сказать вамъ, для чего вы такія непозволенные украшенія на себя и на товарищей сборища вашего возлагать дерзали?

Отвѣтъ. Я признавалъ орденъ Розоваго Креста, по градусамъ онаго, не за иное то, какъ за науку сокрытую отъ людей, касательно до познанія таинствъ природы, или за высшую химію; то есть я признавалъ оный за школу высшихъ таинствъ природы. А что я въ оный вошелъ безъ воли Самодержицы, то, признавая себя виноватымъ, возываю къ Ея милосердію. Кѣмъ же оный учрежденъ, то сего до сихъ поръ не знаю; а по ученію ордена, онъ происходитъ отъ самыя древности, но систематическаго происхожденія онаго совсѣмъ не знаю. — Что жъ принадлежитъ до ордена святаго апостола Андрея, то оный, какъ мнѣ кажется, и какъ я его принималъ, почитается въ масонствѣ іероглифомъ, такъ какъ и всѣ другія масонскія украшенія, и

потому не почиталъ преступленіемъ оныя надѣвать; но, подавая чрезъ то на себя подозрѣніе, никакого въ томъ оправданія не имѣю, а воззываю только къ милосердому помилованію.

Вопросъ 9-й. Сказать вамъ: кто именно въ орденъ Розоваго Креста товарищи вашего сборища находятся, такъ какъ и крестъ Андрея апостола кто же именно имѣетъ, не утая ни единого человѣка, ибо въ сего сборища есть изъ главныхъ начальниковъ?

Отвѣтъ. Желая отъ искренности сердца повиноваться сему повелѣнію всѣхъ — сколько упомяну — здѣсь напишу, прося милосердаго помилованія, ежели кого-либо безъ намѣренія забуду:

1. Князь Юрій Никитичъ Трубецкой.
2. Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ.
3. Николай Ивановичъ Новиковъ.
4. Семень Ивановичъ Гамалѣя.
5. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.
6. Иванъ Петровичъ Тургеневъ.
7. Князь Алексѣй Александровичъ Черкасской.
8. Иванъ Ивановичъ Френкель.
9. Василій Васильевичъ Чулковъ.
10. Алексѣй Ивановичъ Новиковъ.
11. Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ.
12. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Болѣе же сихъ, принадлежащихъ къ ордену золотого Розоваго креста не упомяну. Что же принадлежитъ до тѣхъ, которые имѣютъ крестъ апостола Андрея, такъ какъ оный принадлежитъ къ такъ называемой екоской степени, то ихъ такъ было много, что упомянуть не могу. Да и списки оныхъ находились не у меня, а думаю, что въ деревнѣ и въ домѣ у Новикова.

Вопросъ 10-й. По двумъ сдѣланнымъ сборищу вашему запрещеніямъ, для чего вы осмѣлились запрещенныя книги печатать и продавать, и даже разсылать въ отдаленныя провинціи? А какъ тѣ книги наполнены развратомъ и не могутъ быть терпимы церковію и правительствомъ, то и объяснить вамъ, съ какимъ намѣреніемъ данныя правительствомъ повелѣнія осмѣлились преступить, такъ что когда отъ правительства были осмотры тѣмъ книгамъ, то вы осмѣлились оныя скрыть и отвезти въ деревню князя Черкаскаго?

Отвѣтъ. Что принадлежитъ до печатанія, продаванія и разсыланія книгъ, то признаюсь, что прежде сдѣланныхъ за-прещеній я былъ согласенъ оныя печатать и продавать. Но послѣ оныхъ, я шлюсь на самого господина Новикова, что я ни во что касательно до типографскаго дѣла не входилъ, а имѣлъ отъ него отвращеніе, о чемъ не единократно говаривалъ съ господиномъ Новиковымъ и желалъ прекращенія онаго. А что книги оныя отвезены были въ деревню князя Черкаскаго, то признаюсь, что я оное вѣдалъ; а согласовалъ на оное въ надеждѣ, что когда либо оныя продолжать дозволятъ, въ чемъ признавая себя виноватымъ, прошу милосердаго помилованія.

Вопросъ 11-й. Извѣстно, что отъ вашего сборища уставлены въ Россіи, въ разныхъ губерніяхъ таковыя сборища, то и показать вамъ: въ которыхъ оныя губерніяхъ заведены, и кто въ которой начальникомъ, при чемъ дать о всѣхъ тѣхъ начальникахъ, такъ и объ обольщенныхъ, вступившихъ въ тѣ сборища людяхъ списки, ибо вы оныхъ есть начальникъ?

Отвѣтъ. Понеже мнѣ поручено было наипаче правленіе ордена Розоваго Креста, то я подробнаго объясненія и указанія обо всѣхъ учрежденныхъ сборищахъ въ разныхъ губерніяхъ показать не могу, наипаче потому, что господинъ Новиковъ, чрезъ котораго мнѣ всѣ списки доставляемы бывали, въ послѣдніе года жилъ постоянно въ деревнѣ, въ которой я у него не бывалъ; а онъ, пріѣзжая иногда въ Москву, оныя забывалъ, какъ мнѣ кажется, съ собою привозить. Впрочемъ, какъ я думаю, то и онъ многіе списки не предавалъ ли огню, а наипаче въ то время, когда онъ при покойникѣ графѣ Брюсѣ боялся, чтобы не пришли у него отъ правительства оныя отбирать. Сколько же упомяну, то скажу, что ложа учреждена въ Петербургѣ; но по приказанію моему Осипу Алексѣевичу Поздѣеву, которому она поручена, думаю что не собирается. Другая учреждена въ Орлѣ, подъ надзираніемъ Ивана Владиміровича Лопухина, и оная также не собирается. Третья, какъ кажется, въ Бѣлоруссіи, и поручена надзиранію Андрея Ивановича Веревкина, и также не собирается. — Прочихъ, по совѣсти моей, учрежденныхъ ложъ не помню, окромѣ Ивана Петровича Тургенева, у ко-

того самое малое число членовъ, которыхъ хорошенько не упомяну.

Вопросъ 12-й. Известно, что вы имѣли переписку въ чужіе края и именно съ Шварцемъ, барономъ Шредеромъ и Кутузовымъ; то вы должны всю сію переписку открыть и отдать при семъ всѣ ваши и тѣхъ людей бумаги, не утаивая изъ оныхъ ни единой; въ противномъ же сему случаѣ, буде что скроете и утаите, то подвергнете вы себя строгому по законамъ сужденію. А какъ сію переписку имѣли и товарищи ваши, то и оныхъ показать именно.

Отвѣтъ. Что имѣлъ переписку съ покойникомъ Шварцемъ, съ барономъ Шредеромъ и съ Кутузовымъ, то въ томъ признаваясь скажу предъ Богомъ, что я переписку съ Шварцемъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ какъ сжегъ, равно какъ и переписку съ барономъ Шредеромъ. Но что касается до переписки съ Кутузовымъ, то сколько оной есть, всю оную, не утаивая ничего, равно какъ и всѣ бумаги, которыя у меня есть, не укрывая ничего, по вѣрноподданнической моей должности представляю.

Вопросъ 13-й. Тайную типографію для чего вы завели, и какіе виды въ томъ имѣли? — ибо и сей вашъ вымыселъ явно обличаетъ, что ваши сборища есть въ государствѣ вредныя, потому что еслибъ во оныхъ не существовало никакого противу правительства развращенія и вреда, то бъ ни для чего тайной типографіи заводить было не нужно. Сія типографія столь тайно содержана была, что въ работѣ при оной не употребленъ былъ ни одинъ изъ русскихъ, а производили работу чужестранцы, а посему и открыть вамъ о семъ вашемъ замыслѣ самую истину.

Отвѣтъ. Что до тайной типографіи принадлежитъ, то я предъ Богомъ клянусь, что я объ ней свѣдѣнія не имѣю, а была за нѣсколько лѣтъ предъ симъ типографія подъ именемъ Ивана Владиміровича Лопухина, но которой однакъ онъ не правилъ, но Новиковъ правилъ. То развѣ сію можно почесть за тайную? Окромя же оной я ни о какой тайной типографіи понятія не имѣю, да и сія типографія, уже тому нѣсколько лѣтъ, присоединена къ кампанейской типографіи, въ чемъ клянусь, что сказалъ самую истину.

Вопросъ 14-й. Тайной экспедиціи бывшій секретарь Кочубѣевъ кѣмъ уловленъ въ ваше сборище, и изъ какихъ видовъ, и какой данъ ему орденъ?

Отвѣтъ. Что господина Кочубѣева я видалъ въ ложахъ, то истинная правда, и какъ мнѣ кажется, что онъ былъ принять господиномъ Новиковымъ или Гамалѣемъ, но достоверно о семъ сказать не могу. Что жъ принадлежитъ до какихъ либо видовъ касательно до его принятія въ масоны, то я самимъ Богомъ клянусь, что не зналъ и не знаю объ оныхъ ничего. Ордена же, кромѣ екосскаго никакого, какъ мнѣ кажется, онъ не имѣеть.

Вопросъ 15-й. Неоднократныя посланки въ чужіе краи Шварца, барона Шредера, Кутузова, Карамзина, такъ и отправленіе студентовъ изъ вашего сборища безъ позволенія правительства, навлекли уже правительству подозрѣніе; то и открытъ вамъ о причинахъ отправленія тѣхъ людей, и какія отъ сборища вашего даны наставленія, кои вамъ и объявить при семъ, а равно и какія вы получали увѣдомленія отъ оныхъ вашихъ посланниковъ? Также объяснить вамъ о долгой бытности въ Берлинѣ Кутузова и Шредера, и на чьемъ они иждивеніи туда отправлены были, и по скольку денегъ туда переводимо было?

Отвѣтъ. Отправленіе въ чужіе краи Шварца, барона Шредера и Кутузова имѣли видомъ своимъ исканіе объясненія на іероглифы масонскія, чего ради и наставляемъ былъ Шварцъ, чтобы онъ вездѣ, такъ называемыхъ тайныхъ братьевъ искалъ и просилъ довѣренности ихъ къ намъ. А баронъ Шредеръ и Кутузовъ были уже прямо посланы къ Велнеру для наученія отъ него всему принадлежащему до масонства. Увѣдомленія жъ Кутузова усмотрѣны будутъ изъ его писемъ, которыя всѣ, сколько ихъ у меня есть, обязуюся представить. Сіе самое и есть причиною долгаго пребыванія Кутузова въ Берлинѣ. Что жъ до содержанія ихъ касается, то они донинѣ содержалися изъ доходовъ типографическихъ, а когда оныхъ не было, то занимались деньги и къ нимъ посылались, сколько жъ оныхъ на пихъ издержано, то объ ономъ не знаю. Что жъ касается до Карамзина, то онъ отъ насъ посланъ не былъ, а ѣздилъ вояжиромъ на свои деньги. Ка-

сательно жь до двухъ студентовъ, то ихъ посылалъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ на свой коштъ учиться медицинѣ. Господинъ же Багрянской былъ посланъ учиться на счетъ компаніи; а сколько на него издержано, того не знаю.

Вопросъ 16-й. Извѣстной особѣ какія именно посылали книги? сколько, когда и чрезъ кого?

Отвѣтъ. Сколько и когда, и черезъ кого именно посылаемы были къ извѣстной особѣ книги, о томъ достовѣрно сказать не могу.

Вопросъ 17-й. Книга *О таинствѣ креста* откуда вами выписана и къмъ переведена?

Отвѣтъ. Откуда сія книга выписана, о томъ достовѣрно сказать не могу; а помнится мнѣ, что она привезена Шварцомъ изъ чужихъ краевъ. Что жь до перевода ея касается, то помнится ее переводили двое, съ нѣмецкаго и французскаго языковъ, а именно Кутузовъ и Багрянскій; а потомъ она была съ оригиналами прочитываема Тургеневымъ, Гамалѣемъ, Новиковымъ и прочими — кто бывало тутъ случится.

Вопросъ 18. Печатная книга *О народной гордости* когда печатана въ вашей типографіи, и кто ее цензуровалъ, и кто жь ее сочинилъ или переводилъ?

Отвѣтъ. Я могу предъ самимъ Богомъ удостовѣрить, что я о книгѣ *О народной гордости* никогда не слыхивалъ и никакого понятія не имѣю.

Открывъ таковымъ образомъ по всѣмъ предложеннымъ мнѣ пунктамъ все то, что я знаю, остается мнѣ, падъ предъ стопы Ея Величества, изливая сердечныя передъ нею слезы, воззвать: «Помилуй мя и прости, что я по невѣднію и безъ всякаго намѣренія содѣлался передъ тобою подозрительнымъ! Я буду во всю жизнь мою оплакивать мою неосторожность, ибо, что у меня не было никакого злаго и дурнаго намѣренія, въ томъ призываю во свидѣтельство самаго Господа Бога! Я рожденъ съ пытливымъ духомъ, искалъ вездѣ и во всѣхъ книгахъ просвѣщенія, иногда побуждаемъ былъ къ тому любопытствомъ, а иногда истиннымъ усердіемъ, и сіе есть побудительною пружиною самаго вступленія моего въ масонство. Во ономъ я, проходя всѣ степени, не удовольствовалъ своего любопыт-

ства, почему искалъ далѣе; нашелъ барона Рейхеля, тотъ всю мою довѣренность получилъ тѣмъ самымъ, что опровергнувъ мои прежнія заблужденія, почерпнутыя мною изъ Беля, Гельвеція, Вольтера и прочихъ; обратилъ меня на исканіе истины въ евангеліи. Потомъ, когда онъ не могъ моего любопытства удовлетворить въ масонствѣ, гдѣ искалъ какого-то тайнства; то я спознакомился съ покойникомъ Шварцомъ и по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ былъ имъ принятъ въ розенкрейцеры, гдѣ надѣялся найти, помощію точнаго исполненія христіанскихъ должностей, великое таинство познанія природы. Но до сихъ поръ онаго не обрѣлъ. Се суть принципы истинные въ сихъ моихъ дѣйствіяхъ, и я николи никакихъ чуждыхъ сему намѣреній въ исканіи моемъ не имѣлъ; и николи не ожидалъ содѣлаться въ очахъ всемилостивѣйшей моей Государыни подозрительнымъ. Но теперь, видя оное, паки падая предъ стопы Ея, прошу помилованія и удостовѣряю, что я съ сего часа, подавляя въ себѣ толико вредный для меня духъ пытливости, отрекаюсь отъ всѣхъ связей, негодныхъ моей Монархинѣ, какого бы рода онѣ по масонству не были, и повинуюсь Ея волѣ всѣ бумаги, кторыя имѣю, предлагаю при семь, и всякую переписку по масонству съ чужими краями прерываю.

17.

Вопросные пункты статскому совѣтнику Ивану Лопухину).*

Отвѣтъ на 1-й вопросъ. Тайныя сборища въ домѣ своемъ имѣлъ я весьма малочисленныя и, какъ помнится, не болѣе десяти разъ во всѣ годы. Признаюсь однакожь, что сіе не для того, чтобы я не хотѣлъ ихъ имѣть, но потому, что я живу въ домѣ отца моего—девяностилѣтняго, зрѣнія неимущаго, старца, отъ котораго я всемѣрно старался скрывать упражненія мои въ масонствѣ: ибо свѣдѣніе о семъ могло бы оскорбить его такъ, какъ нынѣ единъ слухъ о высочайшемъ за то гнѣвѣ можетъ для него быть смертоноснымъ ударомъ. Но я, исполненный вѣрноподданическимъ благоговѣніемъ, сы-

*) Вопросы пункты всѣмъ были предложены одни и тѣже, потому ихъ не перепечатаваемъ.

новнею любовію и усердіемъ къ Ея Императорскому Величеству, увѣренъ въ правосудіи и милосердіи Ея, матери отечество. Тѣмъ свободнѣе отвѣтствовать буду съ полнымъ чистосердечіемъ и откровенностію, въ твердомъ увѣреніи, что Ея мудрость и правосудіе увидятъ невинность, а милосердіе Ея проститъ мнѣ то, гдѣ я могъ погрѣшить по невѣжеству, а не отъ злаго умысла. Что жъ сего послѣдняго у меня никогда не было, тому свидѣтель Всевидающій, и сердца и утробы Испытующій. И такъ, по вышесказанной причинѣ, рѣдко имѣлъ я собранія въ своемъ домѣ, но чаще бывалъ въ иныхъ мѣстахъ. Хаживали часто ко мнѣ сотоварищи мои въ ономъ упражненіи, но не тайно, и мы, не съ запертыми дверями и не скрываясь, бесѣдовали. Все сіе пишу для обстоятельственнаго объясненія по сему артикулу, и не въ извиненіе себѣ сказываю, что рѣдко бывали у меня оныя собранія, зная, что это все равно рѣдко или часто. Вѣдаю, что государственными законами запрещены товарищества, братства и проч., черезъ полицію не дозволенные. Но собранія масонскія, въ разсужденія столь долговременной терпимости ихъ правительствомъ,—ибо мы имѣли иногда многочисленныя ложи, въ глазахъ, такъ сказать, цѣлаго народа и конечно не невѣдомо правительству онаго,—собранія оныя почиталъ я болѣе дозволенными, однакожь приѣмля во всей точности и строгости многочтимые мною законы государственные и вышеприведеннымъ мною резономъ не оправдывая себя, и не осмѣливаясь мнимую мною терпимость предпочитать явному и ясному законному предписанію. Въ упражненіяхъ моихъ въ масонствѣ всѣхъ системъ не было иной цѣли кромѣ желанія чрезъ разныя познанія пути содѣлаться просвѣщеннѣйшимъ и добродѣтельннѣйшимъ человѣкомъ и истиннѣйшимъ христіаниномъ, вѣрнѣйшимъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества и лучшимъ слугою государства Ея: сія одна была цѣль моя. По склонности къ онымъ познаніямъ упражнялся я въ оныхъ и другихъ привлекалъ: самъ почитая оное полезнымъ и другимъ того же желалъ, и въ семь видѣ чинилъ собранія, по обычаю такихъ обществъ.

На 2-й. Со всѣми вышесказанными я никогда никакой переписки не имѣлъ. Когда я вступилъ въ общество, то связь съ герцогомъ брауншвейгскимъ и принцемъ гессенъ-кассель-

скимъ не продолжалась, сколько мнѣ извѣстно, нѣкоторое время, такъ что подлинно можно сказать, нѣсколько только мѣсяцевъ упражнялся я въ той системѣ, гдѣ они участвовали. Не находилъ я въ ней вреднаго, но и полезнаго себѣ не находилъ же; я видѣлъ въ ней одно броженіе, которое, по моему мнѣнію, не могло привести ни къ полезнымъ познаніямъ, ни къ чему доброму, а удобнѣе злоупотреблена быть могла, и могла привести къ видамъ политическимъ и противнымъ благоустройству государственному; чего сообщество наше всегда страшилось и гнушалось. Вся сія система, лѣтъ восемь назадъ, была оставлена всѣми извѣстными мнѣ сотоварищами моими; и принята она единственно была по непохвальному любопытству, по непрерывной жадности къ познаніямъ и по неискусству. Хотя я не былъ при принятіи оной системы, но вышесказанныя обстоятельства мнѣ извѣстны по короткому знакомству съ принявшими ее и потому, что я, какъ и прежде сказалъ, и самъ короткое время съ ними въ оной упражнялся; но тогда уже переписки по ней не было съ Велнеромъ. Извѣстно мнѣ, что была переписка по системѣ, называемой древняго масонства или Золотаго и Розоваго Креста; переписывался съ нимъ одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Трубецкой. Вся она состояла, думаю, въ пяти или шести письмахъ—ежели не меньше, и прервалась съ того времени, какъ маіоръ Кутузовъ въ чужихъ краяхъ находится, т. е. лѣтъ пять. Переписку князя Трубецкаго съ Велнеромъ я читывалъ—въ ней ничего не было трактовано окромъ морали и науки о познаніи натуры по системѣ древнихъ и новѣйшихъ, такъ называемыхъ герметическихъ философовъ. Что жъ принадлежитъ до отношенія къ политическому обстоятельству, упомянутому въ семъ артикулѣ, то хотя въ оной перепискѣ прусскаго министра никогда не было ни малѣйшаго подозрѣнія на виды политическіе; однакожь мы, вѣдая, сколь легко человѣки по пристрастіямъ и корыстолюбію все во зло употребить могутъ, и ни къ кому лично безысключительной довѣренности не имѣя, а притомъ въ неизмѣнности священнымъ обѣтамъ вѣрноподанныхъ и сыновъ отечества, особливо и крайне бдительны были въ упомянутое въ семъ артикулѣ время, и ежели бы получили что противное хотя мало ин-

тересамъ Императорскаго Величества и отечества нашего, то конечно бы не только отвергли, но и объявили правительству. Сколько мнѣ извѣстно, то шифрами не скрывали сей переписки отъ правительства, съ тѣмъ, чтобы она могла быть найдена преступническою, и по большей части матерію писали обыкновенными литерами; а нѣчто о книгахъ и наукъ иногда писывали шифрами для того, чтобы въ случаѣ утраты писемъ и открытія ихъ не подвергнуть посмѣянію и прочимъ такого рода оскорбленіямъ лицъ и вещей отъ такихъ, которые оныхъ упражненій не одобряютъ; и въ семъ случаѣ слѣдовали учрежденію помянутаго масонства, въ котораго степеняхъ и шифры находятся, нами же выдуманныхъ шифровъ я не знаю. По симъ только причинамъ паки производилась оная переписка, которую мы и не воображали быть преступательной въ разсужденіи правительства. Не находя въ ней ничего оному вреднаго, не почитали ея недозволенною, а полагали равнообразною со всѣми разныхъ родовъ философскихъ и учебныхъ переписокъ, по разнымъ людей склонностямъ, переписокъ терпимыхъ въ государствѣ. А ежели бы получили отъ страны чужеземной что противно, то поступили бы, какъ выше сказалъ. Иностранныя письма оныя, сколько мнѣ извѣстно, получаемы были съ умершимъ профессоромъ Шварцемъ, съ барономъ Шредеромъ и по почтѣ. А посылались съ Шредеромъ же и съ маіоромъ Кутузовымъ и такъ же по почтѣ чрезъ нихъ; а одинъ разъ, помнится, прямо на имя Велнера черезъ почту писалъ князь Трубецкой, который одинъ и переписывался. Вѣдали же именно о перепискѣ съ Велнеромъ, сколько мнѣ извѣстно, Кутузовъ, Шредеръ, Новиковъ и я. А связь съ герцогомъ брауншвейгскимъ, думаю, многимъ, такъ называвшимся благотворнымъ рыцарямъ извѣстна тогда была: ибо печатано даже въ чужихъ краяхъ было о положеніи онаго вильгельмскаго конвента масонскаго, на коемъ оный герцогъ поставленъ былъ правителемъ всѣхъ ложъ сей системы. Но при вступленіи моемъ въ масонство не было уже съ симъ переписки и связи, а провинціальная здѣшняя ложа безотносительно къ оному учреждала сама собою.

На 3-й. О началѣ связи съ герцогомъ брауншвейгскимъ я, какъ и прежде сказалъ, обстоятельно не знаю; что къ нему

писано было, то мнѣ совсѣмъ неизвѣстно. Его же письма, — два или три коротенькихъ, — читалъ я у Шварца и нашелъ ихъ весьма обыкновенными и ничего не значущими, а содержанія ихъ прямо не помню и кромѣ того, что и помнитъ онаго нечего. Я къ нему никогда не писалъ и не только не подписывалъ прошеній, но до сего часа и не слыхалъ объ оныхъ. О подчиненіи же себя въ зависимость, въ неограниченное повиновеніе и послушаніе герцогу брауншвейгскому я услышавъ только, трепещу въ сердцѣ, исполненномъ вѣрностию, осмѣлюся сказать, особо сыновнею любовію къ моей монархинѣ. Вездѣсущій—свидѣтель симъ чувствамъ моимъ, и онъ да соблюдетъ меня и отъ помышленія одного вступить въ таковую подчиненность къ кому либо, кромѣ его самага и поставленной отъ него Императрицы и матери нашей. Въ дополнительное объясненіе по сему артикулу еще донесу, что въ то время, когда выходили указы высочайшаго неудовольствія на общество наше и прещенія на книги, существовалъ у насъ единственно институтъ ордена Златаго и Розоваго Креста, который сообщенъ намъ, какъ мнѣ извѣстно, отъ Велнера: то развѣ писали увѣдомленіе о происшествіяхъ оныхъ къ управляющимъ въ ономъ институтѣ, въ которомъ герцогъ брауншвейгскій, сколько я знаю, не участвовалъ. Но какъ тогда еще не присутствовалъ въ здѣшнемъ правленіи розенкрейцерскомъ, то писанія оныя отсюда мнѣ неизвѣстны, и послѣ я ихъ не читалъ и содержанія ихъ не знаю.

На 4-й. Признаюсь, что когда по любви моей къ упражненіямъ въ сказанныхъ мною познаніяхъ естественно было мнѣ желать, чтобы и другія въ томъ же упражнялись, что пристрастіямъ весьма сродно, какъ мнѣ кажется: то особливо неестественно бы мнѣ было не желать того же столь важной и драгоценной особѣ. Но я только что желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о семъ и знаю: Новиковъ со мною мало о семъ и говаривалъ; когда же говаривалъ, то я ему совѣтовалъ осторожность и говорилъ, чтобы для чистоты сердечной наблюдать, чтобы подъ видомъ христіанскаго доброжелательства не вкралась собственность, изъ которой могутъ породиться пожеланія страшныя для христіанъ и подданныхъ и

гнусливыя въ очахъ божіихъ и людей добродѣтельныхъ. Рѣдкая посылка отъ Новикова къ той особѣ книгъ чрезъ архитектора Бажанова и разговоры сего послѣдняго съ нею не казались мнѣ заслуживающими никакого худаго вниманія. Слова особы сей, сколько я слышалъ, переданныя чрезъ Бажанова Новикову, изъявляли ея благодушіе и склонность къ упражненіямъ въ христіанствѣ, мнѣніе сперва о упражненіяхъ нашихъ не худое, а потомъ сумнѣніе и подозрѣніе насъ въ намѣреніяхъ нечистыхъ. Симъ послѣднимъ мнѣніемъ я оскорблялся—какъ то естественно; ибо я почиталъ упражненія мои чистыми, и въ чистотѣ сей увѣренъ былъ, зная однакоже, что особа та не могла вѣдать точно основанія нашего, имѣя свѣденіе только по немногимъ разговорамъ съ Бажановымъ и по слухамъ. Сожалѣніе сіе мое мнѣ было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ важнѣе особа, какъ естественно наибольше желать одобренія своихъ мнѣній и дѣлъ отъ важнѣйшихъ особъ. Съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ, — когда заводилось здѣсь то благотворительное рыцарство,—что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, и изъ здѣшнихъ развѣ ту особу, ежели когда-нибудь она то приметъ на себя. Однакоже я знаю, что особѣ сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала. А только мнѣ извѣстно, что Новиковъ къ ней посылалъ, сколько же именно разъ, того не знаю, книги у насъ печатанныя, какъ то Ардта *о истинномъ христіанствѣ* и подобныя, а какія именно точно, не помню теперъ. И она, судя по книгамъ, почитала упражненія наши, какъ я слышалъ, не бесполезными; я же лично никакого подвига къ преклоненію той особы не дѣлалъ и никого къ тому не возбуждалъ. А, по вышесказаннымъ причинамъ, радовался только, слыша объ добромъ мнѣніи о нашихъ упражненіяхъ столь важной особы, и кромѣ сего никакого виду и предпріятія не имѣлъ. Въ объясненіе вышесказаннаго о великомъ мастерѣ еще прибавлю, что у насъ не было онаго учреждено, а управляла директорія, составленная изъ первыхъ чиновниковъ провинціальной ложи.

На 5-й. Бумагу такую и выписку я не только чтобъ имѣлъ у себя или читалъ, но и вскользь ее не видывалъ; а слышалъ я въ 786 или 87 году, что Бажановъ далъ Новикову какую-то бумагу, въ которой онъ записалъ разговоры свои съ известной особой, коихъ содержанія мнѣ сказывалъ, но точно не помню онаго; предсудительнаго же и такого, о чемъ бы долженъ правительству объявить, увѣренъ, что не слышалъ. О бумагѣ оной помнится я слышалъ отъ князя Трубецкаго, самъ же ее не видалъ, и чтобъ кто кромѣ Новикова ее у себя имѣлъ, не знаю по истинѣ, такъ же и о томъ, кто ее въ рукахъ имѣлъ, а о выпискѣ я и не слышалъ: по сему искреннему и вѣрному признанію моему ясно, что я не могъ сію бумагу посылать къ Кутузову, и мнѣ помнится, что сей въ то время еще здѣсь былъ; однакожь того утвердить не могу.

На 6-й. Въ известныхъ мнѣ степеняхъ сановъ епископскихъ нѣтъ, какъ равно и названій таковыхъ. Въ нѣкоторыхъ, помнится, переводахъ нашихъ отъ неисправнаго перевода названо епархією собраніе нѣсколькихъ круговъ или ложъ розенкрейцерскихъ. И я это всегда почиталъ ошибкою или худымъ выборомъ слова, по каковому мнѣнію никогда и не уважалъ сего; такъ равно престолами и жертвенниками столы предсѣданія давно называются во всемъ масонствѣ, какъ мнѣ помнится. Я сего такъ же не уважалъ, ибо таковыя названія, какъ то престоловъ и жертвенниковъ, даются вещамъ совсѣмъ не священнымъ, и въ мѣстахъ таковыхъ же. Образъ миропомазанія дѣлается въ одной степени, которую я имѣю. Но всего онаго я не почиталъ и, сколько мнѣ известно, въ обществѣ нашемъ все оное не почиталось за священнодѣйственное, а единственно за іероглифы, подобно всѣмъ известнымъ въ масонствѣ разнаго рода и образа іероглифамъ.

На 7-й. Въ разныхъ степеняхъ известнаго мнѣ масонства дѣлались присяги предъ священнымъ писаніемъ, но безъ креста. Ужасныя клятвы, издавна учрежденныя, какъ известно, въ масонствѣ, у насъ уже давно отвержены и, сколько мнѣ известно, не произносились. Присяги о претерпѣніи пытокъ, розысковъ и даже самой смерти для сокрытія отъ правительства тайны ордена Розоваго Креста не давалъ и не знаю.

Есть, помнится, о семъ въ одномъ наставленіи, которое и напечатано въ Германіи. Но я сего пункта по истинѣ никогда не принималъ, такъ какъ и многого въ тѣхъ уставахъ сердце и разумъ мой безусловно и неограниченно не принимали. Тайною такового ордена я никогда не почиталъ оное, какъ то философское дѣло, о которомъ говорится въ герметическихъ книгахъ, и которое, какъ въ нихъ же пишется, обязаны были всегда всѣми мѣрами сокрывать отъ правительства имѣющіе искусство онаго. Дѣла сего я никогда не опровергалъ, не имѣя довольно разуму доказать себѣ невозможность онаго, но никогда и не заботился стяжать оное. Систему же масонства, въ которой не находилъ ничего противнаго обязанностямъ христіанина, вѣрноподданнаго и гражданина, и въ которой упражненія стремятся къ познаніямъ таинствъ творенія, не отвергалъ я по расположенію работъ къ помянутому философскому дѣлу, не бывъ, какъ сказалъ, увѣренъ въ невозможности онаго дѣла, о которомъ однако я и хорошаго понятія не имѣю. Но ежели оно возможно, думалъ я, не отрицая сей возможности по мнѣнію о безднѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея, то и сіе дѣло бесполезно быть не можетъ. Повиновеніе великому мастеру и откровенность ему я и всѣ, сколько мнѣ извѣстно, благомыслящія общества нашего принимали только въ смыслъ, до науки касающемся; если же бы кто сталъ отъ меня требовать чего противнаго моимъ обязанностямъ христіанина и вѣрноподданнаго, то я не только бы отбѣжалъ отъ него, какъ отъ опаснѣйшаго врага, но и открылъ бы его правительству. Что принадлежитъ до герцога брауншвейгскаго, то я въ предыдущихъ артикулахъ сказалъ, что съ нимъ ни въ какой связи и въ подчиненіи у него не былъ. Что жъ касается до отрицанія правительства самодержавной власти Ея Императорскаго Величества, то я желаю умереть прежде, нежели даже помыслить сіе сдѣлать. Я непоколебимо преданъ Ей и по долгу вѣрноподданнаго и по любви сыновней; давая же во всѣхъ розенкрейцерскихъ степеняхъ присяги, т. е. въ тѣхъ, въ которыхъ находился, равно и въ такъ называвшемся предверіи онаго или степеняхъ нижнихъ, въ которыхъ, мнѣ помнится, только въ двухъ или въ трехъ съ обрядами принять

я былъ. Давая всѣ сїи присяги, никогда я не думалъ, чтобъ они могли простираются на что-нибудь противное обязательствамъ моимъ вѣрноподданнаго Ея Императорскому Величеству и сына отечества моего. И послѣ во всѣхъ актахъ не видѣлъ ничего, которое бы могло открыть мнѣ хотя тѣнь подозрѣнія на то, чтобы оныя обѣты учреждены были въ видѣ обращенія ихъ на отношенія политическія, и, ежели бъ одну тѣнь оную примѣтилъ, то возгнушался бы всѣмъ институтомъ, яко богопротивнымъ. Такъ же если бы изъ членовъ онаго, отъ кого либо, услышалъ расположеніе обращать тѣ обѣты на такой смыслъ, то бы почелъ его извергомъ, котораго не только удалить, но и правительству открыть должно и полезно. Бывшее здѣсь правленіе наше, такъ называемаго ордена Розоваго Креста, въ вышесказанномъ мною вѣрноподданническомъ расположеніи наипаче бдительно было отъ охраненія управлявшихся онымъ членовъ отъ уловленія въ секту такъ называемыхъ иллюминатовъ, о которыхъ намъ сообщено было изъ главной надъ нашею директоріи, что они не только тщатся подкапывать христіанскій законъ, но и разрушать зависимость отъ государей и отъ церковныхъ и свѣтскихъ властей ихъ, для предписанія на каковой конецъ обь осторожности во всѣ подчиненныя ложи, мнѣніе мое, какъ присутствовашаго въ помянутомъ розенкрейцерскомъ правленіи въ то время поданное въ ономъ, по которому исполнялося, при семь черное моей руки вручилъ Его Сіятельству, главнокомандующему въ Москвѣ, князю Александру Александровичу Прозоровскому.

На 8-й. Названіе ордена Розоваго Креста почему подлинно здѣлано, я по истинѣ основательно не знаю; а думалъ сходно съ читанными мною въ нѣкоторыхъ ордена сего книгахъ, что оно имѣетъ отношеніе ко кресту Христову, украшенному кровію его. Орденъ сей почитается порожденіемъ герметической школы, которой начало считаютъ философы оной отъ временъ адамовыхъ и древнихъ патріарховъ. Черезъ три или четыре столѣтія онъ извѣстенъ подъ именемъ Золотаго и Розоваго Креста; кѣмъ онъ таковымъ учрежденъ именно, не вѣдаю;—пишутъ въ книгахъ, что однимъ такъ называющимся Розенкрейцеромъ, но подлиннаго извѣстія въ

актахъ, мнѣ свѣдомыхъ, о семъ нѣтъ. Знаки, налагаемые во время собраній, суть разные въ орденѣ семъ, такъ какъ въ масонствѣ нижнихъ степеней. Ордена святаго апостола Андрея никогда на себя не возлагалъ; при ономъ вступленіи моемъ въ масонство, чему теперъ около десяти лѣтъ, былъ одинъ, такъ называемый екосской степень, въ которомъ былъ подобный знакъ. По принятіи меня въ оную степень, я его однажды не прилежно читалъ и ничего изъ него по истинѣ не понималъ. Въ самое то же время и оставленъ степень сей, а на мѣсто его присланъ къ Шварцу другой, по которому я работалъ и другихъ принималъ.

На 9-й. Въ орденѣ Розоваго Креста мнѣ извѣстныхъ здѣсь были (а я долженъ былъ по участію моему въ правленіи здѣшнемъ всѣхъ знать): Шварцъ, умершій, Князь Николай и Юрій Никитичъ Трубецкіе, кураторъ Херасковъ, Николай и Алексѣй Новиковы, бригадиръ Тургеневъ и бригадиръ Чулковъ, надворный совѣтникъ Гамалѣя, полковникъ Поздѣевъ, профессоръ Чеботаревъ, маіоръ Кутузовъ, Шредеръ, докторъ Френкель, полковникъ князь Алексѣй Черкасскій, титулярный совѣтникъ, князь Енгальчевъ, сенаторъ Алексѣй Андреевичъ Ржевскій, премьеръ—маіоръ Фрекlichъ, Багрянской докторъ и я. Тотъ степень, въ знакѣ котораго находилось изображеніе креста Андрея апостола, какъ я уже прежде сказалъ, лѣтъ уже девять тому назадъ совсѣмъ не въ употребленіи былъ между нами; и съ того времени никто изъ извѣстныхъ мнѣ не имѣетъ онаго. Отмѣна сего степеня и замѣненіе онаго другимъ, такъ называемымъ екосскимъ же, послѣдовала меньше нежели черезъ годъ по вступленіи моемъ въ масоны, и тогда, когда я никакъ въ правленіи здѣшняго масонства не участвовалъ, и потому и не могу я точно именовать имѣвшихъ съ тѣмъ знакомъ степень оную, и удовлетворительнаго донесенія о семъ сдѣлать не могу. Я получилъ екосскій степень по онымъ обрядамъ и послѣ того помню, что находился не болѣе одного раза при употребленіи онаго въ ложѣ. Затѣмъ послѣдовалъ, какъ выше сказалъ я, новый въ замѣну того екосскій градусъ, который и употреблялся во все время участванія моего въ правленіи и Благотворительнаго Рыцарства, и братства Розоваго Креста.

На 10-й. Я ни одной запрещенной книги не печаталъ и завѣдомо не продавалъ. Въ бывшей типографической компаніи и въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ уничтоженной нами печатаніемъ и продаваніемъ книгъ управлялъ поручикъ Новиковъ; я въ оное не входилъ и совсѣмъ не зналъ, что перепечатываются запрещенныя книги, такъ какъ и теперь по истинѣ не знаю, какія то были. Извѣстно мнѣ только, что послѣ помянутыхъ запрещеній оканчивалось печатаніе книги, называемой *Божественная Метафизика*; и хотя сія книга подъ запрещеніе не подошла, ибо не допечатана и не открыта тогда была, но по содержанію ея, въ силу оныхъ запрещеній, не должна была въ свѣтской типографіи печатаема быть: то я признаю себя виновнымъ въ томъ, что, вѣдая о печатаніи оной книги, не препятствовалъ сему и не старался всѣми возможными мнѣ способами отвратить онаго, въ какомъ проступкѣ моемъ, уповая на всемилостивѣйшее прощеніе, равно и въ томъ ежели я не завѣдомо, однакожь отъ небреженія продалъ какія либо изъ запрещенныхъ книгъ, по истинѣ не помня, чтобъ когда то дѣлалъ, но могло оное случиться слѣдующимъ образомъ: въ общую продажу изъ компанейскихъ магазейновъ книжныхъ и въ распоряженіе оной я никакъ не входилъ, но отдавалъ въ разныя времена нѣсколько книгъ на продажу въ курскую и орловскую лавки, бравъ тѣ книги на свой счетъ отъ компаніи по реестрамъ, подаваннѣмъ мнѣ требовавшими оныя продавцами, и которые подписывалъ я, не читая, чѣмъ однако не оправдываюся. Я, подписывая такимъ небрежнымъ образомъ, означалъ только сумму, на которую отпустилъ. И такъ могли вкрадываться въ тѣ подаваемые мнѣ реестры и запрещенныя книги; съ намѣреніемъ же никогда я ихъ въ продажу не выпускалъ и не разсылалъ, такъ же при реестрахъ книгъ я никакихъ не сокрывалъ; а зналъ, что Новиковъ скрываетъ и хотя и не старался всемѣрно препятствовать тому, въ чемъ еще нахожу себя виновнымъ, однако не одобрялъ того поступка и лучше сказать гнушался сокрытіемъ запрещенныхъ книгъ на продажу; о скрытіи въ деревнѣ князя Черкаскаго и свѣдалъ я гораздо позже учиненія онаго. Во время же перваго осмотра книгъ въ концѣ 785 и въ началѣ 786 годовъ былъ

я въ Кромской моей деревнѣ. Въ то время не открыты осмотромъ въ бывшей подъ именемъ моимъ типографіи печатанныя нѣкоторыя книги, какъ-то: *Таинство креста* и проч. Въ отсутствіе мое, равно какъ и всегда оной типографіей распоряжался Новиковъ. Какъ онъ тѣ книги тогда сокрылъ, того обстоятельно не знаю, но увѣренъ, что сіи книги и до осмотра, и послѣ осмотра никогда въ продажу пущены не были. А слышалъ, что ходили украденныхъ какъ то изъ магазейна или при напечатаніи по три или по четыре экземпляра; знакомымъ же нашимъ, до сихъ книгъ охотникамъ, мы ихъ для собственнаго чтенія давали, и я сіе также дѣлалъ.

На 11-й. Мною посредственно или непосредственно управляемая въ разныхъ губерніяхъ суть: въ Орлѣ, гдѣ главнымъ надзирателемъ вице-губернаторъ Карнѣевъ, — съ нимъ бывший губернаторъ Неплюевъ числился только, ибо онъ давно отсталъ; совѣтники палатъ Нелѣдинской, Ржевской; ассесоры: меньшей Карнѣевъ и Милоновъ, статскій совѣтникъ Свербѣевъ; въ Вологдѣ главнымъ надзирателемъ — застѣдатель верхняго земскаго суда Остолоповъ, съ нимъ, помнится, челоуѣка три или четыре малыхъ чиновъ; въ Кременчугѣ года три тому назадъ заводилася ложа ассесоромъ Бѣлоусовичемъ, который былъ со мною въ сношеніи; но она въ недѣйствіи, и переписка прервана; въ С.-Петербургѣ главнымъ надзирателемъ премьеръ-маіоръ Лѣнивцевъ, съ нимъ также трое или четверо, которыхъ именно теперъ показать не помню. Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ была ложа, но какъ она не состояла никогда въ моемъ вѣдѣніи, то обстоятельно объ ней показать не могу, и думаю, что она не въ дѣйствіи. Ибо нѣсколько лѣтъ тому, какъ у насъ собранія и упражненія производились только въ степеняхъ розенкрейцерскихъ и въ послѣдней, къ онымъ такъ называемой соломоновыхъ наукъ и теоретическихъ философовъ, въ которой степени управляющіе именуются главными надзирателями. Я управлялъ сими ложами, былъ директоромъ круга розенкрейцерскаго, и участвую въ главномъ правленіи сего братства здѣсь, которое съ помянутыми теоретическими ложами одно и существовало наконецъ. Такъ называемая шотландскія матери ложа уже давно не въ дѣй-

ствіи. Система Благотворнаго Рыцарства, на которой должны быть: главная провинціальная ложа, подъ нею директорія, подъ сею капители, а подъ нею екосскія и трехъ—степенныя ложи. Сія система опять давно оставлена, какъ я прежде показалъ, и изображенное мною рыцарства расположеніе не существуетъ, да и никогда не существовало основательно. Восемь лѣтъ уже тому, какъ никто въ братья Рововаго Креста не принять, и находящіеся въ ономъ изъ одного въ другой градусъ не переходили. Въ послѣдніе годы розенкрейцерскихъ собраній болѣе не было, какъ четыре или пять въ годъ, а иногда и меньше. Чаше, однако не часто, собирались въ теоретическихъ ложахъ, и были рѣдки принятія въ сію степень, въ прочихъ же степеняхъ пять или шесть лѣтъ можно сказать не упражнялись или такъ мало, что я въ томъ и отчета дать не могу, и самая большая часть масоновъ оставили и оставлены, и мы наконецъ находились весьма не въ великомъ числѣ.

На 12-й. Когда я вошелъ въ связи масонскія, тогда Шварцъ уже до смерти своей не выѣзжалъ изъ Россіи; къ барону Шредеру во все время писалъ я одно письмо, пересылая вексель, оставленный у меня княземъ Трубецкимъ, при отъѣздѣ его въ Петербургъ третьяго года,—въ которомъ писалъ только о приложеніи онаго и нѣсколько словъ дружественнаго доброжелательства къ Кутузову. По отъѣздѣ его въ чужіе края, писалъ я въ годъ два или три письма и отъ него получилъ столько же; въ то время когда князь Трубецкой жилъ въ Петербургѣ, писалъ я къ Кутузову, часто и отъ него получалъ. Но всѣ письма сіи, какъ не интересны, ни мало не хранилъ, а потому и не могу оныхъ представить. Я писалъ всегда прямо на бѣло и такъ моихъ писемъ къ нему нѣтъ у меня; о прочихъ перепискахъ съ Кутузовымъ и Шредеромъ ни о чьей обстоятельно не знаю, кромѣ князя Трубецкаго, который къ нимъ нерѣдко писалъ, особливо къ Кутузову. Ибо когда сей былъ въ чужихъ краяхъ, то къ Шредеру князь Трубецкой писалъ очень рѣдко, какъ думаю, не по дѣламъ общества нашего, ибо послѣдніе годы къ нему довѣренности не имѣлъ. А когда Шредеръ прежде ѣздилъ одинъ въ чужіе края, тогда князь Тру-

бецкой нерѣдко къ нему писалъ, но я тогда обстоятельно о семъ свѣдѣнїя не имѣлъ. Еще знаю, что Тургеневъ писалъ къ Кутузову во все время письма два, и въ моихъ письмахъ иногда приписывалъ. Новиковъ также, помнится, разъ или два къ нему писалъ, но обстоятельно кромѣ вышесказаннаго ничего не знаю. О времени Шварцева пребыванїя въ чужихъ краяхъ ничего не знаю, но я тогда и въ связи сей не находился, а вошелъ въ оную, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ по возвращенїи его въ Россїю. И ежели я что въ показанїи семъ скрылъ или утаилъ, то съ полнымъ признанїемъ найду себя достойнымъ строгаго по законамъ сужденїя.

На 13-й. Типографїя, бывшая подъ именемъ моимъ, объявлена мною при заведенїи ея здѣшней управѣ благочинїя и заведена на основанїи высочайшаго указа о вольныхъ типографїяхъ; и даже когда я ее перевелъ, и она вошла въ типографїю компанейскую, то и о семъ я объявилъ управѣ благочинїя. Но скрытно и сказанными въ семъ вопросѣ людьми печатались нѣкоторыя книги, какъ то *Таинство креста* и еще немногія, но ихъ всѣхъ именовать теперь не упомяну. Сею типографїею моею управлялъ, какъ уже выше показано отъ меня, Новиковъ и въ бытность мою въ Москвѣ, и въ осьмимѣсячное мое отсутствїе изъ оной. Нѣкоторыя изъ оныхъ книгъ я совсѣмъ не читалъ, а иныя знаю и признаюсь, что по сильной склонности къ мистикѣ находилъ въ нихъ удовольствїе; кромѣ склонности сей и во мнѣ и въ другихъ, поелику мнѣ извѣстно, никакихъ побужденїй къ тому печатанїю и замысла при ономъ не было. Сокрывали мы книги сіи единственно для того, что хотя не вышелъ еще тогда запретительный указъ, но были слухи и о томъ, что неуютны правительству книги такого рода. Не могли мы однако думать, что сіи книги, во многихъ экземплярахъ напечатанные, никогда не открылись въ продажу; объявленные мною въ семъ отчетѣ книги никогда ни тайно, ни явно выпускаемы не были, развѣ то дѣлалось совсѣмъ невѣдомо мнѣ. А любителямъ изъ общества нашего раздавались, какъ я и прежде сказалъ. Хотя сею типографїею, подъ именемъ моимъ бывшею, управлялъ и книги отдавалъ печатать Новиковъ; однако я по склонности къ мистическимъ матерїямъ

участвовала много въ томъ печатаніи и усердіемъ, и вѣданіемъ. И хотя Богъ тому свидѣтель, что я во всемъ томъ никакого злаго умысла не имѣлъ, но, не сохраняя во всей точности чистоты въ отношеніи къ государственнымъ узаконеніямъ, признаю себя достойнымъ строгости ихъ наказанія, яко виновный, и дерзаю испрашивать помилованія отъ единого высочайшаго милосердія.

На 14-й. Секретарь сей былъ принятъ Гамалѣею или Тургеновымъ, точно не помню — только кажется, однимъ изъ нихъ; видовъ въ принятіи семъ, кромѣ обыкновенныхъ въ масонствѣ, я не могу предположить никакихъ, а особливо злыхъ, и потому, что сіе дѣлалось во время главнокомандованія покойнаго фельдмаршала графа Чернышева, который имѣлъ гораздо больше довѣренности къ самому Гамалѣю, нежели къ Кочубѣеву. Сей послѣдній часто хаживалъ, и не таясь, въ ложи многочисленныя, которыя тогда и года три или болѣе послѣ весьма нескрыты были. Кочубѣевъ сей находится въ степени, называемомъ теоретическимъ соломоновыхъ наукъ.

На 15-й. Шварцъ, сколько мнѣ извѣстно стало во время моего вступленія въ общество, посыланъ былъ для пріисканія лучшаго масонства. Въ какомъ видѣ онъ вошелъ въ связи Благотворнаго Общества и братства Розоваго Креста, всѣ обстоятельства сего происшествія мнѣ неизвѣстны, понеже, какъ я сказывалъ, отправленіе сего и возвращеніе было гораздо прежде вступленія моего въ масонство. Послѣ не интересовался я много развѣдать объ нихъ; и не къ лицамъ токмо имѣя довѣренность, дѣлалъ мои заключенія по бумагамъ, содержащимъ въ себѣ институты обѣихъ системъ, и по мнѣнію моему система братства Розоваго Креста представлялась мнѣ гораздо лучшею. И въ ея актахъ не принималъ я все за безпогрѣшное и за достойное слѣпой вѣры, и безъ размышленнаго послѣдованія не отвергалъ никогда того, чтобъ не могли тутъ быть ошибки, свойственныя недостатку челоувѣчества, но не находилъ тутъ ничего зловерднаго, ничего, по моему мнѣнію, противнаго обязанностямъ христіанина, вѣрноподаннаго и сына отечества: ибо ежели бы подобное находилъ или когда бы то ни было увидѣлъ

оное, то съ трепетомъ бы удалился отъ онаго. И такъ не-находя того послѣдняго, находилъ много и полезнаго, особливо относительно къ наукѣ, открывающей вѣдѣніе о натурѣ и твореніи Всемогущаго, каковое вѣдѣніе, какъ я думаю, способствуетъ къ познанію о вездѣсущіи божіемъ; а сіе должно возбуждать страхъ господень, который есть начало премудрости. Въ таковсмъ расположеніи духа принялъ я оную науку, яко способствующую, какъ я думалъ, къ преуспѣхамъ въ христіанствѣ, съ чистотою котораго я находилъ согласнымъ и нравоученіе, преподаваемое въ извѣстныхъ мнѣ актахъ онаго ордена Золотаго и Розоваго Креста, и въ книгахъ, въ онѣмъ рекомендуемыхъ. Поелику мнѣ извѣстно сіе, почелъ я за нужное сказать, яко чистосердечнѣйшее исповѣданіе мое о причинахъ къ тому, что я былъ въ онѣмъ ордентѣ. Возвращаясь къ вопросамъ о баронѣ Шредерѣ и Кутузовѣ, донесу: баронъ Шредеръ, когда ѣздилъ одинъ, то по возвращеніи привезъ, сколько я знаю, нѣкоторыя степени, не бывшія еще здѣсь, ордена Розоваго Креста, и которыя онъ, какъ я слышалъ, получилъ отъ Велнера, яко отъ главнаго берлинской директоріи, отъ которой наша получила первые акты ордена Золотаго и Розоваго Креста; и тогда еще сей Велнеръ задолго не былъ министромъ. А во время его министерства едва ли князь Трубецкой получалъ хотя одно письмо отъ него и къ нему писалъ ли, утвердить сего не могу, но помнится такъ. Въ послѣдній разъ, когда Шредеръ поѣхалъ съ Кутузовымъ, то безъ всякаго порученія и довѣренности; возвращающемуся ему въ отечество свое, дѣлали мы помощи изъ снисхожденія на его недостатокъ и въ удовлетвореніе за капиталъ его въ бывшей компаніи, который, при уничтоженіи ея, возвращенъ какъ ему, такъ и Кутузову, яко бывшими членами въ оной. Кутузовъ отправленъ въ Берлинъ и въ прочія мѣста, гдѣ, мы полагали, нужно быть можетъ для дальнѣйшаго еще успѣха въ наукѣ того ордена и полученія новыхъ степеней, когда можно будетъ; въ каковомъ ожиданіи онъ и живетъ въ Берлинѣ, упражняясь, сколько мнѣ извѣстно, въ химіи по методѣ орденской. И онъ также получалъ отъ насъ знатныя суммы на прожитокъ и на покупку книгъ. Наставленія Шрейдера и Кутузову долженъ

быль давать и давалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой; не могу я подлинно сказать и подробно какія, и были ли письменныя, того не знаю. Но по короткому знанію моему сего князя Трубецкаго и по увѣреніи въ его добродушіи и честности, увѣренъ, что онъ не давалъ никакихъ вредныхъ и касающихся до чего либо, кромѣ вышесказанной мною цѣли. Увѣдомленія отъ Кутузова и Шрейдера, когда сей послѣдній имѣлъ довѣренность, получалъ также помянутый князь Трубецкой, а я никогда. Я многія и почти все въ нихъ читалъ, но на память отчета въ нихъ дать не могу. Еще для объясненія недовольно ясно, какъ мнѣ помнится, объясненнаго мною иждивенія для посланныхъ повторю, что оное было отъ насъ. Употреблялось, думаю, оное прежде, во время послышки Шварца отъ Татищева, князя Трубецкаго и Новикова. А потомъ для Шредера и Кутузова изъ расходовъ компаніи, Новиковымъ, отъ князя Трубецкаго и отъ меня. Сколько же на сіе употреблено денегъ во все время, того точно и даже около съ нѣкоторою вѣрностію показать не могу; а знаю только, что сумма знатная. Студенты были посланы сдѣлавшіеся послѣ докторами: Багрянской, Колокольниковъ и Невзоровъ. Багрянскаго отправлялъ Новиковъ, съ нимъ переписывался и на содержаніе ему посылалъ деньги, сколько — то мнѣ неизвѣстно, какъ равно и то, въ чемъ ихъ переписка состояла, и какія Новиковъ давалъ ему наставленія. Колокольникова и Невзорова отправлялъ я. Они были членами бывшей у меня прежде трехъ—степенной логи и имѣютъ степень екоскихъ мастеровъ, въ который приняты не весьма задолго предъ отправленіемъ ихъ въ чужіе края, которое учинено въ 1788 году. Они отправлены были въ слѣдующемъ намѣреніи, — что когда они выучатся химіи, медицинѣ, натуральной исторіи и протчаго, чтобы по впаденіи ихъ въ розенкрейцеры тѣмъ удобнѣе могли упражняться по методѣ и системѣ онаго ордена и быть у насъ лаборантами, каковыя при кругахъ бывають, и коихъ работы служатъ для наблюденія прочимъ членамъ, коихъ большая часть въ томъ не упражняется. А съ другой стороны думалъ я исполнять долгъ добродѣтели, помоществуя бѣдности и дѣлая имъ состояніе столь выгодное, каковое здѣсь есть докторское. И Багрян-

ской, сколько мнѣ извѣстно, въ такомъ же намѣреніи посланъ былъ. Колокольниковъ и Невзоровъ получали отъ меня въ годъ рублей около тысячи на содержаніе и ученіе ихъ. Я съ ними переписывался при отправленіи ихъ; все мое наставленіе въ томъ состояло, что я имъ совѣтовалъ наблюдать добронравіе и прилежно учиться. Кромѣ учебныхъ ихъ книгъ совѣтовалъ я имъ упражняться въ чтеніи во первыхъ священнаго писанія стараго и новаго завѣта, которое есть источникъ и основаніе всѣхъ добрыхъ писаній, потомъ книгъ, относящихся къ наукѣ герметической, составляющей упражненіе масонства древнія системы или ордена Золотаго или Розоваго Креста, къ которой они приуговлялись; медицинскою школою обучались въ Лейденѣ и Геттингенѣ. По обыкновенію слѣдовало бы ѣхать для окончательнаго курса въ Парижъ, но я воспретилъ сему, съ одной стороны предохраняя ихъ отъ заразительнаго духа разврата и мятежа, тамъ нынѣ царствующаго, — а съ другой стороны предохраняя и себя, по бывшимъ тогда слухамъ о томъ, что нѣкоторые подозрѣваютъ насъ въ единомысліи со оными возмутителями, законы божественные и царскіе злобно попирающими душами, отъ чего Всевидящій, и незлобіе моихъ и прочихъ изъ насъ, поелику мнѣ извѣстно, намѣреній вѣдущій, да сохранить всякаго человѣка! Однакоже прежде нежели мое письмо, удерживающее отъ ѣзды Колокольникова и Невзорова во Францію, могло придти къ нимъ, получилъ я отъ нихъ изъявляющее желаніе, не смотря на обычай медицинской, не ѣхать туда, хотя бы то было и къ недовершенію изъученія, и они не были во Франціи. Писывалъ я къ нимъ по два въ годъ, а въ иной и по три письма, а отъ нихъ получалъ столько же или, можетъ быть, однимъ или двумя письмами больше. Содержаніе писемъ моихъ, весьма короткихъ, состояло, при упоминаніяхъ о вложеніи векселей на содержаніе ихъ, въ короткихъ же совѣтахъ христіанскаго правоученія и въ упоминаніяхъ о чтеніи вышесказанныхъ мною книгъ и прилежнѣйшемъ ученіи въ классахъ. Ихъ письма ко мнѣ состояли почти только въ просьбахъ о присылкѣ денегъ и еще въ увѣдомленіяхъ о лекціяхъ, слушаемыхъ въ университетѣ, кромѣ двухъ, больше не помню, писемъ Невзоровыхъ раскаятель-

ныхъ и признательныхъ въ лѣности, нерадѣніи и испорченности права его, весьма жарко писанныхъ; да еще столькихъ же, помнится, отъ Колокольникова, описавшаго состояніе товарища своего, въ которомъ онъ находилъ дѣйствіе меланхаліи. Писемъ ихъ я не хранилъ и все тратилъ. И еще вспомнилъ, что при отправленіи ихъ накрѣпко подтверждалъ имъ, не дѣлать въ чужихъ краяхъ никакихъ масонскихъ знакомствъ и сообщеній, а говорилъ имъ, что возвратный путь ихъ сюда можетъ быть учрежденъ черезъ Берлинъ; гдѣ они, можетъ быть, будутъ приведены въ дальнѣйшія степени и нѣсколько будутъ упражняться въ орденской химіи; однакожь, оставя сіе, по окончаніи ихъ курсовъ, а паче по желанію ихъ писалъ, чтобъ они ѣхали обратно въ отечество, не указывая имъ пути и предоставляя оный ихъ разсужденію, посылая имъ денегъ на дорогу. Въ ноябрѣ или декабрѣ прошлаго года, точно не помню, получилъ отъ нихъ письмо, извѣщающее меня о готовности ихъ отправиться въ Россію и о томъ, чтобы къ нимъ уже болѣе не писать. И съ того времени не получалъ отъ нихъ ни строчки, не зная, гдѣ они находятся. Симъ искреннѣйшимъ признаніемъ открывъ причины отправленія отъ насъ сказанныхъ въ семъ вопросѣ, сюда донесу, что касательно до формы, учрежденной для выѣзда за границу, то она при выѣздахъ всѣхъ оныхъ, сколько мнѣ извѣстно, соблюдена. Какъ Шварцъ ѣздилъ, того я обстоятельства не знаю; но Шредеръ получалъ паспорта отъ правленія здѣшняго. Кутузовъ, имѣющій деревни въ Костромѣ, получалъ, помнится, отъ генераль-губернатора костромскаго и вологодскаго. О студентахъ же опубликовано было въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ, какъ объ отъѣздѣ, такъ и о мѣстѣ жилищъ ихъ здѣсь въ Москвѣ, и они поѣхали съ надлежащими отъ правительства пассами.

На 16-й. Подтверждая при семъ сказанное мною относительно къ сей особѣ прежде, въ сихъ отвѣтахъ моихъ прибавлю, еще, что о посылкѣ книгъ къ ней черезъ Бажанова Новиковымъ, слышалъ отъ сего послѣдняго. О книгѣ арндтовой вѣрно, о книгѣ самопознанія Іоанна Масона, помнится, также; и еще помню, что въ одно время, когда Баженовъ отъѣзжалъ въ Санктпетербургъ, то Новиковъ, собираясь послать

съ нимъ книгу *Таинство креста*, помнится на французскомъ языкѣ, совѣтовался со мною, можно ли ее послать, по слѣдующей причинѣ: въ книгѣ сей въ одномъ мѣстѣ сказано à peu près такъ: «хотя установленія братьевъ Розоваго Креста и есть хорошее изобрѣтеніе, однакожъ истинная школа есть школа существеннаго креста Иисусъ Христова» и проч. — То Новиковъ говорилъ, что де сіе можетъ представить оной извѣстной особѣ институтъ нашъ недостойнымъ уваженія, а потому и къ намъ, когда провѣдаетъ, что мы во ономъ, никогда не будетъ имѣть благоволенія. На сіе отвѣтствовалъ я, что если книга хороша, то причина оная недовольна къ посылкѣ ея: ибо должно желать любви къ истинѣ, а не къ формамъ и лицамъ. Онъ, помнится мнѣ, рѣшился послать, но послалъ ли не помню, какъ и того, какія именно книги посылалъ Новиковъ и когда точно. Также и посредства кромѣ Бажанова никакого не зная, повторяю еще, что весьма темное и отрывистое имѣлъ свѣдѣніе объ отношеніяхъ ихъ къ извѣстной особѣ, а о началѣ оныхъ никакого. Немного разговоря съ Новиковымъ, почти каждый говорилъ о неудобностяхъ таковыхъ отношеній по крайнемъ разсмотрѣніи, чисты ли и безкорыстны они; въ семъ смыслѣ, относительно къ Новикову, говаривали мы и съ княземъ Трубецкимъ, и съ Тургеневымъ, которые согласны всегда были съ выше объявленнымъ понятіемъ. Мы говаривали такъ, что стараніе сдѣлаться пріятными той особѣ, хотя въ томъ видѣ, чтобъ когда-нибудь благоволеніе ея обращать на обогащеніе себя и прочее, уже мерзки и гнусны въ отношеніи къ чистой добродѣтели, а видъ сей, по свойственнымъ человѣчеству пристрастіямъ, можетъ тайно, иногда и самому себѣ несвѣдомымъ образомъ, сокрываться подъ личиною мнимаго доброжелательства. И ежели бы случилось привлечь благоволеніе той особы, то всегдашнее играніе собственнлюбія и страстей человѣческихъ могло бы породить въ насъ желаніе скорѣе той особы быть въ возможности, благоволеніемъ оныя, существенно пользоваться насъ, а одна мысль таковаго желанія есть адская и ужасная для сердца христіанъ и вѣрнопопданнхъ. Самъ Новиковъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, и сколько мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, уклонился отъ таковыхъ исканій, относитель-

но къ извѣстной оной особѣ. Впрочемъ искренно же и свѣдомое многимъ изъ бывшаго сообщества нашего доиску, что въ послѣдніе годы сей Николай Новиковъ весьма неискренъ былъ со мною, и между нами была, примѣченная многими, холодность, а только по бывшимъ между нами, такъ называющимся, орденскимъ связямъ оставалось нѣкоторое дружелюбіе и благопристойность хранилась.

На 17-й. Книга сія, какъ мнѣ помнится лѣтъ девять или восемь тому назадъ выписана изъ Лейпцига. Переводилъ ее Багрянской, а съ переводомъ читали оригиналь и исправляли, готовя къ печатанію, вмѣстѣ съ переводчикомъ Кутузовъ, Тургеневъ, Новиковъ и я.

На 18-й. Въ типографіи, подъ моимъ именемъ бывшей, печатана книга *о духовной гордости*,— а таковой *о народной* мнѣ неизвѣстно. Вышесказанная знаю, что переведена, а съ какого языка и кѣмъ подлинно не помню; цензуровалась же она, конечно, полицейскою цензурою, подъ которою одною тогда всѣ были вольныя типографіи, въ числѣ коихъ и моя была.

Все сіе, сдѣланное въ отвѣтахъ моихъ, чистосердечное призваніе и показаніе дерзаю заключить поверженіемъ себя къ подножію престола Ея Императорскаго Величества съ полною готовностію вѣрнѣйшаго подданнаго всегда благоговѣйно чтить августѣйшую волю Ея. И всеуниженно прошу всемилостивѣйшаго прощенія во всемъ томъ, что имѣлъ несчастіе сдѣлать неугоднаго Ей. Что жъ не имѣлъ никогда намѣренія къ тому, сему свидѣтель Всевышній сердецвѣдецъ. Сей Богъ и Спаситель мой да сохранитъ меня и отъ единаго помышленія таковаго до конца дней моихъ!

Не бывъ вчерась въ состояніи на память безъ справки точно именовать всѣхъ членовъ въ прочихъ губерніяхъ теоретическаго градуса ложъ, въ коихъ, какъ я и прежде сказалъ, только на конецъ и производились работы, кромѣ круговъ розенкрейцерскихъ, сегодня вручилъ именной списокъ членамъ масонъ, мною подписанный, его сіятельству главнокомандующему въ Москвѣ и также представилъ ему и отдалъ всѣ бумаги, сколько у меня ихъ нынѣ было, содержащія въ себѣ упражненія ложъ, состоявшихъ подъ моимъ управленіемъ.

Еще съ сокрушеніемъ сердечнымъ, повергаяся къ освященнымъ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу матерняго помилованія. Общаюсь разрушить всѣ, такъ называемыя, орденскія подчиненности мои, и никогда не входить ни въ какія собранія противныя или неугодныя монаршей волѣ Ея.

На другое утро писанія и подписанія мною послѣдняго вышеписаннаго, собираясь явиться къ его сіятельству г-ну главнокомандующему, по приказанію его, въ тотъ часъ только пришло мнѣ въ память, что есть у меня издавна поставленный сундукъ барона Шредера. Я получилъ оный запечатанный и запертой, какъ мнѣ сказывали, принеся; но я сего не осматривалъ, сундука того не уважалъ; и съ тѣхъ поръ, какъ получилъ его, велѣлъ поставить въ одну палату изъ кладовыхъ въ домѣ моего отца, и не видалъ его, и что въ немъ находится, совсѣмъ не вѣдалъ; слышалъ же, что онъ интересовался объ томъ сундукѣ. И наипаче чистосердечно и вѣрноподданнически уважая требованіе отдачи мною всѣхъ могущихъ быть у меня бумагъ его, за долгъ почелъ донести его сіятельству и просить позволенія отдать ему сундукъ тотъ. Получивъ оное, привезу сей сундукъ къ нему въ таковомъ состояніи, въ каковомъ найду. При семъ, почитая за нужное, осмѣливаю еще сказать, что бумаги упражненій въ бывшихъ, какъ кругъ розенкрейцерскомъ, такъ и прочихъ ложахъ вѣдомства моего представилъ; ни одной, изъ требуемыхъ отъ меня въ вопрошеніи бумагъ, касающихся до переписки иностранной, не утаилъ, какъ равно никакой важной, по силѣ оныхъ вопрошеній, и забвеніемъ не сокрылъ, въ томъ я увѣренъ. Но неувѣренъ, не можетъ ли найтись гдѣ у меня, въ разныхъ мѣстахъ, чрезъ многіе годы, кладеныхъ небрежно бумагъ, касающихся до разныхъ системъ масонства, въ числѣ коихъ считалъ я всегда и розенкрейцерство, бумагъ подобныхъ, родъ представленныхъ мною. Желая же при распросахъ, симъ чинимыхъ мнѣ именно, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества всегда благоговѣнно—чтимой мною волѣ, сохранить всю строгость чистосердечія и откровенности, для полной очистки, просилъ бѣ я осмотру, и ежели бы чувство отцелюбія не щадило бы дому отца, на смертномъ почти одрѣ ле-

жащаго, зрѣнія лишеннаго, при девяностилѣтней старости, котораго времени большая часть проведена имъ въ вѣрной службѣ Ея Императорскому Величеству, и провождается въ вѣрнѣйшемъ подданствѣ оному,—ежели бы не щадилъ я сего отца моего, котораго угасающая жизнь, жизнь весьма мнѣ драгоценная, можетъ безвременно пресѣчься отъ единаго услышанія о гнѣвѣ на меня Твоемъ, Всемиловитѣйшая Монархиня, Мать, всегда мною не только вѣрноподданнически чтимая, но и любимая искренно! Государыня! я не злодѣй, и не только когда либо обращалось во мнѣ хотя единое помышленіе, противное счастливому подданству Тебѣ, благоутробнѣйшая Монархиня, но никогда ни упражнялся я въ томъ, гдѣ бы находилъ или даже подозрѣвалъ хотя тѣнь криминальнаго: Свидѣтель сего, дерзну сказать, Господь Спаситель и Богъ мой Иисусъ Христосъ, и печатлѣю сіе чистосердечнѣйшее признаніе мое слезами, не ропота и страха,—ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ Государыня, и ежели есть какая неизвѣстность въ числѣ отношеній сего дѣла, производимаго обо мнѣ, или какая клевета на меня существуетъ, то я увѣренъ, что все сіе исчезнетъ при благоутробнѣйшемъ и прозорливѣйшемъ воззрѣніи Твоемъ на все мое подробное и искреннѣйшее признаніе,—не такими слезами, Государыня, но слезами чувствительности сердца, не ощущающаго въ себѣ умысленныхъ преступленій противъ Тебя, Великая Государыня,—сердца, всегда исполненнаго вѣрнѣйшимъ подданствомъ къ тебѣ и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель.

18.

Всемиловитѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества отъ 1-го августа указа, который удостоился я получить въ воскресенье, то есть 8-го августа, 10-го же числа призвавъ къ себѣ князя Николая Трубецкаго, по вложеннымъ отъ Вашего Величества пунктамъ, учинилъ допросъ, прибавя только во оный одного Карамзина, какъ оный былъ въ чужихъ краяхъ, и ихъ прежде общества. Но увидя изъ перваго допроса князя Трубецкаго, что онъ посыланъ былъ не отъ

нихъ, то въ послѣдующихъ исключилъ. А по полудни того же дня призванъ былъ не бригадиръ, а статской совѣтникъ Иванъ Лопухинъ, братъ же его Петръ, бригадиръ, въ отставку; но сей хотя и введенъ былъ въ ихъ общество круговъ или ложъ, но во всѣ гнусные перевороты ихъ, сколько мнѣ извѣстно, не входилъ, а развѣ отъ нѣкоторыхъ былъ свѣдомъ; а посему сей статскій совѣтникъ Лопухинъ тожъ допрашиванъ былъ. За бригадиромъ Тургеневымъ въ среду, августа 11-го, отправилъ въ Симбирскъ, какъ я объ отъѣздѣ его всенижайше Вашему Императорскому Величеству 19-го іюля донесъ, флигель-адъютанта, который, надѣюсь, не замѣшкается пріѣхать прямо ко мнѣ, дабы ни съ кѣмъ прежде онъ не увидѣлся. А сихъ двухъ, спрашиваемыхъ мною, допросы всенижайше здѣсь подношу. Кажется, Великая Государыня, отвѣты ихъ довольно искренни, но умалчиваютъ они объ отступленіи въ догматахъ вѣры, проповѣдуемой въ державѣ Вашего Величества. Тожъ не признаются во вредномъ намѣреніи или замыслахъ противу установленнаго въ російской имперіи правительства, хотя я старался испытать изъ нихъ доказательствомъ тѣмъ, что, когда признаютъ они великимъ мастеромъ, и вѣрятъ, что по власти . . . или вдохновенію управляетъ ими главный начальникъ, то какая можетъ власть между сею помѣщаться? Оба они врозь сказали : Трубецкой: какъ де это вѣрить? — то я сказалъ: на что жъ сіе для обману употреблять? А Лопухинъ сказалъ, что де это иногда помѣщается въ письмахъ; а относительно управленія или главнаго начальника умолчалъ. А Трубецкой послѣ нѣкотораго молчанія умиленно сказалъ, что всѣ сіи вообще правила суть наши заблужденія. Спрашивалъ я ихъ также пріемлютъ ли они равенство людей. Трубецкой, отвѣчалъ онъ, шлется на бумаги, которыя я видѣлъ, что сего нѣтъ. То я вопрошалъ ихъ: что подчиненность ихъ неограниченная главному начальнику похожа на орденъ іезуитовъ? Онъ отвѣчалъ, что, читая книги, онъ самъ находитъ великое сходство; Лопухинъ сказалъ, что сему быть не можно, а въ сужденіи сходности съ іезуитами, онъ этого не знаетъ. Наконецъ вопрошалъ я ихъ: что должны они признавать, что называютъ право человѣка? Оба

одинаково сказали, что до ложъ или круговъ ихъ относится, а не далѣе. И такъ ихъ оставя, болѣе къ отвѣту не принуждалъ, ибо они правды сказать не могли. Впрочемъ, Великая Государыня, судя по нихъ, они въ совершенномъ раскаяніи, а особливо князь Трубецкой, какъ то изъ допросовъ ихъ, Ваше Величество, замѣтитъ изволите. Относительно до содержанія ужасныхъ ихъ присягъ, какъ Всемилостивѣйшая Государыня увидѣтъ изволите, что Лопухинъ отрекся оныхъ, я послѣ, сводя отвѣты, призывалъ ихъ обоихъ къ себѣ и сказалъ Лопухину, что его показаніе противорѣчитъ князю Трубецкому, а паче въ семь пунктъ, и прочелъ ему отвѣтъ Трубецкаго. Онъ говорилъ Трубецкому: когда жъ мы присягали? Сей помолчавъ, сказалъ, что имъ надо не оправдывать себя, но просить прощенья. Я за все таковое признаніе его похваляя его, сказалъ, что не оставлю всеподданнѣйше и Вашему Величеству донести. Лопухинъ прибавилъ о присягахъ, съ половины допросу и онъ откровеннѣе отвѣчалъ и въ послѣдующіе дни свиданья со мной просилъ прибавлять объясненій. Пояснялся я, Всемилостивѣйшая Государыня, словесно съ ними и о начальникъ ихъ герцогъ брауншвейгскомъ (они не герцога владѣтельнаго признавали, но дядю его фельдмаршала, который не въ давнѣ скончался): какимъ образомъ по ихъ показанію отрекаются они отъ начальства его, а по бумагамъ ихъ подлинно сіе означаетъ? То они показали такимъ образомъ: когда Шварцъ былъ посыланъ въ Берлинъ, то Вельнеромъ принятъ въ Золото-розовый Крестъ; тогда жъ онъ былъ у герцога брауншвейгскаго, искалъ и принятъ былъ въ протекцію его, и начальство принялъ надъ ними; на генеральной же конвенціи всѣхъ почти въ свѣтъ ложъ онъ предсѣдательствовалъ, и на оной, какъ Ваше Величество изъ бумагъ замѣтитъ изволите, орденъ Тамплиеровъ совсѣмъ отмѣненъ, съ прописаніемъ исторіи ихъ истребленья, и что ни одно правительство терпѣтъ ихъ не будетъ, а подобно сему и розенкрейцерство отмѣнено. А по просьбѣ Шварца учрежденъ былъ орденъ *Chevaliers bienfaisants* или благотворительныхъ рыцарей. Вельнеровъ же кругъ или ложа въ Берлинѣ розенкрейцеровъ и разныхъ системъ съ кругомъ герцога брауншвейгскаго и между собой не въ согласіи. По возвратѣ

Шварцъ привезъ обѣихъ ложъ институты; они, рассматривая оныя, какъ и прежде бывший орденъ Тамплиеровъ, переданный имъ изъ Швеціи, оставили оный и благотворительныхъ рыцарей, а избрали орденъ Золото-розоваго Креста, предавшись подъ начальство Вельнеру. Въ числѣ ихъ круговъ и Бишеф-свирдеръ. Князь Трубецкой просилъ у меня позволенія писать въ Берлинъ къ Кутузову о возвращеніи его сюда, но я сказалъ, чтобы онъ взялъ терпѣнье, о чемъ всеподданнѣйше испрашиваю Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія. Черезъ сутки, съ позволенія моего, чтобы собрать бумаги, Трубецкой оныя ко мнѣ привезъ, но я оставилъ ихъ на время у себя, дабы ихъ разобрать и въ порядкѣ доставить къ Вашему Императорскому Величеству. Между ими статуы всѣ оригинальныя, въ числѣ оныхъ оригинальный же статутъ изъ Швеціи на орденъ Тамплиеровъ, который онъ давно уже получилъ отъ князя Гаврилы Гагарина, и тогда, когда оный отказался отъ ихъ обществъ, а у него тожь бездѣйствія лежалъ, будучи, какъ выше сказано, отмѣненъ. И тутъ же на восьмую степень золото-розовыхъ крестовъ институтъ, который получилъ князь Николай Трубецкой чрезъ барона Шредера, въ которую степень онъ Вельнеромъ признанъ, да онъ принялъ во оной брата своего князя Юрія. Выше жъ сей степени въ Россіи нѣтъ никого, а маговъ и совѣмъ нѣтъ здѣсь и не было. Тутъ же находится патентъ, данный князю Николаю Трубецкому на здѣшнее начальство, который, какъ онъ сказываетъ, подписанъ имъ, Вельнеромъ, а другой кто подписалъ онъ не знаетъ; какъ и шифровъ въ семь патентъ, означающихъ, по ихъ исчисленію, годъ и число, разобрать не умѣетъ, то и считаетъ, что другой подписатель есть девятой уже степени магъ. Письма Кутузова успѣли уже разсмотрѣть, но въ нихъ примѣчанья нѣтъ достойнаго; въ одномъ шифратѣ упоминается о Вельнерѣ и Дебаскѣ, то я ему во ономъ велѣлъ переложить шифры; онъ нашелъ ихъ 7-й степени розоваго креста и переложилъ внизу обыкновеннымъ письмомъ, которыя письма при семъ всенижайше Вашему Величеству и подношу. Оныя всѣ давнія, а нисемъ въ правленіе мое уже здѣсь, хотя оныя мнѣ извѣстны, не доставилъ. А вчерашній день и Лопухинъ имѣющіяся у него

бумаги доставилъ, которыя также нужно разобрать; а сегодня доставить и упоминаемый въ допросахъ сундукъ барона Шредера. Не разсудилъ я ожидать прїѣзда бригадира Тургенева, а, оконча все съ ними и видя ихъ раскаянье, объявилъ имъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, чтобы они во отдаленіи отъ столицъ ѣхали въ деревни, не выѣзжая изъ той губерніи, и впредь бы не отваживались въ расколъ свой кого привлекать, подъ опасеніемъ тягчайшаго наказанія. Князь Трубецкой спрашивалъ меня — кому онъ сдастъ мѣсто своего главноприсутствія при остаточномъ казначействѣ. Я сего рѣшить былъ иначе, Всемилостивѣйшая Государыня, не въ состояніи, какъ о томъ всеподданнѣйше испросить у Вашего Императорскаго Величества указа; а между тѣмъ по просьбѣ его, какъ подлинно жена у него больна, и для учрежденія его дѣлъ, позволилъ я ему остаться, не болѣе однакожь десяти дней.

Статской совѣтникъ Иванъ Лопухинъ назначилъ пребываніе свое въ деревнѣ отца его, о которомъ упоминаетъ и въ отвѣтахъ своихъ, генераль-поручика Лопухина, въ орловскомъ намѣстничествѣ, кромской округи въ селѣ Воскресенскомъ, Литежи тожъ. И просилъ тожъ пробытія здѣсь нѣсколько дней, болѣе для того, чтобы найти съ пристойностію отцу его о семь объявить, какъ извѣстно и Вашему Императорскому Величеству, что онъ около девяноста лѣтъ и потерялъ зрѣнье уже нѣсколько лѣтъ, то чтобы сохранить его здоровье; паче, что онъ весьма огорчится, что сынъ его могъ быть преступникомъ и заслужить гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества, а между тѣмъ и учредить дѣла его; то я также позволилъ для исполненія сего пробить ему здѣсь въ городѣ не болѣе десяти дней. При допросѣ Лопухина изволите найти, Ваше Величество, черную, писанную его рукой, бумагу, какъ отъ начальства онъ повелѣвалъ въ подчиненные ему круги беречься иллюминатовъ. Я хотя ему сказывалъ, что она напрасно; ибо какъ тѣ иллюминаты атеисты, а они иллюминаты законники, а притомъ, что я не могу сказать, кому дать преимущество для пользы государственной фанатику или атеисту; но по усильной его просьбѣ позволилъ оное уже приложить.

Осмѣливаюсь всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству мнѣніе мое сказать о дѣтяхъ малыхъ сихъ картинистовъ, что они ихъ воспитываютъ въ тѣхъ же правилахъ, что и отношу на Высочайшее Вашего Величества разсмотрѣніе.

Всемиловѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

19.

Вопросные пункты бригадиру Тургеневу.

1-е. Хотя и не могу я отговариваться невѣднѣемъ о запрещеніи всякаго рода сборищъ, братствъ и тому подобнаго, но, почитая по заблужденію своему ихъ исключительными изъ сего названія и не находя ихъ вредными, ходилъ въ нихъ и въ томъ милостиваго дерзаю испрашивать прощенія и отпущенія. Наконецъ сборища сіи были такъ малочисленны, что я не думалъ, чтобъ они могли произвести неудовольствіе; а съ сихъ поръ вѣдая, что и они неуютны, то въ нихъ и ходить не буду, ежели бы они гдѣ и были. Цѣль сихъ сборищъ моя была та, чтобъ быть съ пріятелями вмѣстѣ и говорить о чемъ-нибудь, до учености касающемся; приглашалъ же я весьма немногихъ и то въ томъ же намѣреніи, чтобъ упражняться въ учености, а не въ другомъ какомъ, въ чемъ готовъ дать всевозможное подтвержденіе.

2-е. Особенной переписки я не имѣлъ ни съ кѣмъ, ниже съ симъ герцогомъ и министромъ Вельнеромъ и съ принцомъ гессенъ-кассельскимъ. Что жъ принадлежитъ до изобрѣтенія шифровъ, то мы ихъ не выдумывали, а получили вмѣстѣ съ градусами. Для того вступилъ въ сію переписку, что по совѣсти моей не находилъ я противнаго законамъ, для сего самага и продолжаема нѣсколько она была. Вѣдали о сей перепискѣ князь Юрій Никитичъ и Николай Никитичъ Трубецкіе, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и прочіе нѣкоторые, а кто именно — теперь не помню, потому что сіе было давно. Письма пересылаемы были большею частію чрезъ почту, а еще, помнится мнѣ, привозилъ ихъ Шварцъ.

3-е. Герцогу браунгшвейскому неограниченнаго повиненія я не обѣщевалъ никогда, а въ зависимости его были на нѣкоторое время и здѣшнія тожь нѣкоторыя ложи, а та ложа, къ которой я принадлежалъ, и не была. Мы желали и просили герцога, чтобъ здѣсь сдѣлана была провинція, дабы и русскіе масоны сами собою управляться могли. Сіе желаніе исполнено и здѣсь учреждена провинція. А такъ какъ въ сей связи не находилъ я ничего, до учености касающагося, то вмѣстѣ и съ согласія прочихъ мы оставили сію связь, а вошли въ знакомство съ Вельнеромъ чрезъ покойнаго Шварца. Зависимость, въ какой мы были съ герцогомъ, почиталъ я не тою зависимоію и не тѣмъ повиненіемъ, коимъ я обязанъ законному своему Государю, а просто зависимоію масонскою или дружескою. Правда, что писалъ отсюда князь Трубецкой и я о семъ вѣдалъ, что насъ здѣсь подозрѣваютъ, только о семъ было писано къ Вельнеру, а не къ герцогу. Жалобу сію я не почиталъ жалобою противу правительства Россіи, а извѣщеніемъ, каковое бываетъ отъ пріятеля къ пріятелю о его обстоятельствахъ. Обязательства, въ коихъ я находился, считалъ я обязательствами такими, какія существуютъ между учеными и учителями, и потому думалъ, что они непозволенными назваться не могутъ. Въ обязательства же политическія я не входилъ, да сего и не требовалось отъ меня никогда. Если бы когда и требовались, то бы я вѣрно рѣшительно отказался. О томъ, что здѣсь насъ подозрѣваютъ быть мартинистами, писалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой, а я и прочіе нѣкоторые о о семъ вѣдали и онъ писалъ съ нашего согласія. Вѣдали о семъ еще князь Юрій Никитичъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, Семенъ Ивановичъ Гамалѣя.

4-е. Я, почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, желалъ бы, чтобъ всѣ, а особливо великія особы его защищали и утверждали; и моя забота о сей особѣ, здѣсь упоминаемой, состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ. Слыша же отъ Баженова, что великая сія особа привязана къ масонству, говорилъ объ этомъ и съ нимъ и съ Новиковымъ. Съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ о перепискѣ по сему я не вѣдалъ и не вѣдаю. Я уже объявилъ, что вред-

наго въ семь дѣлъ предпріятія я въ душѣ моей не имѣлъ; а въ томъ, для чего мы о семь и говорить и думать осмѣливались, признаю себя виноватымъ. О томъ, что Баженовъ говорилъ съ важною сею особою, вѣдалъ я, Новиковъ, Гамалѣя, Трубецкіе, такъ равно и всѣ сіи мои товарищи. Посему съ Баженовымъ и говорить не хотѣли и Новикову отсовѣтывали и потомъ о семь мы отъ Новикова и Баженова ничего не слышали.

5-е. Сей бумаги, писанной архитекторомъ Баженовымъ, я не читалъ и выписки, сдѣланной Новиковымъ, я не бралъ и мнѣ ее не давалъ никто. Причиною же тому, что я не видалъ сей бумаги, могло быть мое отсутствіе изъ Москвы въ деревню, продолжавшееся полтора года, а потомъ рѣдкое мое свиданіе съ Новиковымъ, съ которымъ сколь прежде, тому лѣтъ пять, я часто видался, столь въ теченіи нынѣшнихъ двухъ лѣтъ съ половиною я бывалъ съ нимъ рѣдко, а того меньше говаривалъ о какихъ-либо дѣлахъ. Впрочемъ о вредномъ и вымышленномъ враньѣ я не слыхалъ, да и Новиковъ уже со мною, такъ какъ и съ княземъ Трубецкимъ и Лопухинымъ съ нѣкотораго времени не сталъ откровененъ. Переслана ль была та бумага къ Кутузову, я не знаю; у кого сія бумага была или есть, я не видалъ и у себя не имѣю, и ходила ль она по рукамъ, я не вѣдаю.

6-е. Въ нашихъ сборищахъ епископовъ не было, епархіевъ также у насъ не было. Храмомъ мы разумѣли всякое наше собраніе, слово жертвенникъ также было въ употребленіи. Ввели сіи вещи, принявъ градусы, въ коихъ они употребительны, ибо, работая по градусу, нельзя было не употреблять и словъ, въ немъ принятыхъ. А что мы приняли градусы безъ дозволенія правительства, въ томъ признаю себя виновнымъ и молю о милостивѣйшемъ прощеніи. Что жъ касается до міропомазанія, то мы не принимали сіе за то, которое употребляется яко таинство въ нашей православной церкви, а почитали обрядомъ, который означаетъ тотъ рецептъ, по коему приготавлиются сіи благовонныя вещи, изъ коихъ миро или масло составлено. Подобно сему и обрядъ омовенія, употребляемый въ нѣкоторыхъ масонскихъ принятіяхъ, я никогда не считалъ крещеніемъ, а обря-

домъ, изображающимъ очищеніе отъ пороковъ, принимая сіе въ аллегорическомъ смыслѣ. У насъ было въ употребленіи слово *капитель* и означало ложу вышнюю, а слово *спархія* въ употребленіи не было.

7-е. Въ сборищахъ нашихъ дѣлали мы присягу предъ евангеліемъ, а креста не было. Содержаніе сихъ присягъ, понеже они хотя разныя, одинаково; однакожь по своему существу въ нихъ именно требовалось быть повинновеннымъ и вѣрнымъ Государю и потому тѣмъ охотнѣе я на сію присягу соглашался. Говорится у насъ, что тайну ордена не открывать никогда и никому; но какъ я сей тайны еще не получилъ, то и обязательства сего не давалъ. А что въ уставѣ масонскомъ сказано, чтобъ повиноваться великому мастеру во всемъ, то сіе принимаемо было аллегорически, понеже градусы всѣ исполнены аллегорією и здѣсь великій мастеръ есть то же, что вселенныя строитель. Мы же надъ собою политическія власти постороннія въ масонствѣ не признавали и не признаемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ принимаемъ власть государскую. Впрочемъ мастеръ или начальникъ въ масонствѣ есть только учитель или наставникъ, а отнюдь не властелинъ. Герцогу мы, и я въ томъ числѣ, присяги не дѣлали, да и связь сію мы не уважали, и я тожь; а держались связи Вельнеровской, считая ея полезною и удаленною отъ всякихъ политическихъ видовъ. Повиновеніе правительству мы не отрицали, а подтверждали, вѣря всею душою, что повиновеніе государю важно, свято и необходимо нужно и полезно. Подтвержденіе сей обязанности тѣмъ казалось намъ нужнѣе, что оно еще болѣе укрѣпляетъ и утверждаетъ ту присягу, которую мы сдѣлали яко граждане. Вотъ виды и намѣренія наши. Хотя же и былъ я принятъ въ 4-ю степень Розоваго Креста, но въ показаніе моего откровеннаго признанія объявляю, что существенныя тайны орденскія я не получилъ, понеже не имѣлъ способностей пройти всѣхъ градусовъ и снискать преподаемое въ нихъ ученіе. Ученіе же сіе состоитъ въ снисканіи великаго таинства или *magisterium*, кое только тотъ получитъ, кто удостоится чрезъ исправленіе нравственнаго характера душевнаго сдѣлаться столько совершеннымъ, сколько человѣку возможно быть. А

посему и тайну ордена сей одинъ только въ существѣ ея знать можетъ, а потому и присягу давать на вытерплениѣ пытки онъ одинъ въ состояніи, а съ меня такого обязательства не требовалось.

8-е. Орденъ Розоваго Креста, по мнѣнію моему, значить сіе: роза означаетъ невинность, а колкость ея ту трудность, которую употреблять должно для сохраненія сей добродѣтели. Крестъ значить самую сію трудность и протчія неудобствы, коимъ бывають подвержены хотящіи сохранить невинность нравственную. Въ томъ, что сей орденъ и орденъ св. апостола Андрея, или шотландской у насъ называемый, мы дерзнули возлагать на себя, на нашихъ товарищей, въ томъ во всемъ прошу милостивѣйшаго прощенія и извиненія. Возлагали же мы украшенія сіи на себя и товарищей нашихъ для того, что такъ предписывалось нашими обрядами.

9-е. Товарищи наши Розоваго Креста, сколько теперь помню: князь Николай Никитичъ и князь Юрій Никитичъ Трубецкіе, Михайло Матвѣевичъ Херасковъ, Семень Ивановичъ Гамалѣя, Осипъ Алексѣевичъ Поздѣвъ, Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, Николай и Алексѣй Ивановичи Новиковы, докторъ Френкель, профессоръ Чеботаревъ, Чулковъ, князь Алексѣй Черкасскій, Кутузовъ, докторъ Багрянскій, а прочихъ не упомяну, также и кто носить крестъ шотландскій, не упомяну. И сіе пишу сущую правду и желаю во всемъ искренно признаться.

10-е. На продажу книгъ послѣ запрещенія я согласенъ не былъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были печатаны не на продажу, а для тѣхъ, кои были въ нашей связи, да и то такія, кои по мнѣнію моему тогдашнему не были противны правительству и церкви. Но какъ и сіе не извиняетъ, то, признавая вину свою, припадая къ стопамъ милосердія, прошу милостиваго отпущенія. При осмотрѣ я никакихъ книгъ не скрывалъ и въ деревню къ князю Черкасскому отвезены были не тѣ книги, кои были печатаны для продажи, а тѣ, кои для знакомыхъ, но и въ семъ далекъ я себя оправдывать и паки прошу милостиваго прощенія.

11-е Сколько мнѣ извѣстно, установлены были наши сборища въ Орлѣ, гдѣ и нынѣ существуетъ подъ управленіемъ

тамошняго губернатора; въ Симбирскѣ я учредилъ, подъ надзираніемъ бывшаго тамъ вице-губернатора Голубцова, но она рушилась и теперь тамъ не собираются. А и собиралась ложа сія только нѣсколько разъ въ нѣсколько лѣтъ. Ежели бѣ имѣлъ я списки требуемые, я бы при семъ ихъ представилъ, но у меня ихъ нѣтъ. Есть еще ложа въ Петербургѣ, какъ мнѣ извѣстно, подъ начальствомъ Лѣницова, но кто ее составляетъ, списка у меня нѣтъ. Была а, можетъ быть, и теперь есть ложа въ Могилевѣ подъ начальствомъ Веревкина, но, какъ я давно не видалъ директоріальныхъ бумагъ, то и не знаю, существуетъ ли она. Есть ложа въ Вологдѣ; а есть ли гдѣ еще, то сказать безъ бумагъ не могу. Искренно желалъ бы все сказать, но не помню.

12-е. Особенной переписки въ чужіе края съ Шварцомъ, барономъ Шредеромъ и съ Кутузовымъ я не имѣлъ. Правда, что къ Кутузову въ нѣсколько лѣтъ написалъ и я письма три, но ничего по нашей связи важнаго не писалъ, а только увѣдомлялъ его о своемъ лицѣ и отъ него не получилъ, кромѣ извѣщеній о его здоровьѣ. Бude что скрываю и здѣсь, то подвергаюсь сужденію, сказанному здѣсь. О сей же перепискѣ я вѣдалъ отъ князя Трубецкаго, который и имѣлъ ее.

13-е. Отдѣленіе нѣсколькихъ становъ на печатаніе нѣсколькихъ особенныхъ книгъ не для продажи, а съ тѣмъ, чтобъ давать ихъ читать нашимъ знакомымъ, было дѣлано для того, чтобъ не сдѣлать сіе печатаніе публичнымъ. Книги сіи какъ я, такъ и мои товарищи не почитали вредными, для того ихъ и печатали. Кто именно къ сему отдѣленію печатанія былъ опредѣленъ, я не знаю, понеже сіе возложено отъ насъ было на Новикова. Знаю только, что и иностранцы употребляемы были да и русскіе при семъ отдѣленіи были жь. И въ семъ показаніи сказалъ я самую истинну и во всемъ прочемъ желаю быть и есмь откровененъ.

14-е. Сей секретарь Кочубѣевъ былъ принятъ въ масоны Гамалѣю; при его же принятіи особенныхъ видовъ не было и отнюдь не въ семъ намѣреніи, чтобъ что либо отъ него свѣдать, онъ былъ принятъ. И въ семъ показываю сущую правду.

15-е. Причины отправленія въ чужіе края Шварца, барона Шредера и Кутузова тѣ только, чтобъ они лично были знакомы съ тамошними масонами, дабы яснѣе могли намъ переносить все, касающееся до масонства и учебной онаго части. Отправленіе студентовъ имѣло въ виду ихъ, яко воспитанниковъ нашихъ, пользу и пользу общественную. Отправлено было всѣхъ студентовъ въ разныя времена трое. изъ коихъ одинъ возвратился докторомъ, а тѣ получили тамъ въ университетахъ голландскихъ докторское званіе. Наставленія имъ отъ общества нашего дано не было, и отправляли ихъ не общество, а нѣкоторые изъ насъ на свой коштъ. А именно двухъ: Невзорова и Колокольникова Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, а третей, то есть Багрянскаго,—Новиковъ. Увѣдомленіевъ отъ нихъ никакихъ получаемо не было, а писывали они къ тѣмъ, кто ихъ отправлялъ. Выѣзжали изъ государства Шварцъ, баронъ Шредеръ и студенты, получая паспорта по указамъ, гдѣ надлежало. Такъ какъ въ орденѣ происходитъ молчаніе или такъ называемый *силанумъ*, и намъ не хотѣлось, чтобъ Кутузовъ, не дождавшійся конца сего *силанума*, выѣхалъ и, надѣясь притомъ, что онъ скоро кончится по увѣренію тамошнихъ знакомыхъ, то и рѣшились мы удержать Кутузова въ Берлинѣ. Денегъ пересылалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой и Иванъ Владимировичъ Лопухинъ, сколько я знаю, свои собственныя.

16-е. Сей особѣ пересланы были книги, какъ мнѣ сказывалъ Новиковъ: *Иоанна Арндта, О подражаніи Иисусу Христу, Избранная библіотека* и еще какія не знаю, понеже не я отправлялъ. Брался ихъ вести Баженовъ, въ которомъ именно году, не помню.

17-е. О сей книгѣ *) еще мы вѣдали отъ покойнаго барона Рейхеля; переводилъ ее съ французскаго докторъ Багрянскій, а съ нѣмецкимъ сличалъ я съ Кутузовымъ.

18-е. Я не видалъ никогда печатанной въ нашей типографіи книги подъ названіемъ: *О народной гордости*. А была печатана книга: *О гордости духовной*, но кто ее ценсировалъ или переводилъ и сочинилъ, не вѣдаю. Что жъ касается до

*) Тайнство Креста.

бумагъ, то, слыша уже многія разглашенія о масонствѣ, я ихъ частію сжегъ, частію изодралъ и теперь у меня, кромѣ нѣкоторыхъ масонскихъ разныхъ градусовъ, нѣтъ, которыя я обязуюсь прислать къ его сіятельству господину генералъ — аншефу и главнокомандующему въ Москвѣ. Впрочемъ, дерзая призывать имя божіе въ истиннѣ показаннаго и также и въ томъ, что я никогда не имѣлъ намѣренія дѣлать что-либо неугодное Ея Императорскому Величеству, Всемилосердой нашей Государынѣ, признавая же однако себя неправымъ, но виновнымъ, понеже не въ точности исполнилъ то, чтобъ могъ исполнить, ежели бъ былъ осторожнѣе и разсудительнѣе: и для того осмѣливаюсь пасть къ стопамъ Ея Императорскаго Величества и просить милостиваго монаршего прощенія и отпущенія, общаясь впредь отнынѣ ни въ какія ордена сего связи не входить и тѣ, въ кои я вошелъ, оставить, однимъ словомъ: все то исполнить, что по лучшему разумѣнію моему вижу, что есть угодно великой Монархинѣ. Съ полнымъ увѣреніемъ на великія милости и благоутробіе монаршее дерзаю паки просить оставленія.

20.

Всемилоствѣйшая Государыня!

По времени сколько могъ я разобрать бумаги, изъ нихъ часть всеподданнѣйше представляю здѣсь Вашему Императорскому Величеству: 1-е присланный изъ Швеціи весь обрядъ и исторію тамплиеровъ; 2-е осьмую степень золото-розовыхъ крестовъ, которой въ бумагахъ Новикова нѣтъ; въ ней изволите, Всемилоствѣйшая Государыня, усмотрѣть, что тутъ уже употребляется одежда духовная; 3-е патентъ князю Трубецкому на здѣшнее начальство. О сихъ трехъ бумагахъ я Вашему Величеству въ предъидущемъ моемъ отправленіи отъ 14 числа сего мѣсяца упоминалъ, что сіи бумаги получены отъ князя Трубецкаго. Да изъ бумагъ, полученныхъ отъ Ивана Лопухина, большою частію все казанья, говоренныя въ кругахъ или ложахъ ихъ, въ томъ числѣ и въ Орлѣ. А между сими есть развратное ихъ положеніе или понятіе объ Адамѣ, то оное здѣсь же всенижайше Вашему Величеству подношу,

а по препорціи ихъ разбору буду по частямъ всеподданнѣйше къ Вашему Величеству отправлять; незначущія жь или которыя уже есть въ бумагахъ Новикова оставлю у себя.

Всемилоствѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

Августа 23 дня 1792 года

Петровскій дворець.

21.

По всеподданнѣйшимъ реляціямъ моимъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно объ отобранныхъ книгахъ, по слѣдствію Новикова, въ лавкахъ и въ его деревнѣ, прежде запрещенныхъ 3000, да вновь безъ позволенія по секретнымъ станамъ напечатано 3000. Послѣднія пересматриваются законоспасской академіи Ректоромъ и церкви Трехъ Святителей протопопомъ. И хотя не могли они окончить всѣхъ осмотромъ; но между тѣмъ попалась книга подъ названіемъ *Новое начертаніе истинныя теологіи*. Въ первомъ томѣ мистика, но противная проповѣдыванію церкви нашей; во второмъ касается уже до гражданскаго правительства, чтобы по заведеніи новой церкви подчинить оной и все государственное правительство и соединить всѣ народы и законы вообще, а наконецъ стараться завести республику. Я при семъ всеподданнѣйше оную книгу и цензорово замѣчаніе подношу. Но любопытенъ я былъ свѣдать, сочиненье то или переводъ. Я спрашивалъ приватно Ивана Лопухина. Онъ меня увѣрилъ, что переводъ съ французской книги князь Николаемъ Трубецкимъ. Когда и прочимъ книгамъ окончится цензура, то я по одному экземпляру отъ cadaго сочиненья съ замѣчаніями цензоровъ всеподданнѣйше поднесу Вашему Величеству, а прочія, какъ и прежде отобранныя, и находящіяся въ конторѣ Св. Синода истребить. Надобностію сіе почиталъ покойный прокуроръ Гурьевъ: «какъ де онѣ лежатъ въ архивѣ и, можетъ, не усмотрится, кто оттуду по нѣскольку экземпляровъ вынетъ». То и просилъ меня, когда о истребленіи книгъ послѣ отобранныхъ, я буду всенижайше докладывать Вашему Императорскому Величеству, чтобы и объ

онихъ Вашему Величеству доложить. Отобраны у доктора, что съ Новиковымъ, три банковыя облигаціи на 100,000 руб., надлежащія Походяшину. Я въ свое время писалъ къ тайному совѣтнику Шешковскому, чтобъ Вашему Величеству доложилъ, куда мнѣ ихъ отдать; но онъ за болѣзнію не докладывалъ: то всенижайше и испрашиваю у Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, куда мнѣ ихъ отдать?

Увѣдомлялъ меня также Шешковскій, что Ваше Величество всемилостивѣйше пожаловали командѣ, бывшей при Новиковѣ, годовое жалованье; но я указу не имѣю. А онъ тожь сказываетъ, что за болѣзнію не имѣлъ случая Вашему Величеству доложить. А къ тому осмѣливаюсь всеподданнѣйше, испрашивать награжденія за усердіе и вѣрность совѣтнику Уголовной Палаты Олсуфьеву,—который всѣ бумаги отыскалъ, и Новиковъ отдавалъ ему все имѣніе, но онъ пристойно какъ дворянинъ ему отвѣтствовалъ,—владимірскимъ орденомъ 3-го или 4-го класса, какъ въ Сенатъ я по сей матеріи представить не могу.

Домы Новикова запечатаны, какъ о семъ по всеподданническимъ моимъ реляціямъ Ваше Величество извѣстны. А въ одномъ изъ оныхъ двѣ иностранныя книгъ библіотеки; хотя каталоги сдѣланы, но неосновательны. То не угодно ли будетъ повелѣть ихъ разсмотрѣть и годныя, принадлежащія до богословіи, отдать въ Заиконоспасскую академію, а прочія матеріи въ университетъ, а вредныя тожь истребить.

По опраздненіи домовъ отъ библіотекъ не повелите ли, Всемилостивѣйшая Государыня, тѣ дома продать и куда деньги употребить, или отдать въ вѣдомство опеки надъ дѣтьми и имѣніемъ Новикова, опредѣленнымъ опекунамъ вышеупомянутому совѣтнику Олсуфьеву и брату Новикова?

22.

Князь Александръ Александровичъ!

По поданному отъ Васъ представленію повелѣваемъ: 1) хранящіяся въ конторѣ Синодальной забранныя въ деревнѣ Новикова и въ лавкахъ 3000 запрещенныхъ книгъ и вновь секретно напечатанныхъ до трехъ же тысячъ предать огню всѣ

безъ изыятія, не взнося и къ намъ экземпляровъ; 2) равнымъ образомъ по внимательномъ разборѣ и разсмотрѣннн двухъ иностранныхъ библіотекъ, находящихся въ одномъ изъ домовъ Новикова, вредныя во оныхъ книги всѣ истребить, а изъ полезныхъ богословскія отдать въ Законоспасскую академію, прочія же въ университетъ; 3) о помянутыхъ домахъ, за Новиковымъ считающихся, справиться достовѣрнѣйшимъ образомъ, собственные ли они его или общественные; въ первомъ случаѣ слѣдуетъ оныя отдать въ вѣдомство опеки дѣтей Новикова; но въ послѣднемъ поступить оныя должны въ распоряженіе Приказа Общественнаго Призрѣнія; 4) объ отобранныхъ у бывшаго при Новиковѣ доктора облигаціяхъ на 100,000 рублей, Походяшину принадлежащихъ, изслѣдовать съ точностію, когда и на что именно они даны и что окажется, Намъ донести, дабы по тому могли Мы изъяснить волю нашу о употребленіи ихъ. 5) Совѣтнику уголовной палаты полковнику Олсуфьеву за службу его Всемилостивѣйше пожаловали мы орденъ св. Владиміра четвертыя степени, а командѣ, при Новиковѣ бывшей, указали выдать годовое жалованье. Превыаемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

11 февр. 1793 года. С.-Петербургъ.

23.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, собравъ вчерашній день въ уголовную палату московскихъ книгопродавцевъ, принужденныхъ оною къ разнымъ наказаніямъ за продажу и имѣніе въ лавкахъ запрещенныхъ книгъ, въ присутствіи моемъ при собраніи членовъ палаты, при вице-губернаторѣ, оберъ-полиціймейстерѣ и губернскомъ прокурорѣ, приказалъ прочесть имъ, кто къ какому наказанію по законамъ приговоренъ, и потомъ объявилъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, что Ваше Величество для рожденія великаго князя Николая Павловича всемилостивѣйше ихъ простить соизволили, что приняли они чувствительнѣйшимъ образомъ и, возсылая со слезами проше-

ніе къ Богу о продолженіи здравія Вашего Императорскаго Величества и Великаго Князя Николая Павловича, просили меня объ ономъ представить Вашему Императорскому Величеству и имъ позволить о здравіи Вашего Императорскаго Величества и В. К. Николая Павловича принести Всевышнему во храмъ Его молебствіе, что имъ позволивъ, всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству объ ономъ доношу.

Всемиловѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій *М. Измайловъ.*

10 Іюля 1796 года

24.

О дѣтяхъ и объ имѣніи поручика Николая Ивановича Новикова.

Дѣтей онъ имѣеть: 1-го сына Ивана 10 лѣтъ, который записанъ лейбъ-гвардіи въ измайловскій полкъ сержантомъ и отпущенъ въ домъ для обученія наукъ съ паспортомъ, гдѣ онъ и находится; двухъ дочерей Варвару 9 лѣтъ и Вѣру 5 лѣтъ, которыя также здѣсь въ Москвѣ въ домъ его находятся.

Имѣніе онъ собственное имѣеть:

1-е. Въ московской губерніи въ никитскомъ уѣздѣ село Тифинское, Авдотьино тожь, въ коемъ по послѣдней переписи мужеска пола 138 душъ; изъ того числа мнѣ, брату его, принадлежащихъ мужеска пола 8 душъ.

2-е. Въ орловской губерніи мценскаго уѣзда сельцо Вишневецъ, въ коемъ 114 душъ.

Имѣніе съ товарищами вообще:

1-е. У Никольскихъ воротъ домъ каменный, купленный на имя его, Николая Ивановича.

2-е. У Сухаревой башни домъ каменный, купленный на имя бывшихъ членовъ типографической компаніи г. генераль-поручика и кавалера князя Юрья Никитича Трубецкаго, бригадировъ Петра Владиміровича Лопухина, Василья Васильевича Чулкова, мое и надворнаго совѣтника Семена Ивановича Га-

малѣя, въ коемъ домѣ нынѣ Спасская аптека и типографія компаніи типографической.

Самая оная типографія, со всѣми инструментами, матеріалами и книгами какъ въ семь домѣ, такъ и въ вышеупомянутомъ Никольскомъ находящимися. Самая оная Спасская аптека со всѣми матеріалами, посудою и инструментами, къ ней принадлежащими.

Вышесказанное имѣніе съ товарищами общее разумѣю я немногимъ товарищамъ принадлежащее, ибо типографическая компанія въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1791 года по общему согласію оной членовъ разрушена; а имѣніе, всѣмъ общее, и долги сданы Николаю Ивановичу, который вступилъ въ особое товарищество съ г. маіоромъ Григорьемъ Максимовичемъ Походяшинымъ, получа отъ него на оплату долговъ нѣкоторую сумму деньги, а сколько именно, то мнѣ неизвѣстно. Но за воспослѣдовавшими обстоятельствами не могъ своей съ нимъ сдѣлки привести къ окончанію.

Надворный совѣтникъ Алексѣй Новиковъ.

ЗАПИСКА И. Г. ШВАРЦА

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ НЕМУ И. И. МЕЛИССИНО ¹⁾.

Die Härte und Ungerechtigkeit, womit ich schon seit einiger Zeit von Sr. Excellenz dem Hbr. Curator von Melissino behandelt werde hätte mich schon längst genöthiget bey Sr. Excellenz dem Hb. Oberkammerherrn von Schuwalow, als dem ersten Curator und Stifter der Universität, Hülfe zu suchen.

Da ich aber glaubte dadurch mehr Erbitterung zu verursachen und die Ruhe und den für das Beste der Universität so nöthigen Frieden zwischen deren Chefs hiedurch vielleicht mehr zu stören so tröstete ich mich mit der Hoffnung Unschuld und Wahr-

¹⁾ Печатаемъ эту записку съ черноваго автографа Шварца. Она была писана для представленія И. И. Шувалову. Ред.

heit siegt doch zuletzt und es ist besser Unrecht leiden, als Unrecht thun.

Da ich aber jetzund sehe, dass man keine Verläumdung zu schwarz, kein unerlaubtes Mittel zu niedrig gefunden, und dass, wenn ich schweige, Seine Excellenz in einem der Universität höchst schändlichem Irthume verbleiben, auch nicht nur ich entehrt, sondern auch eine ganze Gesellschaft redlicher und wohlthätiger Männer beleidigt und in falsches Licht gesetzt sind: so sehe ich mich gezwungen zu meiner Entschuldigung und Vertheidigung zu schreiben.

Da ich aber so unglücklich bin directe und indirecte von einigen Personen, die ich das Unglück hatte zu beleidigen, bey Sr. Excellenz dem Hbr. Curator Schuwalow so angeschwärzt zu werden, dass ich voraussehe nicht Glauben zu finden, so wage ich es mich an Euer Excellenz, die selbst Chef von gelehrten Corps waren und sind, zu adressiren und hochdero Intercession zu bitten, indem es mir äusserst schmerzhaft ist bey Hochdessen Excellenz, die sonst so sehr genädige Gesinnungen gegen mich äusserten, in einem falschen Lichte zu erscheinen.

Die gegen mich ausgeübten Beleidigungen betreffen mich in zwei verschiedenen Verhältnissen, erstlich — als Professor, zweitens als Mitglied der freundschaftlichen gelehrten Gesellschaft. Da die einen in die anderen zusammenfließen und aufklären, so sehe ich mich genöthigt beyde zu durchgehen.

Anno 1779 den 21 Aug. wurde ich zum Prof. Extraord. der deutschen Sprache bey der Moskowischen Kayserl. Universität ernannt. Ich bekam sogleich den Auftrag von der Conferenz der Kays. Universität sowohl die nöthigen Schulbücher zu besorgen, als auch die Mängel anzuzeigen, die ich in der Methode überhaupt fände. Ich ermangelte nicht sogleich diesen Aufträgen eifrigst nachzukommen, und reichte diesem zufolge verschiedene Vorstellungen, die theils die Ordnung der Studien betrafen, theils den Mangel an Lehrern anzeigten und Vorschläge zu diesem Behufe enthielten. Meine Vorschläge wurden mit Lobes-Erhebungen acceptiret; nur fragte man, wem die Execution aufzutragen sey, weil es an den nöthigen Kosten mangelte. Ich erboth mich gleich nicht nur ohnentgeltlich hierinnen

zu dienen, sondern auch von einigen Freunden unterstützt, verschiedene nöthige Auslagen über mich zu nehmen. Es wurde also den 13 November das Seminarium paedagogicum errichtet und ich zum Inspector desselben ernannt. Meine Dienste erregten soviel Zufriedenheit, dass ich anno 1780 den 5 Februar, ohne darum angesucht zu haben, von der Conferenz zum Professor ordinarius philosophiae erhoben wurde, und mir die verbindlichsten Danksagungen abgestattet wurden, wie aus dem Protocolle der Conferenz zu ersehen. Noch herrschten viele schwer abzuändernde Unordnungen im Gymnasio, die dadurch dass das Institut nach und nach grösser und weitläuffiger geworden war, folglich dem ersten Plane nicht mehr conform, eingeschlichen waren. Man fragte mich, ob ich es wohl unternehmen wolle diesen abzuhelpen. Ich, — ohne vorher zu sehen, wieviel mir hieraus Neid und Hass und Verläumdungen zu fließen würden, wenn ich verjährtern Missbräuchen, die aus Faulheit und Eigennutz entstanden, an die Krone greifen würde, brennend vor Liebe zum gemeinen Besten, — unternahm auch diese mit herculanischer Arbeit verbundene Pflicht ohne Gehalt. Ich sparte keine Mühe und reichte 1781 mit Anfange des Monats Februarii einen vollkommen geänderten Lehr-Plan ein. Diese meine neue Studien-Ordnung wurde in 3 nacheinander folgenden Conferenzen zu wiederholten Mahlen vorgelesen, untersucht und mit Lobes-Erhebungen gut befunden, wie es gleichfalls die Conferenz-Protocolle ausweisen. Auch hier war die Schwierigkeit in der Execution, und es war wahr — diese war nicht klein, allein ich liess mich durch nichts abschrecken und executirte in weniger Zeit alle meine vorgeschlagenen Veränderungen.

Hier musste ich unredliche Kränkungen erdulden und da ich die ganzen Tage dies Jahr im Gymnasio zubrachte, so blieben mir nur die Nächte zu nöthigen Ausarbeitungen — und ob ich gleich noch jung und starker körperlicher Constitution, so hatte ich doch mit Ende dieses Schuljahres meine Kräfte ganz erschöpft. Um also sowohl meine Gesundheit wiederherzustellen als auch durch eigene Inspection anderer Schulanstalten über die vorgenommene Veränderungen in der unsrigen mich zu versichern, intentionirte ich eine Reise durch

diejenigen deutsche Länder, wo jetzt die Gelehrsamkeit am meisten florirt.

Ich suchte derowegen bey Euer Excellenz um gnädige Erlaubniss an, die ich nicht nur erhielt, sondern Euer Fxcellenz geruheten mir noch hiezu speciellere Aufträge zu geben.

Ich präsentirte mich bey meiner Durchreise durch Petersburg Höchstdenenselben, und erhielt noch ferneren Auftrag—eine Vorstellung über den Zustand der Universität und die nöthigen vorzunehmenden Veränderungen einzureichen, dem ich auch vor meiner Abreise folgeleistete. Und ich wage es Eurer Excellenz diesen obgleich in der Geschwindigkeit ausgearbeiteten Entwurf, als eine Probe meiner Kenntnisse, zur strengsten Untersuchung vorzulegen, um hieraus zu ersehen, in wie fern mir Charlatanerie oder gründliche Kenntniss zugeschrieben werden kann. Eure Excellenz geruheten mich höchst dero Gnade zu versichern und ich erhielt eine lebhaftige Probe derselben dadurch, dass ich während meiner Abwesenheit, ohne darum angesucht zu haben, von Höchstdenenselben dem Regierenden Senate zur Belohnung vorgestellet wurde und den Rang eines Assessors erhielt. Auf meiner Reise sparte ich keine Mühe alles, was zum Besten der Universität diente, zu besorgen und sowohl litterarische Correspondenz zu errichten, als auch Bücher und Methoden zu sammeln. In Berlin werden mir sowohl der durchläutigste Prinz Friedrich von Braunschweig, welcher sich daselbst befand, der Graf Oberkammerherr Sacken, der Geheime Rath und Justiz President Hyren, der Oberste Consistorialrath Büsching, ein grosser Schulmann, und noch viele andere hierüber die nöthigen Zeugnisse geben, und wenn seine Erlaucht der Fürst Dolgoruky Eurer Excellenz berichtet, wie ich die Bekanntschaften, die mir Hochderselbe mit den dasigen Academicis gemacht, negligiert, so gilt diess bloss von den französischen, aber nicht von den deutschen. Ich bin mit dem berühmten Professor Bernouillie, dem mich seine Erlaucht recommendirt, noch bis jetzt in genauer Verbindung, da ich aber deutscher Schulgelehrsamkeit und nicht Französischer Belletristerey wegen reisete, so blieb mir nicht die Zeit mit denen, die nicht in mein Fach schlugen, zu conversiren.

In Braunschweigischen Ländern werden mir nicht nur die Hbrn Curatores, der Herr Vice-Präsident des Consistorii, Jerusalem, die Ehre deutscher Gelehrsamkeit, sondern auch der Durchlautigsten Herzog selbst hierüber die gnädigsten Zeugnisse geben; in Sachsen des Grafen Anhalt Erlaucht, der Conferenz Minister Wurmb und mehrere ansehnliche und gelehrte Männer.

Ich glaubte also durch diese Reise nicht geringe Dienste geleistet zu haben, indem ich nicht nur Deutschland mit dem litterarischen Russland bekannter gemacht, sondern auch sogar an einigen Orten das Studium der Russischen Sprache, als für Historia höchst wichtig, introducirt.

Mit vieler Erwartung der Belohnung und Erkenntlichkeit kehrte ich zurück.

Seit meiner Abwesenheit war der Herr Curator von Melisino zurückgekehrt, ich wartete also erstlich mit Geduld ab, welche Wendung diese Veränderung im Commando der Universität in Ansehung meiner machen würde. Es ahndete mir nichts Gutes: denn während der Abwesenheit dieses Herrn waren sehr viele Veränderungen vorgenommen worden. Eine Pension für 50 Adliche, ein Seminarium paedagogicum gestiftet worden, die ganze Ordnung der Gymnasien als fehlerhaft umgeändert, viele neue Bücher herausgekommen, die Typographie in einen Zustand gesetzt worden, dass wenige dergleichen in Europa, in drey Jahre bey der Universität mehr Bücher gedruckt worden, als seit den 24 Jahren, die sie vorher existirt. Alles dieses nebst dem allgemeinen Rufe dass die Universität jetzt in einem bessern Zustande sey, der Zufluss des Adels, der jetzt in viel grösserer Quantität, Anzahl, in derselben studirte, alles dieses liess mich, — da ich hieran sehr grossen Antheil hatte, — nicht viel gutes erwarten. Sr. Excellenz gelangten etwas nach meiner Zurückkunft hier in Moskau an und traten in das Gouvernement der Universität ein.

Anstatt dass ich geglaubt hatte, Hochdemselben nicht eben am gnädigsten angesehen zu werden, so empfand ich fürs ersten das Gegentheil. Sr. Excellenz waren mit allen meinen vorgeschlagenen Veränderungen vollkommen zufrieden, ver-

sicherten, dass alles mit Ihren schon längst vorhergehabten Ideen vollkommen übereinstimmte und dass es Ihnen nur vorhero an geschickten und eifrigen Subjekten zur Execution gefehlt habe. Hochdieselben beehrten mich zu verschiedenen Mahlen mit dero eigenem Besuch und waren mir mehr Freund als Chef. Ich verhielt denenselben daher nicht selbst die kleinsten Verhältnisse meiner Selbst, zeigte Ihnen, welche von denen Professoren, wie auch einigen anderen, und aus was für Ursache diese meine Feinde wären, und glaubte nicht, dass ein Greis, der noch so sehr durch seinen Stand über mich erhoben, diese meine Offenherzigkeit niedrig missbrauchen würde. Doch ich eile zum Ende meiner Historie, qua Professor, um zu derselben, qua Mitglied der Gesellschaft, zu schreiten und erwähne nur noch den Umstand meines ersten Abganges von der Universität. Durch meine Reise war meine Gesundheit nicht gehörig wiederhergestellt worden, ich hatte mich gleichfalls des kurzen Zeitraums, den ich nur abwesend seyn konnte ebenfalls sehr anstrengen müssen und da ich wusste, dass es die Art ist in dem Universitäts-Collegio die Menschen von Gutem abzuhalten, denselbigen die Execution immer selbst erst zu übertragen, hernach durch *Chicanen* zu erschweren, so hielt ich meine Reise-relationen bis zu völliger Wiederherstellung meiner Gesundheit zurück. Man glaubte aber, ich hätte dieselben gar nicht gemacht, und fertigte mir aus der Conferenz d. d. 18 May die Ordre zu in acht Tagen dieselben einzureichen. Ob ich gleich krank war und Mühe hatte in diesem zu kurzem Zeitraume der Forderung Genüge zu leisten, so that ich doch das mögliche und reichte in die nächste Conferenz meine Relation — 13 Werke über die Erziehung und 8 andere seltene Werke in die Universitätsbibliothek als Geschenk ein. In meiner Relation war gesagt, wie das höchst reiche Elementarwerk von Semler und Schütz, das Ihre Majestät der Kayserin dedicirt ist, auf ausdrücklichen Befehl Hochdero Excellenz angeschafft sey und wie dessen Einführung der Universität höchst nützlich seyn könne. Seine Excellenz der Herr Curator von Melissino waren persönlich in der Conferenz, und ich erstaunte nicht wenig, als meine Relation gar nicht öffentlich vorgelesen und auf die in

derselben geschehene Erwähnung der eigenen Ordre Euer Excellenz nicht die geringste Rücksicht genommen und eine für alle meine Mühe und schwere Geldauslegen nicht der geringste Bescheid ertheilet wurde. Ich fand dieses denen sonst geäußerten Gesinnungen Sr. Excellenz des Herrn von Melissino so ganz contrair gehandelt, dass ich glaubte nach dieser so höchst ungerechten Handlung alles befürchten zu müssen und reichte den folgenden Tag, da ich ohnedem mich gegenwärtig zu Erfüllung aller auf mich genommenen Pflichten zu schwach fühlte, gehorsamste Bittschrift um meine Entlassung ein.

Sr. Excellenz der Herr von Melissino liess mich gleich zu sich kommen und versicherte mich seiner völligen Freundschaft, erboth sich mich auf einige Jahre mit völligem Gehalt zu Restituirung meiner Gesundheit von allen Pflichten zu entlassen mit der Versicherung, dass ich eine dergleichen Belohnung bereits hinlänglich verdienet, und zwang mich fast mein Bittschrift wieder zurückzunehmen. Da ich aber doch zu schwach war meinen Dienst gänzlich vorzusetzen, aber mein Gewissen nicht den Vorwurf ertragen konnte Gehalt nicht gehörig zu verdienen, so gab ich eine zweyte Bittschrift ein, dass ich in Zukunft ohne Gehalt dienen wolle, und nur soviel, als Kraft und Gesundheit erlauben wurden, Dienste leisten wollte. Dieses wurde mir gleichfalls mit vielen Lobes- Erhebungen, wie es ebenfalls das Conferenz Protocoll ausweist, bewilliget und so blieb ich blosser Professor honorarius, glaubend, jetzund von allen ferneren Ungerechtigkeit und Chicane, qua Professor, völlig befreyet zu seyn. Die Folge zeigt aber dasjenige, was ich, qua Mitglied der Gelehrten Gesellschaft, Euer Excellenz gehorsamst zu berichten habe — zu dem ich jetzo schreite.

Sobald als ich nach Russland kam (im Juny des 1776 Jahres) machte ich es mir zum Geschäfte, mich sowohl mit der Russischen Sprache als auch den Nationalschriftstellern der Nation bekannt zu machen. Unter denselben fand ich in den Schriften meines jetzigen Freundes besondern Eifer und Vaterlandsliebe; auch hatte seine so sehr nützliche *Bibliothek Altrussischer Schriften* Ihn bereits sowohl in Deutschland als Frankreich rühmlichst bekannt gemacht. Sehlichst wünschte

ich diesen Mann persönlich kennen zu lernen, blieb aber der Erfüllung dieses Wunsches bis zu meinem Eintritt in die Universität an 79. beraubt. Eben damals hatte er die Pacht der Universitäts-Typographie übernommen, und arbeitete mit einem Eifer, wagte sich in ein Feld, wo alles zu risquieren und wenig zu hoffen war, verwendete seyn Vermögen zu einer Entreprise, wo 100 gegen 1 zu setzen waren, dass sie missglücken und ihn ins grösste Armuth stürzten würde, und er trug bey allem diesem die schwärzesten Verläumdungen, denn er hatte einer Menge Krähen ihre Nahrung (Brod) geraubt.

Alles dieses zog mich mit ihm Freundschaft zu stiften, ob schon im Uebrigen unsere Charactere ganz verschieden sind. Bald wurde ich gewahr, dass er eine Entreprise unternommen hatte, wobey einzelner Menschen Kraft zu schwach, und doch war der Fortgang derselben für die Aufklärung Russland's äusserst wichtig. Ich fasste also Feuer und lebte ganz zu dessen Hülfe, arbeitete selbst Tag und Nacht und, da ich eine sehr zahlreiche Klasse von Auditoren hatte, so suchte ich auch solche zur Mitarbeit anzufeuern und sie zu Uebersetzern zu bilden. Ich fing damit an, dass ich meine Bibliothek unter den jungen Leuten vertheilte, um Ihnen hiedurch Geschmack beyzubringen, — ich hatte es aus eigener Erfahrung, wie viel ein neues hübsches geschenktes Buch auf eine junge Seele wirkt. Ich reüssirte; die jungen Leute wurden mir geneigt, die Väter kamen mir Dank abstaten, fast täglich wurde ich in neue Familien introducirt und mit Lobes Erhebungen und Danksagungen überhäuft; man consulirte mich auch in Häusern, wo man eigene Lehrer hielt, über die Wahl derselben, über die Studien und so weiter. Alles dieses überhäufte mich mit paradisischen Empfindungen, ich brannte vor Begierde gegen eine solche edle, die Wissenschaften so sehr suchende Nation dankbar zu seyn. Ich wurde indignirt, dass so viele edle Väter und Mütter, die so sehr das Gute Ihrer Kinder wünschten, und nur nicht Aufklärung genug hatten zu wissen, wie sie es anfangen sollten, von nichtswürdigen eigennützigem Ausländern hintergangen wurden. Ich intentionirte dahero sogleich eine Gesellschaft, die diesem Uebel abhülfe; die also 1) im Publico nach Kräften Erziehungsregeln verbreitete,

2) die typographische Unternehmung des Hrn von Nowikow durch Uebersetzung und Verlegung nützlicher Werke beförderte; 3) und entweder Ausländer, die Erziehung zu geben im Stande wären, ins Land zu ziehen suchte, oder — welches noch besser — junge Russen auf eigene Kosten zu Lehrern zu erziehen suchte. Die Connexion, die ich in vielen Familien durch meine Lehrstelle bey der Universität bekam, verschaffte mir Gelegenheit meine Projecte und dessen Nützlichkeit tag-täglich predigen zu können. Aber lange waren meine Bemühungen vergebens: man lobte meine Vorschläge, aber rechnete Sie in Platons Ideenreich. Inzwischen reussirte ich doch so weit, dass man anfieng die deutsche Sprache mehr zu treiben und viele wirklich gelehrte Ausländer zu Hauslehrern verschrieb. Aber zum Herschuss eines Capitals wollte sich niemand verstehen. Ich sann auf allerley Mittel, aber die Meisten strandeten, so wie auch die Französischen und Deutschen Zeitungen, die ich blos in dieser Absicht, um Geschmack mehr zu verbreiten, das 1780 Jahr herausgegeben habe.

Endlich glückete es mir doch einige Personen zu entflammen und zu Herschüssung eines Theils Ihres Vermögens zu persuadiren und so entstand *der Fuss* der jetzigen sogenannten *Gesellschaft gelehrter Freunde*. Die ersten Mitglieder waren nicht sehr bemittelt, man hatte also anfangs bloss nützliche Uebersetzungen zum Zweck, endlich kam ich in Verbindung mit dem jetzigen ersten Wohlthäter der Gesellschaft, dem Hbr. Peter Alexewitsch von Tatischschew. Dieser Mann hatte lange vergebens allethalben Vergnügen gesucht und in nichts gefunden und wusste nicht, dass seine wahre Wollust im Wohlthun bestehen würde. Oft betrogen, wie es jedem Reichen, um den stets eine Menge Schmeichler herumschwärmen und Etwas von ihm zu erhaschen suchen, war er äusserst misstrauisch worden und deswegen von vielen, denen es nicht reussirt hatte von Ihm Geld zu erhaschen, äusserst als geizig verschrieen worden. •

Nachdem er mit mir bekannt wurde und sah, dass ich nicht meinen, sondern allgemeinen Vortheil suchte, so schenkte er mir bald einen Theil seines Zutrauens und überliess mir seinen einzigen Sohn, einen edlen, stillen, tugendhaften Jüngling

zur ferneren Bildung; gewann täglich mehr Geschmack an Litteratur und entschloss sich endlich, einen Theil seines Vermögens zum Besten derselben zu verwenden. Einen gleichen Entschluss fassten noch einige andere, zwar weniger reiche, aber ganz eifrige Männer, als: der Fürst Alexander Alexejewisch Tscherkasky, der Fürst Nicolai Nikitsch Trubetzkoi, der Obrist Bassill Wassiliewitsch Tschulkow und noch einige. Als Columbus zuerst Land erblickte, konnte er nicht froher seyn, als ich es war, da ich mich jetzt an der Spitze eines ansehnlichen Capitals zu Bewirkung meiner Platonischen Idee sahe. Jetzt fehlte es mir an nichts, als an gehöriger Kenntniss gelehrter Mitarbeitern und litterarischer Connexion; um also diese Mittel zu erlangen, schlug ich dem Hr. von Tatischtschew vor, — mich mit seinem Sohne die obbennannte Reise durch Deutschland thun zu lassen, nach deren Beendigung wir zu gänzlicher Erfüllung unseres Planes schreiten wollten.

Durch die Reise bewirkten wir alles das, was zu unsern Absichten nöthig, und nach meiner Zurückkehr schritten wir in Gottes Nahmen zur ferne Ausführung. Hier fangen die nachherigen und unangenehmen Verhältnisse an, in die ich mit des Hbr. Curators v. Melissino (Ezcellenz*) gekommen bin. Ich hatte mir diesen Herrn von jeher als einen eifrigen Liebhaber der Wissenschaften, der Stiftung der freyen Russischen Gesellschaft wegen, vorgestellt. Seine freundschaftliche Gesinnungen erregten mein Zutrauen, und wer sollte den Worten — ja den Schwüren eines solchen angesehenen Greisen nicht trauen? Ich schüttete also alle meine wohlthätigen Absichten in dessen Schooss. Er nahm Theil, trat zu unserer Gesellschaft, beehrte dieselbe mit seiner Gegenwart und war unser eifrigstes Mitglied; innig freuten sich unsere Herzen über diese Acquisition; aber meine Freude wurde bald turbirt und nicht nur die obbenannten Handlungen der Conferenz, sondern auch noch ein hier gehöriger Umstand gaben unserm Bande einen heftigen Stoss. Ich gab, zu mehrerer Beförderung der Kenntnisse der mir anvertrauten Seminaristen, eine Privat-Lectiön der philosophischen Histo-

*) Написано было прежде.

rie nach dem bekannten Brucker. Es hatte sich ereignet, dass einige meiner Freunde vom hiesigen Adel während dieser Lection mich besucht hatten und als ich dieselbe in Ihrer Gegenwart fortgesetzt hatte, so hatten Sie Geschmack an selbiger gefunden. Sie erbathen sich die Erlaubniss, im Zukunft wieder zu kommen, ich bewilligte dieses mit innigem Vergnügen (und welcher Professor wird dieses nicht?), sie brachten in Zukunft andere mit sich und so wuchs in kurzem mein Auditorium zu einer sehr ansehnlichen Anzahl an, unter welchen verschiedene Herrn von hohem Range waren. Da ich hierbey Gelegenheit hatte über die Nothwendigkeit des Privat-Eifers zu Verbreitung der Litteratur zu sprechen, so vermehrte dieses den Zuwachs der neuerrichteten gelehrten Gesellschaft. .

Einige ältere Professoren sahen diese Lection mit sehr scheellen Augen an, verbreiteten übele Nachrichten hievon; einige wurden so wüthend, insbesondere die Professores Barsow und Schaden, dass Sie insbesondere herumfuhren mich zu lästern, mich bey der Geistlichkeit anschwärzten, als mischte Theologie in meine Lectionen. Es war natürlich, dass, wenn von der Philosophie der alten Völker die Rede ist, natürlich auch von Ihrer Gottesgelehrsamkeit,—da Ihre innere Religion blos Philosophie war,—geredet werden muss. Dieses gab Ihnen herrlichen Stoff zum Lästern, besonders hatte ich damals nach dem bekannten Montfaucon und Romeyn de Hooge die Lehre von den Hieroglyphen der alten. Vielen der philosophischen Historie unkundigen reussirte (es) hier würllich diese meine Lectionen für Maçonnerie auszuschreien. Ich wunderte mich über diese grobe Unverschämtheit und Unwissenheit; denn wer kann jetzt so unwissend seyn zu ignoriren, dass die Maçonnerie gar keine Sache ist, die in öffentliche Lectionen gelehrt werden kann? Sie ist ja fast in allen cultivirten Staaten von Europa bey nahe öffentlich, wird von den Kirchen-Vorstehern verschiedener Religionen und selbst von den Monarchen geschützt, nimt in England, daher sie sich in andere Staaten verbreitet, als wie andere Gesellschaften an öffentlichen Angelegenheiten Antheil. Wie kann es jemandem im 18ten Jahrhunderte einkommen zu glauben, sie sey eine religiöse

Gesellschaft und könne von der Catheder gelehrt werden? Es ist wahr, man hat noch nicht längst in Pohlen die Juden beschuldigt, dass Sie Christen Bluth essen. Es ist also vom dummen Fanatismo alles zu erwarten. Aber in Moskau, im Centro des Reichs, wer könnte sich vorstellen, dass dergleichen Nachrichten selbst von Professoren könnten verbreitet werden? Ich klagte also dieses Sr. Excellenz, dem Hbr. Curator v. Melissino, aber anstatt meine Gefühle zu adoptiren, nahm derselbige die Partey der mir feindlichen Professoren und rieth mir meine Lectionen lieber an einem andern Orte zu geben.

Ich gestehe, ich konnte gar nicht begreifen, woher diese Gesinnung rühre. Ich begreife sehr, wie Menschen, die nicht gereiset, fremde Sprachen nicht verstehen, üblen ausgesprengten Nachrichten glauben können; aber wie kenntnissvolle Menschen dergleichen so in die Augen fallende, unwahre Nachrichten fürchten oder favorisiren können, begreife ich nicht. Ich sehe also wohl, dass Sr. Excellenz mich nicht, weil ich Wahrheit und Wissenschaften zu verbreiten suchte, sondern, qua Instrument, zu Nebennabsichten liebten.

Nicht lange nachher, als die Gesellschaft gelehrter Freunde lauter wurde, gefiel es obigen Herrn Professoren nebst noch andern niedrigen auszusprengen, dass auch diese Gesellschaft Maçonnerie sey. Ich gestehe, dieses fieng mir an äusserst empfindlich zu werden, denn wer weiss denn nicht, was für ein Unterschied zwischen einer gelehrten Gesellschaft und einer maçonischen ist? Um also allen diesen Nachrichten aufeinmahl den Mund zu stopfen, beschlossen wir Sr. Excellenz den Grafen von Tschernitschew um die öffentliche Stiftung unserer Gesellschaft auszusuchen, und höchst derselben nebst Sr. Eminenz den Erzbischof von Moskau zu Protectoren zu er bieten. Bis hieher hatte sich die Nebenabsicht seiner Excellenz des Hbr. Curators v. Melissino völlig gedecket. Als ich Ihm aber diesen unsern Entschluss bekannt machte, wurden Sie offen: er wollte Chef und Protector der Gesellschaft seyn und fand sehr übel, dass wir diese beyde obbenannte Herrn gewählt hatten. Doch balancirte Sr. Excellenz noch einige Zeit, in der Hofnung noch zu reüssiren, arbeitete selbst eine Rede aus, die Sie bey Eröffnung der Gesellschaft halten woll-

ten; es kränkte derselben aber doch zu sehr nicht an der Spitze der Gesellschaft zu stehen. Sie liessen mich also einige Tage vor der Eröffnung der Gesellschaft zu sich kommen und befragten mich, ob sich die Gesellschaft nicht mit der bey der Universität gestifteten freyen Russischen Gesellschaft vereinigen wollte. Ich antwortete, dass dieses unmöglich, indem die Zwecke ganz verschieden, indem die freye russische Gesellschaft blos die Cultur der Sprache, die unsrige aber Erziehung, Uebersetzung nützlicher Werke, Verschreibung gelehrter Ausländer etc. zum Endzweck hat, und dass unsere Mitglieder zu grosse Summen verwenden, um nicht die kleine unschuldige Jalousie zu haben Ihr Werk besonders zu treiben. Hier fieng sich der Zorn Sr. Excellenz und dessen Verfolgung gegen mich an. Die feindseligen Professoren wurden gleich höchst dessen Freunde und. . . doch ich verschweige alles; kurz: keine mir mögliche Kränkung unterblieb. Ich gehe zu dem letzten Vorfalle, der mich an Euer Excellenz zu schreiben zwingt.

Nach vielem Suchen, wie man mir beykommen könnte, fand man endlich, dass es von Seite des Seminarii paedagogici am besten thunlich sey. Man forderte also von mir, ich solle noch eine besondere Lection an die Seminaristen geben. Ich gestehe, es kränkte mich äusserst — die Seminaristen waren alle so wohl gerathen, hatten soviel Fortgang gemacht, verschiedene davon waren die besten Lehrer im Gymnasio. Also wozu deren Verbesserung und Treiben, wo aller mögliche Fortgang ist? Auch hatte ich mich, als ich dem Gehalt und Logis entsagte, bloss zu zwey wöchentlichen Lectionen anheischig gemacht, wie könnte man denn jetzt noch zwey, die meine Umstände gar nicht erlaubten, von mir fordern? Doch ich *verbiss* auch diese Ungerechtigkeit und, da wir durch die Bemühung der Gesellschaft hier einen der gelehrtesten Männer und besten Schriftsteller Deutschlands den Prof. Scholl in diesem Fache besitzen, so schlug ich denselben vor und dieser erboth sich ebenfalls gratis Lectionen zu geben. Ich bat am Ende des Briefes Sr. Excellenz mich von allem Zwange zu befreyen, indem ich ohne dem alles mir mögliche thun würde. Anstatt dass man mir danken sollte, dass ich der Universität einen so äusserst wichtigen Mann für dieselbe procurire,

so fängt Sr. Excellenz an meine Ausdrücke zu beschuldigen, legt Sinn in denselben, der nicht in denselben ist, droht mit Stockschlägen mich aus der Universität jagen, und handelt auf eine Weise gegen mich, wie wohl nie in einem öffentlichen Collegio gegen jemand gehandelt worden. Nachher fährt Selbiger noch fort gegen alle, die Hochdensenben besuchen, mich bitterst zu verlästern. Ich sehe mich also genöthiget um meine gänzliche Befreyung von dem Dienst der Universität anzuersuchen und reichte eine Bittschrift hierum ein. Anstatt aber meine Bittschrift in öffentlicher Conferenz zu verlesen und etwas hierauf zu resolviren, fängt Sr. Excellenz abermals an gegen mich zu handeln und zu reprochiren, dass ich schon längst nicht Lectionen gebe, ohngeachtet Sr. Excellenz der Hr. Director und die Mitglieder der Conferenz bezeugen, dass ich wirklich krank sey.

Ich überlasse Euer Excellenz gnädigstem Urtheile, ob ich eine solche Behandlung verdient.

Da es gewöhnlich und also erlaubt ist gegen seine Obern seine Verdienste anzuzeigen, so wage ich es auch hier, das, was ich, wenn Euer Excellenz gnädigst befehlen, strenge beweisen kann, anzuzeigen:

1) Als Professor der Deutschen Sprache, habe ich über hundert Eleven in dieser Sprache gebildet, fast einige zwanzig bis zum fähigen und guten Schreiben in dieser Sprache gebracht und noch mehrere zu Uebersetzern, wovon die meisten schon nützliche Werke dem Publico gedrucket, geliefert haben. das Studium der deutschen Sprache aber überhaupt in Moskau emporgebracht.

2) Als Inspector Seminarii paedagogici habe ich ohne Gehalt gedient, und Lectionen gegeben, 10 Seminaristen zu guten fähigen Lehrern gebildet, und eine ansehnliche Summe Geld *) an Büchern und baarem Gelde zu mehrerem Encouragement von meinen eigenen an selbige verwendet.

3) Als Inspector der Gymnasien umsonst gedient, bessere Lehrmethode eingeführt und die armen Schüler, ebenfalls aus eigenem Fond, mit Büchern und Kleidern versehen.

*) Зачеркнуто: fünf tausend Rubel.

4) Durch meine Privat-Lectiōnen habe ich in vielen angesehenen Personen Liebe zu den Wissenschaften und zu deren Beförderung erregt.

5) Durch die Dienste, die ich bey Stiftung der Gesellschaft gelehrter Freunde geleistet, dem Vaterlande und den Wissenschaften einen sehr reellen Dienst erwiesen. Sollte aber die Verläumdung, als sey die Gesellschaft eine maçonische. auch zu Euer Excellenz gelangt seyn, so kann ich durch die deutlichsten Beweise und, wenn Euer Excellenz befehlen, publice darthun, dass dieses falsch ist. Ich bin Maçon—das ist wahr, einige der Mitglieder sind es, Sr. Excellenz der Herr v. Mellissino ist es selbst, aber die Gesellschaft ist keine maçonische. Auch dürften Euer Excellenz nur geruhen jeden Maçon zu befragen, so wird derselbe gezwungen seyn zu gestehen, dass die Maçons sich gar in Ihren Gesellschaften sich nicht mit Bücherübersetzen, Erziehung etc., wie die genannte gelehrte Gesellschaft, beschäftigen. Ich kann Euer Excellenz heilig versichern, dass in dieser Gesellschaft die wenigsten Glieder nur wissen, was Maçonnerie ist.

6. Durch die Dienste, die ich der Typographie geleistet und durch die Lehrbücher die ich theils selbst herausgegeben und die theils verschiedene meiner Schüler unter meiner Aufsicht herausgegeben haben, habe ich das Studiren der Jugend merklich erleuchtet.

8)*) Viele würdige gelehrte Ausländer ins Land gezogen und selbst der Universität verschiedene sehr nützliche Professores und Docenten procurirt.

*) Такъ въ подлинникѣ.

ИСТОРИЯ О ВѢРѢ И ЧЕЛОБИТНАЯ О СТРЕЛЬЦАХЪ

*Саввы Романова *)*.

Во 190-мъ году маія въ 15-й день по смерти государя царя Феодора Алексѣевича бысть чудо преславно: попущеніемъ святаго Бога возсташа служивые люди на бояръ и убиша князя Юрья Долгорукова съ товарищи. А послѣ того смятенія въ 3-й день бысть промежь ими дума и совѣтъ заедино, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновити, въ коей російскіе чудотворцы Богу угодили и прежніе великіе князи и благовѣрные цари и святѣйшіе патріархи до настатія Никонова патріаршества пребывали. И поискаше у себя таковыхъ людей, чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властемъ отъ божественныхъ писаній: «за что они, власти, старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ князехъ и царѣхъ и пяти російскихъ патріархахъ, возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру, по своей вольѣ, а не по божіей сотворенную?»—и не обрѣташеса въ нихъ такова человѣка искусна и читателя божественныхъ писаній, и ктобы челобитную сложилъ и отвѣтъ властемъ далъ. И призваша единаго отъ чернослободцевъ отъ гончарныя слободы, именемъ Симеона Иванова, сына Колашника, въ Ознобишинъ приказъ, онъ же и Титовъ именовашеса, и начаша его вопрошати: «Есть ли де у васъ въ посадскихъ людехъ или въ иномъ какомъ чину ревнители о старой вѣрѣ, чтобы были искусные люди божественному писанію и умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи' и отвѣтъ дати патріарху и властемъ?» И онъ сказалъ: «Слышалъ де отъ своєї братіи, посадскихъ людей, обрѣтаются божественныхъ писа-

*) По раскольничьей рукописи настоящаго столѣтія.

ній сказатели и добръ вѣдущіе законъ христіанскія правыя вѣры и могутъ отвѣтъ дать патріарху и властемъ». О такомъ дѣлѣ начаша его моленіемъ молити, чтобы онъ такихъ людей къ нимъ въ полкъ привелъ, и онъ, Симеонъ, возвѣстилъ о томъ братіи своей — Никитѣ Борисову, Ивану Иванову сыну Курбатову и Саввѣ Романову, келейнику прежде бывшу въ монастырѣ у архимандрита Макарьевского на Желтыхъ Пескахъ, чтобы они о томъ дѣлѣ порадѣли и стрѣльцы де зѣло хотятъ постоять за старую православную вѣру. И они о томъ межъ себя подумали по Апостолу: «аще, братіе, каменіе возопиша, наипаче же намъ не подобаесть такового великаго дѣла въ забвеніе полагати и отрицатися, на сіе бо и звани есмы.» И обрѣтохомъ новаго Илію, ревнителя по отеческихъ преданій и догматахъ, благоговѣйна инока, искусна во ученіи и твердаго адаманта, отца Сергія. И возвѣстиша ему о всемъ, яже сказа намъ Симеонъ. Онъ же, воздохнувъ, прослезися и рече къ нимъ: «Мнѣ мнится, братіе, необратное имъ пришло паденіе, понеже застарѣла въ нихъ ересь и злоба велика въ нихъ возрасте; токмо подвигнемся, писано бо есть: «проповѣди ради благочестію точію да будетъ ти брань»; и паки: «вся твори, кромѣ еже не повредитися благочестію». И поидохомъ въ домъ Никиты Борисова, и положихомъ начало и благословихомся у отца Сергія и начахомъ писати челобитную о старой православной христіанской вѣрѣ отъ божественныхъ писаній отъ лица всѣхъ полковъ и чернослободцевъ. Тутъ же пришелъ и Павелъ Захарьевъ, и въ другій день, Богу помогающе, совершихомъ челобитную. При часѣ 11-мъ того же дня совѣщахомся и приидохомъ къ выше-реченному Симеону Иванову. Онъ же скоростію тече въ Титовъ приказъ и сказа пятисотному, именемъ Ивану: «По вашему де, приказу ходилъ азъ и возвѣстилъ посадскимъ людемъ, и они де съ радостію, написавъ челобитную, пришли ко мнѣ, и вамъ велѣли вѣстно учинить про себя». Онъ же Иванъ, слышавъ, радъ бысть о семъ; взявъ съ собою двоихъ стрѣльцовъ Никиту Юрьева Колчу да Авдѣя Артемьева, пятидесятника, и придоша къ нему Симеону на дворъ. Сергій же встрѣтивъ и давъ ему о Христвѣ цѣлованіе, и съдоша на малъ часъ, таже глагола ему Сергій: «Слышахъ, братіе, доб-

рое ваше произволеніе, еже хотите попещися о старой благочестивой христіанской вѣрѣ, писано бо есть: «изводяи честное отъ недостойнаго, яко уста моя есть», глаголетъ Господь; и вы Господа ради попечытеся о толико душъ погибающихъ въ мірѣ семъ отъ нынѣшнихъ новыхъ книгъ, понеже вкоренишася въ нихъ многія ереси; а возбраняющаго нѣсть, кромѣ Бога. И вы, братіе, насъ въ поруганіе по прежнему, не дайте, якоже и братію нашу жечь да мучить, но будите готовы обличати ихъ новую вѣру. Аще будетъ, ради мы и кровь свою проліять за старое благочестіе». Пятисотенный же, слышавъ отъ старца глаголемое, радъ бысть, и рече: «Мы, честный отче, ради такоже съ вами заедино помереть за старое благочестіе, а что ты рече—не дайте насъ по прежнему въ поруганіе жечь и мучить, и мы вкратцѣ скажемъ, что будетъ намъ, и то и вамъ». Сергій же поклонися ему до земли, и повелѣ Саввѣ челобитную прочесть предъ ними. Они же, слышавше, удивившася: «мы—де во днѣхъ своихъ не слышали таковаго слогу и толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ». И взяша съ собою челобитную, и, благословившеся у старца, поидоша вси въ приказъ. Пятисотный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ и иніи, подумавше, послаша деньщиковъ по слободамъ и созваша всѣхъ стрѣльцовъ на съѣзжу избу. Они же скоростію сошедшеся, и посадскихъ тутъ много пришло, и заставиша сотеннаго ихъ полку чести вслухъ всѣхъ. Сотенный же неискусенъ божественному писанію, чететь и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ, и тупо гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же перестать ему велѣли; иного поискавше, и нѣсть такова человекъ и принудиша ту Савву чести. Онъ же исперва отрицался, они же съ моленіемъ понудиша его; онъ же начать чести и толкомъ ереси рассказывати. Они же прилѣжно слушавше, мнози же и плакаху. Егда же прочель челобитную, тогда вси единогласно возопиша: «Надобно, братіе, лучше всего постоять за старую православную христіанскую вѣру, и кровь свою проліати за Христа Свѣта, всѣмъ намъ нужно сіе дѣло: за тлѣнное было головы своя положили, кабы Владыка не помогъ, а за Христа Свѣта для чего не умереть?» И челобитную у насъ взяли къ себѣ въ приказъ и списали, а подлинную опять намъ отдали.

И возвѣстиша о семъ боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому. Онъ же радостенъ бысть о семъ зѣло, и вопроши ихъ: «Есть-ли, де, братіе, кому отвѣтъ дать противу властей? Велико дѣло божіе сіе, надобно люди бы ученые были». И они ему сказали: «Есть-де, царскій бояринъ, у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію и посадскіе люди многіе на сіе дѣло тщатся». Онъ же рече имъ: «Приведите ко мнѣ на домъ инока и посадскихъ людей, кои есть, да и сами прійдете съ ними». Они же придоша въ домъ ко иноку и братіи и сказаша: «мы-де о семъ дѣлѣ возвѣстихомъ боярину, онъ же радостенъ бысть, и о васъ сказахомъ по именомъ, и повелѣлъ вамъ къ себѣ придти на домъ: я-де самъ съ ними побесѣдую». И послѣ обѣда того же дни пошли выборные проповѣдывать, и бояринъ еще не бывалъ домой. Они же, шедше вверхъ, возвѣстиша ему: «какъ-де государь прикажешь иноку и посадскимъ людямъ къ себѣ прійти?» Онъ же рече: «Въ другой день послѣ обѣда». Они же и на другой день о часѣ 4-мъ, поимши отца Сергія и прочихъ братій, христіанскаго закона ревнителей, и придоша къ боярину. Бояринъ же видѣлъ ихъ и велѣлъ людямъ своимъ честно стрѣтити. Они же встрѣтиша ихъ и отведоша во отходную палату, и ждахомъ его тутъ въ палатѣ, яко 3 часа. И бояринъ отпусти гостей, пріиде къ намъ и поклонися отцу Сергію до земли и глагола ему: «Коя ради вины пріиде къ намъ честный отче?» Отецъ же рече ему: «По приказу твоему пріидохомъ возвѣстити тебѣ о старой христіанской вѣрѣ, въ нейже мы воскормлены нечестнымъ млекомъ отъ сосецъ матери нашея святыя соборныя и апостольскія восточныя церкви, въ ней же вси святіи наши российскіе чудотворцы Богу угодили и вси благочестивые цари и святѣйшіе патріархи;—и принесохомъ къ твоему боголюбію челобитную на патріарха и властей, въ нейже описаніе многихъ ересей, что содержатъ въ себѣ новыя книги, и за что они власти насъ, не держащихъ ихъ новую латино-римскую вѣру, проклинаятъ и отъ церкви отлучаютъ, и еретиками называютъ, и за что они старопечатныя книги отриновены сотворили и изъ церкви божіей изринуша, аки непотребни суща, и что въ нихъ ереси и хулы на Бога и Святыхъ Его, иже бы власти въ томъ имъ отвѣтъ дали на письмѣ. Мы же,

Богу поспѣшествующу, ереси ихъ въ новыхъ книгахъ до конца обличимъ». Бояринъ же рече: «Азъ и самъ грѣшный вельми желаю, чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и немятежно. Аще, рече, и грѣшень, но неизмѣнно держу старое благочестіе и чту по старымъ святымъ книгамъ и воображаю себѣ на лицы своемъ крестное знаменіе двѣма персты». И нача чести символъ православныя вѣры: «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго». И рече: «Тако вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народъ христіанскомъ и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнія новыя никоновы нѣкія вѣры. Самъ бо Господь пречистыми Своими усты рече: «просите и дастся вамъ, ищите, и обрящете, толцые и отверзется вамъ; всякъ бо просяй пріемлетъ и ищай обрящеть, и толкущему отверзется: и вся елика просите въ молитвѣ, пріимите». И паки: «живу Азъ, глаголетъ Господь, не хочу смерти грѣшнику, но обратится и живу быти ему»; и паки: «не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе». И много изрекъ отъ божественныхъ писаній. Сергій же отвѣща къ нему: «Изволь, царской бояринъ, челобитную послушати». И велѣлъ чести челобитную, и слушающе прилѣжно и чудящися о множествѣ ересей въ новыхъ книгахъ, и по чтеніи челобитныя спросилъ: «Кто писалъ сію челобитную?» Сергій же отвѣща: «Азъ съ братією сей потрудихомся, Богу помогающу намъ». Бояринъ же отвѣща: «Вижу тя инока, отче, смиренна и тиха и немногословна, и не будетъ тя съ таковое великое дѣло, надобно противъ ихъ ученому чловѣку отвѣтъ держати». Сергій же отвѣща: «Азъ аще и немногословесенъ есмь, и не знаю клюкамъ ихъ и високоумію, но токмо надѣюся на Сына Божія и вѣрую словесемъ Его, могущая и немудрыя умудрити во спасеніе. Самъ бо рекъ ученикомъ своимъ сице: «предъ владыки же и цари ведени будете Мене ради во свидѣтельство имъ и языкомъ; егда же предають вы, не пецытеся, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющія, но Духъ Отца вашего глаголай съ вами». Бояринъ же рече: «Истинно рекъ еси, невѣдомо, Духъ Святой кѣмъ подѣйствуетъ». Мы же сказахомъ ему и о Никитѣ суздальскомъ, соборномъ священникѣ, на него

же и *Жезл* книга сложена. Бояринъ же радостенъ бывъ и рече: «Знаю я того священника гораздо; противу тово имъ нечего говорить; тотъ уста имъ заградить, и прежде сего ни одинъ отъ нихъ противу его не можаше стати, но яко листвіе падоша. Я, братіе, радъ вамъ помогати, да мнѣ не за искусь дѣло, и въ конецъ божественнаго писанія не знаю, и ихъ обличити умъ не осяжетъ; потому что мы измлада навыкли воинскому чину, а не духовному; а намъ сіе дѣло не за искусь. А того себе не мните, что по прежнему казнить, да вѣшать, да въ срубахъ жечь: я вамъ въ томъ Бога свидѣтеля представляю, за то радъ стоять». Мы же отвѣщавомъ: «Государь, царской бояринъ! о томъ Бога молимъ и у тебя государя милости просимъ, не дай насъ по прежнему въ наруганіе, и порадѣй, государь, чтобы съ ними цари дали праведный судъ и свидѣтельство отъ божественныхъ писаній въ правду, а не по прежнему безвинно осудить да смерти предать: честь царева судъ любить, по писанію». Бояринъ же рече: «Да гдѣ вамъ хочется быть собору?» Мы же рѣхомъ: «Молимъ, государь, твое боголюбіе, чтобы быть собору на лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ народомъ и были бы тутъ цари государи, и благовѣрная царица Наталья Кирилловна и патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ. Буде не изволятъ они на лобномъ мѣстѣ, ино въ кремль промежь соборомъ у Краснаго Крыльца, и повели государь быть собору въ пятокъ». Бояринъ рече: «Послушайте мене въ семь, не изворотню быть собору въ пятокъ; понеже цари государи стануть въ недѣлю вѣнчаться царскими вѣнцы, и вы не сдѣлайте великаго смятенія въ народъ». Сергій же и выборные боярину рѣша: «Намъ, государь, царской бояринъ, то и хочется, чтобы цари государи царскими вѣнцы вѣнчались во истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ ихъ латино-римской, и мощно ли то дѣло отложить до другаго воскресенья?» Бояринъ же рече: «Невозможно никоимъ дѣломъ отложить, все приготовлено и служивымъ всѣмъ отповѣдь была къ нынѣшнему воскресенью; а въ томъ я вамъ свидѣтеля Бога представляю, что цари государи царскими вѣнцы стануть по старому вѣнчаться, и служба будетъ по старому, по которой вѣнчали на царство царя Ивана Васильевича и сына его Феодора Ивановича,—тоже вѣнчаніе

и имъ будетъ». Сергій и вси выборные рѣша: «Царской, государь, бояринь! нестатно то дѣло, что ему патриарху вѣнчать уже по старому. На литургіи стануть они причащаются государи, а литургію патриархъ станетъ служить по новому своему служебнику, а не по старому, по которому служебнику блаженный патриархъ Филаретъ Никитичъ служилъ, и причастіе на пяти просфорахъ, на крыжахъ латинскихъ, а не на истинномъ крестѣ; а въ вѣнчаніи станеть ихъ государей патриархъ уговаривать, чтобы имъ неизмѣнно стоять за новую вѣру заедино съ нимъ патриархомъ». Бояринь же рече: «Да вѣдь де ему на царей тѣхъ государей не кабала взять, буди по вашему благому изволенію, что въ пятокъ собору быть». Мы же поклонившеся отъидохомъ во свояси. И въ тоже время прииде къ намъ инокъ Савватій, житіемъ Волоколамской пустыни. Въ день же пятничныи въ 5-й часъ дни поидоша выборные вверхъ и возвѣстиша боярину: «какъ де государь изволить отцамъ пріити на соборъ?» Бояринь же повелѣ пріити въ 7-й часъ тогоже дня, и возвѣстиша о томъ отцамъ. Егда же прииде 7-й часъ, и тогда призваша отца священника Стефана и молебная совершивше и благословившеся отъ него. И вземъ отецъ Никита честный и животворящій крестъ христовъ, а Сергій — святое евангеліе, а Савватій — страшный судъ и придоша къ Красному Крыльцу, и возвѣстиша о нихъ боярину. Бояринь же повелѣ ихъ вести въ отвѣтную палату. Бѣ же народъ много ту собравшеся, мужеска пола и женска, по нихъ придоша, видяще таковое дѣло и недоумѣвающеся, глаголаху другъ къ другу: «что хоцетъ быти?» Отцы же придоша въ палату и, помолившеся святымъ иконамъ, поклонишася ту сущимъ людямъ по обычаю и сѣдоша. По малъ же времени прииде ту и бояринь, князь Иванъ Андреевичъ Хованскій; съ нимъ множество пришло дяковъ и подъячихъ и всѣхъ чиновъ людей. Бояринь же помолися, цѣлова честный крестъ и святое евангеліе и вопросы ихъ: «Коея ради вины пріидосте, отцы честніи?» Никита же священникъ отвѣтъ даетъ боярину: «Приидохомъ здѣ великимъ государемъ побить челомъ о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы велѣли патриарху и властемъ служить по старымъ служебникамъ, такоже и книги всѣ бы были во святыхъ церквахъ

старья и служили бы на 7-ми просфорахъ, а къ воображенію святаго Агнца на просфорахъ былъ бы крестъ истинный три-составный, а не крыжъ двучастный, и да расторгнется хула на Бога и на святыхъ Его, также и въ людехъ да не будетъ мятежа, но подасть Господь тишину велію. А буде патріархъ не изволитъ по старымъ книгамъ служить, они бы великіе государи велѣли ему патріарху съ нами, богомольцами своими, дать праведное свое разсмотрѣніе отъ божественныхъ писаній: что онъ патріархъ по тѣмъ старымъ книгамъ не служить и инымъ возбраняетъ; а какъ кои богочтецы, ревнуя по отеческихъ догматѣхъ истиннаго закона, по тѣмъ старымъ книгамъ чтутъ и поютъ, и онъ патріархъ тѣхъ людей проклятію предаетъ и въ дальняя заточенія засылаетъ, а Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить, и за ребра перевѣшать и на морозѣ переморозить; и за что они тѣ старья книги отриновенны сотворили и въ церкви божіей аки не-потребныя? и есть ли въ нихъ какія ереси, или какая несправа, и что въ нихъ есть хулы на Вышняго Бога и Пречистую Его Богоматерь и на Святыхъ Его? и благочестивы ли были, кои по нихъ служили и пѣли, прежніе цари и великіе князи и святѣйшіе патріархи, при коихъ печатаны, или не благочестивы были? И онъ бы патріархъ намъ богомольцамъ вашимъ во всемъ томъ отвѣтъ далъ на письмѣ, а мы, богомольцы ваши, въ ихъ новыхъ книгахъ всякіе затѣи и многія ереси ихъ, Богу помогающу намъ, въ конецъ обличимъ». Бояринъ же имъ рече: «Я-де и самъ желаю истину увѣдѣти, и чту и пою и вѣрую по старымъ книгамъ, какъ святая соборная и апостольская церковь содержитъ,» и много изрекъ отъ божественныхъ писаній, и прочте символъ по старому, также и слагаше крестное знаменіе по преданію святыхъ отецъ двѣма персты. И вопросы ихъ: «Есть ли у васъ о томъ челобитная?» Они же сказаща ему: «Есть, государь, и двѣ». Онъ же рече: «Приказали де государи цари челобитную взять и прочесть». И рече Никита: «Да какъ, государь, царской бояринъ, возмешь у насъ челобитную, а намъ безъ нихъ что будетъ на соборѣ подать?» Онъ же общася живымъ Богомъ: «Что паки къ вамъ принесу, а не учиню того, что не отдать. Когда же положилися на меня во всемъ, вѣрьте же ми не-

отложно». Они же подумавше промежь себе и даша ему челобитную. Онъ же понесе вверхъ къ царемъ государемъ, тутъ же и патриархъ былъ и слушалъ челобитную, и сошелъ къ намъ бояринъ безъ челобитныя. Отцы же начаша ему говорити: «что-де, государь великій бояринъ, челобитныя къ намъ не принесъ?» Онъ же общася принести. Потомъ въ третій прииде и челобитную принесе, и рече народу, кои тутъ предстоятъ: «Будеть, де, противъ тоя челобитныя дѣла недѣли на 3, не токмо еще книги свидѣтельствовать; великое сіе дѣло божіе». Предстоящій же рѣша: «Подай, Господи, избери что лучшее душамъ нашимъ христіанскимъ.» И сказалъ отцамъ: «Патриархъ де у царей государей упросилъ о семъ дѣлѣ до среды. Въ среду же приходите послѣ обѣдни». И отпустилъ ихъ въ домъ, идѣже пребывающе, и велѣлъ дать караулу 30 человекъ стрѣльцовъ ради обережки двора. Отецъ же Никита доложи боярину о преждереченномъ дѣлѣ: «Какъ де государь изволишь царей государей вѣнчать?» И онъ рекъ: «Я де вамъ говорилъ прежде сего, что царей государей стануть вѣнчать по старому». Никита же: «Хорошо, еслибы патриархъ и литургію служилъ по старому на седми просфиряхъ, а крестъ бы воображенъ былъ истинной, а не крыжъ». И бояринъ рече: «И вы-де велите испечи просфиръ воображенія старымъ крестомъ, я-де патриарху самъ поднесу, и велю служить по старому; а ты, отецъ Никита, тутъ же буди». И придоша отцы въ домъ, идѣже пребывше, и патриархъ увѣдавъ, зане служивые всѣхъ полковъ заедино хотяху за православіе стоять, убоися, да не будетъ лишень славы и сана своего, посылая по выборныхъ служиваго полку, воздавая имъ честь велю, и повелѣлъ поить ихъ разными питьями и подачи посылая имъ, такоже и дары великіе, чтобы не поборники были православію, и тако иныхъ слабоумныхъ улести въ свою волю. И на утріе въ субботу придоша отцы, Волоколамскихъ пустынь жители, отецъ Дороей и Савватій и Гавріилъ, и бысть радость велія промежь ими; а посылали по нихъ Савву Бѣлевскаго. По утру рано въ воскресный день бысть голка велія въ Титовѣ приказѣ: придоша ко отцамъ служивые люди и сказаша: «Попъ де у нихъ новикъ, споруется отъ писанія, а у насъ де противъ него нѣкому оспорить, и зѣло де хулить и поносить старую

вѣру». Ревнители же благочестія идоша къ нему, онъ же училъ по кормчей книгѣ; а егда видѣ ихъ пришедшихъ, да и замолча, а самъ рекъ: «Время—де мнѣ обѣдня служить». Они же отъ него разыдошася. Никита же отецъ повелѣ нѣкоей вдовѣ искуснѣ просфиры испечи, и понесе ихъ въ соборъ. Народи же московстіи вси собравшеся и ждуще царей государей, и тѣснота бѣ велія въ людехъ, и другъ друга давляху утѣсненія ради; и не дойде отецъ Никита не токмо до боярина, но и до соборныя церкви, и возвратися ко отцамъ и рече имъ: «Простите, отцы: никоими мѣрами не допустилъ народъ до соборныя церкви, и я просфиры назадъ принесъ». Онъ же тѣ просфиры раздаше вѣрнымъ благословенія ради. И въ той день сотвориша царемъ—государемъ вѣнчаніе. Видѣвъ въ Титовомъ полку благоразумніи людие, яко по улуценію патріарха не бысть въ иныхъ полкахъ согласія о правовѣрїи, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку, и выбраша старыхъ стрѣльцовъ, пятидесятника Михаила Артемьева, Ивана Максимова, Егорья да Михайла и придоша ко отцемъ и благословившеся у нихъ съ челобитною ходити по приказомъ, руки прикладывать. Они же рекоша: «Богъ васъ благословитъ на такое великое дѣло: потружайтеся ради Сына божія, незабвенны будутъ труды ваши у него свѣта на небесѣхъ, и стопы ногъ вашихъ изочтени будутъ, сирѣчь, въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.» И поищемъ Саву ради прочитанія челобитныя, понеже по приказомъ нѣкому челобитныя честь. И въ той же день приложили руки къ челобитной 4 приказа, а на другой день 3 приказа, и тако приложиша руки 9 приказовъ, а десятое пушкарѣ, и бысть между ими прѣ великая и брань: инїи хотять прикладывать, а инїи не хотять, обольстившеся патріархомъ, и говорятъ такъ: «Намъ—де за что прикладывать? мы де отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ и какъ руки приложить, такъ и отвѣтъ давать противу патріарха и властей; а старцамъ умѣтъ ли противу такова собору отвѣтъ дать? а они смутивъ, — да уйдуть; а все то дѣло не наше, сіе дѣло патріаршее; мы и безъ рукъ рады тутъ быть, да стоять за православную вѣру и смотреть правду, а по старому де не дадимъ жечь да мучить». И на томъ служивые положили, что, и не приложя рукъ къ челобитной, стоять за одно всѣмъ и

дѣлать правду, а къ коей челобитной руки приложили, и ту челобитную положили въ Титовѣ приказѣ, запечатавъ, и велѣли подавать большую челобитную отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ, на 20 столпцахъ писана. Потомъ въ среду придоша къ нимъ выборные: «Честній отцы! пойдемъ мы въ городъ и благословите вы насъ доложить боярину о томъ, какъ вамъ прійти на соборъ, въ коемъ часу и отвѣдь вамъ дадимъ, а безъ насъ вы не ходите.» И благословившеся у нихъ, пойдоша въ городъ и доложиша боярину: «Какъ-де государь, царской бояринъ, прійти отцамъ на соборъ и въ коемъ часу?» Бояринъ же, видѣвъ промежъ ими смятеніе и непостоянство, велѣлъ всѣмъ выборнымъ собраться вмѣстѣ и ждать себя въ отвѣтнѣй палатѣ. Они же собравшеся придоша въ отвѣтную палату. По малъ же времени пріиде и бояринъ въ палату и рече имъ: «Приказали мнѣ цари государи васъ спросить: всѣ ли вы полки заедино хотите стоять за старую христіанскую вѣру?» Они же яко едиными усты рекоша: «Мы, государь, царской бояринъ, вси полки и чернослободцы за единого рады стоять за старую православную христіанскую вѣру». Бояринъ же и во второе такоже вопросы ихъ; они же вси единѣми усты такоже отвѣщаша. Бояринъ же и въ третіе вопросы ихъ: «Что сказать царемъ государемъ, всѣ ли вы за единого хотите за старую вѣру стоять». Они же тоже вси отвѣщаша не токмо стоять, но умереть ради за старую православную вѣру. Бояринъ поиде вверхъ, и сказа царемъ государемъ, что служивые сказали: «не токмо стоять, но умереть ради за старую православную вѣру». Цари же послаша его къ патріарху и служивые посадскіе многіе тутъ были. И егда придоша къ патріарху, бояринъ же пошелъ въ крестовую, а выборныхъ и посадскихъ оставиша въ сѣнѣхъ; и патріархъ выборныхъ всѣхъ велѣлъ взять на погребъ и приказалъ поить довольно водками и краснымъ питіемъ и медомъ. Они же, напившеся зѣло пьяне, пришли въ сѣни къ патріарху и тутъ кои ревнители православія лукавое смышленіе ихъ вельми непостоянно видятъ, что ничтоже наше успѣваетъ, но паче молва бываетъ. И по малъ часъ велѣлъ бояринъ идти выборнымъ и посадскимъ въ крестовую, и выборные, кои пьяны, вѣрнымъ рекоша: «Уже-де-какъ станете отвѣчать патрі-

арху и властемъ?» И вышелъ тутъ патріархъ и власти; и выборные пошли къ рукѣ, изъ правовѣрныхъ же ни одинъ не пошелъ. Бѣ же народу полна палата патріаршая крестовая. Нача патріархъ вопрошати: «Чесо ради, братіе, прїидосте къ нашему смиренію, и чесо отъ насъ требуете?» Бояринъ же отвѣща къ патріарху: «Пришли-де, государь, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословенію всякихъ чиновъ люди, надворная пѣхота великихъ государей всѣхъ полковъ, и солдатскаго строю выборнаго полку, и пушкари всѣ, и чернослободцы и посадскіе люди о исправленіи стараго благочестія православныя вѣры христіанскія побить челомъ; и какъ служили при великихъ князехъ російскіе чудотворцы и святѣйшіе патріархи, по тѣмъ же бы по старымъ книгамъ и нынѣ бы такожде служба была въ соборной и апостольской церкви единогласно и немятежно, по апостолу: «единъ Господь, и едина вѣра, едино крещеніе и единъ Богъ Отецъ всѣхъ»; и паки: «даждь намъ Владыка едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречистое и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь». Того ради прїидоша къ твоему благословенію». И молчаніе бѣ не малъ часъ, и повелѣлъ Хованскій стрѣльцамъ говорить. И сталъ говорить выборный Алексѣй Іюдинъ, Воробина приказу: «Мы, государь святѣйшій патріархъ, пришли къ твоему благословенію о свидѣтельствѣ божественныхъ писаній, и за что старыя книги, печатанныя при великихъ государехъ царѣхъ и при святѣйшихъ патріарсѣхъ, отринуты, и какія въ нихъ прїобрѣтаются ереси, и намъ бы про то вѣдомо было.» Патріархъ сталъ говорить: «Чада моя и братія! вамъ не подобаетъ судити и простаго человѣка, колми паче архіерея святыхъ апостолъ правила возбраняють и отъ церкви святіи отцы отлучають и вѣчнѣй клятвѣ предають, аще не престануть отъ таковаго начинанія. А вы простаго чину и воинскаго, и вамъ сіе дѣло не за искусь; но нашею архіерейскою властію разрѣшается и вяжется. Мы на себѣ христовъ образъ носимъ; такоже и азъ пастырь, а не наемникъ, дверьми вшелъ, а не чрезъ ограду, и не самъ азъ на себя такую великую тяготу восхитилъ и докупилъ на апостольскій престолъ, но избранъ есмь повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя и бла-

гословеніемъ всего освященнаго собора; а не противъ моя силы такую тяготу великую на мя возложиша и съ нуждою на сей архіерейскій престолъ возведоша; и азъ за послушаніе такую великую тяготу на себя восхитилъ, и азъ еще и недостойнъ, но пастырь есмь, и того ради подобаетъ вамъ повиноватися и учителемъ и священникомъ, наипаче же архіереомъ и не судити ихъ, еще и житіе имать укоризное. И паки апостолъ глаголетъ: «повинуйтеса наставникомъ вашимъ и покоряйтеса»; и на се Златоустъ глаголетъ съ прещеніемъ: «А ты ли ниже повиноватися хочещи? Онъ тебе ради бдитъ, тебе ради молить, за тебя стоитъ Бога просая, тебе ради молитвы творить во всякомъ прошеніи. Вы же нынѣ намъ прекословцы являетеса не токмо намъ, но господнимъ словесемъ глаголющимъ святымъ Евангеліемъ: «слушай васъ Мене слушаеть, а отменяяся васъ, Мене отменяетса». Вы же къ тому глаголете: «у насъ вѣра зла», и Никона бывшаго патріарха называете еретикомъ и сущаго врага святая соборная церкви, а онъ не еретикъ былъ и не врагъ святая соборная церкви; еще и сана извержень, не за вѣру или догматы церковныя, но за свое безчиніе и непокорство, згордися самъ оставилъ престолъ свой; а у насъ онъ никакого поврежденія вѣрѣ не учинилъ. А у насъ вѣра православная и святыми апостолами проповѣданная и святыми отцы утвержденная и мученическою кровію запечатлѣнная, стараго православія греческаго закона, въ нейже и святіи отцы Богу угодиша, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ російскихъ харатейныхъ книгъ, и святѣйшіе вселенскіе патріархи повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора на то призвани быша киръ Паисій, александрійскій папа и судія всей вселеннѣй, и Маркарій антиохійскій; они же наипаче исправиша и утвердиша и повелѣша православнымъ христіаномъ креститися тремя персты во образъ Святыя Троицы, а не послѣдующихъ ихъ исправленію проклятію предаша. И мы сіе не сами завели отъ себе, но отъ божественныхъ писаній исправихомъ и послѣдуемъ имъ, святѣйшимъ патріархамъ, и сами себѣ погибели не хотимъ и вамъ такоже не совѣтуемъ». И выборные на отвѣтъ поставиша передъ патріархомъ Павла Даниловца, да Павла Захарѣева, и Савву Романова и повелѣша противу

его отвѣщать. Павелъ же Даниловецъ исперва поклонился ему до земли и нача глаголати со смиреніемъ и тихими глаголы: «Въ правду, святѣйшій владыко, рекъ, что вы на себе христовъ образъ носите и вамъ должно есть намъ повиноватися. Спаситель нашъ Христосъ смиренія образъ во всемъ показалъ и Самъ рекъ пречистыми усты: «научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ», а не струбами и огнемъ и мечемъ грозилъ. Яко ты глаголеши: образъ христовъ носите, а житію христову не послѣдуете. И апостоль рекъ: «повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покарайтесь, ти бо бдять о душахъ вашихъ». И на се Златоустъ толкуеть: «что убо, рече, егда золь, неповинуешилися? золь како глаголеши? аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся, не точію аще человекъ былъ бы, но аще ангель, съ небеси спешій»; рекъ Павелъ: «но аще азъ, или ангель съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаеема да будетъ», сирѣчь, аще и малое что подвигнуть, анаеема да будетъ. И паки Галатомъ пишетъ: «чуждуся яко тако скоро предлагается отъ звавшаго васъ благодатію христовою во ино благовѣствованіе». И мы такового апостольскаго запрещенія и проклятія боимся отъ писанныхъ и малое что подвигнуть и паче мертвыхъ возстающихъ писанія быти достовѣрнѣйша; и достоинство лицъ не пріемлется, егда вѣру превращаютъ, или о истинѣ слово будетъ, сирѣчь, говорить о правдѣ не токмо предъ святители, но и предъ цари: понеже благочестія отступити Бога отступити есть, и ничтоже тако раздражаетъ—Бога, якоже церкви раздѣлятся, аще и безчисленная будемъ содѣлавше благая; что же сіе есть яко ниже мученическая кровь можетъ сего загладити грѣха». Патріархъ же къ нему рекъ: «Да статное ли дѣло, что вамъ архіерея судить? Вы Никона патріарха называете блудника и прелюбодѣя, будто онъ бабъ блудилъ и дѣвокъ и молодыхъ ребятъ, и тѣмъ въ людѣхъ смущеніе творите и предаете святительскую власть, и тѣмъ чинъ святительскій ругаете. И то не ваше простолюдиновъ—архіерея судити, но нашей архіерейской власти о томъ разсмотряти и по правиломъ святыхъ отецъ отлучати и судити, ваше токмо повиноватися». Тогда Павелъ отвѣщалъ ему: «Не о семъ намъ, святѣйшій па-

тріархъ, слово; нѣсть намъ о семъ глаголати. Слыши бо самаго Спасителя нашего Христа, глаголющаго: «на Моисеовѣ съдалищи съдоша книжницы и фарисеи». Вся убо, елика аще рекутъ вамъ творити, творите; по дѣломъ же ихъ не творите; имуть, рече, санъ, но житія нечистаго. Но не житію, но словесемъ внимай: права бо ради ничтоже повреждается». И Златоустъ глаголетъ, яко подобаетъ повиноватися учителемъ и священникомъ и не судить, аще и житіе укорное имуть; аще же о вѣрѣ погрѣшаетъ, тогда не подобаетъ покоряться имъ, но и бѣгати и судити ихъ.» А епископу подобаетъ, рече апостоль, безпорочну быти, якоже божію строителю, не дерзу, не напрасливу, не піаницъ, ни убійцъ, но боголюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержавшемуся вѣрнаго словеси во ученіи.» А на се слово Златоустъ рече: «а иже не вѣдый о правомъ учити ученіи, далече да будетъ престола учительска». И паки: «таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверенъ и отлученъ отъ грѣшникъ, сирѣчь, нелукавъ, непронырливъ»; и паки: «пасите еже въ васъ стадо божіе не съ нуждею, но волею и по Бозѣ, ниже неправедными прибытки, но усердно, не яко обладающу причту, но образъ бывающе стаду». А что мы, святѣйшій патріархъ, Никона называемъ еретикомъ и сущаго врага святыхъ апостольскія церкви восточныя: что онъ Никонъ егда исперва на престолъ взыде, то онъ учинилъ въ церкви расколъ и взялъ отъ папы Формоза римскаго костела и повелѣ христіаномъ тремя персты креститися, а не крестящихся тремя персты всякимъ томленіемъ повелѣлъ мучити отцевъ и братію нашу, да и вы по немъ тоже творите; да и въ молитвѣ Сына Божія не повелѣлъ глаголати. И то, государь святѣйшій патріархъ, какая ересь и хула, что двѣма персты креститися, исповѣдывать божество и человечество, и въ молитвѣ Сына Божія глаголати, и за что за то жечь въ струбахъ да пытатъ?» И патріархъ рече: «Мы за крестъ и молитву въ струбахъ не жжемъ и не пытаемъ; мы за то жжемъ, что насъ еретиками называете и не повинуетеся святѣй соборнѣй и апостольствѣй церкви; а кто какъ хоцетъ, такъ и крестится,—двѣма ли персты, трема ли, или всею дланію, то все едино, лише бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ не

истязуемъ». Павелъ же рече: «Святѣйшій Владыко! да не едино онъ сіе разрушилъ, но многія ереси ввелъ въ церковь божію, и книги старыя, по коимъ святіи отцы наши Богу угодили, всѣ исказилъ, испревратилъ на свой разумъ и, вкратцѣ молвить, что ни содержала святая соборная и апостольская церковь — преданіе святыхъ отецъ, писанное и неписанное, то все онъ Никонъ нарушилъ и превратилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ Россіи лѣтъ семь сотъ, отъ Владимірова крещенія до него Никона, не бывало. А до того намъ какое дѣло — архіерея судити; а кто какъ живетъ, блудникъ или пѣяница, или лихоимецъ, каждо отъ своихъ оправдится, или осудится; кто что посѣтъ, тотъ то и пожнетъ; намъ про то скверно говорить ненадобно». Тутъ стало патріарху за великой стыдъ, что не ладно молвилъ. Павелъ же много изрекъ отъ божественныхъ писаній; патріархъ же и власти всѣ стоятъ молча, повѣся головы. Павелъ же рече ко властямъ: «Власти государи! помогайте архіерею тому божію говорить съ нами; видите ли онъ изнемогъ, а вы его не перемѣните». И патріархъ спросилъ: «Какъ тебя зовутъ?» «Меня, государь, Иваномъ зовутъ». — «Изнемогъ де, Иванушко, потому что дни три не ѣдалъ». И бояринъ Павла зѣло похвалилъ: «Не чаялъ де въ васъ такова человѣка». И спросилъ у Савы, стрѣлецъ ли онъ, или посадской? И я ему сказалъ: «Съ посаду де, государь, овчинныя слободы». Сталъ говорить Крутицкій митрополитъ Варсонофій: «что де все вы говорите, а святѣйшему патріарху не дадите одинаго слова выговорить». И Павелъ: «Изволь де государь, говори ты». И сталъ патріархъ тѣ же рѣчи говорить: «и де до меня заведена новая вѣра, по совѣту и благословенію святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ исправили съ греческихъ книгъ: здѣ изъ святаго горы много греческихъ старыхъ книгъ привезено, а я на готовое пришелъ». И Сава противу ему рекъ: «Мы, святѣйшій патріархъ, въ томъ на тебя и не сѣтуемъ, что ты завелъ новую вѣру; испревратилъ вѣру христіанскую Никонъ, бывший патріархъ, да чернецъ Арсеній еретикъ». «Не еретикъ былъ Арсеній, но истинный православный христіанинъ и сынъ святаго восточнаго церкви». Сава же отвѣща: «Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ блаженныя памяти при царѣ Алексѣ Михайловичѣ и при святѣйшемъ

патріархъ Іосифъ пріѣзжалъ въ царствующій градъ Москву вселенскій патріархъ Паисій іерусалимскій и привезъ чернца Арсенія, родомъ греченина. И егда поѣха вселенскій патріархъ во свою землю, и тотъ чернецъ утаився и скрився отъ своего патріарха, хотя здѣ плевелы всѣять въ православную нашу христіанскую вѣру. Той же вселенскій патріархъ Паисій писалъ съ пути блаженныя памяти къ великому государю, царю и великому князю Алексію Михайловичу и ко святѣйшему Іосифу патріарху про того чернца Арсенія, что онъ еретикъ и въ жидовскомъ обрѣзаніи, и вѣрѣ христіанстѣй конечной врагъ, чтобы ему въ царствующемъ градѣ Москвѣ просто жить не велѣлъ, и держать бы въ крѣпи, потому что онъ многи грады возмудилъ и вѣру христіанскую испревратилъ по своему еретическому умышленію, а не по преданію святыхъ отецъ. И того ради великій государь и святѣйшій патріархъ велѣли того чернца сыскать и сослать въ Соловецкій монастырь въ заточеніе. И по указу великаго государя и святѣйшаго патріарха посланъ былъ въ Соловецкій монастырь новгородскій митрополитъ, бывшій патріархъ, ради мошей иже во святыхъ отца нашего Филиппа митрополита московскаго чудотворца. И обходяше тамо вся службы и больницы, посѣщаше братію, и увидѣвъ его чернецъ Арсеній возопи гласомъ велиимъ: «Святѣйшій патріархъ Іосифъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ успе, а намѣстникомъ де быть послѣ него тебѣ, великому государю». Никонъ же за сіе слово взя его съ собою къ Москвѣ, и егда воспрія патріаршества престолъ, взя его къ себѣ въ келлію, и потомъ въ казначей; и паки потомъ учини его быть первымъ справщикомъ на печатномъ дворѣ, и далъ ему волю въ книгахъ. Онъ же самую первую головную книгу, по которой священнодѣйство совершается, еже есть служебникъ, испревратилъ по своему суетному мудрованію, а не по святыхъ отецъ преданію, потомъ октоихъ, евангеліе, и просто молвить, что ни содержитъ соборная и апостольская церковь, то все нарушилъ и исказилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ россійскомъ царствѣ отнюдь до сего не именовалось. А ты что, святѣйшій патріархъ, изволилъ говорить про нынѣшніе вселенскіе патріархи, что де они, къ намъ пріѣхавъ, вѣру испра-

вили съ греческихъ старыхъ книгъ, и у насъ прежде сего въ російскомъ государствѣ палестинскихъ патріарховъ бывало много, наипаче же начальнѣйшій и глава всѣмъ Іеремія цареградскій и Θεοфанъ іерусалимскій, и ни въ чемъ наша православныя вѣры не хулили и двоихъ блаженныхъ и приснопамятныхъ отецъ нашихъ, святѣйшихъ патріарховъ Іова и Филарета, государству на архіерейскій престоль хиротонисаша, глаголюще: «ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересію; второй Римъ, еже есть Константинъ градъ, падеся, отъ агарянскаго насилія изсякло благочестіе; московское же государство третій Римъ именовашеся». И завсегда въ соборнѣй и апостольстѣй церкви у вечерни и заутрени были и чинъ уставъ соборныя церкви видѣли, сами съ нашими патріархи божественную литургію служили; и аще бы было кое прегрѣшеніе и неисправленіе въ книгахъ или въ церковномъ чину и поступкахъ напротивъ ихъ греческаго закона, они бы о семъ святѣйшіи патріархи нашимъ патріархамъ воспретили, исправили, кое непротивъ ихъ печатныхъ книгъ. Да и сами о себѣ свидѣтельствовали, что у нихъ въ Грецѣхъ отъ насилія агарянскаго благочестіе изсякло, и нѣсть нигдѣ, кромѣ московскаго російскаго государства: и о томъ свидѣтельствуесть книга кормчая. И премудрый Максимъ Грекъ во своей книгѣ пишетъ сице: «Егда плѣненъ бысть Царьградъ отъ Агарянъ, и тогда нѣщии боголюбивии, собравше вся греческія книги, хотяще цѣло соблюсти благочестіе, отплыша въ Римъ къ папѣ. Папа же съ радостію пріять у нихъ книги, бѣ бо отъ многъ лѣтъ ждаше; и повелѣ перевести на свой латино-римскій языкъ; греческія же переведенныя повелѣ огнемъ сожещи; и оттолѣ начаша печатати книги Грекомъ въ Венецѣи и въ Австріи и многія ереси въ нихъ внесоша». А нынѣшнія власти, вселенскіе патріархи, пріѣзжали въ московское государство не вѣры исправлять, но злата и вещи собирать, и учинили лишь раздоръ церкви божіей великій; и не крестящихся тремя персты по ихъ мудрованію проклятію предавати, и огнемъ сожигати и всякимъ томленіемъ житія человѣческаго лишати. И отъ того времени и мятежа великаго и до нынѣшняго дне здѣ въ московскомъ государствѣ и по многимъ городамъ христіанская безвинно кровь

проливается; и мы о семъ молимъ твое боголюбіе: разрѣши сомнѣніе и мятежъ душамъ христіанскимъ, и соедини церковь божію, да не проливается напрасно кровь христіанская. Вы мняще за Христа убиваете, а тѣ любители стараго православія души своя Христа ради полагають, да вѣчно съ Нимъ царствуютъ». И тутъ патріархъ отвѣту ничего не далъ и азъ, отступивъ отъ него, и сталъ близъ митрополита нижегородскаго. И митрополитъ ко мнѣ рекъ: «Вы о чемъ стязуетесь? мы никогда за крестъ и молитву не жжемъ, но за ихъ непокорство, что возмущають народомъ въ церкви не ходитъ и не исповѣдываются у священниковъ, и тѣмъ множество народу отъ церкви отлучили». И Савва противу его рекъ: «Да правду ли, владыко, рекъ, что за крестъ и молитву не жжете? чесоже ради, какъ приведутъ предъ васъ коево христіанина, и въ первыхъ вопрошаете: «какъ крестишься и какъ молитву творишь?» Христіанинъ молвить: «я де молитву творю и крещуся по старому, якоже святая соборная и апостольская церковь пріяла отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ седми вселенскихъ соборовъ». И вы за то пытали, да жгли, да его же въ тюрьму. Да у тебя же въ Нижнемъ подъ Ивановскою башнею выкопана яма сажень съ десять, и тутъ сидятъ и донинѣ три человѣка за крестъ и молитву. И по твоему приказу пріѣжжалъ Мироносицкій попъ Евѡимей, изъ ямы велѣлъ ихъ вынять и самъ распрашивалъ: «повинуетеся ли соборнѣй и апостольстѣй церкви и преосвященному митрополиту и хотите ли исповѣдаться и причаститься?» Они же въ первыхъ къ нему къ благословенію пошли и потомъ рекли: «Мы во всемъ повинuemся соборнѣй церкви и митрополиту и хотимъ повиноватися и причаститься и по прежнему прекословити не станемъ, только де не отменяй у насъ креста да молитвы по старому». И попъ Евѡимей тебѣ о томъ возвѣстилъ: «во всемъ де, государь, повинуются и по прежнему прекословить не хотятъ, только молитвы да креста не измѣняютъ». А ты ихъ въ ту же яму велѣлъ бросить». И митрополитъ: «Да то де не я посадилъ: присланы по государскому указу безъ меня, и какъ изволить съ ними государь». И я противу ему рекъ: «Да ты чрезъ государской указъ дѣлаешь, а государской указъ: буде кто повинну принесетъ, ино

его выпустятъ или подѣ началъ отдадутъ». И патріархъ на митрополита закричалъ и велѣлъ молчать: видитъ онъ, что неладно говоритъ; и митрополитъ за властей схоронился въ куть, да искусенъ изъ-за властей и выглядываетъ, и Саву опознаваетъ; и велѣлъ новгородскому митрополиту спросить его имени, и онъ спросилъ: «Какъ де тебя зовутъ?» И я ему сказался Васильемъ. И нижегородскій митрополитъ призвалъ стрѣльца Титову приказу, да про него же спросилъ: «Откуда де у васъ сей человекъ?» И онъ ему сказалъ: «Нашего де полку, первыя сотни сотникъ». «А какъ зовутъ?» «Зовутъ де его Васильемъ». И нижегородскій митрополитъ: «Знаю я его, бывалъ де у насъ, и нашъ де онъ скормленикъ, да нынѣ намъ врагъ сталъ». А новгородскій митрополитъ много съ нимъ говорилъ отъ божественныхъ писаній, и говоритъ ему: «Я де и самъ, Васильюшко, прежде сего много сумлялся о семъ дѣлѣ, да и нынѣ во мнѣ сомнѣніе великое». И въ конецъ онъ о старомъ благочестіи знаетъ; и служивые тутъ стали говорить: «Вотъ де патріархъ противъ двоихъ человекъ отвѣту не далъ, лишь только де насъ виномъ да медомъ поить знаетъ, — а намъ де противъ правды стоять будетъ». И Хованскій послѣ той бесѣды и выборные пошли къ патріарху къ благословенію, а ревнители правовѣрїю ни единъ не пошелъ; единъ лишь Павелъ Даниловецъ пришелъ къ патріарху. Патріархъ протянулъ руку, хочетъ благословити по новому. Павелъ же сталъ говорить: «Нѣтъ де, государь, святѣйшій патріархъ, буде благословишь ты меня по старому, и я радъ отъ тебя благословеніе воспріять». Патріархъ же рекъ: «Когда де будетъ время, тогда и благословлять буду по старому; а нынѣ еще не почалъ». И тако пойдоша вонъ бояринъ и выборные. Бояринъ же нача Павла во главу цѣловати, и зѣло похвалилъ: «не зналъ де азъ, малой, тебя до сея поры». Патріархъ еще упрошалъ сроку до среды собору быть; и въ субботу по утру выслалъ попа Саву, иже искусенъ и школьному ученію, и нача учить народъ по Кириллову Евангелію Транквиліонову и тремя персты креститися, и зѣло на старую вѣру хулу возлагаше. Народи же того попа каменіемъ побѣша, еле жива оставиша, и чернца у Москворѣцкихъ воротъ биша довольно. И бысть на всѣхъ властей страхъ и

власти инья начаша благословляти по старому; а кои по обычаю своему благословляютъ и увидя коихъ ревнителей благочестію и боящеся, отнюдь удерживая себе, и не благословляху народъ. И съ того часа патріархъ и власти жезлы стали носить старые Петра митрополита;—слышаша въ народѣ глаголющихъ: «како де вы сами власти лукавы да и жезлы съ проклятыми и лукавыми зміями носите, прообразующихъ потребленіе нашея православныя христіанскія вѣры»; и того ради оставиша жезлъ съ проклятыми зміями. Народи же имъ чести и поклоненія отнюдь не воздающе и глаголюще: «когда будетъ у нихъ правая вѣра, и они бы о ней подвизались и жезлы бѣ не носили по своему обычаю съ проклятыми зміями; лише вездѣ видно ихъ непостоянство и мятежъ». И благовѣрная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно Парасковью Павловну къ вѣрующимъ, чтобы соборъ былъ на лобнѣмъ мѣстѣ, и были бѣ тутъ цари государи; и меня просили на соборъ, а въ соборную церковь никакъ не ходили бы, хотя и съ великимъ моленіемъ стануть просити, чтобы шли въ церковь; а буде не пойдутъ на лобное мѣсто, ино промежъ соборомъ на площади и о томъ присылала трижды, чтобы въ церковь не ходили, также и въ Грановитую Палату: у нихъ де дьявольской вымысль есть надъ вами. И патріархъ разумѣ свое лишеніе и на соборъ не хочетъ идти и говорить боярину: «буде де изволятъ, и они бы принесли свои старыя книги—евангеліе и служебникъ, а мы также новыя свои, да положили бы въ раку къ Петру митрополиту, и тутъ знать будетъ, кои правы и не правы; заповѣдалъ бы постъ по всей земли, а соборную церковь запечатали бы царевыми печатями, да патріарша и выборныхъ также и старцева печать: и о семъ станемъ молиться, да явятъ намъ святіи чудотворцы». И отцы боярину рѣша: «Буди по глаголу его; мы и тако рады, лишь бы правда была». И пришла сверху отповѣдь къ отцамъ: «Буде де изволятъ патріархъ класть въ раку Петра митрополита, и вы печатайте раки чудотворцовы, а не церковныя двери, а у нихъ такой вымысль есть, хотятъ внити потайными дверьми въ церковь и старыя книги изъ раки вонъ выкинуть; и повелите около церкви крѣпкой караулъ поставитъ человекъ по 100 на сутки».

И дошла та вѣсть патриарху, что отцы по его вымыслу не хотятъ дѣлать. Онъ же и сіе дѣло отложилъ, — не восхотѣлъ книгъ въ раку положить. По утру же рано въ среду придоша выборные ко отцамъ и рекоша: «Мы, отцы, по прежнему боярину о семъ дѣлѣ не станемъ докладывать, потому что они паки станутъ сроку просить; и мы вамъ вѣсть учинимъ, такъ и приходите». При часѣ же 6-мъ въ исходѣ приде служивой Михайло десятникъ и велѣлъ отцамъ идти на соборъ. Молебная пѣвше и благословившеся у отца Никиты и взявше крестъ и святое евангеліе и страшный судъ, предъ нимиже и свѣщи понесоша, благоговѣно на соборъ пойдоша; также и божественныя книги на свидѣтельство и на обличеніе ересемъ нѣщии боголюбивии людіе на главахъ своихъ несоба честно, съ благоговѣіемъ и на бережъ дано имъ 50 человѣкъ стрѣльцовъ. И по нихъ идоша множество народа, утѣсняюще другъ друга, видяще иноковъ всюду огражденных смиреніемъ и страхомъ божіимъ, также и на главахъ ихъ образъ благоговѣнія—клобуки старыя и покрытыя очи до вѣждей, якоже ношаху прежніи святіи преподобніи отцы и дивящися глаголаху: «не толсто де брюхо-то у нихъ, и не какъ нынѣшніи новаго, завѣта учителя». Егда же придоша въ Кремль, отцемъ не возбраниша входъ, народу же воспретиша ни единого человѣка пустити въ городъ. Народи же устремившеся и распалившися любовію вси единодушно видѣти бывшее, стрѣльцы же не успѣша вскорѣ вратъ затворити, прошлоша во врата и придоша къ соборнѣй церкви. Благочестія же любители близь Архангела поставиша наλοι и на нихъ разпослаша пелены и положиша честный крестъ, святое евангеліе и страшный судъ христовъ и образъ Пречистыя Богородицы и свѣщи предъ ними возжгоша. Бѣже часъ осьмый; а въ соборѣ еще къ обѣдни звонять, а въ мірскихъ давно отпѣли. Патриархъ же спущая время для того, дабы ему не свидѣтельствовать предъ народомъ книгъ: и отошла обѣдня во исходѣ 10 часа. А послѣ обѣдни выслалъ попа съ тетрадьми на обличеніе Никитино; объ одну ночь напечатали 160 тетрадей, какъ онъ, Никита, прежде сего повинную приносилъ, что впредь о старой вѣрѣ не бить челомъ и такова дѣла не вчинять. А самъ пошелъ въ келью хлѣба кушать. Попъ же вы-

шелъ изъ церкви, и самъ весь дрожаше. А послѣ откушанья своего патріархъ со властью приде въ Грановитую Палату, выборные пойдоша вверхъ и доложиша боярину: «какъ де, государь, собору быть?» Бѣ же часъ 11-й. Бояринъ же доложи патріарху; патріархъ же велѣлъ отцамъ идти въ Грановитую Палату: «здѣ де будетъ царица, государи и благовѣрныя царевны: а тамъ имъ быть зазорно предъ всѣмъ народомъ». Выборные же пришли къ отцамъ и сказаша: «Патріархъ де велѣлъ вамъ идти въ Грановитую Палату, тутъ де будетъ царица государыня и царевны». Отцы же возвѣстиша народу о семъ, народъ же воззопи: «Чего ради патріархъ стыдится предъ всѣмъ народомъ свидѣтельство дать отъ божественныхъ писаній и старыя книги съ новыми свидѣтельствовать? подобаетъ собору здѣ быть, а въ Палатѣ невозможно никоими мѣрами; потому что много смятенія о томъ въ народѣ: ови хвалятъ новую вѣру, а инии старую, и они бы то сомнѣніе и мятежъ въ нашихъ душахъ христіанскихъ разрѣшили и книги бы старыя съ новыми свидѣтельствовали. А въ Палатѣ гдѣ толику сущу народу вмѣститися? и вы отцы святіи въ Палату не ходите; а царевнамъ государынямъ до сего дѣла нѣсть: достоитъ тутъ быти царѣмъ государемъ, а не царевнамъ». И отцы выборнымъ рѣша: «Изволь де, государь святѣйшій патріархъ, свидѣтельствовать святыя книги предъ всѣмъ народомъ, а мы въ Палату не идемъ, что невмѣстно будетъ толику народу во едину Палату собраться». Выборные же пойдоша вверхъ. Преждереченный же онъ попъ, иже посланъ патріархомъ изъ соборныя церкви, сталъ противу угла Грановитыя Палаты, и нача чести тетради на обличеніе Никитино; служивые же взяша его и приведоша ко отцамъ, а тетради хотѣли всѣ изодрать и его же такоже смерти предать. Сергій же отецъ возбрани имъ: «За что его бити? онъ де не самъ собою приде, но посланъ отъ патріарха»; и взялъ его Сергій къ себѣ и велѣлъ ему тетради дочитать. Народи же вельми возмятошася о семъ, и хотяще попа каменіемъ прибити. И бысть велія голка и не слышать, что чтеть. Сергій же рече попу: «Что всуе трудишися: видиши ли: никто не слушаетъ, но паче молва бываетъ?» Попъ же отвѣща: «Азъ, отче, не самъ собою пришелъ, но посланъ есмь отъ патріарха». Царевна же

и весь царскій синклитъ и патриархъ со властью изъ Грановитя Палаты сквозъ окончины смотряху на народъ, многимъ тутъ стѣсненія ради стоящимъ по палатамъ и церквамъ. Царевна же Софія похвали отца Сергія: «знать де сей инокъ Бога бояся живетъ и добродѣтельно житіе проходить, что не далъ попа народу убить». Народъ же начаша молить отца Сергія: «Скажи намъ, отче, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, како убѣжати прелести сей Никонскія?» И принесоша скамью. Сергій же взыде на скамью и попа съ собою поставилъ врьдъ и рече попу: «Видь, мы не собою глаголемъ, но отъ божественныхъ писаній». И нача чести Соловецкія тетради о знаменіи честнаго креста, иже рукою слагаемъ, и о крыжѣ, и о жезлахъ, и о просфирахъ, и о всемъ премѣненіи церковномъ. Въ народъ же бѣ молчаніе веліе, и согбенными руками слушающе прилѣжно чтенія, и воздыхающе изъ глубины сердечныя и нѣци же плачуще; отцы же вельми угнѣтающе. Служивые же принесоша б скамеекъ и поставиша окрестъ святыхъ иконъ. Сергій же по чтеніи велѣлъ отпустить попа. Народъ же моляше Сергія: «Скажи намъ, Господа ради, еще отъ божественныхъ писаній, дабы намъ душами вѣчно не погибнуть». Сергій же изнемогъ вельми: бѣ же третій день, не ѣдушу ему, и понуди ту чести Савву тетради. Онъ же отрекся: «прости отче, не мое сіе учить, но ваше; вы бо на сіе и звани». Потомъ же приде бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и помолился честному кресту и святому евангелію и прочимъ иконамъ и цѣлова ихъ, также поклонися и отцемъ, и глагола Никитѣ и Сергію: «Поидите вы въ Грановитую Палату, никакоже вамъ никакова худа тамъ не будетъ; потому что царевны государыни хотять тутъ же быти, челобитную слушать, а здѣ имъ быти зѣло зазорно. А собору нынѣ и свидѣтельству отъ божественныхъ писаній некогда быти, сіе дѣло великое надобно не прильпомъ дѣлать, да и на дворѣ такоже уже поздно; и только лишь хотять царевны, государыни и царицы челобитную выслушать, да отпускъ вамъ будетъ». Сергій же отвѣща: «Царской, государь, бояринъ! мы въ Палату идти зѣло опасны, потому чтобы вымыслу и коварства какого не было надъ нами по прежнему; хорошо бы изволилъ патриархъ здѣ быти, и сему роз-

дѣлу предъ всѣмъ народомъ свидѣлствовать, а въ Палату гдѣ вмѣстится толику народу? Я вѣдаю, что насъ однѣхъ не пустятъ, народу же ни единого человѣка не пустятъ; а намъ безъ народу что тамъ дѣлать?» Бояринъ же рече: «Невозбранно будетъ никому идти. Кто хочетъ, тотъ и поди. Когда уже вы, отцы святіи, на мою душу грѣшную во всемъ положилися, вѣрите же мнѣ и нынѣ. Исперва вамъ въ томъ Бога свидѣтеля представилъ, что вамъ никакова худа не будетъ, не стануть ни рубить, ни въ струбахъ жечь по прежнему и ни въ ссылку ссылатъ, а нынѣ буде не вѣрите, въ томъ цѣлую крестъ христовъ и кленуся Пречистою христовою кровію, что вамъ никакова худа не будетъ; развѣ что будетъ мнѣ, тоже и вамъ». Никита же рече Сергію: «Отецъ Сергій! я ему вѣрю, мнѣ онъ одному клялся также, и что больше сея клятвы?» Сергій же отвѣща боярину: «Мы, государь князь Иванъ Андреевичъ, во всемъ положилися на Бога и на Пречистую Его Богоматерь и на твое благоутробіе; буди тако по твоему прошенію». Бояринъ же поиде и рекъ имъ: «Вы безъ меня не ходите; я малъ часъ побуду въ Палатѣ, да къ вамъ скоро возвращуся». Народи же зѣло прилежно начаша отъ него молити, какъ бы въ Палату не ходити. Иніи же отъ царскаго двора придоша, и въ Палату имъ ходити не велѣли. Они же рекоша намъ: «Братіе! въ Палату не пойти, и они насъ назовутъ гордыми и непокоривыми». И по малъ времени придоша изъ Палаты выборные и рекоша отцемъ: «Приказали де царевны государыни въ Палату идти и бояринъ». Отцы по прежнему взяша честный крестъ и Святое Евангеліе, и иконы и свѣщи предъ ними понесоша; христоклюбивіи людіе взяша книги и на главахъ своихъ понесоша, также палои; и много же народу покусишася идти съ ними и приступиша къ красному крыльцу; служивые весь народъ прутьями стали отбивать, которые тутъ приставлены къ караулу. Егда же Никита поступи на первую степень на Красномъ крыльцѣ, тогда изъ Грановитыя Палаты, яко дивіи волцы или бѣшеные пси, приходскіе попы несбычно устремишася на красный крылецъ и смяша всѣхъ. Единъ же попъ ухвати Никиту за волосы; правоевѣрніи же возопиша: «Видите, православній, какое коварство навели намъ? Ино де гдѣ бить,

да правду дѣлать? а они при царской свѣтлости бьютъ.» Стрѣльцы же устремишася на поповъ и начаша ихъ подь боки кулаками бить. Попы же устремишася и разбѣгошася и не свѣдашася другъ друга, а инии же вверхъ поповъ 50 ушло, а всѣхъ было поповъ 300 заведено за Палату. Отцы же возвратишася на свое мѣсто; служивые рѣша: «То ли де правда? общались праведной судъ сотворити; или для того и въ Палату и звали, чтобы убити занапрасно по прежнему?» И бысть шумъ великъ и крикъ во всѣхъ людехъ: видятъ, что неправедно дѣлають, — все подставомъ, да обманомъ. По малѣ же времени прииде бояринъ и рече: «Чего ради не изволите идти?» Они же рекоша: «Какъ де государь, царской бояринъ, идти? Ты общался, что по прежнему не будутъ ни бить, ни мучить: а нынѣ при ихъ царской свѣтлости безвинно бьютъ, а индѣ гдѣ и давно стануть давити и бить». И указали попа, кой за власы дралъ. Бсяринъ же того попа повелѣ сковать, да въ стрѣлцкой приказъ сослать; а прочихъ поповъ сверху сбить, только небольшихъ оставить по упрошенію властей, и самъ говорить: «Я ничего не знаю.» А ихъ набралось что кабацкихъ ярыжекъ. Потомъ бояринъ прииде ко отцамъ и рече: «Извольте, отцы святіи, идти». Отцы же отвѣщаша: «Боимся, государь, царской бояринъ, идти, что неправды стало много»; и бояринъ наки цѣлова крестъ христовъ въ правду, что никакого зла не будетъ: «я де сего дѣла не вѣдалъ». Народи же едино кричатъ: «Не ходите въ Палату; аще пойдете, худо будетъ, обмануть тамо васъ лукавствомъ своимъ». Отцы же, вѣря боярской душѣ и клятвѣ, взяша честныя иконы, также и книги по прежнему, и пойдоша въ Палату; много же съ ними посадскихъ людей пойдоша. И егда же внидоша въ Палату, и поставиша среди Палаты предъ царскимъ мѣстомъ наложь и положиша честный крестъ христовъ и святое евангеліе и святыя иконы и возжгоша предъ ними свѣщи и поклонишася вси по обычаю царевнамъ и царицѣ до земли; патриарху же никто не поклонися, также и властемъ. На царскомъ же мѣстѣ сѣдаше царица Софія Алексѣевна, а на другомъ царскомъ мѣстѣ Татіана Михайловна, а по правую сторону Наталія Кирилловна, а подлѣ царицы царевна Марѣа Алексѣевна, а промежь царскихъ мѣстъ царевна Анна Михайловна, а

подлѣ царевны Софіи одалъ въ углу патріархъ сидитъ на мѣстѣ; а подлѣ патріарха новгородскій митрополитъ и прочіи власти, а по лѣвую сторону стоятъ бояре. И началъ вопрошать патріархъ: «Какова ради дѣла пріидосте въ царскія Палаты, и что требуете отъ насъ?» Никита же отвѣтъ даетъ патріарху: «Пришли къ царемъ государемъ побить челомъ о исправленіи православныя христіанскія вѣры, чтобъ царское свое праведное разсмотрѣніе дали съ вами, новыми законодавцы, и чтобъ церкви божіи были въ мирѣ и соединеніи, а не въ мятежи и раздраніи, и служба была бы въ церкви божіей, какъ при царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ служили по старымъ службникамъ». И патріархъ рече: «Не на васъ сіе дѣло наложитъ и не подобаетъ вамъ простолюдиномъ церковная исправляти и въ томъ архіерея зазирати. Должно есть архіерея архіереемъ судити, а не простолюдиномъ; мы на себѣ христовъ образъ носимъ и даде намъ Богъ власть такую: «егоже аще свяжете на земли, связанъ будетъ на небеси, и егоже аще разрѣшите, разрѣшенъ на небеси»; и паки: «слушайъ васъ Мене слушааетъ, отменяяся васъ Мене отменяется». И Апостоль рекъ: «повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаяйтесь: тѣи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово хотяще воздати». И азъ аще и грѣшенъ есмь, но пастырь, а не наемникъ и не разбойнически престоль и такую сію тяготу на себе восхитилъ, но избраніе благочестивѣйшаго великаго царя, второе и потомъ освященнаго собора, и вамъ должно есть повиноватися матери нашей соборнѣй и апостольствѣй церкви и потомъ всѣмъ архіереомъ, пекущимся о вашемъ спасеніи. А у насъ вѣра православная стараго православія греческаго закона, въ нейже святіи отцы Богу угодиша, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ характерныхъ книгъ по грамматикѣ; и мы отъ себя ничто не внесохомъ въ церковь божію, но все отъ божественныхъ писаній: вы же грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какову силу въ себѣ содержатъ». И отвѣща Никита: «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, но о церковныхъ догматѣхъ и поговоримъ съ тобою краткими глаголы, и азъ о чемъ тебя вопрошу, ты же ми отвѣтъ дай. Чего ради, егда вы литоргію служите и на

выходѣ выйдешь, взявъ честный животворящій крестъ христовъ въ лѣвую руку, а тройную свѣщу въ правую руку, и машешь объѣма рукама крестообразно на всѣ стороны? Почему свѣща и огонь честиѣ креста господня; и что прообразуетъ огонь и свѣща?» Патріархъ же противъ Никитиныхъ рѣчей ничего не отвѣща; и бросился изъ кута холмогорскій епископъ пустобородый, а имя ему не въ памяти учинилося, и нача громко говорить, а рѣчей не слышать. Никита же воспрети ему: «Что ты нога выше главы ставишися, я не съ тобою говорю, но съ святѣйшимъ патріархомъ»,—и отведе его мало рукою. Царевна же Софія с а н ѣ у н з и д т х с ѡ также и тутъ скочи съ престола и воскрича: «Видите ли, что Никита дѣлаетъ въ нашихъ очахъ, архіерея бьетъ, а безъ насъ и давно убьетъ». И предстоящія же рѣша: «Нѣтъ де, государыня, оиъ не бьетъ, лишь только рукою отвелъ, да не велѣлъ ему прежде патріарха говорить». Царевна же стала говорить: «Да ты ли, Никита, съ святѣйшимъ патріархомъ говоришь? не довелось тебѣ у насъ и на очахъ быть, не токмо что говорить. Помниши ли ты, Никита, какъ отцу нашему блаженнаго памяти, и святѣйшему патріарху и всему освященному собору принесъ повинную и великою клятвою клялся: «аще де впредь стану о вѣрѣ бить челомъ, или вчинять по прежнему, и будетъ де на мнѣ клятва святыхъ отецъ, седми вселенскихъ соборовъ»; а нынѣ ты опять за то дѣло принялся? Никита же отвѣща: «Государыня, не запираюся, поднесъ я повинную челобитную отцу вашему блаженнаго памяти царю государю также и всему собору за мечемъ и за струбомъ; и по челобитной моей, кою подавалъ на соборѣ, мнѣ грѣшному отвѣту никто не отдалъ изо властей—а челобитную я писалъ 7 лѣтъ; лишь згибавъ меня, да въ тюрьму, а не вѣдаю, за что. Да на меня же Жезлъ книгу сложилъ Семень Полоцкой, а противъ той челобитной и пятой части нѣтъ къ той челобитной мнѣ отвѣту; а изволишь, государыня, и нынѣ противъ Жезла того мнѣ отвѣщати, и я нынѣ ево очищу и, если виноватъ буду, уже воля ваша, якоже хотите, тако и сотворите». И царевна ему молвила: «Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами, и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаеть быть». И повелѣ царевна челобитную части думному дьяку, а имя ему

пропамятовалъ; и чтаніе его бѣ зъло стройно и внятно. Егда же дойде въ челобитной до сея рѣчи, что де «чернецъ Арсеній, еретикъ и жидовскій обрѣзанецъ, и съ Никономъ, бывшимъ патріархомъ, поколебали его царской душею, блаженныя памяти царя Алексѣя Михайловича,»—царевна же Софія, не стерпѣвъ сего слова, скочи съ престола и нача со слезами говорити: «Когда Арсеній и Никонъ Патріархъ еретики, такъ и отецъ нашъ и братъ таковы же стали? ино по семъ нынѣшніе цари не цари, и патріархи не патріархи, и архіереи не архіереи стали? и мы де сея хулы не хотимъ слышати, что отецъ нашъ и братъ еретикъ, и мы де пойдемъ всѣ изъ царства вонъ». И стала съ престола царскаго съ иконою и отошла съ сажень прочее и стала. Хованскій, бояра и выборные вси восплакаша: «За что де царемъ государемъ изъ царства вонъ идти? мы де рады за нихъ, государей, головы своя положить.» А иные стрѣльцы видятъ такую неправду, разгорѣвшеся любовію божіею, стали говорить царевнѣ: «Пора де, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно де царствомъ тѣмъ мутить; намъ бы де здоровы государи были, а и безъ васъ де пусто не будетъ». Она же слышавше сіе, бысть ей зазорно вельми и съ великимъ стыдѣніемъ сѣдѣ на царскомъ мѣстѣ, и повелѣ паки челобитную чести. Дьякъ же начавъ челобитную чести о истинномъ тричастномъ крестѣ христовѣ и о крыжѣ латынскомъ, како святіи отцы за едино истинный крестъ христовъ съ крыжемъ латынскимъ не почитали и чести крыжемъ отнюдь не воздавали; и о сложеніи перстномъ приведено много отъ божественныхъ писаній свидѣтельства, иже невѣстно здѣ написати, но точію вкратцѣ речемъ — Θεодоритово, и Мелетія, и Петра Дамаскина, и премудраго Максима Грека и иныхъ богоносныхъ отцевъ многихъ, како крестится и благословити, также книга Кормчая: «Аще кто не крестится двѣма перстома, якоже и Христось, да будетъ проклятъ». Она же стала говорить: «Да мы за сложеніе перстное не истязуемъ: кто какъ хоцетъ, такъ и крестится, хотя двѣма, хотя тремя персты, хотя распростертою дланію, — все то равно». И отецъ Саватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня царевна Софія Алексѣевна, что де вообразати крестное знаменіе двѣма персты на лица своемъ, то древнее преда-

ніе преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ»; и сложа лѣвою рукою три персты по новому: «а сіе шепоть преданія римскаго папы Формозы еретика, онъ такъ благословлялъ и повелѣлъ такоже и креститися». Царевна же рече: «Что де, инокъ, боишься сложить правою рукою три персты, но слагаешь лѣвою?» Саватій же отвѣща: «Ей, Государыня, боюся и зѣло страшно нарушити преданіе святыхъ и богоносныхъ отецъ». Она же рече: «Не бойся слагай правою рукою, мы и сами такъ крестимся всяко: тремя персты и всею дланію, да отъ того не будешь осужденъ». Саватій же рекъ: «Не буди намъ, государыня, оставити преданіе святыхъ отецъ; аще и смерть вкусимъ, вѣдаетъ Владыко за что». Царевна же умолча. Дьякъ же нача чести о сложеніи треперстномъ знаменіи и приде рѣчь: «а о треперстномъ сложеніи написалъ грекамъ нѣкто Дамаскинъ и Студитъ иподіаконъ, не вѣдаю да что имя ему, не вѣдаю прозваніе». Царевна же начатъ простымъ людямъ внушати: «Уже де Ивана Дамаскина порочать и преданія его хулять, а его де книгъ церковь божія много пріяла». И Саватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня, не буди того намъ, что такова велика свѣтильника и церковнаго учителя опорочити и преданіе его хулити, что церковь божія пріяла; мы преданіе его честно приедемъ и любезно цѣлуемъ. А то Дамаскинъ Студитъ иподіаконъ написалъ такъ креститися въ три перста, а не вѣдомо кто, и откуда, и каково его житіе, и въ коемъ градѣ рожденіе, и нигдѣ въ божественномъ писаніи не обрѣтается, только лишь написанъ въ Скрижали въ недѣлю третію великихъ постовъ, слово Дамаскина и Студита иподіакона, а Богъ вѣсть откуда онъ». И тутъ царевна умолчала. И егда дойде во челобитной до сея рѣчи: «да онъ же Дамаскинъ иподіаконъ въ словѣ своемъ въ ту же недѣлю третію святаго поста повелѣваетъ намъ православнымъ христіанамъ ходити по татарски безъ крестовъ и пишетъ сице: кая польза, рече, или какая добродѣтель есть носити кому крестъ на рамя своемъ?» Она же вскочивши съ престола и нача говорити: «Вотъ смотрите, какую бѣду они написали, будто мы велимъ имъ безъ крестовъ ходити, и стала спрашивать бояръ: есть ли на васъ кресты?» Они же отвѣщаша: «На насъ де, государыня, на всѣхъ кресты есть». — «А на васъ служивые есть ли кресты?» — И

они тоже отвѣщала: «На насъ, государыня, на всѣхъ кресты есть,»—и начаша казати другъ другу. Никита же священникъ отвѣща: «Да въ вашей же книгѣ написано, что безъ крестовъ ходити?» Она же велѣла Скрижаль книгу предъ себя принести. Никита же, взявъ Скрижаль, и хотяше къ ней нести; она же воскричала: «Тебя де, Никита, къ сему дѣлу не спрашиваютъ; я вѣдь тебѣ говорила, что тебѣ у насъ недостойтъ и на очахъ быти, не токмо что говорить,»—и велѣла книгу отцу Сергію къ себѣ принести. Сергій же принесъ къ ней Скрижаль и указа ей слово, идѣже написано, что безъ крестовъ ходити. Она же посмотрѣвши и стала говорить: «Я де сего слова не читала и не знаю, да у насъ де по сей книгѣ и въ церкви не чтуть». Сергій: «Въ томъ же, государыня, словѣ писано и о сложеніи триперстномъ». Она же паки умолче. Дьякъ же нача челобитную чести и дойде до сего слова: «Да онъ же Дамаскинъ не убоися страха божія, отрыгнулъ отъ злаго сокровища своего: въ томъ же словѣ безгрѣшнаго Сына Божія Господа нашего Иисуса Христа именовалъ грѣшнымъ, будто онъ Спаситель нашъ распялся за нѣкое прегрѣшеніе, а не за мірское спасеніе и пишетъ тамо сице: «такъ да имате смерть вашу предъ собою, яко и Онъ, иже имать распинатися за нѣкое прегрѣшеніе, носить крестъ на рамѣ своемъ и ходитъ трепеща, ожидая смерти». Она же абіе вскочивъ съ престола и рече предстоящимъ: «Видите ли какъ они написали въ челобитной своей, что Спаситель нашъ Христосъ распялся за нѣкое погрѣшеніе, а не за мірское спасеніе; какъ такъ и помыслить нельзя, какъ они такъ плутають». Сергій же отвѣща: «Да въ той же государыня Скрижали напечатано, въ томъ словѣ въ недѣлю 3-ю постовъ». Она же паки повелѣ принести Сергію книгу. Онъ же, взявъ книгу Скрижаль, и принесе предъ нее и указа ту рѣчь, идѣже написано: «имѣтъ распятися за нѣкое погрѣшеніе». Она же рече: «Я де сего слова не знаю и не читала», и умолчала. Діакъ же нача паки чести, и приде о аллилуіи, какъ Игнатію Богоносцу отъ ангела предано, еже 2-жды глаголати божественная аллилуія, а въ третій «Слава Тебѣ Боже», и какъ преподобный Ефросинъ псковскій ходилъ въ Царьградъ ради увѣренія тоя божественныя аллилуіи, и отъ святѣйшаго патріарха возьмъ благословеніе и

обхождаше монастыри и пустыни и скиты, и во всей Палестинѣ видѣвъ чинѣ глаголющихъ аллилуіа дважды, а въ третій—«Слава Тебѣ Боже»; и како премудрый Максимъ Грекъ въ книгѣ своей написалъ: «еже возчетверяти божественная аллилуія и то де преданіе римскаго костела, аще де не престамете божественная та аллилуія возчетверяти, и всѣ папины обычаи и преданія воспріяти». И тутъ холмогорскій епископъ, взявъ харатейную книгу въ полдестъ, прописаны начальныя слова золотомъ, и въ ней написано аллилуія 3-жды, а въ четвертый «Слава Тебѣ Боже» и сталъ говорить: «Вотъ де въ хвалительныхъ написано книгахъ аллилуія четверити, да въ греческихъ также, якоже у насъ нынѣ соборная церковь содержитъ». Правовѣрніи же отвѣщаша: «Да та харатейная книга взята либо изъ Великаго Новгорода, либо изъ Пскова, преданіе Юва, роспопа троеженца, а не здѣшнихъ великихъ князей. А что де ты рекъ: и въ греческихъ во всѣхъ книгахъ четверичное аллилуія, и то ты солгалъ.» И показали ему греческій часословецъ въ осьмушку, и мы ему рекли: «Вѣрите ли сему и греческія ли печати?» Онъ же рече: «Печать греческая и руки греческія». И тутъ напечатано послѣ псалма: «Благослови душе моя Господа»: аллилуія, аллилуія, докса си о ѿеосъ, а не четверичная по вашему. А ты лжешь на греческія старыя книги». И тутъ епископъ посрамленъ бысть,— и говорить стало нечего. Дьякъ же сталъ челобитную чести, и множество ересей прочте, и они уже вси молчаша. И при концѣ челобитныя, егда дойде до сея рѣчи, что де они новыя вѣры учителя и бывшій патріархъ Никонъ да Іоакимъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ насъ православныхъ христіанъ, не приѣмлющихъ ихъ латиноримскаго новаго и самомышленнаго преданія и не знаменующихся тремя персты по ихъ суемудренному мудрованію, проклятію предають и по сему знатно: аще мы отъ нихъ проклѣти, то и вси наши російскіе чудотворцы и прародители ваши государевы, благовѣрные цари Иванъ Васильевичъ и дѣдъ вашъ государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Россіи и прадѣдъ вашъ государевъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, и отецъ вашъ государь блаженный памяти царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ до настатія Никонова въ томъ

же благочестіи пребылъ, и они по тому же проклятію подлежатъ; якоже и самъ онъ Іоакимъ патріархъ со всѣми властями по тѣмъ старымъ святымъ книгамъ отъ святыхъ купели крещеніе воспріяли, такъ и они свое крещеніе тутъ же вмѣстѣ съ нами проклинають. Поистинѣ писано въ правилѣхъ святыхъ апостолъ: «аще святитель не по волѣ божіей проклинаетъ, не послѣдуетъ ему судъ божій». И много отъ божественныхъ писаній писано, яже нелѣтъ есть вмѣстити продолженія ради. Патріархъ же и вси власти противъ челобитной нимаю отвѣта не дали, только сидятъ, повѣся головы. Бояре же, другъ на друга взглядываясь, улыбаются, что власти отвѣта не дадутъ; а инии зѣло плачуть, слышавше толикое описаніе многихъ ересей въ новыхъ книгахъ и великую ихъ неправду. Только лишь царевна одна примолвила: «Вижу я, ваше то дѣло подобно сему, якоже сосудъ полнъ полыни, а край же его помазанъ медомъ; такъ то о отцѣ моемъ? когда уже отецъ нашъ еретикъ, на что же его пишете съ полной титлой?» И егда думной прочте челобитную, царица Наталья Кирилловна пойде во свои палаты; патріархъ, взявъ сосуды церковныя, златомъ обложены и подписаны римскими словами преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина, зѣло изрядны, и показа всему міру, рече: «Вотъ, государи православные христіане! сии сосуды преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина принесены моремъ въ бочкѣ и крестъ на потирѣ четверочастный». Сергій и прочіе отцы возопиша: «Да мы сей крестъ: христовъ приедемъ и поклоняемся; сей крестъ тричастный, а не двочастный якоже крыжъ». Бѣ же на сосудѣ крестъ: прекое древо на подножіи, а дщицы, что титло написано, тое нѣсть; обложено крупнымъ жемчугомъ. И еще патріархъ показа книгу служебникъ и доски пробиты, а говоритъ: «служебникъ преосвященнаго Кипріана митрополита», а на свидѣтельство не далъ, какъ въ ней написано, сходно ли съ старыми служебниками или нѣтъ. Да еще книгу показалъ въ тафтѣ обверчену, а сказываетъ: «соборный свитокъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, присланъ къ благовѣрному царю Θεодору Ивановичу всея Русіи о исправленіи церковномъ», а не покажетъ, что въ ней писано, сходно ли съ нашими старыми книгами, или не сходно. И отцы тутъ рекли: «Изволь

де, святѣйшій патріархъ, показать, что въ ней писано». И онъ лишь только говоритъ: «Мы на себѣ христовъ образъ носимъ и азъ пастырь, а не наемникъ, и вамъ должно есть намъ повиноватися», а не вѣдаю, за что. Да вышелъ попъ, брюхо велико, и сталъ говорить: «Вотъ ваши любимыя—то книги филаретовскія». И отцы рѣша: «И ты скажи намъ, что въ нихъ неисправно печатано». Онъ же нача чести: «во святый и великій четвертокъ и великую субботу и въ день святыхъ Пасхи и на Рождество Христово и на Богоявленіе, и въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, и на Успеніе Пресвятыя Богородицы причащаемся святыхъ воды Богоявленіи и тако разрѣшаемъ—ипоцы на сырѣ и на масле, міряне же на мясо». Никита отецъ не разсуди о семъ, сталъ говорить: «Такіе же плуты печатали, какъ и вы». И онъ окаянный ненарочно въ простые люди внушилъ, будто въ великій четвертокъ и въ великую субботу въ филаретовскихъ книгахъ напечатано мясо ясти. Царевна же Софія воста съ престола и нача людемъ говорити, да не слушаютъ ревнителей православія, будто лжу на нихъ глаголющихъ. Народи вскричаша, кои въ Палатѣ, велимъ гласомъ и протянуша руки своя горѣ, сложа персты по преданію святыхъ отецъ: «Мы, государыня царевна Софья Алексѣевна, рады за старой крестъ умереть», и возведоша очи горѣ и видѣша въ Грановитой Палатѣ въ небѣ Саваоѳа написанна, на престолѣ сѣдѣща и по обою страну благословѣща по старому двѣма персты, и рекоша царевнѣ: «Вонъ, Государыня, мы и простіи видимъ преданія святыхъ отецъ, мы тому и послѣдуемъ»—и указываютъ перстомъ на Саваоѳа. Она же со слезами изрече: «Невѣдомо, что мнѣ съ вами стало дѣлать»,—пойде на другую страну Палаты и ста въ углу; выборнымъ же велѣла за собою идти и рече выборнымъ: «Видите ли, свѣты: какую хулу возлагаютъ на отца нашего: не тотъ-де воръ, кой крадетъ, тотъ воръ, кой пріемлетъ. Они же называютъ Арсенія старца еретикомъ и Никона патріарха; и потому и отецъ нашъ и братъ такоже еретики стали, да и мы таковы, и вамъ, свѣты надобно за это дѣло стоять. Да и въ томъ крестѣ цѣловали великимъ государемъ, что за нашъ царскій домъ стояти». И тутъ выборные ко отвѣту Савву поставили; и онъ ей отвѣщаль: «Нѣтъ-де государыня, они въ челобитѣхъ своемъ не называли блаженныхъ памяти отца вашего

царя Алексѣя Михайловича и брата вашего Θεодора Алексѣевича еретиками, но токмо Никона и Арсенія: что они, по наученію діавольскому, исказили и испревратили всю нашу православную христіанскую вѣру, того ради ихъ называли. Да и прежде сего бывало въ Царѣградѣ: пришелъ чернецъ аріанскія вѣры, да и прельстилъ царя православнаго и во иконоборство ввелъ; да того ради отцы не называли еретикомъ царя, но чернца проклинали и еретикомъ называли: тако и они писали и еретиками называли и Никона называютъ; что на нихъ сіе дѣло лежитъ». Царевна же имъ молвила: «Идите же съ миромъ.» И поиде вонъ изъ полаты, такоже и патріархъ со властью поидоша; а собору приговорили быть въ пятницу. Народи же, видѣвше отцевъ, возрадовашася и поидоша вонъ изъ Кремля. Хованскій же приказалъ дать 100 человекъ стрѣльцовъ и проводить ихъ до двора ради обережи. Егда же изыдоша вонъ изъ града, народи же начаша молити отцевъ прилѣжно со слезами, дабы на лобнѣмъ мѣстѣ почли отъ божественныхъ писаній. Отцы же по умоленію ихъ сотвориша: и начаша на лобнѣмъ мѣстѣ чести отъ божественныхъ писаній соловецкія тетради и толкомъ рассказывать ереси и какъ отъ нихъ блустился, и въ книгѣ правой вѣры прочтоша объ отпаденіи юнитовъ и довольно поучивше въ божественныхъ писаніяхъ. Бѣ же народу многое множество съ женами и съ дѣтьми слушающе прилѣжно и дивящеся Никоновы вѣры ученію, како превратиша всю нашу православную христіанскую вѣру, и колико ересей насѣяша въ божественныя книги, и въздыхающе изъ глубины сердечныя; иніи же плакаху. И по чтеніи взяша честныя иконы и идоша въ Таганскія ворота поюще: «Владычице! пріими молитву рабъ своихъ» (Большую); и «о тебѣ радуется»... и богородичень 8 гласа: «царю небесный». Народи же вси по нихъ идуще и другъ другу възвѣщающе съ радостію: «Намъ де цари государи приказали по старому креститися», и показующе всему міру, сложа персты по преданію святыхъ отецъ. И придоша за Язузъ ко Всемиловивѣйшему Спасу, глаголемое Чигасы, близъ Титова приказу и повелѣша звонити довольно—три часа. И егда внидоша въ цѣрковь и начаша молебная совершати Пресвятѣй Богородицѣ Одигитріи. И послѣ молебна поидоша въ домъ, идѣже прежде пребы-

вающе; народи же, проводивше ихъ до двора, разошася съ міромъ. Царевна же Софія по исхожденіи отецъ изъ Грановитыя Палаты, поиде въ свои царскія полаты и потомъ же прииде патріархъ къ ней со властью и поклонишася ей до земли, глаголюще: «Не дай де, государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна, въ поносъ и униженіе и въ посмѣхъ такимъ раскольникамъ»; плачуще и рыдающе и ревуще, яко волю, и слезами ноги ей омывающе. Она же повелѣ призвати выборныхъ всѣхъ полковъ. И егда придоша выборные, и нача царевна имъ говорити: «Молятъ васъ благовѣрные цари государи, и мы съ ними же и весь царскій синклитъ, и потомъ святѣйшій патріархъ и преосвященные митрополиты и весь освященный соборъ, не промѣняйте вы насъ и всероссійское государство наше на шестерыхъ чернецовъ, и не дайте въ поруганіе святѣйшаго патріарха и потомъ всего освященного собора.» И поклонишася вси, царевны, патріархъ и власти стрѣльцамъ мало не до земли, вси слезами обливающеса. Выборные же рѣша: «Намъ, государыня благовѣрная царевна, до того дѣла нѣтъ, что стоять за старую вѣру и не наше то дѣло, то дѣло святѣйшаго патріарха и всего освященного собора.» И общася имъ царевна дать дары и чести великія, — перваго выборнаго Стременнаго приказу пятисотнаго Никифора Силина велѣла помѣтити въ думные дѣяки, да боярина пятисотнаго велѣла помѣтити въ дѣяки же, а сына вверхъ приказала взять, а инымъ выборнымъ приказала дать по 100 и по 50 руб. и велѣла поить на погребяхъ, чего ни хотятъ. Они же наипаче сказаша, что намъ до того дѣла нѣтъ. А Титова полку выборные не пошли вверхъ, и по нихъ сверху царевна посылала, и они вверхъ не пошли и начатъ имъ царевна говорити: «Для чего вы съ полками заодно повинныхъ не хотите дати, что впредь о старой вѣрѣ челобитья не заводить?» И пятидесятникъ Авдей Артемьевъ говоритъ: «Мы де, государыня царевна, безъ братскаго совѣта повинной не смѣемъ дать, прибьютъ де насъ каменіемъ рядовые стрѣльцы, какъ придемъ въ полкъ.» И велѣла царевна все оружіе у нихъ отбрать и жалованныя грамоты взять, и отказать имъ отъ царскаго двора, что имъ нѣтъ дѣла до караула, какъ хотятъ, такъ и живутъ; велѣла за караулъ отдать. И какъ ихъ повели

за караулъ и единъ отъ нихъ молвилъ: «Добромъ съ ними не раздѣлаешься, пора де опять за собачьи кожи приниматься». И царевна, то услышавъ, повелѣла ихъ возвратити въ палату. Имъ стали говорить: «Ну цари государи въ непокорствѣ вашемъ прощаютъ, живите по прежнему, а оружія и пороховой казны у васъ не отнимаютъ и жалованныхъ грамотъ, и вы принесите съ своею братіею заодно челобитную, что впредь сего дѣла не вчинять». И выборные къ ней рекли: «Добро де, государыня, и мы пойдемъ да возвѣстимъ братіи своей, что они придумаютъ». И отпускъ сотвори всѣмъ выборнымъ, и прииде каждо въ полкъ свой. И рядовые стрѣльцы стали за нихъ приниматься: «что де вы о правдѣ посланы говорить, а неправду дѣлаете, пропили вы насъ на водкахъ да на красныхъ пойвахъ?» И посадили перевязавши въ тюрьму, а сами говорятъ: «Утре де вамъ указъ будетъ, ино де вы нынѣ Титовъ приказъ руками выдали безъ нашего вѣдому, а ино де иной также отдадите». И выборные имъ стали говорить: «Дворяне государскіе! подите сами да говорите предъ царевною; всѣ царевны государыни и святѣйшій патріархъ со властями, а мы при нихъ кто? а они намъ въ ноги кланяются, а сами плачуще говорятъ: «не промѣняйте де всего государства нашего на шестерыхъ старцевъ»; и мы слышавъ отъ нихъ, подумавъ да и отказали, а сказокъ безъ вашего вѣдома не дадимъ». И въ вечеру у выборныхъ совѣтъ былъ въ Стремянномъ приказѣ и придумали, что во всемъ отказать старцамъ и посадскимъ: «намъ до того дѣла нѣтъ». И пришли къ царевнѣ и сказали: «Наша де государыня немощь стала и рядовыя насъ хотятъ каменіемъ прибить, а иныхъ де нашу братью въ тюрьму пересажали, и не вѣдаемъ сами себѣ, что будетъ намъ утрѣ,— живы ли будемъ или нѣтъ? и хотятъ росписываться по прежнему приказу и съ барабаны идти, и наша де, государыня, топерѣ стала немощь». И свѣдавше сіе патріархъ, прибѣжалъ къ царевнѣ и началъ плакать, а самъ говоритъ: «Теперь де наша конечная погибель пришла; напрасно де ихъ раздразили». И царевна молвила: «Не кручинься, батюшко, ты объ этомъ дѣлѣ, я де знаю ихъ уговорить». И велѣла разослать памяти по всѣмъ приказамъ, чтобы со всякаго полку шли на опасной караулъ къ Троицѣ, иже на рву, по 100 человекъ и солдатъ

и пушкарей такоже. И сошлись къ вечеру со всякаго приказу по 100 человекъ и стали сговариваться: «Худо де, братцы; выборные насъ пропили на водкахъ и красномъ питъѣ и Титовъ приказъ руками хотѣли отдать, а потомъ иной приказъ также отдадутъ». И придумали всѣ полки, что выборныхъ всѣхъ прибить за неправду ихъ, а къ патриарху по прежнему идти съ барабанами. И въ то время приде сверху невѣдомо какова чину человекъ и сталъ имъ говорить: «Дворяне и вся надворная пѣхота великихъ государей! цари государи жалуютъ васъ погребомъ. На 10 человекъ по ушату пива простаго и поддѣльнаго, такоже и мѣра меду». Они же и думать перестали, да и побѣжали всякой десятокъ съ своимъ ушатомъ, да перепилися пьяны. И выборные имъ стали говорить къ тому же, которые почести великія взяли на дворянъ государевыхъ: «Чего намъ больше жалованья отъ великихъ государей? Чѣмъ насъ великіе государи не пожаловали?» Они же перепившись, да правовѣрныхъ нашу братію о Христѣ возми да бей: «Вы де бунтовщики и возмутили всѣмъ царствомъ». Они же правовѣрніи, видѣвши ковь злохитраго діавола и себѣ великую пакость и убійство, взятошася и другъ друга не свѣдаху, бѣгству себя предаша. На другой день такоже по сту человекъ перепоили, такоже и на третій день да и вси полки такъ перебрали. Они же служивые, злѣ соединившеся, да и повинныя принесли за руками, что до того дѣла намъ нѣтъ, и впредь не вчинять. Да сто человекъ послали по отцевъ и привели на Лыковъ дворъ, никто не вѣдалъ; отца Никиту единого оставили на Лыковъ дворъ за карауломъ, а прочихъ отцовъ взяли на патриаршій дворъ и разсажали порознь. Во вторникъ на первомъ часу отцу Никитѣ главу отсѣкли, и отца Сергія въ ссылку послали въ Ярославль во Спасской монастырь; а прочихъ отцовъ разослали по инымъ монастырямъ. И въ то время не свѣдаху другъ друга, наипаче приде гоненіе. И что видѣли своима очима и что слышахомъ отъ своя о Христѣ братіи, сія написахомъ.

ПЛАЧЪ ГОРОДЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРИ ПОСТРОЙКѢ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Сообщено А. С. Павловымъ.

Издание Высоковскаго единовѣрческаго монастыря.

Плачь и разное молвище
При часовнѣ на кладбищѣ;
Толпы многи собирали
И всѣ жалостно рыдали:
«Настало время отпаденья,
Отъ противна повелѣнья;
Да и зло уже не мало
Въ Городцѣ у насъ возстало:
Сильно насъ отяготили,
Строить церковь испросили,
Да какую жъ? — Благословенную,
Отъ древности повелѣнную!
Неужель на то рѣшаться,
При часовнѣ поселяться?
Да и что за благодать —
Вдругъ часовню разорять?
А тому дѣлу затѣйникъ
Отъ часовни былъ измѣнникъ, —
Нельзя мыслить тутъ инако:
Злу всему повиненъ Марко,
Марко пакостникъ Малевскій
Вздумалъ сей поступокъ дерзкій!
Да и прочи съ нимъ прельстились,
Отъ часовни удалились;
Имѣть церковь восхищались,
Къ благословенной подписались;
И съ восторгомъ вездѣ трубятъ,
Что деревянну церковь срубятъ.
А потомъ пригомъ указъ:
Выстроить церковь у насъ.
Ахъ, увы, увы не мало!
И поповъ у насъ не стало;
Не имѣть чтобъ потаенныхъ
Намъ, кромѣ благословенныхъ.

Охъ, послѣднѣи, видно, вѣки,
 Что прельстились челоувѣки
 Отъ архерея благословляться
 И *единовѣрцами* назваться!
 Это нѣсть единовѣрье,
 А отъ насъ лишь отдаленье —
 Концысторіей заняться,
 Ей въ правленіе предаться.
 Лучше головы положимъ,
 А свое мы не отложимъ.
 Неужели мы не въ состояннѣи
 Поповъ судить не въ постояннѣи?
 Судить сами ихъ умѣемъ
 И правила разумѣемъ,
 Хотя не священныя лица,
 Какъ то бываетъ во столицы.
 Поповъ мы сами разбираемъ,
 Мы ихъ судимъ, запрещаемъ.
 Нынѣ жъ древность всю растлили,
 Себѣ церковь испросили!
 Нут-ко, мужіе, старайтесь,
 Отъ новостей удаляйтесь;
 Сумму многу собирайте,
 Въ Москву, Питеръ повзжайте;
 Раздавайте, не щадите,
 Длительность дѣлу ищите
 И всѣ мѣры принимайте,
 Церковь строить не пушайте.
 Поупрямитесь, милы братцы,
 Часовенны старобрядцы,
 И бунтуйте, не сумнитесь,
 И начальства не страшитесь;
 Къ защищенью всякъ спѣши,
 Стой въ одно, хоть колъ теши!
 Въ противность же что случится,
 То мы должны откупиться.
 Пошлемъ въ разныя селенья
 Съ повелѣньемъ объявленья,
 Что часовню разоряютъ, —
 Въ церковь нову претворяютъ.
 Тѣ, услышавъ вѣсть ужасну,
 Помощь сдѣлаютъ прекрасну.

А ревностны богачи,
Торговые брадачи,
Сильно за сіе возстануть,
Отъ часовни не отстануть;
Повѣренныхъ изберуть,
Тысячъ много имъ дадутъ,
Чтобъ тѣмъ случай имъ избрати
Противъ церкви воевати.
Гдѣ ни взялся калугеръ,
Варсоноей лицемѣръ:
Скитску ревность объявляетъ,
Къ сему дѣлу приступаетъ,
Да еще съ брадой сѣдой,
Къ деньгамъ съ совѣстью жъ такой.
Въ повѣренны ихъ избрали,
На расходы денегъ дали:
Черезъ Москву и Петербургъ
Обогатились они вдругъ.
Пріѣхавши, говорили,
Что мы деньги раздали;
Еще бы тысячь двадцать пять,
Такъ бы можно поступать.
Тутъ всѣ розно говорили,
О повѣренныхъ судили:
Иной стоялъ въ изумленьи,
Другой плакалъ въ нетерпѣньи, —
Какъ почтенна Софья мать —
Такъ вотъ честь ей приписать —
Всѣхъ ревностью удивила,
На собраньи говорила:
«О вы, бѣдны и богаты!
Будьте въ деньгахъ щедроваты;
Отъ отступникъ отражайтесь
И отъ церкви откупайтесь.
Время купли наступаетъ,
Власть къ часовнѣ приступаетъ.
Вы же, сильны богачи,
Часовенны товмачи,
Кладовыя отпирайте,
Тѣмъ теперъ только и взять,
Что тысячи развязать;
Если будете скупиться,

То часовня претворится
 Въ церковь божью, въ новый храмъ.
 Охъ, какой же будетъ страмъ!
 Чего мы не ожидали,
 То почувствовать намъ дали:
 Можно-ль было воброжать,
 Чтобъ попа Василья взять?
 Очевидно отъ насъ взяли,
 Руки и ноги перевязали,
 Повезли въ вѣчной удѣль,
 Гдѣ судимъ ему предѣль.
 Ужъ не даромъ я недавно
 Видѣла въ ноши, какъ явно,
 На яву и не во снѣ
 (Тутъ дрожали всѣ плеснѣ)
 Такò дивно откровенье:
 Что часовня въ разореньѣ —
 Наша мила она мать
 Хочетъ въ вѣрѣ пострадать —
 Будто звонъ и крестъ съ ней сняты,
 Главкі нѣтъ, одни палаты».....
 Облившись слезой, ушла,
 Гдѣ дорога ей пришла;
 И такъ спѣшно удалилась,
 Что невидно, гдѣ и скрылась.
 Вдругъ предсталъ тутъ Меценатъ
 Отъ градскихъ высшихъ палатъ,
 Почтеннѣйшій на видъ отецъ,
 Пришелъ къ собранью въ Городецъ.
 Собранье обратило взоры
 Къ нему и на него укоры.
 Ставъ онъ, какъ на второмъ судищи,
 Сказалъ: «несчастное кладбище!»
 А самъ вздохнулъ и замолчалъ.
 Народъ ему много закричалъ:
 «Уиремъ! хоть головы рубите,
 Благословеннаго въ часовню не водите,
 Попа такого не желаемъ,
 Все слезно просимъ и рыдаемъ.
 Довольны мы доднесъ и тѣмъ,
 Снабдилъ святой Иргизъ насъ чѣмъ.»

ОБЛИЧЕНИЕ НА НИКОНА ПАТРИАРХА, НАПИСАННОЕ ДЛЯ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА. ¹⁾

1. Христоролюбивый государь, царь і великіи князь Алексѣй Михайловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! милостивно послушай и своего государева богомолца, не свою честь гоняща, но о святой соборной и апостольской церкви боляща ко утверженію царства твоего. Въ великіи бо страхъ приведе ны преосвященный Паисія, митрополитъ газскій; сице глаголетъ, яко велми согрѣшаютъ архиереи, что не извѣщаютъ тебѣ, великому государю, о вдовствѣ матери твоея, святыя соборныя и апостольскія церкви, чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ: болѣ бо трехъ мѣсяць вдовствовать правила не повелеваютъ ²⁾, нерадящихъ же о красотѣ ея запрещаютъ и отлучаютъ. Отрекшагожся убо архиерейскаго престола съ клятвою правдоглаголивый архиерей Паисія жива погребенна нарицаетъ; насъ же, архиереевъ, въ правду порицаетъ, сице глагола: «Пастыри! для какой притчи небрежете престола патриаршескаго, которая есть обшая паства? Берегайтесь, чтобъ та ваша неприлежность Бога не возбудила до отмшенія і ярости: серпъ бо вижу, рече Захарія ³⁾, летающъ двадесять лакотъ длиною, а шириною десять».

Статья 2-я. «Аще бо, рече, (не) вы архиереи о обираниі и поставленіи патриаршескомъ что можете чинити, ктоже іной порадѣеть чинити? Ваше то дѣло и ваше радѣние. Для чего вы другъ другу тягости не носите по апостолу ⁴⁾, ни обша воспоминаете себѣ, презрѣвше заповѣдь божию: *возлюбиши ближ-*

¹⁾ Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка Въ рукописи статья не имѣетъ заглавія. Ред.

²⁾ 4-го соб. прав. 25.

³⁾ Захар. глав. 5.

⁴⁾ Къ Галат. с. 13.

няго своего, яко самого себе, еже есть—всѣхъ христіанъ?» И дивяся преосвященный Паисія рече: «Како единая есте вѣры, не милуете свой народъ и сродники своя? И есть ли вы сами о своемъ добръ и о своей чести не радѣете, кто иной страшной будетъ радѣть?» Сего ради и мы молимъ тебе, христоролюбиваго государя царя: да по заповѣди благочестиваго Иустиніяна царя ¹⁾ избрание сотвориши въ трехъ лицѣхъ, блюдый себе, да не нѣчто праведно постраждеши, по 38 главѣ тогоже благочестиваго Иустиніяна царя. Въ правду убо, благочестивый царю, преосвященнаго Паисія митрополита праведное запрещеніе, — «да не нѣчто отъ Бога постраждемъ, не радяще о сихъ.»

Статія 3-я. Сего ради священный онъ мужъ и тебѣ, великому государю, не стыдяся, праведно рекъ, яко, аще ты, великій государь, мать твою, святую соборную и апостольскую церковь, для достойныхъ притчины и обычаемъ строителскимъ и для причинъ, которыя намъ невѣдомы, о паствѣ царствующаго града не промышляешъ: «великимъ грѣхомъ, рече, не согрѣшаетъ, отъ меньшагожъ грѣха нѣси свободенъ», — потому что многія соблажняются и почитаютъ то дѣло въ лѣность, что ты, великій государь, не радѣешь и прилежности о тотъ не имѣешь. И моля тебе, великаго государя, твое, благочестивый царю, прилѣжное попеченіе о церкви, потому, яко не укрѣпляются дѣла царския, донележе не укрѣплятсѣ дѣла матере твоея, святыя соборныя и апостольскія церкви. Мати бо твоя, рече, благочестивый государю, — церкви божія и, якожъ долженъ еси почитати мать свою, которая тебя родила, много паче долженъ еси любити и почитати, духовную твою мать, святую соборную и апостольскую церковь, которая тебя породила во святѣй купѣли святаго крещенія и которая тебя помазала на царство масломъ и хризмою радости.

Статія 4-я. Но, о благочестивый царю, священнаго онаго мужа неухищренная бестѣда, пачеже молба и мы, твои государевы богомолцы, молимъ, да дѣйствевна будетъ; воистинну убо некоторое твое царское дѣло крѣпости имѣти не будетъ, донележе мати твоя, святая соборная и апостольская церковь, отъ смущенія не свободится и благъ пастырь той даруется, могиі правъ промышляти о красотѣ ея и благъ миръ той даровати. Отнеле-

¹⁾ Нов. запов. гл. 28 і 29.

же бо онъ, Никонъ, начать вводити смущения догматы, не имамы чисты молитвы къ Богу; но по извѣстномъ его отверженіи і воистинну странномъ и нелѣпотномъ патриаршескаго престола съ клятвою, преосвященному Паисію, митрополиту газскому, дерзостно пишетъ сице: «Никонъ, божію милостию патріархъ, въ Духъ Святѣмъ преосвященному митрополиту Паисіи милость и благословенія». Облакъ свидѣтелей имать онъ, Никонъ, отрицанию своему, о благочестивый царю: почто озирается вспать? Али не ползова его Христосъ, реки: «Никтожь, возложь руку свою на рало і зря вспать, управленъ есть во царствіе божие?»

Статія 5-я. Жена убо Лотова, обратившиися вспать, бысть столпъ сланъ, и не дивно: не сохранщи бо заповѣдь пострада въ правду. Не сущее бо Никонъ глаголетъ, патриарха себе нарицаю и, простъ чернецъ, сущему архиерѣю благословенія дая ¹⁾: не совершивъ бо службы, изъ церкви изшелъ есть и безъ лѣпоты престоль оставль гнѣвомъ и яростию, презрѣвъ божіи страхъ: прощенья бо паче долженъ есть просити таковаго дерзповенія и ругателства и многихъ соблазнъ. И гдѣ бо обрѣсти имать въ писаніи таковъ образъ оставленія престола? Дерзость бо оного и безсовѣтїа обычай правилно сугубо страдати его устроить. Иоанъ бо, мнихъ и молчалникъ, и сущия съ нимъ черноризцы Святыя Горы явѣ показати імуть сице рекуща ²⁾: «Своею волею оставльшу кому святительство аще подобаеть глаголати: *Благословенъ Богъ нашъ и Боже ущедри ны и благослови ны и Христосъ истинный Богъ нашъ* или кадити, не сущу иному презвитеру, или входити или причащатися внутрь святаго алтаря?» И блаженный патриархъ Николае со всѣми святаго собора отцы сице рекоша: «Никако недостойтъ і на мѣстехъ бо отъ простыхъ людей поставленъ будетъ.»

Статія 6-я. Да аще *Благословенъ Богъ нашъ и Боже ущедри ны и благослови ны и Христосъ истинный Богъ нашъ* глаголати не подобаеть оставльшему волею святительство и кадити кадилницею, не сущу иному презвитеру: како убо онъ, Никонъ, паки архиерейская дѣйствуетъ и рукополагаетъ, противяся правилу 28 святыхъ апостолъ? Изверженому по праведнѣй винѣ о

¹⁾ Въ рук. *длл.*

²⁾ Книг. Коря. вопр. 300, лист. 551.

согрѣшеніи явленнѣ и паки дерзнувшу прикоснутися преже врученныя ему службы, яко гниль удѣ отъ церкви отсѣщи повелеваютъ. Не явленно ли согрѣшение имать Никонъ, не совершивъ божественныя службы, безчинно изъ церкви изшедь и безчестно святительскіи санъ съ себе сверже предъ многими свидѣтели? И не клеветущіи нанѣ быша, но самъ, свою совѣсть познавъ, съ клятвою престола отвержеся, недостойна себе судивъ святительския власти и чести. Нынѣ дерзая пишетъ, аки и не осудимъ и ни правилъ святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ на себѣ имѣя: будто для непрямая ярости царева престолъ оставилъ, послушавъ евангельскаго гласа: *егда гонятъ вы, изъ града бѣгайте.*

Статія 7-я. Но и гонитель слышишися, о христолюбивый царю, отъ бугаго сего! Никто вѣсть, яко тобою, великимъ государемъ, изгнанъ Никонъ и откуду явленно имать быти гонение твое государево къ Никону? Пишетъ бо, яко святительскіи судъ ты, великіи государь, а у него похитилъ и судятъ священный чинъ мирскія твои государевы царева люди; а тотъ де судъ принала святая мати церковь, владѣніи де о судѣ церковнѣмъ противъ преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ і иныхъ милостивнѣйшихъ царей. И то де владѣніе приняло твое царское величество: ево самово судишь и преосвященныя митрополиты и архиепископы і епископы, архимариты і игумены и монастыри, освященныя старцы і весь церковный чинъ. Но о сихъ, христолюбивый царю, отъ него, Никола, при отреченіи престола съ клятвою въ церкви нѣсть глаголанно или откуду явленно, яко того ради онъ, Никонъ, оставилъ престолъ і нынѣ дерзая пишетъ къ странному архиерею, гонителя и хишника тя нарицая, презрѣвъ апостольское правило 84, сице глаголющее ¹⁾: «Аще кто досадитъ царю или князю безъ правды, аще епископъ или причетникъ, извержется»: царя бо верховный апостолъ Петръ чтити повелеваетъ; сице рече: «Князю людей своихъ да не речеши зла»;—и молитися повелеваетъ за царя и за вся, сущая въ величествѣ, досаждати убо князю или царю всѣмъ возбранено есть.

Статія 8-я. І паки Никонъ пишетъ, яко ты, великіи государь, учинилъ пиръ болшой для нѣкоторого царя Грузинскаго,

¹⁾ Посл. Пет. зач. 58 и 43 и 282.

на котораго пришествія къ твоему царскому величеству единъ нѣкто изъ велможныхъ твой государевъ ударилъ ево патриаршева стряпчава. А какъ де сказался патриаршимъ стряпчимъ и что де бить его не годитца, и тотъ де твой государевъ чело-вѣкъ большой и болше придалъ ударовъ и слова де безчестныя говорилъ: «Чего велми считаешь патриарха?» Не велика досада, благочестивый царю, и немного безчестныхъ словъ болѣзненно Никону, и нищу сушу и ни благородиємъ отъ дѣтства цвѣтущу, но и зѣло отъ худѣйшихъ бывъ, обаче власть и честь примъ отъ тебе, великаго государя, и, въ самовластіи бывъ, не терпите и отъ боярина къ стряпчему своему безчестія и сего, что бояринъ рекъ стряпчему ево: *Для чего велми считаешь?* И сихъ ради онъ, Никонъ, къ твоему царскому величеству своею рукою писалъ, чтобъ судъ и управу объ томъ дѣле ты, великій государь, учинилъ. И ты де, великій государь, река съ нимъ повидать и того не здѣлалъ и болшимъ гнѣвомъ разсѣрдився іюля въ 8 день Богородицы Казанской и празновать не пришелъ, такожь и въ 10 день на праздникъ Ризы Господни обычно прийти не изволилъ и въ кѣлю де прислалъ изъ своихъ князя одного со многими не прямыми словесы, и онъ де, ту похвалу и слышавъ, здумалъ мѣсто дать гнѣву.

Статія 9-я. Многимъ мнится, благочестивый царю, яко сего ради кручиненъ былъ Никонъ, что на пиръ не званъ. Не сего ли ради и дерзостно послалъ стряпчево своево безобразно въ твою царскую полату чрезъ волю твою государеву, гдѣ ему и быть не годится? Въ правду твоимъ государевымъ бояриномъ отосланъ со гнѣвомъ, не имый одѣянія брачна и прекословивъ много. А что волю твою государеву бояринъ твой государевъ совершилъ, — не имущаго одежды брачны исъ полаты твоя государевы выслалъ, аще і со скорбію, болея отъ тебе, великаго государя, гнѣву, — не въ лѣпоту тутъ судъ. Аще къ смиренію приводя ево, Никона, на оба торжества ты, великій государь, празновать не пришолъ, въ лѣпоту — сихъ ради смиритися Никону и боярину миръ и благословение подати, а не престоль оставити съ клятвою, еще же и безлѣпотно. А что онъ пишетъ о князѣ, которой присланъ отъ тебя, великаго государя, къ нему въ кѣлю, будто со многими непрямыми словесы и безчестіемъ, — и въ сихъ совѣсть его вѣсть, аще не лжа: во многихъ бо бывый

невѣренъ, въ малыхъ кто вѣру иметъ ему? Явѣ бо показа свою лжю, пачеже хулу рекъ при отверженіи бо престола съ клятвою, будто ты, великий государь, въ соборную церковь къ нему, Никону, прислалъ нѣкоторого велможнаго съ тѣмижь позорными словесы, какъ и прежде.

Статія 10-я. Оле дерзости, благочестивый царю, на твое царское величество Никона! и лжа сия извѣстнѣйша всему священному собору і всему причту и множеству сущимъ въ церкви народа, яко въ соборную и апостольскую церковь присланъ отъ тебя, великаго государя, твой государевъ бояринъ, князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, а не безъ имени нѣкто, и не съ позорными словами, но съ молениемъ отъ тебя, великаго государя, и съ любочестными словами, якоже лѣпо есть священническому чину. И аще сихъ ради Никонъ, поючи святаго Давида пѣснь, отдаленъ и учиненъ есть и бѣгая, розжился въ пустыняхъ, ожидаючи Бога спасителя? Оле буесть! Нареченный отъ него новый Иерусалимъ воистинну реку Никаполимъ, рекше смятение градовомъ. Нынѣ и самъ пишетъ, что бѣгая розжился въ пустыняхъ. Пустыняли? И въ правду, яко пустьъ отъ благихъ, исполненный злобъ; въ правду рекъ Никонъ, что отдаленъ нелѣпотнаго ради отхождения святительскаго престола съ клятвою и правилнѣ учиненъ чюждь святительския власти и чести, и бѣгая отъ благихъ нравовъ. Но не въ пустыняхъ розжился вѣща вѣка сего: властне взять патриаршескаго дому казну и другихъ епископій и всего царствующаго града Москвы и другихъ градовъ выморныхъ домовъ животы; едва и твоей государевъ царевъ казнѣ не коснулся ли. И въ сихъ тому трудившуся, мзду трудовъ своихъ восприялъ есть. И не диво рекъ, яко рожжился въ пустыняхъ, великимъ бо обозомъ отъ царствующаго града изыде въ свой Новой Иерусалимъ и урядствомъ дивнымъ и ни неволею гонимъ; разоряя бо и грабя пустынные мѣста, казну тѣхъ къ себѣ присовокупилъ. И въ правду рекъ, яко розжился въ пустыняхъ!

Статія 11-я. О сихъ во истинну дивимся, благочестивый царю, яко, будучи онъ, Никонъ, во своемъ Иерусалимѣ, годъ и два мѣсяца недостатокъ харчевъ терпѣлъ и отъ скудости въ другіи свой монастырь и въ третій отшедъ, которой на морѣ. Но и въ скудости до трехъ сотъ подводъ запасы имѣлъ и,

естьлибы свидѣтельствовать истинными свидѣтельства путь оного, имъ же идяше,—подобно рещи, яко огонь—хождение того, убогихъ дома пожигая граблениемъ. И егда тому жившу въ пристанищи годъ, пишетъ, что ты, великій государь, въ то время собралъ разныя власти, здѣ живущія, и ничево свыше написанныхъ отъ его отходовъ имъ не сказалъ; но то учинилъ, чтобъ лживыя свидѣтельства написаны были на него, Никона, отъ нѣкоторыхъ людей, въ твоихъ царскихъ палатахъ живущихъ. А иныхъ де ты, великій государь, мучительства стражаючи, приказалъ говорить, что онъ, Никонъ, доброволно оставилъ престолъ; архиереомъ и прочимъ властемъ будто ты, великій государь, дары далъ, чтобъ руки свои подписали, чтобъ впредь ему патриархомъ не быть; и будто мы, твои государевы богомолцы, даровъ ради учинилися тебѣ, великому государю, послушны: не изыскавъ противной притчи и не роспрося отвѣту, для чево онъ отъѣхалъ, судъ чинили не прямо по твоему государеву указу и всѣ руки свои противъ ево подписали не по преданию святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, приводя правило одно 16 второперваго собора.

Статья 12. Да еще, благочестивый царю, объ тебѣ, равноапостолномъ помазанникѣ божіи, и о всемъ освященномъ соборѣ таковыя хулы дерзаетъ Никонъ произносити, явно имы отречение престола съ клятвою и безлѣпно: не судъ убо чинити благоволившу ти, великому государю, о немъ и ни винъ искати, чтобъ ему патриархомъ не быть, но безъ зависти и рвенія и кромѣ тшетныя лсти распрашивали властей, которяя прилучилися съ нимъ, Никономъ, въ службѣ въ то время. И свидѣтельствовали о немъ, Никонѣ, праведно бояся праведнаго божия суда, и ни по страсти и гнѣву, ни даровъ ради святители убо извѣстили по архиерейству сице; и архимариты і игумены, протопопы и попы и дяконы сказали по священству и весь причетъ по Христовѣ евангельской непопочнои заповѣди сказали: что онъ, Никонъ, самовольно отречеса престола и власти съ клятвою и не пастырь, но пасомая овца звашеса и, не совершивъ божественныя службы, безчинно изъ церкви изыде. Свидѣтельствуетъ бо о сихъ писмо ихъ за руками і всего священнаго собора соборное

дѣяние за архиерейскими руками и иеромонашескими, въ немъ же не одно 16 правило второперваго собора и 9-е правило третняго вселенскаго собора, 18-е правило сардійскаго собора и святыхъ (апостоль?) правило 62, облакъ же свидѣтельствъ и правилъ преподобнаго Никона, инока Черныя горы, изъ правилъ Матеевыхъ, изъ другихъ божественныхъ писаниихъ. Како лжущи пишетъ Никонъ, яко судъ о немъ чинили не прямой по одному правилу второперваго собора и даровъ ради отъ тебе, великаго государя, учинились послушны и руки свои подписали?

Статья 13. Но и 16 правило второперваго собора нерадившаго епископа о своемъ стаде, ни болѣзни ради, ни царевымъ повелѣниемъ, ни патриарховымъ одержима, вѣще 6 мѣсяць отъ своєю церкви отшедша, епископскаго сана и чести чюждъ праведно сотворити повелеваетъ. И зри здѣ правилнаго суда: не отрешагося своєю паствы сице осуди, но нерадившаго о своемъ стадѣ. Никонъ же отрешся съ клятвою и безчинно. Пишетъ, что его отъѣздъ не таковъ видится ему быти по евангельскимъ письмамъ, такъ какъ и самъ Христосъ отъ ярости Иродовы и жидовскія многожды, охраняючися, отходилъ. Но и подражатель Христовъ наречеса суетловесный сей: и кого убо Ирода нарекъ или жидовъ буявый? И отъ того съ Москвы побежалъ, подражая Христа! Како не заградятся она хулная уста и невмѣстная глаголющая? Не великимъ бо обозомъ Спаситель нашъ Христосъ бѣгалъ отъ Ирода во Египеть, да не убиенъ будетъ; но, смотрения таинство совершая, Пречистою Дѣвою носимъ, единому бывшу хранителю Иосифу обручнику, и тому нищу; и нашего ради спасения нищъ на земли былъ, не имѣя гдѣ главы подклонити. И ни о собраніи богатства пеклъся, ни многими вещми, но и уча ученики своя, глаголя ¹⁾: *Блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное.* И свидѣтельствуя о себѣ, рече ²⁾: *лисы язвыны имутъ и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же чловѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* ³⁾.

¹⁾ Матѣ. зач. 10.

²⁾ Зач. 26.

³⁾ Мар. зач. 32.

Статія 14. Но и отъ зависти жидовския Христось въ пустыню отходилъ единъ со ученики своими, немного съ собою запасовъ имѣлъ, пять бо точию хлѣбовъ и двѣ рыбы. Но и сия народомъ предложити повелѣ и ядоша вси и насытишася и взяша избытки укрухъ 12 коша исполнь; ядущихъ же бѣ мужей яко пять тысящъ, развѣ женъ и дѣтей. И паки седмию хлѣбы и малыми рибицами четыре тысящи насыти и избытки укругъ семь кошъ взяша. Но глаголяи, яко подражая Христа, со многимъ богатствомъ изъ царствующаго града изыде. Апостоль же Павелъ ¹⁾ отъ Иудей, убити его хотящихъ, нощию въ кошницѣ свѣшенъ по стенѣ, не много съ собою взятъ запасовъ и вещей Сиде и Петръ ²⁾ ангеломъ изведенъ исъ темницы, а не ушелъ, и уже желѣзныя на руку имый. Архиереи же и сущая съ ними ересь саддукейская исполнишася зависти і возложиша руки своя на апостолы и послаша ихъ въ соблюдение общее, рекше въ темницу; но ангелъ господень нощию отверзе двери темницы і изведе ихъ. И зри, како апостоли исъ темницы изводими бяху отъ святыхъ ангелъ, а не уходили. Но и въ сихъ солгалъ Никонъ: да ни въ темницѣ не сидѣлъ, и оковъ желѣзныхъ на руку и на ногахъ не имѣлъ, і въ кошницѣ по стенѣ не свѣшенъ; но, умъ погубя, оставилъ престолъ и, никимъ гонимъ, гордости ради и гнѣва остави власть, многа богатства вземъ, отъиде, всуе е воистинну рекъ: подобяся апостоломъ.

Статія 15. Но и Григоріи Богословъ самоволно оставль престолъ смирения ради, а никимъ гонимъ; въ негоже мѣсто Нектаріи скоро поставленъ бысть. Аванасіи же великій отъ Арианъ 6 лѣтъ по Божию извѣщенію у дѣвицы крыяшеся еретикъ ради, но не отвержеся престола съ клятвою, остави точию престолъ, повинуся воли Божіи и скрыся, да не, буети ради еретикъ, убиенъ будетъ. Властижь, собранныя отъ тебе, великаго государя, свидѣтельствующія ево, Никоново, отвержение патриаршескаго престола съ клятвою, аще и болши 6 мѣсяць прожили на Москвѣ, не суть достойны правлнаго осужденія ³⁾, зане рождышиися во благочестіи

1) Зач. 28 і зач. 19.

2) Зач. 14.

3) Кареаг. собор. прав. 94.

и въ вѣре воспитани бывше цари руку помощи даяти церк-
вамъ должны суть: благочестивыхъ бо царей пособия и по-
мощи церкви всегда требуетъ. Благочестивиже цари должны
суть таковая подавати имъ, яко вѣре суще поборницы, да не
отъ еретикъ или отъ безчинныхъ чловѣкъ преобидимы бы-
вають; всѣ бо семь вселенстїи собори благочестивыми цари
собрани быша, святиіже и богоноснїи отцы христілюбивымъ
царемъ благопослушны быша и волю тѣхъ *Божію* волю не-
щеваша. Всюе бо рекъ Никонъ, что не надобно было слу-
шать архiereомъ тебе, великаго государя царя, и не прихо-
дити безъ его повелѣнія.

Статія 16. Но все рекъ Никонъ, возвысився паче мѣры.
Въ поставленїи бо святительства во святой соборной і апо-
стольской церкви якова исповѣдь чтена предъ тобою, вели-
кимъ государемъ, и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и
предъ всѣмъ миромъ отъ него, Никона, сицева и отъ насъ,
архiereовъ, въ поставленїи святительства. И аще бы ты, ве-
ликии государь, противно что церкви сотворилъ, въ лѣпоту
бы не слушати и тебе, великаго государя царя, аще и смер-
тию претиль; но твое, великаго христілюбиваго государя царя,
о свягой соборной и апостольской церкви, матери твоеі, пра-
ведно и правильно попечение. Сего ради и всѣмъ намъ нуж-
но, да не вдовствуетъ мати наша святая церкви: болѣ бо три-
ехъ мѣсяцевъ вдовствовати той правила не повелевають. И
како убо преслушны явимся, о благочестивый царю, о нихъ
же и молитися должны есмь? Зане въ зазорѣ есмь правильно
отъ странныхъ архiereовъ: не мы бо во истинну отъ него от-
ступихомъ, но онъ насъ оставилъ, и молимъ со слезами:
безчинно отвержеса престола и власти съ клятвою! Всюе бо
поминаетъ правило второперваго собора 13, 14, 15: правед-
но бо тогоже святаго собора 16 правило епископъскаго сана
и чести чюжа его устроить.

Статія 17. Явлена бо вина Никонова—всѣмъ безчинное
его отвержение его престола съ клятвою і всему роснїскому
государству, пачеже и самой той соборной и апостольской
церкви крайнее безчестие, яко, и не совершивъ божествен-
ныя службы, не проводивъ обычно Ризы Господни, безчинно
изъ церкви изшедъ. Гдѣ бо въ писанїи таково ругателство

отъ православныхъ архiereевъ обрѣсти возможно? Въ правду своя ему сътъ, въ нейже и увязе, и ровъ, егоже самъ себѣ ископа. И туне молвилъ онъ Никонъ, яко безъ его воли мы, архiereи, тебя, великаго государя, слушая, въ царствующіи градъ собралися. Не послушание точию мы, твои государевы богомолцы, тебѣ, великому государю, должны творити; но и молимъ тя, равноапостольнаго государя, и со слезами просимъ, да упразнится буеть таковая и безчинна дѣтель: томимый гнѣвомъ туне, исполненный воистинну неправды и лсти да преданъ будетъ подъ крѣпкія начала въ пречестную которую либо лавру; тремъ же монастыремъ строитель отнюдь да не будетъ на пагубу самому тому и другимъ многимъ, но въ молчаніи по своему обѣщанію да спасетъ свою душу, въ твоейже, великаго государя, державѣ пакости да не дѣетъ и обидѣ многимъ да не творитъ! Мечъ бо обоюдоостръ—своя ему воля. Аще обрящемъ благодать предъ тобою, великимъ государемъ, не презри молбы твоихъ государевыхъ богомолцовъ: да возмется нечестивый сей отъ среды нашея, да Божіи праведный гнѣвъ не постигнетъ насъ и въ правду постраждемъ, не пекущися о благихъ. Благопослушливу же ти бывшу, государю, и дѣломъ сотворшу, о нихъже ты молимъ, державу царствія твоего исполниши благихъ и Бога милостива ко всѣмъ намъ сотвориши и самого себе радостна узриши.

Статія 18. Слезно, христолюбивый царю, изгнанъ насилствомъ и чрезъ умъ пишется Никонъ, і будто для исповѣданія соборной церкви и для самой его неправды неправду поносити понужденъ дѣлатель. Воистинну неправды и преисполненъ всякія лжи и лсти: приводилъ правило 19 сардійскаго собора, будто для обидѣ въ московскихъ своихъ паствахъ живеть; и паки пишетъ, яко нынѣ въ великое говѣніе слышавъ отъ тебе, великаго государя, жестокую грозу чрезъ околичего твоего государева Иродиона Матвѣевича Стрешнева: что ты, великіи государь, буети его не хочешь болши терпѣти. Праведно, воистинну, то твое государево слово и матери твоей, святой соборной и апостольской церкви, зѣло благопотребно и ко утверженію царствія твоего, аще дѣломъ показати имаша. Но зри, христолюбивый государю, ру-

гательство оного. Пишетъ, будто слово твое государево показалося ему великая гроза; обаче убо явѣ говорить, что предъ тобою, великимъ государемъ, никакой вины не знаетъ, опрочѣ того, что пишетъ и говорить, постерегаючи неправды твоея; и что, де, ты, великій государь, святыя божия монастыри до болшаго убожества привелъ и церкви божия силою своею рукою разорилъ, разсердився на него, и безъ его благословения отъ святыхъ церквей и монастырей животы святыя отнимаешь и безъ суда и повелѣнія архиерейскаго подъ власть свою понуждаешь. Правда ли въ сихъ, христілюбивіи царю, глаголемая тѣмъ? Аще ли ни, воистинну ругательство.

Статія 19. И паки пишетъ Никонъ, что епископы и архимариты і игумены безъ архиерейскаго избрания по твоему государеву повелѣнію и по рассмотренію поставляются и посылаются и ево, де, самого і весь пресвященный соборъ нѣкыя люди судяты, и называется де тотъ судъ монастырской приказъ, и которыхъ, де, онъ, Никонъ, вяжетъ, ты, великій государь, тѣхъ уволюяешь и ни во что связку и проклятіе его почитаешь и самъ, съ ними соединенъ, на молитву приходишь, будто преступаючи апостольскую 10 и 11-ю заповѣдь. Десятоеже правило святыхъ апостолъ молящагося со отлученными отъ истинныхъ архиереевъ въ правду отлучаетъ; но онъ, отвергійся и безчинно престола съ клятвою, нѣсть архиерей; сице і 11 правило святыхъ апостолъ молящагося со изверженными по правиламъ соборнѣ, а не страсти ради и гнѣва, сего отъ церкви и отъ сану извергаетъ. Но зри, христілюбивый царю, правилнаго суда ¹⁾: епископа убо всея области соборомъ по нужде 12 епископы судить повелеваетъ, презвитеражъ шестма епископы да судяты и седмый свой да рассмотряютъ о немъ; дияконаже три епископы, четвертый свой; но и тако по правиламъ *судимымъ* извергати отъ сана или прокляти всея области соборомъ подобаетъ: свидѣтельствуеть бо о сихъ вся семь вселенстіи собори и девять помѣстныхъ, по различнымъ временамъ собравшихся сретикъ ради.

Статія 20. На первомъ бо вселенскомъ соборе 318 богоносныхъ отецъ, Ария ради поа собравшіися, извѣстнаго

¹⁾ Карѣ. правило 12 і 20.

ради врага Божия и еретика ¹⁾, хуливша того на Сына Божия, тварь глаголюща, а не Бога и наоборот того блядуща— соборне клятве того предаша. Единомудрствующаже со Ариемъ нечестиваго Македония, патриарха Царяграда, хуливша Святыи Духъ,—тварь, а не Бога того нарицающа, 150 святыи богоноснии отцы втораго вселенскаго соборнѣ прокляша. Несторияже, злочестиваго патриарха Царяграда, и сущихъ съ нимъ еретикъ, о вочеловѣченні Сына Божия блядущихъ, — два бо сына глаголюща: единаго Бога, отъ Отца рождена, иного отъ Маріи Дѣвы и по любви соединившихся Богу Слову, сего ради и Богородицу Христородицу нарицающе;—но сихъ враговъ третяго вселенскаго собора ²⁾ двѣсте святыи богоноснии отцы соборнѣ клятве предаша, не обращающихся отъ злобы. Но и 4-го вселенскаго собора 630 святыи богоноснии отцы вепря дивяго Диоскора, патриарха александрийскаго, и архимарита Евтиха и прочихъ съ ними соборнѣ прокляша, блядущихъ сице, яко по привидѣнію плоть прия Господь нашъ Исусъ Христосъ. Пятаго же вселенскаго собора ³⁾ святыи богоноснии отцы 165 Оригена безбожнаго, Дидима и Евагрия прия (?) злѣ хулящихъ, соборне клятвѣ предаша. 6-го же вселенскаго собора ⁴⁾ святыи богоноснии отцы 170, на единоволниковъ собравшеса Сергия и Пира и Павла и Петра, патриарховъ Костянтинаграда, и Кирила, патриарха александрийскаго, и сущихъ съ ними еретикъ и иконоборцевъ, соборне прокляша, Господа же нашего Исуса Христа во единомъ составѣ исповѣдаше, во двоюже естеству—божестважъ і чловѣчества. Седмагоже вселенскаго собора ⁵⁾ святыи богоноснии отцы 366 иконоборцовъ и христіанохулниковъ Лва Ісаврячина и единомысленниковъ его Анастасія и Копронима и по нихъ бывшихъ патриарховъ Констянтина града и сущихъ съ ними еретикъ соборне клятвѣ предаша.

Статія 21-я. Онъ убо, Никонъ, безчинно отвергнуи ся престола съ клятвою, откуда иматъ власть связати или рѣшити?

¹⁾ Въ Граногр. въ царство Костян.

²⁾ Въ царство Маркианово.

³⁾ Въ царство Іустиніяна.

⁴⁾ Въ царство Костян. Брадатаго і сына его Устиніяна

⁵⁾ Въ царство Константина и матере его Ирiny.

Не имый же власти вязати или рѣшити, како имать несудимыхъ правилнѣ и не обличенныхъ соборомъ проклинати? Кого бо отъ архиерей і святыхъ отецъ единомудръствующихъ съ собою имѣя Никонъ? Ей, никого. Но злобы ради самого себе убивъ, а ихъже прокля безъ ума, сихъ въ правду вѣнча и отъ Бога благодати сподоби. Оружие бо извлече Никонъ, по пророку ¹⁾, сострѣляти убогихъ і нищихъ отъ отъ всякия неправды, заклати хотя правыя сердцемъ. Но оружие его внидетъ въ сердце и лукъ его въ правду сокрушися. Хулная же вѣщя на тебе, великаго государя, неопасива уста имѣя, ясно показуяи вѣмъ свою злобу разорителя святыхъ божиихъ монастырей і церквей и тебе, великаго государя, нарицаая, свѣтло являя кротость и беззлобие твое государево, въ правду онъ Никонъ святыя божии монастыри до болшаго убожества привелъ: строя свой Новый Иерусалимъ и другия два монастыря, многимъ скорбь и безчисленную пакость содѣя. Нареченный же его Новый Иерусалимъ противенъ древнему, о немъже древле пророки проповѣдаша, і Сынъ Слово Божие пресвятыма своима ногама ходя освяти и безчисленными знаменіи и чудесы онаго прослави і въ немъ волею благоволи о нашемъ спасеніи пострадати і пречистую свою кровь излияти. Перваго же епископа Иякова, брата господня, во Иерусалимѣ своима рукама освяти и по воскресеніи своемъ божественнымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ отъ Иерусалима отлучатися не повелъ, дондеже облукутся силою свыше; і по вознесеніи своемъ на небеса къ Богу и Отцу въ день пятьдесятный низпославъ Святаго і животворящаго Духа въ огненныхъ языцѣхъ во Иерусалимѣ же, і на вселенную проповѣдь отъ святыхъ апостоль отъ Иерусалима изыде. Свидѣтельствуетъ бо ясно пророкъ Исаія, *яко отъ Сиона, рече, изыде законъ і слово господне отъ Иерусалима.*

Статія 22-я. Аще бо во Иерусалимѣ возрастетъ отъ Духа Святаго вѣра и тамо первѣе распространися, вездѣ въ правовѣрныхъ возрасте, а не приде: отъ Иерусалима изшедше, учашу языки, но и паки возвращахуся отъ востоку и до

¹⁾ Псаломъ 36.

полудне и отъ запада во Иерусалимъ апостоли; и тамо при-
бѣжище имъ бѣ, во Иерусалимѣ бо и гробъ господень и пре-
чистыя Богородицы Дѣвы Маріи житие и успение и гробъ ея
чюдотворный на мѣсте, нарицаемѣмъ Гевсимани, пребываетъ.
Но и въ день воскресения на всяко лѣто преславно огонь, съ
небеси сходя на гробъ господни, во Иерусалиме свѣщи вжи-
гая, православному патриарху съ причтомъ поющимъ: *Воскре-
сение Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ. Во-
истинну, благословенъ Господь отъ Сиона, живый во Иеру-
салимѣ.* ¹⁾ І святой убо Захаріи рече: *Обращуся и вселюся
посредь Иерусалима.* На Сионѣ сиде Іоанъ Дамаскинъ во-
спѣтъ: *Радуйся, Сионе святой, мати церквамъ, божіе жи-
лище!* Въ томъ бо Господь Богъ тайну вечерю апостоломъ
подаде, разумѣйже церковь, і нарече ю въ жилище себѣ до
вѣка. Аще бо и чрезъ триста лѣтъ истинныя церкви во Иеру-
салимѣ не бѣ, одержания ради мучителей царей, до великаго
Константина; но сихъ ради святая мѣста не погибоша: пуста
бо бысть церкви иерусалимская за неистовство Жидовъ, но
благодати божия не лишнися. Отъ всея бо земли и моря
приходятъ ²⁾ вси и благословение кипящее отъ Иерусалима
взимають, о немъже пишетъ Θεодоритъ на псаломъ 101:
*Трилюбезенъ бо есть намъ Сионъ, аще и зѣло пуста бысть,
любима же и каменя разореная и персть раскопанная
ратными: память бо сихъ любезна есть насъ ради содѣян-
ныхъ въ немъ великихъ тайнъ и благодатей.* Но скрашу за
умноженіе свидѣтельствъ, въ *Книжѣ* бо о *впрѣ* въ первомъ
словѣ асне узритъ кто.

Статія 23-я. Откуда убо, благочестивый царю, таково
дерзновение Никону, яко свое жилище Новый Иерусалимъ
нарече? *Всяко бо возненавидѣ и не впрова въ Сионъ быв-
шимъ тайнамъ, постыдятся отъ Господа и яко трава отъ
огня будетъ изсохши,* по пророку бо: Аммосъ претитъ сице
лють хулящихъ Сиона. И Давидъ утверждаетъ: Да посты-
дятся и возвратятся во адъ вси ненавидящій Сиона. Смѣху
же достойно, паче же и плачу: и Истру реку зваше Пор-

¹⁾ Псаломъ 49.

²⁾ Въ рук. *проходятъ.*

данъ. И сихъ ради, нехотящихъ звати Иерусалимъ, Иорданъ многимъ скорбь сотвори. Строящійже его обитель несказанны бѣды подъяша отъ приставникъ его. I въ правду священный Паисія, митрополитъ газской, ево, Никоновъ, новый Иерусалимъ *Никаполитъ* нарече, сирѣчь: *градовомъ смятении*, (смятении?) убо по гречески *ианикитасъ*, *никосъ* толкуется смятении, для ради грѣха и смуты, которая прилучилась въ первомъ основаніи его. Никтоже отъ отецъ ни отъ благочестивыхъ царей смѣя которое жилище или градъ Иерусалимъ нареши, точию оканнй Мамантъ еретикъ, иже и Параклита себе именова, и двѣ женѣ, съ нимаже блудъ творяше, Прискиллу и Максимиλλу пророчицы именоваше; градець же нѣкии во аеригистѣй области, емуже имя Пепузанъ, Иерусалимомъ нарицаше. Сему подобно сотвори Никонъ, о немъже свидѣтельствуеть тойже священный Паисія, глаголя сице: «О недостойнствѣ! о неизвычленная новость! Новый Иерусалимникъ, любитель новыхъ речей мужъ! не было пророчества о твоёмъ непрямомъ Иерусалиме! О Никоне! ново писмо нарицаешъ, зъ жида единомудрствуя! Жидове бо жалають и дождаются тебе: что изыдетъ воплотитися и родитися новый Месія въ Новомъ Иерусалиме. На удачу не въ твоёмъ ли, о Никоне, антихристова будетъ родителница? Но кинь, человекъ: не шути святыми дѣлы, не играй рѣчьми богоданными. Единъ есть Иерусалимъ на земли, въ немъже и судити будетъ Христосъ вселеннѣй въ правду и воздасть комуждо по дѣломъ его, — о немъже пѣснопѣвецъ вопия глаголетъ: *Въ дому давидовъ страхъ великъ, ту бо престоломъ поставленомъ судятся всяка племена земная и языцы*. А второй Иерусалимъ на небеси. Никто не вздумалъ, токмо Мамантъ и Никонъ, но не по достоинству. Блаженный Максимъ Грекъ глаголетъ въ книзѣ своей: *Никоторый градъ, рече, называй Иерусалимомъ, аще і всею вселенною обладаетъ: единъ есть Иерусалимъ на земли і едина земля Иудейская, въ нейже родися Христосъ, і во Иордани крестися, і на горь ѳаворстѣй преобразися и на Голгоѣ распятъ бысть и погребесе нлѣде близъ і по воскресеніи со ученики своими 40 дней поживе и отъ горы елеонския на небеса вознесеса*.

Статія 24-я. Никонъ же пишетъ, что крутицкого митрополита проклялъ для того, что онъ, митрополитъ, въ недѣлю цвѣтоносія по обычаю въ великой Росіи всѣлъ на жребя предъ всѣмъ миромъ. И, бѣдно себѣ вмѣнивъ, рекъ: «Крутицкой митрополитъ, что Евза проклятъ: отческое ложе осквернилъ і отческой престолъ опозорилъ: безо всякаго сомневания всѣлъ на отческомъ престолѣ со обиженіемъ отчимъ. А во святомъ евангеліи пишетъ, что одинъ Христосъ сидѣлъ и того апостоломъ дѣяти никогдаже не приказалъ.» Но всуе рекъ суемудренный; забы пресвятый Спасовъ глаголь: *Въруай въ мя дѣла, яже творю, и той сотворитъ и болша сихъ сотворитъ.* Да аще въ преестественныхъ божественнымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ власть даде, еже бо болящая исцѣляти, прокаженныя очищати, мертвыя воскрешати, бѣсы изгоняти: смиренное вхождение во Іерусалимъ на жребяти осли Господа нашего Ісуса Христа кто возбрани отъ святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, да не обновится таинство сие на славу пресвятому имени Его? Но аще Христосъ единъ на жребяти седѣлъ и того апостоломъ дѣлать никогда же не приказалъ, нелѣпо баше, по его мудрованію, и ему самому дѣйствовати вайя, еще и не отрешемуся безчинно архиерейскаго престола съ клятвою, зане апостольскіи і онъ былъ намѣстникъ, аще и первый бысть епископъ всего государства російскаго: первый бо епископъ не начальникъ епископомъ, ни крайни святитель, но епископъ перваго сѣдалища ¹⁾ наречется, рекше царствующаго многонароднаго града: святительскіи бо санъ единъ есть и тажде на всѣхъ..... ²⁾ Не наречется сей убо совершенъ, иже несовершенъ, святитель; но вси равни святители, вси епископи, якоже и благодать Святаго Духа равно приемше. Въ правду своя ему хула на свою главу да обратится! И второе самъ себя прокля, отрицающа престола, и сѣдства ради вайя гнѣвомъ томимъ, не имый власти ничтоже, ради извѣстнаго отречения, простъ чернецъ — хапаетъ, яко звѣрь, внѣ ума бывъ. Аще бо истиннаго архиерея, власть архиерейскую имущаго і священства благодать, проклинаетъ, играя, досадити хотя; но нѣсть се игра по мнѣнію суему-

¹⁾ Правило Кар.соб. 39. ²⁾ Въ рукописи пропущено, вѣроятно, слово: *благодать*.

дренаго ¹⁾): воистинну, свой ему мечь его самого гнѣвомъ напыщенное сердце проидеть. И не туне въ правду проклять первѣе самѣмъ собою, отрицаяся престола, не хотя пастырь быти, но окрастованную овцу себе нарицаше; второе — своимъ ему судомъ, имъже безъ вины тщихъ осудилъ, зане и самъ былъ митрополитъ въ Новѣградѣ вая дѣйствовалъ. Аще бо по того мудрованию ихже (прокля), то и прокляти быша і въ другихъ градѣхъ дѣйствующая вая, клятвы не отбѣгоша и вси сообщающіися имъ.

Статья 25-я. Но нѣсть тако, благочестивый царю, яко же онъ, Никонъ, суетумудренъ, смыслы, учимъ воистинну древнимъ челоуѣкоубицею дияволомъ и съ нимъ совѣтуя всегда, рѣяхъ, ко отчаянію привести тщася и всѣхъ погубити хотя. Забы пресвятый Спасовъ глаголь: *Миръ мой оставляю вамъ и миръ мой даю вамъ.* Но нѣсть сей сынъ мира, но древняго злодѣя сынъ, ищущаго всѣхъ поглостити,—гнилая воистинну глава, но не церковнаго телесе, своимъ его послѣдующа мудрованиемъ его, прокаженны вся имѣя уды и чюжъ бывъ благодати священства, нелѣпотнаго ради отвержения престола съ клятвою. Внѣ бо ума бывъ, сущеи главѣ церковнаго телесе досаждаеть, истинныя архиереи сыны себѣ нарицаеть, недостойнъ воистинну и прага церковнаго, зане, чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, еще въ мирскихъ священство приять; не къ церкви бо и престолу поставлень, но на дворянской дворѣ въ крестовыя попы, оболгавъ архиерея; мира же отвергнися не любве ради Христовы, ниже смирения ради, но внѣшнюю честь и славу гоня, нѣкому рекшу къ нему, яко великъ имать быть, аще пострижется. Не съ волею же подружии своя, но и кленущи его, оставию любоначалиа ради и отлучися отъ нея чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ. Въ правилѣхъ ²⁾ пишеть сице: Аще кто дѣйствуетъ или воздержится, мерзокъ творя бракъ і яко гнусно отшедъ, а не доброты ради і святаго дѣвственнаго пребывания, да будетъ проклятъ ³⁾. Да аще убо проклинаеть благовѣрія ради отшедшихъ, еже есть иночествовати, то колми паче богатства ради и чести? І святыхъ

¹⁾ Въ рук. *судино.мудренаго.* ²⁾ Гангрского прав. 9. ³⁾ Кормч. 146.

апостоль правило 15 сице глаголетъ: Аще презвитерь или дияконъ помощницу свою изженеть, да отлучится; аще же не введеть ю паки, да извержется. Богатстважь ради и чести болшия жены своя пушающа не точию отъяти санъ божественное писание велить отъ нихъ, но и отнюдь прокляти и отъ святаго обшения отлучити. Но въждь, христоролюбивый царю, яко Никонъ не въ сихъ точию увязе, но и сугубо обруга себе самъ. Еще бо въ царствующемъ градъ Москве белцемъ, а священноиноческую благословенную грамоту взялъ, обоглавъ преосвященнаго митрополита Антонія (Аввонія?) новгородскаго і Никона себе нарекъ преже пострижения своего волею и, ѣдучи во анзерскую пустыню, на Вологдѣ въ паперть церковнѣй Ильинскимъ игуменомъ Павломъ постриженъ, а не въ церкви; приѣдучи въ пустыню, абие священноиноческая дѣйствовалъ и подъ началомъ не бывалъ. Аще всю жизнь ево кто извѣстно вѣдали, преже приа чести и власти, въ правду бы рекъ, яко на прагъ церковный нѣсть достоинъ взыти.

Статія 26-я. Преосвященный же Питиримъ, митрополить сарскіі і подонскіі, аще і тремя епископіями владѣеть, но не похити другихъ престолы; свое ему звание крутицккіі митрополить, а не другихъ епископіі По отреченіи бо его, Никоновъ, престола съ клятвою і по презрѣннїи молбы тебе, христоролюбиваго государя царя, и триехъ архиереовъ і всего освященнаго собору і всего причта, послѣдующу тому своей ему воли и юзою анаеема себе связавшу, яко ни мыслити ему патриархомъ быти и сице рекшу: *да не уподоблюся псу, возвратившуся на своя блевотины*, и сице тому обругавшу царствующаго града престоль и святительскую власть, яко, ни божественныя службы совершивъ, безчинно изъ церкви изшедъ, и никимъ гонимъ: обаче ты, христоролюбивыи государь царь, і въ другиі день паки молити того послалъ боярина своего государева, князя Алексѣя Микитича Трубецкова, якоже і въ соборную церковь, къ нему на подворы, сице і третицею тогоже боярина въ воскресенской монастырь посылалъ. Но ярости и гнѣва исполненыи трижды отъ тебе, христоролюбиваго государя царя, молбы не приемъ и третицею отвержения ни мыслити хотя прияти престоль. Тогда, христоро-

бивый царю, волею твоею государевою и совѣтомъ архиерей царствующаго града, святыхъ соборныхъ и апостольскихъ церкви правление ввѣрено бысть преосвященному Питуриму, митрополиту. Не властнѣже взять и суздальския архиепископїи правление, но твоеюже волею государевою, оклеветану бо сущу архиепископу і не приемлему грацкими жители. Не противъ же правиломъ содѣя. Во Антиохїи сирстѣй правило 18, аще и чести епископския не отъемлетъ отъ таковыхъ і служити не запрещаетъ, но ожидати велитъ всея области епископъ, да соборнѣ управятъ о немъ, стужающаго же другимъ епископїямъ таковаго отлучити повелеваетъ; хотя же да причтенъ будетъ презвитеры, равну честь прияти ему велитъ; аще же і противу ту сущимъ епископомъ молбу творити начнетъ, и отъ презвитерския чести да изринетъ и отъ церкви отлученъ. Сихъ ради нужно, благочестивыи царю, другаго архиепископа или, дондеже о немъ соборомъ управитъ, епископїи той не безъ правления быти.

Статїя 27-я. Всеу молвитъ Никонъ, что преосвященный Питуриимъ, митрополитъ сарскїи и подонскїи, отческое ложе осквернилъ и отческїи престолъ опозорилъ, безъ всякаго сомнѣванїя всѣлъ на отческомъ престолѣ предъ всѣмъ миромъ со обиженїемъ отчимъ. Преосвященный Питуриимъ митрополитъ не опозорилъ патриаршескаго престола; но онъ, Никонъ, патриаршескїи престолъ обругая безлѣпотнымъ отреченїемъ і ко блевотинѣ песьѣ того приложи: *да не возвращуся*, рече, *яко песь на своя блевотины*. Обаче безъ всякаго сомнѣванїя паки алчетъ престола и, приобидѣвъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, архиерейская властнѣ дѣйствуетъ, отчаявся. Преосвященный же Питуриимъ митрополитъ не безлѣотно что содѣя и ни своею волею честь приемъ, ниже чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ. Все бо епископи, суще по образу Господа нашего Исуса Христа, — глава церковнаго телеси ¹⁾. Градстїи бо епископи — по образу суще 12 апостолъ все, на нихъже дуну Господь: *Прїимите*, рече, *Духъ Святый*, і на нихъже низпославъ пресвятый і животворящїи Духъ во огненныхъ языцѣхъ; и глаголаша странными языки, имъже і благодать Святаго Духа даяти

¹⁾ Правило святыхъ апостолъ 18, въ Новой Кесар. прав. 14.

ввѣрено бысть. Селстиіже бо епископи по образу суще седмидесяти апостоль, имъже есть дарованно благодати Духа Святаго раздавание. Зриже, христолюбивый царю, и равенства градскихъ епископъ: по образу бо суще двоюнадесяте апостоль вси. Зриже и любомудрия апостоль, яко, егда Филиппъ, иже отъ седмидесяти дияконъ сыі, шедъ въ Самарію, крести многи,—і слышавше апостоли во Іерусалимѣ, послаша верховнѣйшаго Петра і Иоанна, и ти безпрекословно послушавше всѣдше полагаху руцѣ на крестившихся,—і приимаху Духъ Святой. По которому образу Никонъ, будучи на престолѣ, поработилъ свою братію архiereевъ, обругавше патриаршескіи престолъ, и сыны себѣ нарицаеть и обычно архiereйская дѣйствующихъ проклинаеть, отъемля царствующаго града красоту и честь? И паки молвить, яко преосвященный Питиримъ, митрополитъ, константинопольскаго патриарха паствы, рекше киевския, изволившу ти, государю, и совѣтомъ всѣхъ архiereевъ всея великия Росіи, Меѳодія во Мстиславль и Оршу постави во епископы, не единъ же, но со другима трема архiereома і во время поставления на первомъ мѣсте седѣлъ по чину, сущимъ съ нимъ архiereомъ степенми нижайшимъ. І се—не чрезъ правила святыхъ апостоль і святыхъ отецъ; по правиломъ бо два или три епископы поставляютъ епископа; і индѣже пишетъ, яко епископъ отъ всѣхъ епископъ, сущихъ во области, поставляется; аще ли ни, обаче отъ трехъ поставляется, прочимъ же писаниемъ сложившимся, власть же митрополит. Аще бо и 6-е правило вселенскаго собора коемуждо патриарху своими предѣлы обладати и никому же ихъ иныя области не возхищати, не бывшия прежде подъ рукою ихъ изначала: се бо есть гордость мирския власти, и кромѣ бо воли старѣйшаго сущаго въ митрополиі епископа, рекше патриарха или митрополита, избраніи 15 поставление не бываетъ. Не епископъ бо, аще и поставленъ будетъ въ правду, но мняйся старѣйшина быти ¹⁾ съ клятвою безчинно отвержеса престола и на мѣсто отъ простыхъ человекъ самъ себе сведе и безъ отвѣта долженъ есть о своихъ грѣхъ плакати. Аще бо по симъ правиломъ ²⁾

¹⁾ 2-го вселенск. соб. прав. ²⁾ Прав. 3 во Антиохіи.

и не убѣхомъ вины, но должны есмы прощенья просити у Костянтинопольскаго патриарха, зане области его прежде сего та страна была ¹⁾), нынѣже волею божиею подъ рукою тебе, христілюбиваго государя нашего царя; и не чрезъ бо волю твою государеву отъ насъ содѣяно что съ тобою, великимъ государемъ. Къ Костянтинопольскому патриарху и прощенья просити должны есмы.

Статья 28-я. Во время бо великаго князя Василя Васильевича всея Руси по Оотіи митрополитъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ истиннаго пастыря не бысть 18 лѣтъ. Въ та бо времена прииде Исидоръ митрополитъ къ Москвѣ, родомъ Латыникъ, иже поставленъ во Царьградѣ отъ патриарха Юсифа при царѣ Иване Калюяне. И бывъ Исидоръ на Москвѣ четьре мѣсяцы, и поиде на Олоренскіи соборъ и прелстившеса съ патриархомъ Юсифомъ и со другими епископы златомъ, съ нимиж и царь Иванъ Калюянъ сложися. Точию блаженный Марко, митрополитъ ееескіи, і Григоріи, митрополитъ иверскіи, Исакии, митрополитъ нитрійскіи, Совероніи, митрополитъ гаскии, и сущіи съ ними, иже латинское злочестіе обличаху и соборъ той проклятымъ называху; блаженны же Марко и чюдеса показа. Цареградскіи же патриархъ Юсифъ на томъ проклятомъ соборе умре и погребенъ бысть въ латинскомъ костеле; царь же Иванъ Калюянъ, идый отъ богомерскаго собора, абие умре, егоже и земля трижды погребенна изверже, и тѣло его отъ песь снѣдено бысть. Суемудренный же Исидоръ прииде къ Москвѣ и нача поминати въ первыхъ папино имя; великии же князь Василии Васильевичъ, аще тогда и младъ сый, но старыхъ премудрыхъ баше разумень,—Исидора, въ прелести суца, обличи его безуміе и отъ митрополи изверже, посла въ Чюдовъ монастырь. Онъ же нощію убѣже бездверіемъ и со ученики своими со Григоріемъ и Аеонасимъ. Евгениіже папа постави въ Царьградъ на патриаршество отъ Латынъ именемъ Григорія, пострижену браду и усъ имуща. Сего ради великии князь Василии Васильевичъ, совѣтовавъ со архиереи всеа великия Росіи, въ митрополиты резанскаго епископа Юну чюдотворца своими рускими архиепископы і

¹⁾ Прав. 9.

епископы і всѣмъ священнымъ соборомъ въ лѣто 6956 году (постави). Въ то убо время Исидоровъ ученикъ поставлень митрополитомъ въ Киевъ отъ Латынника, отъ цареградскаго патриарха Григорія, пострижену браду и усъ имуща, отступника православныя вѣры. И егда прииде въ Киевъ Григорій митрополитъ, раздиратель церковныи, Исидоровъ ученикъ, нарицая себе митрополитомъ киевскимъ и всеа Русіи, блаженныиже Іона, митрополитъ московскіи и всеа Русіи, писаше ко кралу—не приимати Григорія, раздирателя церковнаго, і не послушанъ бысть, въ лѣта 6961-го. І оттолъ раздрася киевская митрополия съ московскою всеа Русіи, еретикъ ради, а до того времени одна паства была. По Ионѣ же, митрополитъ, поставлень бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ митрополиты Θεодосіи, архиепископъ ростовскіи, рукоположеніемъ своихъ рускихъ архиепископовъ і епископовъ. По лѣтѣ же единомъ Θεодосіи, митрополитъ московскіи і всеа Русіи, постави на Москвѣ въ митрополиты Іосіѳа въ Кесарию Филиппову, во Иерусалимъ оттуду пришедша. І по сему не новъ обычай каковы любо ради вины поставляти епископы и въ другія паствы.

Статія 29-я. А еже пишетъ Никонъ, что преосвященный Питиримъ, митрополитъ сарскіи і подонскіи, во своей области какъ и поставлень не бываль; но преосвященный Питиримъ митрополитъ во своей области живеть, какъ и прочія митрополиты, преже его бывшия. Въ лѣпоту Никонъ сказалъ: «Проходилъ ли онъ своя паствы грады?» Бывъ въ митрополитахъ въ Новѣградѣ такоже і въ патриархахъ своя области градовъ, уча ко благочестию, всяко не проходилъ, точию благочестивыя священноархимариты и игумены і протопопы и попы гонилъ, а послѣдующихъ воли его, мира сего мудрование имущихъ, любилъ; но і тѣмъ пакости многи творилъ. Преже его бывшия патриархи въ царствующемъ градѣ Москвѣ и преосвященныя митрополиты, архиепископы і епископы всеа великия Росіи, аще і градовъ своя паствы по правиломъ не проходили далняго ради расстоянія или тягости ради людей; но учителя церковныя благочестивыя архимариты і игумены і протопопы і попы во грады поставили, могущія ползовати вѣрныя люди, отъ нихъ же мнози обрѣтшеса отъ невѣгласъ

и страдалцы, по писанному ¹⁾: *Хотящій благочестно жити о Христь Исусъ юними будутъ.* Сихъ ради, благочестивыи царю, і нынѣ тебе молимъ і, припадая на колѣни, милости просимъ: даждь миръ матери твоей, святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви! Миръ же устроити никако имаши, аще истинныхъ архиереовъ искати не будешь, проходящихъ добродѣтель і въ чернечествѣ свидѣлствованныхъ: егоже бо избрати волиши во архиереи, чтобъ отнюдь не менши 15 лѣтъ въ чернечествѣ былъ і въ послушаніи у старца искусна бывъ і въ чернечествѣ въ добромъ свидѣлствованъ. Царствующаго же града перваго сѣдалища епископа, рекше патриарха, избрати благоволи священное писание протолковати могуща и разумѣюща все божественное писание со испытаніемъ и священная правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ извѣстно вѣдуша, въ лѣтѣхъ же совершенна суща и добродѣтелями и крайнимъ смиреномудріемъ цвѣтуща, свояже воли исправити догматы не имуща, но совѣтомъ, а не дерзостно исправляюща, ревнителя же о благочестіи і не стыдящася лицъ, многолѣтна въ чернечествѣ суща і въ послушаніи, во еже обрѣзати своя ему воля крѣпко обучившася. Красота бо старецъ — со смиреномудріемъ высокое житие и не своя воля. Архиерею бо совѣтливу быти подобаетъ і ничтоже дерзостию творити, да не многимъ соблазнъ і претыкание будетъ. Во мнозѣ бо совѣтъ спасение бываетъ, якоже богоотець и пророкъ царь Давидъ, вопія, глаголетъ: *Въ совѣтъхъ правыхъ и сонмъ великъ дѣла господня изыскана во всѣхъ воляхъ Его;* і индѣ пишетъ: *коли великъ еси, толико смирай себе.* И сице, христолюбець, не менши 60 лѣтъ да будетъ, яко присно смерть предъ очима имѣти будетъ, едино мудрствуя, да благолѣпие церкви сохранить и не бы зданіи каменныхъ ни о строеніи градовъ и селъ, но о спасеніи душъ человѣческихъ промышляетъ. Но и о сихъ, христолюбивыи царю, безъ гнѣва послушати благоволи: въ моръ постригшихся и подѣ началомъ не бывшихъ, ни своя воли до конца отринувшихъ во епископы поставити блюди себе; і ихъ бо ради не мала бѣда бываетъ въ церкви, еще и мудрствующихъ і свое хотѣние творящихъ. Но і о сихъ, христолю-

¹⁾ Къ Тимою. 296.

бивыи царю, да не сумнишися, яко скудость архиерей имаши въ державѣ царствія твоего: всеа бо области соборомъ безъ сомнѣнія судится епископъ, но не отвергнися престола съ клятвою, якоже и Никона; власть архиерейскую имущаго, обличена бывша о грѣсѣхъ или въ ереси суща, сейже безъ совѣта, самаго себѣ связавъ, безсовѣтиемъ держимъ и держостныя ради и не соборны клятвы и дѣйства самъ себѣ убивъ. Како о томъ соборъ? Великий князь Василей Васильевичъ митрополита Исидора отъ митрополіи властне изверже и въ Чюдодовъ монастырь посла; но и Зосима, новгородския ереси суща, 6 архиереовъ русскихъ со архимариты и игумены отъ сана извергоша і въ него мѣсто поставиша Симона, игумена Троицкаго монастыря, въ митрополиты. Сие же сотворше, не правиломъ противящесея, но да не вдовствуетъ свята соборная и апостольская церковь. Аще бо и пространно царство благочестивыя державы; но не во мнозѣхъ градѣхъ епископи. Аще бѣ воля твоя, мощно бѣ быти, якоже і въ прочихъ паствахъ, епископомъ при благочестивыхъ греческихъ царѣхъ, точию уравнение было въ церквахъ и въ вотчинахъ 300 церквей, — 500 крестьянъ — безъ нужи епископія; а гдѣ малыя зборы отъ церквей мощно дать и 400 церквей епископу; и по сей въ ростовской епископіяхъ мощно быти отъ нихъ многимъ епископіямъ, такожде і въ другихъ паствахъ, гдѣ 1000 церквей і крестьянъ.

Статія 30-я. Пишетъ Никонъ, о благочестивыи царю: что оныхъ трехъ иноковъ проклялъ, будто они наругаются исповѣданію православныя вѣры, присланнаго ему отъ святѣйшаго Паисея, цареградскаго патриарха: и во святѣй, де, литургіи въ божественныхъ таинствахъ не довѣруютъ и недружбы чинятъ, противъ того, что онъ ісправиль думою и благословениемъ святѣйшихъ вселенскихъ патриархъ, а во благи до своей никогдаже хотѣлъ ни прибавить ни убавить отъ церкви, опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; еже есть: Кормчую книгу въ тисненіи печатномъ перебилъ и со старыми писмянными книгами отнюдь несходны устроилъ; единъ выходъ былъ, а самыи несогласныи: и съ которыя будто и печатаны, и съ тою несходны. Такоже и прочія книги, при патриаршествѣ его тиснениемъ печатнымъ

изданныя, мятежа и смущения исполнены и 6 бо выходовъ служебниковъ мудрования его сами въ себѣ согласія не имуть. Но и *Скрижаль* духовная сама въ себѣ несогласна: существа перебиты, а толкованиемъ съ нашими древними печатными служебниками во многомъ несходно. Да еще онъ, Никонъ, отъ цареградскаго патриарха Паисея вѣре научился и исправить потшася: царствующаго града Москвы благочестивіи и христіолюбивіи цари і великія князи і князи і боларя и прежде его бывшія 5 патриарховъ і преосвященныя митрополиты, и архиепископы и епископы, священноархимариты і игумены, протопопы, іереи і дияконы, і святыхъ великихъ обителей і прочихъ монастырей мнихи, паче же и старцы и христіолюбивый православный росіискіи народъ ушто до него, Никона, не право вѣровали и безкровную жертву Господеву всегда приносили туне? Оле дерзости и безстыдія! Не насытився, убивая вѣрныхъ душа; глаголетъ, яко исправляя и не хотящихъ послѣдовати прелестному его мудрованію проклинаетъ. Не ново убо начинающе святіи они старцы, но древнее святыхъ отецъ предание утвержающе, вѣрныхъ души отъ смущения свободити тщашеся. Глаголай же, яко не хотѣлъ прибавить ни убавить опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ і святыхъ вселенскихъ соборовъ, приказываль: какъ ни есть толко не по старому. О книгахъ убо, благочестивыи царю: — что извѣщаль преосвященный Паисія тебѣ, благочестивый царю, которыя отъ многихъ странъ собраны заперты безпожиточно, — пишетъ Никонъ, что въ ево далныя монастыри отвезены, — не въ царствующемъ граде Москвѣ. Почто, христіолюбивыи царю, попусти сиче — не реку, человеку, но звѣрю, и нимало добра смыслившу святбіи церкви и державѣ царствія твоего?

Сихъ ради молимъ тя, христіолюбивый царю: даждь пастыря церкви и благочестивую державу царствія твоего отъ крайняго безчестія свободи и вѣрныя люди отъ смущения избави. Даждь миръ церкви, да не предваритъ насъ отъ Бога праведный гнѣвъ; но да, и чисту молитву возславше Вседержителю Богу, предваримъ лице Его исповѣданиемъ и получимъ милость, славяща святую Троицу, Отца и Сына і Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

III.

С М Ъ С Ъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ *).

(Сообщены К. П. Побѣдоносцевымъ).

1.

Регламентъ академіи наукъ 1725 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ

И ПРОТЧАЯ И ПРОТЧАЯ И ПРОТЧАЯ.

Колико блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество нашъ любезнѣйшій супругъ и Государь о обученіи природныя склонности народа своего, особливо ко всякимъ художествамъ и наукамъ рожденнаго и способнаго, всемирно трудился и сколь благополучнымъ успѣваніемъ въ познаніи правительства дѣлъ государственныхъ и въ дѣланіи хитростей воинскихъ мудрымъ своимъ совѣтомъ наставилъ своихъ подданныхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно.

Но якоже блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Августѣйшій Императоръ вся, яже въ войнѣ, исполнити вознамѣрился, тако обычай имѣлъ подвергати жестокому своему испытанію (что никому, развѣ прозорливѣйшему оныхъ намѣреніе явно было); равнымъ образомъ и въ мирѣ состояніе наукъ испытаніемъ изобрѣлъ, провидяше бо преостраго разсужденія Императоръ, яко многая еще оскудѣвають къ благополучію народа его и науки въ Имперіи его еще не достигли во оный совершенства градусъ, какъ желалъ, и чужестранныхъ на увеселеніе сердца своего обрѣталъ: въ семъ единомъ умѣ его обращался, како

*) Эти документы списаны съ засвидѣтельствованныхъ копій, коихъ орфографія по возможности удержана.

бы кратчайшій и способнѣйшій путь избрѣсти, чтобъ завести науки и онымъ людей своихъ, елико мощно скорѣе, обучити. Аще бы общимъ какъ въ иныхъ странахъ, школами и учеными людьми преисполненныхъ, путемъ итти хотѣлъ отъ настоящаго Имперіи состоянія, предусмотрѣлъ, что къ желанному намѣренію своего концу не достигнетъ: ибо, аще хотѣлъ бы учредить академію наукъ по подражанію французскія и аглинскія, которая о совершенствѣ токмо и умноженіи наукъ, а не о ученіи ихъ тщаніе имѣетъ, славу во правду прибрѣлъ бы и похвалы отъ ученаго свѣта возимѣлъ бы, понеже отъ щедротъ его науки и художества нѣкое приращеніе воспріяли бѣ; но общество кіяже отъ того вскорѣ плоды или хотя поздныя и по долгомъ уже времени явственныя получило бы; аще ли же способомъ уставленія, которое Универзитетъ нарицаютъ, ученія начаті и хотѣлъ бы, то ученики въ изряднѣйшихъ началахъ наукъ и языковъ наставленные готовы быти долженствовали бы, но оныхъ число симъ временемъ еще малое обрѣтается.

И того ради Всепресветлѣйшій Императоръ, Имперіи своей славы, народу же явственныя ища ползы, преблаго быти разсуждалъ, аще, совокупя предреченныя образы, соціэтеть знаменитыхъ ученіемъ людей собереть, которыя какъ науки, во оныхъ упражняяся, совершали бы и умножали, такъ и юношество учаще, оныя расплодилибѣ, и оной соціэтеть титуломъ Академіи наукъ, установленію сему зѣло приличнымъ, украсить.

Но понеже немногія нынѣ обрѣлися ученики, которые отъ ихъ наукъ наставлятися и успѣвати въ томъ могли бы, того ради Всепресветлѣйшій Императоръ заблагоразсудилъ нѣсколько добрыя надежды и природы и въ изряднѣйшихъ наукъ и языковъ началахъ уже наставленныхъ студентовъ, которыя виды ученія своего уже показали, изъ чуждыхъ странъ сюда призвать, чтобъ ученія свои за наставленіемъ профессоровъ довершили, тщаливое же юношество въ первыхъ наукъ основаніяхъ обучали, и между тѣмъ, дондеже, умножившуся школъ числу, достойныя ученики произыдутъ, языковъ учили бѣ и симъ образомъ коллегію или гимназію нѣкую составили бѣ.

Нынѣ же Мы, вся сія изслѣдовавъ и разсмотривъ, егда обрѣли, что оная намѣренію блаженныя и вѣчностойныя памяти Его Императорскаго Величества, Государству же велимъ суть приращеніемъ и установленію, въ прошедшемъ 1724 году въ генварѣ мѣсяцѣ 12 дня собственною блаженныя и вѣчностойныя памяти Его Императорскаго Величества рукою утвержденному, согласуетъ: того ради постановили и утвердили слѣдующее:

1.

Что мы сію Академію, въ особливое наше пріемше правительство, соизволяемъ, дабы она кромѣ насъ въ верховномъ Тайномъ Совѣтѣ никому не подлежала и никакими правами, или персонъ или вещей касающимися, обязана, ниже каковыми тягостями обременяема и утѣсняема не была бы, и дабы какъ самая Академія, такъ и подлежащіи ей къ другому суду въ какомъ либо дѣлѣ или юстиціальному, или политическому и подъ какимъ либо претекстомъ позываемые безъ вѣдома Академіи ко оному суду явиться не были понуждаемы прежде, пока она Академія, уразумѣвъ дѣло, виноватыхъ имѣть къ суду отослать, куда надлежитъ.

2.

И, дабы сей Академіи чинъ и сей уставленный образъ ненарушимъ и непримененъ пребылъ, уставили мы надъ нею президента, которой совѣтами своими оной да присутствуетъ, благосостояніе же и благополучіе ея да оберегаетъ, и годовые ея доходы съ бібліотекаремъ и камисаромъ, которые къ ней опредѣлены, да управляетъ.

3.

Дабы равно чужестранныя, яко и наши подданныя къ раченію ученій вяще воспалялися, мы особливую свою милость къ тѣмъ, которые, въ сей Академіи учившися, виды ученій своихъ покажутъ, обѣщаемъ и паче всѣхъ протчихъ въ публичныя достоинства производить ихъ повелимъ, а особливо наши подданныя, которыя, учащися въ оной Академіи, годны будутъ къ вышнимъ наукамъ по свидѣтельству Академіи и къ тому свою склонность имѣть будутъ: оныя по ихъ желанію имѣютъ при наукахъ остатца и никуда къ другому дѣлу ни въ службу принуждаемы да не будутъ.

4.

И понеже науки никакого принужденія и насилія терпѣть не могутъ, любяще свободу, того для нашимъ указомъ опредѣляемъ, дабы какъ наши Росіяне, такъ и чужестранныя, подданствомъ государству не обязанныя, которыя ученіемъ вдатися похотятъ или уже поле ученій претекшии, безъ всякаго задержанія приѣзжати и отъѣзжати и, хотя бы какая-либо удержанію притчина соплеталася, гдѣ похотятъ, тамо пребываніе имѣти и фамилію свою содержать могли; тако и вси, колико ни есть, отропы и юноши публичному сему наставленію послѣдующія, ни малую свободы своя часть погубятъ.

5.

Изволяемъ къ тому да тѣ, которые паче иныхъ преуспѣють во ученіяхъ своихъ, виды оныхъ прежде издавъ, въ градусы академическіе производятся и тако и отъ другихъ да отлучаются. Также устанавливаемъ, да Академія имѣетъ свою собственную типографію съ такою привиллегіею, да вся та, яже или ко умноженію ученій служащая, или къ приращенію или славъ Имперіи прислушающая быти, Академія разсудить, въ печать издаются и продаются.

6.

И дабы нимаго профессорамъ Академіи препятія случитися могло въ писменной съ учеными гдѣ-либо обрѣтающимися людьми коррешпенденціи, яко то къ разширенію наукъ премного ползуетъ, мы установили, дабы писма, или академическою печатью запечатанныя или на имя Президента Академіи, или на имя всей Академіи подписанныя, безденежно и приниманы и отдаваны были, токмо бы подъ тѣмъ отнюдь постороннихъ писемъ, Академіи не принадлежащихъ, не было.

7.

Дабы Академія на крѣпчайшихъ пребывала основаніяхъ, мы изволяемъ, дабы оная денегъ сумма, которая опредѣлена на содержаніе Академіи и рукою блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества подписано (а имянно дватцать четыре тысячи девятьсотъ двѣнадцатъ рублей, которыя збираются съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Арензбурха таможенныхъ и лицентныхъ, а потомъ по указу Его Императорскаго Величества ноября 6 дня 1724 году положена та сумма отпускать съ денежныхъ дворовъ и въ штатъ опредѣлена) въ оную Академію такъ доходила, что ни отъ кого подъ какимъ либо протекстомъ оная взята или на иное дѣло употреблена не была, но дабы по осигнаціи Президента, или кто ему приданъ будетъ, немедленно всегда получаема была.

8.

Въ оной Академіи ученія въ три класса расположены да будутъ, отъ нихъ же первый въ математическихъ, второй въ физическихъ, третій же въ Исторіи, въ языкахъ и философіи частѣхъ состоять будутъ.

9.

Первый классъ имѣетъ состоятися въ четырехъ профессорахъ, сообщивъ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ, которыхъ они каждой въ своей хитрости совершити и къ исполненію того, въ немже сами обрѣ-

таются, званія угодныхъ содѣлать тшатися будутъ. Первый сего класса профессоръ Матезинъ Сублимюремъ, вышнюю математику, другій Острономію и Географію, третій механику и прочіе, къ которымъ математика употребляется, части публично учить будутъ; четвертый же и отъ математики практику (самое дѣло) ово приватнымъ остроуміемъ изъяснити, ово же тшаливое юношество къ изобрѣтенію и дѣланію машинъ наставляти и управлять будетъ.

10.

Второму классу пять профессоровъ начальствовать имѣють съ причтенными къ нимъ студентами: первый физики генеральныя, второй физиологіи, къ правиламъ математическимъ припряженныя, третій Анатоміи, четвертый Химіи, пятый Ботаники наставленіе и украшеніе на себѣ воспріиметь.

11.

Третій классъ четырьмя профессорами съ сообщники своими отправлятися имѣеть, изъ сихъ первому и Метафизику, и Логику, и моральное ученіе, и Политику, философскимъ образомъ учимую, единому предавати надлежитъ, да не како согласующихъ между собою философскихъ частей естественныхъ и никакоже отставлятися должный союзъ разрѣшилъ бы ся; другій къ элоквенціи, третій ко ученію и изъясненію Исторіи гражданскія древнія и нынѣшнія умъ приложить, четвертый въ правѣ натуральномъ и публичномъ, которое есть частію нѣкоторою, и исторіи, трудитися будетъ.

12.

Имѣеть же быть при сей Академіи секретарь, который вся добръ да распоряжаетъ, и та, яже собраніе академическое публикованія достойна быти разсудитъ, въ печать да производитъ, къ тому же и съ надзирателемъ бібліотеки о писменной коррешподенціи попеченіе да имѣеть.

13.

Для вяшшія же чести и вяшшаго Академіи приращенія заблаго-разсуждено во всякій классъ принять по два человекъ коррешподе-товъ, доброю славою и дѣлами знатныхъ, которыхъ по принятіи сего предложеннаго званія служба тако да наградится, что каждому изъ нихъ титулъ и честь члена Академіи даватися будетъ, и по прошествіи всякого двулѣтія шесть сотъ рублей на всѣхъ шестерыхъ раздѣлены быть имѣють, которое раздѣленіе тако будетъ, что чимъ кто достойнѣйшіе и множайшія изданія вышлетъ, тѣмъ вяшшій подарокъ воспріиметь.

14.

Сія о порядкѣ учащихся и наукъ, въ Академіи сей предаватися имущихъ, уставлена суть, которыхъ обаче впредь не тако держатися надлежитъ, чтобъ онымъ отнюдь по состоянію времени и дѣла не возможно было отиѣнитися; но Академія власть имѣти будетъ въ томъ, которые нынѣ соединены, профессоровъ званія раздѣлити или, аще тако дѣло позоветъ, и сіи начатки, якоже надѣяться есть, благополучное послѣдованіе имѣти будутъ, и число учащихся прибавится, то и множайшихъ учителей въ классы опредѣлити.

15.

И дабы каждый во ономъ ученіи пребывалъ и упражнялся, къ которому, наипаче приложился, и самую натурою и склонностію во первыхъ влечется, уставлено есть, да раздѣленные классы и разныя ученіи никоего вводятъ различія чести и достоинства, но каждого достоинство отъ дѣлъ своихъ да почитается.

16.

Профессорамъ между должностями сіе первое есть: да, яже въ каждахъ наукахъ понынѣ открыта, изобрѣтена суть, въ свое возьмутъ изслѣдованіе и новыми оная украшеніями и приложеніями умножати да тшятся, а яже отъ иныхъ еще не произведеная изобрещутъ и писанію предадутъ, секретарю да вручаютъ.

17.

Каждый да напишетъ реестръ книгъ, которыя въ своего ученія родъ нужны и полезны мнѣтъ быти; написавъ же да подастъ Академіи, къ сему оная, яже въ древнихъ и новѣйшихъ рѣдчайшая, и къ своей наукѣ или для умноженія, или для изъясненія тоя принадлежати обрящетъ, съ прилежаніемъ да выписываетъ, и своему изслѣдованію да предлагаетъ, о которыхъ попеченіе приложено будетъ, дабы или со изобрѣтенными и вымышленными въ Академіи вещьми купно или особно въ публику произведены были.

18.

Ради иностранныхъ повсягодно три публичныя собранія уставлены быть имѣютъ: первое отправлятися будетъ на день св. Ап. Петра и Павла, второе на день св. Екатерины, третіе же маія 7 числа, то есть въ день коронованія Ея Императорскаго Величества, или вмѣсто того и оной—день прежде или послѣ того, въ которыхъ собраніяхъ изъ трехъ сихъ класовъ единъ отъ профессоровъ по премѣнамъ орацію, къ разумѣнію слышателей устроенную, къ основателю же и покро-

вительницѣ сей Академіи благоприклонное сердце въ прославленіи похвалъ ихъ свидѣтельствующую, имѣти будетъ.

19.

Надъ сими же дважды во всякой недѣлѣ, г. е., во вторникъ и въ пятницу по полудни отъ четвертаго часа до шестаго приватно сходится имѣють, и тогда каждый объ тѣхъ, яже предлагаются, свою скажетъ сентенцію, правыи же совѣтомъ и доводомъ другихъ на среду представленныхъ уступить, и первѣе дома испытанныя эксперименты предъ всѣми ясно доказовати будетъ.

20.

Чтоже къ языку принадлежить, которымъ всякъ свои умствованія изъявляти имѣеть, понеже удобъ предусотряемъ, что разныхъ націй люди въ собраніяхъ присутствовати будутъ: вся та, яже каждый о своей наукѣ мудрованія на среду принесетъ, латинскимъ языкомъ предлагатися имѣють, ибо сей наипаче ученымъ свойственный и употребительный языкъ бывати обыче.

21.

Ежели же единъ и другій экспериментъ предъ всѣми въ собраніи ясно доказанъ и отъ всякаго сумнѣнія очищенъ быти не можетъ, тогда имянно нѣкимъ изъ Академіи членомъ взысканіе истинны вещи тоя вручится.

22.

Но дабы на она, яже въ собраніяхъ предлагаются, гораздо исправнѣе и предъуготованнѣе отвѣшати мощно было, и тѣмъ лучше пользу отъ оныхъ воспримати, всегда прежде въ собраніи объявлено будетъ, о какомъ дѣлѣ въ послѣдующемъ собраніи дни совопрошеніе имѣти и о чемъ прѣніе творити подобаеть.

23.

Аще когда кто-либо новыя свои изобрѣтенія въ собраніяхъ предложить или письменно сообщить и ихъ разсмотрѣнію предати изволить, оная или общественно въ собраніи, или, аще нужда востребуеть, чрезъ выбранныхъ нѣкихъ всему потомъ собранію дѣло, якоже есть исправно, донести, имущимъ прилжно да изслѣдуютца, каковыя важности и пользы оная изобрѣтенія будутъ, и да разсмотрятся, могутъ ли оная по достоинству за новая принята быти и тогда множайшихъ голосовъ мнѣніями разсудится.

24.

Аще когда можетъ быти отъ Ея Императорскаго Величества изъ членовъ нѣкоему приказано будетъ о семъ или ономъ вопрошеніи

(предложенными) свою дати сентенцію, тогда во исполненіи того дѣла ни времени, ни трудовъ пощаждѣти имѣеть.

25.

И всякій профессоръ долженъ будетъ во употребленіе студентовъ своихъ или пѣлюю систему нѣкую сочинити, или, аще сіе не весьма нужно быти мнѣть, особливими толкованіями вымышленія своя изъяснати съ эфемеридами (съ исторіею), которые впредь отъ Академіи публикованныя въ типографіи отнынѣ печатаны быти имѣють.

26.

Къ симъ каждый долженъ будетъ объявити, каковую къ изслѣдованію матерію избралъ и какимъ образомъ оную производити намѣрлся; тойже паки, до коихъ мѣстъ дошелъ и что достиглъ, или Президенту Академіи приватно или всему собранію извѣстити имѣеть.

27.

Къ лучшему сихъ дѣлъ изслѣдованію, дабы вся необходимая въ готовности были, свободный всѣмъ въ нашу Императорскую бібліотеку, равно какъ и въ кунштъ-камеру входъ отверсть будетъ; и какъ древнія такъ и новѣйшія книги паче же и всякія инструменты, сколько къ содѣланію экспериментовъ или частныхъ или публичныхъ служить будутъ, на казенныя деньги безъ всякаго замедленія куплены быти имѣють.

28.

Для переводу знатнѣйшихъ книгъ какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ, какъ чужестранныхъ такъ и домашнихъ четыре, а ежели потребно будетъ, и множайшіе переводчики разныхъ языковъ искусныя академическимъ коштомъ содержаны да будутъ.

29.

Такоже дабы науки не токмо сами въ себѣ въ Россійской Имперіи возвращены были, но дабы и ко употребленію и украшенію юношества Россійскаго служить могли, каждый профессоръ во вся нѣдѣли четыре часа публично (учить) будетъ, или своего система, или инаго нѣкотораго автора правиламъ послѣдуя, и тако часы къ ученію юношества опредѣленные расположатся, да ни единъ другому въ ученіи препятіе сотворить.

30.

Профессоръ математики Сублимиорисъ (вышшія) алгебру и геометрію учить будетъ предъ полуднемъ отъ перваго-надесять до втораго-надесять часа.

31.

Профессоръ астрономіи въ астрономическихъ обсерваціяхъ упражняться будетъ, и въ способной къ дѣланію оныхъ обсервацій полатъ начатки сея науки толковать будетъ.

Профессоръ механики механику и, яже къ тому принадлежитъ, въ осмый часъ предъ полуднемъ толкованіями своими изъяснати будетъ.

Профессоръ оныхъ частей, къ которымъ математика употребляется Театръ Механической Леопольдовъ лекціями своими отправляти будетъ во второй часъ пополудни.

И дабы вся математика всегдашнимъ нѣкимъ союзомъ и непрерывнымъ порядкомъ была предлагаема, единъ изъ приданныхъ математики весь курсъ математической пройдетъ.

32.

Профессоръ физики генеральные лѣтнимъ временемъ въ четвертый часъ по полудни коллегію физическую экспериментальную отправляти имѣеть, зимою же физику догматическую по своимъ ея правиламъ толковати будетъ.

Профессоръ физиологіи физиологію, къ правиламъ математическимъ припряженную, въ пятый часъ по полудни предавати будетъ.

Профессоръ анатоміи лѣтнимъ временемъ наставленія медическія, зимнимъ же сѣченія анатомическія и хирургическія въ первый надесять часъ предъ полуднемъ открывати будетъ.

Профессоръ химіи лѣтнимъ временемъ ботанику, по полудни формокопію, а зимнимъ въ тотъ же часъ химику учить будетъ.

Профессоръ ботаники лѣтнимъ временемъ ботанику въ медицинскомъ огородѣ, а зимою въ домѣ отъ осмага часа Исторію натуральную, и какъ формулы медическія писать надлежитъ, предлагати будетъ.

Къ сему же классу практикъ нѣкій приданъ будетъ, который студентовъ медицины въ то время, когда нѣкто изъ прочихъ въ классѣ физическомъ учить, практикъ медической научати будетъ.

33.

Для анатоміи въ Академію по ея требованію казенныя, также по требованію Академіи и умершія въ гошпитали отдаваны быть имѣють.

Профессоръ логики, метафизики и моральныхъ помянутые философіи части въ осмый часъ по полудни учить и толковать будетъ.

Профессоръ элоквенціи (витійетва) въ первыйнадесять часъ предъ полуднемъ училища свои отверзеть.

Профессоръ исторіи въ часъ второй по полудни, профессоръ правъ натуральныхъ и публичныхъ въ пятомъ часу по полудни учить будетъ,

34.

И на сія профессоровъ лекціи, публично отправлятися имущіе, каждому безъ всякихъ своихъ иждивеній приходити свободно будетъ, и всякій свое во учительствѣ усердіе и вѣрность неоскудно являти да потщится.

35.

Обаче въ воли и власти всякаго профессора оставлено будетъ имѣти частныя за мзду коллегіи, но къ тому всякъ дѣла свои тако управлять имѣеть, чтобъ для пріобрѣтенія прибыли не чрезъ мѣру времени и труда употреблялъ въ частныхъ коллегіяхъ и себѣ самому въ протчихъ своихъ ученіяхъ размышленіяхъ препятіемъ не былъ.

36.

Каждому профессору единъ или два студента, отъ нихъже преизящаго чего академія надѣяться можетъ, придадутся, которые къ достиженію наукъ профессора своего всѣми мѣрами да приложатся: въ коллегію его тщательно да приходятъ и безъ важнѣйшихъ притчинъ не быти во оныхъ отнюдь да не дерзаютъ, ибо должность ихъ будетъ оная,—яже профессоръ въ лекціи предложилъ прилежно слушателемъ повторяти, обыкновенно паки надлежитъ быти въ собраніяхъ публичныхъ и частныхъ всегда имъ присутствовать и тшливое юношество каждого въ своей наукѣ начатныхъ обучати.

37.

Котораго изъ студентовъ между сими изрядный во отправленіи службы своя трудъ явится и кто сичевыи виды, которыя отъ профессоровъ опробованы, будутъ, покажетъ,—таковый съ прибавленіемъ жалованья титуломъ и честію товарища или экстраординарнаго профессора почтенъ будетъ, къ тому и лекціи публичныя ему отправляти позволится, обаче съ симъ обязательствомъ, да управленію профессора своего себя предъ устрояетъ.

38.

А понеже кромѣ академіи потребно есть и таковыхъ школъ, въ которыхъ бы младые отроки разумы языковъ къ наукъ пріобрѣтенію нуждныхъ научалися, и сему дѣлу способствовася, опредѣливъ имено нѣкихъ студентовъ и товарищевъ, которые вѣрно и радѣтельно отроковъ да наставляють, отъ нихъже каждый въ семъ наставленіи по вся дни четыре часа,—два предъ полуднемъ, два же по полудни, упражняться будетъ; но дабы сіе дѣло ученіямъ ихъ самихъ не было препятіемъ, никто изъ профессоровъ во оное время учить ихъ имѣеть.

39.

Къ тому понеже ученикамъ, во единомъ мѣстѣ собраннымъ, не можетъ не случиться, чтобы одни отъ другихъ во успѣваніи ученія не были лучше, къ сему недостатку тако пособити заблагоразсуждено, дабы тѣ, которыя въ преуспѣваніяхъ равныи покажутся, особливо учимы были; чего ради пять классовъ уставлены суть, во всякомъ же классѣ по два учительское званіе имѣти будутъ, которыхъ классовъ въ трехъ нижнихъ потребно есть, чтобы въ каждомъ единъ отъ нихъ зналъ по Русски говорить и писать.

40.

Въ первомъ классѣ ученіе будетъ по латински и по нѣмецки читати и обоихъ языковъ письмена изображати.

41.

Во второмъ классѣ ученіемъ спряженій и склоненій отроцескіе разумы изошрятся будутъ, не оставляя и прочихъ, яже къ грамматикѣ принадлежатъ.

42.

Въ третьемъ классѣ учащіяся удобнѣйшихъ къ разумнью авторовъ и словесно и письменно на свой языкъ переводити и удобнѣйшія экзерциціи слагати начнутъ.

43.

Въ четвертомъ классѣ къ сочиненію труднѣйшихъ экзерцицій латинскаго языка приложатся; также и Арифметики и Географіи отроцата учитися начнутъ.

44.

Въ пятomъ классѣ предаватися будутъ онаго штиля экзерциціи, которыя упражняются въ сочиненіи орацій и эпистолій (грамотокъ), къ тому исторія и первыя Математики начатки, также и Географія, съ глобусомъ соединенная.

45.

Также и греческаго и французскаго и италіанскаго языковъ рачительство да не пренебрежется.

46.

Всѣ сии классы тѣмъ пройти надлежитъ, которыя умъ свой къ ученіямъ простираютъ и онымъ себя посвящаютъ. Хотящихъ убо родителей въ наученіе сюда отдавати дѣтей своихъ предувѣщати надлежитъ, вышнимъ ли ученіямъ вдати ихъ, или иному коему художеству обучити желаютъ: тако бо сотворится, что предумотрѣно быти можетъ, да не како нѣщцы, излишнихъ и ненужныхъ науки частей уча-

шеся, время ту не погубятъ; но да скоряе къ сему дѣлу приводятся. Того ради сіе дѣло тако опредѣлено: тотъ, который въ гимназіи надзирательство имѣетъ, приходящихъ спѣянiя да вывѣдываетъ, вывѣдавъ же, да записываетъ; и приличныя онымъ классы да назначаетъ, какъ ихъ самихъ, такъ и родителей ихъ имена въ записную книгу прилежно вписавъ. Аще нѣкіе можетъ быть отъ тѣхъ, которыхъ попеченіе родительское вышнимъ ученiямъ посвятило, обратятся, что или склонности въ себѣ ко онымъ не имѣютъ, или за скудость остроты неспособны быти видятся, оныхъ, изъ классовъ изъемше, къ тѣмъ художествамъ опредѣлять, къ которымъ природную склонность и охоту имѣютъ: ибо коль неразумно творять тѣ, которые отроковъ, нимающую остроту и ниже къ вышнимъ наукамъ склонность являющихъ, во оное вдаютъ и съ коликою ово ихъ самихъ, ово же государства тщетою сіе бываетъ, всѣмъ есть извѣсно.

47.

Да будетъ убо о всякаго остротѣ способной ко всякимъ наукамъ свѣдомо, купно же какъ учащихъ такъ и учащихся прилежность и усердіе да усмотрится, дважды же по вся годы уставлены суть испытанiя, то есть, единова весною и единова осенью, въ присутствіи собранiя академическаго и иныхъ ученыхъ людей, гдѣ слабые и къ вышнимъ наукамъ неспособные разумы отстаются, прилежные же и къ ученiямъ способные производитися будутъ.

48.

Которыхъ отъ ученiй удалившимся, или въ воинскую понти службу, или ко изученію другихъ хитростей приложитися охота будетъ, онымъ къ надлежащему ихъ обученію устроена да будетъ Академія художествъ, четырьмя художниками украшенная. Отъ сихъ первый въ 8 часѣхъ предъ полуднемъ, по полудни же во 2 арифметику, геометрію, тригонометрію, начала перспективы и архитектуру воинскую учить будетъ.

Вторый архитектуру гражданскую въ десятый часъ предъ полуднемъ и въ третій по полудни предавать имѣетъ.

Третій живописное художество показывать будетъ. Четвертый изъ ваятельнаго художества и рѣзного и дѣланiя разныхъ модѣлей, (которые учащимся Архитектуры во первыхъ нужны суть) юношество обучать имѣетъ.

49.

А понеже и художество рисованiя ученымъ хотя не много ползу приноситъ, однакоже великимъ есть украшеніемъ, того ради и тѣ, которые въ науки отдаются, и тому ученію прилежать, на сіи часы,

живописному художеству опредѣленныя, приходити будутъ, обаче больше въ томъ упражняться не имѣютъ, неже елико ученія допустить могутъ.

50.

Хотя въ настоящемъ времени Академіи наукъ съ гимназіемъ и Академіею художествъ слученіе нѣкако имѣется; однако впредь когда Семинарія и школы добръ устроятся и обученныя въ нихъ разумы произведутся, сія отъ оныхъ весьма отдѣлятца, и въ разные собранія, то есть, нижніе школы составятся: того для расходы, который нынѣ на нижніи школы имѣютъ употреблены быть, оныи впредь на употребленіе Академіи возмуться, которыя яко особливо на возвращеніе и всемѣрное размноженіе наукъ, сердцамъ юношей всѣяться имущихъ, отъ Державнѣйшаго Императора учреждена есть, всѣмъ извѣстно.

51.

Но да учащихся и учащихся умы иногда отъ трудовъ опочинуть и прохладятца, трои повсягодно генеральныи отъ трудовъ вокаціи (престанія) уставлены, въ которыи ни собраніямъ, ни училищнымъ коллегіямъ должность предлежать имѣетъ; тоя-же празностію (гуляніемъ) и въ школахъ какъ учашии, такъ и учашиися потешены будутъ. Первая ваканція заключатися будетъ страстною, яже предъ Пасхою, и свѣтлою, яже по Пасхѣ, недѣлями; вторая имѣетъ быть въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, и въ недѣлю по Рождествѣ; третія въ каникулярныи дни.

2.

Инструкція, по которой должны поступать профессоры и прочія канцелярскіе служители.

Каждый Академическій членъ долженъ честь и пользу Академіи охранять и ничего того не оставлять, что къ распространенію наукъ служить можетъ.

Сего ради долженъ онъ въ наукахъ прилежно упражняться, о томъ, что въ оныхъ уже найдено, разсуждать, оное свидѣтельствовать и тшаться исправлять. Также и о томъ стараніе имѣлъ, чтобъ онъ чрезъ свое прилежаніе, ежели можно, нѣчто новое изобрѣлъ, съ учеными людьми корресподенцію имѣлъ и все бы вѣрно сообщалъ.

Онъ долженъ во всѣхъ еже и отдѣльныхъ конференціяхъ безотлучно присутствовать, какая бы матерія въ оныхъ предложена не была, ежели онъ въ томъ важнаго препятствія имѣть не будетъ.

Конференціи имѣютъ на Академическихъ членовъ раздѣлены быть, и о томъ надлежитъ порядочную роспись имѣть, дабы всякъ зналъ, что и когда кому предлагать надлежитъ.

Понеже всякъ Академическій членъ довольное время имѣеть, то долженъ онъ свою диссертацию по возможности исправно сочинить, и оную за недѣлю или, ежели можно, то еще и прежде секретарю или, въ его небытность, его адъюнкту отдать, который оную въ надлежащее время членамъ сообщить имѣеть.

Ежели случится, что какая піеса ради ея пространства на одной конференціи окончена быть не можетъ, то можно оную въ другой конференціи вмѣстѣ съ слѣдующею піесою довершить, или, ежели отъ того въ конексіи помѣшательства не будетъ, надлежитъ оную до другаго времени отложить; однакоже въ семъ окуратно поступать надобно, но дѣлать то, что способно учиниться можетъ.

Какъ по Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу которому-нибудь изъ членовъ дано будетъ какое дѣло, до его науки касающееся, о которомъ членъ извѣстно будетъ, что онъ то дѣло разумѣть или разумѣть долженъ: то имѣеть онъ оное по своей возможности съ охотою исполнять.

Ежели кто изъ членовъ въ старыхъ или новыхъ книгахъ нѣчто примѣчанія достойное найдетъ, то имѣеть онъ оное сообщать, чтобъ оно или при коментаріяхъ или особливо напечатано было.

Всякъ изъ членовъ долженъ о своей наукѣ книгу сочинить, или какую особливую матерію описать и оное въ печать производить.

Когда до кого изъ нихъ придетъ порядокъ въ публичной Ассамблеѣ слово имѣть, то долженъ оной заданную ему матерію прилежно и тщательно сочинить.

Секретарь долженъ диссертациі отъ членовъ принимать, оныя въ журналѣ записывать и для переписанія копіи съ оныхъ диссертациі отдавать, оныя копіи надлежащимъ членамъ сообщать, тѣ разсужденія, которыя въ конференціяхъ о упомянутыхъ диссертацияхъ учинены будутъ, или самъ или чрезъ своего адъюнкта записывать, сію записку въ слѣдующей конференціи опять прочитывать; ежели за потребно разсуждено будетъ, въ коментарія вносить; еще долженъ онъ посылаемыя къ иностраннымъ ученымъ людямъ писма принимать, оныя въ конференціяхъ прочитывать и вмѣстѣ съ сочиненными на оныя писма примѣчаніями въ тѣ книги вносить, въ которыхъ копіи содержатся, а потомъ, по полученіи указа, оныя писма въ надлежащія мѣста отсылать.

Въ небытность секретаря долженъ все сіе отправлять его Адъюнктъ.

Яко профессоръ, долженъ сей секретарь въ касающихся до него наукахъ столько молодыхъ людей обучать, сколько заблагоразсуждено будетъ и ихъ въ оныхъ наукахъ до возможнаго совершенства приводить. Также по всякій день кромѣ опредѣленныхъ конференціямъ по ... часовъ, публичныя лекціи имѣть и своихъ учениковъ вѣрно и прилежно обучать.

Императорская бібліотека имѣеть отворена быть по 4 дни въ недѣлю отъ 10 до 12 часа по утру, въ которую всякъ свободно приходить можетъ, а впредь никакія книги изъ оной выданы быть не имѣють, выключая обстоятельства, которые того конечно требуютъ, что оныя кому на малое время на домъ дать надлежитъ.

Также имѣеть и музеумъ содержана быть: ибо, ежелибы то всякому на домъ давать, кто чего требуетъ, тобъ могли въ краткомъ времени многія драгія вещи пропасть, или такъ испорчены быть, что они послѣ весьма негодными учинятся.

Ежели кто или къ приватнымъ или публичнымъ экспериментамъ какихъ вещей требуетъ, или кую нужду имѣеть, то долженъ Академической канцеляріи предлагать, отъ которой опредѣленіе учинено будетъ, чтобъ ему требуемое дано было, или, ежели того скоро учинить или требуемыхъ вещей получить невозможно, то будетъ отъ помянутой канцеляріи оное требующему объявлено; также и то показано будетъ, для чего оныхъ вещей получить невозможно, дабы онъ что-нибудь другое дѣлать могъ; а подъ тѣмъ бы видомъ, будто ничего получить не можно, времени напрасно не тратилъ. Ежели кто имѣеть такое дѣло, которое онъ же только одному президенту объявить хочетъ, то можетъ онъ съ тѣмъ у него свободно явиться.

Трезорье долженъ академическія деньги принимать и оныя по указамъ раздавать, о квартирахъ, дровахъ и свѣчахъ для академическихъ членовъ стараніе имѣть, и оное помянутымъ членамъ промыслять, или деньги за то давать, также и чрезъ купчинъ всѣ потребныя вещи покупать и о томъ исправной шеть содержать.

Россійскимъ и иностраннымъ канцеляристамъ, писарямъ и копистамъ надлежитъ по опубликованому Императорскаго Величества регламенту поступать.

Когда президентъ въ далномъ пути или внѣ города обрѣтается будетъ, то долженъ въ канцеляріи всегда одинъ изъ профессоровъ засѣданіе имѣть и публичныя дѣла вмѣстѣ съ бібліотекаремъ подписывать, что по классамъ и по третямъ раздѣлено быть имѣеть, а имянно въ первыхъ засѣданіе начнетъ:

Изъ 1 класы	Господинъ	профессоръ	Германъ.
» 2 — » — » — » — » — »			Билфингеръ
» 3 — » — » — » — » — »			Бекенштейнъ.
Изъ 1 класы	— » — » — » — » — »		Делиль.
» 2 — » — » — » — » — »			Дувернуа.
» 3 — » — » — » — » — »			Байэръ.
Изъ 1 — » — » — » — » — »			Лейтманъ.
» 2 — » — » — » — » — »			Бернуллій.
» 3 — » — » — » — » — »			Элоквенци.

Что до гимназія и до оныхъ школъ касается, которые заведены, для тѣхъ учениковъ, которые высокимъ наукамъ обучатся не будутъ, то имѣютъ оныя содержаны быть по апробованному проекту и по даннымъ инструкціямъ.

Переводчики должны все то переводить, что имъ изъ канцеляріи прислано будетъ.

Такожде должны художники, мастеровые и ремесленные люди по употребленію ихъ художества и ремесла, такожде по даннымъ имъ инструкціямъ въ ихъ дѣла поступать и то дѣлать, что имъ приказано будетъ. А ежели они не прилежны или упрямы явятся, то имѣютъ они безъ всякаго изыятія изъ жалованья выключены быть.

3.

Вѣдомость о книгахъ, имѣвшихся на лицо въ Академической книжной палатѣ къ 1733 году.

1. Комментаріевъ Академическихъ, 3 части, каждая по 2 р.
2. Россійскій переводъ, 1 часть, по 1 р.
3. Буксбаумова описанія травъ не весьма знаемыхъ, 3 части, по 1 р. 16 к.
4. Сокращеніе математическое, 3 части, цѣною 3 р.
5. Переводъ онаго сокращенія на русской языкъ.
6. Сокращеніе древней статской исторіи на нѣмецкомъ языкѣ, по 60 к.
7. Россійскій вексельный уставъ, по 20 к.
8. Морской пошлинный уставъ, по 25 к.
9. Пошлинный тарифъ, по 25 к.
10. Нѣмецкая грамматика для русскихъ, по 60 к.
11. Байера Музеумъ Синикумъ, по 2 р.

12. Россійскій и нѣмецкій лексиконъ, на обыкнов. бумагѣ, по 2 р. 50 к.
На писчей б. въ листъ, по 4 р.
На печатной б. большой руки въ четверть листа, по 2 р. 80 к.
13. Рѣчи академическія, на первомъ собраніи говоренныя, на лат. яз., по 40 к.
14. Рѣчи, на 2 собраніи говоренныя, на лат. яз., по 60 к.
15. Рѣчи, 1732 г. мая 6 говоренныя, по 50 к.
16. Разговоръ о движеніи земли, на франц. языкѣ, по 10 к.
17. Мирный трактатъ между Россійскою Имперіей и Персіей, по 5 к.
18. Расположеніе о учени Е. И. В. Петра Второго, на нѣмецк. языкѣ, по 15 к.
19. Русскій переводъ онаго, по 15 к.
20. Ъзда въ островъ любви, на русскомъ языкѣ, по 50 к.
21. Бекенштейнова геральдика, 2 части, 2 р.
22. Исторія о Японіи на русскомъ языкѣ, по 40 к.
23. Описаніе коронаціи Ея И. В. на нѣмецкомъ языкѣ, по 4 р.
24. Шрейберово разсужденіе о тѣлѣ и о движеніи, по 15 к.
25. Азбуки нѣмецкія и латинскія, по 4 к.
26. Трефуртово поученіе на день коронаванія Ея И. В., на нѣмецкомъ языкѣ, по 22 к.
27. Вѣдомости и примѣчаніе 1729, 1730 и 1731 годовъ.

Въ этой вѣдомости, подписанной контролеромъ Гоффманномъ, значится всего 16,220 экземпляровъ академическихъ изданій, цѣною на 20,550 р. 66 к.

4.

Резстръ съ имяннымъ описаніемъ должности и дѣйствительной каждого работы, трудовъ и исправленія академическихъ профессоровъ и протчихъ чиновъ служителей на 1737 годъ.

Профессоры: Совѣтникъ Юстицкій *Гольдбахъ* — секретаремъ при конференціяхъ, имѣетъ надзираніе надъ Архивомъ, сочиняетъ всякіе до академической корреспонденціи съ чужестранными учеными людьми касающіяся письма на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, онъ же самъ издаетъ математическія и другія до наукъ касающіяся дѣла и писма, и кромѣ академическихъ дѣлъ въ другія комисіи употребляется.

Делль, первый профессоръ астрономіи, имѣеть въ своемъ правленіи Обсерваторію, днемъ и ночью трудится въ астрономическихъ обсерваціяхъ и надъ генеральною картою Россійскаго государства, а нынѣ старается, чтобъ свой 21 января 1737 года поданной прожектъ о измѣреніи земли и поправленіи картъ Россійской Имперіи въ дѣйство произвести, и когда сіе начнется, то онъ потребныя къ его намѣренію астрономическія примѣчанія въ Россійскихъ провинціяхъ дѣлать будетъ.

Байеръ — профессоръ антиквитетовъ (древнихъ вещей); его должность въ томъ состоитъ, чтобъ греческія, римскія, а особливо ориентальныя древнія вещи и языки исправлять, трудится надъ исторію Его Величества блаженныя памяти царя Алексія Михайловича, а по окончаніи оныя исторію протчихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ равнымъ образомъ сочинять будетъ, а, окончавши, Ея Императорскаго Величества въ кабинетъ для опробаціи подастъ, сверхъ академическихъ коментаріевъ дѣлаетъ нынѣ диссертацию о, начатой китайской Лексиконъ будетъ продолжать; сверхъ того имѣеть смотрѣніе надъ гимназією, а въ наступающемъ году имѣеть публичныя лекціи давать.

Дювернуа, профессоръ анатоміи, дѣлаетъ анатомію надъ человеческими тѣлами и звѣрми, разсматриваетъ ихъ составы и тѣла, и, что найдетъ, о томъ дѣлаетъ описаніе и читаетъ въ собраніяхъ. Нынѣ пишетъ исторію о слонѣ, моржѣ и китѣ, на будущее лѣто тоже продолжать будетъ.

Крафтъ, профессоръ физики и экспериментальной теоретики, разсматриваетъ натуру размышленіями и частыми экспериментами, а дѣлаетъ на всякой день метеорологическія обсерваціи, вписываетъ въ книгу, а по учиненномъ собраніи—географіи математики и физики, также по совершеніи математики намѣрень онъ и другія части физики, то есть: гидростатику, гидравлику, оптику и катоптрику такимъ образомъ дѣлать, и со временемъ совершенную систему о физическихъ экспериментахъ писать; въ настоящемъ году имѣеть на всякой день по цѣлому часу публично о физикѣ читать и надъ примѣчаніями трудится.

Эйлеръ, профессоръ вышней математики, сочиняетъ высокія и остроумныя математическія вещи, которыя, по прочтеніи въ конференціи, издаются въ печать; трудится съ другими въ сочиненія географіи Россійскаго государства и дѣлаетъ партикулярныя карты, какія только нынѣ по тому примѣру сдѣлать можно, пишетъ вторую часть арифметики для гимназіи, а начатыя свои труды о статикѣ и анализѣ Инфіи уповаеть на будущей годъ совсѣмъ окончать, потому

имѣть давать публичныя лекціи о вышней математикѣ и надъ примѣчаніями трудится.

Вейбрехта, профессоръ физиологіи такъ же какъ и анатомикъ, занимается человѣческія и звѣринныя тѣла, всѣ ихъ части смотритъ и старается, какъ бы употребленіе ихъ сыскать, начатую свою десмологію, или описаніе о всѣхъ доннѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ лигаментахъ, въ скоромъ времени окончатъ надѣется, въ будущемъ году намѣренъ публичныя лекціи давать и надъ примѣчаніями трудится.

Аммонъ, профессоръ ботаники и историки, разсматриваетъ и описуетъ все, что въ трехъ частяхъ природы случается, а именно: звѣрей, травы, камни, минералы и всѣ Остъ-Индскія и Вестъ-Индскія семена, а которыя изъ Сибири, и Астрахани, и Казами присылаются, тѣ садитъ, а травамъ дѣлаетъ описаніе и рисунки. Нынѣ сочиняетъ книгу о 200 разныхъ травахъ, которыя въ Сибири, Астрахани и около тѣхъ мѣстъ растутъ, и сія книга началомъ травной исторіи всеа Россійскія Имперіи будетъ; онъ имѣетъ сію работу на будущій годъ продолжать, и притомъ публичныя лекціи давать и примѣчаніи писать.

Юнкеръ — былъ профессоръ политики, а 26 числа августа сего 1737 года отъ Академіи взятъ и употребленъ къ солянымъ дѣламъ.

Лоттеръ — былъ профессоръ элоквенціи, умеръ 1 апрѣля 1737 года.

Винцгеймъ, второй профессоръ астрономіи, повѣряетъ на шетѣ всѣ изъ чужихъ краевъ присылаемыя сюда астрономическія обсерваціи, и дѣлаетъ потребныя при обсерваторіи таблицы, сочиняетъ С.-Петербурхскія календари, пишетъ политическую географію и капитуль Россійскаго государства, на будущій годъ имѣетъ тоже дѣлать и притомъ съ другими будетъ стараться о приведеніи въ совершенство Россійскаго географическаго Лексикона, диктовать публичныя лекціи и надъ примѣчаніями трудится.

Гросса, профессоръ исторіи, исправляетъ исторію среднихъ и новѣйшихъ временъ, въ географическомъ департаментѣ содержитъ протоколъ, переводитъ съ французскаго на нѣмецкой и съ нѣмецкаго на французской языкъ, а особливо всякія до Россійской исторіи касающіяся писма на французской языкъ переводитъ; впредь будетъ тоже дѣлать, и притомъ съ другими надъ российскимъ географическимъ лексикономъ трудится, въ гимназіи по французски учитъ, и для оныхъ французскую грамматику пишетъ.

Гензіусъ, третій профессоръ астрономіи, въ обсерваторіи тѣже обсерваціи, которыя и господинъ Делиль, дѣлаетъ, и одинъ другому взаимно помогаетъ, а когда первой въ ночи, то другой днемъ астрономическія обсерваціи отправляетъ для того, что одному человѣку

сего дѣла исправить не возможно; впредь имѣть тоже дѣлать, а нынѣ пишетъ краткое собраніе астрономическихъ наукъ, на будущей годъ будетъ давать публичныя лекціи, и съ другими надъ примѣчаніями трудится.

Тидеманъ, нотариусъ, содержитъ подъ дирекцію Юстицкаго Совѣтника господина Гольдбаха въ конференціяхъ протоколъ, имѣетъ въ своемъ храненіи всѣ до наукъ касающіяся писма и диссертаци, сочиняетъ изъ нихъ экстракты и копіи пишетъ, а временемъ при учрежденныхъ отъ Правительствующаго Сената комисіяхъ за секретаря употребляется, и впредь ту же должность отправлять будетъ.

<i>Мессеръ</i> — канцеляристъ	} пишутъ на бѣло всѣ входящія и исходящія диссертаци и писма, и сверхъ того означенный канцеляристъ учитъ въ гимназіи по французски.
<i>Иберкамфъ</i> — копійстъ	

Федоръ Герасимовъ — сторожъ, топить печи въ конференціи и въ Архивѣ и на посылку къ профессорамъ употребляется.

Андрей Туповъ — сторожъ, топить печи въ экспериментальной полатѣ и въ дву подлѣ оныя обрѣтающихся каморахъ, помогаетъ профессору физики пневматическую англію воздухъ вытягивать, содержитъ сей инструментъ въ чистотѣ и употребляется на посылки.

Почетные члены: *Вольфъ* — профессоръ математики въ Марбургѣ.

Билфингеръ — тайный совѣтникъ въ службѣ Герцога Винтембергскаго.

Кинъ — профессоръ математики въ Данцигѣ.

Бернулли — профессоръ анатоміи въ Базелѣ.

Всѣ тѣ почетные члены Академіи имѣютъ съ нею къ большому приращенію наукъ всегдашнюю кореспонденцію, сообщаютъ ей всѣ свои въ наукахъ учиненные новые изобрѣтеніи, присылаютъ разные книги и всякія до наукъ касающіяся вещи, которыя напередъ въ конференціяхъ читаютъ, а потомъ въ коментаріи печатаютъ.

Адъюнкты и студенты: *Адодуровъ* — адъюнктъ профессора физики; его главное намѣреніе физику доканчивать, дабы со временемъ самому профессорскаго чина удостоится; для того онъ нынѣ въ сей наукѣ со всякимъ прилежаніемъ обучается и помогаетъ профессору Крафту въ экспериментахъ, перевелъ сокращенную механику на Россійской языкъ, а нынѣ переводитъ математику, сочиненную профессоромъ Эйлеромъ; свои труды читаетъ въ російскомъ собраніи, а притомъ слушаетъ всякихъ переводовъ, которыя другія читаютъ, и старается, чтобъ оныя переводы на російскомъ языкѣ исправно въ печать выходили; впредь будетъ всякія выходящія математическія и

физическія книги и вещи по руски переводить, и притомъ возможное тщаніе прилагать, дабы въ физической наукѣ въ большее совершенство притти, обрѣтающихся при Правительствующемъ Сенатѣ юнкеровъ обучаетъ по дважды въ недѣлѣ въ чтеніи и писаніи російскаго діалекта.

Вильде, докторъ медицины, адъюнктъ или помощникъ профессора анатоміи, обучается анатоміи, дѣлаетъ секцію надъ человѣческими тѣлами и звѣрскими трупами, такъ какъ настоящей профессоръ приготовляетъ всякія къ тому вещи, а наипаче въ остеологіи трудится, впредь будетъ публичныя лекціи давать.

Мишндъ — былъ адъюнктъ химіи, отошелъ отъ Академіи 10 июня 1737 г.

Мулльс, адъюнктъ профессора вышней математики, онъ себя по своей должности въ сей наукѣ въ совершенство производитъ, и для того къ профессорамъ часто ходитъ и съ ними надъ разными диссертациями трудится, впредь будетъ тоже дѣлать, и сверхъ того въ гимназіи геометрію учить.

Штеллингъ — упражняется по должности своей во всемъ, что касается до реторики, до стихотворной науки, до правильнаго писанія и до протчихъ къ тому надлежащихъ наукъ; нынѣ переводитъ онъ съ италіанскаго на нѣмецкой языкъ Марселіево: Военное состояніе Оттоманскія Порты, а впредь будетъ писать примѣчанія на вѣдомости.

Таубертъ, студентъ, опредѣленъ къ тому, чтобъ элоквенціи и лучшему стилю писемъ учиться; для того приказано ему къ профессору элоквенціи часто ходитъ и съ нимъ трудится; содержитъ въ російскомъ собраніи протоколъ, читаетъ въ ономъ свои собственные переводы, и въ исправленіи отъ другихъ предлагаемыхъ переводовъ свое мнѣніе объявляетъ. Перевелъ древнюю Азовскую исторію на російской языкъ, а нынѣ переводитъ Жизнь и дѣла принца Евгенія; впредь будетъ всякія до его знанія и науки касающіяся вещи и примѣчанія переводить.

Клейнфельтъ, студентъ, учится анатоміи, и для того на всякихъ секціяхъ присутствуетъ, профессору и адъюнкту анатоміи помогаетъ, и своимъ прилежаніемъ въ такое себя совершенство приводитъ, чтобъ со временемъ на мѣсто одного изъ оныхъ употребленъ быть могъ.

Бремъ — обращается больше въ наукахъ, украшающихъ разумъ, и въ письменной исторіи, трудится въ бібліотекѣ и сочиняетъ каталоги, содержитъ журналъ книгамъ, которыя онъ же раздаетъ и назадъ получаетъ, правитъ притомъ должность корректора, и въ настоящемъ году будетъ примѣчанія писать.

Рикманъ, студентъ, учится математическимъ наукамъ, а особливо механикѣ и физикѣ и ходитъ того ради на лекціи у профессора физики, помогаетъ ему при дѣланіи экспериментовъ, также и самъ разные до оныхъ наукъ надлежащіе опыты дѣлаетъ, кромѣ оныхъ диссертациі, которыя онъ Академіи подавать имѣеть, будетъ онъ еще и примѣчаніи на вѣдомости писать.

Россійское собраніе: Каморъ Конторы совѣтникъ *Эмме* — упражняется въ переводахъ, и бываетъ трижды въ недѣлѣ въ россійскомъ собраніи, читаетъ свои труды, или чтенія другихъ переводовъ слушаетъ и въ поправленіи оныхъ помогаетъ; перевелъ математическую и физическую географію и Шрейдерову шацъ-камору, а нынѣ переводитъ военную книгу, называемую Флеминговъ совершенный солдатъ, которую всѣ въ военныхъ дѣлахъ искусные люди весьма апробуютъ; какъ скоро указы напечатаются, то онъ сдѣлаетъ полной имъ реэстръ и будетъ трудиться надъ примѣчаніями.

Тредіаковскій, секретарь, его должность также въ переводахъ и въ присутствіи при россійскомъ собраніи состоитъ, при чемъ онъ свои труды читаетъ и другихъ переводы слушаетъ; онъ перевелъ съ французскаго языка Марсиліеву книгу: О военномъ состояніи Порты Оттоманской; нынѣ оканчиваетъ переводъ татарской исторіи, а впредь во всякихъ переводахъ съ французскаго на россійской языкъ трудиться будетъ.

Керъ *), профессоръ оріентальныхъ языковъ, при иностранной коллегіи, а въ Академіи всякія на помянутыхъ языкахъ случающіяся дѣла переводитъ, онъ же перевелъ исторію о Албухазинахъ съ татарскаго оригинала. Нынѣ трудится надъ другимъ изряднымъ татарскимъ манускриптомъ (рукописною книгою) Бабунайметъ, турецкую исторію, которой еще никогда въ печати не бывало, и оную на латинской языкъ переводитъ; что всѣмъ ученымъ и до оріентальныхъ древнихъ книгъ охоту имѣющимъ людямъ весьма пріятно будетъ; еще сочинилъ онъ каталогъ о 4000 древнихъ татарскихъ монетахъ, которыя изъ земли выкопаны, и нынѣ въ кунстъ-каморѣ хранятся, а впредь тоже дѣлать и въ переводахъ трудится будетъ.

Горлецкій — переводитъ съ латинскаго и французскаго на россійской, а съ русскаго на оба помянутыя языки, имѣеть особливую работу при географическомъ департаментѣ, и сверхъ того перево-

*) По проекту новаго штата въ 1736 году предположено было къ 3-му классу Академіи прибавить профессора восточныхъ древностей, потому что «ради соседства и великаго союза восточныхъ народовъ съ нами, о семъ ученіи паче всѣхъ прочихъ стараться надлежитъ».

дѣтъ нынѣ весьма старую хронику російской исторіи, которая при другихъ русскихъ книгахъ приобщена будетъ.

Ильинскій — былъ переводчикомъ. Умеръ 20 марта 1737 году.

Толмачевъ — переводчикъ; всякія изъ Сибири, Казани, Астрахани и другихъ дальнихъ мѣстъ присылаемая сюда метеорологическія обсерваціи на латинской языкъ переводить; онъ же перевелъ Россійскую старую хронику по латыни, и впредь такимъ же образомъ трудиться будетъ.

Волчковъ, секретарь, употребляется въ переводахъ, бываетъ съ вышеозначенными въ Россійскомъ собраніи; по переводъ Скиѣской исторіи, трудится нынѣ надъ древнею хроникой, которая къ російскимъ книгамъ впредь присовокуплена быть имѣтъ. Онъ же переводитъ русскія вѣдомости, впредь будетъ то же дѣлать, и надъ примѣчаніями трудится.

Кононъ Даниловъ — сторожъ, топять печь въ Россійскомъ собраніи, употребляется на посылки.

Гимназія: *) *Шмитъ*, танцмейстеръ, поѣхалъ въ свое отечество въ Прусію, на его мѣсто принятъ Христіанъ Ландъ, которой при гимназіи обрѣтающихся молодыхъ людей шесть часовъ въ недѣль танцовать учить.

Фишеръ, ректоръ латинской гимназіи, его должность состоитъ въ надзираніи за учителями латинскихъ классовъ, дабы отъ нихъ чего упущено не было, самъ онъ учить молодыхъ людей перваго класса въ штилѣ и реторикѣ, толкуетъ имъ наитруднѣйшихъ авторовъ, а имянно Іулія Цесаря, Светона, Цицероновы писма и ораціи, Овидіевы метаморфозы и Виргиліевы дѣла, изъясняетъ имъ греческія и римскія древнія вещи, учить ихъ поэзіи, политической исторіи и ге-

*) Въ 1733 году показывались при гимназіи: Фишеръ — проректоромъ; Миллеръ, Швенвицъ, Шмитъ, — учителями (тѣхъ же предметовъ что и въ 1737 году); Георгъ *Стликъ* названный *подмастерья* нѣмецкаго языка; Декомбель — учитель франц. языка; Лурсеніусъ — шрейбейстеръ. По новому академическому штату при гимназіи предполагалось имѣть: ректора въ классѣ латинскомъ, нѣмецкаго ректора и вмѣстѣ инспектора надъ семинаріей, проректора, конректора, двухъ учителей латинскаго языка, одного — нѣмецкаго, шпрахмейстера французскаго и итальянскаго, *шпрахмейстера* російскаго языка, танцмейстера, рисовальщиковъ и 4 префектовъ; «понеже, — сказано въ проектѣ, — при академіи семинаріумъ учреждается, въ которомъ юношество по наилучшимъ средствамъ такъ обучено быть имѣтъ, что оное оттуда до вышнихъ наукъ произойти можетъ, того ради академія принуждена число бывшихъ по нынѣ при гимназіи учениковъ нѣсколькими персонами приумножить.» Число учениковъ при гимназіи не означено въ штатѣ, — а въ наличности показанъ только одинъ «Кейзеръ при гимназіи дисципулъ». Въ 1741 году показано было двое семинаристовъ и пятеро солдатскихъ дѣтей въ обученіи при гимназіи.

ографіи. Кромѣ своей школьной должности переводить съ русскаго на нѣмецкой и латинской языкъ разныя къ русскому собранію принадлежащія вещи. А нынѣ профессоромъ Керомъ переведенную Татарскую Исторію въ чистой нѣмецкой стиль приводитъ, впредь будетъ школьную свою должность исправлять и при другихъ переводахъ надъ примѣчаніями трудится.

Мерлингъ, проректоръ, учить молодыхъ людей стилю, толкуетъ имъ латинскихъ авторовъ простою и связною рѣчью, обучаетъ исторіи и географіи и приготовляетъ своихъ учениковъ къ вышнимъ классамъ, кромѣ школьной должности обязанъ онъ переводить съ швецкого и финского на нѣмецкой или латинской языкъ, а ежели что на швецкомъ или финскомъ языкѣ печатается, то онъ дѣлаетъ корректуру, нынѣ переводитъ новой, апробованной швецкой уставъ, которую работу и впредь продолжать будетъ.

Геллертъ, конректоръ, его должность такъ же какъ предъидущаго въ томъ состоитъ, чтобъ исторіи, географіи и сверхъ того логикѣ учить и такъ своихъ учениковъ въ наукахъ готовить, что ежели они въ профекторской классѣ произведены будутъ, то бы большую пользу отъ него получать могли, кромѣ школьной должности повиненъ онъ изъ старыхъ книгъ экстракты дѣлать, и оныя Академіи предлагать, а впредь будетъ надъ примѣчаніями трудиться.

Миллеръ, учитель, обрѣтающимся у него латинскаго языка ученикамъ толкуетъ легкаго латинскаго автора, приказываетъ и дѣлать эксерциціи, показываетъ имъ начальные регулы въ исторіи и географіи, а и впредь тоже продолжать будетъ, притомъ еще долженъ онъ все то исправлять, что ему приказано будетъ.

Шванецъ, ректоръ нѣмецкой гимназіи, имѣетъ надзираніе надъ учениками нѣмецкого языка, и самъ какъ по нѣмецки такъ и по руски ихъ учить, кромѣ своей школьной должности и къ переводамъ употребляется; по переведеніи Лангсовыхъ разговоровъ трудится нынѣ надъ переводомъ школьной книги Сейболди, читаетъ свои дѣла въ Россійскомъ собраніи, а притомъ и другихъ чтенія слушаетъ; впредь будетъ тоже продолжать и надъ семинаріею, которая со временемъ построится, смотрѣніе имѣть.

Германъ, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, учить своихъ учениковъ фундаментнымъ регуламъ латинскаго языка, велитъ имъ съ латинскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на латинскій языкъ переводить, обучаетъ правописанію, арифметикѣ, кромѣ своей ordinarily работы учить изъ Москвы прибывшихъ сюда учениковъ по нѣмецки, все ему отъ Академіи присылаемыя вещи на бѣло переписываетъ.

Потанскій, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, обучаетъ учениковъ средняго и нижняго класса въ латинскомъ чтеніи, а съ обрѣтающимися въ вышнемъ классѣ повторяетъ нѣмецкую грамматику, твердитъ географію и правописанію учить, а впредь тоже дѣлать будетъ.

Лангъ, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, уволенъ отъ Академіи 22 августа 1737 года.

Эстерманъ — четвертой учитель въ нѣмецкой гимназіи; его должность новопришедшихъ учениковъ писать, читать и арифметикѣ учить, съ чужестранными катехизмъ читать, а впредь тоже дѣлать будетъ.

Руйнатъ — учитель, обучаетъ учениковъ французскому языку, а впредь тоже продолжать будетъ.

<i>Степанъ Шишковъ</i>	} сторожами при гимназіи, содержатъ гимназію въ чистотѣ и каждой изъ нихъ по три печи топить.
<i>Михайла Машаровъ</i>	

Шварцъ — сторожъ при гимназіи относитъ приказъ обрѣтающагося при гимназіи директора къ ректорамъ и учителямъ, а отъ нихъ репорты къ помянутому директору носить.

Нѣмецкая Типографія: *Кевицъ* — наборщикъ, отшелъ отъ Академіи 24 мая 1737 года.

Розе — наборщикъ, нынѣшній годъ набиралъ Военной Регламентъ, нѣмецкой календарь, стихи иллюминаціямъ и фейверкамъ и всякія вѣдомости военныя.

<i>Герасимъ Ивановъ</i>	} У становъ печатныхъ приставленныя батырщики и терегорщики.
<i>Михайла Кондаровъ</i>	
<i>Степанъ Воротниковъ</i>	
<i>Петръ Гавриловъ</i>	
<i>Никита Поляновъ</i>	
<i>Яковъ Морозовъ</i>	
<i>Никита Савиновъ</i>	

Руская Типографія: *Федоръ Степановъ* — корректоръ; его должность набирать, исправлять; только онъ нынѣ за старостію худо видитъ и для того ничего больше дѣлать не можетъ кромѣ того, что за тередорщиками, наборщиками смотритъ, ихъ къ работѣ принуждаетъ.

Иванъ Сидоровъ — наборщикъ, набираетъ нынѣ книгу Истинную Политику знатныхъ и благородныхъ особъ.

Козма Маламаховъ — набираетъ Марселіеву книгу о Военномъ состояніи Порты Оттоманской.

Леонтей Васильевъ — наборщикъ, набиралъ Флоринову генеральскую экономію.

Андрей Богдановъ — былъ тередорщикъ, а нынѣ употребляется на посылку ко всѣмъ художникамъ, ремесленнымъ и мастеровымъ людямъ для спрашиванія, какъ называютъ ихъ инструменты и прочіе въ ихъ ремеслахъ употребляемыя вещи, и ради увѣдомленія о ихъ всякимъ художествамъ свойственнымъ рѣчамъ и именованіямъ, которые онъ всѣ записываетъ, также изъ нѣкоторыхъ напечатанныхъ книгъ выбираетъ техническіе термины и другія разнымъ ремесламъ свойственныя имена, дабы оныя въ переводахъ и въ рускомъ лексиконѣ, который со временемъ напечатается, съ пользою употребить.

Яковъ Михайловъ — батырщикъ.

Галактіонъ Чижевъ — наборщикъ, собираетъ указы съ 1722 года.

Петръ Степановъ — наборщикъ отпущенъ нынѣшняго году.

Лука Духановъ

Миронъ Ороловъ

Сергій Луковниковъ

} Батырщики при станахъ.

Въ нынѣшнемъ году въ обѣихъ типографіяхъ набрано и печатано кромѣ вѣдомостей.

Уложеніе	»	»	»	4000	экземпляровъ
Исторія Азовская	»	»	»	500	экземпляровъ
Военный Регламентъ	»	»	»	1200	экземпляровъ
Замлункъ, Собраніе всякихъ до Россійской исторіи принадлежащихъ извѣстій	»	»	»	1200	экземпляровъ
Зигизбекъ программа медико-ботаническая	»	»	»	225	»
Опера на рускомъ и итальянскомъ діалектахъ	»	»	»	400	экземпляровъ
Нѣмецкой календарь	»	»	»	2200	экземпляровъ
Руской календарь	»	»	»	5200	»

Стихи иллюминаціямъ и фейерверкамъ, всякія вѣдомости военныя.

Нынѣ печатается:

Академическихъ комментаріевъ часть 5.

Зигизбекъ Сконографія (иконографія?) ботаническая.

Беэръ Гисторія Бактріана.

Арифметика на рускомъ діалектѣ.

Разговоры на латинскомъ, рускомъ, французскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ.

Механика въ рускомъ діалектѣ.

Марселіево описаніе о состояніи Оттоманской Имперіи.

Указы отъ 1722 года.

Гисторія Азовская на рускомъ и нѣмецкомъ.

Флоринова генеральная экономія.

Книжная лавка: Кланнэръ—факторъ, его должность чтобъ книжную лавку въ добромъ порядкѣ содержать исправно, реэстръ о получаемыхъ изъ чужихъ краевъ и здѣшняго выходу книгахъ имѣть о входящихъ и исходящихъ книгахъ по данной ему формѣ вѣрный щетъ содержать, съ чужестранными книгопродавцами корреспондовать, листы изъ Типографіи принимать и приказывать, чтобы оныя порядочно собраны и въ укладку положены были.

Прейсеръ—бухгалтеръ, въ небытность фактора всю его должность отправляетъ, а особливо содержитъ слѣдующія книги: 1) главную, 2) расходную, 3) купеческую, 4) и черную журнальную книгу.

Сервелиусъ—служитель книжной лавки, обрѣтается у приниманія листовъ изъ друкаренъ, складываетъ ихъ въ мѣсто, здѣшняго выходу книги для отправленія въ чужіе края относить въ Таможню, а сюда приходящія чужестранныя книги приносить изъ Таможни въ книжную лавку, помогаетъ щоты и другія случашіяся дѣла на бѣло писать.

Герbstъ былъ при Академіи купчиною, умеръ.

Нынѣ въ книжной лавкѣ чужестранныхъ книгъ на 8320 р.

Здѣшняго выходу на " " 33,958.

Словолитня: Купій,—медальеръ, дѣлаетъ понсы и контра-понсы на слова, рѣжетъ математическія и другія фигуры, также виньеты, узлы и протчія къ печатанію книгъ потребныя вещи на мѣди и деревѣ дѣлаетъ, переплстчику стемпели, а постороннимъ людямъ рѣжетъ печати, и за то получаетъ отъ нихъ особливую плату; а нынѣ имѣетъ на рукахъ академическую работу.

Битнеръ — мастеръ всѣ отъ вышеозначеннаго Купіи заготовляемые понсы въ матрицы передѣлываетъ и формы въ такое состояніе приводитъ, чтобъ выливаемые слова ровны и гладки были; при чемъ онъ самъ льетъ и шлейфуетъ, а другихъ словолитцовъ и шлейфовальщиковъ къ работѣ принуждаетъ.

Максимъ Зараевъ }
Иванъ Гавриловъ } Словолитцы.
Гаврила Рудаковъ }
Иванъ Дмитріевъ }

Въ нынѣшнемъ году сдѣлано:

понсы	»	»	»	179	} штукъ.
печатей рѣзано	»	»	»	7	
мѣдныхъ узловъ	»	»	»	45	
литеръ изъ дерева	»	»	»	174	
разныхъ литеръ литыхъ	»	»	»	2506 ³ / ₄ Ф.	
матриць	»	»	»	221	

Переплетная палата: *Кринендорфъ* переплетнаго дѣла мастеръ, его должность не токмо надъ учениками смотрѣть, но и самому работать.

Браунсъ
Пасторъ
Веннебургъ } подмастерья, и притомъ все то дѣлають, что имъ отъ мастера дано и приказано бываетъ.

въ нынѣшнемъ году переплетено:

въ французскомъ переплетѣ	»	»	1036	} книгъ
въ италянскомъ переплетѣ	»	»	371	
въ простомъ переплетѣ	»	»	5209	
въ золотомъ морѣ и тавтѣ	»	»	132	
въ футлярахъ	»	»	12	
круговъ изъ золотой бумаги для стрѣлянія при дворцѣ	»	»	97	

Двѣ ландкарты большихъ положены на полотнѣ.

Фигурная палата: *Кейлеръ* — подмастерье, имѣеть смотрѣніе надъ работниками; приготовляетъ краску на портреты; когда на пресахъ печатають, то онъ при томъ бываетъ, а въ свободные часы долженъ рисовать или грыдировать, смотря по времени, что нужнѣе.

Петръ Герасимовъ

Иванъ Тихоновъ

Родионъ Козминъ

Карлъ Сергѣевъ

Козма Семеновъ

Дорофей Петровъ

Федоръ Кириловъ

Сергій Петровъ

Федоръ Погребовъ

Алексій Васильевъ

Алексій Артемьевъ

Сава Васильевъ

Григорій Матвѣевъ

Иванъ Семеновъ

Осипъ Семеновъ

работники, которыя доски шлейфуютъ, кладутъ на связки пресъ, тиснять и стирають.

Въ нынѣшнемъ году печатано при фигурной

палатѣ—портретовъ и протчаго	»	27297	} штукъ.
Доски въ разныхъ форматахъ шлифовано	»	192	

Художники и мастерские люди:

Шеслеръ — архитекторъ, отпушенъ въ нынѣшнемъ году.

Гзелъ — съ женою — оба живописному мастерству искусны, мужъ рисуетъ и всякія данныя ему живописныя вещи на маслѣ и на водѣ растворенными красками пишетъ и учениковъ въ гимназіи рисовать учитъ.

А жены его должность въ томъ состоитъ, чтобъ всякія въ кунсть-каморѣ обрѣтающіяся самородныя и куріозныя вещи водяными красками списывать, которую работу оба они нынѣ исправляютъ и впредь тожъ дѣлать будутъ. Гзель за старостію отъ гимназіи уволенъ, а тамошнюю его должность отправляютъ обрѣтающіеся при гимназіи ученики.

Унфорцахтъ — грьдоровальный мастеръ, по силѣ своего обязательства, рѣжетъ на мѣдныхъ доскахъ и инструментахъ всякія потребныя слова и письма, а особливо ландкарты, нынѣ грьдоруется на мѣди придворной нѣмецкой календарь, а по окончаніи оногo будетъ форшрифты (прописи) и ландкарты на мѣди рѣзать.

Коровякъ — слѣсарь, куется грьдоровальныя доски, дѣлаетъ литейныя формы, желѣзо на понсы и мѣдъ на матрицы, готовитъ жестыя линіи и всякую починку у пресовъ исправляетъ.

Вортманъ — грьдоровальный мастеръ, онъ по своей должности надъ прочими грьдоровальщиками надзираніе имѣетъ, также портреты, проспекты ландшафты и анатомическія фигуры на мѣди рѣжетъ, а не надобное заглаживаетъ и вычищаетъ; нынѣ грьдоруется портретъ Ея Императорскаго Величества вышиною въ 1 аршинъ, а шириною въ полъаршина.

Бруинеръ, механикъ, вымышляетъ и дѣлаетъ всякія модѣли, машины и инструменты, ландкарты и глобусы, рѣжетъ на камнѣ, и учениковъ тому же обучаетъ, нынѣ имѣетъ надзираніе надъ шлейфовальной мельницею въ Петергофѣ, и старается, чтобъ оную въ доброе состояніе привести.

Фричь, столяръ, дѣлаетъ въ типографіи пресы, ящики, на слова доски, задвижки и другія вещи, а ежели ему свободное время есть, то и въ кунсть-каморѣ всякую нужную работу исправляетъ; нынѣ дѣлаетъ печатной пресъ и къ тремъ палатамъ кунсть-каморѣ панель, а зимою будетъ работать достальныя въ кунсть-каморѣ поставцы.

Гановеръ — подмастерье при оногмъ столярѣ, и дѣлаетъ все то, что ему приказано будетъ.

Неэръ — часоваго дѣла мастеръ, работаетъ въ инструментальной палатѣ все, что до его профессіи принадлежитъ, а особливо колесы и шурупы, починиваетъ часы, квадранты и другія астрономическіе инструменты; нынѣ работаетъ на обсерваторіи при астрономическихъ часахъ.

Вейэръ — циркульной мастеръ дѣлаетъ футлары съ математическими инструментами, а въ мастерскихъ палатахъ потребныя инструменты и другія вещи; нынѣ отдѣлываетъ математическій футраль по присланному изъ Англіи модѣли.

Тевнигъ — часовой мастеръ, отпушенъ октября 31 числа 1737 года.
Федоръ Самойловъ } Столярные ученики помогаютъ своему мастеру
Федоръ Григорьевъ } всякую работу дѣлать.

Ученики: *Матис-Андрисъ* — при механикѣ шлейфуетъ стекла и починиваетъ математическіе инструменты, а нынѣ надъ сниманіемъ С.-Петербургскаго плана трудится.

Грыдоровальные ученики: *Матерновій* — ученикъ при грыдоровальщикѣ Вортманѣ рѣжетъ, выглаживаетъ на мѣди всякую работу, а имянно, портреты, ланшавты и другія вещи, кромѣ литеръ, нынѣ отдѣлываетъ портретъ блаженныя памяти Его Величества царя Іоанна Алексѣевича, ввечеру срисовываетъ древнія медали и монеты изъ кунстъ-камеры и по порядку учениковъ въ гимназіи обучаетъ.

Григорій Качаловъ — тоже дѣлаетъ; и нынѣ трудится надъ портретомъ блаженныя памяти царя Θεодора Алексѣевича.

Иванъ Соколовъ — тоже дѣлаетъ, а нынѣ трудится новый портретъ блаженныя памяти государя царя Алексія Михайловича, понеже первымъ печатать уже невозможно.

Франуз Беренузъ — все тоже дѣлаетъ, что и вышеписанныя только кромѣ портретовъ, вмѣсто которыхъ грыдоруетъ ландкарты, а по вечерамъ рисуетъ.

Григорей Абумовъ — дѣлаетъ ланшавты, механическія и анатомическія фигуры и трапы, рѣжетъ слова, а нынѣ трудится надъ букв. В. пентурія V.

Андрей Поляновъ — тоже дѣлаетъ.

Друкарня: *Авонасій Кошаровъ*, наборной ученикъ, набираетъ по русски, по нѣмецки, по латыни и по французски, а нынѣ трудится при наборѣ Россійской механики.

Михайла Кошаровъ — тоже умѣетъ, набираетъ нѣмецкія вѣдомости, также латинскія, русскія, нѣмецкія и французскія разговоры.

Михайла Яковлевъ — ученикъ при наборѣ книгъ на російскомъ и чужестранныхъ языкахъ, а нынѣ набираетъ арифметику для гимназіи.

Семенъ Горловъ — набираетъ нѣмецкія вѣдомости и вышепомянутые разговоры.

Артемей Остафьевъ — тоже дѣлаетъ.

Тимофей Петровъ — кромѣ ординарныхъ вѣдомостей всѣ на російскомъ языкѣ одинъ набираетъ, а нынѣ помогаетъ набирать указы 1722 года.

Михаила Ананинъ, при вѣдомостной работѣ, набираетъ, указы 1714 года.

Переплетнаго дѣла: *Василей Кумиковъ* — отпушенъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Паладій Ивановъ } Ученики планируютъ, то есть намочиваютъ печатные листы съ клѣмъ вареною водою, згибаютъ по нумерамъ, уколачиваютъ, сшиваютъ, обрѣзываютъ и дѣлаютъ связки.
Егоръ Моклевъ }

Инструментальная палата: *Василей Ивановъ*, дѣлаетъ геометрическія и физикальные инструменты,—а именно: остролябии, циркули, линіалы, транспортиры, компасы, солнечныя часы, насосныя трубы, дѣлаетъ нынѣ съ другими для отправленія къ тайному совѣтнику господину Татишеву въ Катеринбургъ геометрическія и протчія инструменты.

Семенъ Суворовъ — былъ прежде сего у инструментальнаго мастера, а понеже понятія и охоты къ тому не имѣлъ, то отданъ въ словолитню, гдѣ онъ нынѣ вылитыя слова шлейфуетъ.

Петръ Бальнинъ — дѣлаетъ всякіе геометрическіе инструменты, а именно: квадранты, астролябии, транспортиры, пропорціоналы, циркули, притомъ знаетъ и раздѣляетъ.

Александръ Овсянниковъ — изъ молодыхъ, учится часы и принадлежащія къ тому колесы дѣлать, линіалы, компасы и другія вещи.

Якимъ Терентіевъ — недавно началъ учиться, дѣлаетъ циркули.

Михайла Махаевъ — рѣжетъ на мѣди и инструментахъ всякія слова, нынѣ дѣлаетъ Россійской придворной календарь, и грыдоруетъ на мѣдной доскѣ къ Марсиліевой книгѣ принадлежащія слова и надписи.

Иванъ Бьялевъ — стеклянныхъ дѣлъ шлейфовальщикъ, шлейфуетъ всякія оптическія и катоптрическія стекла, а именно: очки, зрительныя трубки, микроскопіи, барометры, термометры, и все, что до экспериментовъ физическаго профессора и метеорологическихъ обсервацій касается; нынѣ дѣлаетъ микроскопіи, барометры и термометры для Камчатской экспедиціи.

Андрей Бьялевъ, шлейфовальный ученикъ, всякія стекла какъ и прежней шлейфуетъ.

Словолитня: *Авонасій Власовъ* ученикъ, слова льетъ, гренируетъ и шлейфуетъ.

Александръ Ивановъ — учится словолитному и кузнечному, рѣжетъ большія и начальныя слова на деревѣ.

Федоръ Поляновъ — рѣжетъ и гренируетъ.

Матвѣй Ивановъ — тому же имѣетъ.

Мартинъ Купій — рѣжетъ слова, узлы и виньеты на деревѣ, на зеленой мѣди, дѣлаетъ понсы и контрапонсы.

Николай Купій — рѣжетъ слова на мѣди и на деревѣ.

При гимназій ученики: *Пештъ*—ученикъ, учится латинскому, русскому и нѣмецкому языку, дабы могъ со временемъ въ переводъ употребленъ быть.

Козъ — отошелъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Родіонъ Корелинъ — по желанію и склонности своей отданъ учиться переплету книгъ.

Александръ Каламаровъ — отпушенъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Андрей Нестеровъ — нынѣ обрѣтается въ русской Типографіи.

Иванъ Барышниковъ — у рисованія, имѣетъ къ сему дѣлу изрядную способность, понятіе и охоту, а нынѣ опредѣленъ къ рѣзанію на камнѣ.

Степанъ Сорокинъ — также у рисованія.

Яковъ Треусовъ — учится книжной комерціи.

Иванъ Васильевъ — въ словолитнѣ.

Алексій Грековъ — у рисованія, а нынѣ учится грядоровать.

Иванъ Лебедевъ — учится книжной комерціи.

Андрей Комбаровъ — при словолитнѣ.

Яковъ Нечаевъ — при живописномъ дѣлѣ.

Библіотека, канцелярія и кунстъ-камора:

Шумахеръ, библіотекаръ, имѣетъ смотрѣніе надъ библіотекою и кунстъ-каморою и всему, что во оныхъ находится, содержитъ обстоятельную роспись, также и о томъ старается, чтобъ небреженіемъ какимъ что испорчено не было; показываетъ тѣмъ, которые хотятъ кунстъ-камору видѣть, все, что находится въ ней примѣчанія достойнаго, изъясняетъ въкратцѣ оныя вещи; теперь готовитъ онъ къ печати особливья катологи, а кромѣ того имѣетъ еще въ канцеляріи надзираніе и помогаетъ во всемъ президенту.

Медеръ, секретарь, при отправленіи своей должности имѣетъ надзираніе надъ приходомъ и расходомъ денежной казны, и смотритъ, чтобъ щеты порядочно и исправно ведены были.

Гофманъ, актуаріусъ, содержитъ нѣмецкую канцелярію, протоколъ въ порядкѣ, а въ отсутствіи секретаря отправляетъ его должность.

Киснеръ, лекарь, пользуется больныхъ академическихъ служителей, иногда самъ, а временемъ подъ дирекцію другаго доктора или лекаря, а сверхъ того при случающихся анатоміяхъ и секціяхъ присутствуетъ.

Фелтинъ — экономъ, содержитъ у себя столъ для обрѣтающихся при Академіи холостыхъ профессоровъ, Адъюнктовъ и студентовъ и сверхъ того имѣетъ надзираніе надъ магазиномъ.

Соколовъ, канцеляристъ, у прихода и расхода денежной казны и у сочиненія щетовъ.

Паули — канцеляристъ у нѣмецкихъ дѣлъ, а притомъ журналъ содержитъ.

Грековъ — канцеляристъ при Россійскихъ дѣлахъ.

Михайло Лебедевъ — подканцеляристъ при русскихъ дѣлахъ.

Иванъ Сухоруковъ — копистъ у русскихъ дѣлъ.

Федоръ Лебедевъ — копистъ при Россійской экспедиціи у шетовъ.

Тимофей Федоровъ — копистъ у шетовъ и употребляется къ покупкѣ разныхъ вещей, и содержитъ журналъ.

Томсонъ — копистъ при нѣмецкой экспедиціи, пишетъ копіи съ каталоговъ въ Библіотеку.

Бессоновъ — писарь у русскихъ дѣлъ при Географическомъ Департаментѣ.

Краюхинъ — у рисованія грядоруетъ литеры и ландъкарты.

Брызгаловъ — писарь при русскихъ дѣлахъ.

Пухортъ — переводитъ въ книжной палатѣ реестры, книги и шеты на русской языкъ, и употребляется для перевода на словахъ.

Дмитрій Тимофѣевъ — копистъ при русскихъ дѣлахъ.

Сташевскій — списываетъ переводы и другія до наукъ касающія дѣла.

Линдорфъ — канцеляристъ при магазейнѣ, содержитъ магазейныя книги, употребляется на посылку и для собиранія долговъ.

Альбомъ — копистъ, копируетъ всѣ входящія и исходящія писма, нѣмецкіе, указы и журналъ.

Андрей Грековъ — обрѣзается при кунсть-каморѣ и дѣлаетъ на инсекты и другія вещи потребно спирту, а на досуги срисовываетъ анатомическія вещи.

Иванъ Федоровъ — содержитъ нижнюю и среднюю книжную палату въ чистотѣ, обмываетъ книги и притомъ на посылку и для нужныхъ дѣлъ употребляется.

Матрена Иванова придана въ помощь госпоже Гзельштѣ для поддержанія въ чистотѣ инсектовъ, а особливо папиліоновъ, бабочекъ разныхъ родовъ, къ чему особливога искусства и великаго прилежанія потребно.

Семень Семеновъ дѣлаетъ спиртусъ, и наливаетъ въ кунсть-камерскія вещи.

Ларіонъ Глуховъ — сторожъ при канцеляріи.

6 человекъ гребцовъ — по прошествіи лѣта употребляются во всякую при Академіи потребную работу.

Сухановъ — квартермейстеръ, кромѣ сей должности сторожемъ при академической канцеляріи служитъ.

4 работника при кунсть-каморѣ — содержатъ кабинетъ и галерію въ чистотѣ, а особливо употребляются на посылку и для показанія прѣзжающему кунсть-каморы.

Никита Афонасьевъ — работникъ при анатоміи, содержитъ покровы въ чистотѣ, грѣетъ воду для мертвыхъ тѣлъ.

Исай Зотовъ — истопникъ при обсерваторіи.

Петръ Андреевъ сынъ *Душечкинъ* — топить четыре печи: одну въ Географическомъ Департаментѣ, а три въ рисовальныхъ каморахъ.

Василій Родионовъ — топить пять печей и въ инструментальныхъ палатахъ и въ токарнѣ.

Антонъ Спиридоновъ — истопникъ, топить пять печей: 1 въ книжной лавкѣ, 1 у цыркулнаго кузнеца, а три въ столярныхъ палатахъ.

Токарня: *Нартовъ* — ассессоръ; ему поручено на время надзираііе надъ инструментальными палатами, а нынѣ трудится въ исправленіи вѣсовъ и мѣры, иногда самъ точить, а впредь будетъ триумфальной столпъ доканчивать.

Иванъ Леонтьевъ — точить всякія вещи на илутчихъ и простыхъ станкахъ, на деревѣ, на кости, на серебрѣ и металлахъ.

Андрей Коровинъ — вертитъ колесо, содержитъ машину въ чистотѣ, а временемъ и самъ простыя вещи точить.

Петръ Дмитриевъ — слѣсарь — дѣлаетъ всякіе замки, содержитъ машины въ чистотѣ, попорченное или сломаное прибавляетъ; а нынѣ дѣлаетъ желѣзныя вещи къ мѣднымъ пресамъ.

Григорій Кандарацкій — тоже дѣлаетъ.

Никита Колмаковъ — бывший столяръ при токарныхъ станкахъ, а по смерти опредѣленъ на сіе мѣсто сынъ его, который всякую при означенныхъ станкахъ потребную работу отдѣлаетъ.

Петръ Ермолаевъ } Ихъ должность машины срисовывать и
Михайло Семеновъ } описывать, а впредь токарной работѣ учиться
 будутъ.

Петръ Кондарацкій } Замочнаго дѣла ученики дѣлаютъ и пи-
Семень Кондарацкій } лютъ замки; а нынѣ работаютъ у печат-
 ныхъ пресовъ.

Иванъ Филиповъ токарный ученикъ, точить на деревѣ, на зеленой мѣди и на кости на ординарныхъ станкахъ, а нынѣ дѣлаетъ компасы для отправления въ Катеринбургъ.

Андрей Спиридоновъ — ученикъ, живетъ въ Петергофѣ, учится на камнѣ рѣзать.

Максимъ Никитинъ }
Семень Никитинъ } точильщики на шлейфовальной мельницѣ
Сидоръ Бабаевъ } въ Петергофѣ.
Козма Плотниковъ }

ЭЛЕГИЯ ТЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА И ОТВѢТЪ НА НЕЕ
АНТЮХА КАНТЕМИРА *).

Теофанъ, архіепископъ Новгородскій.

Плачетъ пастушокъ въ доломъ ненастии.

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,—
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды. О многобѣдно
Мое счастье!
Хотяжь малую явить отраду
И поманить
И будто польготить стаду,
Да обманеть.
Дрожу подъ дубомъ, и крайнимъ голодомъ
Овцы тають
И уже весьма мокротнымъ хладомъ
Исчезають.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
Нѣтъ отмѣны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ
И кручины.
Потщися, Боже! насъ свободити
Отъ печали,—
Наши насъ дѣды къ Тебѣ вопити
Научали.

*) Изъ рукописи прошлаго вѣка Императорской Публичной Библіотеки, Отд. XIV, Q, № 6.

Князь Антиохъ Кантемиръ.

Epodos consolatoria ad oden pastoris Pimini, sortem gregis sub tempestatem deplorantis.

На горахъ нашихъ, Пимине славный
Съдинами!
Ни свирѣлю тебѣ кто равный,
Ни стадами.
На рожку ль поешь или на сопѣли
Хвалу Богу,
Стихомъ ли даешь промежду дѣлы
Радость многу:—
Забывши травы, къ нейже измлада
Наученны,
Стоять и овцы, и козлищъ стада
Удивленны.
Сенька и Оедька *), когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ намазанны двери скрипѣли
Ветчиною.
Славному млека и волны зѣло
Когдась вору
Лошадей столько въ мысли не было
И Егору,
Сколько есть овецъ въ твоей оградѣ
Въ лѣтнемъ зноу!
Молоко свѣжо при твоємъ стадѣ,
И зимою,
Тыже былъ гораздъ и волковъ бити
Изъ пищали;
Бѣда не могла тебѣ вредити
И печали,
И еще сѣна у тебя много
Вмѣсто травы,
Есть и хлѣвина для дождю злаго,
Ту исправи.—
Сии запасы—твоему стаду
Въ зиму люту

*) Кантемиръ разумѣеть здѣсь Симеона Полоцкаго и Федора Полицарпова.

И въ осень мокру дадутъ отраду
 И пріюту.
 А ты самъ, въ теплой сидя хижинѣ,
 Можешь сѣти
 Вязать, или что плестъ при лучинѣ,
 Или пѣти,
 Или, милую созвавъ дружину,
 Промежъ дѣлы
 Бражку и вино подносить *) по чину,
 Не унылый.
 Они ти за то будутъ при дѣлахъ
 Помогати,
 Масло и творогъ жирный въ творилахъ
 Истискати.
 Для чегожь плачешь, чрезъ пять дней было
 Что ненастье?
 На дождь и стужу смотришь уныло,
 За несчастье,
 Что мокра осень слѣдуетъ лѣту,
 Той противу
 Отъемлетъ зима останокъ свѣту?
 То не диво.
 Послыша весну, ужъ ластовицы
 Появились;
 Уже журавли и ины птицы
 Возвратились;
 Солнце съ барашка ужъ на близнята
 Преступило:
 Съ матерѣми юны въ поляхъ агнята
 Блевутъ мило,
 И славна въ горахъ нашихъ Діана
 Благодатна,
 Весны дарами—цвѣты вѣнчанна,
 Всѣмъ пріятна,
 Оставя горы, въ лѣса приходитъ
 Съ дружиною
 И знатно красныхъ нимфъ превосходитъ
 Лишь главою;
 За ней черкесскій въ тулѣ сіяетъ
 Лукъ; страшливыхъ,

*) Въ рук.: *поднось*

Готова на ловъ, ужь примѣчаетъ
 Звѣрей дивыхъ:
 Въ коихъ вертепахъ щенковъ выводятъ
 Львы ужасны,
 Лютый бобръ и барсъ гдѣ дѣтей плодятъ,
 Пятномъ красны.
 Вскорѣ ловитвы будетъ корысти
 Раздѣляти,
 Сихъ звѣрей кожи вмѣсто монисты
 Раздавати.
 Она и тебе и твое стадо
 Охраняетъ,
 Да не васъ льстивыхъ волковъ зло чадо
 Повреждаетъ.
 Ты бо ей главу шипковымъ вѣнцомъ
 Вѣнчалъ красно,
 Да, въ ликъ богини, Россіи концемъ
 Свѣтитъ ясно.
 Ты въ Ея праздникъ въ жертву приносишь
 Агнцевъ бѣлыхъ,
 Сыченый братъ медокъ подносишь
 Съ сотовъ зрѣлыхъ
 И Ея похвалъ ты пѣвецъ славный,
 На сопѣли:
 Такъ пѣтъ Амфіонъ и Орфей дивный
 Не умѣли.
 Для чегожъ плачешь, чрезъ пять дней было
 Что ненастье?
 Уже сіяетъ шестой день мило
 Въ твое счастье!
 Симъ нынѣ ведромъ буди довольный:
 Послѣ зноя
 Седьмый наступитъ любаго полный
 День покоя.
 Тогда, богатый Пимине, сядя
 Безопасный
 Подъ дубомъ или подъ кленомъ, видя
 Стада красны,
 Висящи отъ горъ, и овецъ куши
 Исполненны,
 Вымена млекою тяжки имуши

И раздвенны:
Не забудь и намъ, пастушкамъ малымъ,
Помогати;
Не дай Егора другомъ на халымъ
Нападати.
У меня было много козлятокъ,—
Ты извѣстенъ,—
Сей былъ моя паствы начатокъ
Некорыстенъ;
Но и сихъ Егоръ и его други
Отогнали,
Млеко и волну вороги туги
Всю раскрали.
Ужъ трижды солнце вкругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
Я не имѣю льготы ни мало
Весь унылый;
Лишенъ и стада, лишенъ хижины,
Лишенъ нивы
Межъ пастушками брожу единый
Несчастливый.
Ниже въ наймиты кто нанимаетъ,
Ни козлятемъ
На заводъ бѣдну кто помогаетъ,
Ни ягнятемъ.
То праведнѣйше, нежели въ ненастье,
Я скучаю,
Плачушь тяжкаго сего несчастья
И случаю.
Никто не счастливъ, развѣ сравнится
Съ тресчастливымъ,
Или безчастнымъ, когда дивится
И плачливымъ:
Присмотрись токмо моему лиху
И несчастью,
Будешь въ печали имѣть утѣху
И въ ненастью.

РАСКОЛЬНИЧЬЯ САТИРА ПРОШЛАГО ВѢКА *).

Пышность нынѣшняго время
Оставляетъ при крещеніи давное человѣку бремя;
Днесъ исполняется пророческое прореченіе
И философское разсужденіе:
Нынѣ мало кто тщится Богу угодить,
А болѣе любятъ въ весельѣ пожить.
А особливо на держащихся новой вѣры
Могу показать многіе примѣры:
Потому что молодой человѣкъ тщится щепетко ходить
И одежду по нѣмецки носить:
На шеѣ чтобъ были подвязаны косынка или платокъ,
И на головѣ чтобъ былъ зачесанъ хохолъ на одинъ бокъ;
Еще чтобъ были панталоны, капотъ, жилетъ и сапоги смазные,
Пуховая шляпа, фракъ, сертукъ и перчатки бѣлявые.
Если же еще положить въ карманъ часы,
То какой еще лутче этой красы?
А совершеннѣвнѣтній старается чище бороду обрить,
И еще туто жъ многіе любятъ табакомъ носъ набить.
Да говорятъ, что табакъ употреблять грѣшно,
А у насъ давно въ моду взошло.
Если жъ сбросить лѣнность, что не хочется писать,
То еще можно нѣсколько о духовномъ дѣлѣ показать:
Во первыхъ пѣвчіе имѣютъ за службою камартонъ
Для того, что онѣ съ него берутъ запѣвательный тонъ;
Ежели жъ поютъ, то руками махаютъ,
Потому что чрезъ сіе тактъ пѣнія наблюдаютъ;
И каждый изъ нихъ притопываетъ ногою,
Якоже Исаакій Далматскій предъ сатаню;

*) Изъ раскольничьей тетрадки настоящаго столѣтія.

За обѣдней напередѣ женщины или дѣвушки стоятъ,
На которыхъ больше иконъ люди глядятъ,
Ибо у нихъ груди почти совсѣмъ наружъ;
Но что сего Богу противнѣе и хуже?
Потому что ихъ больше Бога почитаютъ
А именно, которые съ вождельніемъ прилежно взираютъ.
Но какая жь тутъ Богу воздается честь?
Ей ей, друзья, воистину нѣсть!
Теперь посмотримъ на ихъ молитву,
Или, лучше сказать, на удобную ко грѣху ловитву:
Ибо онѣ стоятъ, оттопыря ногу,
И не по подобію молятся Богу:
Крестятся—около рта мотають,
На подобіе какъ на балалайкѣ играютъ;
Еслижъ которая вздумаетъ пониже поклониться,
И опять раздумаетъ, чтобы чрезъ сіе не посрамиться
И не уподобиться бы деревенскому мужику,
Неученому дураку.
Случается кто кого спросить: «что-то я васъ за обѣдней не видалъ?»
На что и отвѣтствуетъ: «да я и не бывалъ,
Потому что мнѣ поликмахера не пришлось у себя застать,
И такъ не кому было голову убрать.»
Если же кто божественную книгу имѣетъ,
Станетъ читать и въ ней мало разумѣетъ:
Сейчасъ ее сложить
И на свое мѣсто положить,
Скажетъ про себя:
«О! мнѣ не до тебя;
Я вѣдь не монахъ,
Живу въ мірскихъ суетахъ;
У меня есть Адская Почта, исторіи и Арабскія Сказки,
Которыя научатъ, какъ показывать обхожденія и ласки.»
Словомъ сказать, что не имѣютъ въ домѣ ладана и кадила,
А имѣютъ табашныя курила,
И всѣ утверждаютъ,
Будто бы отъ ладана кинарейки умирають,
А отъ табаку весело воспѣвають;
И говорятъ, что академисты всѣ табакъ употребляютъ
И намъ не возбраняють.
Изъ такихъ многіе говорятъ:» какъ придутъ къ намъ послѣдніе вѣки,
Будутъ жить въ расгланномъ житіи чловѣки».

ИЗВѢСТІЕ О ПРОФЕССОРѢ МЕЛЬМАНѢ *).

(Сообщено Д. И. Иловайскимъ).

Высокоблагородный коллежскій ассессоръ.

Милостивый мой Государь!

Хотя я не имѣю чести васъ знать, однако чрезвычайно печальный для меня случай принуждаетъ меня васъ обезпokoить моимъ письмомъ. Всячески старался я послѣ отъѣзда моего любезнаго зятя, профес. Мельмана изъ Москвы узнать о его пребываніи, и не могъ понять, по какой причинѣ не получилъ ни малѣйшаго извѣстія; теперь уведомляетъ меня одинъ г. Фонъ-Дершау, что мой несчастный родственникъ, отправленъ будучи изъ Россіи съ провожатыми, ему отданъ былъ 28 марта (н. ст.) въ польскомъ городкѣ Старополь, но въ печальнѣйшемъ состояніи, въ ужаснѣйшей меланхоліи и въ величайшей слабости. Сей благородный, почтенный человекъ, весьма сожалѣя о печальной участи моего несчастнаго любезнаго зятя, все сдѣлалъ, что только въ маломъ городкѣ возможно было, чтобъ возвратить ему здоровье и, думая, что онъ въ рукахъ искуснаго врача, можетъ быть, поправится, отправилъ его подъ самимъ лучшимъ присмотромъ въ Кенигсбергъ; но сожалѣнія достойный зять мой умеръ въ гор. Георгенбургъ въ 10 миляхъ отъ Кенигсберга.

Ахъ какого сожалѣнія достойны мы, лишившись сего любезнаго брата, который конечно никого не обидѣлъ, развѣ то было совершенно безъ намѣренія! Моя жена, которая любила его болѣе всѣхъ братьевъ, теперь неутѣшна. Я не знаю точныхъ причинъ сего приключенія, но Богъ да проститъ тѣмъ, которые виною его смерти. Добродушный г. Фонъ-Дершау мнѣ прислалъ списокъ всѣмъ вещамъ,

*.) Любопытныя подробности о Мельманѣ напечаталъ С. М. Соловьевъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» 1861, Кн. 4.

находившимся у покойнаго. Но теперь не знаю я, какія учрежденія зять мой предъ отъѣздомъ сдѣлалъ въ разсужденіи своихъ вещей и имѣній. Я васъ, какъ друга несчастнаго моего зятя, прошу меня увѣдомить, сколько вамъ о томъ извѣстно, что я признаю съ величайшею благодарностію.

Имѣю честь быть,
Милостивый мой государь,
вашимъ покорнымъ слугою.
Грубе.

Въ Любекѣ
6 Мая
1795

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ МАРИНА *).

(Сообщены А. Н. Аванасьевымъ).

1.

На рожденіе Геракова.

Въ бѣломъ платьѣ полотняномъ,
Пукъ цвѣтовъ держа въ рукахъ,
Подъ филейнымъ покрываломъ
Вдругъ весна въ нашихъ странахъ
Показалася — и воды
Потекли опять въ рѣкахъ;
Сани бросили народы
И стучать на колесахъ:
Горы Охтенски пропали,
Коньки надо покидать,
Чистить улицы ужъ стали

*) Маринъ извѣстенъ своими сатирическими произведеніями, изъ которыхъ весьма немногія попали въ печать. Краткія свѣдѣнія о немъ сообщены г. Лонгиновымъ въ «Современникѣ» 1856 г., № XI, Смѣсь, стр. 42—46. Гераковъ былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ и авторомъ многихъ плохихъ книжонокъ: *О духъ россіянъ*, *Меншиковъ*, *Совѣты офицерамъ* и пр. Ода Марина на его рожденіе есть пародія извѣстнаго стихотворенія Державина:

Съ бѣлыми Борей власами.

И Ивановъ *) не видать;
 Полицейски офицеры
 Не пускають по рѣкѣ;
 Нѣ взялъ кто у насъ квартиры,
 Тотъ живетъ какъ вдалекѣ.
 Въ сіе время солнце красно
 Стало ярче ужъ свѣтитъ,
 Родилось дитя прекрасно,
 Свѣтъ которо удивить.
 Не родился онъ въ рубашкѣ;
 Нѣтъ, онъ болѣе блаженъ:
 Весь обвернутый въ бумажкѣ
 Въ свѣтъ онъ матерью рожденъ!
 Родился и раскричался,
 Голосъ преужасный былъ:
 Въ страну мертвыхъ онъ домчался,
 Древнихъ грековъ востормошилъ.
 Взбунтовалися ихъ души,
 Видѣть всѣ дитя хотять;
 Крылья подвязавъ подъ туши,
 Въ страну русскую летать.
 Всѣ къ ребенку прилетаютъ,
 Видъ его ихъ всѣхъ дивить!
 Колыбель всѣ окружають
 И хотять его дарить.
 Долго, долго говорили:
 Чтѣ-бъ ему въ подарокъ дать?
 Напоследокъ положили
 Одному за всѣхъ вѣщать.
 Жребій Біасу достался,
 И совѣтъ то подтвердилъ;
 Старецъ кашлялъ, оправлялся,
 Такъ ребенку говорилъ:
 «Будешь, будешь сочинитель
 И читателей тиранъ;
 Будешь въ корпусѣ учитель,
 Будешь вѣчно капитанъ.
 Будешь — и судьбы гласили —
 Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ.»

*) г. е. Ванекъ — зимнихъ извозчиковъ.

И всѣ старцы подтвердили:
 «Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ!»
 Совершилось предсказанье,
 Свѣтъ въ тебѣ поэта зрить.
 О ушей нашихъ терзанье!
 Долголь будешь насъ морить?
 Ты престань марать бумагу,
 Голову престань ломать;
 Нѣтъ тебѣ къ Парнасу шагу!
 Когда-жъ будешь продолжать,
 То напрасно ты порыщешь,
 Съ рукъ товаръ твой не сойдетъ;
Добрыхъ ¹⁾ больше ты не сыщешь,
 А весь трудъ твой пропадетъ ²⁾.

2.

Посланіе къ другу.

Служи отечеству, твердятъ намъ съ юныхъ лѣтъ;
Люби отечество, твердитъ весь бѣлой свѣтъ.
 Да только на словахъ тѣ рѣчи исполняютъ
 И со вредомъ его счастливо поживаютъ;
 А службой вѣрною, любовію къ нему
 Что можемъ мы найдти? Найдемъ костыль, суму,
 Съ которыми пойдемъ по улицѣ шататься,
 И, именемъ Христа прося свой хлѣбъ, питаться.

¹⁾ Намекъ на изданную Гераковымъ книгу «Для добрыхъ».

²⁾ Пародія Марина вызвала подражателей; нѣкто Ниловъ вздумалъ ту же самую оду Державина передѣлать на свой ладъ, воспѣвая рожденіе Геракова, но его передѣлка болѣе длинна, нежели остроумна. Она начинается этими стихами:

Съ рыжими Чухна власами
 И съ небритой бородой,
 Устрашенный небесами
 Скачетъ безъ ума домой.

У колыбели будущаго писателя собираются черные духи и надѣляютъ его всѣми возможными несовершенствами;

Но послѣдній, зла ревнитель,
 Въ окончаніи изрекъ:
 «Будь ты въ корпусѣ учитель,
 Будь плѣшивой человекъ!»

«Какъ можетъ это быть?» — Что жъ дѣлать? Свѣтъ таковъ:
 Онъ бѣдныхъ почитать привыкъ за дураковъ.
 Будь честенъ, будь уменъ, да денегъ нѣтъ въ карманѣ
 И ходишь ты всегда въ заношенномъ кафтанѣ —
 Не можешь никогда ты царству нужнымъ быть!
 Ну можно ли тебя куда опредѣлить?
 Въ Сенатъ бы напримѣръ: тамъ люди для наряда,
 Расшить чтобъ былъ кафтанъ, а голова не нада,
 И безъ нее дѣла донинѣ тамъ рѣшать;
 На чтобъ секретарей туда опредѣлять?
 Они бы вовсе тамъ безъ дѣла оставались,
 Когдабъ сенаторы дѣлами занимались.
 А если плутни всѣ и взятки истребить,
 То родъ подъяческой лъзя-ль въ бѣдность погрузить?
 Такъ честность тутъ твоя, мой другъ, и не годится!
 Куда же бы теперь хотѣлъ опредѣлиться,
 Отечеству чтобъ быть полезну своему?
 Въ совѣтъ засѣдать ты могъ бы по уму,
 Да умъ не надобенъ въ верховномъ семъ совѣтѣ,
 А надо пріѣзжать въ двухтысячной каретѣ
 И пугомъ правилъ чтобъ съ усищами нѣмчинъ,
 Лакей въ басанахъ весь чтобъ означалъ твой чинъ,
 Чтобъ были у тебя гайдуки, скороходы
 И разные къ тому подобные народы;
 А еслибъ ты пѣшкомъ въ собраніе пришелъ,
 Тобѣ умный твой совѣтъ въ немъ мѣста не нашелъ.
 Двѣ службы не по насъ. — Ты мѣтишь въ прокуроры,
 Такъ будутъ у тебя въ командѣ сенаторы;
 По дудочкѣ своей заставишь ихъ плясать
 И стануть всякой день въ Сенатѣ работать,
 Не стануть взятокъ брать, дѣла пойдутъ въ порядкѣ —
 Да мигомъ голову свернуть такому дядкѣ!
 А если хочешь ты на мѣстѣ этомъ быть,
 То долженъ всѣхъ своихъ пріятелей забыть,
 Поклонами никакъ не долженъ унижаться,
 Считать грѣхомъ большимъ дѣлами заниматься;
 Къ тебѣ кто съ просьбою, того не принимай,
 Слова ты всѣ забудь, лишь *завтра* повторяй;
 Такъ тотчасъ награждать казною, деревнями,
 Обвѣщаютъ тебя портретами, крестами.
 А если иначе ты станешь поступать,

Въ отставку выгонять и вѣкъ велятъ молчать.
Такъ видишь ли, мой другъ, чтобъ обществу годиться,
Богатымъ дуракомъ въ свѣтъ надобно родиться,
Или къ отечеству любовь всю истребя
И только лишь себя единого любя,
На счетъ жить ближняго, и честность презирая,
На счетъ его же жить, народъ весь разоряя.
Т.... чтобы служить, карманъ свой набивай
И подати ему и для себя собирай;
Бывъ страшенъ ты для всѣхъ, окончишь дни спокойно,
И скажутъ «награжденъ за службу ты достойно!»
А съ честностью своей ты бѣдно кончишь вѣкъ,
И скажутъ о тебѣ: «онъ глупый человѣкъ!»
Имѣлъ случаевъ тьму, гдѣ могъ бы понажиться,
Да не имѣлъ ума отъ ближняго живиться!»
Вотъ что наградою получишь ты себѣ.
Послушай же совѣтъ мой искренній тебѣ:
Покойную ты жизнь всему предпочитай,
Живи для дружества. Обязанность святая!
Почтеніе ты мнѣ и лентъ всѣхъ, и крестовъ.
Вѣрь, счастье не живетъ возлѣ большихъ чиновъ:
Съ чинами искренность изъ сердца исчезаетъ
И честолюбіе всю душу занимаетъ.
Ты въ бѣдности своей будь добрый гражданинъ,
Будь вѣрный своего отечества ты сынъ:
Оплакивай его, не говоря ни слова!
Коль слово скажешь ты, награда въ мигъ готова:
За честность за твою, за вздохъ объ ономъ твой,
Квартира въ крѣпости и черный хлѣбъ съ водой.

ОПИСЬ БИБЛИОТЕКИ ІЕРОМОНАХА ЕВѢИМІЯ.*)

Сообщена А. Е. Викторовымъ.

1705 г. іунія въ 8 день по указу Великаго Государя и по приказу боярина Іоанна Алексіевича Мусина—Пушкина, Дьякъ Іванъ Вишняковъ въ Патріаршей Ризницѣ, принесенные изъ Чюдова монастыря изъ кельи монаха Евѡиміа послѣ смерти ево въ трехъ сундукахъ да въ коробѣхъ книги печатные и письменные Греческіе и Греколатинскіе и Польскіе и Русскіе и тетради письменные переписалъ, Патріарша Дому при Ризничемъ Філаретѣ, да Чюдова монастыря при діаконовъ Дамаскѣ, да печатнаго двора при чтецѣ монахѣ Германѣ. А что тѣхъ книгъ по разбору ихъ и по перепискѣ явилось, и то писано ниже сего:

Греческихъ въ дестъ печатные въ переплетѣ.

Книга Библіа въ бумажныхъ доскахъ, переплету Греческаго, безъ застежекъ.

К. Симеона Ѡссалонитскаго на ереси и о православной вѣрѣ, и о церковныхъ таинствахъ, въ доскахъ бумажныхъ, облочена кожею, по обрѣзу золоту, застежки мѣдные, а на верхней доскѣ наклеено и подписано: «книга сія блаженнаго Симеона Ѡссалоникійскаго, дана изъ кельи Святѣйшаго Іоакима Патріарха Чюдова монастыря монаху Евѡимію ради преведенія на Славенскій діалектъ, яже Божіею помощію и преведеса, и молит-

вами Пресвятая Богородицы, и положися — въ книгохранильницѣ Святѣйшія Патріархіи Всероссійскія».

К. Каталлаги противу Латинъ, въ доскахъ бумажныхъ ветхихъ безъ обложки.

К. Нектарія Патріарха Іерусалимскаго противу Латинъ, въ доскахъ бумажныхъ, держаная, по обрѣзу краснымъ напыскана.

К. Мелетія Сирига и Досіея Патріарха Іерусалимскаго на Кальвины и Лютеры.

Греческихъ въ полдестъ.

Псалтирь, въ переплетѣ въ доскахъ, по обрѣзу красной сурикѣ, застежки мѣдные; держаная.

*) Изъ описи Патр. Ризницы 1722 г., хранящейся въ Архивѣ Моск. Оружейной Палаты подъ № 123.

К. Исторіи церковныя и гражданскія въ паргаминѣ, держаная.

К. Егхиридїонъ сирѣчь сѣчиво противу Латїнъ, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Григорїа Архіепископа Солунскаго, въ паргаминѣ, ветхая.

Евхологїонъ, въ доскахъ и въ коже красной, по обрѣзу золото, застежки мѣдныя, въ малую дестъ.

Евангелїе харатейное въ малую дестъ.

Греческія же въ четверть.

К. Псалтирь толковая, въ доскахъ бумажныхъ, прикрыта черною кожею, по обрѣзу киноварь.

К. Грамматика, въ доскахъ паргаминныхъ, безъ застежекъ.

К. Октоихъ, сирѣчь осмогласникъ въ доскахъ Русскаго переплету, по обрѣзу золото, безъ застежекъ.

Греческія жъ въ малую четверть.

2 книги орологїи, сирѣчь часословы, въ доскахъ, Русскаго переплету, по обрѣзу позолочены, держаные.

Книгъ греколатинскихъ въ дестъ.

К. Томъ Златоустаго въ доскахъ бумажныхъ, облоченъ кожею, по обрѣзу золочень.

К. Святаго Дїонїсія Ареопажита, дѣль его всѣхъ, переплетъ паргаминой.

Книга Теофилактово толкованїе на Евангелїа, въ доскахъ, облоченъ

ныхъ кожею, по верхъ паргаминъ, по обрѣзу было прикрыто киноварь, безъ застежекъ, держаная.

Греколатинскихъ же въ четверть.

К. Латинская Хронологїя, сирѣчь лѣтописецъ, въ доскахъ бумажныхъ прикрыта кожею, по обрѣзу зеленъ.

К. Латинская въ паргаминѣ, по обрѣзу зеленъ.

Польскихъ книгъ въ дестъ печатныхъ.

К. Библия переводу Іеронимова, въ доскахъ Русскаго переплету облочены черною кожею, по обрѣзу киноварь, безъ застежекъ.

К. Библия Іакова Вуйка, въ доскахъ ветхихъ, прикрыта кожей, по обрѣзу зеленъ.

К. Лѣтописецъ Баронїевъ на 1200 лѣтъ, въ доскахъ, прикрытъ бѣлою кожею, по обрѣзу киноварь, ветхъ.

К. Житїя Святыхъ различныхъ, въ доскахъ, облочена бѣлою кожей, одна застежка мѣдная.

К. Зерцало великое, въ доскахъ, прикрыта бѣлою кожей, застежки мѣдныя, по обрѣзу киноварь.

К. Разглагольство Любелское о согласїи и несогласїи народа Русскаго, переплетъ бумажный, доски красныя, безъ застежекъ.

Библия Немѣцкая въ доскахъ, кожа спрыскъ, обрѣзъ киноварь спрыскомъ же, застежки мѣдныя.

Польскія же полудестовыя.

К. Новый завѣтъ, въ доскахъ, покрыта кожей черною, застежки мѣдные, по обрѣзу зеленъ.

К. Люось, сирѣчь камень, доски бумажные, покрыта кожей, завязки ременные.

К. Рыцарь Православнокаѳолицкой, переплетъ бумажный черный, ветха.

К. Алкоранъ Махометовъ, доски обочены хоземъ зеленымъ, по обрѣзу золото.

Польскія жъ въ четверть.

К. Молитвенникъ въ доскахъ черныхъ, ветхъ.

К. Зодіакъ, и Путь къ вѣчности въ доскахъ черныхъ по обрѣзу киноварь, ветха, застежки мѣдные, изъ переплету вышла.

К. О отступленіи Грековъ отъ церкви божія, въ доскахъ бумажныхъ, по обрѣзу зеленъ.

К. Собраніе краткое ученія о членахъ вѣры, обочена бумагою, ветха.

¹⁴ Книжица Сумаріумъ, сирѣчь ученіе науки христіанскія, въ черной кожѣ.

К. Польская съ Лат., въ бумажныхъ доскахъ, кожа красная, безъ застежекъ, по обрѣзу киноварь спрыскомъ.

Книги Лексиконы въ дестъ.

К. Печатная, Лексіконъ Польско - Латіно - Грецкой Григорія Кнапіа томъ 1-й, въ доскахъ, обоченъ кожей, одна застежка мѣдная, по обрѣзу зеленъ.

Того жъ Григорія Кнапіа томъ 2-й въ полдестъ Латінополскій Лексіконъ, въ доскахъ, обоченъ кожей, по обрѣзу киноварь, держанъ, ветхъ, корень оклеенъ ірхою бѣлою.

К. Лексіконъ Грекославенской списанъ съ Епиеаніева Лексікона жъ, въ доскахъ, прикрыты кожей, по обрѣзу киноварь, держанъ, корень ветхъ, безъ застежекъ.

Книги рукописныя въ дестъ.

К. Григорія Богослова, писана полууставомъ, приправливана и приписывана межъ строкъ, и по полямъ рукою монаха Евѳимія правлена съ Греческихъ, а та де книга была Чудовская, въ доскахъ, стараго переплета, ветха, застежки и жучки мѣдныя.

К. Григорія Богослова съ той же вышеписанной книги списанная, въ переплетѣ, доски бумажные, въ ней же въ концѣ писаны и иные повѣсти.

К. Діонисія Ареопагита чернена и по полямъ приписывана *ево жъ Евѳиміевою рукою*, въ доскахъ обочены бѣлою кожей, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдныя.

К. Симеона Фессалонитскаго писана уставомъ, по полямъ приписана *ево жъ Евѳиміевою рукою*, была переплетена, а нынѣ расплетена, въ черной кожѣ.

К. Зачиненіе Святыхъ Апостолъ, списана Климентомъ Епископомъ Римскимъ, въ доскахъ, обочены черною кожей, по

обръзу спрыскъ красной, застежки мѣдныя.

К. А въ ней сначала написано: Святое Евангеліе и Дѣяніе святыхъ апостолъ, переведена съ Греческихъ книгъ Космою Іеродіакономъ Грекомъ, по полямъ приписывано *Евѣиміевою же рукою*, переплетена въ доскахъ бумажныхъ.

К. *Нѣла Кавасіла архіепископа* Селунскаго о Святѣмъ Дусѣ, 36 тетрадей безъ переплета.

К. На ней на верхней доскѣ бумажной написано: *Кирилла Іерусалимскаго* 18 оглашеній и 5 словесъ тайновождственныхъ, въ переплетѣ въ бумажныхъ доскахъ.

К. Въ ней написано сначала катихисисъ іера, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Мелетія Сиріга и Досіея Патріарха Іерусалимскаго на Лютери и Кальвины, черненная и приписываемая, въ доскахъ бумажныхъ.

К. А въ ней написано Нікона Черногорскаго, правлена межъ строкъ и по полямъ кіноваремъ, въ доскамъ бумажныхъ.

К. Преподобнаго Нікона нареченная тактиконъ, сирѣчь чиновная, писана на паргаментѣ на два параграфа, въ доскахъ, обложена кожею, застежки мѣдныя, по обрѣзу краскою желтою.

К. Ісаака Сиріна, въ доскахъ, обложена была черною кожею, ветха, писана полуставомъ, застежка мѣдная одна.

К. Въ переплетѣ безъ досокъ, а въ ней сначала написано зо-

лотомъ Андриантисъ Іоанна Златоустаго: чернена и приписывана рукою монаха Евѣиміа.

К. Каталагъ Досіея Патріарха Іерусалимскаго, писана метнымъ писмомъ, безъ досокъ и безъ обложки.

К. Пинакъ сирѣчь оглавленіе на три части исповѣданія православныя вѣры, въ доскахъ бумажныхъ.

Да славенскихъ же писменныхъ полудестовыхъ:

К. А въ ней сначала написано сказаніе о священныхъ и божественныхъ канонѣхъ святыхъ Апостолъ и вселенскихъ помѣстныхъ синодовъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, а ничемъ доски и корень не обложены, яже называется кормчая.

К. А на ней подписано на верхней доскѣ, лѣтописецъ, переведенный изъ иныхъ лѣтописцевъ многихъ выписки, а въ книгѣ сначала написано лѣтописаніе православныхъ митрополитовъ Россійскихъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, доски и корень не обложены, писана метнымъ писмомъ.

К. А на ней на верхней доскѣ написано: Симеона Фессалонікскаго самосушая, преводная съ греческаго діалекта, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не обложены, писана мѣтнымъ писмомъ. Межъ строкъ и по полямъ справа Евѣиміева.

К. На ней на верхней доскѣ

подписано: Зонара четвертая часть правилныхъ книгъ, вся писма Евѳиміевы руки, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не облоченъ.

К. А на ней на верхней доскѣ подписано: Властаря пятая часть правилныхъ книгъ; писана рукою Евѳиміевою, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, доски и корень не облоченъ.

К. А на ней на верхней доскѣ написано: 1-я часть правилныхъ книгъ, а въ книгѣ написано: завѣщаніе святыхъ Апостолъ чрезъ Климента Римскаго Епископа, чернение и приписка монаха Евѳиміа, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не облоченъ.

Второй части правилныхъ книгъ въ тетрадахъ.

К. А въ ней рукою монаха Евѳиміа написано: книга сія православное исповѣданіе каеоліческія и Апостольскія церкви и издадена типографскимъ тисненеємъ лѣта 7202-го, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не облоченъ.

Другая книжица ево же Евѳиміевы руки письмо, — черная.

К. А въ ней сначала написано: діалоги или мечеть духовный іеромонаховъ учителей Іоаннікія и Софроніа Лихудіевыхъ къ защищенію восточныя церкви; писано 1610-го году, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не облоченъ.

Другая черная, а въ ней под-

писано: діалоги, сирѣчь разглагоство, безъ досокъ, корень оклеенъ.

К. А въ ней написано: Агось, или врачеванія, противопологаемая ядовитымъ узрызеніемъ змѣевымъ, сочиненіе ихже учителей Іоаннікія и Софроніа іеромонаховъ Лихудовъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не облоченъ.

К. Другая к. такая жъ, скорописью черная, въ такихъ же доскахъ.

К. Въ ней написано: книжица глаголемая съчивцо, сложенная отъ іеромонаха Максима Пелопонискаго, ученика Папы Александрійскаго Мелетіа, чернена и приписывана, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не облочена.

К. Остенъ, состроенный изъ духовѣщанія святыхъ отцевъ, низвергающій, отрѣяющій и прободающій напирающія къ нему, въ доскахъ бумажныхъ, не облочена.

К. Литургія святаго Апостола Іакова брата Божія, писана уставомъ, а при ней о отрастехъ Господнихъ, писано скорописью, въ доскахъ, облочена зеленою кожею, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдныя.

К. Преподобнаго Θεодора Студита оглашеніе о еже въ подвижѣ совершити наше житіе, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не облочена.

К. писана уставомъ, а въ ней сначала слово на бывшее чудо въ Хонѣхъ отъ Архістратіга Михаила, и слово о житіи Алексіа Мітро-

політа, и иные слова написаны, перевязана, а корень не заклеенъ.

К. на оглаголюющія священную библию, писана полууставомъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, не облочена.

К. А на верхней доскѣ написано: Нила Сорскаго, писано метнымъ писмомъ, а въ ней 125 листовъ, въ бумажныхъ доскахъ, корень заклеенъ, ничѣмъ не облоченъ.

К. во умиленіе и изязаніе хиротонисуемаго, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не облоченъ.

К. Радивилово странство, а въ книгѣ сначала написано: путешествіе, или нахожденіе въ землю святую Николая Радвила; писана метнымъ писмомъ; при немъ же изятіе изъ просклинитаріевъ монаха Арсенія Суханова, ходившаго въ Палестину; писано метью, и собранное описаніе о градѣ Іерусалимѣ; доски бумажные, корень, ирхою бѣлою облоченъ, завяски шелковые.

Въ тетратехъ 147 листовъ, вынято изъ переплету, Василя Великаго 11 бесѣдъ на шестодневъ, по обрѣзу было киноваремъ.

К. Лавсаикъ превожена съ греческихъ, черная, въ переплетѣ корень заклеенъ, безъ досокъ.

Тетради переплетены въ синей бумагѣ, черная, *Евоиміевы* руки писмо; на ней подписано: краткое собрание святѣйшаго Адриана Патріарха о пресуществленіи святя тайны Евхаристіи.

Тетради переплетены въ синей бумагѣ, не заклеены, житія Ефрема Сиріна, слово Григорія Нисскаго, завѣтъ умирающаго Ефрема.

Тетрадки въ сѣрой бумагѣ 33 страницы изъ діалоговъ Грека учителя со Іисуїтами о первородномъ грѣхѣ.

К. въ доскахъ бумажныхъ красныхъ, сначала писано житіе милостиваго мужа Θεодора, званіемъ Ртищева, и о милостыни и о иныхъ.

О діаконъ Петрѣ, что служилъ у Адриана и Натали въ мешанской, отступившемъ отъ благочестія, въ трехъ книжицахъ, одна въ синей бумагѣ, другая писана уставомъ, третья обличеніе на него Петра, писма руки Николая Сумеонова.

Тетради переплетены, корень клеимъ заклеенъ, безъ досокъ и облочки, сначала символъ православныхъ вѣры, преведенный іеромонахомъ Елифаніемъ съ греческаго, и иные разные символы и многіе вещи писаны.

Тетради блаженнѣйшаго и мудрѣйшаго Нектарія патріарха Іерусалимскаго о началствѣ Папы, безъ досокъ.

К. Во святыхъ отца нашего и исповѣдника Германа Патріарха Константинопольскаго толкованіе на священную литургію и житіе его вкратцѣ собранное.

Книжица о зачатіи Пресвятыя Богородицы грека учителя съ Іисуитомъ писана бѣлоруски, переплетена въ бумажныхъ ветхихъ доскахъ.

К. Писана уставомъ, по ключевымъ и вращлѣтнимъ словамъ, недѣли, гласы евангельскіе, стихирѣ утренняя, Апостолы и Евангелія на указъ, въ бумажныхъ доскахъ, кожею оболочена.

Тетради не оболочены на чинъ Божественныя литургіи, Іоанна Златоустаго наблюденіе.

Тетради о святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, ничѣмъ не оболочены.

Тетради *о семи тайнахъ церковныхъ* полууставомъ писаны.

Тетради о семи вселенскихъ соборахъ метное письмо; въ концы гречески, римски и славенски приписано.

Тетради соборъ Никейскій 1, письмо полууставъ, въ концѣ приписано Гречески и Римски.

Тетради Блаженнаго Іоанна Дамаскина изданіе опасное православныя вѣры, яко непостижно Божество, письмо метное.

Тетради Аванасія, архіепископа Александрійскаго, посланія окружная на Аріаны, письмо метное.

Тетради связаны, слова на праздники разные.

Тетради житіе Епифанія, епископа Кипрскаго, письмо метное.

А досталныя тетради и всякіе писма, которые перемѣшаны, собраны положены съ теми жъ книгами, въ бѣлой поставѣ.

Книги славенскіе въ дестъ.

К. Уставъ харатейной, безъ начала въ доскахъ, переплетъ ветхъ въ красной коже сысподи 2 жучка, объ одной застежкѣ.

Въ полдестъ.

К. Требникъ печатный, изъ переплету вывалился, кожа желтая, въ доскахъ объ одной застежкѣ.

Чиновникъ о благовѣстѣ и звонѣ, въ кожѣ, безъ досокъ.

Службникъ писанъ на бумагѣ безъ начала, ветхъ велми, верхней полудоски нѣтъ, въ красной ветхой кожѣ.

К. Писменная полууставомъ, за рукою святѣйшаго Никона Патриарха подписана, Воскресенскаго монастыря, въ доскахъ, въ коже красной, безъ застежекъ.

Службникъ харатейной безъ начала и конца, въ доскахъ, кожа красная, корень ветхъ, по обрѣзу зелень.

К. Симеона Новаго Богослова, писана метью, въ доскахъ, кожа черная съ застежки мѣдными.

Катихисисъ, сирѣчь православное исповѣданіе святыя вѣры, Киевской печати, въ доскахъ въ коже красной, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдные.

К. Писана полууставомъ, служба пятидесятницы, въ доскахъ, въ коже красной, застежка одна мѣдная.

К. Требникъ Молдовлахійской въ бумажныхъ синихъ доскахъ, корень не оклеенъ.

Чиновникъ писменной, въ коже красной.

К. Отъ лѣтописца собраніе, скоропись, въ доскахъ харатейныхъ.

Въ четверть.

Книжица скорописная, ветха, въ ней писано пути на Флоренской соборъ.

ОПИСЬ БИБЛИОТЕКИ ГР. АНДРЕЯ АРТАМОНОВИЧА МАТВѢВА И ГРАФИНИ МАТВѢВОЙ.

Книги, принятыя отъ графа Андрея Артемоновича Матвѣва.

Латинскіе въ листъ:

№№ книгъ.	14. Святаго Иустина творение з греческимъ языкомъ.
1. Святаго Аеонасія, архиепископа Александринаго, творение въ дву книгахъ.	15. Тестаментъ по седмидесятному толкованію з греческимъ.
2. Такая жъ книга другаго изда- ния, въ дву книгахъ.	16. Олѣвія Иосіеа о древностяхъ Иудейскихъ.
3. Библиа з греческимъ языкомъ две книги.	17. Цесаря Боронія погодное опи- сание церковное, книга шестая.
4. Сократа схоластика и Гермия Созомена история церковная.	18. Эр. Рибера толкование на кни- гу дванадесять пророковъ.
5. Иоанна Златауста творение и беседы, въ шести книгахъ.	19. Служебникъ римской.
6. Новы заветъ надвенатцати язы- кахъ, вторая книга, первой нетъ.	20. Шерлоговы размышления на песни песней, одна книга.
7. Епифаніево творение з грече- скимъ языкомъ, въ дву книгахъ.	21. Библиа на аглинскомъ языке въ лицахъ.
8. Библиа з греческимъ языкомъ книга третья, двухъ нетъ.	22. Калндра книга благословенія.
9. Деонисія Ареопагита творе- ние книга вторая, первой нетъ.	23. Мариана о делахъ Гишпанскихъ.
10. Климента Александринаго творение з греческимъ языкомъ.	24. Тита Лювія Грютера история римская.
11. Филипа Лимбурха история ин- кизициі Толосанскихъ.	25. Демостена о литарахъ грече- скихъ з греческимъ языкомъ.
12. Самуила Беснагія, погодное описание палитико-церковное, 3 книги.	26. Гогоня Гроцця Епистолиі.
13. Юнія святая Библиа съ толко- ваниемъ.	27. Гастеллі трактатъ публичной Ееропы.
	28. Кромера о делахъ полскихъ.
	29. Плютарха Херонеского творе- ние з греческимъ, въ дву кни- гахъ.
	30. Устиниана история о делахъ венецкихъ.

31. Мавришия история Бразильская. 51. Гоеьмана лексиконъ, всехъ
 32. Гагеина погодное описаніе о словъ, надлежащихъ до исторіи
 делахъ Французскихъ. священной и сведкой, въ четы-
 33. Скотовъ курсъ еилзовской. рехъ книгахъ.
 34. Плиния история натуральная 52. Театръ человеческой жизни,
 всего света. въ 6 книгахъ, протчихъ нетъ.
 35. Туана история своихъ вре- 53. Франциска Камарелать о по-
 мянъ, въ четырехъ книгахъ. слахъ и протчихъ делахъ.
 36. Регламенты королей Францу- 54. Венценця Короция юрьис-
 скихъ, две книги. кая о награжденияхъ, платахъ
 и протчаго.
 37. Писатели о делахъ Брунсвиц- 55. Корпусъ правъ гражданскихъ
 кихъ. Иустинановыхъ, две книги.
 38. Гроция погодное описаніе о 56. Иосиеа Маскарда, права ду-
 делахъ Галанскихъ. ховная и гражданская сараза-
 39. Старыя писатели о исторіи нетская, две книги, вторая и
 Аглинской въ дву книгахъ. третья, первой нетъ.
 40. Анне Сенекитворение отъ Юста 57. Зегея правы церковныя общия.
 Липсия.
 41. Аристотелевы творения з гре- 58. Бегера сокровище Брандебур-
 ческимъ, книга вторая, первой ское о медалияхъ съ еигурами.
 нетъ.
 42. Коховского погодное описа- 59. Кодексъ правъ народныхъ.
 ние о Полше, две книги.
 43. Албърта Кранца о делахъ не- 60. Гандреха Пандекты Бралдебур-
 мецкой земли. ския.
 44. Дидацяя Коваррувиасъ творе- 61. Брокели шестая книга сокро-
 ния. вища правъ.
 45. Локция история отъ начала 62. Устинианова кодекса 12 книгъ
 света. въ одной книге.
 46. Нонтона о дѣлахъ Британ- 63. Кирхерово великое художе-
 скихъ. ство света и тьмы.
 47. Самула Пуендора о делахъ, 64. Шкотовъ курсъ матиматиче-
 чинившихся отъ Карлуса Гу- ской.
 става.
 48. Того же толкование о делахъ 65. Якова Грановия сокровище
 швецкихъ. древностей греческихъ 13
 49. Того же о делахъ чинившихся книгъ.
 Фридерика Вилгелма, въ дву 66. Иоанна Вальнта о греческихъ
 книгахъ. медаляхъ.
 50. Векиа ясъяснение о школи, 67. Буцелина о наследствахъ дому
 две книги. Аустринского.
 68. Виллягбѣи история о рыбахъ
 съ еигурами.
 69. Спигилиева анатомия.

70. Археология о законникахъ Овинскихъ.
71. Представление Императорское о правахъ и дѣйствахъ публичныхъ о войне и протчаго.
72. Бегера сокровище Бранденбургское о медаляхъ греческихъ.
73. Моверста театръ о несекомыхъ въ лицахъ.
74. Вимюнта история о Птоломѣяхъ.
75. Иоанна Блива театръ всего света съ картами, 6-ть книгъ.
76. Англинской домъ Оксония еигура означенная.
77. Сарниця погодное списание о дѣлахъ Полскихъ.
78. Лебеница театръ о кометахъ съ еигурами.
79. Изображение святыхъ греческихъ і московскихъ.
80. Буцелина топографическая Германіи въ четырехъ книгахъ.
81. Виргилия Марона творение.
82. Гроццюзъ о войне и мире, третья книга, протчихъ нетъ.
83. Гелмонда хроника погодная словенская.
84. История о помоществахъ божественной благодати.
85. Плутина о жисни и дѣйствахъ папежскихъ.
86. Гретана хронология.
87. Книга математическая старая безъ автора.
88. Хроникъ Полской.
89. Ариана история индейская з греческимъ.
90. Невговия посольство Батовинское съ еигурами.
91. Спенера история о снагахъ славныхъ людей
92. Орнольда таблицы географическая.
93. Похвала надгробная Вилгельма третяго і Маріи второй.
94. Кромера о дѣлахъ Полскихъ.
95. Хроника Полская.
96. Якова Тригланда собрание о Додоне.
97. Каземира Демоневистъ артилерия.
98. Гелвеця театръ историчной и хронологичной.
99. История о делахъ и городе Амъстердаме.
100. Мозолеи о короляхъ и князьяхъ венгерскихъ.
101. Гвангина описание о сармацкой земли.
102. Преторни о земле готтичской.
103. Гамана отгласъ Каршиберской.
104. Гревия слово надгробное Вилгелма третяго Короля Британскаго.
105. Книга уставъ кодекса Юстинианава.
- въ четверть.
106. Туллия Цицерона творение.
107. Германа Витсия собрания расная изъ священного писания.
108. Иякова Девиць о древнихъ медаляхъ.
109. История о законехъ древнихъ персиянъ и ихъ волхвахъ.
110. Петра Поляна история о тридетнскомъ соборе.
111. Петра Пуерета о наученіи воспитанія закона християнскаго.

- анского и тайнъ богослов- 130. Гугена Диоптрика съ энгу-
скихъ. рами.
112. Иоанна Генденггера Тумулба 131. Иоанна Бѣклера толкования
о тридентинскомъ соборе две академическая.
- книги.
113. Давида Деродона творения 132. Линѣя, права всенородная рим-
эпизодовская. ская і немецкая, 5 книгъ.
114. Новый заветъ з греческимъ. 133. Лебница разныхъ писатели о
делахъ немецкихъ, въ дву кни-
гахъ.
115. Рейнъ Гедицъ зеркало веры 134. Дополнения къ таблицамъ Ри-
политической. свецкого миру.
116. Урлика Губора (или Губера) 135. Камерарія Эмблемы.
- Уставление исторіи граждан- 136. Леона императора о делахъ
ской. воинскихъ з греческимъ.
117. Филипа Лимбурха о истиннѣхъ 137. Кандида Курцъ Олюша ка-
Христианского закона. зание академическая.
118. Система о верахъ еврейскихъ 138. Евожъ исторія политическая.
- две книги.
119. Другая такая жъ въ дву кни- 139. Оилъ Клювера Географіа.
- гахъ.
120. Бекню хрониковъ съ перево- 140. Иоанна Люнигия о публи-
домъ халдейскимъ две книги. чныхъ негопцацяхъ всей
Европы отъ 1674 по 1702
годъ.
121. Витриариа Уложенье правъ 141. Регенвопия система исторія
народныхъ римскихъ і неме- хронологическая церкви сла-
цкихъ, книга первая. венской.
122. Августа Оейвера метафизи- 142. Шкота маханическая книга
ческая, книга первая. съ энгурами.
123. Герарда Деоклтианъ і Ма- 143. Метаэзика рукописная.
- ксимиянъ.
124. Мозиса Монимонида предло- 144. Секендорѣа толкования о лю-
жение о началехъ божестве- тѣрствѣе.
- ного' устава.
125. Облежение честной горы Чен- 145. Собранія италианская о раз-
стоховской. ныхъ вещахъ ученыхъ лю-
дей, 4 книги.
126. Иоанна Гордвинъ о высочай- 146. Казаніе объ Божественной
шей Пасхѣ. литоргіи и пощеніи.
127. О согласіи мѣстъ священного 147. Тучана оглавление собствен-
писания. ныхъ імянъ мужескихъ і жен-
скихъ.
128. Спангемилъ о земли Рим- 148. Изреченіе Королей Полскихъ.
- ской.
129. Устиниана всенородныя пра- 149. Кнапюсъ лексиконъ с пол-
вы гражданския. скимъ.

150. Христиана Гугена околичности о земляхъ і небесныхъ.
151. Иоаннъ Антония Выперана о держаниі Португали отъ короля Филипа история.
152. Разсужденія богословская, книга старая.
153. Концея дискурсы о правахъ.
154. Петра Куenea о республике Еврейской.
154. Часы Еврейския на послание первое хъ Коринѳянамъ.
155. Петра Либремберка травникъ въ лицахъ.
156. Салмасия о делахъ воинскихъ Римскихъ.
157. Роберта Поркѳя о политѣе Домковской.
158. Повесть о странахъ Иудейскихъ отъ Гишпанцовъ разоренныхъ.
159. Диспутация школьная о божественномъ смотреніи.
160. Два поученія о царстве божіи, въ одной книгѣ.
161. Символы исъ еигуръ священнаго писанія въ лицахъ.
162. Гендана о начале преступленія.
163. Антона Фондала о началѣ идолатри и суперстициеръ правого и ложнаго пророчества.
164. Павла Сарпа история Тридентинская.
165. Корнигия о рубежахъ Германской земли, 2 книги.
166. Библиа.
167. Горація Олякція Эпистолы.
168. Книга Алѳабетъ для обученія писма.
169. Права Князя Гвастями еранцускимъ языкомъ.
- латынскія въ осмушку:
170. Грютера Лампада свободныхъ художествъ 5 книгъ. Тома 1, 3, 4, 5, 7, протчихъ нетъ.
171. Плиния Епистолы.
172. Юста Липсиа творенія 4 книги.
173. Горстия Раи духовный.
174. Библиа Венецкой печати.
175. Люцмана творенія з греческимъ языкомъ 2 книги.
176. Арида о истинномъ христианствѣ 2 книги.
177. Вилиота о разныхъ случаяхъ Европскихъ.
178. Макария Египецкого книга з греческимъ языкомъ.
179. Коменія Дверъ языкомъ латынскаго и голанскаго.
180. Наставленіе Еврейскаго языка.
181. Житіе Мартина Лютера.
182. Станигурста о бесмертныхъ исторіяхъ, нравоучительная.
183. Грамматика руская Лондонской печати.
184. Дапъ Еремита о жизни придворной.
185. Лексиконъ съ немецкимъ языкомъ.
186. Лексиконъ триязычный зъ греческимъ и галанскимъ.
187. Светонія история Римская, 2 книги.
188. Альдеибурха сокровище о республикахъ, часть 2, 3, 4, три книги, первой нетъ.
189. Лексиконъ зъ Галанскимъ языкомъ.

190. Воссна реторика.	215. Дверь языковъ съ аглинскимъ.
191. Гроцыя правы натуральныя и народныя.	216. Ключерия Геограеия.
192. Служебникъ Римской.	217. Петра Франка о красноречіи.
193. Другой такой же.	218. Гориа о улике.
194. Погодное описание о делахъ Аглинскихъ въ королевство Елисабеты.	219. Ренегадограеъ о органахъ женскихъ.
195. О. Аквината теологіи часть 3-я.	220. Мавритиусъ о войне Галанской.
196. Читанія Академіи Кадмелианской.	221. Гориа политик исторіи Геограеическая.
197. Стевана Меноцыя гіерополитика.	222. Краткое изъяснение греческия церкви.
198. Приветсва подравительная на рождение, браки, протчия.	223. Бетига дискурсы академическия.
199. Пляута комедіи.	224. Саведра Символы политическия.
200. Аристотеля риторика.	225. Королевы Христианнешей о правахъ Брабанскихъ.
201. Альтинга краткое собрание исторіи священной и светской.	226. Изрядства Португальския и Гишпанския.
202. Лексиконъ Берейской съ халдейскимъ.	227. Пуеендореа дискурсы о союзе Шведовъ съ еранцузами.
203. Венделика Институціи политическая.	228. Аристотеля реторика.
204. История о бичеване.	229. Клерика Филозоеия восточная, книга вторая, первой нетъ.
205. Аниъ Люкана о войне Цесаря.	230. Бархугена Сентенціи еизикохимическия.
206. Иоаннъ Клерика Филозоеия.	231. Алетоеиля науки езуитския.
207. Дискурсъ о правахъ преценденціи.	232. История епископовъ и Декановъ Ланъдонскихъ.
208. Житие Сканденберха.	233. Геллядия о ныиъшнемъ состояниі Греческия церкви.
209. Поучение на празники.	234. Цыцероновы ораціи.
210. Люлия Ляктянцусъ Богословная.	235. Анией Флора о делахъ римскихъ.
211. Ганелия о короляхъ Европскихъ и о ихъ статутахъ.	236. Гревия писма сладкоречія.
212. Крагия о республике Лакедмонской.	237. Фирстенерия о праве и посольстве князей немецкихъ.
213. Книга Публия Овидія.	238. Еразмія глупости хвала.
214. Конрингия дискурсъ академической.	239. История устоновленіи твореніе отъ 1708 до 1713 году.

240. Липсія исторія Веллея Патеркуля. книги: 1, 4, 6, второй и пятой нетъ.
241. Арида примечания о истинномъ христианстве. 265. Кепна о храме Соломонове.
242. Палмерия апология налпана. 266. Другая такая жъ.
243. Институты катихизическия. 267. Горна исторія универсальная.
244. Анны Маріи Шурманъ епистоли и поемы. 268. Кароля Дрелинкурта о зачатіи и рожденіи человека.
245. Манестрерия Филозофия. 269. Голтерия нравоучения сладкоречия.
246. Каноны о Тридентияскомъ соборе. 270. Описание греческой жалости.
247. Пуеендореа дискурсы облигации интересияхъ, республикахъ и прочая политичная. 271. О пещерахъ Киевскихъ.
248. Горация Флякця поэма. 272. Криспа Салюстия о войне.
249. Нормание православное исповедание восточная церкви з греческимъ. 273. О старомъ праве пресвитеровъ.
250. Грановия о делахъ римскихъ. 274. Оунони Идѣя всей исторіи.
251. Известие о венгерской земле. 275. Устина Исторія о Помпей.
252. Тита Ливия о начале Іудейскомъ. 276. Петавия расположения времянъ.
253. Сононита с полскимъ языкомъ. 277. Гарткноха о республике полской.
254. Фабуды Езоповы з греческимъ. 278. Книга псалмовъ со еврейскимъ.
255. Иоаннъ Бона Гисторія симболическая или согласия пенія церковного, въ трехъ книгахъ. 279. Пророчества.
256. Клерика Физика 2 книги. 280. Псалтырь съ Евангелиемъ избраннымъ.
257. Гродня погодное описание, исторія Галандіи. 281. Списокъ Хранологіи.
258. Петрония Сатирикъ. 282. Синопсисъ въ ней исторіи.
259. Браеця хроникъ обще. 283. Короля Пасхалия посольство.
260. Изъявление князя святого Никнеора. 284. Каталогъ книгамъ Веспесияновымъ.
261. О соединеніи до утеснения дому Левино Голстинаго. 285. Демокритъ смеющейся.
262. Шамбориера политика. 286. О премененіи складу.
263. Горна политика. 287. Лебенталь собрание политическое.
264. Погодное описание света три 288. Мартефра География.
290. Театръ изъясненны о Мессии истинномъ.
291. Горна исторія Орбисъ имперансъ.
292. Иоаннъ Геронима.

293. Тлука Епиграммы.
294. О скончаніи жизни.
295. Неугаза писма дружелюбныхъ.
296. Собрания мѣсть теологическихкихъ.
297. Разговоръ о вере каталической.
298. Ляктанцыя о смерти гонителей.
- Латынские въ полѣосмуху:**
299. Ѡмы Аквинатисъ о регуле князей.
300. О республике Намурской.
301. Бузбыка эпистоли.
302. Геллиса о Костентиной полицатахъ.
303. О республике Боемской.
304. Валериусъ Максимусъ.
305. Босворъ о устье традискомъ.
306. Венденагера о генеральной республике.
307. Светониусъ исторія.
308. Политика генеральная.
309. О республике Венецкой две книги.
310. Разсуждения священная.
311. Описание о Галандіи.
312. Книга Овидіева.
313. О княжестве во Италиі.
314. Списание о Венгерской земли.
315. Кемписъ последование Иисуса.
316. Описание Швеціи.
317. Еликтета списокъ.
318. Разсуждение святаго Августина.
319. О монархе еврейской.
320. Старой и новой заветъ две книги.
321. Гороры и обычай восточныхъ.
322. Магія натуральная о секретахъ.
323. Размышление о вечности.
324. Гроцыя о лиари свободномъ.
325. Тайности разума гражданская.
326. О республике греческой.
327. Психология немецкая.
328. Олая Мсгія Готты о дивныхъ вещахъ натуры.
329. Гроцыя эпистоли.
- Француские въ листъ:**
1. Лексиконъ Рожеортовъ на еранцускомъ языке.
2. Лексиконъ исторической Морериевъ четыре тома, въ дву книгахъ.
3. Лексиконъ Универсальной, названной трезоръ, въ трехъ книгахъ.
4. Лексиконъ критической Бѣлевъ, въ трехъ книгахъ.
5. Исерсера Инвентаръ генеральной на исторію еранцускую.
6. Бѣрнардова исторія о короле Людовике третьемъ на десять.
8. Театръ исторической въ дву книгахъ въ лицахъ.
9. О начале Француского дому.
10. Доматовъ уставъ гражданской по чину натуральному, две книги.
11. Рикарда о диспозицияхъ завещательныхъ.
12. Трактаты мирные, четыре книги.
13. Церемоніи Француской две книги.
14. О медаляхъ Ладовика четвертого на десять съ еигурами.

15. Реляция путешествия короля Англинскаго въ Галандию.
16. Описание инвалида дому больныхъ солдатъ въ лицахъ.
18. Первые пять книгъ Полибо-выхъ о разныхъ государьствахъ, переведенные зъ греческаго въ одной книге.
19. География Оурникера гидрография и наеигаци.
20. Путешествие Лебруново въ Персию съ вигурами.
21. Собрание для украшения домовъ.
22. Паула Гостя описание о коробляхъ.
23. Негоцыацыя президента Англина писания грамотками.
24. Уставъ о полицы книга первая, прочихъ нетъ.
25. Николая Шевалиера изыскание о древностяхъ въ лицахъ.
26. Ларрея история о Англии.
27. Журналъ посольства Граеа Портлакаво Францы, рукописная.
28. Новое изложение о геограен исторично.
29. Планы и лицо ратуши амстердамской.
30. Планы и еасады домовъ королевскихъ въ Париже и около.
31. Отласъ Сампсоновъ большой бумаги въ двухъ книгахъ.
32. Собрание картъ геограенческихъ Делилевыхъ.
33. Годевилляотласъ исторической, вторая и третия книга.
34. Коронелля книга корабльная сътолкованиемъ частей на италянскомъ языке.
35. Карусельская книга.
- Француские въ четверть:**
37. Оикеоорта должности полской.
38. Лока Филозофия о разсуждени человеческомъ.
39. Трактаты мирныя, въ семи книгахъ.
40. Письма Кардинала Доссата, две книги.
41. Кузина история римская.
42. Собрание панегириковъ академи Француской.
43. Лянга новая еорма по новымъ указомъ.
44. Кузина история, четыре книги.
45. Рикарда о промене по завещанию или договору.
46. Помея лексиконъ трызичной, две книги.
47. Кузина история костентиньпольская семь книгъ, второй нетъ.
48. Паравицына девизи и эмблемы любовныя на семи языкахъ.
49. Фелибиена начала архитектурная, резныя и живописныя.
50. Описание о дворе еранцускомъ рукописная.
51. Сентевремонта о разныхъ вещахъ, две книги.
52. Политика дому аглинского.
53. Домъ королевской версальской.
54. Такой же поменше.
- Француские въ осмушку:**
55. Уведомление негоцыатеромъ.
56. О революции полской.
57. О государстве великобританскомъ книга вторая.

58. О государстве аглинскомъ кни- 80. Садовникъ Французской две
га вторая.
59. Регламентъ генеральной во- 81. Поученіе Сорионовы.
59. семь книгъ, а четырехъ пер- 82. О княжествахъ Флоренскомъ,
выхъ нетъ.
60. Указы военные, книги три: 83. Домъ регулярной.
- первая, вторая и четвертая. 84. Новыхъ трактатовъ две книги.
61. Вояжъ Европской три книги: 85. Письма любовные.
- 6, 7, 8, прочихъ нетъ. 86. Шапуда космограѳія исторія,
книга первая.
62. О мастерствахъ живопис- 87. Исторія о дворе римскомъ.
- цовъ три книги: 2, 4, 5. 88. Уставы морскія короля Людо-
вика четвертогонадесять.
63. Наука людей придворныхъ, при- 89. Собраніе разныхъ трактатовъ
казныхъ, военныхъ, две книги.
64. О архитектурѣ военной, кни- 89. мирныхъ, две книги.
- га вторая.
65. Септевремонта о разныхъ ве- 90. Межа о государстве велико-
щахъ книга вторая.
66. Исторія о бунтованіи аглинс- 91. Исторія Корнелія Иоаннъ Де-
комъ две книги 1, 6-я.
67. Случаи Розелля, книга вторая, 92. Письма Гилтамиля, книга вто-
первой нетъ.
68. Баркляя апологія въ истинной 93. Мемориалъ маркиза Гилькар-
теологіи христіанской.
69. Фигуры версальскія. 94. Комедіи Шепетълевы, книга
70. Лабиринтъ версальской.
71. Шонербърга Исторія о закон- 95. Примѣчаніе о нидерлянской
никахъ въ лицахъ.
72. Евожъ о всехъ ордѣнахъ ко- 96. Мемориалы о Полше, две
валерскихъ, две книги.
73. О войнѣ Гишпанской. 97. Сентреалъ о вещахъ разныхъ
критическихъ.
74. Подота мемориалы и описани 98. Девера совершенной посолъ,
Италіи, две книги.
75. Фөрриѳа уложеніе правъ Фран- 99. Адвокады для Шеверелля и
цузскихъ две книги.
76. Поученіе Флетъводовы.
77. Письма граѳа Естрады три 100. Манеръ, какъ письма писать.
- книги: 1, 4, 5. 101. Дѣйства жалостныя любви,
книга первая.
78. О государствѣ Французскомъ 102. Житіе Буелоново.
- книги 1, 3, второй нетъ.
79. Мембурха Исторія о схисме 103. О интересахъ аглинскихъ.
- грековъ, книга первая. 104. Наука, какъ говорить.

105. Проектъ о десятине королев- 128. Введение для обучения языка
ской. латынского въ лицахъ.
106. Сокровище о молитве душев- 129. О государстве нынешней им-
ной съ полскимъ языкомъ. перии Морока.
107. Кордиера разговоры съ латын- 130. Мемориальъ Иоаннъ Девида.
скимъ. 131. Бѣллегардъ реелекси мораль-
ныя, забавныя.
108. Реляция геограѳическая о Мо- 132. Описание двора римского.
скве на италианскомъ языке.
109. Клеопатра часть третья.
110. Секретарь кабинетной.
111. Защищеніе вышнихъ альна- 133. Пашквиль Галанской на Фран-
товъ, вторая часть. цузъ въ лицахъ, въ листъ,
112. Изрядства испанскія две кни- 134. Книга домъ галанской Клинд-
ги, первая и третья. далъ планы и есады, въ листъ.
113. О государстве еранцузскомъ. 135. Атласъ морской галанской.
114. Книга о канетахъ и протчихъ 136. Книга псалмовъ и стиховъ
приправахъ. полской.
115. Походы Карлуса второго на- 137. Псалтырь съ нотами на галан-
десять, короля шведкого. скомъ языке.
116. Новая грамматика еранцуз- 138. Известія о древней церкви за-
ская съ латынскимъ. падной, Полская.
117. Краткое описаніе о вере ка- 139. Книга Турецкая или Персид-
толической съ полскимъ. ская въ четверть.
118. Жадра история Людовика, ко- 139. Книга Турецкая или Персид-
роля еранцузского. ская въ четверть.
119. Разобраніе света со тмою.
120. О владеніа папежскомъ, книга 120. О владеніа папежскомъ, книга
первая. первая.
121. Кабинетъ княжской.
122. Грацыана человекъ придвор- 122. Грацыана человекъ придвор-
ной. ной.
123. Мемориальъ госпожи X-X-X.
124. Гринарета о походахъ Коро- 124. Гринарета о походахъ Коро-
люса двенатцатого, короля люса двенатцатого, короля
Сведского, книга четвертая, Сведского, книга четвертая,
первыхъ нетъ. первыхъ нетъ.
125. О делахъ Европскихъ 1709 125. О делахъ Европскихъ 1709
году. году.
126. Дискурсъ о скоте учиненномъ 126. Дискурсъ о скоте учиненномъ
въ машину. въ машину.
127. О житъе граѳа Дегалловея. 127. О житъе граѳа Дегалловея.

Разныхъ языковъ книгъ:

въ осмушку.

Резстръ Полскимъ книгамъ.

1. Книга история риторова о мо-
нархи Турецкой въ дестъ.
2. Книга издание Вакланова о за-
чатіи гербовъ шляхтъ полской
и великого княжества литов-
ского, виршами въ дестъ.
3. Книга поученіе ксенза Тома-
ша Млодяновского въ дестъ.
4. Книга Економика земская Ка-
зимера Гавра, въ дестъ.
5. Кроникъ полской отъ 1198
году, аче издание неизвестно,
начального листа не имѣтца,
въ дестъ.

6. Книга поучение о пришествіи антихриста, а чье издание неизвестно, начальныхъ листовъ нетъ.
7. Хроникъ полской Мартина Бѣлского въ десть.
8. Книга житіе святыхъ ксенза Петра Скарги, въ десть.
9. Книги годовые деяни церковныя отъ рождества Христова ксенза Петра Скарги, въ десть.
10. Лексиконъ на латынскомъ, немецкомъ и полскомъ языке, а чье издани, не извѣстно начальныхъ словъ не имѣтца, въ четверть.
11. Книга называемая ноти и пятранъ Христовы Черниговского архіепископа Лазаря Барановича въ четверть.
12. Книга, называемая Люстія Ополонова полскими виршами въ четверть.
13. Книшка жарты дворские, въ четверть.
14. Книга изданіе ксенза Бѣнедикта Павла Болка о древней вере, въ четверть.
15. Книшка названа политика божія или дѣяніе Христово, изданіе Французска Виллегаса въ четверть.
16. Книга peregrinacia князя Миколая Криштова Радивила къ святой земле изданіе ксенза Андречей Варгоцкого въ четверть.
17. Книга гистория о чудотворномъ образе пресвятыя Богородицы Честоховской, въ четверть.
18. Книшка при всякихъ случаяхъ различныхъ приветстве, въ четверть.
19. Книшка, названа смерти или креста Христова, изданіе архіепископа Черниговского Лазаря Барановича, въ четверть.
20. Книшка Страсти Господни, изданіе Веспѣзіана Кохановскаго, виршами, въ четверть.
21. Книга исправление обычаевъ полскихъ, въ четверть.
23. Книга названа алеабѣтомъ о научени и навручени геретиковъ къ вере, въ четверть.
24. Книга житіе святыхъ вкратце, виршами, въ четверть.
25. Алкоранъ противъ Махометовыхъ наукъ изданъ въ Чернигове, въ четверть.
26. Книшка присловіемъ полскимъ, въ четверть.
27. Книшка собрание краткое ествъ, въ четверть.
28. Тетрадь Економія крестьянская на четыре части года, въ четверть.
29. Книга о уставахъ русскихъ и отпоръ на еалшивые вопросы, на латынскомъ и полскомъ языке, начальныхъ листовъ нетъ. въ четверть.
30. Книшка, письма и церемониальные разговоры, изданіе ксенза Войцела Тылковского, въ осмушку.
31. Книга, называемая Гарѣа духовная, молитвенникъ, въ осмушку.
32. Книшка духовная ежедневного размышления, изданіе ксенза полскаго, въ осмушку.

33. Книга гистория о Мелюзине, въ осмушку.
34. Книшка воинского благочестия въ которой науки, молитвы и приклады воинскому чину принадлежащие, издание ксенза Петра Скарги, въ осмушку.
35. Книшка, наука о исповеди, въ осмушку.
36. Книшка Псалмовъ полскихъ виршами, въ польскомушку.
37. Книшка сынонима или дицыонарь на латынскомъ и полскомъ диолекте въ осмуху.
38. Книга апология, рассуждение Римской церкви о вере, на латынскомъ и полскомъ языке, въ четверть.
8. Книга новы тестаментъ Армянскаго языка, въ осмушку.
9. Книга автора Лети, житие Филипа втораго Короля Гишпанскаго на немецкомъ языке, въ осмушку.
10. Книга Якова Котса эмблемы съ еигурами на галанскомъ языкѣ, въ десть.
11. Книга Христофора Мебо практика конская на аглинскомъ языке, въ десть.
12. Книга Корнелия Дебруна путешествии Московскаго, Персидскаго и Индiи, на голанскомъ диалекте, въ десть.
13. Дикционарь аглинской зъ галанскимъ Севейся въ четверть
14. Книга навигацкая на аглинскомъ диолекте, въ четверть.
15. Книга трактаты галанские съ разными потентами, на галанскомъ языкѣ.
16. Книга путешествии Кондронта Фонклека, чрезъвычайнаго посланника къ его Императорскому Величеству всероссийскому, на галанскомъ диалекте, въ четверть.
17. Книга о правахъ морскихъ и корабльныхъ на аглинскомъ, въ четверть.
18. Книга трехлѣтнее путешествие Избранта въ Хину съ Москвы, на галанскомъ языке, въ четверть.
19. Книга история о состояни армянскаго народа, на армянскомъ языке, въ осмушку.
20. Книга, называемая комедия Гварика постулверные на га-

Книги немецкаго языка и на прочихъ диолектахъ:

1. Книга, называемая театрумъ Преценние, одна часть о вражде, вторая о учрежденiи сиятельныхъ ранговъ, издание Еремгарта Цвейбурха, въ десть.
2. Книга магдебурскихъ учреждений и особливыхъ приказаний, издание Магдебурскаго управителя князя Августа, въ четверть.
3. Книга житие и чудеса святаго Николая Мирликийскаго, въ четверть.
6. Книга, описание что имѣтца въ саксонскихъ каморахъ вещей курioзныхъ, на латынскомъ и немецкомъ языке, въ осмушку.
7. Книга Януа на трехъ языкахъ латынскаго, греческаго и немецкаго, въ осмушку.

- ланскомъ, виршами, въ ос-
мушку.
21. Книга церкви армянской сти-
ховъ, на армянскомъ языкѣ,
въ осмушку.
22. Книга разговоры ученья на
галанскомъ и еранцузскомъ
диолекте, въ осмуху.
23. Книга Гистория о великой
Британіи, на галанскомъ дио-
лекте, въ осмуху.
24. Книга генеологическая, поли-
тическая разныхъ властели-
новъ, вторая часть, на галан-
скомъ языкѣ въ осмуху.
25. Книга такая жъ генеологичес-
кая, третья часть, на галан-
скомъ языкѣ, въ осмуху.
26. Книга вояжъ Нивстадовъ съ
Полши въ Москву на галан-
скомъ языкѣ, въ осмушку.
27. Книга новой заветъ на гре-
ческомъ диолекте, въ осмушку.
11. Регламентъ о управленіи адми-
ралтейства, Сантъ-Питеръбур-
ской печати.
12. Треодъ постная Киевской пе-
чати.
13. Разсуждение о войнѣ швецкой,
Сантъ-Питеръбурской печати.
14. Ариѳметика творение Магниц-
кого, Московской печати.
15. Уставъ военной, Сантъ-Пи-
теръбурской печати.
16. Введение въ историю чрезъ Са-
муила Пуеендореа, Сантъ-Пи-
теръбурской печати.
17. Ученія и практика артилеріи.
18. Требникъ Пегра Могилы,
Киевской печати.
19. Книга геограеия генеральная,
Московской печати.
20. Евангелие Кирилла Транкви-
лиона.
21. Кирилла архиепископа Иеру-
салимского, Московской пе-
чати.

Книги рускіе.

1. Собрание картъ геограичес-
кихъ и протчихъ творенію Ку-
прияиновъ въ большихъ листахъ.
2. Евангелие Московской печати.
3. Симеонія Псалмовъ.
4. Служба и житіе чудотворца
Сергія.
5. Артикулъ и уставъ военной
старой, Московской печати.
6. Другой такой же.
7. Катихисисъ.
8. Православное исповеданіе ве-
ры восточные церкви.
9. Земноводного круга краткое
описание.
10. Варлаама и Иосаѳа царевича.

22. Венець христовъ, Киевской
печати.

Книги писменные въ листъ.

23. Глаголемая Козмы, нарицае-
мого Индикоплона.
24. Нравоученіе святаго Антиоха.
25. Житіе и подвизи преподоб-
ного отца нашего Никиты
Столпника, переславского чю-
дотворца.
26. Житіе блаженного Петра ца-
ревича и братанича царя Беркъ.
27. Большая козмограеия славен-
ского языка, древняго писма.
28. Книга глаголемая Деонисія
Ореопагита.

29. Семиона блаженного архиепископа Фессалонійскаго.
30. Служба святаго великомученика Андрѣя Стратилата.
31. *Книга списковъ германскихъ на имя Артемона Сергѣевича Матвѣва.*
32. Венецъ веры коволические на основаніи символа святыхъ Апостоль.
33. Регламентъ генеральной.
34. Алкоранъ Магметовъ учениемъ жидовскимъ исполненный.
35. Преподобнаго отца нашего Дмитрея Вологодскаго чудотворца и служба ему.
36. Книга правильная священноинюка Матвѣя.
37. Юлія Фронтина сенатора римскаго о случаяхъ военныхъ, на четыре части разделенные.
38. Хранографъ.
39. Святаго Василия Амасійскаго.
40. Книга, глаголемая судопрениа святаго Аванасія.
41. Собрание обучательное складамъ и письмамъ съ латинскимъ и полскимъ языкомъ.
42. О разныхъ вещахъ правоучительная.
43. Уставления временъ венца, писано летописцомъ.
44. Костентина Арменопола.
45. Книга записная Юстиць—Колезская, получаемымъ указомъ 1720 году изъ сената.
48. Диоптра зеркало живота челоическаго, Киевской печати.
49. Другая такая жъ.
50. Служба Иоанна войственника, Московскаго печати.
51. Следованная псалтырь съ канунами, Киевской печати.
52. Новойзаветъ, Киевской печати.
53. О житіи святаго Еорема Сирина и протчихъ, Московскаго печати.
54. Синописисъ, Киевской печати.
55. Лексиконъ триязычны зъ греческимъ и латынскимъ, Московскаго печати.

Книги писменные въ четверть листа.

56. Козмография малая.
57. Епистоли Циперона.
58. Житие Никона Патриарха Московскаго.
59. Всяческаго рода предначинание.
60. Мееодия Епископа Памелискаго.
61. Брашно действъ различныхъ.
62. Приклады, выписано изъ житія святаго отца нашего Григорія Назианзина.
63. Житие и страдалчество святая великомученицы Екатерины.
64. Служба и чудеса блаженнаго Исидора юродиваго, ростовскаго чудотворца.
65. О крешеніи и о кропленіи.
66. Служба и чудеса пресвятые Богородицы, имянуемая Толския.
- Книги печатные въ четверть.
46. Мессия, Киево-печерскаго печати.
47. Апология, Могилевскаго печати.
67. Поучение Иоанна Златоустаго, архиепископа Костентина града.

68. Зерцало богословіи, отъ многихъ книгъ богословскихъ избранное.
69. Иякова жидовина, списано Иосифомъ новокрещенымъ.
70. Летописецъ вкратце списано о двинскихъ жителяхъ, и о наследникахъ и о судьбахъ и воеводскихъ и дьячыхъ приездахъ.
71. Другой такой же.
72. Чиновникъ.
73. Служба пресвятыя Богородицы и приснодевы Маріи Тихвинские и чудеса.
74. Служба и чудеса святаго Филиппа митрополита.
75. Житие и подвизи преподобнаго мученика Никиты Столпника Переславскаго чудотворца.
76. Служба и житие благовернаго князя Глеба Владимерскаго.
77. Изображение Кириллово Иулиана.
78. Тропникъ.
79. Толкование на некоторы Евангели.
80. Приклады правоучительныя.
81. Судище отъ Еврей надъ Христомъ отъ пантискаго Пилата.
82. Теооилакта архиепископа Болгарскаго предисловіе.
83. Беседа Белоперковная.
84. Святаго Иоанна Домаскина.
85. Поминание прежде отшедшихъ душъ къ Богу.
86. Оглавление повестей, обретающихся въ гранограе.
87. Служба преподобнаго и богоноснаго отца нашего Михаила
- Клопскаго, Новгородскаго чудотворца.
88. Житие Езопа Фригискаго.
89. Оглавлѣніе статей зъ государева указу.
90. Святаго Теодора Аеукара, бывшаго епископа Карискаго.
91. Службы и чудеса отъ образа пресвятыя Богородицы въ великомъ Нове граде.
92. Чинъ на патриаршески престолю.
93. Ермологи на старыхъ нотахъ.
94. Приклады ись пророковъ.
95. Книга хлебъ животны.
96. Святыхъ отецъ писание полскаго немецкаго языка.
97. Житие и чудеса святаго праведнаго и блаженнаго Проккопия иже Христа ради юродиваго, Устюжскаго новаго чудотворца.
98. Врачевание полагаемое противъ ядовитыхъ угрызениевъ.
99. Святаго Иоанна Домаскина.
100. Житие преподобныхъ Зосима и Саватія Соловецкихъ.
101. Проблемы геометрическия.
102. О заповедяхъ и тайнахъ, выписано изъ книгъ разныхъ.
103. Сборникъ, потому что изъ многихъ книгъ выписана.
104. О двою во Христе естеству и единой ипостасие толкование.
105. Описание церкви Соевские.
106. О разбоиническомъ Флоренскомъ соборище.
107. Патерикъ Печерской.
108. Сборникъ малой.
109. Описание воротъ чести въ Га-

геучиненныхъ ко приезду Вилгелму Аглинскому, Скотскому, Французскому и переводъ исповедания веры ихъ.

книги печатныя полчетвертныя.

110. Грамматика.

111. Геометрия.

112. Лагориэма.

книги писменныя полчетвертныя:

113. Деолектика о послани Иоана Домаскина.

114. Слово на погребение Христово и о иныхъ вещахъ.

115. О сотворени мира зъ беседами.

116. Книга Григория Богослова.

Противъ присланнаго рѣстру явилось сверхъ во излишестве.

Книга Оигуры оптическия въ ней девять листовъ.

Книшка Валерия Максима, приклады нравоучительныя, въ четверть.

Книшка Хвальковскаго некоторыя полския описание, въ четверть.

Книшка Полская, наука о исповеди покояния, въ осмуху.

Книги, которые приняты отъ Графини Матвѣевой.

Русскіе въ листъ.

1. Книга Вечери душевныя.

2. Книга Обедь душевныя.

2. Псалтырь виршевая.

Въ четверть листа.

4. Книга Слово благодарственное Господу Богу.

5. Книга Лексиконъ имянъ толковая.

6. Книга Лексиконъ трязычный.

7. Книга службы мученице Варваре.

8. Книга тестаментъ, въ полчетверти листа.

Въ листъ писменныя:

9. Книга венець веры.

10. Книга Беседословіе.

11. Книга о разнстве.

12. Книга Святаго Антониа Сійскаго.

13. Книга псалтырь толковая.

14. Книга святаго Максима Грека.

15. Книга, глаголемая Богословия.

16. Книга святаго Иоанна Златоустаго.

17. Книга святаго Козмы пресвитера.

18. Книга святаго Григория Беседовника.

19. Книга святаго Иоанна Златоуста.

20. Книга Хризмология.

21. Книга Исака Сирина.

22. Книга зеркало Богословія.

23. Книга святаго Кирила Иеросалимскаго.

Въ четверть листа.

25. Книга службы Богородицы Оедоровской.

26. Книга толкования на соборное послание Ияковля.

27. Книга святаго Юродиваго Андрея.

28. Книга служба Филиу митрополиту.

29. Книга апоегмать или извѣщаніе.

30. Книга служба Александру Свирскому. 19. Адагии, то есть пословицы собранные.

31. Книга приклады духовныя. 20. Инеортиатумъ сеи Бандеигнарумъ гражданскихъ правъ томумъ (?)

Иностранные въ листъ.

1. Земляная и морские карты о понте Евксинскомъ въ большемъ листу.	21. Ригаека региумского.
2. Новой большой атласъ на большомъ листу.	22. Девисль лесъ Өртиѳикационъ.
3. Постия опера архитектоника Хагеномичнива втукта (?), на большомъ листу.	23. Волумень Легумъ парвамъ.
4. Посца архитектора, томисъ I.	24. Эгвинати Баронисъ виритутумъ квестионумъ юрисъ, волумень (?)
5. Юсти Лииса все опера тому 2, 4, две книги.	25. Белумъ доместикумъ косокоств интересъ тартаросъ, такожь Московъ соекокоств Гунтатовъ Полоиние.
6. Посольства Өридеречи Демарселерь.	26. Венеронисъ Лексиконъ на полскомъ языкъ.
7. Спанхеми де Нумисъматибусъ, томи.	27. Вигелии дигесторумъ опера.
8. Уптани десурдно милитарии такоже олиорумъ Пера, страница.	Въ четверть.
9. Леунклавиі Гистория Мусулмана.	28. Ключери Епитомъ гисториарумъ о всемъ свете.
10. Посевини Москвоия Этъ алия опера.	29. Емануились Сашания въ Евангели (?)
11. Берниги Өлорусъ даникусъ.	30. Аѳиандріи четыре Евангелия.
12. Мерси Гисторика данука етъ бельгика.	31. Бекманисъ систагматисъ дигнитатумъ парсъ.
13. Спесънери Театрумъ нобилататисъ Европе.	32. Аѳиандри которые части второго завета (?)
14. Магнуса Гистория Государствъ русскихъ и шведскихъ.	33. Смети антиквитатесъ Исоматесъ (?)
15. Региструмъ хронологикумъ и прочіе древніе печати, на большомъ листу.	34. Вите селъ игнуромъ аликвотъ вирорумъ.
16. Меибома Германскихъ делъ Пасцы, волумень I. I.	35. Лимнъ авдиционесъ адъ юсъ публикумъ.
17. Витрувия архитектора.	36. Завадски Гистория аркана сенъ анналиумъ Полоникорумъ, либри VII.
18. Маурацениі Гистория венецкая.	37. Сегнети хомо христианусъ.
	38. Өритъсени паксъ русвикенсисъ.

39. Табула Хранология севе дукумъ лотхаригея Брабантие.
40. Мансингерись обсервацумъ юрисъ Кунтурие.
41. Тарювиусть инъ понамъ про-
ѳетамъ.
42. Брини Коллегиумъ политико-
юридикумъ.
43. Описание разныхъ городовъ.
44. Гартмана и прочее квести-
онумъ юрисъ либеръ I. I. Ин-
кантакту.
45. Арданансъ Ледовиса XIV.
46. Гарати опера.
47. Вехенъмеиеръ казаніи.
48. Пруская Ѳама.
49. Есаи дас диктионари контентъ
и оной Санне Ди монде.
50. Лезусть этъ коутумесь де ла
меръ.
51. Штиле Уневерзалде тутесь
Деламеръ лесъ курсесь парме
Гауретъ, томи I. I. вторая
книга.
- Въ осмуху.**
52. Престанциумъ Брудиторумъ ви-
рорумъ Епистола.
53. Грутери тесаурусь критикусъ.
54. Унгерская и турецкая кроника.
55. Годвинъ Моисеа Иоарона.
56. Мигестатской презентъ дела
Гринтъ бретаніи томъ I. I.
57. Аулусть Геллиусть.
58. Марендони комитисъ Гистория
дела лебелномъ Англинской
тере томусъ I. I. IV. V.
59. Кроеси Гистория Герреорумъ.
60. Марлианіи та автрумъ политика.
61. Нердени Инитио Академиа
Ѳреверенъсисъ.
62. Вестери казаніи о страстяхъ
Христовыхъ.
63. Летресъ меморесъ редемать
ле коръ тадеестрадесъ, томи-
усть I. I. I. I. I. две книги.
64. Мигири Писциология.
65. Вите етъ мортисъ Ѳрантунде
вितъ Гистория Галице.
66. Реляция Купанисъ де анно
1710 г.
67. Трактатусъ догматикусь де
вокацйоне Гентриумъ.
68. Ѳаутесъ десъ денксе коедере.
69. Антони Девера лагатусъ пар-
еектусъ Галице.
70. Лесъ Консеисъ етъ летъ мак-
симисъ де Писпасъ.
71. Алхенбулгери тесаурусь ре-
румъ публикарумъ.
72. Дескрипционъ ноувелъ де ла
вилъ де Пари томулусъ. I.
73. Статъ Ѳранцуской I. I. III.
две книги.
74. Летресъ ди мисюри де хе-
валесъ Гурътемпле.
75. Летръ де парлесъ аллемандъ,
томулусъ. I. тожъ 10. две книги.
76. Регламентъ ардонансесъ ду-
роиде ѳомулусъ.
77. Лесъ делицесъ дель Еспагне
этъ ду Португаль томулусъ.
III. XIII. XIV.
78. Акта регисъ Туриненсисъ
э стривигенъсисъ Галице.
79. Лексиконъ новой съ ѳранцус-
каго зъ греческимъ.
80. Коде милитаире репаръ дес-
тавде.
81. Ла гверре де Италие.
82. Статера белли Парижская,
парсъ прима.

83. Шурманъ мелиорисъ партисъ елъксио. 105. Комѣни янѣме линѣгварумъ вистубулумъ.
84. Лебле трактатусъ де Инструкци Оутири Консилиари. 106. Цецеронисъ Физолоѳикорумъ, волумень.
85. Лаутербахи компендиумъ юрисъ империи. 107. Буксторіи лексиконъ на еврейскомъ языке.
86. Куллисъ де легаѳионибусъ статусъ. 108. Сибири компентариусъ, въ махъ.
87. Новообъявлѣнной Европского Стата титулаѳъ. 109. Кондради лаги медодусъ псалюрисъ.
88. Актесъ книга меморесъ ре-конвѣрснантъ ла пайксъ ут-реръ, томулусъ III. 110. Гвѣдзи конвервзасѳионъ циви-ли.
89. Тимидумъ паѳцсъ допосѳи-ценвѣтиумъ. 111. Приме роси де ву пилъ Ерло-сиусъ вмедицинѣ (?)
90. Француской Целлариумъ. 112. О мѣсеки медитида конкор-дия (?)
91. Помея индикулусъ универза-лисъ латино-галликумъ. 113. Стерлингесъ медитетоне въ скалигере (?)
92. Вердъ Миллеръ беконпеди-амское зеркало. 114. Моравски деспозиѳиа армор-темъ полонице.
93. Новы заветъ на полскомъ языке. 115. Светониусъ.
94. Меркуре гисторикве опуску-лумъ. I. 116. Градусъ делинаѳионумъ ге-ограѳикарумъ Галанской.
95. Псалтырь Давыдовъ. 117. Сермонесъ инъ аяни доми-никасъ аноними.
96. Эспритъ дес курсъ де Евро-пе влумина II. две книги. 118. Горатонисъ Икраѳетимъ кон-силиорумъ э епистоларумъ мюдианалаумъ либеръ тер-тиусъ.
97. Ла клевь ду кабинетъ принца Европскаго. 119. Томасъ Кемпйтъ де имита-ѳионѣ кристи.
98. Миллѣринъ летресъ ѳамили-аресъ. 120. Касели Епистоларумъ кен-турия.
99. Рена дунатъ, латынской съ-не-мецкиимъ. 121. Веслери Грамматика Грече-ская.
100. Меморесъ дела пуръ деви-ние. 122. Келлери новая королевская Полская и немецкая Грамма-тика.
101. Гистория о князе Рагоцкомъ. 123. Пилатъ асекретаря новаго.
102. Агриппе девини Тити Сен-теарамъ. 124. Сулпития Северия гистория.
103. Клеопатре парти премить. 125. Горати пемата.
104. Таблетесъ Гисториквесъ и протѣе.

126. Тесаурусъ просиумъ петику- чихъ Филозофовъ разныя собранія, лурумъ Булери. въ осмуху; псалтырь на немецкомъ языкѣ, въ осмуху; Европскія увѣдомленія 709 году на Французскомъ языкѣ, въ осмуху.
127. Ротеродами Эрасми Либел- В 1735 году, въ вѣденіи Камеръ-палмейстерскаго помощника морушь ювенилиумъ. Слизова, хранились слѣдующія книги:
128. Луканусъ. Въ 5 ящикѣ 13 книгъ немецкихъ.
129. Книга Юлиусъ де белло гал- Книга русская скорописная съ лико. персоною Ея Императорскаго Величества Блаженныя памяти Екатерины Алексѣевны, на на верху написано: *слово похвальное*.
130. Цицеронисъ Епистоле адъ еа- Три книги нотныя. милиаресъ. Книга рисовальная (въ 6-мъ ящикѣ).
131. Псирбихромъ Антиквитатесъ аноними. Книга немецкая.
132. Миrowsки пастрестра Пити- 1. Книга новый завѣтъ въ полчет- тисъ. верти листа, печати Кіевской.
133. Радио дискенди лингвамъ ла- 2. Акаеисъ, въ полчетверти, пе- тинамъ адмодумъ компен- чатной.
- диоса. 3. Молитвенникъ такой же, пис- менный.
134. Сентенция апооегмата сине 4. Псалтырь маленькая, Кіевской иницио, немецкая и латин- печати, въ полчетверти, въ сребреной кожѣ.
- ская словесная книга. 5. Молитвенникъ, Кіевской пе- чати, маленькой, въ чехлѣ красномъ.
135. Пемата галлика инкомпа- 6. Кононикъ Богоматери Толь- тиусъ. ской.
136. Либеръ амплификацѣонесъ ве- 7. Синописисъ, въ четверть лис- ри манусъкриптусъ. та, въ красной кожѣ.
137. Либеръ клесиастикусъ или 8. Псалтырь, Московской печати, ветхая, въ полчетверти.
- Исуса Сирахова. 9. Лексиконъ Кіевской печати, въ четверть листа, ветхой.
138. Лоси сумма катехетка.
139. Де конскрибендисъ эписто- лисъ синтаксиа институци- онесъ, анонима.
140. Арсъ диалектика.
141. Прецесъ Полонико девметъ санктось.
142. Пепаирсъ Граматика лингве- толисъ.
143. Лесъ клеменсъ Геометрия манскриптусъ.
144. Летре суръ энтусиме.

Остальныя за росписью приня- ты: Конха риторская рукописная, въ четверть, Цицероновы и прот-

10. Книга письменная о взятіи Сибири, въ четверть листа.
11. Книга письменная объ копахъ, въ четверть листа.
12. Синописъ печатной въ полчетверти.
13. Книжка Архитектурная, печатная, въ полчетверти.
14. Книжка печатная, воздухожденіе, въ полчетверть.
15. Книжка печатная, яравучительная, въ четверть листа.
16. Книжка немецкая, ветхая.
17. Книжка писменная, чертежъ всего свѣта, въ четверть листа.
18. Книжка печатная Троянской исторіи, въ полчетверти.
19. Книга Ѳеатронъ, по краямъ золочена, печати Кіевской, въ четверть.
20. Книга Ѳеатрумъ, такой же печати, въ четверть, кожа себреная.
21. Лексиконъ трязычный, печатной, въ четверть.
22. Книга Кіевской печати, житіе преподобнаго Доровея, въ четверть листа.
23. Псалтырь учебная, въ четверть листа, въ красной кожѣ.
24. Апостоль, края золочены, въ красной кожѣ.
25. 13-ть книгъ Минеи мѣсячныхъ.
26. Книга Григорія Назіанзина, по краямъ золочена, ветхая.
27. Патерикъ Печерской.
28. Книга о дворяннѣхъ добронравномъ, писменная.
29. Книга должность челоуѣка и гражданина, писменная, по краямъ золочено.
30. Арефметикъ печатной.
31. Еограоія печатная.
32. Хрисмологія о пророчествѣ Даниловъ, письменная.
33. Полидара Виргилія, печатная.
34. Архитектурная, немецкая, ветхая.
35. Книга древняго Словенскаго народа, писменная, края золочены.
36. Книга писменная о покояніи и о исповѣданіи.
37. Книга о Китаѣ, печатная, ветхая.
38. Книга прахтика алтелерная, печатная.
39. Книга Герба, т. е. травникъ, писменная ветхая.
40. Псалтырь, ветхая, печатная.
41. Книга родословная, писменная.
42. Книга о старинныхъ вещахъ и челобитьяхъ, писменная.
43. Псалтырь толковая.
44. Книжка о вертементахъ, сиречь предосторожностяхъ, въ четверть листа, писменная.
45. Двѣ тетради въ золоченой бумагѣ, немецкія, печатныя.
46. Книга въ дестъ, на Александровской бумагѣ, о коронахъ иностранныхъ, печатная въ бѣлой кожѣ и два листа писменные поздравительные, съ золотомъ.
47. Книга оклѣена бархатомъ зеленымъ и облажена сѣткою золотою, печатная немецкая, въ ней писменовъ на 2-хъ

Книги въ дестъ:

- листахъ, немецкая и русская, да 2 листа счетовъ писменныхъ русскихъ.
48. Книга оклѣна бархатомъ малиновымъ, писменная немецкая; въ оной же книгѣ листъ немецкой печатной, два листа писменные.
- О коронаціи Ея Императорскаго Величества Анны Иоанновны, оклѣна бархатомъ зеленымъ, съ сѣткою золотой.
- Другая оклѣна бархатомъ малиновымъ.
- Книгъ большихъ и малыхъ немецкихъ разныхъ 370 книгъ.
- Русскихъ книгъ (въ листъ).**
1. Окта четырехъ гласовъ 5, 6, 7, 8, повсядневная.
 2. Окта старой писменной: часословъ старой печати съ мѣсяцесловомъ.
 3. Минея праздничная сентября мѣсяца.
 4. Минея общая годовая.
 5. Артикулъ военной, старой, Московской печати.
 6. Служба преподобному Александру челоувѣку Божію.
 7. Псалтырь учебная, ветхая.
 8. Часословъ ветхой.
 9. Бесѣды Апостольскіе толковья, посланіе къ Коринѣанамъ.
 10. Житіе преподобнаго Корнилія Комелскаго чудотворца.
 11. Двѣ книги: грамматики печатныя.
 12. Соборникъ на 12 мѣсяцевъ, въ немъ же указуетъ Евангели, Апостолы и прокимны.
 13. Служба и житіе чудотворца Николая, писменная.
 14. Служба ризъ Господне, писменная; служба святой мучилицы Екатерины, письменная.
 15. Артикулъ краткой, военной, Князя Александра Меншикова.
 16. Книга перло многоцѣнное, печатное.
 17. Книга житіе Зосимы и Саватія Соловецкихъ.
 18. Въ двухъ ящикахъ книгъ немецкихъ, разбитыхъ въ переплетахъ.
 19. Въ двухъ ящикахъ 18-ть тетрадей, обогнуты въ золото и красныхъ бумагахъ.

Всѣ эти книги были спасены во время бывшаго въ Москвѣ, въ 1737 году пожаре, ибо изъ описи 1738 года видно, что первыя 19 книгъ хранились въ 1-й палатѣ, идучи съ Кормоваго Дворца на Потѣшной дворъ, на лѣвой рукѣ изъ приходныхъ сеней съ приходу, что называлась Оружейная; а послѣднія 48 книгъ во 2-й палатѣ; гдѣ же хранились остальные не обозначено.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Сообщены А. С. Павловымъ.

I.

Стихъ св. Ефрема Сирина.

На последнее сіе время,
Какъ попустить нашъ Владыка
За умноженъе злобы нашей,
Народится сынъ нечистый,
Какъ по имени антихристъ.
Онъ распуститъ свою прелесть
Онъ по городамъ, по уздамъ,
Онъ по селамъ, по деревнямъ.
Ужъ какъ пишетъ сынъ Васильевъ,
Преподобный отецъ Ефермей:
«Вы бѣжите, мои свѣты,
Вы во темные во лѣсы,
Вы скрывайтесь, мои свѣты,
Вы во горы, во вертепы;
Вы вселяйтесь, мои свѣты,
Вы во пропасти земныя;
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками, пепелами;
Обливайтесь, мои свѣты,
Вы горячими слезами;
Пребывайте, мои свѣты,
Во постѣ и во молитвахъ,
Во всенощномъ частомъ стояннѣ:
Тако избудите отъ антихриста».

II.

Стихъ Іоанна Предтечи.

Мы проспали, пролежали,
Проходили, прогуляли;

Мы ни въ чемъ вѣкъ проводили,
 Христовскую заутреню просыпали,
 Воскресенскую обѣдню проядали.
 Сослалъ Господь Богъ три дара:
 Ужъ какъ первый даръ — крестъ и молитву,
 Второй даръ — любовь и милостыню,
 Третій даръ — ночное моленье,
 Четвертую заповѣдь — читательную книгу.
 Читаетъ Иоаннъ Предотечъ,
 Самъ слезно плачетъ:
 «Вы рабы мои и рабни,
 Вы рабы мои, христолюбцы;
 Вы постоите, пострадайте
 За истинную вѣру,
 За крестъ, за молитву;
 Приходить на насъ послѣднее время:
 Народился антихристъ,
 Народился, воцарился.
 Не долго свѣту свѣтитъ,
 Не долго солнцу сіять, —
 Послѣднее пришло время!
 Убирайтесь, мои свѣты,
 Во дальнія пустыни,
 Во пропасти во земныя,
 Засыпайтесь, мои свѣты,
 Вы хрещами, пепелами,
 Пребывайте, мои свѣты,
 Во постъ и во молитвѣ,
 Во всенощномъ частомъ моленьи:
 Тако избудете отъ антихриста».

III.

Стихъ о послѣднемъ времени.

При концѣ-то жизни вѣку,
 Будутъ трусы и мятежи,
 Будутъ лживые пророки.
 Кто бы, кто бы намъ построилъ
 Келью малу, невелику
 Не на житейскомъ бы мѣстѣ,
 Гдѣ бы Ему, свѣту, угодно,

Гдѣ душамъ нашимъ на пользу,
 Гдѣ бы, гдѣ бы я не видѣлъ
 Всего всемірнаго соблазну,
 Гдѣ бы, гдѣ бы я не слышалъ
 Человѣческаго гласу?
 Самъ Господь Богъ проричаетъ:
 «Вы рабы-ли мои, рабыни,
 Правовѣрніи христіане!
 Вы не весело живите,
 Вы боясь Бога ходите!
 Уже антихристъ народился,
 Змій-собака воцарился;
 Онъ разсѣялъ свою прелесть
 По всей матери-вселеннѣй;
 Разметалъ онъ свои сѣти
 По всему своему царству;
 Онъ и станетъ всѣхъ прельщати,
 Въ свои сѣти уловляти:
 Кои вы сильніи, боритесь,
 А немощніи убирайтесь.
 И не будетъ вамъ уходу
 Ни во градахъ, ни въ заводахъ,
 Вамъ не въ селахъ, и не въ весяхъ,
 Не въ лѣсахъ вамъ, не въ пустыняхъ,
 Не въ горахъ и не въ вертепахъ.
 Уходите вы, мои рабыни,
 Во пропасти во земныя
 Отъ той прелести отъ злыя.
 Засыпайте, мои свѣты,
 Вы песками, пепелами,
 Еще мелкими камнями.
 Вы постоите, мои рабыни,
 Вы за крестъ и за молитву,
 Вы за истинную вѣру;
 Умирайте, мои рабыни,
 Вы голодною смертію.
 Азъ прикрою васъ, рабыни,
 Своею рукою христовой,
 И подарю Азъ васъ, рабыни,
 Своими златыми вѣнцами».

IV.

Убойся Бога, человѣче,
 Уже смерть за тобою стоитъ,
 Она востритъ на тебя криву косу,
 Она ждетъ повелѣнія божія:
 Егда повелитъ Господь,
 Во единый часъ подкоситъ твои ноженьки
 И расслабитъ твои рученьки,
 И языкъ твой приумолкнетъ,
 И глазеньки твои закроются;
 И придутъ къ тебѣ послышки божія:
 Они вынутъ изъ тебя душеньку безъ милости
 И понесутъ ее къ мытарству страшному.
 И увидитъ душенька мытаревъ — испугается,
 И возмолится къ божіимъ ангеламъ:
 «О ангели божіи! Отпустите вы меня
 Покайтца во грѣхахъ моихъ тяжкихъ!»
 Отвѣщаютъ душеньки святые ангели:
 «Опоздала ты, душа, кайтца:
 Топерича торгъ развѣхался
 И двери затворилися,
 Здѣсь нѣту покаянія,
 Ни грѣхамъ твоимъ прошенія».
 И приступятъ къ душѣ страшныя мытари
 И отымутъ душу отъ рукъ ангельскихъ,
 Понесутъ ее въ мѣсто темное,
 И посадятъ душу въ муку вѣчную.
 И тогда душа горько всплечется:
 «На што-та меня отецъ мать породили?
 Горе мнѣ во огни горѣтъ,
 Горче того во смоль кипѣтъ!»
 (Изъ раскольничьей рукописи).

V.

А вы гой еси, ангеля крылаты!
 Вы небесной рай намъ отвержайте,
 А вы праведныя души пропушайте,
 А вы грѣшныя души задержайте!
 А котора душа тяжко согрѣшила —

Въ утробѣ младенца погубила:
 Ей не будетъ во вѣкъ прощенья,
 На второмъ суду не бывати,
 Самово Христа въ очи не видати ¹⁾!

VI.

Что есть у насъ три печали великія,
 Какъ-та намъ тѣ печали миновать будетъ?
 Первая печаль: какъ умереть будетъ?
 А вторая печаль: не вѣмъ когда?
 А третья печаль, что не вѣмъ гдѣ на томъ свѣтѣ обращуся?
 И гдѣ я тамъ жить буду?
 И кто ми домъ созиждеть?
 Что нѣтъ у меня добрыхъ дѣлъ и покаянія,
 И нѣтъ у меня чистоты тѣлесныя и душевныя:
 Осквернилъ я свое тѣло и душу беззаконіемъ.
 Какія мнѣ туда Богу дары принести будетъ?
 Принести бы должно три дары великія:
 Постъ и молитву и святую милостыню, —
 Приметь Господь паче злата и сребра
 И введеть тебя въ царство небесное
 И будеши со Ангелы во вѣки радоватися.
 Господи І. Х. С. Б. помилуй насъ!

ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ ПОВѢСТИ О МУТЪЯНСКОМЪ ВОЕВОДѢ ДРАКУЛѢ.

Повѣсть о Дракулѣ, бывшемъ воеводѣ въ Валахіи въ первой половинѣ XV столѣтія, была составлена вскорѣ по смерти этого жестокаго воеводы, тогда же перешла въ переводѣ къ намъ на Русь и доселѣ сохранилась въ рукописи того же XV столѣтія (См. въ моей Христоматіи столб. 700 и слѣд.). Вѣроятно, повѣсть эта въ свое время была очень извѣстна; потому что Себастіанъ Мюнстеръ въ своей знаменитой Космографіи, приводя ее въ сокращеніи, свидѣтельствуетъ о своемъ

¹⁾ Стихи подъ №№ 1, 2, 3 и 5 получены мною въ подлинникахъ изъ Сибири, отъ учителя Томской гимназіи Д. Л. Кузнецова.

источникъ слѣдующими словами: «Man lizt wunderbarliche ding von seiner Tyrannischen gerechtigkeit.» Безъ сомнѣнія, это читалось въ той самой повѣсти, которая извѣстна была нашимъ предкамъ въ упомянутомъ переводѣ, какъ это можно видѣть изъ сокращенія у Себастьяна Мюнстера, которое привожу здѣсь сполна. «Zu den zeiten Königs Matthias von Ungern, ist Weywoden in dieser Welachey gewesen, d' streng ja Tyrannisch Mann Dracula, den König Matthias fieng und 10 jar in der Gefengknusz hielt. Man lizt wunderbarliche ding von seiner Tyrannischen gerechtigkeit. Alsz auff ein zeit der Türck hett ein Botschafft verordnet zu diesem Dracula, und sie vor ihm stunden, und nach gewohnheit die Schlappen nicht abzugon von dem Haupt, bestetiget d' Dracula ihnen ihren Brauch und liesz ihnen mit dreyu Neglen die Schlappen auff den Kopff naglen, damit sie ihre Hüttlein nimmer dörrften abziehen. Zu einer andern zeit als er viel Türcken hett in Spisz gesteckt, liesz er und' die Spisz zurichten ein wolbereiten Tisch, lebt wol mit seinen Freunden under den armen sterbenden Menschen. Zu einer andern zeit versamlet er alle armutselige Bettler, und liesz ihnen zurichten ein gut Maal, und alsz sie wol gessen und getrunken hetten, zündt er das Hausz an und verbrennt sie alle. Item wann er Türcken gefangen hatt, liesz er ihnen die Haut abschinden under den Füßen, und streich Saltz dareyn, und liesz Geissen herzu führen, die mit ihren rauhen Zungen dz Saltz ableckten, mehret also den arbeitelligen Leuten ihre Marter. Zu einer andern zeit kam ein Kauffmann von Florenz in sein Herlichkeit, der hat viel Gelts, und wuszt nicht wem er es solt vertragen, da gebote ihm Dracula dasz er es zehlt, und legt es ubernacht auff die Gassen, fand es auch am Morgen ohnversehret. Da ward Wald so ungehewr, es macht ihn jederman mit Gelt und Gut durch wandlen. Alsz nun dieser Dracula zehen jar in der Gefengknusz gewesen, unnd wider in sein Herrschafft ward gelassen, ward er endlich in einem Türkischen Krieg erschlagen, und sein Haupt für ein Schenke dem Türkischen Keyser gebracht.» Cosmogr. Кн. 4, гл. 82. При этомъ повѣствованіи политипажъ, изображающій троихъ Турокъ, проткнутыхъ кольями.

Судя по теченію разсказа, надобно полагать, что авторъ Космографіи имѣлъ подъ руками источникъ, состоящій изъ отдѣльных эпизодовъ о жестокостяхъ Дракулы, то есть, въ такомъ же видѣ, какъ и извѣстная въ древней Руси повѣсть. Нѣкоторые варианты, предлагаемые въ Космографіи, могутъ навести на ближайшіе слѣды источника нашей повѣсти; но, судя по древнѣйшей ея редакціи, сохранившейся у насъ, надобно полагать, что это редакція первоначаль-

ная. Себастьянъ Мюнстеръ могъ заимствовать свой разсказъ изъ какой-нибудь Венгерской хроники, куда вошла повѣсть уже въ сокращеніи, и, можетъ быть, съ опущеніемъ намека на борьбу православнаго исповѣданія съ католическимъ, между тѣмъ какъ въ редакціи русскаго перевода отступничество Дракулы отъ православія имѣло для нашихъ предковъ интересъ національный. Мутьянскій воевода, прославившійся своимъ тиранствомъ, заключаетъ свои звѣрскіе подвиги отступничествомъ отъ православія. Сверхъ того, эпизодъ о наказанной лести хитраго латинскаго монаха былъ совершенно во вкусъ древне-русскихъ православныхъ читателей. Со временъ Ивана Грознаго, повѣсть о Дракулѣ получила для нашихъ предковъ новый интересъ по сближенію, которое дѣлала между жестокостями обоихъ этихъ правителей. Такъ эпизодъ о пригвожденныхъ къ головамъ шапкахъ иностранныхъ пословъ приписывался Ивану Грозному. Замѣчательно, что Мюнстеръ называетъ Валашскихъ правителей по славянски *воеводами* (*Weuoden od' Weuwoden*); и на оборотъ, въ нашемъ переводѣ встрѣчаются иностранныя слова западнаго происхожденія, именно *дукатъ*, *миля* (смотри въ моей Христоматіи столб. 704 и 705).

Ө. Буслаевъ.

ПОВѢСТИ О МУДРЫХЪ ЖЕНАХЪ *).

Сообщены А. Н. Аванасьевымъ.

1. Повѣсть о премудрыхъ женахъ, которая жена медвѣдя грамотъ научила. Глава 5-я **).

Нѣкій благоплеменный и честный человекъ, имѣя въ селѣ своемъ попа, и по нѣкоему клеветанію разгнѣвася на него и великую пеню возложи на попа. Попъ милый бѣаше челомъ, да отпустить ему вину; господинъ же ре(че) ему: «Аще не хочеши виновенъ (быти) предо мною, то изучи мед(вѣдя гра)моте». Пришедъ убо ми(лый попъ въ) домъ свой зило печ(а)лень. Жена же) вопроси его о прилучившейся нашедшія печали; онъ же сказа и ей, како господинъ вину возло-

*) Изъ полууставной рукописи прошлаго вѣка.

**) Заключенное въ скобки поставлено по догадкѣ; въ рукописи эти мѣста вырваны. Рукопись начинается 5-ю главой; предлудшія, по видимому, утрачены.

жилъ: «даде ми во двоємъ на волю или вину дати или медвѣдя грамотѣ изучити; но обое тяжко и неудобно, паче же звѣря грамотѣ учити». Слыша сіе попадаѣ рече ему: «Господине мужу! паче удобнѣе грамотѣ звѣря учити, нежели толику скорбь приняти, сирѣчь наказану быти; и азъ ти, сыне, сотворю не во многое время медвѣдя грамотѣ изучити». Попъ бѣдный весьма радъ бы(сть, слы)ша таковыя глаголы отъ (жены) и 'вземъ у господина (медвѣдя), приведе въ домъ (свой. Жена) бѣдная прикормила прежде медвѣдя хлѣбомъ и пріучила къ себѣ и, пріемъ книгу, прокладывала между листовъ писаныхъ блинами и изучила медвѣдя блиновъ искати и листы превращати и мормкотати: и тако его за хлѣбомъ выучила книгу держати и листы превращати. Попъ, видѣвъ сію хитрость жены своей, подивися и приведе медвѣдя къ господину своему и показуя ученіе, посадивши медвѣдя, даде ему книгу. Медвѣдь, яко обычаенъ хлѣба искати, нача листы обращати и говорилъ по книгѣ по своему языку: «мру, мру, мру». Господинъ зѣло увеселися о семъ и вину попову остави. Того ради можеша молвить смѣлѣе: «жена хитрое зеліе, злѣе мужа своего» *).

2. Како жена мужа прелукавила. Глава 6.

Нѣкая жена, имуща мужа своего, и подѣдаде себя иному. Прилучися же мужу ея узрѣти и, егда чужій мужъ обня оную жену и поцѣлова; и отъ сего въ сердцѣ его вселися болѣзнь немалая. И въ скоромъ домышленіи родъ женскій, жена, хотя сію скорбь изцѣлити и отвести мужа отъ печали и гнѣва, нача поститися и молитися и исправися, пойде каитися предъ нѣкоего священника; исповѣдася, возвести, яко, отъ мужа своего согрѣшаючи, прижила съ чужимъ сына себѣ. Священникъ, хотя то покаяніе будетъ таинственно, повелѣлъ ей вмѣсто всякаго исправленія сказати сіе мужу и просити прощеніе о своемъ нечестіи. Жена съ радостію заповѣдь прія и доблетвореніе таинству сипцевымъ образомъ показа: нача хвалити своя дѣти, а мужу глаголати: «Како бы имъ боязнь дати и плача унати?» И сіе изглаголавъ пойде испроси у нѣкоего мошкоры, а по нашему хари, съ великою сѣдою брадою и паки раздражня, егда начаша дитя плакатъ, рече мужу: «Вздѣнь мужъ, харю на ся и пострашай дитя, да и впредь бояться будутъ». Мужъ, послуша, харю на себя вздѣлъ; она же, пріемъ дѣтища, принесе близъ мужа, страшая: «Иди прочь, дѣдъ; не дамъ тебѣ, не дамъ: не твое, дѣдушка, дитя, но инаго отца». И тако дитя ухранила, и покаяніе добръ

*) Разказъ подобнаго содержанія въ Pfaffe Amis V, 181—315; въ Eulenspiegel, cap. XXIX и у Поджіо въ его Facetiis. См. Dr. Thomas Murners Ulenspiegel, herausgegeben von Lappenberg, p. 246. Ред.

сохранила и мужа отъ великія болѣзни избавила и таинственно показала веліе и дивное потреба науки.

3. Како баба діавола обманула. Глава 7-я.

Некая жена вдова не въ горѣ жила, имѣя домъ богатъ. Въ лѣто же едино бысть умноженіе веліе плодовъ земныхъ и толико у тоя умножися, — невозможно убрати наемники своими домовыми; и хотя еще принаняти, что не возможе убрати наемниками домовыми, и хотя еще принаняти не возможе. О семъ вдова оная впаде въ велию печаль и тако ходя и сѣтуя. По случаю же срете ю дьяволъ, вопросы: «О чесомъ жено печалуешися?» Она же вопросы: «Кто еси ты?» Онъ же отвѣща: «Азъ есмь дьяволъ.» Ирече ему жена: «Воистину, дьяволе, въ пользу встретя ты со мною, ибо имамъ на поли добра многа и хочу то управити, да все сіе будетъ въ гумнѣ моемъ; но наемниковъ принаняти не обретохъ. Прошу тя: помози ты мнѣ и все ми сіе въ гумно мое свози.» Отвѣща ей демонъ рече: «Аще весьма предаси себе мнѣ, то ни единый работникъ будетъ ти потребенъ; единый все сіе и, что восхощеши, сотворю тебѣ.» Жена отвѣща: «Добре глаголеши; на пользу мнѣ отдамся тебѣ, точію сотвори ми три вещи, ихъже ти повелю: первое съ поля безъ убытка пристрой хлѣбъ мой въ гумно мое, и второе грамаду дровъ переноси и переруби и, си сотворшы, прійди: что третіе повелю сотворити, — повѣмъ.» Діаволъ, слыша отъ жены, сіе все исполни и той имать бо кони вертки и сеkerу острю: на годъ дровъ великую грамату переруби и переноси. «И сіе сотворишы, прійди и что третіе творити повелю.» Діаволъ слыша отъ жены сіе все исполни: навозилъ хлѣбъ въ гумно весь свозилъ и прійде къ женѣ спросити ея, что третіе поведить творити. Жена окаянная зѣло громко п...еть и рѣче демону: «Поймай тотъ часъ п...ень мой и свей ужище, еще мнѣ съ поля во ометъ сѣно возить; и аще ли сего не сотворишы, то безъ вины я есмь, въ чесомъ тебѣ общалася: се мое третіе слово исполни.» Діаволъ же весьма опечалился и въ той школѣ не бывалъ, гдѣ бы учили п...ѣнне собирать и ловить и веревки изъ него вить. Думавъ много, отыде отъ бабы со стыдомъ. Такова то хитрость женъ! ибо самъ діаволъ посрамленъ отъ злой жены: чего демонъ не разумѣтъ, тожъ женская плоть умѣтъ.

4. Какъ жена мужа поминала. Глава 8-я.

Веси единныя житель умирая и завѣща женѣ своей продати вола по смерти своей и, еже за него возметъ что, раздати во имя божіе за душу его. Жена, видя кончину мужа своего, и зело плакася о немъ

и обѣщалася сіе сотворити: «и не точію сіе сотворю, но еще отъ своихъ утварей продамъ и дамъ о душѣ твоей.» И егда умре мужъ и погребѣ его, приведе быка продати во градъ, взяже и съ собою и kota домового продати. И приде рѣзчикъ, сирѣчь мясникъ, и нача вола торговати и вопроши: «Что дати?» Отвѣща жена: «Дай ми за него, господине, единъ грошъ за вола.» Удивися сему рѣзчикъ онъ; прилежно смотря на ню, вопроши: «Продаеши или глумишися?» Она же паки рѣче: «Истинно отдамъ за единъ грошъ; точію безъ kota не продамъ его, понеже положихъ слово кунно сихъ обоихъ продати во едино время.» И рѣзчикъ вопроши: «Что жъ за kota дати?» Отвѣща жена: «Четыре златыхъ, меньше отнюдь не возьму.» Мясникъ размысли: «и аще котъ и дорогъ, но ради вола купити»,—и тако даде за вола грошъ, а за kota четыре златыхъ. Жена, пріемши цѣну, приде въ весь, идѣже живяше; и еже взя за kota, во удивленіе положи, а грошъ, иже взя за вола, по завѣщанію мужа отдаде во имя божіе за душу его.

ПОВѢСТЬ О СКВЕРНОМЪ БѢСѢ *).

Сообщена А. С. Павловымъ.

Повѣдаше намъ нѣкій старецъ, яко онъ отъ святыхъ отецъ слыша, глаголющихъ о нѣкоемъ отцѣ велицѣмъ, яко нѣкогда, ходящу ему по пустыни, видѣ бѣса, идуща мимо его, всего окаляна гноемъ сквернымъ отъ главы и до ногу. И рече ему старецъ: «Гдѣ былъ еси, діаволе, и чего ради окалянь гноемъ?» Отвѣща діаволь: «На блудномъ дворѣ былъ и осквернихся отъ блудныхъ женъ». И рече ему старецъ: «Да почто не омылся еси въ рѣцѣ, или въ источницѣ?» Онъ же рече: «Не велитъ ми вышній Богъ». И паки рече ему старецъ: «Да поне бы въ блатѣ измылся?» Онъ же рече ему: «Запрещаетъ ми Богъ вашъ измытися въ немъ». Глагола старецъ: «Да поне бы въ колесницѣ?» **) Не велитъ намъ сквернити, понеже христіане піють;

*) Изъ раскольничьей рукописи.

**) Въ колѣѣ послѣ дождя.

повелѣваетъ ангелу водному (Апокал. 16,5) отгоняти насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя насъ». Старець рече ему: «Да гдѣ можешь измытися?» Бѣсъ рече: «Поиду въ христіанскіе дома, и гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся. Они же послѣ мене примуть болѣзни тяжки и кашлеве и трасавицы и иныя скорби». И сія рекъ, невидимъ бысть.

ПЯТЬ ДРЕВНЕРУССКИХЪ ПОУЧЕНІЙ *).

1. Повѣсть глаголетъ отъ избранныхъ словъ о праведномъ солнцѣ и не внимающихъ божіихъ заповѣдей, иже людие другъ друга зовуще солнцемъ праведнымъ, льстящи себе.

Невѣденіе бо человѣку бываетъ злое бесогрѣшеніе, понежъ явленъ грѣхъ малу вину творить; невѣденіеже отъ покаянія отлучаетъ: отъ невѣденія жь у человѣка ражається непослушание, отъ непослушаніяже исходитъ непокореніе, отъ непокоренія же бываетъ невниманіе; непослушаніежъ и прекословіе во глубину ада низводитъ; послушаніежъ изъ глубины возводитъ; покореніежъ со вниманіемъ близъ Бога поставляетъ. Невниманіежъ божіяго словеси во многія

*) Предлагаемыя поученія напечатаны по скорописной рукописи XVII вѣка, находящейся въ моей библіотекѣ. Всѣ они писаны, судя по одинаковости преобладающихъ въ нихъ литературныхъ пріемовъ, по манерѣ изложенія, однимъ лицомъ и, вѣроятно, въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка. На это указываютъ и содержаніе, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста поученій. Во второй половинѣ XVI вѣка латинскія новизны съ замѣтной силой вторгаются въ русскую жизнь, литературу, искусство и вызываютъ энергическое противодѣйствіе въ приверженцахъ православной старины. Въра въ звѣздоваковіе, планеты особенно развилась на Руси со второй половины XVI вѣка; тогда-то появились въ нашей литературѣ и планидики, и альманахи, и звѣздохотцы и другія гадательныя книги астрологическаго содержанія. Въ первомъ поученіи попадаетъ фраза Стоглава (изъ гл. 2-й); въ послѣднемъ поученіи есть мѣсто, буквально сходное съ словами статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Мы напе атали его курсивомъ. Ред.

пути грѣховныя приводить и въ законѣнныя неподобное устремляетъ; снисканиеже божественнаго писанія на пути божественныя возводитъ і самую истину показуетъ и незаконныхъ путей отлучаетъ і отъ неведения къ богоразумію привлекаетъ. Мнози бо въ невѣденіи, аки во тме, шатаются, отъ неведѣніяж не могутъ разумѣти грѣховныя совести. На всѣже грѣховныя сѣти далъ намъ Богъ разумѣти божественнымъ писаніемъ; отъ сегожъ божественнаго писанія показалъ намъ путь милосердый Богъ уклонитися во спасеную благодать. Въ настоящихъ же родехъ отъ невѣденія мнози отъ человѣкъ правду на лжу сводятъ и истину беззаконіемъ совокупаютъ і благочестіе съ нечестіемъ слагаютъ і многажды прилагаютъ свѣтъ ко тмѣ, понежъ бо невѣденіемъ и неразсуженіемъ мнози человѣцы благодатное слово въ ласкательныхъ словесехъ возлагаютъ на тлѣннаго человѣка. О сихъ же скажу вамъ, братіе; понежъ бо глаголютъ человѣцы во лживыхъ и въ ласкательныхъ словесехъ и во ономъ нѣкоторомъ прошеніи единъ ко другому глаголетъ: «солнце праведное!» Отъ сегоже человѣческаго неразумія велми ужасается душа моя и трепещетъ во мнѣ духъ мой. И паки о семъ же глаголю вамъ, братія, и молю послушати сего со вниманіемъ, да скажу вамъ о семъ извѣстно: понеже бо солнце праведное именуется божіе имя. О семъ же имени пророцы провозвѣстиша, праведное солнце Христа, Сына божія, прознаменоваша, і многіе отцы святіи въ дохматехъ въ славу и хвалу именууютъ быти солнце праведное Христа Бога нашего: понеже бо самъ Господь о семъ глаголетъ пророкомъ Малахіемъ сие: «возсияетъ вамъ, боящимся имени Моего, солнце праведное». О семъ же Златоустъ глаголетъ во своихъ толкованіихъ: «взыде бо намъ, — рече, — солнце праведное, Христосъ отъ Марія по плоти: востокъ имя ему». Тожъ въ тропари глаголетъ: «Звѣздой поучахуся тебе кланятися, солнцу праведному». И во иномъ пишетъ: «Солнце праведное ста въ чину своемъ». І инде глаголетъ: «Иже во тмѣ сѣдѣшимъ явися, солнце сый праведное, просвѣтити хотя». Индѣ пишетъ: «Вместо столпа огненаго праведное возсія солнце». Тажъ Иванъ Дамаскинъ глаголетъ: «Понежъ бо Богъ есть разумный свѣтъ, солнце праведное и востокъ въ писаніи именовася Христосъ». О томъ же толкуетъ въ евангеліи и въ неделю пядесатую глаголетъ: «Богъ есть солнце праведное, якожъ пишетъ, всѣмъ просто сияя, заря благодости». И что много о семъ глаголати? Понежъ бо во всѣхъ дохматехъ божественнаго писанія глаголетъ солнца праведнаго Христа, Сына божія, и кроме того праведнаго солнца Христа, истиннаго Бога, не описуетъ быти праведнымъ солнцемъ никоего святаго, но токмо единаго Бога именуетъ быти праведное солнце. Въ настоя-

шемъ же времени мнози тлѣнни і скаредни чловѣцы въ ласкателныхъ и во лстивыхъ словесехъ нарицають другъ друга праведнымъ солнцемъ. Оле, оле такоевое неудобное неразумие, и превозношение исчезающее и леть непотребна! Како бо о такомъ словеси возможно помыслити? Или како вместитися нарещи тлѣнаго і скареднаго и грѣшнаго чловѣка праведнымъ солнцемъ? Понежь бо такогового словеси никоимъ святымъ не прилагаетъ быти. О семъ же самъ Господь глаголетъ Исаемъ пророкомъ: «Во онны дни въздетъ солнце и будетъ бо Господь тебѣ свѣтъ вѣчный: іному никому славы моя не дамъ». Внимайтежь, любимицы, о семъ: како бо чловѣцы скаредни і смертни славу божию на ся возлагають и христовымъ именемъ, рекше праведнымъ солнцемъ, другъ друга нарицають, или рабъ господина молитъ въ ласкателныхъ словесехъ, въ нихъ же глаголетъ его праведнаго солнца. О Владыко! пощади душа наша за такоевое невѣдние і не предаждь насъ окаяныхъ невѣрнымъ на поругание, таковаго ради словеснаго неизправления! Буди же намъ, Господи, славити Тебе, единаго праведнаго солнца, Христа Бога нашего: Ты бо еси Богъ нашъ, мыжь людие твои, Тобѣ, единому солнцу праведному, слава въ вѣки аминь.

По семъ же возвратимся на предняя. Понежь бо мнози въ чловѣцехъ, отъ неразсужения і невѣдния именуютъ быти солнце праведное нами видимо, стоящее на крузѣ небеснемъ; азъ же вамъ глаголю о семъ: то бо есть никако не праведное солнце, понежь бо есть бездушно и безсловесно: огнено то бо есть существо отъ самаго Бога сотворенно бысть въ невещественномъ огни и наречено бысть самѣмъ же Богомъ свѣтило дневное; понежь сотвори его Богъ и постави его на тверди небесней и повелѣ ему свѣтити во дни на землю. Нарикають же нѣцыи то свѣтило дневное чювственнымъ солнцемъ. Чювственное бо праведное солнце ко свѣту прилагають по сему: понеже бо чюемъ и видимъ, еже во свѣте дѣется или что сотворится. О семъ бо Спасъ нашъ глаголетъ: «аще кто ходитъ во свѣте, не подкнется; аще кто ходитъ во тмѣ, подкнется». Посему же свѣтило дневное сотвори Богъ и постави его на тверди небесней на просвѣщение дни, чловѣческаго ради устройства; понежь чловѣцы сами творять и видять и по тому всякое земное дѣло устрояють, ношъ же чловѣку на покой сотворена бысть. Солнцемъ праведнымъ свѣтила дневнаго никако не именуютъ быти; то бо есть именовано отъ некихъ солнцемъ чювственнымъ, а никакожь праведнымъ. Праведное же солнце по истиннѣ именую быти самаго истиннаго свѣта Христа, Сына божия: понежь самъ свѣтъ истинный, Христось, Богъ нашъ, праведный, на землю, възскати заблудившихъ і спасти погибшихъ, отъ

высокихъ небесныхъ и свѣтлыхъ круговъ пришелъ есть, праведное солнце по истиннѣ: свѣтъ бо еси немерцающій самъ Христосъ, истинный Богъ нашъ. О семъ же самъ глаголетъ: «Азъ есмь свѣтъ миру всему», отъ негоже источникъ исходитъ свѣту, і отъ того сотворяется всякая благостыня. Разумейтежь о семъ, любовная братія; никакоже не нарицайте другъ друга праведнымъ солнцемъ, нижь самого царя земнаго, никогожъ отъ властелей земныхъ не мозите нарицати праведнымъ солнцемъ: то бо есть божіе имя, а не тлѣннаго челоуѣка. Царемъ же і всѣмъ властелемъ земнымъ дана бысть отъ Господа держава и сила отъ Вышняго, отъ самого Свѣта истиннаго, Праведнаго Солнца, Христа, Бога нашего. Выжь, земныя власти, на-кажитесь отъ Господа и работайте Господеви со страхомъ, приимѣтежь наказаніе о таковѣмъ словеси и велми храните себѣ отъ нарицанія праведнаго солнца и простое чади не повелевайте себѣ нарицати праведнымъ солнцемъ, да не сведѣте себѣ гнѣвомъ отъ Господа. Воспомянитежь прежнихъ царей погибель, како страдали отъ Господа: за превозношеніе велию казнь отъ Господа воспріялъ Новходносоръ царь, понежь отъ челоуѣкк отгнася и со звѣрми дивними живяше и траву, аки волъ, ядыше и отъ росы тѣло его обросте и власи ему, аки лву, возвеличаше; и ногти ему, аки птицамъ, возрастоша и изменися сердце его и сердце звѣрино дадесъ ему, дондежь позна, яко владѣеть Вышній царствомъ челоуѣческимъ и, емужь хочеть, тому и дасть и вся ходящая со превозношеніемъ можетъ смирити. По семъ же мнози і иніи цари различными казнями за превозношеніе такоже отъ Бога пострадаша. Выжь, благочестивіи власти, смирите душа своя и телеса предъ Господемъ нашимъ, Иисусъ Христомъ, емужь слава во веки, аминь.

2. Поучение сказуетъ о златицахъ и сребреницахъ, иже бывають у святыхъ иконъ въ прикладѣ.

Мнози бо во челоуѣцехъ тшатся святыя иконы украшати овии златомъ, овии драгимъ каменемъ, иніи жемчугомъ. І всѣ челоуѣцы, любящіи Бога, такое дѣло творять въ честь и во славу Богу и пречистой его Матери і всѣмъ святымъ Его угодникомъ. Мнозижь челоуѣцы отъ неразумія прикладывають ко святымъ иконамъ златицы, на нихъже бывають латынскихъ королей вображеніе; а на иныхъ златицахъ бывають написаны імена бусорманскихъ царей. Такихъ же златиць съ латынскимъ вображеніемъ и зъ бусорманскими имены прикладывати ко святымъ иконамъ и образомъ никакожь не достоинъ; понежь святая соборная и апостольская церковь латыни и бусорманы

отлучаетъ, занежь Латыни бывають отметники образа христова, бусорманыжь бывають враги креста христова. Разумейтежь сие, како возможно вместили въ церковь господню латынское воображение и отреченное бусорманское имя. О семъ же пишетъ божественно писание, понежь не повелеваетъ случати честнаго съ недостойными. Глаголетъ бо Господь Иеремѣомъ пророкомъ: «Аще отлучиши честнаго отъ недостойнаго, будеши бо, яко уста моя і устроятся въ любимыхъ моихъ». Видь, любимиче, разумей по сей повести. По сему же и образъ господень и пречистые Богородицы, святъ бо есть и честенъ и прочихъ угодниковъ господнихъ; такожь и каноны по Бозе святы и честны бысть. А латынское воображение и бусорманское имя отречено есть и проклято. А на златицахъ тѣ отреченны имена многажды бывають отъ неразумныхъ человекъ въ прикладе у святыхъ иконъ, въ почтение. Како бо возможно такія златицы присовокупляти ко святымъ иконамъ въ почестъ и случати честная съ недостойнымъ? Никако не подобаетъ. Въ настоящихъ же родехъ множество случаютъ недостойныя златицы съ честными иконами. О семъ же приведу вамъ свидѣтеля апостола Павла, глаголюща: «кое бо причастие правде и беззаконию или кое обшение свѣту ко тмѣ?» кое согласие Христови и Велиару или кая часть вѣрну съ невѣрными? или кое сложение церкви божиі со идолы? О семъ же непщую быти, понежь съ латынскимъ воображеніемъ златицы подобни судъ идоломъ: понежь въ древнихъ родехъ такожь храбрыхъ человекъ и богатырей дѣлвали воображение златые и сребренце,—и то убо суть идолы; нареченижь по сему идолскому воображенію златицы съ латынскимъ воображеніемъ и з бусорманскими имяны отнюдь не подобаетъ прикладывати у святыхъ иконъ. О семъ же Спасъ нашъ показалъ во своемъ вочеловѣченіи. Егда принесоша къ нему златицу нѣщы данную и рече къ нимъ: «Покажите ми златицу, чи образъ есть и надписание?» О нижь рекоша: «Кесаревъ». Онъ же рече имъ: «Воздадите кесарева кесареви, а яже бѣжие Богови». О томъ же пишетъ въ паторице видѣніе отца Евлогія: «понежь ангели господни подаяху исходящимъ изъ церкви мнихомъ отъ пѣния молитвеннаго овымъ златицы, на нихже воображенъ образъ владыки нашего Христа, на нѣхже крестъ господень». По сему же и намъ, братие, подобаетъ творити. Ащели кому благоволитъ Богъ принести въ церковь господню златицу или сребреницу въ честь и въ славу божию ко образу господню, или богородицыну, или коему святому или святей, подобаетъ же на ней вообразити образъ господень или пречистые Богородицы или крестъ господень, по евлогиеву видѣнію. Съ таковымъ бо спасовымъ воображеніемъ довлѣтъ златицы или

сребреницы прикладывати ко святымъ образомъ во украшение. О семъ же пространнее выше рекохомъ и положихомъ писание о томъ отъ различныхъ главъ въ разсужденіе и пользу христоименитымъ людемъ.

3. *Отъ избранныхъ словъ о крестномъ знаменіи.*

Возлюбленніи! не будемъ враги креста Христова, не попираемъ крестнаго знаменія ногами своими: і многожды бо по путемъ лежить на крестъ древцо или иная которая вещь, крестомъ назнаменуется и по земли лежить. О семъ бо человекомъ много извѣстно и сея же заповѣди человекъ отнюдь не тшатся исправить. О семъ же отческая правила велми претягъ, еже чрезъ крестнаго знаменія ходити или буди на чемъ кресты нашиты, отнюдь на томъ не повелевають сидѣти, или крестомъ какія вещи дѣлати во древцехъ, или въ лычкахъ, или въ чемъ ни буди, вязати на крестъ и метати простоты ради на землю. О семъ же велми запрещаютъ правила 6-го собора глава 73, глаголетъ бо сице: «Иже крестъ на земли написанъ будетъ или сложенъ, да погребенъ будетъ или разверженъ.» Внимайтежь о семъ, любимицы, і не уклоняйтесь на такую простоту, еже ходити кому чрезъ крестное знаменіе: аще бо видите,—на пути лежить древцо на крестъ или какая иная вещь, выжь, избранницы божиі, всѣ православніи христіяне, потшитесь исправляти по правиломъ святыхъ отецъ, якожь выше писахомъ вамъ. Понежь бо, аще на земли кая вещь на крестъ лежить назнаменованна, и то бо мѣсто заглядити; аще ли въ простоте что на крестъ лежить, ту бо вещь развергни; и не мозите мимо проходить, не исправя такіе любо вещи на земли, на крестъ лежащие, да не будетъ крестное знаменіе неразумнымъ человекомъ въ поправление и скоту въ поруганіе. Молюжь васъ, любимицы, и колѣномъ вашимъ касаюся: Господа ради потшитесь такую вещь исправляти, все бо творимъ божія ради любви и страха ради господня. Аще ли кто учнетъ тако творити и исправляти во истинну, таковый наречется истинный христіянинъ и за такое исправленіе велию себѣ мзду восприметъ отъ Бога. Аще кто видитъ на которомъ неудобномъ мѣсте крестъ начертанъ, или древо на крестъ лежить, или какая иная вещь крестнымъ знаменіемъ на земли явится воображена,—и кто будетъ чрезъ таковое крестное воображеніе ходитъ и того крестнаго знаменія не исправляетъ, якожь выше писахомъ, таковый убо уподобися невѣрнымъ обычаю и наречется таковый рагатель крестному знаменію. Въсте ли, братіе: понеже крестнаго знаменія бѣси трепещутъ и такова мѣста велми отбегаютъ: понеже гдѣ бываетъ мѣсто, крестомъ назнаменовано; о семъ же въ

паторице пишетъ. Глаголетъ бо сиче: «Нѣкиі жидовинъ идяше путемъ и нача обношевати во идолскомъ требищи. І въ то время помысли въру христианскую и отъ бесовскаго мечтания прекрести себя крестнымъ знаменіемъ. Въ тужь ношь во идолское сошедшеся множество бесовъ, и узрѣша жидовина лежаща, и приступиша къ нему бѣсове, глаголюще о немъ: «сей бо сосудъ нечистъ лежитъ да крестомъ покровенъ». Сегожь ради крестного знаменія не могуще ему бѣсове никаковы пакости сотворити. О семъ же во утренній день самъ жидовинъ вся подробну сказалъ и сея*) ради вины крестися во имя господне». Выжь, любимцы, разумеите крестную силу и честь, такія жъ ради вины не мозите наступати на пути на таковую вещь, что любо крестнымъ воображеніемъ на земли лежаще; і въ томъ да не будемъ въ приобшение языкомъ, незнающимъ Бога; и тшитесь всею душею о томъ исправляти, якожь выше рекохомъ. Богу нашему, на крестѣ распятому и воскресшему изъ мертвыхъ, слава во вѣки. Аминь.

4. Слово учително наказуетъ о впровавшихъ въ стрѣчу и въ чехъ **).

Подобаеть же намъ, братіе, на всякомъ мѣсте молитву творити; аще ли въ путь идемъ или на мѣстѣ сидимъ, имаяжь господне всегда да не исходитъ изъ устъ твоихъ. Глаголи же сиче: «Господи Исусе Христе, Сыне божіи! помилуй мя грѣшнаго». Писано бо есть: «Прокляти суть уклоняющеися отъ заповедей господнихъ». О сихъ же апостоль пишетъ: «Не любите мира и яже неподобная въ мире: аще кто неподобная въ мире любитъ, врагъ бываетъ Богу». Сеже и меню быти неподобная въ мире вървание въ стрѣчу и въ чехъ и во птичей грай. О томъ же апостоль глаголетъ «О братіе! блюдитесь, да никтожь васъ будетъ прелшая хитростию и тшетною лестію по преданиемъ человѣческимъ, по стихіемъ мира сего, а не по Христе Исусе; никтожь бо себѣ да прелшаеть, аще кто мнится мудръ быти, тако бо въ вѣце семъ буй да бываетъ. Тѣмъ же да никтожь хвалитъ ся въ человѣцехъ: Господь бо гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. И не бывайте удомъ преложени ко иному ярму, якожь невѣрній; никтоже васъ льститъ суетными словесы, сихъ бо ради приходитъ гнѣвъ божіи на сыны непокоривыя.» Мыжь, любимцы, покоримся Богу и поидемъ въ слѣдъ святаго его заповеди, отже-

*) Въ рук.: *сил.*

**) Это слово находится также въ полууставной рукописи Новгородской Софійской бібліотеки № 1428, л. 520.

немъ отъ себе богомерзкия помыслы; понежь бо есть лучши Бога истиннаго познати и имя святое Его прославляти, нежели въ стречю и въ чехъ вѣровати: сия бо есть прелесть, а не божие предание, нижь святыхъ отецъ повелѣние. Мнози бо человекы тшетною прелестию вѣруютъ во стрѣчи, и въ чехъ, и во птичей грай и во всякая мечты бесовския, — и тѣ послѣдуютъ обычаю невѣрныхъ языкъ, не знающимъ Бога, отъ нихже такая прелесть во православие преселися. О любимицы! внемлите себѣ о семъ прилѣжно, понеже подобаетъ просити совести благи у Бога, аще хоцетъ воля божия быти во всемъ, нежели злоторающимъ совестемъ послѣдовати и вѣровати во стрѣчю и въ чехъ и во птичей грай. Таковажь прелесть и такое неподобное вѣрвание никакожь во христіанехъ именуется быти. Довлѣетъ же намъ быти по апостолу, — волю невѣрныхъ языкъ отложить: понежь встрѣчная и чеховная прелесть невѣрныхъ языкъ увѣрание, вѣрнымъ же о семъ божественная писанія нигдѣ не описуетъ быти. Въ такихъ же прелестехъ невѣрнии языцы ходятъ и симъ же неподобнымъ похотѣмъ мнози вѣрнии прилепляются; понежь осуетишася помышлени своими и омрачиси неразумное ихъ сердце. Человѣче! потшися по апостолу себѣ искусна во всемъ поставити предъ Богомъ дѣлателя непостыдна, правяще слово истинное; буйхъ же и ненаказанныхъ стязаниі отрицайся. Мнози бо неразумниі и ненаказаниі *) человекы увѣряютъ себе въ стрѣчю и въ чехъ и тѣмъ же бесовскимъ помысломъ повинуются; симижъ помыслы явственне бесове отводятъ насъ отъ Бога и Духа Святаго отъ насъ удаляютъ, понежь Духъ Святой дѣйствуетъ во священникехъ и въ дяконехъ и во мнишескомъ чину и во братіи христове, рѣкше въ нищихъ: такиі бо чини отъ Бога всѣ благословени суть. Мыже тѣхъ всѣхъ чиновъ на встрѣче гнушаемся, и отвращаемся отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣче и поносимъ ихъ въ то время на пути многимъ поношениемъ. О окаянниі человекы! разумеите о сихъ благословенныхъ чинехъ; азъ вамъ о тѣхъ чинехъ отъ апостола покажу, понежь буяя мира, и немощная, и худородная и уничиженная мира избра Богъ, а крѣпкия, и премудрыя и сильныя посрами и упраздни и увичижи Богъ, да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ. О священникехъ же апостоль глаголетъ сиче: «Прилежащая попы добре сугубыя чести да сподобляются отъ Бога, отъ нихже по благодати Святаго Духа мы приемлемъ тѣло и кровь христову и поканяниемъ разрѣшение грехомъ нашимъ приемлемъ, отъ нихже обновляемся». Апостоль же глаголетъ: «Старцу не твори пакости, но утешай, яко

*) Въ рук: *несказанниі*.

отца; старица, яко матере». Разумейже, человекѣ, о такихъ чинехъ: коль велицы именуются у Бога! Мыжь, окаянствомъ своимъ и встрѣчною прелестию, такихъ чиновъ на первой стрѣчѣ гнушаемся, и отвращаемся, и уничижаемъ и укоряемъ ихъ, яжь самъ Богъ возлюби. Мнози же отъ человекѣкъ сему встрѣчному помыслу и прелестному попицуются. Разумей же о сихъ: понежь бо аще кто на первой стрѣче гнушается священническаго чина, той бо божия служителя гнушается, понежь бо иереи образъ господень носятъ въ службе; нарицають же ся иереи плотнии серафими, понежь Господа на главѣ своей носятъ: по сему же иерейская почеть къ Богу восходитъ. По сихъ же аще ли кто въ первое стрѣтенье смрадитъ мнишескаго чина и образа, той бо посмражаетъ инока, плотнаго ангела божия, понежь мниси подобие носятъ ангелскаго образа. По сихъ же аще кто укоряетъ на первое встрѣтенье нищая и худородная, то Бога укоряетъ и братию христову, ихъже самъ Господь нарицаетъ нищихъ—меньшую свою братию. По сихъ же всѣхъ аще ли кто первыя ради встрѣчи укоряетъ какова либо богоугодника человекѣка, той убо укоряетъ образъ подобия божия, понежь самъ Господь о человекѣце глаголетъ: «Сотворимъ человекѣка по образу нашему и по подобию». Внимайтежь, любимицы, о сихъ всѣхъ и не бывайте мудри о себѣ и не прилепляйтесь лукавому и прелестному бѣсу: той бо всѣваетъ въ человекѣки на уверение встрѣчныя и чиховныя и всякия злыя помыслы. Тыжь, рабе христовъ, въ то время вооружайся крестнымъ знаменемъ и призывай имя господне и рцы сице: «Господи Исусе Христе, Сыне божий! помилуй насъ». Глаголетъ бо апостоль: «Всякъ, иже призоветъ въ кое аще время имя господне, спасется». По сихъ же молю васъ, любовная братия, блюдитесь творящихъ распря и раздоры, понеже въ тѣхъ неподобная совершается. Посемужь встрѣчныхъ и чиховныхъ и всякихъ злыхъ помыслъ возненавидимъ всякимъ нравомъ,—молюся,—угодимъ же Богу правую вѣрою и чистымъ житиемъ, славяще святую Троицу, Отца и Сына і Святаго Духа ныне и присно и во веки вѣкомъ. Аминь.

5. Поучение къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума въ рождение мѣсяца, и въ наполнение, и въ ветохъ и въ переходя звѣзды, и во злые дни и часы.

Многажь милость и неизреченны щедроты и человекѣколюбие явися на насъ великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа, понежь бо свыше отъ небеснаго востока осия насъ Солнце Праведное и показанамъ пресвѣтлую лучу, обоженную плоть, еже есть Сынъ божий. И родися безъ сѣмени отъ пречистыя матере своя зачатиемъ Святаго

Духа и со челоѣвки на земли поживе и снабди весь родъ челоѣвческій своимъ животочнымъ источникомъ, животворящею кровію и водою, и омый преступление адале, и насъ избавитъ отъ неправеднаго греха и свободи насъ отъ насилья дьяволя. Насилилиже дьяволе сотворяется отторгновениемъ отъ Бога и склонениемъ во злочестивыя и богонегудныя дѣла, еже и бысть во древнихъ родехъ челоѣвкомъ, по своимъ водемъ ходящимъ и внимающимъ бесовскимъ прелестемъ,— еже бо кумирслужению работаху и тварь паче творца почитаху и служаху небесному двизанію и поклоняющеса ови солнцу, инии мѣсяцу, инииже звездамъ внимаху, инииже каменіемъ жруще, инии ко источнику и ко прочимъ водамъ приходяща и жертву бесомъ творяху. Таковаго же неистоваго дѣла не терпяще зрѣти Неусылающее Око и воспомяну дѣла руку свою и своего созданія, еже челоѣвческаго существа не остави во гресѣхъ погибающаго и возрѣ на насъ грѣшныхъ своимъ пресвѣтлымъ солнцемъ, и сииде отъ небесныхъ круговъ къ намъ на землю немерцающее Праведное Солнце и показа намъ пресвѣтлую свою лучу, еже есть обоженую и нетлѣнную плоть, и тѣмъ обнови отъ прежняго греха и преступленія прадеда нашего Адама и насъ избавляетъ отъ смерти грехопадения и животь вѣчный намъ даруетъ. И сотре Христось Богъ нашъ насиліе дьяволе и вся сосуды его лукавыя и сѣти неприязненныя сокруши и себе великаго Бога и единаго Творца во всю вселенную показа Христось, истинный Богъ нашъ. Мы видѣхомъ свѣтъ истинный небесный, еже есть, отъ небесъ Бога въ плоть пришедшаго; и родися отъ Духа Свята отъ пресвѣтлыя и браконейскусымыя чистыя Дѣвы, отъ негоже мы обретохомъ вѣру истинну: та бо насъ спасаетъ. По семъ же отъ писанія сказую и предлагаю вамъ, любимая братія, неразумныхъ челоѣвкъ прелесть, понеже воспоминаю древнее челоѣвческое злонравіе, о нихъ же выше рекохомъ. Посемужь и въ нынешнихъ родехъ неистовыя челоѣвцы забываютъ Бога, спасающаго насъ, и оставляютъ Творца своего помощь и послѣдуютъ прежнему еллинскому и еретическому злонравному обычаю, понеже нынѣ, въ настоящемъ времени, мнози неразумни челоѣвцы оплазивымъ своимъ разумомъ вѣрують въ небесное двизаніе, рекше во звѣзды и въ мѣсяцъ, и разчитаютъ гаданіемъ, потребныхъ ради и миролюбивыхъ дѣлъ, роженіе мѣсяцу, рекше, молоду; инииже усмотряютъ полнаго мѣсяца и въ то время необходимая своя сотворяютъ; инииже изжидаютъ ветхаго мѣсяца; инииже ушерба, сирѣчь перекроя; инииже ходятъ по звѣздному хоженію, такоже гаданіемъ исчитаютъ добрыя часы и злыя. И мнози неразумни челоѣвцы увѣряютъ себѣ тшетною прелестію и облачаютъ себѣ неистиннымъ разумомъ: понеже бо ови дворы строятъ въ нароженіе

мѣсяца, и ниже храмины созидати начинаютъ въ наполнение мѣсяца; инии бо въ тажъ времена женитвы и посягания учрежаютъ. И мнози баснословнемъ своимъ, по томужъ мѣсячному гаданию, уверяючи себѣ неистовымъ разумомъ, и земная сѣмена насаждаютъ и многия плоды земныя устрояютъ. И тако неразумнии чловѣцы несвершеннымъ своимъ разумомъ увѣряютъ себе въ преходныя звѣзды, рекше въ зодейныя, и въ томъ звѣздномъ хоженіи мятутся и гадание творятъ по сему, понеже безумнии людие вѣрують въ дванадесять преходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ болшихъ планидъ, въ нихъ же невѣгласи вѣрують и волхвуютъ, понеже ищутъ дней роженіи своихъ и сановъ получение, въ нихъ же ищутъ рока житию и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и вазней *) въ службахъ и въ куплехъ, и въ ремеслахъ и выныхъ строеніяхъ. Сима же дѣломъ безумнии чловѣцы, оставя божію помощь, и уклоняются въ развращенная, а не въдуще, яко нѣсть се божіе повелѣніе, ни святыхъ апостолъ, ни святыхъ отецъ преданіе, но богоненавистно и мерзко бысть Богу такое окаянное дѣло, второе бо идоловпріе именуется **), занеже еретицы отъ бѣсовъ такиі плевель всѣяща невѣгласомъ и неразумнымъ и бумимъ душамъ на пагубу. По семуже окаянному лѣлу безумнии уклоняются на греховную себѣ спону, понеже добрыя дни и злыя часы исчитаютъ по семужъ мѣсячному хоженію и звѣздному. Сия же чловѣцы тѣмъ умъ свой погубиша и въ таковыя предести себѣ погрузиша и осуетишася умы своими и не познаша истиннымъ разумомъ божественнаго писанія; понеже неизреченная мудрость Сынъ и Слово божіе самъ проповѣдуетъ ученикомъ своимъ и глаголетъ: «Нѣсть ваше разумети времена и лѣта, яже Отецъ положи своею областію». О томъ же благовѣщанная уста и Богомъ избранный сосудъ, апостолъ Павелъ вопиеть и глаголетъ сице: «Тако вы возвращаетесь паки на немощныя и худыя стихія, имъ же паки свыше служити хотите, дни смотряюще, мѣсяцы и времена и лѣта». Внимайтеже, о вселюбовная братія, колико намъ заповѣдуетъ Духъ Святый не уповати на немощныя и худыя стихія и не повелеваетъ вѣры прилагати къ худымъ и немощнымъ стихіямъ, рекше небесному дѣизанію. Небесноежъ дѣизаніе именуется солнце и мѣсяцъ и звѣзды: движими суть отъ ангель божіимъ повелѣніемъ за чловѣческое спасение, а не сами о себѣ движутся. О семь же обновляетъ свидѣтель небесному дѣизанію, ижъ до третняго небеси

*) Въ рук: казней.

**) Курсивомъ напечатанное сходно съ однимъ мѣстомъ статьи о книгахъ ижитныхъ и ложныхъ.

восхищенъ бысть, апостоль Павелъ и нарицаеть по своему свидѣтельству солнце и мѣсяцъ, луны и звѣзды худую и немощную тварь. Мыжь да глаголемъ: «по истинне бо есть такъ», и о семъ по благодати Святаго Духа явственне известимъ и въ разумное сказаніе положимъ: понеже бо солнце и мѣсяцъ и звѣзды бездушны и безсловесны суть и помощи и власти отнюдь никакия не имѣють и плода никакова не творять ни добраго, ни злаго, понеже бо не воздають добрымъ добраго, ни злымъ злаго. Сотвореныжь бысть солнце и мѣсяцъ и звѣзды великимъ Богомъ отъ невещественаго огня, рекше отъ негасимаго, понеже бо негасимый, рекше невещественный огонь, по божию створенію горить самъ себѣ, бѣзо всякия вещи и бесъ прикладу: отъ сегожь огня сотвори Богъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды и постави ихъ на тверди небесней своимъ великимъ божимъ промысломъ и повелѣ имъ свѣтити по земли, солнцежь постави на просвещеніе дню, мѣсяцъ же и звѣзды постави на просвещеніе ноши. И ныне солнце и мѣсяцъ и звѣзды по сотворенію создателеву изначала и до сего времени во единомъ огненемъ существѣ пребываютъ, и ничтожь ино светится въ солнце и въ мѣсяце и во звездахъ, токмо огонь единъ; горить же и свѣтитъ надъ земнымъ лицемъ беспрестано божимъ повелѣніемъ. О семъ же во псаломниче глаголетъ: «Ты соверши заря и солнце, луну и звѣзды, яже ты основа; яко той рече и быша, той повелѣ и создашася». Безумніи же челоуѣцы осуетишася умы своими и не познаша твари божия истиннымъ разумомъ, понеже вѣруютъ волхвованію и еретическому обычаю и нечестию и прилагають вѣру къ бездушному и къ бесловесному огню, занеже смотрять на мѣсячная времена и звѣздное хоженіе потребныхъ ради миролюбныхъ дѣлъ. О семъ же явственне выше рекохомъ. Сегожь божия зданія не разумѣша буй челоуѣцы, о нихже въ подобу притча глаголетъ: «понеже въ лукаву душу не ввидеть премудрость». Слышитежь и ужасайтесь, ангели бо, бесплотнаго словеснаго естества суще, божественными просвещены и осияны богатнѣ всего наслажаются, но і тиі бо ничтожь боле свѣдуше отъ будущихъ, развѣ елико открыеть имъ Духъ Святой. И како бо звѣзды, бездушнаго естества и неразумнаго и глухаго суще, предувѣдательныя силы нѣкия суши причащаются и власти таковыя, яко бо и житія наша жеребствовать і силою влещи къ добродѣтелямъ и къ злбамъ? Но во истину глухи и неразумны отнюдь исповѣдаващаго и приемлюще горшему ослеплѣнію. О томъ же бо глаголетъ отъ соборнаго посланія Петра апостола: «Понеже придетъ день господень, яко тать въ ноши», вонже убо небеса мимо идутъ съ шумомъ, стихія же сожигаемы разорятся, земляжь и вся, яже на ней, дѣла згорять; симъ убо всѣмъ разоряемо

чающе быти пришествія божіяго дне, егоже ради небеса жегома разорятся и стихія опалеми растаюся. Внимайтежь о семъ: понеже небеса и свѣтила, рекше солнце и мѣсяць и звѣзды, гдѣ тогда обрящутся? Нынеже невѣгласи укоряють себѣ отъ такихъ прелестей восприяти велие приобрѣтеніе по виѣшней хитрости, за такую жь прелесть сами геоньскимъ огнемъ осудятся. О нихъ же: кая, рече, звѣзды соблюдающе и мѣсяцы исчитающе, і се быша яко стеблие: огнь сожже ихъ и не избавитъ души своєю отъ пламени огненаго. О сихъ же Григоріи Богословъ глаголетъ, яко непотребна суть звѣздная плетения і образы, имиже губятся промыслы рождения, и рождение и ина таковая вся оплева. Внимайте, братіе, о семъ, понеже намъ прелестнаго разума отнюдь довлѣть всякимъ нравомъ удалитися; подобаетъ же намъ, братіе, своєю истинною и зъ горящею любовію божія помощи къ себѣ искати во всякихъ дѣлехъ, нежели безсловесному и бездушному огню вѣровати. Творитижь намъ и строити полезно есть и спасено всякое дѣло во имя господне, силенъ бо есть Богъ во всяческихъ и дивенъ Господь во всѣхъ дѣлехъ своихъ и преподобненъ во всѣхъ чудесехъ своихъ и близъ Господь всѣмъ, призывающимъ Его. По семужъ, любимицы, намъ всемъ серцемъ Бога славити и благодарити во всякомъ дѣле и призывать на помощь Творца нашего, Бога и Господа Исуса Христа; понеже бо велиі Господь нашъ и велия крѣпость Его и разуму Его ивѣсть числа. Всяже тварь небесная и земная трепещетъ единого владыки Творца небеснаго, Бога Господа нашего Исуса Христа. Намъ же, братіе, не буди упование имѣти на немощныя и худыя стихія, ниже имамы вѣру прилагати бездушному и безсловесному огню, рекше солнцу и мѣсяцу и звездамъ, понеже бо они въ существѣ огненомъ пребываютъ, о нихже яснѣ выше писахомъ. Буди же намъ, братіе, во всякомъ дѣле славити и величати утро и вечеръ, и въ полудне и во всяко время Творца нашего, въ Троицы, единого Бога, Отца и Сына и Святаго Духа. А о днехъ и часехъ злыхъ гдѣ въ которыхъ книгахъ обретається или кая святая повесть о томъ явствено глаголетъ? Псаломницажь глаголетъ сїце: «Твой есть день и твоя есть ночь», дни же злаго и часа ни единого не сказуетъ. Такожъ и иная святая писанія глаголетъ: «На всякъ день благословлю тя, Господи; и день пребывъ, благодарю тя, Господи!» О зломъ же дни и часѣ ни единыя повѣсти не дѣетъ. По семужъ мнози святїи отцы на соборехъ кругъ годовой изъяснили, злагожь дни и часа ни единого не показали. Такожъ и Иванъ, златогололивая уста, духомъ святымъ состави молитвы по часомъ дневныя и ношныя, і въ тѣхъ молитвахъ не рекъ злаго ни единого дне, ни часа. Потомужь святой ангелъ предаде молитвы святому Пахомию

і повелѣть ему творити молитвы на кижедо часъ и не рече злаго ни единого часа. По семужь и во многихъ гранесахъ пишеть і глаголетъ сице: «на всякъ часъ благодарю тя, Господи!» Злагожь часа нигдѣ не обретаю въ божественныхъ писаниихъ; но токмо баснословцы укоряють быти днемъ и часомъ злымъ и добрымъ; насъ же, милосердый. Боже, избави отъ толика прелести и научи насъ во всякий день и часъ творити волю Твою! Посемъ же молю васъ, любовная братие: бежимъ и возненавидимъ неудобныя и отреченныя прелести и отвратимся втраванія въ небесная двизанія, рекше въ мѣсяць и звѣзды, и угодимъ Богу чистою и несумненною вѣрю, и дѣлы добрыми и благоуднымъ обрящемъ себѣ вѣчную жизнь и наслѣдіе царства небеснаго, егожь буди всѣмъ намъ получити о Христвѣ, Бозе *нашемъ, ему же слава и держава во вѣки векомъ. Аминь* *).

ПУТЕШЕСТВІЕ ИНОКА МИХАИЛА ВО СВ. МѢСТА **).

Сообщено А. С. Павловымъ.

«Путешествіе инока Михаила во св. мѣста, гдѣ святыя отеческія монастыри, патріархи и митрополиты, по Христову словеси: се изъ съ вами есмь до скончанія вѣка. — Ходъ: Отъ Москвы на Казань, на Екатеринбургъ, на Тюмень, на Камскій (?) ¹⁾, на Барнауль ²⁾, на Небенской верхъ, по рѣкѣ ³⁾ Катунѣ, на Красноярскъ. Тутъ деревня Ай и тутъ часовня ⁴⁾. И деревня Устюба къ рѣкѣ, и тутъ въ Устюбѣ спросить страннопріимца Петра Кирилова. И пещерь тутъ множество; отъ пещерь снѣговая гора на триста верстъ: отъ Адама ледъ стоитъ въ своемъ виду и никогда не таетъ. За го-

*) Слова, напечатанныя курсивомъ, приписаны позднѣйшею рукою, такъ какъ заключительная строка этого поученія была утрачена.

**) Въ статьѣ П. И. Мельникова *Раскольническіе архіереи* (Русскій Вѣстникъ, 1863 г., № 4, стр. 624) напечатано это произведеніе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Путьшественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самоидцемъ инокомъ Маркомъ Топозерской обители, бывшемъ въ Опоньскомъ царствѣ.» Списокъ, нами печатаемый, короче списка г. Мельникова и авторомъ путешествія называется не Марка, а Михаила. Варіанты, относящіеся къ именамъ мѣстъ, заимствуемъ изъ списка г. Мельникова.

Ред.

1) Каменогорскъ.

2) Выбернумъ деревню.

3) На Избескѣ вверхъ.

4) Этой фразы нѣтъ.

рою деревня Димонская ¹⁾, въ той деревнѣ часовня и обитель, а настоятель инокъ схимникъ Юсифъ. Отъ той обители есть ходъ сорокъ дней со отдыхомъ чрезъ китайскую землю и четыре дни (чрезъ) Куканію ²⁾, потомъ въ Японское царство. Живуть въ губѣ окіана-моря, мѣсто, называемое Бѣловодье, и озеровъ много и семдесятъ острововъ. Острова есть по шести сотъ верстъ, и между ихъ горы. — О Христѣ подражатели соборной Апостольской церкви! Прошу прямымъ образомъ, безо всякой лести: тамо антихристъ не можетъ быть и не будетъ. А лѣса темныя, горы высокія, разсѣлины каменные. А народъ отъ Россіи особенной, а воровства никогда не бываетъ. Аще китайцы были бы всѣ христіане, то ни едина бы душа не погибла. Вѣру ми имите, любители христовы: грядите; повѣрьте Іоанну Богослову: За женою змій испусти воду, и разсѣдся земля и пожре воду, а женѣ Богъ помогъ: дадеся два крыла и парить въ пустыню, и препитана будетъ время и времена и полвремени, то есть 42 мѣсяца, — вѣдомо есть, — толкують еретицы, но противно Христу. Ассиріане отъ папы римскаго гонимы были и изъ своей отлучились пять сотъ лѣтъ, а присковали мѣста два старца. Церквей христіанскихъ ассирійскихъ до сту, а патріархъ антиохійскій и 4 митрополита и всѣ особы духовныя существуютъ неизмѣнно и нерушимо, а російскихъ 40 церквей и 4 митрополита занялись отъ патріарха ассирійскаго, отлучились отъ своихъ мѣсть отъ лѣтъ Никона патріарха. А проходъ ихъ былъ отъ Изосима и Савватія соловецкихъ кораблями чрезъ ледовитое море. Такимъ же образомъ отцы посылали изъ монастыря Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ. А сей памятникъ писанъ тѣмъ самымъ, который тамъ самъ былъ, а имя мое многогрѣшный инокъ Михаилъ. Аминь.

¹⁾ Умьенска.

²⁾ 44 дни ходу чрезъ Губань.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ УКУШЕНІЯ ЗМѢИ.

Сообщенъ П. П. Барсовымъ 1).

Святѣй Боже! бѣсловъ! 2) Святѣй Боже! бѣсловъ! Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, на крутомъ рѣви, на морѣ-окіанѣ, тамъ стоитъ игрушка; на той грушѣ 700 дубцевъ, 700 кокотовъ 3), на тѣхъ кокотахъ змѣиное гнѣздо, а въ томъ гнѣздѣ змѣя-змѣица, всѣмъ змѣямъ царица, Катерина-Ригатуха. Прихожу я рабъ божій, *имрекъ*, къ тобѣ-змѣѣ, Катеринѣ-Ригатухѣ, отъ Господа Бога, отъ большаго брата, отъ большей сестры: «Собери ты весь свой гадъ змѣй, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевятъ покрасы, и вынимай ты съ *такого-то* раба свой златъ зубъ маковымъ зерномъ, ховиннымъ 4) перомъ. Коли соберешь ты весь свой гадъ змѣй, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевятъ покрасы, и вымешь ты свой златъ зубъ съ *такого-то* раба: то я прошу тобѣ со всѣми твоими змѣями, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевятъ покрасъ; а не вымешь ты своего злата зуба, то я тебя заклянѣ со всѣми твоими змѣями, что есть у тебя въ свѣтѣ тридевятъ покрасы; а не я тебя заклянѣ, заклянеть тебя Господь Богъ и Михаилъ архангелъ животворящимъ крестомъ. Собирай рѣчныхъ рѣчницъ, озерныхъ озерницъ, земляныхъ земляницъ, травяныхъ травяницъ, боровыхъ боровницъ, лѣсовыхъ лѣсовицъ, кустовыхъ кустовицъ, полевыхъ полевицъ, копныхъ копницъ, межевыхъ межевицъ, дворовыхъ дворовицъ, варковыхъ варковицъ, гноевыхъ гноевицъ и ползучую, и бѣгучую, и летучую, и ярую, и перярую и веретеницу и сереновицу. Святѣй Боже! бѣсловъ! Мать Пречистая! ходи ко мнѣ на помѣчь. Ангелъ на радощахъ!» Выползала змѣя съ болднѣя, съ лукоморѣя, съ зеленой и съ сырой земли и укусила змѣя *такого-то* раба за бѣлое тѣло. Идетъ Мать Пречистая, еверь качаетъ; изъ этого раба змѣиные зубы выбираетъ: «Выпадѣте зубы изъ *такого-то* раба изъ бѣлаго тѣла, и утихни есель 5); а я, Мать Пречистая, стала на помѣчь и *такого-то* раба ангелъ на радощахъ!»

1) Записанъ орловской губ. трубчевскаго уѣзда въ селѣ Котовкѣ. 2) Благослови.

3) Сучевѣвъ. 4) Совиннымъ. 5) Опухоль.

ДВА РАСКОЛЬНИЧЬИ СТИХА. ¹⁾

Сообщены Н. И. С-нымъ.

1. Пѣснь умильна Лаврентьева монастыря.

Боже! придоша времена до насъ,
О нихъ прорекоша еще прежде насъ.
Пустыня была всѣмъ прибѣжища;
Нынѣ ужь тамъ нѣтъ прибѣжища.
Разсылаютъ насъ, разлучаютъ насъ...
Ради бѣ неразлучно идти за Кавказъ.

¹⁾ Первый изъ напечатанныхъ здѣсь стиховъ взятъ изъ раскольниковьяго сборника Моск. Д. Акад. № 431. Лаврентьевъ монастырь принадлежалъ къ числу обширнѣйшихъ раскольниковыхъ монастырей. Онъ находился въ могилевской губерніи, въ близкомъ (нынѣ гомельскомъ) уѣздѣ, неподалеку отъ Гомеля, въ имѣніи князя Паскевича. Уничтоженъ въ сороковыхъ годахъ, при настоятелѣ игуменѣ Аркадіѣ. По разореніи монастыря Аркадій ушелъ за границу и тамъ бѣлокриницкимъ митрополитомъ Кирилломъ произведенъ въ епископы, съ названіемъ брачловскаго. Ему приписываютъ и сочиненіе стиха о разореніи Лаврентьева монастыря Стихъ этотъ, положенный на голось, составляетъ доселѣ любимую канту у раскольниковъ. Другой стихъ взятъ также изъ раскольниковьяго сборника Моск. Дух. Акад., который носитъ курьозное названіе «собранія разныхъ свѣтскихъ нравственностей». Подъ именемъ этихъ нравственностей внесены въ рукопись частію стихотворенія и изреченія сочинителей-нераскольниковъ, — изъ нихъ нѣкоторыя не цензурнаго содержанія и притомъ далеко не нравственнаго, — частію стихотворныя же произведенія раскольниковьяго пера. Опыты раскольниковьяго виршетворенія, какъ можно догадываться, принадлежать одному автору — нѣкому мѣщанину Святославскому. На оберткѣ рукописи есть между прочимъ слѣдующая надпись: „1842 года 31 генвара занимался

Въ сей книгѣ чтеніемъ московской мѣщанинъ,
И за написаніе Святославскаго хвалилъ,
За то, что много римъ (sic) въ ней написалъ
И любителямъ сатиры показалъ.
Читатели! стихи и эпитафіи прочтите,
А за написаніе Матвѣя Святославскаго хвалите.“

Къ сожалѣнію „критика“ на табакъ не окончена; подъ нею есть приписка: „въ критикѣ еще половины не написано.“

Не противимся божіей воли,
Идемъ во своя мы по неволи.
Оставляемъ храмы, пречудно созданны,
Златомъ и серебромъ богато убранны.
За царя молить и въ поли будемъ,
Про житье свое въ вѣкъ не забудимъ.
Пушай владѣють чужимъ насильно;
Скоро Судія воздасть обильно:
Равенъ у него и царь и воинъ,
Богату и нищу судія единъ.
Иргизскія воды въ море утекли;
Его жителей вонъ вытиснили.
Поселили ихъ близь Ленкорана,
Имъ свобода тамъ вся вполнѣ дана.
Араратъ гора и Араксъ рѣка
Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣдни вѣка;
Каспійское море ихъ обливасть,
Песчаная степь ихъ обливасть;
Снѣговья горы покрываютъ ихъ,
И рѣка Ефратъ недалече ихъ.
Дождались и мы жестокой зимы,
Выслали всѣхъ насъ безъ всякой вины.
Мы во всемъ власти повинujemyся,
За обидящихъ насъ Богу молимся.
Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
Мы будемъ въ молчаніи, вмѣсто громкихъ пѣній.
Поминать мы будемъ про житье свое,
Жили при рѣкѣ, при быстрой Узѣ.
Но время быстрѣе сей нашей рѣки;
Оно унесло младые вѣки.
Цвѣла обитель боліе ста лѣтъ;
Нынѣ опустѣла, уже ея нѣтъ.
Звонъ былъ удивленный, аки громъ гремѣлъ;
Соборъ разныхъ птицъ громко пѣсни пѣлъ.
Теперь все замолкло и нѣтъ ничего;
Погибло, потлѣло, травой заросло.
Перестаньте пѣть, веселыя птицы,
Скоро улетайте за море отъ насъ,
Скажите за моремъ, что ужъ насъ тутъ нѣту,
Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту.
Пушай распѣваетъ здѣсь одна сова,

Легучія мыши, воробьевъ стада.
 Прохожій не можетъ безъ слезъ проити,
 Разсматривая разны предметы.
 Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ;
 Онъ, все обзирая, главою качаетъ.
 Гдѣ праведный судъ? — Его не стало,
 Какъ превратное время настало.

II. Справедливая критика на табакъ.

Враждебникъ нашихъ душъ и лжи отецъ
 Предвидѣлъ вѣка близкій конецъ.
 Страшась горѣть въ геенѣ безконечной,
 Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчной
 И въ тартаръ зубами заскрипѣлъ,
 Какъ левъ, разверзши челюсти, взревѣлъ:
 «Коль горестно душа моя томится,
 «Что фиміамъ Месіи лишь курится!
 «Почто распятый Маріинъ сынъ
 «Пріемлетъ днесъ почтеніе одинъ?
 «Я зрю: хотя уже развратенъ свѣтъ,
 «Но мнѣ благоуханной жертвы нѣтъ.
 «Уже я скверны моды выдавалъ,
 «Училъ пѣнству, драки воздвигалъ;
 «Еще душа моя не насытилась,
 «И новое желаніе явилось.
 «Еще вновь сердце во мнѣ горитъ;
 «Я тѣми жертвами весьма не сытъ.
 «Пушай издамъ на свѣтъ отличну моду;
 «Дай отъиму молитвенну свободу.
 «Прелестно ремесло подать хочу,
 «Чѣмъ рану нестерпиму залѣчу.
 «Пилать что, на Голгофѣ водрузилъ,
 «Тѣмъ древомъ сердце мое пронзилъ.
 «Страдалъ ей тысячу и больше лѣтъ,
 «Погибъ мой умъ, къ лѣчбѣ надежды нѣтъ».
 Изрекъ сіе и безъ вѣсти пропалъ,
 Какъ въ адѣ томъ онъ вѣчно не бывалъ.
 Въ бездонный тартаръ съ шумомъ опустился,
 И въ размышленіе злое погрузился.
 И долго думалъ тамъ, какой бы грѣхъ

Поспѣшнѣй могъ прогнѣвать Бога всѣхъ.
 Оттолѣ долго бѣси ожидали;
 Почто же скрылся, всѣ того не знали.
 И выдумалъ премерзко утѣшенье
 На нераскаянное прегрѣшенье.
 И вдругъ изъ тартара какъ огонь явился,
 И съ радостью на тронѣ очутился.
 Немедля онъ начальства тѣмы собралъ
 И планъ обдуманнѣй имъ рассказалъ.
 Ура! кричали всѣ, тѣмъ честь явили,
 И всѣ полки знамена приклонили.
 Тутъ князю тѣмъ далъ строго приказанье,
 Достать травы чтобъ приложилъ старанье,
 Послать за табакомъ, гдѣ бралъ Веспущей.
 «Сейчасъ!» И полетѣлъ туда бѣсъ кучей,
 Слуга на зло послушный и ретивый,
 И хватъ, къ дѣламъ не промахъ торопливый:
 Какъ молнія въ Америку слеталъ,
 Съ папушами діаволу предсталъ.

А онъ его велѣлъ смолотъ, подправить,
 Но, чтобъ покрѣпче былъ, велѣлъ зола подбавить.
 Когда же бѣсъ молотъ, и въ тотъ горшокъ
 Подсыпалъ діаволъ адской порошокъ
 Разъемистый, приманчивѣй, куражный,
 На вѣкъ волшебной силою преважный.
 Князь тѣмъ сперва отпробовалъ самъ,
 Потомъ начальникамъ и всѣмъ бѣсамъ.
 И коль съ него тогда развеселились!
 Играли, прыгали, какъ всѣ взбѣсились.
 Тутъ громко всѣ: «вивать! ура!» кричали,
 За выдумку почтенье отдавали.

Тутъ новостію Веелзеулъ занялся,
 Всей силою зло вымыслить старался,
 Желаемый успѣхъ чтобъ получить,
 Бѣсовской прихоти всѣхъ обучить:
 Послалъ бѣсовъ къ развратному народу,
 Чтобъ научить и выкинуть всѣмъ моду:
 Какъ нюхать въ носъ, и въ чемъ его хранить,
 Какъ трубки работать, и какъ курить.
 Вдругъ табакерки выдумать не могъ,
 То сатана велѣлъ насыпать въ рогъ.

И чтобъ скорѣй табакъ всѣ полюбили,
 Отвергли Божій страхъ, и адъ забыли,
 Важнѣй всего къ концу привести успѣхъ,
 И не былъ бы порожній носъ у всѣхъ,
 И чтобъ нельзя молитвы сотворить: —
 Всѣхъ научили трубки ртомъ курить.
 И для такой бѣсовской моды новой
 Во адѣ трубки не было готовой;
 Діаволь далъ на вѣчную посмѣшку:
 Изъ ада вытащилъ горящу головешку,

Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
 Потомъ и табакомъ всю начинилъ.
 Велѣлъ, чтобъ бѣсъ больнымъ весь притворился
 И хитростью обманщикомъ явился,
 И, взявши въ ротъ, по улицѣ ходилъ, —
 Держа кисеть въ рукахъ, ее курилъ.
 Кто спросить: «что ты дѣлаешь такое?»
 — «Лѣчусь! се есть лекарство дорогое.»
 «Но гдѣ ты взялъ толь чудное лекарство?»
 — «Скажи, ходилъ за море въ дальне царство,
 «Божусь, царемъ кой миръ весь покоряетъ,
 «Его держава царства устрашаетъ;
 «Клянусь! берусь я крѣпко за него,
 «Курь! ты здоровой будешь отъ него.
 «Его курить и нюхать въ носъ способно,
 «Всегда оно для всякаго пригодно,
 «Табакъ тебѣ неложный исцѣлитель,
 «А я наставникъ твой и покровитель;
 «Кто нюхаетъ, хоть юнъ иль во сто лѣтъ, —
 «Бываетъ здоровъ, уменъ и скуки нѣтъ.
 «И въ горѣ кто, онъ тѣхъ увеселяетъ,
 «И боленъ чѣмъ, все вскорѣ исцѣляетъ.»

Вотъ такъ князь тьмы, правитель всей геенной,
 Пустилъ се ремесло по всей вселенной.
 Коль злой обманъ выдумалъ сатана!
 Всѣхъ мнѣтъ, — потѣха отъ Бога дана.
 Опомнись ты, табашникъ грѣховодникъ:
 Неужели нашъ Богъ — грѣху виновникъ?
 Во дни міроздаиія создатель всѣхъ
 Ничто не сотворилъ для злыхъ потѣхъ;
 Хотя и произвелъ сіе творенье,
 Ужель на грѣхъ и скверно утѣшенье?

Увы! вездѣ умножился табакъ,
 И безъ него не могутъ жить никакъ.
 Друзья! воззрите въ путь протекшихъ лѣтъ:
 Стоялъ и безъ забавъ бѣсовскихъ свѣтъ;
 Бывали въ старь военны полководцы,
 Судьи, князья и мудры мореходцы,
 Тогда бывали кресы — патриоты,
 Любили пить и къ роскошамъ охоты,
 Бывали пресвященные владыки
 И силою ума зѣло вѣлики.

Изъ тѣхъ, хотъ и грѣшникъ кто бывалъ,
 Но табаку никто и не знавалъ.
 Вотъ такъ премерзкая вошла забава,
 Игрушка дьявольска, душамъ отрава.
 Какъ море разлилась сія чума;
 Лишился міръ духовнаго ума.
 Въ немъ кроется магическая сила,
 Какъ талисманомъ миръ обворожила,
 Какъ злой халдѣйскій хитрый чародѣй
 Вовлекъ и приучилъ къ себѣ людей.

Волшебно дѣйствіе въ себѣ являетъ:
 Понюхай, какъ магнитомъ привлекаетъ.
 Толико протекло ужъ тысящъ лѣтъ,
 И наконецъ бѣсъ прихотъ издалъ въ свѣтъ. ...

НѢСКОЛЬКО НАРОДНЫХЪ ЗАГОВОРОВЪ ¹⁾.

Молитва 1-я.

1. Матушка, пресвятая Богородица! преложи моленія и попеченія рабу божіму, имркъ, по рабу божіму, имркъ; чтобы рабъ божій, имркъ, не накла на рукъ и не на ноги и не отверзалъ языка своего до нынѣ и до вѣку. Аминь.

2. На мори на киянѣ, на островѣ на Буянѣ, тамъ стоятъ 12 дубовъ, у каждога дуба 12 корней; подъ этѣми корнями лежитъ чугунная доска, подъ той доской лежитъ имрекова тоска. И подойдите 12 братьевъ и выкиньте тую доску на востокъ солнушка и выкеньте

¹⁾ Изъ раскольничьей тетрадки новаго письма.

имрекову тоску и вложите такоитому человѣку имрека тоску, чтобы рабъ божій имрекъ I по рабу божіму имрекъ II тосковалъ и горевалъ, сухотился и печалился, въ никакихъ помыслахъ не замышлялъ въ пиру и въ бесѣдѣ любить донынѣ и до вѣка. Аминь.

3. На морѣ на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, тамъ стоитъ зеленой садъ, въ томъ саду стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ самъ Господь разсылаетъ ангелей и архангелей: «Пойдите вы въ расійскую землю, такоитою губѣрну и уѣзда и сельца и найдите такойтаго раба имрека I, и разслабите его жилы и мозгъ въ головѣ разрейте по-неже, чтобы рабъ божій имрекъ I тосковалъ и горевалъ, печалился и сухатился, ни въ какихъ помыслахъ не замышлялъ и въ пиру и въ бесѣдѣ отнынѣ и до вѣка. Аминь.

4. Есть у Господа Бога на сотвореніе на свѣти 77 земель, 77 птицъ, 77 звѣрей, 77 скорбей, 77 травъ, 77 рыбъ; рыбы же—земныя, въ небуже стоитъ старой Іерусалимъ Христовъ по предельнію Господа душамъ христіанскимъ *отнынѣ и до* ¹⁾ вѣка. Аминь. Закрѣплена слава рабу божіму имрекъ по рабу божіму имрекъ, на 40 дней; не на 40 дней, но на 40 лѣтъ; не на сорокъ лѣтъ, но на весь вѣкъ. Доннынѣ и до вѣку. Аминь.

5. Царскія двери растворяются, судія царской къ рабу божіму имрекъ приклоняется. Матушка, воску яроваго свѣча и богоявленская вода! утоли раба божіева имрекъ отъ всякаго злодѣйскаго супустата и отъ лихова человѣка 77 именъ отъ (в)сего миру православнаго христіанскаго *отнынѣ и до* ²⁾ вѣка. Аминь.

Молитва 2-я.

6. Есть у насъ отъ діавола или отъ лихова человѣка три листа и три писанныхъ: первой листъ—мать пресвятая Богородица, второй листъ—Іоаннъ Креститель, третій листъ—самъ Ісусъ Христовъ. Чтобы тебѣ, діаволу и лихому человѣку, не вязаться и не касаться: нѣтъ тебѣ тутъ тѣхи и веселія, не радость и не корысть, а вонъ тебѣ тѣха и радость и корысть—у стараго хозяина. Кто тебе посылаетъ и кто наряжаетъ, тамъ ты тѣшься и веселися, радуйся и корыстуйся, и ты его ломай на вѣчную могилу, на третью кадилу. Вѣка. Аминь.

Когда хочешь идить къ кому о чемъ просить, то три раза прочитай.

Или читать три раза надъ водою крещенской и также еди-норазно свѣчу богоявленскою и подать ту воду, на казо читаешь.

¹⁾ Эти три слова въ рук. пропущены. ²⁾ Тоже.

О НАПАСТВОВАНІИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА ¹⁾.

О напастованіи і терпѣниі новыхъ страдалецъ священнопротопопа Аввакума, священнопротопопа Никифора, священноіерѣя Лазаря і инока Епифанія, и како Лазарю со Епифаніемъ языки отрѣзаны и въ заточеніе посланы.

Лѣта 7172-го году августа въ 24 день сосланъ былъ въ Пустоозерской острогъ протопопъ Аввакумъ, и во 174-мъ году марта въ 1 день привезли съ Мезени къ Москвѣ, марта въ 9 день послали подъ началъ въ Паенутиевъ монастырь и держали на чѣпи. Тогоже лѣта маія въ 13 день привезли изъ монастыря и проклинали і остригли, мая же въ 15 день послали въ Угрѣшеской монастырь съ полуголовою и со стрелцами. І во 175-мъ году сентября въ 5 день взяли съ Угрѣши и перевезли въ Паенутиевъ монастырь и держали скована, сентября въ 12-й день ѣздилъ въ Паенутиевъ дьяконъ вдовой уговаривать и привозилъ выписки въ тетратѣхъ отъ властей изъ пушкарей Василей Васильевъ. Тотъ же дьяконъ приѣждаль генваря въ 30 день отъ Павла и отъ Лариона і приходилъ къ нему пьянъ ночью, хотѣлъ извести ево. Декабря въ 4 день приѣждаль съ Москвы игумень Паенутиевской Пароеней и морилъ ево три дни і въ студеной тюрьмѣ держалъ ево. Апрелья въ 30 день привезли изъ Паенутьева къ Москвѣ и держали скована. Маія въ 3 день имали къ Чюдовъ монастырь по приказу государеву архимаритъ чюдовской Иоакимъ да Спаса изъ Ярославля Сергій Волкъ уговаривали и прелшали ево. Тогожъ мѣсяца въ 11 день по государеву указу і вселенскихъ патриарховъ тѣже архимариты имали уговаривать же. Юня въ 17 день имали на соборъ сребролюбныя патриархи въ крестовую соблажнати і отъ вѣры отвращати и, уговаривая, не одолѣли: послали на Воробьевы горы, предавъ воиномъ полуголовѣ да тридесятимъ стрелцомъ, твердо стрещи заповѣдавъ. И того же мѣсяца въ 26 день посыланъ отъ царя дьякъ конюшенного приказу Тимоѣей Семеновъ да старецъ Григорий Нероновъ уговаривать же. Въ 30 день перевезли во Андрѣевской монастырь на Конюшенной дворъ. Юля въ 4 день по указу цареву приѣждаль отъ тайныхъ дѣлъ дьякъ Дементей Баш-

¹⁾ Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка.

маковъ уговаривати и въ 20 день перевезли на Угрѣшу къ Николѣ чудотворцу; і въ 22 день приѣзжалъ голова Юрьи Лутохинъ уговариватижъ по государеву указу. Со Аввакумомъ же и іини 4 страдалцы: Никиеоръ протопопъ, Лазарь иерей, Епиеаниі инокъ, Феодоръ дияконъ. И, яко не возмогоша предстити ихъ, двема повелѣша, срамоты ради своя, языки урѣзати: Лазарю до вилокъ языкъ отрѣзаша, Епиеанию такожъ, августа въ 27 день. И егда Лазарю языкъ вырезали, явился ему пророкъ божии Ілия и повелѣ ему о истиннѣ свидѣлствовати. Онъ же, выплюнувъ кровь изъ рта, и начать глаголати ясно и чисто. Но прежде убо, егда провождаху ихъ, коегождо разными необычными съ Москвы дорогами,—у Лазаря, яко глаголютъ, рука десная вся отъ языка обагрена кровию, онъ же благословляше люди, егда его везоша около Москвы въ Калужския ворота, черезъ реку, по Даниловскому мосту, по за Симонову монастырю и Спаса Новаго монастыря и Андронникова по за слободамъ, по полямъ, зъ дороги на дорогу перенимаяся, якоже кто есть не благо, паче зло сотворилъ,—укрываяся, бѣгаетъ. Доправився на Переславку по Троицкой дороге, въ Братовшино всѣхъ направили кромѣ Феодора, иже подъ церковию въ Богоявленскомъ вселенъ есть. Лазарь же, егда достигъ Аввакума и братию его, улыскаая сказывалъ имъ свою побѣду и коварство ихъ мучительское: какъ ихъ казнили, и что имъ разговоръ былъ: «были, де, двѣ плахи да два топора и, посадя на скамьи, языки наши вырезали; но ничто,—рече,—насъ отлучить отъ любви христовы.» У Лазаря кровь единымъ временемъ вся и много истече; у Епифаніяжъ не по многу доволны дни капаше. Сего ради не ядше пребыша, молящися, яко Епиеаниі не глаголетъ, плакахуся, Богу тако изволившу. Аввакумъ писаше къ своимъ: «Азъ, грѣшный Аввакумъ, не сподобихся такового дара: поплакавъ надъ ними, перещеловавъ ихъ кровавыя уста, благодаривъ Бога, яко сподобихся видѣти мученики въ наша лѣта и зѣло утѣшихся радостію великою о неизглаголемѣмъ дарѣ, яко Лазарь свѣтло глаголаше и яко отцы и братія моя пострадали Христа ради и церкви ради. Хорошо такъ и добръ запечатлѣли со исповѣданіемъ кровию церковную истинну! Благословенъ Богъ, изволивый тако! Ну, свѣты! молитѣ о насъ, а мы, слико можемъ, о васъ. По семъ отъ насъ вамъ миръ и благословение и мученики вамъ, миръ давъ и благословение, челомъ быють. Егда сию грамоту писалъ, въ то время старецъ ко мнѣ прислалъ изъ иныя избы стрелца съ радостію: «Не кручинся, деі, обо мнѣ: и мнѣ, де, дала языкъ пресвятая Богородица; говорю, де, и азъ благодатію божіею.» И я, Аввакумъ, збродилъ къ нему самъ встащася. И егда въ избу къ нему иду, и онъ ясно возопилъ: «Слава Отцу и

Сыну і Святому Духу» и прочая, тако ясно во услышание всѣмъ, якоже и прежде. Азъ же возрадовахся, наченъ *достойно* говорить. Онъ же у меня перехватилъ со усердиемъ великимъ и тако кончали отпустъ. И порадовахся; говоря кое что, разыдохомся; сказывая мнѣ, какъ проглаголахъ и какъ его казнили: «Мыль, де, образъ пречистые Богородицы и мыслию помыслиль, чтобъ мнѣ глаголати и дерзати о имени Исусъ Христовѣ; таже мнѣ отверзла уста и языкъ даде и учаль говорить ясно.» А до того я у него былъ, онъ же мнѣ ничто не могль промолвити, токмо, запечатлѣвъ уста, седѣль весь слезенъ: кровию оба изошли, понеже жилы вырезаны. О великое божие милосердие! не вѣмъ, что реши, но токмо: *Господи! помилуй.* И Дамаскину Иоанну по трехъ днехъ рука приросла, а новымъ симъ мученикамъ христовымъ Лазарю въ той же день языкъ Богъ дароваль, а старцу во второй день.» Доздѣ Аввакумъ.

Притиженіе. Вы же, христолюбцы, судите: Прошали снѣ страдалцы суда праведнаго о церковныхъ догматѣхъ, чтобъ всѣмъ собраномъ быти расточеннымъ со всѣхъ странъ и судитися съ еретикомъ Никономъ, или свитки написавъ или книгу старую и новую положивъ къ которому чудотворцу въ раку, постъ людемъ заповѣдавъ, молити Бога, да явитъ знамение и помилуетъ люди и раздоръ утигитъ. Но любители новыхъ сего не восхотѣша сотворити, ослѣпи бо ихъ злоба ихъ; или огнемъ искусити писание, но ни сего помыслиша отнюдь суетиноумдреніи архиерее, боящися своя ихъ плотской мудрости не твердой, пачежъ реши—бѣсовской. Но ругахуся окаянни, глаголюще: «Что родъ сей знаменія просить? Аще дастся ему знамение въ послѣднихъ лѣтахъ сихъ?» Се Христосъ далъ есть знамение рабы своими—вѣрнымъ на подвержение, невѣрнымъ же вамъ на обличіе; не мало знамение — до плоти языкомъ вырѣзаномъ свѣтло глаголати. Но еще и чуднѣ творить Богъ знаменія, обличая вашу злобу и жестосердіе: челоуку бо нѣкоему отъ Никоновой ереси наченшейся дважды отрѣзанъ языкъ за церковь христову, — и до днесь свѣтло глаголетъ, обличая вы, якожъ предтеча Иоанъ Ирода; имя же челоуку тому — Стефанъ, по прозвищу Черной, а седѣль дьякомъ въ Нижнемъ. Женѣ же нѣкоторой, Иустинѣименемъ, чудотворецъ Игнатіи Вологодской разслабленной и слепой исцѣлѣние тѣла и свѣтъ очию дароваль и заповѣдалъ вамъ лукавое свое начинание еретическое оставити, яко непотребно и недостойно: повелѣтъ новой да старой служебники положить въ раку Алексію митрополиту: «ужь, де, людъ безъ причастія, какъ есть скоть, гинетъ.» Се же являючися ей засвидѣтельствоваше. И государь благочестивой ужь тому другое лѣто какъ вамъ отдалъ на соборъ челоуитную и до сего

времени ни отказу, ни приказу, христову же рабу саму третью за приставомъ морите голодною смертию и мразомъ. О лицемѣрства вашего! охъ увы мучительству вашему! Который градъ или страну не зацеписте? Или которую пустыню не исполните крови? или село? или погость? Горы бо и дубравы і дебри и холми плача исполните, убиваючи чада свѣтлообразная церковная. Благовременно убо псаломски рещи во истинну о сипцевыхъ: *«Положиши трупия рабъ твоихъ зѣреть земнымъ и пролиши кровь ихъ, яко воду, окрест вселенныя и не бѣ погребалъ.»* И быхомъ поношение сосѣдомъ нашимъ зѣло и страхъ знаемымъ, яко по двухъ и третіи уже Римъ падаетъ начальными, ополчиша бо ся на истинну, уготоваша стрѣлы въ тулѣ сострѣляти убога и нища, заклати правыя сердцемъ, сынове Бѣремли, наляцающе и спѣюще луки: не сохраниша завѣта божия и въ законѣ Его не изволиша ходити и забыша благодѣянии его и чюдесъ Его, ихъже яви имъ предъ отцы ихъ, — яже сотвори чюдеса въ земли гречестѣйше и русьстѣй неісповѣдимаже и неизслѣдома, и напита ихъ отъ тука пшенична і вина и елей. И яде и улы утолстѣ и разшири и остави Бога отецъ своихъ и не вѣрова і не упова на спасение Его і не вѣроваша чудесемъ Его и исчезоша въ суетѣ дние ихъ и лѣта ихъ, со тшаниемъ въ пьянствѣ і въ козногласіи неподобномъ и непреподобномъ, мусикиіскомъ и арганскомъ согласіи, отъ Бога удаленомъ и отъ святыхъ возненавидѣномъ: возлюбиша бо Бога усты своими и языкомъ своимъ солгаша Ему: сердце ихъ не бѣ право съ нимъ, ни увѣришася въ завѣте Его и отвратишася и отвергошася, превратишася въ дукъ развращенъ. Сего ради удержа ихъ гордыни до конца; одѣяшася неправдою и нечестиемъ своимъ. Изыдетъ, яко истъ тука, неправда ихъ; прѣйдоша въ любовь сердца, помыслиша и глаголаша въ лукавствѣ неправду, въ высоту глаголаша, положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ преиде по земли. Вскую шаташася языци и людие поучишася тшетнымъ? Предсташа царие земстїи и князи собрашася вкупѣ.

О приѣзде страдалцовъ паки къ Москвѣ. Июля въ 5 день привезли въ ночи отъ Николы съ Угрѣши и приѣзжали 3 архимарита 2-жды уговаривать и въ 8 день приѣздалъ въ ночи Дементей Башмаковъ уговариватиже. И въ 10 день въ ночи приѣздалъ Артамонъ да архимаритъ уговариватижъ; тогожь дни имали въ Чюдовъ монастырь прелшати і уговаривати митрополитъ Крутицкой Павелъ да архиепископъ Рязанской Іларіонъ, і въ 11 день приѣздалъ архимаритъ чюдовской. И августа въ 22 день и въ 24 день Артемонъ былъ отъ царя съ еилосоюемъ съ Симеономъ чернцомъ и зѣло было стязание много: разошлись яко пьяни; не могъ и поѣсть послѣ крику. Старецъ

мнѣ говорилъ: «Острота, острота тѣлеснаго ума да лихо упрямство; а се не умѣть науки.» И я въ то время плюнулъ, глаголя: «Сердитъ я есмь на диявола, воюющаго въ васъ, понеже со дияволомъ исповѣдуеши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царствуетъ несовершенно; равно со дияволомъ и со Елліпы исповедуеши во своей вѣре. И Артемонъ, говоря много, учнетъ грозить смертию; і я говорилъ: «Смерть—мужу покой есть, и смерть грѣхомъ опона; не грози мнѣ смертию; не боюсь тѣлесныя смерти, но развѣ грѣховныя». И паки подпадетъ лестию и, пошедь, спросилъ: «Что, старъ, сказать государю?» І я ему: «Скажи ему миръ и спасение и тѣлесное здравие». А въ 22 день одинъ былъ; такъ говорилъ мягче отъ царя со слезами, а иное приграживалъ, и я въ тѣ поры смѣюся. И много того было: много и Богъ посрамилъ отъ нашей худости, да что съ ними дѣлаешь? А пошедь Артемонъ одинъ, кланяется низенко и прощается умилно въ правду; Аввакумъ же говорилъ: «Ты ищешь въ словопрѣвнїи высокіе науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами, и мнѣ кое обшение? яко свѣту со тмою или Христу съ Велиаромъ!» І ему стыдно стало і противъ тово въсквозъ зубовъ молвилъ: «Намъ, де, съ тобою не сообшно.»

О ЗАТОЧЕНИИ ДІЯКОНА ТЕОДОРА ¹⁾.

О посланїи въ заточение и о нестерпимомъ мученїи дїякона Теодора за святую церковь і о еже како іскусилъ властей предестныхъ.

Возвѣщу вамъ, возлюбленнїи мои отцы и матери и братія о Христѣ, да познаете, како мя грѣшнаго дїякона Теодора покарjali къ новому нечестию на Угрѣше и чего ради азъ въ малѣ походилъ имъ, тамо седа въ темницѣ. Егда изгнаша насъ архiereе изъ сонмища своего и священнїи санъ содраша съ насъ, съ священнымъ протопопомъ Аввакумомъ во единъ день, и егда изведоша мя изъ церкви: і азъ грѣшнїи и ту, людемъ безчисленнымъ стоящимъ, свѣтлымъ гласомъ проповѣдахъ истинну, сложа въ рукѣ своей (христово) крестное знамение и горѣ то воздвигъ и возопилъ къ народу: «За сию истинну стражду и умираю, братія, и за прочїя догматы церковныя!»

¹⁾ Изъ раскольниковъ сборника XVII вѣка.

И въ ту пору, отведше, посадиша мя въ холодной чуланъ на патриаршѣ дворѣ и тутъ сидѣлъ два дни за сторожами. И на третей по утру за три часа пришедше отъ царя воины взявше і ведоша мя ко красному крыльцу. И сверху сошелъ голова и спросилъ: «То ли дьяконъ благовѣщенской?» И они сказаха: «Тотъ.» І повелѣлъ голова (воиномъ) стрелцомъ взявше и посадити за караулъ у каменнова мосту. И егда стало свитать, тогда пришелъ полуголова и велѣлъ за собою вести стрелцомъ безоружнымъ ко Тресвятцкому мосту и тутъ приѣхалъ думной Дементей и сказалъ мнѣ: «Поѣдь, куды повезутъ, и не кручинься: сердце царево въ руцѣ божіи.» Азъ мнѣлъ, яко царь въ Коломенскомъ и къ нему везутъ мя на распросъ, понеже подалъ въ церкви тогда челобитную за печатью,—великия дѣла божіи писаны,—и чаялъ, самъ царь тамъ спрашивать станеть: и ево дѣла были тутъ писаны. Егда выде за городъ, появился извошники и стрелцы со оружиемъ и, посадивше на телѣгу, повезли мимо Коломенсково, не вѣмъ, куды, страннымъ путемъ по берегу Москвы реки да по болотамъ, а не прямою дорогою ко Угрѣшескому монастырю, чтобъ никто не видалъ знакомой, куды посадятъ. И по семь, уѣхавши, азъ оглянулся и увидѣхъ: вдаль мене отца Аввакума везутъ. Отъ Москвы повезли на свѣту, а на Угрѣшу привезли въ осмомъ часу. И какъ привезли къ монастырю насъ, і взяли отца Аввакума два стрелца подъ руки и обвиша главу его япанчею и повели на монастырь сторонними врата, что отъ роши. И азъ, необычное зря, ужасомъ одержимъ, стахъ, помнѣхъ въ себѣ: въ пропасть глубокую хотятъ насъ сажать на смерть; начяхъ прощатися со женою и чады и со всѣми вами вѣрными. И отведше Аввакума, не вѣдалъ, камо его дѣша. И пришедъ полуголова и велѣлъ стрелцомъ взяти мя такоже, а главу мою со очима рогожею покрыть и до ногъ. И, приведше, посадиша мя въ башню пустую, а бойницы замазали и двери заключили. И по малѣхъ днехъ сталъ полуголовѣ бить челомъ, чтобъ вѣску подалъ женѣ моей, гдѣ сосланы, чтобъ жена моя, безвѣстнаго ради сослания, напрасной смерти не предала себе и души своея не погубила мене ради грѣшнаго: и посулъ давалъ ему, онъ же не восхотѣлъ отнюдь послати вѣсти: «Царя де не смѣю.» И по триехъ недѣляхъ помысли окаянный молити всещедраго Бога, дабы известилъ сердцу моему Христось: аще неправо что старое наше благочестие и новое что добро. И три дни грѣшный не ѣлъ и ни пилъ и не спалъ, токмо плача милости просилъ у Творца своего. И Христось, Спасъ мой, паче еще сердце мое утвердилъ, яко умрети за всѣ старыя, а новаго совѣсть моя сложилася сердцу отнюдь ни во что не примати: «все лукавствомъ составлено» — глагола во мнѣ совѣсть.

И не ядши, изнемогъ. И караулики, видѣвше мя изнемогша, сказали полуголовѣ; и онъ, пришедъ, спросилъ мя: «Что, де, дяконъ старъ, не ѣшь?» И азъ рекъ: «Изнемогаю.»—«Ино, де, бы призвати отца духовнаго.» И азъ ему рекъ: «Порадѣй, пожалуй.» А исповѣдаться подумахъ: либо какову смерть ношю внезапно сотворятъ и отецъ, реку, духовной скажетъ вѣстку женѣ, гдѣ мы. И паки азъ сталъ просити духовнаго отца и полуголова: «не смѣю, рекъ, безъ царева вѣдома дать.» И о томъ отписалъ къ думному Дементію. И Дементей царя доложилъ, и царь его ко властемъ послалъ, и власти въ монастырь Павелъ съ товарищи грамоту прислали по государеву указу: «Тако, де, покарается намъ, повелеваемъ его исповѣдати и причастить.» И допрашивалъ меня игуменъ монастыря того: «Покаряеши ли церкви і собору нынѣшнему?» И азъ сказалъ противу: «Покаряюся святой соборной церкви восточной, что пріяла древле и держитъ догматы.» И написавши они скаску мою, велѣли руку приложить. И въ полночь прислали ко мнѣ слугу съ нею; и азъ прочелъ и увидѣлъ: у нихъ написано, чтобъ мнѣ на преднія слова не обращаться. И не хотѣлъ руки такъ приложить. «У меня, рекъ, словъ никакихъ худыхъ не бывало.» И слуга мнѣ рекъ: «Да ужъ, де, скажутъ они.» И азъ подумахъ: «Ушто, реку, — въ чемъ азъ промолвился гдѣ?» И приложилъ руку, постоявъ. А тово не вѣдахъ, что въ дому моемъ все перепечатали і слова многія собираемы были у мене отъ божественныхъ писаній и старца Спиридонія на ихъ отступление и на лукавыя догматы ихъ: и то все у меня безъ насъ взяли и вынѣ, не вѣмъ, гдѣ ихъ девали. И после скаски сталъ азъ просити отца духовнаго добраго старца у игумена и полуголова, и они сказали мнѣ: «Какъ, де, станешь умирать, тогда дадимъ отца духовнаго.» И азъ всталъ здравъ о Христвѣ: «Челомъ, реку, бью на милости вашей.» И паки писалъ азъ имъ, что святой соборной и апостольской восточной церкви ни въ чемъ не противлюся. И послѣ того вскорѣ далъ Богъ царю Государю сына Ивана, царевича, и тоя ради радости царь насъ изъ темницы свободилъ и взяли къ Москвѣ. И опять дяки спрашивали меня въ приказе патриаршѣ и азъ тѣ же слова говорилъ, что восточной церкви и догматомъ ея *древнимъ* ¹⁾ не противлюся. И отдали Павлу красношокому подъ началъ на дворъ; тотъ врагъ лукавой много надо мною казньствовалъ і всѣмъ, стоящимъ въ вѣре, рыетъ яму и царевымъ сердцемъ мутитъ. И егда стали священнику Никитѣ ругатися, будто онъ за неправду стоялъ, а онъ, не претерпя ихъ томления, далъ повинную и, по площади ходя, про-

1) Это слово приписано позднѣе.

щался, не согрѣшивъ предъ народомъ: и азъ слышахъ, — такое лукавство надъ нами творити начинаютъ,—мѣсто гнѣву ихъ даль: взявши жену и чадъ, убѣжавши, скрылся, рекъ въ себѣ: «лучше ми умрети, нежели соблазнити единого отъ малыхъ, вѣрующихъ правѣ.» И егда услышалъ, яко ищутъ мя прилѣжно и грамоты посылаютъ по градомъ и друговъ моихъ по Христѣ стали истязовати, приводя въ приказъ, и крѣпити во мнѣ: тогда азъ паки пришелъ самъ свою душу за нихъ положить, а ихъ чтобъ свободили пожаловали. Спаметовалъ азъ Спаса своего слово, еже рече: *Боли сея любве никтожь имать, еже кто душу свою положитъ за други своя.* То мое, свѣты, все повинование.

ЗАМѢТКА ДЛЯ БЮГРАФІИ СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА.

Извѣстно, что Семень Медвѣдевъ, въ монашествѣ Сильвестръ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей второй половины XVII ст., былъ сначала подъячимъ. Родился онъ въ Курскѣ, — но тамъ ли поступилъ въ это званіе или же подъяческая служба его началась въ Москвѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Современники его засвидѣтельствовали только, что «родомъ бѣ отъ града Курска и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій;» что служилъ онъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ (слѣдов. въ Москвѣ) вмѣстѣ съ Федоромъ Шакловитовымъ, въ одномъ чинѣ и имени. Но когда все это было, въ какихъ именно годахъ, современники не упоминаютъ, по простой и очень понятной причинѣ, потому что для ихъ цѣлей вовсе не были важны и даже нужны такія подробности. Имъ необходимо было только обличить его въ отступничество отъ православія и въ еретичествѣ.

Позднѣйшіе описатели его жизни, затрудняясь скудостью свѣдѣній, вдавались по необходимости въ предположенія, не всегда вѣрныя. Митр. Евгенийъ говоритъ, что Медвѣдевъ сначала служилъ подъячимъ въ Курскѣ, а потомъ уже въ Москвѣ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Г. Сахаровъ свидѣтельствуетъ, что онъ «служилъ подъячимъ въ Губной избѣ, въ Курскѣ, состоявшей тогда въ вѣдомствѣ Приказа Тайныхъ Дѣлъ.» Преосв. Филаретъ Харьковскій, Курскую и Московскую службу Медвѣдева совокупляетъ въ одно, говоря, что Медвѣдевъ «вмѣстѣ съ извѣстнымъ Шакловитымъ былъ *Курскій подъячій* (?) въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ.»

Изъ предположеній позднѣйшихъ біографовъ выясняется также и то, что Медвѣдевъ, весьма наклонный къ книжному ученію, чтобы сво-

бодѣе заниматься книгами, перемѣнилъ мірское званіе подъячаго на монашество. М. Евгений замѣчаетъ между прочимъ: «одаренъ будучи острою ума и отъ природы даромъ краснорѣчія, притомъ начитавшись разныхъ книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ склонность къ духовному званію и постригся въ монашество, а наконецъ былъ строителемъ и настоятелемъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря. Въ Москвѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ ученымъ іеромонахомъ Симономъ Полоцкимъ и былъ его въ словесности ученикомъ.» Самый осторожный и внимательный изслѣдователь жизни Медвѣдева и первый цѣнитель его ученыхъ трудовъ, г. Ундольскій говоритъ: «Должность и занятія подъячаго въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ видно не нравились Медвѣдеву. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ—«устраниться міра и его молвы.» Въ 1670 годахъ, еще бывши бѣльцомъ, Медвѣдевъ съ Молченскимъ игуменомъ Софроніемъ былъ въ Москвѣ, познакомился съ тамошними учеными и въ особенности съ Симономъ Петровскимъ Ситановичемъ Полоцкимъ.» Вотъ тѣ соображенія, какія могли явиться сами собою при голомъ сказаніи о подъячествѣ Медвѣдева.

Для пополненія скудныхъ свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго и несчастнаго лица, сообщаемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, случайно намъ встрѣтившихся при пересмотрѣ приходо-расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа. Свѣдѣнія эти официальные и потому несомнѣнныя. Открывается, что въ 1665 году Медвѣдевъ находился уже въ числѣ подъячихъ Тайнаго Приказа и по случаю рожденія царевича Симона Алексѣевича получилъ 5 апрѣля денежное награжденіе 12 рублей вмѣстѣ съ прочими своими товарищами, такими же подъячими *). Необходимо замѣтить, что соответственно значенію этого Приказа, какъ собственной, кабитетной канцеляріи Государя, въ подъячіе въ эту канцелярію выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, ибо тѣмъ же подъячимъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ,—его тайныхъ дѣлъ, исполняемыхъ помимо опубликованія ихъ въ думѣ, какова напр. была его переписка съ воеводами, съ послами, Ордыномъ Нащокинымъ и другими близкими лицами, къ которымъ грамоты царя возили обыкновенно подъячіе этого Приказа. Затѣмъ на нихъ же возлагалось исполненіе разныхъ порученій по домашнимъ дѣламъ, такъ

*) Въ это время въ Приказѣ подъячими были Юрій Никифоровъ, Федоръ Казанецъ, Андрей Черново, получавшіе по 16 руб.; Григорій Ключаревъ, Артемій Степановъ, Семень Медвѣдевъ, Петръ Кудрявцевъ, по 12 руб.; Иванъ Полянскій, Маркелъ Ваталинъ по 10 р.—Жены подъячихъ, вѣроятно бывшихъ въ посылкѣ, Кирилъ Демидова, Порфирья Оловяникова, тогда же получили по 15 р.

что они по необходимости становились ближайшими наблюдателями всѣхъ, такъ сказать, кабинетныхъ отношеній государя. Все это, разумѣется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ Тайный Приказъ и, если молодой Медвѣдевъ попадаетъ въ число подъячихъ къ тайнымъ дѣламъ царя, то одно уже это обстоятельство служить достаточнымъ удостовѣреніемъ, что если не особья дарованія, то испытанный нравъ его вполне оправдывалъ такой выборъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что и умственные дарованія отличили его даже отъ товарищей.

Въ томъ же 1665 году онъ поступаетъ въ школу, *учиться по латинямъ и грамматикѣ*, школу, которая, можетъ быть, и основывается при мысли, что есть способные и даровитые ученики, готовые съ особенною охотою отдаться наукѣ.

Въ расходныхъ запискахъ Тайнаго Приказа за этотъ годъ находимъ слѣдующую любопытную статью расхода: 5 іюля подъячѣму Приказа Тайныхъ Дѣлъ Федору Казанцу по указу государеву выдано изъ суммъ Приказа *сто рублей* «къ хорошему строенію, что въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, въ которыхъ (хоромахъ) *учитца по латинямъ* подъячимъ: Приказа Тайныхъ Дѣлъ *Семену Медвѣдеву* да *дворцовымъ Семену* да *Ильѣ Казанцамъ.*» 30 іюня выдано еще 70 рублей къ тому же хорошему строенію, при чемъ замѣчено, что *жить* въ этихъ хоромахъ *для наученья подъячѣму Приказа Тайныхъ Дѣлъ*, слѣдов. тому же Медвѣдеву. Хоромы, безъ сомнѣнія, къ осени были построены и Медвѣдевъ поселился въ новой школѣ. Очень вѣроятно, что онъ же былъ и старостою въ новозаведенной школѣ, ибо съ того времени изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ ему выдавались постоянно деньги на отопленіе и освѣщеніе школы.

Такъ 7 декабря онъ получилъ *для ученья грамматикѣ* на покупку сальныхъ свѣчъ 20 алтынъ; декабря 19, *для грамматическаго ученья* на покупку дровъ 2 рубля. Черезъ мѣсяць, 14 января 1666 года, онъ получилъ для того же *грамматическаго* ученья на свѣчи полтину. 19 февраля выдано опять на покупку дровъ 2 рубля, 14 марта на свѣчи 20 алтынъ. Далѣе, въ 1667 г. октября 13, Медвѣдеву *въ школу* выдано на покупку дровъ и свѣчъ 2 рубля съ полтиною. Въ 1668 г., января 21 снова выдано ему же *въ школу* на дрова и свѣчи 3 рубля 20 алтынъ.

Затѣмъ мы уже не встрѣчаемъ записокъ о подобныхъ выдачахъ. Онѣ могли прекратиться по случаю перенесенія этихъ расходовъ на другой какой-либо источникъ или даже въ другое завѣдываніе. Между тѣмъ Медвѣдевъ все-таки числился подъячимъ Тайнаго Приказа, и слѣдов. оставался еще ученикомъ школы. 2 февраля 1670 года

онъ находится еще въ числѣ подъячихъ; въ это число ему выданъ былъ годовой окладъ жалованья на 178 годъ всего 22 рубли *).

Теперь о знакомствѣ Медвѣдева съ Полоцкимъ. Мы уже знаемъ, что по крайней мѣрѣ осенью 1665 г. онъ поступилъ въ школу учиться по латинямъ и грамматики, что школа была вновь построена въ Заиконоспасскомъ монастырѣ по царскому повелѣнію, на деньги Тайнаго Приказа, т. е. на собственные кабинетныя деньги государя. Кто жъ былъ учителемъ въ этой школѣ, латинской, какъ видно? Хотя и нѣтъ прямыхъ положительныхъ указаній на то, что учителемъ въ этой школѣ былъ знаменитый Полоцкій, однако по нѣкоторымъ соображеніямъ почти нельзя въ томъ сомнѣваться. Полоцкій, по собственному его свидѣтельству, прибылъ въ Москву въ 1664 г. т. е., незадолго до учрежденія школы*). Онъ прибылъ, по всему вѣроятію, по вызову самаго царя, узнавшаго его лично, еще во время своихъ бѣлорусскихъ походовъ. Много вѣроятнаго, что сначала онъ поступилъ учителемъ къ десятилѣтнему царевичу Алексію Алексѣвичу, котораго ученіе впервые въ Московскомъ дворцѣ было ведено по системѣ тогдашней школьной науки, именно путемъ *ученія грамматическаго*, какъ на славянскомъ, такъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Для *ученія по латинямъ*, можетъ быть, и избранъ къ царевичу іеромонахъ Симеонъ Полоцкій. По прибытіи въ Москву, Полоцкій поступаетъ прямо въ Верхъ, т. е. во Дворецъ и содержится съ своими челядинцами и даже съ собственными лошадьми на *дворцовый* счетъ. Вся остальная жизнь его въ Москвѣ проходитъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ ко дворцу и къ царскому семейству. Можно сказать, что онъ былъ придворнымъ ученымъ и первымъ у насъ придворнымъ стихотворцемъ.

Вѣроятность же, что онъ былъ учителемъ царевича Алексія Алексѣвича (а потомъ уже и Ѳедора) можетъ раскрываться въ слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Въ 1667 году царевичу Алексію исполнилось 13 лѣтъ, онъ былъ всенародно и торжественно *объявленъ* наслѣдникомъ престола. Когда въ честь этого радостнаго всенароднаго событія царь давалъ во дворцѣ, 7 сентября, почетный торжественный столъ, то на обѣдѣ въ числѣ другихъ официальныхъ лицъ находился и *учитель старецъ*

* Въ 1666 г. онъ получалъ 20 р. Тогда въ Приказъ подъячими были Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанецъ, Андрей Чорново, получавшіе по 25 р.; Григорій Ключаревъ, Кирила Демидовъ, Артемій Степановъ, Семель Медвѣдевъ, Артемій Афанасьевъ по 20 р.; Иванъ Полянскій, Перфирій Оловяниковъ, Петръ Кудрявцовъ по 15 р., Маркель Ваталинъ 12 р. — Въ 1670 г. къ этимъ именамъ прибылъ Еремей Полянскій, самый младшій по порядку, поступившій вѣроятно на мѣсто выбывшаго Кирила Демидова, котораго въ спискѣ уже не значится.

Симеонъ, какъ отмѣчено въ современной запискѣ *), сидѣвшій даже *въ особомъ столѣ* въ близости отъ государя, по лѣвую сторону государева мѣста или трона. Этотъ старецъ Симеонъ былъ никто другой, какъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій; и можно догадываться, что потому онъ и удостоенъ былъ чести сидѣть на обѣдѣ объявляемаго всенародно царевича, за особымъ столомъ и притомъ съ именемъ *учителя*, что въ дѣйствительности былъ его учителемъ и призванъ былъ официально торжествовать государственный праздникъ своего ученика. Послѣ стола Полоцкій говорилъ государю рѣчь, сочиненную, вѣроятно, на прославленіе и поучительное изъясненіе этого случая, за что 16 сентября получилъ въ награду атласную соболью шубу. Въ расходной книгѣ Казеннаго Приказа подъ этимъ числомъ 1667 года записано между прочимъ: «Учителю старцу Семіону Полоцкому 10 аршинъ отласу зеленого по двадцати по шести алтынъ по 4 денги аршинъ; да емужъ велѣно дать исподъ соболей въ 60 рублей, и ему данъ сорокъ соболей въ 60 рублей; а пожаловалъ государь его по своему государеву имянному указу для того, въ нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 7 день, былъ у великаго государя у стола въ Грановитой Полатѣ и великому государю говорилъ рѣчь» **). Награда въ 67 рублей за одну только рѣчь слишкомъ значительна по тому времени и по сравненію съ другими подобными наградами. Безъ сомнѣнія, сюда же входило и вознагражденіе за труды по учительству, по крайней мѣрѣ другіе учителя при началѣ или въ концѣ ученья получали всегда точно такія же награды.

Такъ *учителю* царевича Ѳедора Алексѣевича *Афонасью Ѳедосѣеву* дано 3 мая 1667 года, когда царевичу было шесть лѣтъ и, вѣроятно, онъ только что выучился грамотѣ, а можетъ быть, только еще садился учиться, сорокъ соболей въ 50 рублей да камки вишневой травной 10 аршинъ. Ему же въ 1669 году іюля 1, сорокъ соболей въ ту же цѣну и 10 аршинъ камки таусинной хрущатой травы куфтерныя. Другому учителю царевича Ѳедора, Посольскаго Приказа подъячему Панфилу Тимофееву***) государь пожаловалъ въ 1670 г. ноября 21, какъ *царевича посадили учить писать*,—сорокъ соболей въ 60 рублей да камку кармазинъ зеленой мѣрою 10 аршинъ.

Какъ бы то ни было, мы теперь знаемъ, что Полоцкій во дворцѣ въ 1667 году носилъ титулъ *учителя*.—Царевич Ѳедоръ, какъ видно изъ приведенныхъ сейчасъ записокъ, имѣлъ уже учителя Афонасья Ѳедосѣева, учившаго его, вѣроятно, грамотѣ, такъ какъ другой учи-

*) Записка дневанью, 176 года, въ государственномъ архивѣ М. И. Д.

***) Въ Архивѣ Оруж. Палаты, № 384.

***) По фамиліи *Бѣляниновъ*. Исторія Россіи, г. Соловьева, Т. XIII, стр. 187.

тель Панфилъ Бѣляниновъ училъ его только писать, для чего и взятъ былъ изъ Посольскаго Приказа, гдѣ старинная каллиграфія процвѣтала, какъ необходимая потребность службы въ этомъ Приказѣ. При томъ, какъ мы замѣтили, въ 1667 г. царевичу Ѳеодору было всего только шесть лѣтъ. Едва ли начальное ученіе грамотѣ могло быть поручено ученому старцу Симеону, который съ большею пользою могъ заниматься *по латинямъ* и другими науками съ старшимъ царевичемъ Алексѣемъ, разстроившимъ даже свое здоровье отъ прилежнаго ученья, такъ что самая смерть его, какъ думали лѣкаря, послѣдовала отъ сидячей жизни. Можетъ быть, Полоцкій поступилъ въ учителя къ царевичу Ѳеодору по смерти царевича Алексѣя, въ 1670 году, когда Ѳеодору исполнилось 9 лѣтъ—возрастъ, съ котораго грамматичное обученіе началось и для царевича Алексѣя.

По всему вѣроятію Полоцкому же принадлежитъ первая мысль завести латинскую школу для дворцовыхъ подъячихъ. Время устройства этой школы почти совпадаетъ со временемъ его пріѣзда въ Москву. Мы допускаемъ даже, что хоромы, выстроенные для школы въ Спаскомъ монастырѣ, гдѣ какъ извѣстно жилъ и Полоцкій, строены были столько же и для ея учителя, т. е. для самого Полоцкаго. Патріархъ Іоакимъ въ своемъ поучительномъ словѣ свидѣтельствуетъ: «Симіона Полоцкаго ученикъ, его наслѣдникъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, прельстившійся отъ книгъ и писаній и словесъ устаглаголаннхъ учителя своего, онаго Полоцкаго Симеона, *купно бо съ нимъ въ единой келліи живилше...*» Эта единая келлія и должна быть упомянутая *школа*, общая для учителя и учениковъ, и если не для всѣхъ, то для одного изъ нихъ подъячаго Приказа Тайныхъ Дѣлъ—Медвѣдева, какъ и отмѣчено въ современной запискѣ (см. выше). Что келлія достаточна была для такого именно помѣщенія, — въ этомъ можетъ удостовѣрить выданная на ея постройку сумма 170 рублей, на которые по тогдашнимъ цѣнамъ можно было выстроить очень помѣстительные хоромы, какъ на самомъ дѣлѣ эта постройка и названа въ официальныхъ запискахъ. Оставаясь подъячимъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, Медвѣдевъ жилъ въ школѣ съ своимъ учителемъ Полоцкимъ, получа изъ своего же Приказа необходимую сумму на отопленіе и освѣщеніе школьныхъ хоромъ. Безъ сомнѣнія въ этой же школѣ, или вообще при посредствѣ учителя впервые завязано было и близкое знакомство Медвѣдева съ другимъ ученикомъ Полоцкаго, царемъ Ѳеодоромъ, который очень расположенъ былъ къ своему товарищу по наукѣ, какъ это видно изъ собственныхъ его писемъ *).

*) Что касается Ѳеодора *Шакловитаго*, то онъ былъ взятъ въ подъячіе Тайнаго Приказа въ 1673 году, когда уже Медвѣдева тамъ не было. Подъячими въ

Окончивъ ученіе, Медвѣдевъ тогда только и почувствовалъ необходимость перейти въ монашество, ибо, какъ умный и дальновидный человѣкъ, очень хорошо понималъ, что такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе и скорѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія.

Ив. Забѣлинъ.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ ДЛЯ ИСТОРІИ СТОГЛАВА И ЕГО ВРЕМЕНИ.

Можно надѣяться, что по поводу изданій Стоглава въ нашей литературѣ явится не мало замѣчаній, толковъ, а можетъ быть и цѣлыхъ изслѣдованій и о Стоглавѣ и о временахъ Стоглава. Надобно желать только, чтобъ изслѣдованія и разсужденія нашихъ ученыхъ и литераторовъ о Стоглавѣ отличались той серіозностью и обстоятельностью, какихъ именно заслуживаетъ этотъ замѣчательный памятникъ старины, а не походили, напр., на то безобразное и жалкое фразерство, которымъ въ видѣ предисловія г. Кожанчиковъ украсилъ свое не менѣе жалкое, хотя очень благообразное изданіе Стоглава. Говоря же о Стоглавѣ, нельзя будетъ не обратить особеннаго вниманія и на предсѣдателя Стоглавнаго собора митрополита Макарія. Опять нельзя не пожелать, чтобъ было сказано основательное слово о дѣятельности этого знаменитаго пастыря древней Руси. Макарій ждетъ своего историка, которому, нельзя не сознаться, предстоитъ трудъ обширный и нелегкій, потому что дѣятельность Макарія обнимаетъ собою цѣлую эпоху, весьма замѣчательную, особенно въ исторіи русской церкви и духовнаго развитія русскаго народа. Имѣя въ виду эти будущіе труды, какъ любопытный матеріалъ для нихъ, печата-

этомъ году были: Гарасимъ Бовыкинъ, Михаилъ Воиновъ, Артемій Волковъ, Назаръ Шишкинъ, Андрей Озеровъ, Гаврила Деревнинъ; взяты вновь: Федоръ Шокловитой, Гарасимъ Протасовъ, Иванъ Невжинъ, Григорій Гавриловъ. Въ томъ же 1673 году 4 октября государь оказалъ оклады имъ учинить, между прочимъ, Шокловитому: денегъ въ годъ 22 р., хлѣба 22 чети ржи, овса тожь. Семень Медвѣдевъ, какъ выше замѣчено, получалъ тоже 22 р.; это ведетъ къ предположенію, не поступилъ ли Шокловитый на мѣсто выбывшаго тогда Медвѣдева, почему и былъ верстанъ его же окладомъ?

емъ ниже одинъ памятникъ литературной и пастырской дѣятельности митрополита Макарія, памятникъ доселѣ неизвѣстный, — по крайней мѣрѣ намъ не случалось встрѣтить нигдѣ на него указаній. Это—«отвѣтъ» м. Макарія, въ видѣ посланія къ царю Ивану Васильевичу, «о недвижимыхъ вѣщахъ церковныхъ».

Когда и по какому поводу писанъ былъ этотъ «отвѣтъ», никакихъ указаній ни въ самой статьѣ, ни въ рукописи, изъ которой ее заимствуемъ (быв. Волок. библ. № 522), не находится. Можно предполагать, что составленіе его было въ связи съ занятіями Стоглавнаго собора. Въ предварительныхъ бесѣдахъ съ м. Макаріемъ о разныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ «поизшатавшихся», о различныхъ чинахъ «порушенныхъ» и требовавшихъ исправленія, или утвержденія, царь Иванъ Васильевичъ, быть можетъ, выразилъ ему мысль и объ отобраніи отъ монастырей имѣній, на дурное управленіе которыми онъ жаловался и на соборѣ. Мысль же о неприличіи монастырямъ владѣть имѣніями была не новою во времена Грознаго. Послѣ Нила Сорскаго и Юсифа Волоколамскаго, вопросъ о имѣніяхъ монастырскихъ поднятъ былъ и рѣшенъ не въ пользу монастырей знаменитымъ Максимомъ Грекомъ, который во время Стоглавнаго собора былъ еще живъ и съ сочиненіями котораго Иванъ Васильевичъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ хорошо. Митрополитъ Макарій со всею силою пастырской ревности возсталъ противъ мысли Ивана Васильевича о лишеніи монастырей и церквей жалованныхъ имъ разными благотворителями имѣній. Мнѣніе свое онъ изложилъ въ особомъ посланіи къ царю. Быть можетъ, это рѣшительно и твердо выраженное мнѣніе и было причиною, что на соборѣ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ предложенъ былъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ иной, смягченной формѣ. Объ отобраніи церковныхъ имуществъ въ немъ нѣтъ и рѣчи; царь поставляетъ на видъ собору только дурное управленіе монастырскими имуществами, да неумѣренную заботливость монастырей объ умноженіи имуществъ, чѣмъ докучали и ему (См. въ 5 гл. Стогл. 15 цар. вопр.). Въ отвѣтъ «о вотчинахъ и купляхъ, которыя боголюбцы давали святымъ церквамъ» соборъ сдѣлалъ постановленіе о прекращеніи безпорядковъ въ управленіи имѣніями и о томъ, чтобъ монастыри, достаточно обеспеченные, «впредь благочестивому царю не стужали и излишнего не просили и угодій не припрашивали: и такъ де у меня царя поимали много по всѣмъ монастырямъ, а братіи во всѣхъ монастырехъ по старому, а индѣ и стараго менши», и проч. (Стогл. 75 гл.)¹). Но достойно замѣчанія, что, сдѣлавъ такіа распо-

¹) Приводимъ эти слова по рукописи (быв. Волок. № 517), о которой считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе для занимающихся изслѣдованіями о Стоглавѣ

ряженія, прямо соответствовавшія царскому вопросу, соборъ въ томъ же самомъ отвѣтѣ гораздо полнѣе и съ особенной силой раскрываетъ мысль о неприкосновенности данныхъ церквамъ и монастырямъ имѣній, за отнятіе и расхищеніе которыхъ угрожается страшнымъ прещеніемъ не только духовнымъ и мірянамъ простымъ, но и *самымъ царемъ и вельможамъ*; еще полнѣе и рѣшительнѣе, съ указаціями церковныхъ правилъ и постановленій, раскрывается та же мысль въ отвѣтѣ «о святительскомъ судѣ», хотя ни здѣсь ни тамъ вопросы царя къ тому не вызывали. Не было ли все это направлено именно противъ прежде выраженной Иваномъ Васильевичемъ мысли объ отобраніи имущества отъ монастырей, хотя на соборѣ онъ уже не дѣлалъ объ ней никакого напоминанія. Предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что въ томъ и другомъ отвѣтѣ соборномъ приводятся тѣ же самые доводы въ защиту неприкосновенности церковныхъ имущества, тѣ же соборныя правила, тѣ же заповѣди царскія, и встрѣчаются тѣ же самыя выраженія, что и въ посланіи м. Макарія къ царю Ивану Васильевичу «о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови». Да и самое заглавіе посланія: «*отвѣтъ* отъ божественныхъ правилъ» и проч., не указываетъ ли именно на связь этого памятника съ дѣяніями Стоглавнаго собора, на которомъ были предложены царемъ вопросы и даны святителями отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ?

Но предлагаемый «отвѣтъ» м. Макарія заслуживаетъ вниманія и самъ по себѣ, независимо отъ отношенія его къ Стоглавному собору. Въ «Днѣ» былъ поднятъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ, по поводу пресловутой статьи г. Чистовича о митрополитѣ ростовскомъ Арсеніѣ. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы исторически прослѣдить,

Это сборникъ in 4°, несомнѣнно принадлежащій къ XVI в. Кромѣ характера письма, въ этомъ удостовѣряетъ надпись: «книга чернца Васьяна Фатѣва ученика, отъ правилъ избраніе»: а Фотій былъ ученикъ Касьяна Босова, современника и сподвижника пр. Іосифа. Последніе листы сборника (187—219) заняты выписками изъ Стоглава,— именно выписаны: гл. 49, 50, 51, 52, 75, 76, 66, 67, 68 и изъ 41 гл. 31 цар. вопр. Такой выборъ не лишенъ значенія. Въ Казанскомъ изд. Стоглава на стр. 258 помѣщена весьма любопытная грамота м. Макарія въ Симоновъ монастырь, отъ іюля 1551 г., извѣщающая о опредѣленіяхъ Стоглавнаго собора. У грамоты приписка: «да съ тою же грамотой послати по монастыремъ поученіе главы истое же соборныя книги выписати, глава 49, гл. 50»... словомъ, тѣ самыя главы, которыя помѣщены въ Волокол. сборникѣ. Надобно думать, что современный Стоглавному собору писецъ внесъ ихъ въ свой сборникъ именно тогда, когда онъ съ подобной же грамотой м. Макарія были присланы и въ Волоколамскій монастырь. Вотъ новое свидѣтельство о подлинности Стоглава, если только есть еще нужда въ такихъ свидѣтельствахъ.

какъ смотрѣла на этотъ вопросъ русская церковь и какъ рѣшали его въ разное время, мнѣніе столь знаменитаго святителя, какъ м. Макарій, составить, безъ сомнѣнія, весьма важный матеріалъ, который между прочимъ показываетъ и то, отступилъ ли Арсеній Мацѣвичъ въ своемъ протестѣ отъ исконнаго взгляда православной русской церкви на неприкосновенность монастырскихъ и церковныхъ имѣній.

Н. С.—въ.

Іюль 1863 г.

Отвѣтъ Макарія митрополита всея Росіи отъ божественныхъ правилъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ седми соборовъ, и помѣстныхъ, и особосущихъ святыхъ отецъ, и отъ заповѣдей святыхъ православныхъ царей, къ благочестивому и христіолюбивому и боговѣнчанному царю, великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи самодержцу, о недвижимыхъ вещехъ, вданнхъ Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ.

Слыши и взъми, о боголюбивый и премудрый царю, и разсудивъ царскы, душеполезная и вѣчная избери; а тлѣнная и мимотекущая мира сего ни въ чтожь, царю, полагай; зане преходна суть; но едина добродѣтель и правда пребываетъ въ вѣкъ.

Отъ прваго благочестиваго и равноапостольнаго святаго царя Константина греческаго, и всѣхъ благочестивыхъ цари греческыя, и до послѣдняго благочестиваго царя Константина греческаго, ни единъ отъ нихъ не смѣлъ дрзнути, или двинути, или взяти отъ святыхъ церквей и монастырей вданнхъ и взложенныхъ Богу и пречистой Богородици, въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, церковнаго имѣнія недвижимыхъ вещей, завѣсъ, и сѣсудъ, и книгъ, и непродаваемыхъ вещей, рекше: села, нивы, земли, винограды, сѣножати, лѣсъ, борти, воды, озеро, источници, пажити и прочая вданная Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, бояся отъ Бога осуженія и отъ св. апостолъ, и отъ св. отецъ седми соборовъ, и св. отецъ помѣстныхъ и особъ сущихъ страшныя и грозныя и великія ради заповѣди. Тамо бо святымъ Духомъ възгласиша святіи отци: аще кій царь, или князь, или инъ, въ каковомъ сану ни буди, всхытитъ или взметъ отъ святыхъ церквей, или отъ святыхъ монастырей взложенныхъ Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, отъ недвижимыхъ вещей, таковіи бо по божественнымъ правиломъ отъ Бога аки святотатцы осуждаются, а отъ святыхъ отецъ подъ вѣчною клятвою да суть. И того ради всѣ пра-

вославныя цари, бояся Бога и св. отецъ заповѣди, не смѣли двинути отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей недвижимыхъ вещей, вданнхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. И не токмо не взимаша, но и сами благочестивыя цари святымъ церквамъ и монастыремъ села, и винограды, и прочая недвижимыя вещи подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ съ писаніемъ и съ великимъ утврженіемъ и съ златыми печатями царства своего, бояся Бога и заповѣди святаго и равноапостольнаго прваго благочестиваго великаго царя Константина. Тамо бо онъ, святымъ Духомъ просвѣщенъ и наставленъ, духовную заповѣдь, царскою своею рукою подписавъ и страшными и велелѣпными клятвами утвердивъ, въ раку святаго врховнаго апостола Петра положивъ, и тамо взгласи всему тому непоколебиму и недвижиму быти отъ всѣхъ православныхъ царей и отъ всѣхъ князей и вельможъ по всей вселеннѣй и до скончанія міру. И толико почте блаженнаго папу Селивестра и по немъ всѣхъ святителей почитати по всей вселеннѣй повелѣ.

Понеже бо той блаженный папа на вѣнцѣ главнаго постриженія знаменіе створи, егоже чести ради блаженнаго Петра имѣтъ, не всхотѣ златымъ вѣнцемъ носити; мы же покрывалу его главному о семъ бѣлымъ видомъ свѣтлое воскресенье господне начертавше, на честную главу его своимъ руками положихомъ; браздѣ коня его своимъ руками драще ради чести блаженнаго Петра конюшьскимъ саномъ дахомся ему. Повелѣваемъ того же чина и обычая всѣмъ, иже по немъ, святителемъ всегда творити въ поѣздѣхъ своихъ по подобію царства нашего. Тѣмже ради сего постриженнаго знаменія врховнаго святительскыя главы, да не мнѣтъ кто се постриженіе худо быти и безчестно. Но паче земнаго царства саномъ, и славою, и силою украшати подобаеть. Но и Римскаго града, и всей Италіи, и западная власти и мѣста и земли и грады сему же, ижъ многажды предреченному, блаженному отцу нашему Селивестру, сборному папѣ предающе и отступающесе ему и всѣмъ иже по немъ бываемымъ святителемъ, и въ всей вселеннѣй, идѣже православная наша вѣра обдержитъ, владѣніе и судъ держитъ, ради божественнаго и нашего сего сдѣланнаго утврженія повелѣваемъ устроить правду святой сей церкви Римской подлежащей пребываема подаваемъ бывати. Тѣмже пригодно судихомъ, нашего царства причеть къ восточнымъ странамъ премѣстити града Византійскаго, чуднаго и краснѣйшаго мѣста, въ свое имя градъ сздати и тамо царство свое вдрузити. Идѣже бо священническое начало и власть.... (и т. д. до конца, какъ приводится въ Стогл. гл. 60., по казан. изд., стр. 270—274).

И того ради всѣ православныя цари, бояся Бога и св. отецъ заповѣди и заповѣди великаго царя Константина, не смѣли двинути отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ; и не токмо не взимаша, но и сами благочестивіи цари святымъ церквамъ и монастыремъ села и винограды и прочія недвижимыя вещи подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, съ писаніемъ и съ великимъ утвержденіемъ и съ златыми печатями царства своего. И всѣ тѣ православныя цари и до скончанія греческаго царства съ святѣйшими папами и съ пресвятѣйшими патриархи и съ пресвященными митрополиты и съ всеми святители и съ святыми отцы на всѣхъ семи сборѣхъ сами быша и божественными правилами и царскими законы утвердиша и страшными и веледѣльными клятвами седмью сборы запечатлѣша, съ царскимъ подписаніемъ, и уставиша всему тому ни отъ когоже неподвижну быти и до скончанія вѣка; и на обидящихъ святыя церкви и святыя монастыри всѣ православныя цари съ святители крѣпко стояху и побораху царскы и мужскы, и никому же попустиша вданныхъ Богу и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ, освященныхъ и вданныхъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, прикасатися, или поколебати недвижимыхъ вещей и до скончанія міру.

Такоже и въ нашемъ благочестивомъ и христіолюбивомъ россійскомъ царствіи, отъ прваго благочестиваго и равноапостольнаго святаго прадѣда твоего, великаго князя Владиміра кіевскаго и всея Русіи, и сына его благочестиваго великаго князя Ярослава и всѣхъ твоихъ святыхъ прародителей и до твоего христіолюбиваго царства, ни единъ же отъ нихъ не смѣлъ дрзнути или двинути, или взяти отъ святыхъ церквей и монастырей вданныхъ и взложенныхъ Богу и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ церковнаго имѣнія недвижимыхъ вещей, потому же, якоже и прочія православныя цари греческыя, бояся отъ Бога осужденія и отъ св. апостоль и св. отецъ семи сборовъ, помѣстныхъ и особъ сущихъ, страшныя и грозныя и великыя предреченныя заповѣди и клятвы. Тамо бо они святымъ Духомъ возгласиша святіи отци: аще кій царь, или князь, или инъ, въ какомъ сану ни буди, всхытитъ или взметъ отъ святыхъ церквей или отъ святыхъ монастырей взложенныхъ Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ отъ недвижимыхъ вещей, таковыи по божественнымъ правиломъ отъ Бога акы святотатци осуждаются, а отъ святыхъ отецъ подѣ вѣчною клятвою да суть ¹⁾). И того ради всѣ православныи цари гречестіи и русскыи цари, прародители твои, бояся

¹⁾ Правило это буквально приводится въ 63 гл. Стоглава, въ концѣ завѣщанія в. к. Владиміра. См. по Казан. изд. стр. 285—286.

отъ Бога и отъ св. отецъ заповѣди, не смѣли двигнути отъ святыхъ церквей и отъ св. монастырей недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, и до днешняго дни; не токмо отъ св. церквей вданныхъ Богови не взимати, но и сами святымъ церквамъ и монастыремъ недвижимыя вещи, села, и винограды и прочія недвижимыя вещи безчислено подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. Якоже и прадѣдъ твой, святой и равноапостольный князь великій Владимиръ кievскій и всеа Русіи толику вѣру къ Богу показа и къ святымъ церквамъ веліе тщаніе, изъ всего царства своего по всей русской земли десятую часть даде святѣй церкви и отдѣли святѣйшимъ митрополитомъ кievскимъ и всеа Русіи. Тамо бо въ своемъ царскомъ завѣщаніи и законоположеніи написа сиче: (Слѣдуетъ завѣщаніе Владиміра, составляющее 63 гл. Стоглава, по Казан. изд. стр. 280—285; но здѣсь оно приводится все до конца)... Да будутъ прокляты въ сей вѣкъ и въ будущій отъ седми сборовъ святыхъ отецъ вселенскихъ. А се о десятинахъ. Отъ всего княжа суда десятая вѣкша, и съ торгу десятая недѣля, и отъ даней, отъ виру и изъ всего схода и прибытка, и отъ лова княжа и отъ всякаго стада, и отъ всякаго жита десятое въ соборную церковь епископу. Царь или князь въ девятихъ частѣхъ, а церкви соборная въ десятой части. Основанія же инаго никтожь можетъ положить, паче лежащаго сего, и да вси сужаютъ на семъ основаніи. Иже кто разсыплетъ храмъ божій, разсыплетъ того Богъ, церкви бо божія свята есть. И аще кто измѣнить святой сей уставъ отчскій, грѣхъ и горе себѣ наслѣдуетъ. Аще пообидитъ судъ церковный, платити ему собою, а предъ Богомъ тому же отвѣтъ вздати на страшнемъ судѣ предъ тмами ангель, идѣже кождо дѣла открываются явѣ, благая или злая, идѣже не поможетъ никтоже никому же, но токмо правда и добрая дѣла; тѣмъ избавитися вторыя смерти, рекше вѣчныя муки и прещенія неспасеннаго геоньскаго огня. Сдржаще истину въ неправдѣ, о тѣхъ глаголетъ Господь: огонь ихъ не угаснетъ и червь ихъ не умретъ. Створшимъ же благая жизнь вѣчная и радость неизреченная; а створшимъ злая, рекше неправедно судившимъ и лукавно, неизмолимъ судъ обрѣсти. Аще кто уставленіе мое порушаетъ, или сынови мои, или внуци мои, или отъ рода моего, или отъ князь, или отъ бояръ кто аще порушатъ мой рядъ и вступятся въ суды митрополични, что есми далъ митрополиту отцу своему и епископомъ по правиломъ св. отецъ и по первыхъ православныхъ царей управленію, судивше того казнити по закону. Аще кто иметъ судити, преслушавъ насъ, церковныя суды, что преданы митрополиту отцу нашему, той станеть со мною предъ Богомъ на страшномъ судѣ и да будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ.

Такоже и прародитель твой, благочестивый и христоролюбивый князь великій Андрей Юрьевич Боголюбскій заложилъ въ Володимери и поставилъ церковь Успеніе пресвятыя Богородица о единомъ врсѣ, и впадѣ пресвятѣй Богородици и отцу своему Константину, митрополиту всеа Русіи, и иже по немъ митрополитомъ до вѣка многи имѣнія и слободы и з даньми (съ данями), и села лучшая и дани, и десятину во всемъ, и въ стадѣхъ своихъ, и торгъ десятый во всемъ своемъ царствѣ по тому же, якожъ и прадѣдъ твой святой и равноапостольный князь великій Владиміръ кievскій и всеа Русіи. И Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцовъ молитвами и святыхъ царей русскихъ, прародителей твоихъ и царскихъ родителей твоихъ святыхъ молитвами и бжеженіемъ и твоимъ царскимъ жалованьемъ и бжеженіемъ, тѣ всѣ села и слободы и земли съ всѣми угоды по старинѣ въ дому пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ въ святѣйшей митрополю рускѣй и до днешняго дни никимъже недвижими и невредими бываютъ; аще и на время отъ злыхъ человекъ оскрбляются, но божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ молитвами и вашимъ царскимъ жалованьемъ и заступленіемъ, по святыхъ церквахъ поборающихъ, паки наполняются и николиже истощеваются, занежъ вся сія Богови освященна суть и никтожъ можетъ церкви божіа оскорбити, или поколебати, или недвижимая отъ церкви божіа двинути, понеже бо церкви божіа небесъ вышше и твердѣйше и земли ширше и моря глубочайше и солнца свѣтлѣйши и никтоже можетъ ея поколебати, основана бо бѣ на камени, сирѣчь на вѣрѣ христова закона. Аще и мнози невѣрніи покусишася поколебати, то вси погыбше и ни въ что же быша; а и иніи же мнози и отъ нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей ничтожъ взимаху и недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути, или поколебати, бояся Бога и заповѣди святыхъ отецъ и царскихъ уставовъ древнихъ законоположительныхъ, но и зѣло по святыхъ церквахъ побораху. Не токмо въ своихъ странахъ, но и въ русскомъ вашемъ царствіи нѣкогда быша сіа, въ лѣта великихъ чудотворцевъ Петра, и Алексѣя, и въ лѣта Михаила, и Ивана, Феогнаста, русскихъ митрополитовъ; но и ярлыки свои тѣмъ святымъ митрополитомъ подаваху на утверженіе святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобы ни отъ кого не обидимы и не движимы были до скончанія царства ихъ. И донныѣ въ русской митрополю тѣхъ святыхъ митрополитъ семь ярлыковъ написаны пребываютъ, отъ нихъ же единъ нынѣ написаномъ, великаго чудотворца Петра, митрополита кievскаго и всеа Русіи, имуща сие (приводится вполнѣ ярлыкъ хана Узбека, данный святителю Петру).

Коль же паче тебѣ подобаеѣ, благочестивый и боговънчанный царю, свою царскую вѣру къ Богу показати и веліе тшаніе ко святымъ божіимъ церквамъ и къ святымъ монастыремъ, — не токмо недвижимая взимати, но и самому ти подобаеѣ подавати. Якожь и вси святіи царские твои прародители и родители подаваху Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, сиче и тебѣ, царю, подобаеѣ творити царства ради небеснаго, сушу благочестивому и христоролюбивому и велеумному царю, великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи самодержцу, пачежь всѣхъ царей въ вашемъ російскомъ царствіи тебѣ, царю, отъ Бога нынѣ възвышенному и почтенному, единовластному царю, въ всемъ великомъ російскомъ царствіи самодержцу сушу, и вконецъ свѣдущему христовъ законъ евангельскаго ученіа и святыхъ отецъ заповѣди и вся тебѣ божественная писанія въ конецъ вѣдущу и на язѣцѣ носящу, — не человѣческимъ бо ученіемъ, но данною ти отъ Бога премудростію. И сего ради, благочестивый царю, подобаеѣ тебѣ разсудивъ смотрити и творити полезная и богоугодная. Якожь и прочіи благочестивіи цари блюди и храни свою царскую душу и свое христоролюбивое царство отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. А милость божіа и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ молитва и благословеніе, да и нашего смиренія благословеніе да есть съ твоимъ христоролюбивымъ царствомъ въ вѣкы аминь.

Такожь и вси святѣйшіи папы, и пресвятѣйшіи вселенстіи патріарси, и пресвященніи митрополити и боголюбивіи архіепископи и епископы, снастољниці и спрестольниці святыхъ апостолъ, и честныя архимандриты, и богобоязливіи игумены, и смиреніи мниси, и мнози отъ тѣхъ великіа чудотворци быша, и никтожь отъ тѣхъ створи, или попусти взложенныхъ Богови и вданныхъ святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ въ наслѣдіе благъ вѣчнымъ недвижимыхъ вещей отдати, или продати. И на всѣхъ святыхъ седми сборѣхъ и помѣстныхъ и особосущихъ святыхъ отецъ, Святымъ Духомъ наставляеми св. отци утвердиша и заповѣдаша, и грозными и страшными и великими клятвами о томъ зѣло възгласиша и запечатлѣша семью сборы, по даннѣй намъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа, и грому подобно възгласиша сиче: аще кто отъ церковнаго имѣнія святыхъ завѣсь, или святыхъ сосудъ, или святыхъ книгъ, или отъ иныхъ вещей, ихже не подобаеѣ продати, или отдати, взложенныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, недвижимыя вещи, рекше села, нивы, винограды, сѣножати, лѣсъ, борти, воды, езера, источниці, пажити и прочая, вданная Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, аще кій епископъ, или игумень отъ церковныхъ недвижимыхъ вещей продасть, или отдасть князю земли тоя или инымъ вельможамъ, не

тверду быти проданію, но пакы проданная или отданная святѣй церкви въ епископію, или въ монастырь да взвратятся; епископъ же той, или игумень, се творя, да изгнанъ будетъ изъ епископѣи, а игумень изъ монастыря, яко расточивъ злѣ, ихже не сбра; аще ли кто инь отъ священническаго чина суще таковая створитъ, да извругутся; мниси же, или мірстїи человѣцы суще, осуждены отъ Отца и Сына и Св. Духа, да устроены будутъ, илѣже червь не умираетъ и огонь не угасаетъ, яко гласу господню противатся, глаголющему: не творите Отца моего дому купленаго моего.

Тѣмже и вси пресвященнїи митрополити русстїи, отъ прваго пресвященнаго митрополита Леона кїевскаго и всея Русїи и до великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя и Іоны, и прочїи митрополити русстїи и до твоего христіолюбиваго царства и до нашего смиренїа, всѣ боголюбивїи архїепископи и епископи и честныя архимандриты и богобоязливїи игумени, великіе чудотворцы Сергїй, и Кириллъ, и Варлаамъ, и Паенутїй и прочїи святїи русстїи чудотворцы и смиреннїи мниси святыхъ монастырей,—и никтожь отъ тѣхъ створи или попусти взложенныхъ Богови и вданныхъ святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ недвижимыхъ вещей отдати, или продати, по тѣмъ же божественнымъ святымъ правиламъ и по заповѣди всѣхъ святыхъ отецъ семь сборовъ и помѣстныхъ и особушихъ святыхъ отецъ.

Коль же паче не подобаетъ мнѣ смиренному, аще и грѣшну и нѣсмь достоинъ учительства слову, такого святительскаго сану; но по даннѣй намъ благодати отъ Святаго и животворящаго Духа митрополитъ нарицаюся; той же о мнѣ смиреннѣмъ и недостойнѣмъ всещедрый и человѣколюбивый Богъ обычнымъ своимъ человѣколюбїемъ устрои, имиже судьбами вѣсть самъ, дарова и вручи истинное слово правити ми ради пречистыя матере своея, Богородица моя. И сего ради не могу таковая страшная дрзати, или помыслити отъ взложенныхъ Богови и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ вданныхъ недвижимыхъ вещей въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, изъ дому пречистыя Богородици и великихъ чудотворцевъ таковая дати, или продати; не буди того и до послѣдняго нашего издыханїа, и избави всѣхъ насъ всесильный Боже и скрани насъ отъ таковаго законпреступленїа, и не попусти тому быти нетокмо при насъ, но, и по насъ, до скончанїа вѣка, за молитвъ пречистыя твоея Матере, наша Богородица, и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, аминь,

И сего ради не всхитись удивленїемъ о томъ, о боголюбивый царю, нижд ласканїа вещь помысли. Якожь бо святїи отци Святымъ Духомъ оставиша и заповѣдаша и семью сборки запечатлѣша намъ

хранити, сице и мы мдрствуемъ и хранимъ и до послѣдняго своего издыханія. Человѣцы бо есмь; плаваемъ въ многомлвенномъ семъ мори; впрѣдъ что будетъ намъ, не вѣмы; зане хотящая быти не явлено всѣмъ челевѣкомъ: но токмо бояться намъ подобаетъ небеснаго серпа, егоже видѣ Захарія пророкъ сходяща съ небесе, в долготу двадесять саженой, а в широту десять сажень, на обидящихъ и неправеднѣ судящихъ и кленущихся именемъ Божиимъ во лжу. И сего ради боюся. Егда рукополагахся, сирѣчь поставляхся въ святительскій санъ, и тогда посреди священнаго сбора въ святѣй сборнѣй и апостольстѣй церкви предъ Богомъ, и предъ всѣми небесными силами, и предъ всѣми святыми, и предъ тобою благочестивымъ царемъ, и предъ всѣмъ синклитомъ, и предъ всѣмъ народомъ кляхся судьбы и законы и оправданіе наше хранити, елика наша сила, и предъ цари за правду не стыдиться; аще и нужда будетъ ми отъ самаго царя, или отъ вельможъ его, что повелѣтъ ми говорити кромѣ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ, но аще и смертью вретятъ, то никакожъ ни послушати ихъ. И сего ради бояхся, глаголю ти, благочестивый царю, и молю твое царское величество, останися, государь, и не створи такова начинанія, егоже Богъ не повелѣваетъ вамъ, православнымъ царемъ, таковая творити, но и вси святіи его взбраниша вамъ, православнымъ царемъ, и намъ архіеромъ священными правилами зѣло запретиша и запечатлѣша седмью сборы по даннѣй имъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа. И того ради молимъ твое царское величество и много съ слезами челомъ біемъ, чтобы еси, царь и государь князь великій, Иванъ Васильевичъ, вся Русіи самодержецъ, по тѣмъ божественнымъ правиламъ у пречистой Богородици и у великихъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, в данныхъ Богови вънаслѣдіе благъ зѣчныхъ, не велѣлъ взяти. А милость божія и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ молитва и благословеніе да и нашего смиренія благословеніе да есть всегда съ твоимъ христіюлюбивымъ царствомъ, въ многыя роды и на вѣкы, аминь.

ЗАМѢТКА ДЛЯ ИСТОРИИ СТОГЛАВА.

Въ полууставномъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Волоколамскому монастырю (№ 566, л. 218 — 219 об.), а теперь хранящемся въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи, находится небольшая статья, въ которой неизвѣстный русскій архипастырь намѣтилъ нѣсколько церковныхъ «неисправленій», ставшихъ впоследствии однимъ изъ предметовъ обсуждения на Стоглавомъ соборѣ 1551 года. Статья называется 16 «неисправленій» и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно указываютъ, что составитель ея участвовалъ въ Стоглавомъ соборѣ и предложилъ на его усмотрѣніе замѣченные имъ безпорядки. Чтобы видѣть отношеніе этой статьи къ Стоглаву, мы печатаемъ ее буквально и указываемъ въ выноскахъ параллельныя ей мѣста въ Стоглавѣ¹. Статья не имѣетъ заглавія и читается такимъ образомъ:

Въ живѣю вѣстнѣю и прѣчтѣмъ вѣдѣ помощью. шѣрѣтѣ во истиннѣи шѣлаіти многаи неисправленіа. шже е неоугоно вѣоу и неполезно дѣи и прѣвое къ праксѣлаеніи вѣре, крѣпосѣ целоканіе на кривѣ и на правѣ². вѣторое и вѣ шѣтка кванѣмъ имѣне вѣжн. трѣе шѣразы вѣжн мастера иконныѣ не по шѣразѣ пишѣт и поклоняѣтсѣ и. а на соборѣ не приносѣ³. дѣ. мастера кнѣжныѣ написѣ книгѣ не исправляѣють и слоужѣ по нѣ⁴. ѣ. ѣ. вѣ кѣ-

¹ Не придавая никакого ученаго значенія Петербургскому изданію Стоглава, переполненному самыми грубыми ошибками, мы будемъ приводить выдержки изъ Стоглава по изданію Казанской Духовной Академіи.

² «Такоже бы есте своихъ дѣтей духовныхъ поучали.... чтобы.... на криве бы креста не цѣловали и божимъ именемъ во лжи не ротилися и не клялися.» гл. 57, стр. 154.

³ «Клевется именемъ божимъ во лжу всякими клятвами.» гл. 5, стр. 68.

⁴ Въ рук. иконное.

⁵ «А святыя и честныя иконы.... по образу и по подобію.... образъ божій написати.» гл. 5, стр. 51.

⁶ «Божественныя книги писцы пишуть съ неправленныхъ переводовъ, и написавъ не правятъ же.... и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ божіихъ чтуть и поють, Гл. 5, стр. 52.

ликии по. и въ аплькїи по заповѣданое пдд. 5.е холопыство робкъ вєс
 кончины и после живота іегого дѣтѣмъ свои даю а архіеппы приписы-
 баю. 3.е дѣтн крѣтѣ до шти недѣѣ после роженѣа до оцщенье мѣрнѣ.
 и крѣщныи чѣтѣи младенецъ. нечѣстѣю мѣтѣрь ссѣтѣ¹. и.е многое кѣмове и кѣ-
 мы єдиногo младенца крѣтѣ мзы рѣ². а.е матерны лаю невѣбранно ко
 ѡбрѣ и в шѣка³. т.е долго не женѣтѣа а жыкоу блѣно⁴. а.е бороды
 брѣю и ѣсы рокоу то ѡбразѣ вжнѣю порѣгаюсѣ и вѣре сѣпротивлѣтѣа к жѣс-
 кынѣ ѡбрѣ преврѣщютѣа⁵. кѣ сѣщники многыѣ ш цркѣ ка мнѣгы цркѣа
 прѣходѣ и слѣжа невѣбранно. гѣ. сѣщники свои рѣтлы ѡставлѣю. а на-
 имѣютѣа ѣиныѣ прѣолокѣ слѣжи а сѣщникѣ повѣле єдиноѣ невѣстѣе ѡврѣоче-
 ной мѣжеви быти. дѣ. шѣмачы и тѣвлѣемѣ и ликлин⁶ играю⁷. еѣ. сѣавы
 тѣрорѣ и на бракы призыкаю єрѣе со крѣтѣ а ікоморохо ѣ доудами.
 и хѣмелѣ в кѣсѣ ѡбрѣ прѣокрѣшишѣа⁸. и вѣчаютѣа бѣ вреженѣа а не пос-
 таѣтѣа. сѣ. попы бѣдовѣци и дѣргыѣ жены дѣржа а слѣжа. а иныѣ попы
 бѣдѣци нѣстригаютѣ во иночѣскын чн да іоужатѣ⁹. а вѣе то сѣтѣми
 ѡцѣи заповѣдано и проклѣто іко и пакѣ заєкндѣтѣстѣвѣе. проклѣтѣ всѣѣ шже
 не прѣвѣдѣ во кѣсѣ писанїи во кннзе законей. ш тѣсрѣтн и прѣкѣз вѣгла-

¹ Съ этимъ пунктомъ можно сблизить 2-й вопросъ 45-й главы: —Дѣти ро-
 дятся въ сорочкахъ и тѣ сорочки приносятъ къ попомъ и велятъ ихъ
 власти на престолѣ до шти недѣль». стр. 166.

² «А кумъ былъ бы одинъ любо мужескій полъ, а любо женскїй; а по
 два бы кума и мнози кумове не были, какъ у васъ преже сего было».
 гл. 17, стр. 110.

³ «И лаютя безъ зазору всегда всякими укоризнами и богомерзкими
 рѣчьми.» гл. 5, стр. 68.

⁴ «А которые ваши дѣти духовные не возмогутъ чистоты хранить, и они
 бы женилися и бракомъ сочталися». гл. 36, стр. 152. Ср. гл. 35.

⁵ Знаменитое заблужденіе Стоглава. «... Въ тридцать лѣтъ и старые
 главы брѣютъ и брады и усы (подкусывають)». стр. 67. «Не пострижай-
 те брадѣ вашихъ, се бо женамъ лѣпо.... Вы же, се творяще, про-
 тивляющея закономъ, ненавиdimы отъ Бога будете, создавшего васъ по
 образу своему.» стр. 161.

⁶ Въ рук. лѣклин.

⁷ Ср. 20-й вопросъ 41-й главы.

⁸ «Въ мирскихъ свадбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхо-
 творцы и гусельники и бѣсовскїе пѣсни поютъ, и какъ къ церкви вѣн-
 чатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а перѣдъ нимъ со
 всѣми тѣми играми бѣсовскими рышутъ». стр. 178.

⁹ См. глав. 78 — 81.

ти прѣклати оуклоняющисѧ ѿ заповедѣи твоеѧ и инде пише. законопрестоупницихъ потребашасѧ къъпе. и ѡстатци нечестивыѣ потребашасѧ. ѡчима иконама смотриши. и возданїа грѣшникѡ оузриши. аще мало и не боудеть грѣшника. къырши мѣсто его и не ѡбращаши. ꙗко смя гь рекъ.

Статья написана, очевидно, до Стоглаваго собора: иначе зачѣмъ было бы автору ея записывать «неисправленїя», противъ которыхъ были уже приняты мѣры соборомъ? Самый сборникъ, изъ котораго заимствована эта статья о церковныхъ «неисправленїяхъ», составленъ былъ въ первой половинѣ XVI вѣка, потому что въ 1576 году онъ отъ употребленїя такъ износился, что потребовалъ передѣлки, какъ видно изъ слѣдующей приписки на послѣднемъ листѣ рукописи: сїи соборникъ. влнѣ лѣѡнада. резаискаго и мвромьскаго; передѣланъ лѣта 7211 мѣца іюна. в^{ан}».

Кто былъ составителемъ вышеприведенной замѣтки, рѣшить не беремъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что сборникъ, въ которомъ помѣщена замѣтка, принадлежалъ одному изъ вліятельныхъ членовъ Стоглаваго собора. Въ сборникѣ находится нѣсколько другихъ статей, которыя цѣлкомъ или въ извлеченїи вошли въ Стоглавъ. На л. 1 об. помѣщено слово стго фѣрїта, внесенное въ Стоглавъ (стр. 135), какъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу двуперстнаго сложенїя крестнаго знаменїа. На л. 341 и слѣд. читается Никнїскаго сбора правило ерѣмь. иже не ѡблхуютсѧ къ сїѣннѣмъ ризѣмъ. или неразоумнїемъ. или гордоствю. или лхностю, помѣщенное въ Стоглавъ (стр. 102) безъ приписанїа правила Никейскому собору. На л. 341 об. вписано правило іѡа мѣткѣ о томъ же предметѣ, и въ Стоглавъ (стр. 103) слѣдующее за предъидущимъ правиломъ. На л. 436 находимъ слово ѡ крѣтащїсѧ, вставленное и въ Стоглавъ (стр. 136). На Стоглавомъ соборѣ возникло сомнѣнїе такого рода: «Что въ уставѣ приписано на усѣкновенїе честныя главы воздержатисѧ въ той день отъ мяса и рыбы повелѣваетъ и всю седмицу поститисѧ, невѣдомо отколе взято?» (Стогл. стр. 192). Въ сборникѣ, л. 151, читаемъ объясненїе этого поста обычаемъ, заимствованнымъ у Грековъ: «и на оуспенїе стѣмъ бѣа. и на положенїе поѣсл. и на ѡбѣртенїе главы и на усекновенїе главы ма не мѣсти тоже ѡ грекъ пошло ажъ оу кого глава болеть и ѡхн. а инїи ѡдѣты аще не въ срѣ боудеть и нѣ пѣ. ꙗкоже ѡ .вї. аплѣ мяса мѣсть. Наконецъ на 283 л.

сборника вписаны ѿ ѿмыа кннги, Петра и навлаа закѣна-
нѣа ѿ ирѣиовлиѣи, отрывокъ изъ конхъ есть въ Стоглавѣ (стр.
270). Составитель замѣтки о церковныхъ неисправленіяхъ былъ,
вѣроятно, и владѣльцомъ сборника, по крайней мѣрѣ замѣтка
пользуется нѣкоторыми статьями и указаніями сборника, какъ
ими пользовался и Стоглавый соборъ. Въ замѣткѣ указано,
что «многіе кумове и кумы единого младенца крестятъ мзды ради»,
и на 5 л. сборника читаемъ: Сего ради коумомъ немногимъ дос-
тойтъ быти. ниже коумоу и коумѣ. ꙗко ѹже в нашей земли творимо є.

Въ 1577 году сборникъ, о которомъ мы говоримъ, при-
надлежалъ рязанскому владыкѣ Леониду и, вѣроятно, достался
ему отъ члена Стоглаваго собора Касьяна, предмѣстника его
на рязанской каедрѣ. Какъ бы то ни было, особенно достой-
но вниманія то обстоятельство, что этотъ сборникъ, въ который
внесенъ наскоро набросанный планъ нѣкоторыхъ частей Стогла-
ва и которыми песомнѣнно обусловились нѣкоторыя главы опа-
го, заключаетъ въ себѣ между прочимъ и Кормчую, составлен-
ную Вассіаномъ Патрикѣевымъ ¹. Эта Кормчая осуждена была
на соборѣ 1531 года, потому что въ ней приводились доказа-
тельства противъ права монастырей владѣть отчинами. Въ раз-
сматриваемомъ сборникѣ это мѣсто Вассіановской Кормчей
читается такъ: "Аще ли кто възгледеть. прѣ сего монастыри
землями жили, но иѣ тако по прѣ сего вси ѿци нахальници. селѣ
оу монастыренъ не держали, ни пахомѣи великии. ни дриѿиѣ вели-
кии. ни ѣнменъ великии. ни сѣва ѿщѣеннѣи ни ѣсеи великии, ни
антонѣи великии. ни симѣѿ уютворецъ. иже на дивѣти горѣ. ни афо-
настѣи афонскѣи. ни ѣеръ стоуднискѣи. ни нныа прѣнѣи нахаль-
ници. селѣ оу монастыренъ. не имѣли. аѣгъста нервнѣи ѿ семъ
же трѣи пѣоуеннѣи. Аще кто и дѣвалъ и сѣла. и ни не имѣли. но
жили безымейно по ѣгалнѣю. и по своѣму ѿбѣцаннѣю. Также и
роуцьскѣи землѣи зѣшннѣ нахальници и уютворци, антонъ и и ѣодо-
снѣи пѣчерьскѣи иже в кнѣстѣ уютворци. и сѣрѣтѣи раѣнежскѣи. и кн-
риѣлъ белозерьскѣи и варлаамъ новогорѣскѣи. и пакѣлъ комельскѣи селѣ
къ своимъ монастырѣи не имѣли. но своихъ оууѣиѣковъ оууѣли по
ѣгалнѣю жити. и по иноуѣскому ѿбѣцаннѣю. поинаѣи запрѣцали и ѿ
сеѣ своимъ писаннѣмъ, ни в мирьскѣи ни в кѣнѣи вѣствѣнатнѣа
кеѣно. ѿ горе оувы. прѣстѣпникъ заповѣди бѣжѣа, и ѿѣѣ

¹ Описание рукописей Толстова. Отд. I, № 169. Прибавленія къ Творен.
св. отцовъ, X, 515.

² Ср. Палеограф. снимки къ описанію рукоп. Толстова, № 4.

своѣмъ оуѣннѣ. села и манастирѣ емлють и покоуплють. и владѣють ими. и вса зла соделаетъ ѿ нихъ. иноко спротивна и заповѣдемъ бжнн. ѡхъ что боудеть въ днѣ сздннн. единою заповѣдь престѡупить уѣвкѣ. мннн нарѣтся въ црктнн нбнн; а мннн. ино ннѣто моука вѣуина и геона ѡгненна. А въ аплѣ и въ стнѣ ѡцѣ писаннн многа тлкова запрещенн не храмащн заповѣдн бжнн (л. 210 об. 211). Затѣмъ слѣдуютъ перечень и мѣста изъ писаннй противъ владѣнн монастырей отчинами. Постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Вассианъ не любилъ старцевъ Иосифова монастыря. Иосифъ, какъ извѣстно, отстаивалъ права монастырей на владѣнн отчинами. Касьянъ, епископъ рязанскнй, также неблагосклонно смотрѣлъ на Иосифа Волоколамскаго. На соборѣ 1554 года Касьянъ «нача хулити книгу преподобнаго Иосифа, еже сей преподобный списа на ересь новгородскихъ еретиковъ». ¹ Возврѣнн Иосифа Волоцкаго и его послѣдователей на вопросъ о монастырскихъ имуществахъ одержало верхъ и на Стоглавомъ соборѣ, хотя, конечно, находило сопротивление въ нѣкоторыхъ членахъ собора. ² Авторъ замѣтки (кто бы онъ ни былъ) успѣлъ обратить вниманнє членовъ собора почти на всѣ замѣченныя имъ «въ православнон вѣрѣ неисправленн» и выставить противъ нихъ запрещенн собора Стоглаваго; но въ Стоглавѣ нѣтъ ничего противъ важнаго пункта, указаннаго въ замѣткѣ: *холопствомъ робятъ безъ кончины* и послѣ живота своего дѣтямъ своимъ даютъ, а архиепископы приписываютъ. На Стоглавомъ соборѣ получила перевѣсъ партн митрополита Макарня, проводившая убѣжденн Иосифа Волоцкаго о владѣнн монастырей отчинами. Не лишено интереса и то обстоятельство, что престарѣлый Иоасафъ, митрополитъ ростовскнй, въ своихъ замѣчанняхъ на статьи Стоглаваго собора проситъ уничтожить новый налогъ на крестьянъ, который установленъ былъ соборомъ для искупленн плѣнныхъ. Этотъ окупъ Иоасафъ совѣтуетъ брать не съ сохъ, а «изъ митрополичи и изъ архиепископли и изо всѣхъ владычныхъ казнъ и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ.» «Крестьяномъ, государь царь, (объясняетъ Иоасафъ) и такъ твоей много тягли, въ своихъ податехъ, государь, покажи имъ милость.» Печалуясь за крестьянъ и переводя съ нихъ налогъ на монастырь и казну владыкъ, Иоасафъ даетъ проскользнуть

¹ Московскнє соборы на еретиковъ XVI вѣка въ Чтенняхъ Общ. Исторнн и древн. IX, отд. IV, стр. 1.

² Смотри любопытный отвѣтъ митр. Макарня въ предъидущ. статьѣ.

въ своихъ замѣткахъ недоброжелательству на Іосифа Волоколамскаго. «Написано, государь, въ твоихъ спискахъ: у дѣда твоего, государя нашего, у великаго князя Ивана Васильевича на соборѣ былъ игуменъ Іосифъ Волоцкой, какъ государь соборовалъ дѣдъ твой и государь нашъ о вдовыхъ священникахъ. *И на томъ соборѣ у дѣда твоего были мнози монастырей честныя архимандриты и игумены и старцы многіе, тѣхъ же монастырей пустынники, которые житиемъ были Богу угодны и святое писаніе извѣстно разумѣли, потому же, государь, какъ нынѣ у тебя, государя,* на соборѣ многіе архимандриты і игумены і многіе старцы изо всѣхъ монастырей. *И опричь, государь, игумена Іосифа никто не написанъ, кто у дѣда твоего былъ на томъ соборѣ. И* будетъ, государь, тебѣ угодно дѣда твоего, государя нашего, тотъ соборъ, и ты бы, государь-Бога ради и тѣхъ честныхъ монастырей архимандритовъ и игуменовъ і старцовъ велѣлъ написати въ той статьи во своемъ спискѣ». (Стоглавъ, стр. 429).

Рязанскій епископъ Касьянъ, противникъ Іосифа Волоколамскаго, въ 1554 году лишенъ былъ епископской кафедры, которую получилъ Леонидъ, владѣлецъ сборника, изъ котораго заимствована нами замѣтка о церковныхъ «неисправленіяхъ». Касьянъ лишился сана, между прочимъ, за хулу на книгу Іосифа Волоколамскаго. Новый рязанскій епископъ Леонидъ былъ постриженникомъ Іосифова монастыря и горячимъ приверженцемъ его основателя. Это видно изъ слѣдующей челобитной Леонида ¹: «Богомъ вѣнчанному и христіюлюбивому государю царю великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи биеть челомъ богомолецъ твой государевъ епископъ Леонидъ Рязанской и Муромской. Пожаловалъ еси, государь, меня богомолца своего, велѣлъ мнѣ бити у себя, государь, за столомъ на Рожество Христово. И архиепископъ Государь Ростовской Еуоимей мнѣ, богомолцу твоему, съ собою ести з блюда не далъ и меня, богомолца твоего, конечно позоровалъ. А прежь того, государь, при отце твоемъ при нашемъ государи при цари великомъ князе Иване Васильевиче всея Русіи и язъ, богомолецъ твой, *едалъ со архиепископомъ съ новгородцимъ с одново блюда, а* въ томъ, государь, дѣле, волець ты, государь, какъ тебѣ, го-

¹ Изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго Волоколамскому монастырю (нынѣ Московской Духовной Академіи), № 564, л. 74—об.—75 об., XVI вѣка. Ср. Акты Исторч. I, 410.

сударю, Богъ известигъ. А о томъ тебѣ, государю, молю и челомъ бию, что, государь, насъ богомолцовъ твоихъ осиеовскихъ пострижениковъ называетъ всехъ не осиеоляны, но жиловляны. И преподобнаго, государь, Иосифа постригъ Паѳнута чюдотворецъ Боровской своими руками, а Паѳнутья, государь, постригъ старецъ Никита, ученикъ Сергѣя чюдотворца, Иосеу, государь, преподобному свидѣтель житию; преподобнаго Паѳнута чюдотворца по прошенью его и по моленью далъ Богъ дѣду твоему наслѣдника царствию вашему отца твоего, нашего государя царя, великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, а приемникъ его былъ во святѣи купели Касьянъ Босой, ученикъ Паѳнута чюдотворца и собеседникъ старцу Иосеу преподобному, да Даниль архимандритъ Малой Переславской, ученикъ Паѳнута чюдотворца. И къ тому тебя, государя, молю, что, государь, прежь сего при прадеде из Осифова монастыря ¹ были богомолцы ваши власти болшии. Изъ Осифова монастыря при твоємъ государе, при прадеде и при дѣде на Москвѣ былъ Даниль митрополитъ всеа Русіи, въ Ростове на архиепископѣ Касьянъ, братъ Иосеу чюдотворцу, а въ Смоленску Сава Слещушкинъ, а на Коломне Васьянъ Топорковъ, а при отцѣ при твоємъ, при нашемъ государе, въ Новѣгородѣ на архиепископствѣ былъ Феодосѣи, Иосеовъ же постриженикъ, да во Твѣри епископъ Окаѣи, да на Крутицахъ Сава черной, да Неоантъ, да Галактионъ, да въ Смоленску епископъ Гурей Заболоцкой, да въ новомъ просвѣщенномъ царствѣ Казани былъ архиепископъ первой Гурей да Германъ да Лаврентей да Тихонъ да Ерѣмея, да на Крутицахъ Семнонъ, да въ Полоцку Трифонъ архиепископъ. И при твоємъ, государь, при отцѣ, при благовѣрномъ царіи, великомъ Князи Иване Васильевиче тѣмъ архиепископомъ и епископомъ укоризны никакой не бывало и такова неподобнаго слова, еже и мирскимъ челоуѣкомъ гнусна. Милостивый царь государь! покажи милость, вступися; оборони пречистыя домъ отъ такова навѣтнаго и поноснаго слова. Милостивый царь государь! смилуйся».

Мѣсто противника Иосифова Касьяна рязанскаго занялъ такимъ образомъ Иосифлянинъ Леонидъ, какъ видно, пользовавшійся покровительствомъ Макарія, ѣдавшій съ нимъ съ одного блюда. Въ вопросѣ о монастырскихъ отчинахъ Макаріи

¹ Это слово въ рукописи пропущено.

держался взгляда Юсифа Волоцкаго и этотъ взглядъ восторжествовалъ на Стоглавомъ соборѣ, благодаря съ одной стороны вліянію Макарія, съ другой вліянію другихъ членовъ собора, бывшихъ постриженниковъ Юсифова монастыря: къ послѣднимъ, по свидѣтельству челобитной Леонида, принадлежали изъ засѣдавшихъ на Стоглавомъ соборѣ: Феодосій, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова, Гурій, епископъ смоленскій и брянскій, Акакій, епископъ тверской и кашинскій.

Н. Тихонравовъ.

Слово о злыхъ женахъ¹.

Слово стѣхъ шѣцъ. на соудсловаесниковъ. и глѣть по
своей мыслиемъ. на непочитающе стѣго писаниа.
и не приичющие въ богодуховеный книги. ги
бави шѣе.

Горе чѣвкоу томуу. иже всако злое створенне приложитъ къ богу.
а бѣгъ зла ничтоже не створи. ни шербѣтса лѣсть ко оуѣтнѣ его. аще кто
обкрѣте что рече злое ми длазъ. а не разумѣючи яко дивволе естъ дѣ-
ло. а бѣгъ ни смрти не створи. ни рауѣтса ш погикели грѣшны чѣвкъ.
ни на чѣвка лчнны не створи. но створена бы жоука на дѣвола. аще
кто диввола заповѣди творитъ. съ дивволомъ въ жоукоу ш оудитса.
аще кто гна заповѣди творитъ то съ гмь цртвѣеть въ бѣки. мы же
есмы въ винѣ прѣ бгомъ. и сав ш на ражаѣтса ш нашего же зла есткн
исходити изноутри телеснаго. в на же естъ зима и скрежетъ соуво. в на же
зми и черки. а кроучины бх чѣвцѣ .г. жейта. зелена. черна. ш жел-
тыя исходитъ огинамъ волѣзнь. ш зеленыя исхотъ ноутринамъ волѣзнь.
а ш черныя смртъ. а кроучина едѣваютса ш лишнѣ пианьства и спа-
ниа. и женослжнѣ велкаго. аще вы чѣвкъ пиахъ елх въ мѣброу спнз бы

¹ Изъ полууставн. сборника первой половины XVI в., принадлежавшаго Иосифу Волоколам. мон., № 566, л. 528 об.—531 об. Ред.

БЫЛЪ И ДОЛГОЛѢТЕНЪ ВѢКЪ ЕГО. ВѢКЪ ВО ЁСТЬ КОРТОКЪ ГРѢШНИКОМЪ. А МОУКА
 ВѢЧНАЯ БѢ КОНЦА. БОУДИ ЖЕ ВѢКЪ ЧЛѢКЪ ІКОРЪ НА ПОСЛУШАНИЕ А ЛѢНИКЪ
 НА ГЛАНІЕ. ДА ПРИИМЕТЪ ЖИЗНЬ ВѢЧНОУЮ. Ш ГА ПО ДѢЛОМЪ ІКОИМЪ. ПЧЕЛА
 ЛЕТИТЬ НА ЗВОНЪ. А МОУДРЫИ НА ПОЛЕЗНОЕ СЛОВО ИДЕТЬ. ДОБРЪ ЧЛѢКЪ
 ОУХО ПРЕКЛОНЯЕТЪ КАКО СПѢСИСА. А ЛИХВА ОУКЛОНЯЕТСА. ОУТЛА СОУНА НЕ
 МОЧИ НАЛТИ. А БЕЗОУМНАГО НЕ МОЧИ НАОУЧИТИ. КАКО ВО ОУТЛѢ СОУНѢ ЁЗ-
 ДИТИ. ТАКОЖЕ БЕЗОУМНА НАОУЧИТИ. КАКЪ СОУДНО РАЗЛОМЛЕНО СЪСТАВЛИБАТИ.
 ТАКО И БЕЗОУМНИИ ЧЛѢКЪ ВЪ АДѢ НАКАЖЕТСА. ДА НЕ БОУДЕ ЕГОУ ПОЛЪЗЫ
 КЪ ВѢКЪ. ЕГДА ЗАГОРИТСА ХРАМИНА. ЧИМЪ ГАСИТИ; БОДОУ. ЧТѠ БОЛѢ БОДЫ;
 ВѢТѢРЪ. ЧТѠ ГОРѢ ВѢТѢРА; ГОРА ВѢТѢРА НЕ РАДИТЬ. ЧТѠ СИЛНѢЕ ГОРЫ; ЧЛѢКЪ.
 В ГОРОУ КРОПАЕТСА. И ВИДЕТЬ КЪ НЮ И ПОХОДИТЬ. ЧТѠ БОЛЕ МОЖЕТЪ ЧЛѢКА
 ХМЕЛЬ. ТѠИ ШИМЕТЪ РОУКА И НОГА. ЧТѠ ЗАБѢ ХМЕЛЮ СОНЪ; ЧТѠ ЛЮТѢЕ
 ІНА; ЖЕНА ЗЛА. НА МОУЖА. ЧТѠ ПРОТНѢНО ЖЕНѢ РАЗВѢЕ ДРЕВА БЕЗДЪШНАГО;
 ЧРЕДНѢ ЁРО: АЩЕ ВСУДЕТЬ ДОБРА ІНА БОИТСА И ПОСЛУШАЕТЪ. АЩЕ БОУДЕТЬ
 ЛЮТА И НЕ БОИТСА НИ МОУЖА НИ ДРЕВА ЖЕНА ЗЛА НЕ СТЫДИТСА НИКОГОЖЕ НИ
 СТЛА ЖЕ СРАМАЕТСА НИ ШИЮ КЪ ЕГОУ ВОЗВОДИТЬ. НИ ЗАКОНА ЗНАЕТЪ.
 НО БЛА ШОУЖАЕТЪ. НѢ ЗЛОБЫ ПА ЗМИНЫ ЗЛОБЫ РАЗВѢЕ ЖЕНЬСКИИ: ЁРЕ-
 ТИЦА ЗМИИ. И ІКОРОНИИ. ЕХИДА. ТОГО ЗАБѢ ЖЕНА ЗЛА. ЗМИИ ОУВО ИДЕТЬ
 КЪ ЧЛѢКОУ ІНЪ БОИТСА ЁИ. ВѢЖИТЬ Ш НЕП. А ЖЕНА ЗЛА ВОЗЛѢ МОУЖА
 ЛЕЖИТЬ. ДЫШЕТЪ ЗМИЕВЫМЪ ДУХОМЪ. ЧЕРВЪ ДРЕВО ИГОУШИТЬ. А ЖЕНА ЗЛА МОУ-
 ЖА ПОГОУБИТЬ. КАКО ВО ОУТЛѢ ЛОДѢ ЁЗДИТИ. ТАКО І БЕЗОУМНОУ ЖЕНОУ ЖИ-
 ТИ. МОУЧЕ ЖИТИ СО ЛКОМЪ И ЗМИЕМЪ Ё ПОУСТЫНИ. НЕЖЕЛИ І ЖЕНОУ ЛИХОУ.
 СОУПОСТАТІАНОУ. І ПРОКУДИНБОУ. ПЕРВОЕ АДАМА ЖЕНА ПОГОУБИЛА. ІЛИЮ ПРѢКА
 ЖЕНА Ё ПОУСТЫНЮ ЗАГНАЛА. ІША КРТАМЪ ЗВѢРИ Ё ПОУСТЫНИ БОШАНСА. ЖЕНА
 ЗЛА ГЛБОУ ЕГО ОУСЕКНОУЛА. ІША ЗЛОУСТЪ РЧЕ. АЗЪ ВИДѢ КРОТНЫИ
 ВОЕ МЕДѢДИ НОГЕВЕ. А ЖЕНА ЗЛА НЕКРОТНЫИИ ЗВѢРЪ ЁСТЬ. САМАГО
 ША ЗЛОУСТАГО ЖЕНА ЗАГОНЛА КЪ ПОУСТЫНЮ. СОЛОМОНА ПРЕМОУРѢЕ НѢ НА
 ЗЕМЛИ. И ТОГО ЖЕНА ПРЕЛЪСТИЛА. ИДОЛОМЪ СА ПОКЛОНИЛЪ. А ЖЕНЫ ПОСЛУ-
 ШЛЪ. ШЦѢ МЕНЕДРЪ РЧЕ. АЩЕ ЛИ ХОЩЕШИ БѢ ПЕЧАЛИ ЖИТИ НЕ ЖЕНИСА. ЕЛИ-
 КО ТИ ЁСТЬ ТРѢВѢ СДѢРЖАТИ ПЛОТЬ СВОЮ. Ш ПОХОТѢНИИ ЖЕНЬСКАГО. АЩЕ
 КТО ХОЩЕТЪ СЕБѢ НЕ МОГА ОУНАТИ ЖЕНИТИСА ПРЕТѢРПѢХ ДО КОНЦА. ЧТѠ
 ЖИВСУЩЕ СПѢЕТСА А ПОДАВЪ СЕБѢ БОЛУ ПОГОУБИТСА. АЩЕ ТИ СА ПОИМЕТЪ

жена добра то оумъ твой не стронѣса никоудѣ. идеши ли гдѣ плакѣши ли. к поутѣ шествоуеши. ѿ домоу са не печеши. оумъ твой цѣлъ. не забодѣтса ни ѣ чемъ. а коли дома боудеши ѿбродоуешиса о добрѣ женѣ и о дѣтѣхъ своихъ. на чужоу радостѣ не ходи. радѣть твою дома естъ. аще ли комуу жена даѣтса за грѣ. что ти ити на мѣтвца плакатица. а ты дома плачешица по вса дни. аще ти слезы не летать. но рце плачетъ. а к лю шѣ оуныблѣшь. люди всемѣтса. а товѣ рце плачетъ. ѿ домоу своѣмъ печалоуеши. но прольмѣз воды не сграбнѣть. безоумнымъ рече. вѣоу нашемъ слака. всега и ниѣ и прно.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШЕЧАТКИ.

Отд.	страи.	строка.	Напечат.	читай.
I	8	31	Подъ какимъ то	Подъ какимъ бы
II	144	14	не парочно	парочно

2007237189